У стѣнъ недвижнаго Китая

Тяньцзинъ
Пекинъ
Мукденъ

У стѣнъ недвижнаго Китая

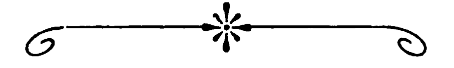
Дневникъ кореспондента „Новаго Края“ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ въ 1900 году

Дмитрія Янчевецкаго

100 портретовъ, 250 рисунковъ-фотографій, 8 фототипій, 2 хромолитографіи и 2 плана
7 рисунковъ художника І. Смукровича

Изданіе П. А. Артемьева

С.-Петербургъ — Портъ-Артуръ

1903

Книга напечатана въ *Типографіи Товарищества Художественной Печати*
(С.-Петербургъ, Англійскій просп., 28).

Фототипіи и хромолитографіи исполнены тамъ-же.

Цинкографическія клише исполнены въ графическихъ заведеніяхъ
Альфонса Брунмана въ *Мюнхенѣ*
Вильяма Гейнемана въ *Лондонѣ*
С. М. Пронудина-Горскаго въ *С.-Петербургѣ.*

Рисунокъ обложки исполненъ китайцемъ-художникомъ *Луань*
въ *Портъ-Артурѣ.*

Войска Бѣлаго Царя въ столицѣ Богдыхана 15 Августа 1900 г.

Фот. д-ра И. Падлевскаго.

„Тв° художеств. печати“

Подъемъ Русскаго Андреевскаго флага
въ Шанхайгуанѣ въ 1900 г.

Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми
до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ
до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?

Пушкинъ 1831 г.

Наши казаки у Великой Китайской стѣны.

Отъ издателя

Императоръ Петръ Великій, основавъ С.-Петербургъ у береговъ Балтійскаго моря, прорубилъ для Россіи окно въ Европу и далъ ей выходъ на просторъ Атлантическаго океана, но проникновенный взоръ Великаго Преобразователя уже тогда устремлялся на Востокъ.

Въ царствованіе Государя Императора Николая II Россія открыла себѣ широкія двери и на Востокъ къ Тихому океану—занятіемъ Портъ-Артура, на берегахъ Желтаго моря, въ 1898 году.

Постройка Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и Маньчжурской желѣзной дороги сковала Портъ-Артуръ съ Петербургомъ непрерывной цѣпью рельсъ и, соединивъ берега двухъ океановъ, положила начало новой исторіи для Восточной Россіи и Сѣвернаго Китая.

Не успѣли русскіе устроить свою новую колонію на Квантунѣ, какъ неожиданно грянуло возстаніе боксеровъ, потрясшее весь Сѣверъ Китая и Маньчжурію, и русскія войска впервые появились „у стѣнъ недвижнаго Китая"—въ Таку, Тяньцзинѣ, Пекинѣ и Мукденѣ.

Въ книгѣ „У стѣнъ недвижнаго Китая" авторъ даетъ, въ большинствѣ случаевъ какъ очевидецъ, описаніе военныхъ дѣйствій русскихъ и союзныхъ войскъ, спасавшихъ европейцевъ изъ очага возстанія боксеровъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ изданіи нашли себѣ мѣсто живыя картины: штурма фортовъ Таку, экспедиціи адмирала Сеймура, эпопеи Тяньцзинской осады, соединеннаго похода международныхъ войскъ на Пекинъ, завершившагося занятіемъ столицы Богдыхана, при штурмѣ которой авторъ былъ проводникомъ рускаго передового отряда.

Для усмиренія Маньчжуріи и спасенія Маньчжурской желѣзной дороги Россія была вынуждена занять своими войсками Маньчжурію и ея столицу—Мукденъ.

Въ книгѣ дано описаніе похода на Мукденъ и изложены первые труды русскихъ по возстановленію въ Маньчжуріи порядка, законности и спокойствія.

Спѣшно написанныя при боевой обстановкѣ отрывочныя кореспонденціи, помѣщенныя въ 1900 году на страницахъ „Новаго Края", приведены нынѣ авторомъ въ стройную систему: путемъ введенія вновь написанныхъ главъ установлена связь событій, самыя же событія получили должное освѣщеніе. Такимъ образомъ передъ читающей публикой впервые появляется законченный историческій очеркъ событій боксерскаго возстанія въ Китаѣ съ момента ихъ возникновенія и со всѣми ихъ послѣдствіями для Россіи до настоящаго времени.

Мы почти не знаемъ, что дѣлается за многовѣковыми стѣнами издавна уединившагося и нынѣ растревоженнаго Европою Китая. А между тѣмъ изъ всѣхъ государствъ, граничащихъ съ Россіею, Китай является нашимъ главнымъ и древнѣйшимъ сосѣдомъ: мы имѣемъ общую пограничную линію на протяженіи 9000 верстъ отъ Ташкента до Владивостока. Добрыя отношенія между Россіей и Китаемъ, 200 лѣтъ не омрачавшіяся ни одною войною, съ каждымъ днемъ становятся болѣе тѣсными, разнообразными и сложными. Будемъ надѣяться, что эти связи останутся неизмѣнно дружественными для блага обоихъ великихъ сосѣднихъ народовъ.

П. А. Артемьевъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первая часть—Тяньцзинъ

Вторая часть—Пекинъ

Третья часть—Мукденъ

Отъ автора

Широкое содѣйствіе, оказанное моему труду Главнымъ Начальникомъ Квантунской области Генералъ-Адъютантомъ Е. И. Алексѣевымъ, дало возможность этой книгѣ появиться на свѣтъ въ томъ видѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она была задумана авторомъ, желавшимъ дать описаніе блестящей дѣятельности русскихъ на Дальнемъ Востокѣ въ пору испытаній.

Два образованнѣйшихъ китайца — компрадоръ Русско-Китайскаго банка въ Портъ-Артурѣ г. Фонъ Вай Хинъ и г. Ливачанъ, вполнѣ сочувствуя изданію книги, написанной въ духѣ вѣковой русско-китайской дружбы, оказали щедрую матеріальную поддержку въ самомъ началѣ изданія.

Иванъ Михайловичъ Фонъ Вай Хинъ.

Слѣдующія лица любезно предоставили въ распоряженіе автора свои колекціи фотографій, снятыхъ во время военныхъ дѣйствій въ Китаѣ: докторъ И. В. Падлевскій, сестра милосердія Люси Пюи-Мутрэйль, подполковникъ 11-го В. С. С. полка Муравьевъ, фотографъ В. С. Мацкевичъ, капитанъ Мошинскій, поручикъ Люповъ, лейтенантъ Родіоновъ, лейтенантъ Бурхановскій, консулъ А. Н. Островерховъ, вице-консулъ П. Г. Тидеманъ, инженеръ В. К. Якобсонъ, Н. К. Эльтековъ и др.,—которымъ авторъ выражаетъ глубокую благодарность.

Изъ всѣхъ книгъ, посвященныхъ иностранными авторами китайской войнѣ 1900 года, выдающимся явилось сочиненіе англійскаго кореспондента Генри Сэвэджъ-Лэндора „China and the Allies", роскошно изданное въ Лондонѣ и дающее наиболѣе точную и безпристрастную хронику событій. Для русскихъ читателей эта книга интересна тѣмъ, что ея авторъ подробно и весьма сочувственно описываетъ труды и значеніе русскихъ въ этой войнѣ.

Съ любезнаго согласія г. Лэндора наиболѣе интересныя иллюстраціи его изданія помѣщены также въ моей книгѣ.

Въ русской литературѣ появились обстоятельныя сочиненія капитана А. В. Полторацкаго, капитана К. К. Кушакова, ротмистра Ю. Л. Ельца, доктора В. Н. Корсакова и—замѣчательный трудъ молодого профессора Владивостокскаго Института Восточныхъ языковъ А. В. Рудакова „Общество Ихэтуань", представляющій не только въ Россіи, но и заграницей первое научное изслѣдованіе вопроса о боксерахъ въ Китаѣ. Указанныя сочиненія послужили мнѣ матеріалами при обработкѣ моего дневника.

Книга „У стѣнъ недвижнаго Китая" не лишена многихъ пробѣловъ и недочотовъ, за которые автора извинитъ китайское изреченіе:

„Въ книгѣ не скажешь всѣхъ словъ—
„Словами не скажешь всѣхъ мыслей.

Дмитрій Янчевецкій

С.-Петербургъ. 1902 г.

Владиміръ Александровичъ Ливачанъ.

Дѣятелямъ
вѣковой
Русско-Китайской
дружбы
Русскимъ и Китайцамъ

посвящается

эта книга

Первая часть

Таньцзинъ

Китайскій фортъ въ Тяньцзинѣ.

Цзуэнь цзуэнь бу сай
Ліу вэй цзянъ хо.
Инь инь бу мей
Янь янь най хо.

Если искру не потушить—
Она разгорится въ пожаръ.
Если ручей не остановить—
Онъ разольется въ море.

Конфуцій

Главный Начальникъ и Командующій войсками
Квантунской области и морскими силами Тихаго океана
Генералъ-Адъютантъ
Вице-Адмиралъ
Е. И. Алексѣевъ

Балъ въ Портъ-Артурѣ

14 Мая 1900 года

Въ воскресеніе 14 мая 1900 г. Вице-Адмиралъ Евгеній Ивановичъ Алексѣевъ, за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ вступившій въ управленіе Квантунскою областью и командованіе войсками и эскадрою, давалъ первый балъ портартурскому обществу.

Это былъ чудный балъ на берегахъ Тихаго Океана... Молодость и красота, чины и заслуги Портъ-Артура, Дальняго и Таліенвана веселились въ живой панорамѣ туалетовъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, смѣющихся лицъ, пронизывающихъ взглядовъ и прекрасныхъ плечъ, въ волнахъ неумолкаемыхъ ласкающихъ звуковъ и въ лучахъ электрическихъ лилій...

Наши моряки.

Единственное украшеніе и утѣшеніе Квантуна—наши дамы явились въ нарядномъ убранствѣ, въ которомъ вкусъ спорилъ съ оригинальностью. Были показаны самыя послѣднія моды Парижа, для чего были опустошены всѣ магазины Артура. На элегантныхъ костюмахъ дамъ было, кажется, больше цвѣтовъ, чѣмъ растительности на всемъ

Домъ Главнаго Начальника въ Портъ-Артурѣ.

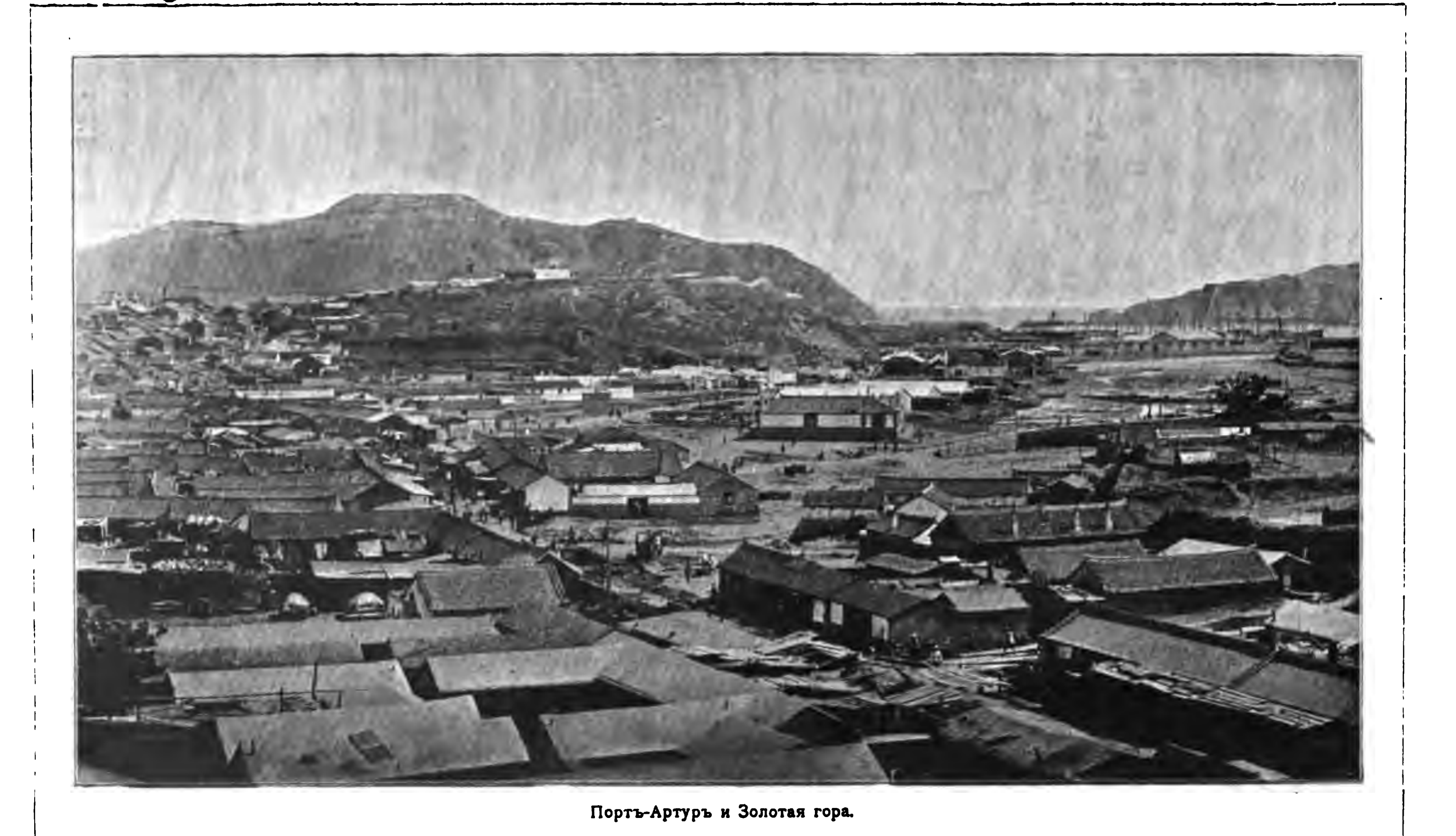
Квантунѣ, и, навѣрное, больше брилліантовъ, драгоцѣнныхъ камней и золота, чѣмъ въ Золотой горѣ.

Я любовался на трехъ изящныхъ грацій, которыя были одѣты въ одинаковые антично-простые костюмы и переносили меня въ міръ Эллады и музъ.

Я видѣлъ передъ собою воздушный туалетъ томныхъ и неуловимыхъ цвѣтовъ, какъ вечеръ въ Нагасаки; или черный туалетъ таинственный и непроницаемый, какъ тропическая ночь; или великолѣпный алый костюмъ цвѣта самой бурной страсти или артурскаго зноя. Предо мной виталъ прелестный нарядъ, усыпанный незабудками, голубой цвѣтъ котораго напоминалъ небо Японіи; или строго выдержанный нарядъ въ розахъ, съ нѣжными красками котораго не могла-бы сравниться Квантунская весна. Для передачи этого красиваго миража, въ который сумѣли облечься портартурскія дамы съ помощью своихъ китайскихъ портныхъ,—у меня не хватаетъ ни словъ, ни умѣнія.

Тѣмъ болѣе я не нахожу въ себѣ никакихъ способностей для описанія наружности, граціи и чарующей любезности музъ и терпсихоръ Ляодунскаго полуострова, прекрасныхъ какъ японскія розы и китайскіе ненюфары.

На балу присутствовали среди гостей: начальникъ Тихо-Океанской эскадры вице-адмиралъ Гильтебрандтъ, младшій флагманъ контръ-адмиралъ Веселаго, командиръ порта контръ-адмиралъ Старкъ, генералъ-маіоръ Стессель, Портартурскій окружный судъ въ полномъ составѣ, начальники отдѣльныхъ частей и управленій.

Портъ-Артуръ и Золотая гора.

Кромѣ того, главнымъ начальникомъ края были приглашены на балъ всѣ каютъ-компаніи и офицеры всѣхъ частей, съ ихъ супругами, представители гражданскихъ, городскихъ и комерческихъ учрежденій и др.

Залъ, гостиная и буфетъ блистали электричествомъ и оживленнымъ обществомъ. Были гости изъ другихъ городовъ. Между прочимъ, былъ талантливый гость изъ Кореи А. И. Павловъ, занимающій тамъ весьма отвѣтственный дипломатическій постъ и получившій первый закалъ еще на палубѣ русскаго военнаго корабля для несенія трудной службы въ горнилѣ Дальняго Востока.

Представительницей сосѣдняго съ Артуромъ города Чифу явилась прекрасная американка съ черными глазами, въ голубомъ платьѣ, пріятный цвѣтъ котораго былъ чище и нѣжнѣе волнъ Печилійскаго залива, доставившихъ эту гостью на балъ.

Мужчины всѣхъ формъ и родовъ оружія, включая нѣсколько меланхолическихъ фраковъ, говорили дамамъ остроумнѣйшія слова въ которыхъ было не меньше соли, чѣмъ въ Бицзывоскихъ соляныхъ варницахъ, и тончайшіе и деликатнѣйшіе комплименты, не уступая въ любезности самымъ ученымъ китайскимъ мандаринамъ, которые также не были забыты внимательнымъ хозяиномъ бала и присутствовали на балу во главѣ съ вновь пожалованнымъ китайскимъ генераломъ Тифонтаемъ, въ дорогихъ шелкахъ самыхъ удивительныхъ цвѣтовъ и узоровъ.

Былъ старшій механикъ Хо, старшина китайскихъ купцовъ Фанъ, компрадоръ Русско-Китайскаго банка Фонъ и др.

Хозяинъ праздника принималъ гостей съ искреннимъ радушіемъ русскаго боярина и никого не забывалъ своимъ вниманіемъ.

Молодежь танцовала съ увлеченіемъ.

Не танцующіе либо размѣстились въ гостиной и буфетѣ, гдѣ прохлаждающіе напитки, вино и шампанское лились тропическимъ ливнемъ, либо укрылись въ палаткѣ, растянутой въ саду за единственными вѣчно зелеными полями Квантуна—карточными.

Изъ зала, по искусственной галлереѣ изъ флаговъ, гости выходили въ фантастическій садъ, сверкавшій тысячами фонарей и электрическихъ лампочекъ, которыя причудливыми линіями извивались по аллеямъ, между цвѣтовъ, на деревьяхъ, отражались въ пруду и освѣщали уединенныя бесѣдки для уединенныхъ бесѣдъ. Чудно былъ иллюминованъ „гротъ нѣжныхъ вздоховъ и невольныхъ признаній“.

БАЛЪ

Тихая ночь, садъ, усыпанный звѣздами электрическихъ огней, гуляющія нарядныя пары, звуки музыки, разнообразное общество, общее оживленіе и веселье—все сливалось въ феерическую картину, которая происходила не въ окрестностяхъ Петербурга или Москвы, но въ 10,000 верстъ отъ нихъ, на концѣ пустыннаго и полудикаго Ляодунскаго полуострова, у волнъ Тихаго Океана.

На этомъ балу были получены тревожныя телеграммы изъ Пекина и Тяньцзина.

— Скажите, пожалуста, — обратился я къ одному молодому иностранному дипломату, бывшему проѣздомъ изъ Пекина,—что такое тамъ у васъ въ Китаѣ происходитъ? Около Пекина боксеры напали на китайцевъ-христіанъ и сожгли ихъ вмѣстѣ съ храмомъ. Въ Вэйхайвэѣ китайцы напали на англійскихъ офицеровъ и двухъ ранили. Что это значитъ?

— Это совершенно ничего не значитъ,—отвѣтилъ дипломатъ,—въ Китаѣ подобные безпорядки происходятъ каждый годъ въ какой-нибудь изъ провинцій, и если имъ придавать значеніе, то въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы оккупировать Китай и держать въ немъ международную армію въ нѣсколько милліоновъ штыковъ во всѣхъ городахъ. Нашъ дипломатическій корпусъ въ Пекинѣ никогда не обращаетъ никакого вниманія на всѣ эти возмущенія. Эти безпорядки въ порядкѣ вещей. Теперь въ Пекинѣ дипломаты гораздо болѣе интересуются любительскими спектаклями и весенними скачками. А посланники собираются выѣзжать на дачу въ Пэйтахо.

— Ну, а если событія усложнятся?—полюбопытствовалъ я.

— Тогда адмиралы сдѣлаютъ морскую демонстрацію въ Таку и вышлютъ интернаціональный десантъ, который сдѣлаетъ веселую военную прогулку въ Пекинъ. Мы устроимъ имъ торжественную встрѣчу съ музыкой и шампанскимъ. Офицеровъ пригласимъ въ число членовъ нашего клуба и будемъ съ ними все лѣто играть въ теннисъ. Осенью десантъ вернется на суда и инцидентъ окончится также, какъ онъ оканчивался раньше.

— Ну, а ваше мнѣніе о нынѣшнихъ китайскихъ безпорядкахъ? — спросилъ я знатнаго китайца - комерсанта въ длинномъ одѣяніи изъ тончайшаго шелка бирюзоваго цвѣта.

— Какіе китайскіе безпорядки?—переспросилъ онъ.

— Тѣ, что теперь происходятъ въ Печилійской провинціи.

— Это другая провинція, которая насъ не касается,—отвѣтилъ коротко китаецъ.

Этотъ волшебный балъ закончился красивымъ котильономъ, программа котораго дѣлаетъ честь его устроителямъ и дирижерамъ, выказавшимъ изобрѣтательность и удивительную неутомимость во время танцевъ.

Въ продолженіе котильона отъ имени хозяина праздника дамамъ были поднесены на память, кромѣ разныхъ котильонныхъ значковъ, лентъ съ надписями, вѣеровъ съ вышитыми русскими военными флагами, изящные золотые сувениры, въ видѣ морскихъ атрибутовъ, кортиковъ, палашей, якорей и т. д.

Послѣдняя фигура котильона была самая эффектная — битва конфетти, въ которой и дамы и кавалеры принимали самое горячее участіе и усердно обсыпали другъ друга импровизированнымъ снѣгомъ, и могли спасаться только съ помощью изящныхъ зонтиковъ, любезно поднесенныхъ дамамъ. Еще ни разу на Квантунѣ не выпадало такъ много снѣга, какъ на этомъ балу. А большой снѣгъ, по китайской примѣтѣ, хорошее предзнаменованіе. Увы! ему не суждено было сбыться.

При звукахъ прощальнаго вальса, среди снѣга и цвѣтовъ, общее оживленіе достигло высшаго напряженія, пары стали кружиться если не съ быстротой тайфуна, то со скоростью маньчжурскихъ поѣздовъ, причемъ, конечно, не обошлось безъ столкновеній, кончавшихся, впрочемъ, какъ всегда, благополучно.

Къ сожалѣнію, „гдѣ есть начало — тамъ непремѣнно есть и конецъ“ — какъ говоритъ китайская поговорка.

Въ 4 часа утра, когда уже свѣтало, гости стали расходиться и разъѣзжаться, прощаясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ, и поэтическій балъ на берегахъ Тихаго Океана кончился.

Ничто не предвѣщало грозы, которая разразилась черезъ три недѣли. Неужели эти статные моряки и стрѣлки, сверкавшіе на балу молодостью и здоровьемъ, не предчувствовали, что черезъ три недѣли имъ придется день и ночь биться около Тяньцзинскаго вокзала и изнемогать отъ жары, голода, жажды и безсилія.

Неужели сердце не подсказало одной изъ этихъ изящныхъ грацій въ нѣжнорозовомъ газѣ, которая беззаботно порхала въ вальсѣ и сіяла своими чарующими улыбающимися глазами, что только черезъ три недѣли она одѣнетъ черное платье горя и слезъ и будетъ убиваться по своемъ безвременно убитомъ юномъ героѣ.

Яшмовая гора и военная гавань.

18 Мая

Изъ Пекина получено извѣстіе, что боксеры разрушаютъ полотно желѣзной дороги на Ханькоу, жгутъ станціи и осадили французскихъ и бельгійскихъ инженеровъ.

Посланники потребовали десантъ для охраны миссій.

16 мая наши суда „Сисой Великій“, „Дмитрій Донской“, „Кореецъ“, „Гремящій“, „Гайдамакъ“ и „Всадникъ“ ушли изъ Портъ-Артура въ Таку подъ флагомъ контръ-адмирала Веселаго. Съ судовъ отправленъ десантъ изъ 72 матросовъ, подъ командою офицеровъ Радена и Дена, которые прибыли въ Пекинъ 18 мая.

Въ Тяньцзинъ посланы 25 казаковъ съ сотникомъ Семеновымъ.

„Гайдамакъ“, „Всадникъ“ и миноноски будутъ поддерживать почтовое сообщеніе между Портъ-Артуромъ и Таку.

Въ Артурѣ ходятъ разные слухи. Военные предсказываютъ, что они скоро будутъ брать Пекинъ, и говорятъ, что если имъ прикажутъ, то они завоюютъ Маньчжурію и весь Китай.

21 Мая

Сегодня въ Пушкинской русско-китайской школѣ торжественно окончили учебный годъ. Эта школа, въ которой я училъ русскому языку около сотни китайцевъ, отъ мала до велика, была однимъ изъ лучшихъ памятниковъ дѣятельности ея основателя—

бывшаго начальника Квантунскаго полуострова генерала Суботича. Адмираломъ Алексѣевымъ она была преобразована и расширена.

На молебенъ въ школу пріѣхалъ адмиралъ Алексѣевъ, только что получившій снова нѣсколько тревожныхъ телеграммъ изъ Тяньцзина. По окончаніи молебна, прощаясь съ китайскими учениками, онъ обратился ко мнѣ:

— Не хотите ли поѣхать въ Тяньцзинъ и Пекинъ и узнать, что тамъ такое происходитъ?

— Слушаюсъ. Когда прикажете выѣхать?

— Вы поѣдете сегодня вечеромъ на военномъ суднѣ, какъ кореспондентъ „Новаго Края“.

— Слушаюсъ, я готовъ.

Когда адмиралъ сѣлъ въ экипажъ, китайцы выбѣжали на улицу и старательно кричали ура вслѣдъ русскому цзянцзюню.

Я собралъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ нѣсколько прощальныхъ словъ покитайски:

— Прощайте, ученики. Будьте здоровы, отдыхайте и черезъ два мѣсяца возвращайтесь снова въ школу! Вы, можетъ быть, слышали, что теперь вокругъ Пекина ихэтуань—боксеры производятъ большіе безпорядки. Помните, что если что-нибудь съ вами случится, то самую надежную защиту и покой вы найдете только въ Портъ-Артурѣ у русскихъ. Прощайте, дѣти! Осенью мы съ вами увидимся опять.

— До свиданія! до свиданія!—закричали дѣти порусски.

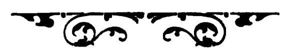
Увы! этихъ милыхъ довѣрчивыхъ дѣтей мнѣ болѣе не суждено было видѣть.

Я простился съ редакторомъ портартурской газеты „Новый Край“ подполковникомъ Артемьевымъ, у котораго состоялъ помощникомъ, и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Вечеромъ я навѣстилъ моихъ друзей-китайцевъ, которые дали мнѣ рекомендательныя письма въ Тяньцзинъ и Пекинъ.

Дипломатическій чиновникъ, состоящій при адмиралѣ Алексѣевѣ, И. Я. Коростовецъ любезно далъ мнѣ рекомендательныя письма въ русскую миссію въ Пекинѣ.

Отходъ „Гайдамака“ въ Таку былъ назначенъ на другой день въ 6 часовъ утра.

Международная эскадра въ Таку.

Таку

22 Мая

Хронометры, артиллеристы и моряки, какъ извѣстно, отличаются одинаковой точностью и акуратностью. Поэтому, когда я съ легкимъ походнымъ багажомъ былъ въ 6 часовъ утра доставленъ проворнымъ перевозчикомъ—джинрикшей на набережную бассейна военныхъ судовъ, минный крейсеръ „Гайдамакъ“ уже снялся съ якоря и выходилъ изъ гавани.

Я прыгнулъ въ шампунку—яликъ, и китаецъ-шампунщикъ, быстро и ловко ворочая однимъ весломъ, укрѣпленнымъ веревкой на кормѣ шампунки, повезъ на встрѣчу выходящему крейсеру.

Матросы спустили трапъ и уже на ходу судна приняли меня на бортъ. Я представился командиру капитану 2 ранга Соболеву и познакомился съ офицерами.

Жаркое сверкающее утро. Синія воды

Китайцы шампунщики.

еще не проснулись и чуть бороздились набѣгающими струйками соннаго вѣтра. Но гавань уже очнулась. На пароходахъ подъ разными флагами уже стучали и визжали лебедки. Кричали матросы. Китайцы-мореходы на расписныхъ крутобокихъ джонкахъ-шаландахъ, съ поднятыми кверху кормами и носами, съ красными трепещущими флажками на мачтахъ, дружно поднимали рыжій промасленый парусъ и съ каждымъ подъемомъ хоромъ вскрикивали. Съ западной стороны бассейна, гдѣ находится пристань морского пароходства и вокзалъ строящейся Маньчжурской желѣзной дороги, доносился лязгъ стукающихся вагоновъ и свистки первыхъ вѣстниковъ цивилизаціи въ Маньчжуріи—паровозовъ.

Прямо противъ узкаго прохода въ море надъ городомъ подымалась Яшмовая гора, красивая и стройная, какъ грудь женщины. По странному недоразумѣнію французы, а затѣмъ русскіе, вопреки изящному китайскому названію Бай-Юй-Шань „Бѣло-яшмовая гора", стали ее называть Перепелочной, хотя на ней давно нѣтъ никакихъ перепелокъ, какъ нѣтъ впрочемъ и яшмы.

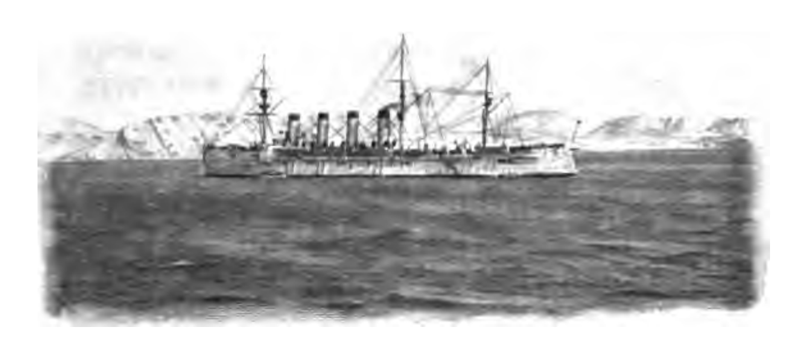
Два бѣлыхъ остроконечныхъ камня на горѣ, поставленные одинъ выше другого, указываютъ судамъ створъ, по которому они должны входить въ гавань въ узкомъ проходѣ, между Тигровымъ хвостомъ и Золотой горой.

Этимъ проходомъ мы выходимъ въ море. Направо и налѣво торчатъ острыя красныя слоистыя скалы, выпертыя со дна моря вулканическими потрясеніями. Направо и налѣво батареи. У молчаливыхъ, но грозно глазѣющихъ орудій, подъ деревянными зонтиками, стоятъ часовые съ обнаженными шашками и посматриваютъ на проходящее судно.

Трехплечая или трехголмная Желто-золотая гора, китайская „Хуанъ-Цзинь-Шань", высоко уходя къ небу, разставила надъ городомъ свои надежныя каменныя объятія. Въ теченіе многихъ вѣковъ разные народы хозяйничали на этой горѣ: китайцы, чжурчжени, монголы, маньчжуры и японцы. Теперь ею командуютъ русскіе и ея утесы и скрытыя въ нихъ батареи являются вѣрной защитой для разбросаннаго внизу юнаго русскаго города.

Будемъ надѣяться, что, когда пробьетъ роковой часъ, Золотая гора въ Портъ-Артурѣ узнаетъ участь не менѣе славную, но болѣе счастливую, чѣмъ Малаховъ курганъ въ Севастополѣ.

Мы вышли изъ прохода на рейдъ, гдѣ стояли два корабля: стройный двухтрубный „Адмиралъ Корниловъ" и величественная великолѣпная „Россія", красивая эмблема славы и силы своего

„Россія“ у береговъ Портъ-Артура.

государства. Ея четыре громадныхъ трубы напомнили мнѣ о тѣхъ четырехъ странахъ свѣта, по которымъ необъятная и неудержимая Россія шире и могущественнѣе раздвинулась за одну тысячу лѣтъ своей исторіи, чѣмъ другія государства за нѣсколько тысячелѣтій своей жизни.

Мы быстро идемъ въ море, на юго-западъ, въ Таку. Берегъ долго виденъ. Тянется пустынный, зазубренный, съ желтыми скалами, едва окрашенными чахлой травкой, Тигровый хвостъ, пригвожденный на концѣ бѣлымъ маякомъ, — и послѣдній уголокъ Россіи на азіатскомъ материкѣ скрылся въ голубой дали.

Кругомъ ясное небо. Теплый воздухъ. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ берегамъ Чжилійской провинціи, тѣмъ болѣе мутнѣютъ бирюзовыя волны Чжилійскаго залива, смѣшиваясь съ иломъ, который вѣками выбрасываютъ рѣки великой китайской равнины— Желтая, Бѣлая и Ляо: покитайски Хуанхэ, Байхэ и Ляохэ.

Въ 11 часовъ утра въ каютъ-компаніи подали завтракъ. Старшій офицеръ лейтенантъ, князь Кр***, остроумный и интересный собесѣдникъ, философски настроенный, жаловался:

— Знаете-ли вы, кореспондентъ, что такое служба на минномъ крейсерѣ, на которомъ вы теперь идете? Знаете-ли вы, что наша служба на этомъ почтово-пассажирскомъ пароходѣ самая трудная, безпокойная, отвѣтственная и самая неблагодарная, чѣмъ на всѣхъ другихъ судахъ эскадры? Мы не имѣемъ ни дня, ни ночи спокойной, потому что каждую минуту насъ могутъ послать изъ Артура въ Таку и изъ Таку въ Артуръ съ почтой и паке-

тами чрезвычайной важности. Если нужно кого-нибудь или что-нибудь перевезти, посылаютъ насъ. Если боксеры уничтожатъ телеграфъ въ Тонку, что весьма вѣроятно, то наши крейсера будутъ главною связью между эскадрой, десантомъ и Артуромъ. Отъ своевременной передачи нами экстренной депеши можетъ зависѣть участь цѣлаго отряда. Когда мы въ ходу, мы не можемъ имѣть никакого спокойствія: вы видите, какъ насъ качаетъ.

Точно въ подтвержденіе словъ лейтенанта, „Гайдамакъ“ сталъ усиленно раскачиваться на Печилійскихъ волнахъ. Супъ началъ плескаться въ тарелкахъ.

„Адмиралъ Корниловъ“.

— Когда-же мы стоимъ на этомъ суденышкѣ въ Таку,—продолжалъ старшій офицеръ,—такъ это истинное мученіе. Вода въ Такускомъ рейдѣ ничѣмъ не защищена отъ вѣтровъ и вѣчно болтается. Нельзя принять ни одного положенія, допускаемаго вашимъ тѣломъ, чтобы это было для васъ удобно. Нельзя ни сидѣть, ни лежать, ни спать, ни стоять. Васъ подбрасываетъ во всѣ стороны. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ все время ходить балансируя по палубѣ, какъ акробатъ по канату. А между тѣмъ, какъ ни стараться, на нашей трудной, черной, неэффектной и неблагодарной службѣ нельзя заработать Георгія. Это не крѣпости брать, хотя каждый изъ насъ сумѣетъ это сдѣлать нисколько не хуже, чѣмъ всякій другой офицеръ. И такъ мы будемъ болтаться и терзаться цѣлое лѣто, пока не окончится вся эта китайская комедія.

— Но какъ-бы эта комедія не превратилась въ трагедію?—замѣтилъ я.

— Тѣмъ лучше. И тѣмъ больше шансовъ для насъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь непріятельскимъ судномъ и пустить его на воздухъ, если, конечно, мы не взлетимъ раньше сами.

„Гайдамакъ“ быстро шелъ на западъ, дѣлая по 15 миль въ часъ.

Къ вечеру вѣтеръ усилился. Бурыя волны со свистомъ и завываніемъ бросались на судно, то нагоняли, то опережали его,

то кидали изъ стороны въ сторону и снопомъ брызгъ обливали его бока.

Я легъ въ каютѣ, но отъ качки сталъ неистово вертѣться и болтаться на койкѣ, будто изъ меня сбивали сливки. Я взобрался снова на палубу и, дѣлая безъ всякаго желанія веселые прыжки и поклоны, каждую минуту убѣждался въ справедливости словъ лейтенанта.

— Неужели въ этомъ заливѣ всегда такъ качаетъ?—спросилъ я одного изъ офицеровъ.

— Нѣтъ, сегодня еще сравнительно тихая погода,—отвѣтилъ онъ.

— Благодарю покорно!

Въ 6 часовъ вечера на аломъ горизонтѣ заката стали вырисовываться суда международной эскадры и въ 7 часовъ, среди иностранцевъ, ясно показались очертанія родныхъ судовъ—„Сисоя Великаго“ и „Дмитрія Донского“.

„Гайдамакъ“ повернулъ къ адмиральскому кораблю „Сисой Великій“.

Морская демонстрація! какая рѣдкая и странная, но красивая картина.

На протяженіи 10 миль собралось 22 судна девяти державъ. Ближайшія суда отчетливо чернѣли своими реями, флагами, орудіями, рубками, матросами. Далекія суда ускользали изъ вида. Наступила ночь, заблистали иллюминаторы и зажженные фонари точно звѣздочки повисли въ воздухѣ. Доносился неясный шумъ командъ, музыки. Паровые катера и барказы точно чайки носились между морскими исполинами, которые, едва покачиваясь, лежали черными огромными китами на мутной безпокойной водѣ.

„Дмитрій Донской“.

Вотъ англійскіе гиганты: броненосецъ „Centurion“ подъ флагомъ вице-адмирала Сеймура, крейсера „Orlando“ и „Endymion“.

Тамъ друзья-французы. Крейсеръ „Descartes“, мощныхъ очертаній, съ странными низкими и широкими трубами, точно съ двумя головами, и крейсеръ „D'En-

trecasteaux", офицеры котораго вѣроятно вспоминали бурный альянсъ и жаркія объятія своихъ русскихъ товарищей въ Портъ-Артурѣ, во время ихъ визита въ нашъ портъ, за три недѣли. На крейсерѣ „D'Entrecasteaux" флагъ контръ-адмирала Куржоль.

Германскій крейсеръ „Kaiserin - Augusta". Австрійскій—„Zenta". Итальянскіе „Elba" и „Calabria". Японскій „Kassagi" и американскіе „Monocacy" и „Newark". Въ сторонѣ стоялъ китайскій крейсеръ „Хай-Тѣнъ", подъ флагомъ контръ-адмирала. Какъ-то странно было видѣть китайца среди союзниковъ, ополчившихся на китайцевъ.

По рѣшенію адмираловъ, на китайскомъ крейсерѣ были сняты нѣкоторыя части машины и замки у орудій.

На трехъ судахъ были видны флаги, красивые по простотѣ и идеѣ: синій андреевскій крестъ на бѣломъ полѣ. Это были—„Сисой Великій", „Дмитрій Донской" и „Всадникъ", который жестоко бился на зыби. На горизонтѣ стоялъ „Гремящій", а въ рѣкѣ Пэйхо „Кореецъ".

Въ рѣкѣ изъ иностранцевъ стоялъ—англичанинъ „Algerine", нѣмецъ „Iltis" и японецъ „Atago". Кромѣ броненосцевъ и крейсеровъ на рейдѣ находились—два англійскихъ истребителя миноносцевъ, одна англійская военная яхта и французская лодка „Surprise".

Ни береговъ, ни фортовъ Таку не было видно. Это грандіозное собраніе судовъ международной эскадры качалось въ открытомъ морѣ. Это былъ веселый вооруженный лагерь, съ 10,000 штыковъ, плававшій на водѣ и имѣвшій своею цѣлью смѣло угрожать 400 милліонамъ китайцевъ.

Къ сожалѣнію, къ китайцамъ никакъ нельзя было подобраться поближе. Вслѣдствіе мелководія залива, большія суда должны держаться верстахъ въ 20 отъ устья Пэйхо, именуемаго Таку и защищеннаго фортами. Кромѣ того, чтобы войти въ рѣку, необходимо перебраться черезъ баръ — песчаную илистую отмель, которая доступна для низко сидящихъ судовъ только въ приливъ.

Другихъ мѣстъ для высадки десанта, кромѣ устья рѣкъ Пэйхо и сосѣдней Бэйтанхэ, охраняемой первоклассной крѣпостью Бэйтанъ,—въ этомъ районѣ не имѣется.

Совершенно стемнѣло, когда мы подошли къ адмиральскому кораблю „Сисой Великій". Спустили шлюпку, въ которую забрался и я. Матросы дружно выгребали и черезъ нѣсколько скачковъ по волнамъ мы были уже у трапа „Сисоя Великаго", но пристать

къ нему не было никакой возможности. Шлюпка ежеминутно взлетала кверху и падала. Мигъ... и одинъ изъ насъ уже былъ въ водѣ, но такъ какъ каждый морякъ чувствуетъ себя въ водѣ

Контръ-адмиралъ М. Г. Веселаго.

также удобно, какъ и въ воздухѣ, то онъ даже не поморщился и подхваченный матросами взобрался на трапъ.

Наступилъ мой чередъ... Желѣзныя руки матросовъ крѣпко ухватили меня за ноги, руки, плечи и голову и вмѣстѣ съ моими

чемоданами я полетѣлъ на трапъ, гдѣ меня подхватили уже другія дюжія руки. Испытаніе кончилось. Мы на броненосномъ кораблѣ, въ покоѣ, комфортѣ и въ гостяхъ у радушнаго адмирала Веселаго.

— Когда я пришелъ сюда на „Сисоѣ", въ сопровожденіи „Донского", „Гремящаго", „Корейца", „Всадника" и „Гайдамака",—разсказывалъ адмиралъ—на этомъ рейдѣ я засталъ только два иностранныхъ корабля. Потомъ стали подходить другіе. Большое вниманіе намъ оказалъ адмиралъ Сеймуръ. Когда онъ пришелъ на своемъ броненосцѣ „Центуріонъ", то, проходя мимо русскихъ судовъ, онъ приказалъ играть нашъ народный гимнъ. Своего вниманія къ русской эскадрѣ онъ не ограничилъ этимъ. Хотя онъ старше меня въ чинѣ—онъ вице-адмиралъ—но онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, на который я сейчасъ-же отвѣтилъ. На другой-же день послѣ прихода на этотъ рейдъ, согласно полученнымъ мною инструкціямъ, я отправилъ въ Таку десантъ на баржахъ, буксируемыхъ пароходомъ и сопровождаемыхъ „Корейцемъ". Нашъ десантъ состоялъ изъ 75 человѣкъ матросовъ съ „Сисоя" и „Наварина", 30 казаковъ и 40 лошадей, при одномъ орудіи. Кромѣ того съ нашими буксирами я отправилъ французскій десантъ въ 100 человѣкъ и итальянскій въ 36, съ итальянской пушкой. Послѣ отправки десантовъ французы и итальянцы пріѣзжали благодарить меня за оказанное имъ содѣйствіе. Раньше въ Пекинъ былъ отправленъ международный десантъ изъ 75 англичанъ, 75 американцевъ, 60 германцевъ, 50 австрійцевъ и 30 японцевъ, причемъ у американцевъ, австрійцевъ и англичанъ было по своему орудію. Подъ общимъ начальствомъ нашего военнаго агента полковника Вогака, этотъ десантъ двинулся по рѣкѣ Пэйхо на баржахъ до Тяньцзина, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Пекина, куда прибылъ благополучно. Вогакъ вернулся въ Тяньцзинъ, гдѣ оставлены наши казаки. Изъ Пекина и Тяньцзина я имѣю очень нехорошія извѣстія. Вокругъ столицы полное возмущеніе. Иностранцы и желѣзная дорога въ опасности. Около Тяньцзина наши казаки уже дрались съ боксерами, выручая французскихъ инженеровъ. По слухамъ, есть раненые и убитые. Французы и бельгійцы, бѣжавшіе изъ Баодинфу по рѣкѣ въ джонкахъ, съ женщинами и дѣтьми, имѣли стычку съ боксерами, которые перебили 16 европейцевъ. Только 5 спаслись и добрались до Тяньцзина. Въ этомъ городѣ неожиданно сгорѣлъ англійскій банкъ. Предпола-

гаютъ, что это дѣло рукъ китайской прислуги, которая дѣйствуетъ заодно съ боксерами. Странный случай былъ также съ тѣмъ десантомъ изъ русскихъ, французовъ и итальянцевъ, которыхъ я отправилъ въ Таку. Когда десантъ на баржахъ сталъ входить въ рѣку, съ китайскихъ фортовъ раздались выстрѣлы. Какіе это были выстрѣлы и противъ кого направлены—неизвѣстно. Оптимисты говорятъ, что это были салюты. Но я полагаю, что если-бы китайцы стрѣляли болѣе мѣтко, они могли-бы безъ труда пустить всѣ баржи съ десантами ко дну и потомъ извиняться, что ихъ салютаціонные выстрѣлы въ честь иностранцевъ были такъ несчастливы.

— Зато посмотрите,—продолжалъ адмиралъ—какое эффектное зрѣлище представляетъ теперь нашъ рейдъ,—адмиралъ всталъ и вышелъ на балконъ своего помѣщенія.

— Какая иллюминація! Какое оживленіе! Неправда-ли настоящій парижскій бульваръ ночью!

Видъ былъ дѣйствительно чудный! На потемнѣвшей равнинѣ моря цѣлыя созвѣздія электрическихъ огней. Огни на мачтахъ, на реяхъ. Огненныя многоточія иллюминаторовъ рисовали силуэты грандіозныхъ судовъ, между которыми перебѣгали огоньки катеровъ и шлюпокъ. На горизонтѣ вспыхивали длинные яркіе лучи и кидали на облака быстрыя лунныя пятна.

— Это нашъ телеграфъ,—сказалъ адмиралъ,—геліографія. Мы передаемъ сигналы на облакахъ съ помощью электрическихъ лучей „Гремящему“, который стоитъ у бара, а „Гремящій“ передаетъ такимъ-же путемъ „Корейцу“, стоящему въ рѣкѣ. Такимъ образомъ мы можемъ моментально и просто переговариваться другъ съ другомъ, на протяженіи болѣе 25 верстъ. А иногда „Кореецъ“ даже прямо принимаетъ сигналы, которые мы ему подаемъ на небѣ, хотя для насъ онъ стоитъ подъ горизонтомъ.

— Но вѣдь другіе союзники также обмѣниваются сигналами. Какимъ образомъ среди этого огромнаго собранія судовъ не происходитъ путаницы?

— Каждая нація имѣетъ свою собственную азбуку сигналовъ, неизвѣстную ни для какой другой націи. Въ этомъ и состоитъ искусство, чтобы среди множества сигналовъ уловить адресованную вамъ депешу.

Въ 12 часовъ ночи, когда я бесѣдовалъ въ каютъ-компаніи со знакомыми офицерами, вошелъ красивый молодой лейтенантъ съ живыми синими глазами и рыжими усами, только что смѣ-

нившійся съ вахты. Это былъ Евгеній Николаевичъ Бураковъ, мой старый знакомый по Ревелю. Мы дружески встрѣтились и разговорились. Офицеры разошлись по каютамъ. Мы остались вдвоемъ въ каютъ-компаніи. Наше общество раздѣляла только бутылка хорошаго Редерера.

— Помните, кореспондентъ, какъ мы съ вами встрѣчались въ Ревельскомъ Екатеринентальскомъ Салонѣ на балахъ и спектакляхъ, и вмѣстѣ увлекались одной изящной смуглой адмиральской дочкой, съ знойными глазами цыганки и холоднымъ сердцемъ Снѣгурочки?—спросилъ Бураковъ.

— Я только помню, что не смотря на постоянный холодъ сердца этой Снѣгурочки, я всегда безнадежно таялъ передъ нею. Ваше же присутствіе меня только морозило, потому что вы всегда оставляли меня за флагомъ.

— Въ такомъ случаѣ мы съ вами остались вдвоемъ за флагомъ, такъ какъ рекордъ на ея сердце уже побитъ капитаномъ второго ранга.

— Что не мѣшало ему быть у дамъ всегда въ первомъ рангѣ.

— Я очень радъ,—перебилъ Бураковъ,—что вы ѣдете въ самое жерло боксерскаго вулкана. Это очень полезно для молодого человѣка. Я буду очень доволенъ, если вспыхнетъ война, и непремѣнно постараюсь попасть въ авангардъ нашихъ дѣйствій. Думаете, легко намъ здѣсь болтаться на рейдѣ, выстаивать эти ужасныя вахты, и ждать у моря, дѣйствительно у моря—погоды, чувствуя, что тамъ на берегу нынѣ совершается что-то великое, чрезвычайное, можетъ быть первый раскатъ китайскаго грома и пробужденіе отъ вѣкового сна страшнаго дракона. Мы всѣ рвемся въ бой, впередъ, а между тѣмъ принуждены стоять неподвижно на якорѣ, ѣсть консервы, пить вино, жить слухами и томиться отъ тоски, скуки и бездѣятельности. Мы и берега не видимъ и въ море не идемъ, а качаемся на этой пустынѣ между небомъ и водой.

„Мы, военные, нуждаемся въ войнѣ, какъ природа въ грозѣ: безъ нея мы обезцвѣчиваемся, вянемъ, тоскуемъ и становимся чиновниками. Совершенно справедливо сказано, что война рождаетъ героевъ. Только трудъ, борьба и рискъ создаютъ сильные характеры. Хотя въ нашихъ канцеляріяхъ много работаютъ, но онѣ не создаютъ героевъ, такъ какъ слишкомъ занимаются борьбою узкихъ интересовъ и мелкихъ самолюбій и честолюбій. Герои могутъ возродиться только либо на залитомъ потомъ и кровью полѣ, на бушующихъ волнахъ или на непріятельской стѣнѣ, гдѣ идетъ бой за жизнь или смерть. Теперь наша молодежь такъ зарылась въ

своихъ канцеляріяхъ и бумажныхъ дѣлахъ, что на міръ смотритъ только съ точки зрѣнія своихъ портфелей и въ разговорахъ можно всегда услышать слово карьера, но слова Россія или отечество—очень рѣдко. Кажется, у насъ верхомъ карьеры считаютъ

„Сисой Великій".

полученіе большого оклада или выгодной командировки, не заботясь о томъ, полезна или безполезна эта командировка для государства, и не думая о томъ, что гражданинъ можетъ оказать такія услуги государству, за которыя оно не будетъ въ состояніи отплатить никакимъ вознагражденіемъ, такова, напримѣръ, смерть Сусанина. Есть подвиги дороже жизни. Какой подвигъ—принести себя въ жертву народу или его части, если ей грозитъ опасность, и своей единичной смертью дать жить многимъ.

„У меня есть предчувствіе, что если теперь грянетъ война, я брошусь въ огонь и паду однимъ изъ первыхъ. Но я не боюсь смерти. Жизнь дала мнѣ такъ много свѣтлыхъ, счастливыхъ дней, что я не могу требовать лучшаго, а ждать худшаго я тоже не хочу. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не рѣшиться на дѣйствительно великое дѣло—рискнуть своею жизнью во имя идеи и гражданскаго долга. Поэтому,—прибавилъ онъ, наливъ вина и заблиставъ глазами—выпьемъ за торжество смѣлыхъ и благородныхъ идей!

— Я пью за торжество вашей идеи и за вашу славу! вы какъ истинный артистъ на сценѣ чувствуете страхъ и тревогу передъ своимъ тріумфомъ.

Свѣтало. Мы крѣпко пожали другъ другу руки и больше я Буракова не видѣлъ.

Черезъ 12 дней онъ былъ убитъ на „Корейцѣ“ при штурмѣ фортовъ Таку.

23 Мая

Проведя ночь на гостепріимномъ „Сисоѣ“ и отправивъ первую кореспонденцію въ Портъ-Артуръ, въ 5 часовъ утра я долженъ былъ ѣхать дальше. Меня встрѣтилъ на палубѣ мичманъ З. который былъ очень удивленъ, что я отправляюсь въ путь безъ оружія.

— Какъ? вы ѣдете на войну безъ револьвера? чѣмъ же вы будете защищаться въ случаѣ опасности? Какой же вы кореспондентъ? Стенли и Ливингстонъ, отправляясь въ походъ, были всегда вооружены съ ногъ до головы.

— Но я совершенно не собираюсь съ кѣмъ-нибудь драться. Я ѣду писать кореспонденціи, а не сражаться.

— На васъ могутъ напасть боксеры. Что вы тогда будете дѣлать съ вашими перьями?

— Я еще объ этомъ не думалъ, но во всякомъ случаѣ никогда не буду стрѣлять въ боксеровъ, такъ какъ весьма уважаю этихъ патріотовъ своей родины. Полагаю, что если суждено быть убитымъ, то мнѣ даже 12-дюймовая пушка не поможетъ.

— Нѣтъ, это никуда не годится. Вы можете скомпрометировать ваше званіе кореспондента. Вы должны имѣть оружіе. Я вамъ подарю.

Мичманъ З. ушелъ въ свою каюту и вернулся съ револьверомъ.

— Вотъ вамъ на память отъ меня хорошій Смитъ и Вессонъ и пачка патронъ. Пусть они васъ сохранятъ въ опасную минуту.

Я поблагодарилъ и на всякій случай положилъ мое оружіе на самое дно чемодана.

Такъ какъ въ то же утро въ Пекинъ былъ командированъ курьеромъ лейтенантъ Бурхановскій, то меня вмѣстѣ съ важными пакетами отъ адмирала Алексѣева сдали ему для доставки по назначенію.

Минный крейсеръ „Всадникъ“, братъ „Гайдамака“ по виду и типу, повезъ насъ на „Гремящій“.

Утро блистало. Суда международной эскадры просыпались одно за другимъ. Раздаются команды, рожки, свистки. На адмиральскихъ

корабляхъ взвиваются пестрые сигнальные флаги и переговариваютъ съ флагами подчиненныхъ судовъ.

Кругомъ эскадры стоятъ купцы—комерческіе пароходы, снабжающіе эскадру углемъ и продовольствіемъ. Между броненосцами снуютъ буксиры, которые тащатъ за собой баржи и джонки съ углемъ, мясомъ, зеленью, живностью, виномъ, консервами и всѣмъ, что заказываетъ эскадра.

Судя по тому, какъ много баржъ съ провіантомъ собралось вокругъ „Центуріона" и „Эндиміона," можно предполагать, что англичане страдаютъ самымъ большимъ апетитомъ не только политическимъ, но и гастрономическимъ.

Полуодѣтые загорѣлые китайцы-кули, подъ командою иностранныхъ капитановъ, суетятся на баржахъ и живо переносятъ привезенный грузъ на корабль или длинной вереницей карабкаются по узкому трапу и въ грязныхъ корзинкахъ тащатъ каменный уголь, задыхаясь въ клубахъ угольной пыли и возвращаясь съ военнаго судна чорными неграми.

Мы подошли къ „Гремящему". Бурхановскій передалъ командиру капитану 2 ранга Миклашевскому адресованные ему пакеты. „Гремящій" стоялъ возлѣ плавучаго маяка, указывающаго входъ въ рѣку Пэйхо; около нашей канонерки стояла англійская „Вайтингъ". Мы сѣли на барказъ и направились къ „Корейцу".

Безпокойныя волны рейда мѣшали намъ быстро двигаться. Бурхановскій рѣшилъ достать одинъ изъ тѣхъ буксировъ, которые возвращались отъ эскадры въ Тонку. Однако на наши сигналы платкомъ и крики никто не обращалъ вниманія: всѣ заняты своимъ дѣломъ и никому нѣтъ дѣла до другихъ.

Наконецъ, одинъ буксиръ съ капитаномъ-англичаниномъ повернулъ въ нашу сторону. Бурхановскій крикнулъ капитану:

— Do you go to Tongku?

— Yes.

— Will you take me on board and go to the Russian man-of-war in the river?

— All right!

— How much do you want?

— 35 dollars.

— All right!

— Вы идете въ Тонку?

— Да.

— Возьмите меня на бортъ и доставьте на русское военное судно въ рѣкѣ.

— Ладно.

— Сколько денегъ вы хотите?

— 35 долларовъ.

— Ладно.

Буксиръ принялъ насъ и мы пошли быстро. Эскадра пропадала изъ глазъ.

— How is the water at the bar?

— There is no water at all. It is very bad to cross the bar. Two feet. No more.

— Какова вода на барѣ?

— На барѣ совсѣмъ нѣтъ воды. Переходить баръ будетъ очень плохо. Не болѣе двухъ футовъ глубины,—отвѣтилъ капитанъ.

Показалось мутное бѣлесоватое дно бара-отмели, которая здѣсь имѣетъ не болѣе 9 и рѣдко 11 футовъ глубины при высокой водѣ и только $1^1/_2$ фута при низкой. Нашъ буксиръ раза три зацѣпилъ за песокъ и мы стали.

Капитанъ и его китайская команда засуетились. Потащили насъ въ обратную сторону, дернули направо, налѣво и наконецъ мы благополучно перелѣзли черезъ баръ.

Устье Пэйхо.

Пэйхо

Передъ нами устье знаменитой китайской Невы, ведущей къ Небесной столицѣ. Это Бѣлая рѣка—Байхэ, переименованная европейцами, не церемонящимися съ китайскими названіями, — въ Пэйхо.

Это—великая рѣка Чжилійской провинціи, впадающая въ Чжилійскій заливъ, также посвоему названный европейцами Печилійскимъ, несмотря на то, что китайцы зовутъ и заливъ и прибрежную область просто Чжили.

Хотя китайцы дали своей столичной рѣкѣ, льющейся на протяженіи 750 ли (ли—полверсты), имя Бѣлой, но она уже давно несетъ такія бурыя струи охры, что ее было бы справедливѣе именовать Шоколадной или Кофейной.

Направо и налѣво тянутся низкія длинныя линіи фортовъ. Только черныя точки орудій, старательно покрытыхъ чехлами, флагштоки и деревянные грибы для часовыхъ напоминаютъ, что здѣсь скрываются батареи. Но ни часовыхъ, ни прислуги при орудіяхъ не видно. На фортахъ мертво.

Ширина рѣки не болѣе 50 саженъ. Разстояніе между фортами около 100 саженъ.

Входимъ въ рѣку. Встрѣчаются англійскіе, американскіе и японскіе грузовики, угольщики, китайскія шаланды, шампунки, военные катера.

У праваго берега стоятъ четыре новенькихъ китайскихъ дистройера—истребителя миноносцевъ.

— Видите вы этихъ истребителей китайскихъ казенныхъ денегъ?—спросилъ капитанъ—они шесть мѣсяцевъ ремонтировались въ докѣ, только что вышли изъ дока и, вѣроятно, скоро опять вернутся въ докъ. Это гораздо выгоднѣе для мандариновъ. А что касается фортовъ, то я никогда не видѣлъ, чтобы китайцы снимали чехлы со своихъ пушекъ. Они говорятъ, что боятся производить ученіе со своими орудіями, чтобы нечаянно не попасть въ какую-нибудь проходящую китайскую джонку.

Пристань въ Тонку.

Какіе нелюдимые, низкіе и опустившіеся берега, поднявшіеся изъ моря, по словамъ геологовъ! Линія горизонта воды и суши сливается.

Издали видны китайскіе глинобитные желтосѣрые домики, большіе таможенные пакгаузы, склады, мастерскія, китайское адмиралтейство и пристань, заваленная ящиками и тюками. Зеленый тростникъ и тощія ивы нѣсколько ласкаютъ глазъ, утомленный лучами солнца, блескомъ неба, блескомъ воды и песчаной равнины, которая теряется за горизонтомъ.

Эта пустыня нѣсколько оживляется видомъ китайскихъ могилъ и кучъ морской соли.

Это преддверье Тяньцзина и вѣковой милліонной столицы.

Устье Пэйхо носитъ общее названіе Дагу по китайски или Таку по европейски. Восточный городокъ, расположенный на лѣвомъ берегу

рѣки, съ пристанью и станціей Китайской Императорской желѣзной дороги, ведущей черезъ Тяньцзинъ на Пекинъ, называется Дунгу или Тонку. Западный городокъ съ заводами и мастерскими называется Сигу или Сику.

Отъ Тонку другая линія желѣзной дороги идетъ вдоль Чжилійскаго залива на Шанхайгуань до Инкоу.

Пэйхо дѣлаетъ на всемъ своемъ протяженіи постоянныя извилины и его перспектива пропадаетъ среди камыша, гаоляна и китайскихъ построекъ.

Выростающія надъ ивами и хижинами мачты джонокъ или труба военной лодки указываютъ направленіе этой узкой змѣистой рѣки.

Мы проходимъ мимо германской канонерской лодки „Ильтисъ“ и пристаемъ къ „Корейцу“, который стоитъ далеко въ рѣкѣ, подъ начальствомъ капитана II ранга Сильмана. Еще выше стоитъ японская лодка „Atago“.

Въ 11 часовъ утра въ каютъ-компаніи подали завтракъ.

— Какія у васъ новости?—спросилъ я моего сосѣда.

— Все спокойно и одно и то же, — отвѣтилъ ревизоръ „Корейца“ лейтенантъ Деденевъ. — Сидимъ на кораблѣ и печемся на солнцѣ. Изныаемъ отъ скуки и жары и считаемъ сколько поѣздовъ съ китайскими солдатами китайцы отправляютъ по своей желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинъ. Съ „Корейца“ хорошо виденъ вокзалъ и замѣтно всякое движеніе на дорогѣ. До сихъ поръ я насчиталъ 15 поѣздовъ, биткомъ набитыхъ косатыми солдатами. Откуда китайцы набрали ихъ такое множество? Путешествіе ихъ въ Тяньцзинъ весьма подозрительно. И все это возстаніе боксеровъ что-то на возстаніе не похоже. Къ чему китайцамъ понадобилось столько войскъ? Если войска должны драться съ боксерами, то это только подольетъ масла въ огонь. Если же они будутъ не противъ боксеровъ, то будутъ противъ насъ. Пока что наши офицеры ѣздятъ въ Тяньцзинъ по желѣзной дорогѣ или на паровыхъ катерахъ и привозятъ оттуда неважныя вѣсти. Сегодня былъ проѣздомъ командированный къ адмиралу Веселаго секретарь французскаго консульства, который разсказалъ, что наши казаки уже имѣли дѣло съ боксерами и одинъ русскій офицеръ раненъ. Вчера германцы отправили одно орудіе въ Тяньцзинъ. Сегодня американцы двинули туда еще отрядъ. Вечеромъ французы посылаютъ 100 человѣкъ. Пока что мы точно измѣрили дистанцію до китайскихъ фортовъ и повернули наши орудія противъ ихъ батарей, такъ что

если понадобится, то наши гранаты будутъ ложиться точка въ точку. „Кореецъ“ и „Ильтисъ“ стоятъ въ тылу всѣхъ китайскихъ фортовъ, которые, вѣроятно, тоже уже измѣрили дистанцію, если китайцы имѣютъ хоть какое-нибудь представленіе о своихъ орудіяхъ. Въ случаѣ военныхъ дѣйствій, нашимъ канонеркамъ придется драться въ первую голову и китайскіе форты могутъ причинить намъ много

„Бобръ“ въ Тонку.

непріятностей, но зато и имъ не поздоровится отъ нашихъ орудій. Форты будутъ во всякомъ случаѣ взяты, какими бы крупповскими пушками они ни были вооружены. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія...

Увы! форты были дѣйствительно взяты, но бѣдному Дедеву, погибшему вмѣстѣ съ Бураковымъ, не суждено было увидать побѣду!...

Въ часъ дня съ рейда пришелъ буксиръ, который привелъ баржу съ 35 матросами и 1 офицеромъ—мичманомъ Глазенапомъ. Они были командированы съ „Дмитрія Донского“ для усиленія нашего десанта въ Тяньцзинѣ, вслѣдствіе обостряющагося положенія дѣлъ и неожиданнаго столкновенія казаковъ съ боксерами. По той же причинѣ французы посылаютъ свой второй десантъ.

Въ пять часовъ вечера я простился съ радушіемъ русскихъ моряковъ и покинулъ уголокъ родной земли, представляемый палубой русскаго военнаго корабля съ русскими мужиками-матросами и дворянами-офицерами.

Бурхановскій, Глазенапъ и я пересѣли на англійскій буксирный пароходикъ „Джемъ“, который забралъ баржу съ нашимъ десантомъ въ 35 человѣкъ и пользуясь приливомъ сталъ подниматься вверхъ по Пэйхо.

Въ зависимости отъ морского прилива и отлива, два раза въ сутки, въ теченіе шести часовъ вода въ Пэйхо прибываетъ и слѣдующіе шесть часовъ убываетъ. Пользуясь высокой водой мелкосидящіе пароходы доходятъ до Тяньцзина, отстоящаго отъ Тонку по желѣзной дорогѣ въ 40 верстахъ, а по рѣкѣ—въ 50. Мель, узкая ширина рѣки и постоянные повороты теченія очень затрудняютъ сообщеніе по Пэйхо. Капитанъ буксира обѣщалъ доставить насъ въ Тяньцзинъ къ 12 часамъ ночи.

Чѣмъ выше мы подымаемся по рѣкѣ, тѣмъ живѣе картины. Берега Пэйхо—это сплошная китайская деревня и пашня. Желтыя глинобитныя мазанки, съ глиняными или соломеными кровлями, окруженныя плетнемъ изъ гаоляна или камыша, толпились надъ обрывомъ берега. Ивовыя и тополевыя рощицы скрывали кумирню, о которой можно было догадаться по двумъ высокимъ мачтамъ, стоящимъ передъ входомъ. За мазанками тянулись безпредѣльныя поля зеленаго молодого гаоляна—китайскаго проса, которое кормитъ, грѣетъ, покрываетъ и для китайскаго мужика является его первымъ другомъ и помощникомъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

Въ деревняхъ было замѣтно странное движеніе. Народъ кучами собирался на берегу, о чемъ то шумѣлъ, расходился и снова собирался въ другой деревнѣ.

При прохожденіи нашего буксира и баржи, наполненной вооруженными матросами, китайцы высыпали на самый берегъ и внимательно слѣдили за нами.

О чемъ они думали? что говорили? Но боксеры уже ходили по всѣмъ деревнямъ, мутили народъ, ворбовали товарищей и зажигали пожаръ милліоннаго мятежа.

Тихая теплая ночь. Мы идемъ очень медленно. Полчища джонокъ, везущихъ рисъ въ Пекинъ, загораживаютъ намъ путь. Рѣка мелка. Теченіе капризно. Нужно все время измѣрять глубину. Смуглый морщинистый китаецъ, изъ южныхъ провинцій, съ косой, обмотанной вокругъ головы и спрятанной для удобства подъ круглую соломенную шляпу, бросаетъ лотъ и безъ фонаря, на ощупь, благодаря своей многолѣтней сноровкѣ, выкрикиваетъ нараспѣвъ число футовъ, на испорченномъ англійскомъ языкѣ:

— Фооти! Найти! Твэти! Твэти ту! Фоо!...

— Фоо! Фай! Сээ!... Твэти!

Луна взобралась высоко на небо, ярко освѣтила баржу, бѣлыя рубашки матросовъ и заблистала на ихъ штыкахъ. Моряки, развалясь, богатырски спали на днѣ лодки и не заботились о грядущемъ днѣ.

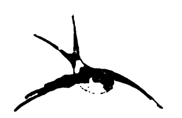
Пэйхо и его берега спали. Это были его послѣднія безмятежныя ночи, наканунѣ всѣхъ ужасовъ возмущенія и войны.

Пэйхо.

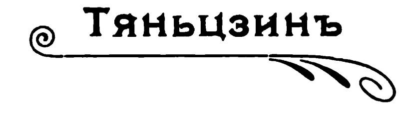
Рѣзкій, монотонный и сонный голосъ китайца, считающаго глубину, не тревожитъ молчанія тихой теплой ночи и усыпляетъ меня. Я не могу бороться съ дремотой, забираюсь въ каютку и засыпаю и еще долго сквозь сонъ слышу:

— Фоо! Фай! Сээ... Твэти!

Генералъ Вогакъ и его домъ въ Тяньцзинѣ.

Тяньцзинъ

24 Мая

Утро—4 часа. Мы стоимъ. Винтъ парохода не работаетъ. Я окончательно просыпаюсь, выбѣгаю на палубу и попадаю въ объятья моего стараго друга храбрѣйшаго и остроумнѣйшаго штабсъ-капитана Нечволодова, начавшаго военную службу въ Ревелѣ, махнувшаго, чтобы попытать счастья, въ Уссурійскій край, занимавшаго Портъ-Артуръ и попавшаго въ Тяньцзинъ въ распоряженіе военнаго агента Вогака.

— Скажи, пожалуста, гдѣ я нахожусь?—спрашиваю моего друга.

— Въ Тяньцзинѣ! Полковникъ Вогакъ и я ждали десантъ съ „Дмитрія Донского" всю ночь и пріѣхали васъ встрѣтить.

— Могу я ѣхать дальше въ Пекинъ?

— И не думай! желѣзная дорога уже разрушена боксерами.

Я представился полковнику Вогаку, который принялъ десантъ и приказалъ его проводить въ приготовленный домъ, а офицеровъ пригласилъ къ себѣ.

Послѣ естественныхъ объятій и восклицаній Нечволодовъ съ самымъ сіяющимъ видомъ разсказываетъ:

— Вообрази, я уже былъ въ настоящемъ сраженіи! На этихъ дняхъ по просьбѣ бельгійскаго консула Кетельса, полковникъ Вогакъ отправилъ меня, съ поручикомъ Блонскимъ и 25 казаками, разыскивать безъ вѣсти пропавшихъ бельгійскихъ и итальянскихъ инженеровъ. Мы три дня блуждали и наконецъ наткнулись на кучу боксеровъ. Мы пошли въ атаку на нихъ. Искрошили половину. Вдругъ лошадь подъ Блонскимъ падаетъ, убитая наповалъ. Блонскій падаетъ наземь. На него налетаютъ боксеры и пронзаютъ его насквозь своими копьями и мечами.

Капитанъ Нечволодовъ.

— Насквозь?

— Насквозь. Онъ получилъ 14 ранъ по всему тѣлу. Казаки бросились его выручать, спасли и разсѣяли боксеровъ. Одинъ казакъ тяжело раненъ, а у другого былъ отрубленъ носъ, но онъ нашелъ его въ кустахъ, приставилъ и носъ теперь заживаетъ. Мы вернулись съ ранеными въ Тяньцзинъ. Блонскій и казаки лежатъ во французскомъ госпиталѣ. Мы наканунѣ невѣроятныхъ событій!

По указанію Нечволодова, я отправился въ лучшую гостиницу Astor-House. Китаецъ джинрикша повезъ въ своей телѣжкѣ мои вещи.

Недалеко отъ набережной, на углу главной улицы Викторія-родъ воздвигнуто великолѣпное трехъэтажное зданіе гостиницы, съ балконами, верандами, башней, обсаженное высокими тѣнистыми деревьями и цвѣтами и обвѣшанное цыновками и маркизами для защиты отъ солнца. Три парадныхъ лѣстницы. Я подымаюсь по одной изъ нихъ. Сонный бой, слуга-китаецъ, провожаетъ меня въ свободный номеръ, болѣе дешевый, въ третьемъ этажѣ — 8 долларовъ—8 рублей въ сутки, со столомъ. Номеръ высокій просторный, устланный ковромъ, съ лѣпнымъ потолкомъ, мраморнымъ умывальникомъ, газовымъ освѣщеніемъ и широчайшей тропической

постелью, на которой могъ-бы свободно расположиться на ночлегъ патріархъ Іаковъ съ 12 сыновьями.

Тропическая постель имѣетъ тонкій матрацъ на сѣткѣ и газовый балдахинъ-москитеръ, который наглухо окутываетъ постель и только одинъ спасаетъ отъ москитовъ, комаровъ и мухъ. Кто не желаетъ имѣть балдахинъ, тотъ раздѣвается до Адама, заворачивается въ газъ и въ такомъ видѣ спитъ, будучи недоступенъ для назойливыхъ насѣкомыхъ и менѣе доступенъ для тропической жары.

Возлѣ номера отдѣльная веранда съ плетеными лонгшэзами. Рядомъ мраморная ванная. Электрическіе звонки и всѣ удобства.

8 часовъ утра. Молодой бой, самаго коректнаго вида, съ пріятнымъ лицомъ, тщательно заплетенной косой, въ длинномъ голубомъ халатѣ, неслышно входитъ на высокихъ мягкихъ подошвахъ и говоритъ, что въ гостиницѣ первый завтракъ breakfast въ 8 часовъ утра, второй tiffin въ 1 часъ дня, обѣдъ dinner въ 8 часовъ вечера. Баръ-буфетъ для напитковъ открытъ весь день. Бутылка пива 1 долларъ—1 рубль. Бутылка шампанскаго 5 долларовъ.

Бой уходитъ и возвращается съ завтракомъ: яичница съ ветчиною, овсянка, порція бифштекса и чашка чорнаго чаю.

Мой первый визитъ былъ къ нашему военному агенту въ Сѣверномъ Китаѣ полковнику, нынѣ генералу Константину Ииполитовичу Вогаку, избравшему мѣстомъ своего постояннаго пребыванія Тяньцзинъ. Военный агентъ Южнаго Китая полковникъ К. Н. Дессино живетъ въ Шанхаѣ.

Французскій муниципалитетъ.

К. И. Вогакъ, уже 10 лѣтъ наблюдающій за военной политикой и военными успѣхами Китая, игравшій крупную роль въ китайскихъ событіяхъ 1900 года, родился въ 1859 году, воспитывался во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и записанъ на мраморную доску Николаевскаго Кавалерійскаго училища. Военную службу началъ въ 1878 году корнетомъ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Ея Величества полка. Блестяще окончивъ въ 1884 г. Николаевскую

академію Генеральнаго Штаба, служилъ въ разныхъ округахъ, на разныхъ должностяхъ. Въ 1892 Вогакъ назначается военнымъ агентомъ въ Китай, а затѣмъ и въ Японію. Въ 1894 г., когда вспыхнула война между Китаемъ и Японіей, былъ командированъ русскимъ правительствомъ въ японскую дѣйствующую армію, съ которой совершилъ походъ въ Корею и Китай и присутствовалъ

Англійскій муниципалитетъ „Гордонъ-Голлъ".

при главныхъ сраженіяхъ. Когда былъ заключенъ миръ, вернулся въ Россію и въ 1896 состоялъ при чрезвычайномъ китайскомъ посольствѣ Ли Хунъ Чжана на торжествахъ Священнаго Коронованія. Въ томъ же году снова вернулся въ Китай и въ концѣ 1897 г. уѣхалъ на Квантунъ и въ Японію для подготовительныхъ работъ по занятію Портъ-Артура. Въ мартѣ 1898 года присутствовалъ при высадкѣ въ Портъ - Артурѣ и исполнялъ должность начальника штаба войскъ Квантунскаго полуострова, а затѣмъ былъ комиссаромъ по разграниченію Квантуна. Весною 1899 г. вернулся въ Тяньцзинъ къ исполненію обязанностей военнаго агента.

Я беру рикшу. На востокѣ европейцы сокращенно называютъ джинрикшей, перевозящихъ людей въ телѣжкахъ, рикшами. Японцы первые завели у себя этотъ простой и самый дешевый промыселъ человѣческаго извоза и дали ему названіе. Теперь джинрикши распространяются во всѣхъ портовыхъ городахъ Китая и вытѣсняютъ китайскія телѣги и носилки. Если въ городѣ имѣются хорошія ровныя шоссе, то телѣжку съ пассажиромъ тащитъ одинъ

рикша. Въ Портъ-Артурѣ, гдѣ улицы подымаются въ гору, одинъ рикша впрягается спереди, другой подталкиваетъ сзади.

— Но-го Во-да-жень! — Къ русскому великому барину Во! говорю я рикшѣ. Имя Вогака хорошо извѣстно въ Тяньцзинѣ и китайцы зовутъ его сокращенно Во, такъ какъ, согласно правиламъ китайской рѣчи, фамилія должна состоять изъ одного или двухъ слоговъ. Отъ иностранной фамиліи китайцы оставляютъ обыкновенно первый слогъ.

Послѣ маленькаго скромнаго Портъ-Артура, съ его наскоро и кое-какъ передѣланными для русскихъ китайскими сѣрыми домиками, съ его узкими и грязными переулками и тусклыми керосиновыми фонарями, пріятно было видѣть благоустроенный европейскій городъ.

Рикша везетъ по красивой улицѣ Викторія-родъ, прямой и широкой, тщательно шоссированной, подобно всѣмъ европейскимъ улицамъ Тяньцзина, обсаженной тополями и освѣщенной газомъ.

Домъ китайскаго сановника Чжанъ И Мао.

Европейскія концессіи или сетльменты, т. е. земельные участки, уступленные китайскимъ правительствомъ иностранцамъ для ихъ поселеній, расположены на правомъ берегу Пэйхо. Къ китайскому городу непосредственно примыкаетъ французская концессія. Ниже по теченію слѣдуютъ: англійская и германская, прерываемая китайскимъ участкомъ. Концессіи пользуются полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ и имѣютъ свои городскіе муниципалитеты, члены которыхъ выбираются иностранцами изъ наиболѣе энергичныхъ комерсантовъ. Нужно отдать полную справедливость городскимъ дѣятелямъ концессій, что несмотря на принадлежность къ различнымъ національностямъ, всегда ревниво соперничающимъ другъ съ другомъ на Востокѣ, въ дѣло устройства концессій они не мѣшаютъ національныхъ счетовъ и своимъ девизомъ ставятъ благоустройство колоніи. Поражаешься, какъ много сумѣли сдѣлать

для своихъ сетльментовъ эти дружно и энергично работающіе англичане, французы, нѣмцы и американцы, несмотря на свою малочисленность. Какимъ комфортомъ они обставили свою жизнь! Красивая набережная, безукоризненныя шоссейныя улицы, широкія правильно распланированныя и обсаженныя тополями и акаціями, сады, живописный паркъ Викторіи, нарядные дома смѣшаннаго англо-саксонскаго типа, клубы, почта, телеграфъ, телефонъ, канализація и газовое освѣщеніе. Нѣсколько большихъ блестящихъ магазиновъ, изъ которыхъ первенствуетъ Hall and Holtz, продаютъ все, что нужно избалованному европейцу. Этотъ комфортъ и нарядность сетльментовъ скрашиваютъ трудную и невеселую жизнь европейцевъ на Дальнемъ Востокѣ, въ знойномъ климатѣ, вдали отъ всего, къ чему мы привыкли и что сердцу мило.

Рикша остановился передъ садомъ, рядомъ съ Русско-китайскимъ банкомъ. Китаецъ-привратникъ отворилъ ворота. Одноэтажный каменный домъ скрывался въ тѣни подъ бамбуковыми цыновками, которыми онъ былъ завѣшенъ. Въ саду развѣвался большой русскій флагъ. Крыльцо уставлено цвѣтами. Комнаты убраны во вкусѣ китайской и японской роскоши. Китайскіе гобелены, японскія вазы и статуи принадлежали знатоку и цѣнителю восточныхъ рѣдкостей. Бой-китаецъ съ почтительнымъ поклономъ, на англійскомъ языкѣ просилъ пожаловать въ кабинетъ, заваленный книгами, бумагами и шифрованными телеграммами, къ полковнику Вогаку, который любезно сообщилъ всѣ подробности о положеніи дѣлъ.

— Возстаніе боксеровъ—говорилъ онъ,— представляетъ явленіе гораздо болѣе серьезное, чѣмъ о немъ думаютъ. Я внимательно наблюдаю за нимъ съ декабря прошлаго года, когда на родинѣ боксеровъ въ Шаньдунѣ ихъ движеніе стало принимать угрожающіе размѣры и пала первая жертва фанатизма—англійскій миссіонеръ Бруксъ, неожиданно убитый боксерами во время его поѣздки по деревнямъ. Девизъ боксеровъ „Охрана династіи и уничтоженіе иностранцевъ“, написанный на ихъ знаменахъ, льститъ китайскому правительству и отвѣчаетъ вкусамъ народныхъ массъ, которыя стали видѣть въ боксерахъ давно жданныхъ избавителей отъ незваннаго заморскаго ига. Юй Сянь, генералъ-губернаторъ Шаньдуна, извѣстный ненавистникъ европейцевъ, открыто поддерживалъ возстаніе. На его мѣсто былъ назначенъ въ декабрѣ 1899 года генералъ Юань Ши Кай, бывшій китайскій посланникъ въ Кореѣ. Хорошо понимая китайскія и европейскія дѣла, онъ сейчасъ же понялъ, какою опасностью грозитъ это возмущеніе противъ иноземцевъ

и желая умыть руки, то строгостью то ловкостью направилъ все движеніе въ сосѣднюю Чжилійскую провинцію и воспретилъ боксерамъ пребываніе въ Шаньдунѣ. Въ средѣ китайскаго правительства нѣкоторые министры и князья приняли боксеровъ подъ свое покровительство и поддерживаютъ ихъ деньгами и оружіемъ. Не зная, какой оборотъ примутъ событія и находясь подъ давленіемъ со стороны посланниковъ, китайская императрица, чтобы доставить имъ удовольствіе, издаетъ двусмысленные приказы, въ которыхъ повелѣваетъ военноначальникамъ прекращать безпорядки и строго наказывать виновныхъ, но въ этихъ же приказахъ она дала мятежникамъ очень милое названіе „неосторожныхъ храбрецовъ“, что, конечно, еще болѣе разжигаетъ мятежную толпу, прекрасно понимающую маневры китайскаго правительства.

— Однако,—продолжалъ Вогакъ,— не всѣ китайцы раздѣляютъ правительственную точку зрѣнія игры и двуличія. Честный и храбрый генералъ Нѣ Ши Чэнъ, начальникъ кавалеріи въ Чжили, весьма сочувствующій русскимъ и имѣющій при себѣ военнымъ совѣтникомъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка полковника Воронова, рѣшилъ не допустить приближенія боксеровъ къ Тяньцзину. Имъ руководило совершенно правильное соображеніе, что первое столкновеніе боксеровъ съ иностранцами можетъ вызвать международный инцидентъ и окончиться такими печальными послѣдствіями, которыя трудно и предвидѣть. Кромѣ того онъ основывался на прямомъ смыслѣ императорскаго приказа. Поэтому онъ сжегъ нѣсколько китайскихъ деревень между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, за то что ихъ населеніе присоединилось къ мятежникамъ. Однако правительство выразило ему свое крайнее неудовольствіе за слишкомъ суровыя и строгія мѣры въ отношеніи „увлекающихся патріотовъ“, что не помѣшало правительству уволить генерала Чэнь Хунъ Бао, командующаго военными силами въ Баодинфу, за то что онъ допустилъ возмущеніе въ своемъ округѣ. Такимъ образомъ правительство явно играетъ двойную игру. Оно наказываетъ какъ тѣхъ, кто поддерживаетъ боксеровъ открыто, такъ и тѣхъ, кто ихъ преслѣдуетъ слишкомъ энергично, какъ генералъ Нѣ. Между тѣмъ оно само не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ огражденію иностранцевъ и препятствуетъ имъ взять это дѣло въ свои руки. Оно ставитъ имъ такія серьезныя помѣхи, какъ, напримѣръ, закрытіе желѣзнодорожнаго пути. Англійскій консулъ въ Тяньцзинѣ настойчиво требовалъ у правленія Императорской Китайской желѣзной дороги дать поѣздъ, но пекинское правительство рѣшительно

воспретило давать поѣзда для европейскихъ десантовъ, на томъ основаніи, что нѣсколько станцій сожжено и поѣзда не могутъ дойти до Пекина.

— А между тѣмъ положеніе иностранцевъ въ Тяньцзинѣ и особенно въ Пекинѣ очень опасное. Послѣ того какъ 18 мая я привелъ по желѣзной дорогѣ въ Пекинъ международный десантъ изъ русскихъ, французовъ, англичанъ, американцевъ и итальянцевъ и возвратился въ Тяньцзинъ, желѣзнодорожный путь былъ испорченъ боксерами и мой поѣздъ былъ послѣднимъ, который дошелъ до Тяньцзина. Дорога не возстановлена и поэтому новые десанты, предназначенные для Пекина, не могутъ двинуться и задержаны здѣсь. Телеграфное сообщеніе съ Пекиномъ также уничтожено боксерами. Телеграммы передаются кружнымъ путемъ, причемъ китайскіе телеграфисты не принимаютъ шифрованныхъ депешъ. Что въ данную минуту происходитъ въ Пекинѣ — невозможно сказать и можно все предполагать, такъ какъ число боксеровъ растетъ гигантски и возстаніе охватило всю Чжилійскую провинцію. Боксеры угрожаютъ уже Пекину и Тяньцзину. Охраняемые и даже подстрекаемые правительствомъ боксеры, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ порывѣ ярости и фанатизма могутъ ворваться на наши концессіи, поджечь европейскія зданія и разнести наши одиночные посты и пикеты, которые такъ разбросаны по разнымъ сетльментамъ, что не могутъ представить никакой обороны передъ дикой и необузданной ордой, на помощь которой немедленно явится все китайское населеніе города. А гдѣ еще окажется возможность пограбить, тамъ китайскія войска первыя явятся на подмогу. Я только что узналъ, что китайская императрица издала тайный указъ по войскамъ, чтобы они никоимъ образомъ не вступали въ бой съ боксерами, но только осторожно заставляли ихъ сборища расходиться. Это значитъ, что правительство не желаетъ принимать никакихъ мѣръ противъ боксеровъ и предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій. Державы должны немедленно предпринять самый рѣшительный и твердый образъ дѣйствій, для того чтобы возстаніе не распространилось по всѣмъ городамъ и деревнямъ Чжилійской провинціи и чтобы европейцы не были осаждены или сожжены въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ. Изъ Баодинфу иностранцы, строившіе желѣзную дорогу, уже изгнаны. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ главный инженеръ Оссанъ съ сестрою, безъ вѣсти пропали. Въ рѣкѣ видѣли обезображенный трупъ европейской женщины. Вѣроятно это сестра Оссана. Китайское населеніе теперь

такъ наэлектризовано слухами о чудесахъ боксеровъ и такъ возбуждено ими противъ иностранцевъ, что легко можетъ повториться тяньцзинская рѣзня 1870 года, если немедленно не будутъ присланы большія военныя силы, которыя сразу потушатъ костеръ разгорающагося возстанія. Если боксеры упустили уже время для нападенія на Тяньцзинъ, когда въ немъ еще не было десанта европейскихъ войскъ, то какъ-бы европейцы тоже не потеряли времени и не дождались того дня, когда китайцы, увлеченные боксерами, провозгласятъ священный походъ противъ заморскихъ чертей. Тогда державы будутъ вынуждены начать правильныя военныя дѣйствія, а къ чему все это можетъ привести—трудно предвидѣть, тѣмъ болѣе, что возмущенія на религіозной и фанатической почвѣ всегда сопровождаются крайнимъ упорствомъ, жестокостью и необыкновеннымъ кровопролитіемъ. Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ окончательной побѣдѣ соединеннаго европейскаго оружія, но если придется имѣть дѣло съ сотнями тысячъ китайскихъ фанатиковъ и пролетаріевъ, которымъ нѣтъ числа и которымъ терять нечего, то какъ бы не пришлось заплатить слишкомъ дорогой цѣной за такую побѣду. Война съ ордой дикихъ изувѣровъ опасна, какъ гидра, у которой на мѣсто одной отрубленной головы сейчасъ-же выростаютъ двѣ новыхъ. Иностранцы неоднократно спрашивали меня, когда-же наконецъ будутъ присланы изъ Портъ-Артура настоящія сухопутныя силы для защиты европейцевъ, такъ какъ въ нынѣшнихъ событіяхъ только пѣхотныя войска могутъ оказать дѣйствительную помощь.

— О серьезности и опасности положенія, — закончилъ полковникъ Вогакъ,—я уже нѣсколько разъ телеграфировалъ адмиралу Алексѣеву. Къ сожалѣнію, въ Пекинѣ нѣкоторые посланники совершенно не раздѣляютъ моего взгляда и не желая видѣть никакой серьезности въ совершающихся событіяхъ и удовлетворяясь успокоительными завѣреніями и любезными обѣщаніями Цзунлиямыня, готовятся не къ бѣгству изъ Пекина, пока еще не поздно, а къ переѣзду на дачу. Въ Тяньцзинѣ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ меня поддерживаетъ французскій консулъ графъ Дюшэйляръ, мой большой другъ, съ которымъ мы работаемъ въ полномъ согласіи и единеніи. Онъ совершенно раздѣляетъ мою точку зрѣнія.

Японское консульство.

Русскіе и иностранцы

 въ Тяньцзинѣ

Мой слѣдующій визитъ былъ къ русскому консулу Н. А. Шуйскому, который жилъ на французской концессіи, рядомъ съ Японскимъ банкомъ, въ большомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ стариннаго барскаго вида, среди красиваго тѣнистаго сада.

Конечно, я не сразу разыскалъ русское консульство. Повидимому, матерія для русскихъ флаговъ стоитъ очень дорого на Дальнемъ Востокѣ, такъ какъ иные наши консула на Востокѣ не любятъ вывѣшивать свои флаги, вѣроятно, въ видахъ экономіи, сберегая казенное имущество и не желая, чтобы флаги напрасно трепались отъ вѣтра и дождя. Только консула другихъ націй любятъ щеголять новенькими флагами надъ своими консульствами.

Къ сожалѣнію, консулъ былъ боленъ. Я былъ принятъ его супругой Вѣрой Дмитріевной, обладательницей прекраснаго голоса, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ мечтала о карьерѣ на оперной сценѣ, но потомъ промѣняла лавры, розы и шипы музыкальной

славы на тихую семейную жизнь на Востокѣ. Однако, нагрянувшія событія доставили ей столько треволненій и тягостей, которыя вообще рѣдко выпадаютъ въ жизни. Въ нарядно убранной гостиной я встрѣтилъ г-жу Поппе, супругу секретаря нашего консульства, и г-жу Воронову, супругу полковника Воронова.

Когда въ гостиную вошла престарѣлая ама—няня китаянка, со сморщеннымъ добрымъ лицомъ, на маленькихъ остроконечныхъ ножкахъ, всѣ дамы заговорили съ нею покитайски. Какъ онѣ чудесно говорили на языкѣ Конфуція и Ли Хунъ Чжана! Моему восторгу китаиста, который нѣсколько лѣтъ изучалъ этотъ заколдованный языкъ на Восточномъ факультетѣ Петербургскаго университета и ничего не изучилъ,—не было предѣловъ. Въ разговорѣ дамъ китайскій языкъ звучалъ также свободно, легко и красиво, какъ и французскій. Благодаря легкости языка и постоянному общенію съ китайской прислугой, особенно нянями, наши дамы въ Китаѣ при желаніи и нѣкоторомъ трудѣ, быстро усваиваютъ этотъ языкъ. Госпожа Воронова, дочь извѣстнаго русскаго дѣятеля на Дальнемъ Востокѣ и китаиста Старцева, съ дѣтства говорящая покитайски, владѣетъ китайскимъ языкомъ въ совершенствѣ. Если бы она пожелала произнести въ Петербургѣ рѣчь на китайскомъ языкѣ, она затмила бы весь Восточный факультетъ безукоризненной чистотой и красотой произношенія, знаніемъ духа языка и богатствомъ выраженій. Полковникъ Вороновъ неоднократно пользовался ея услугами въ качествѣ переводчицы при сношеніяхъ съ генераломъ Нѣ Ши Ченомъ, который говорилъ, что рѣдко встрѣчалъ иностранцевъ, которые бы такъ блестяще владѣли китайскимъ языкомъ, какъ эта русская лингвистка. Было бы очень жаль, если бы русская наука нисколько не воспользовалась ея знаніями въ этой сферѣ, въ которой теперь еще такъ мало знатоковъ и работниковъ.

Я продолжалъ изумляться и восхищаться, когда ама принесла крошку—дочку консула, которая, на вопросъ матери, не хочетъ ли она спать, отвѣтила на чистѣйшемъ мандаринскомъ нарѣчіи:

— Бу яо!—не хочу!—и увидавъ во мнѣ чужеземца, она потянулась подъ покровительство няни.

Въ Китаѣ я нерѣдко встрѣчалъ дѣтей европейцевъ, которыя воспитывались китайскими амами—нянями и въ дѣтствѣ говорили только покитайски. Подрастая, дѣти очень неохотно переходили на языкъ родителей и всегда предпочитали китайскій языкъ, идеальный по своей разговорной легкости, простотѣ и краткости.

Дамы были въ отчаяніи. Безпорядки вокругъ Тяньцзина, или какъ русскіе ихъ называли les troubles или попросту „трубли" были предметомъ самаго взволнованнаго разговора.

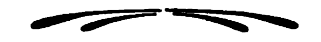
Ама только-что принесла ужасныя новости. Тяньцзинъ кишитъ боксерами, которые устраиваютъ шумныя сборища и расклеиваютъ по улицамъ объявленія, призывающія всѣхъ китайцевъ возстать противъ поганыхъ иностранцевъ. Во всѣхъ деревняхъ куютъ мечи, копья и алебарды.

На нѣкоторыхъ европейскихъ домахъ появились помѣтки, сдѣланныя кровью. Это знакъ, что помѣченный домъ обреченъ на сожженіе, а его обитатели на гибель. Много китайскихъ семей, принявшихъ христіанство, поголовно вырѣзаны; китайская прислуга въ ужасѣ бросаетъ своихъ господъ - европейцевъ, такъ какъ боксеры грозятъ казнью всякому китайцу, кто будетъ служить иностранцу и имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла. Въ одной деревнѣ появилась святая дѣвочка, которая одарена сверхъестественными силами и дѣлаетъ чудеса.

Боксеры перевозятъ ее изъ деревни въ деревню и поклоняются ей какъ кумиру. Она предсказала изгнаніе всѣхъ „янгуйцзы"— заморскихъ чертей и торжество „ихэтуань"—боксеровъ, которые уже назначили ночь и часъ для общаго нападенія на иностранныя концессіи въ Тяньцзинѣ.

Камня на камнѣ не будетъ оставлено на мѣстѣ концессій, которыя должны быть разрушены, земля вспахана и на костяхъ европейцевъ будетъ посѣянъ гаолянъ. Первою должна быть уничтожена французская концессія, на которой живутъ ненавистные боксерамъ католическіе миссіонеры и находятся—католическій монастырь, французскій госпиталь, школы и французское и русское консульства.

Въ тотъ же день я навѣстилъ поручика 11 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Блонскаго, который лежалъ весь перевязанный во французскомъ госпиталѣ. Онъ разсказалъ, какъ его лошадь поскользнулась; онъ упалъ и на него, лежавшаго, набросились со всѣхъ сторонъ боксеры. Онъ отбивался отъ нихъ шашкой и выстрѣлами револьвера до тѣхъ поръ, пока не подскочили на выручку казаки, сотникъ Семеновъ и Нечволодовъ. Благодаря чистому воздуху и сухому климату Тяньцзина его 14 ранъ быстро заживаютъ. Раненые съ нимъ два казака также поправляются. Даже удивительный отрубленный носъ у вахмистра взвода приросъ и заживаетъ.

РУССКАЯ КОЛОНІЯ

25 Мая

Русская колонія въ Тяньцзинѣ насчитываетъ въ настоящее время всего шесть семействъ. Семейные: консулъ Шуйскій, полковникъ Вороновъ, комерсантъ Батуевъ, секретарь консульства Поппе, начальникъ почтовой конторы Левицкій, комерсантъ Платуновъ. Семейство полковника Вогака не живетъ въ Тяньцзинѣ. Холостая молодежь: штабсъ-капитанъ Нечволодовъ, поручикъ Блонскій, довѣренный отдѣленія Русско-Китайскаго банка Садовниковъ, преподаватель Русско-Китайской школы Любомудровъ и служащіе у г. Батуева и Старцева, находившагося въ имѣніи на своемъ островѣ Путятина. Кромѣ того въ распоряженіи полковника Воронова находились два бравыхъ гусара, красные мундиры и побѣдоносный видъ которыхъ производили ошеломляющее впечатлѣніе на китайцевъ и даже на европейцевъ Тяньцзина.

Временно находился инженеръ Карповъ, занятый отправленіемъ рабочихъ-китайцевъ на постройку Маньчжурской желѣзной дороги. Имъ уже отправлено 80 тысячъ человѣкъ.

Всего въ русской колоніи живетъ 7 женщинъ и около 25 мущинъ.

18 мая въ Тяньцзинѣ поселены 25 казаковъ съ сотникомъ Семеновымъ. Ночью они охраняютъ русское консульство, русскую почтовую контору и дома Батуева.

Извѣстный въ Китаѣ комерсантъ Батуевъ, представитель чайной фирмы „Молчановъ и Печатновъ", занятъ пріемомъ чаевъ, приходящихъ на пароходахъ въ Тяньцзинъ изъ Ханькоу, и отправленіемъ ихъ на верблюдахъ сухимъ путемъ, черезъ Кяхту, въ Россію. Кромѣ того въ компаніи съ иностранцами онъ ведетъ большое дѣло по продажѣ тибетскихъ и китайскихъ мѣховъ. Онъ живетъ съ семьей въ своемъ пышномъ домѣ, съ роскошной обстановкой, садомъ, флигелями и пр.

Самая многочисленная колонія—англійская, потомъ по численности слѣдуютъ: германская, бельгійская, французская и др. Итальянецъ одинъ. Онъ по профессіи парикмахеръ; держитъ свой салонъ на берегу рѣки Пэйхо и имѣетъ полное право гордиться, что итальянскій десантъ прибылъ для его охраны. Всего въ Тяньцзинѣ около 200 дамъ и дѣвицъ и 2000 мущинъ-европейцевъ. Китайское населеніе города доходитъ до милліона.

Живутъ иностранцы скучно и однообразно, трудолюбиво работаютъ днемъ, отдыхаютъ вечеромъ и строго придерживаются правильнаго образа жизни, установленнаго англичанами.

Англичане, американцы, нѣмцы, бельгійцы, французы, а за ними и русскіе—обыкновенно встаютъ въ 7 часовъ утра и, освѣжившись хорошимъ душемъ послѣ хорошаго кутежа наканунѣ, выпивъ стаканъ крѣпкаго цейлонскаго чаю и закусивъ овсянкой, яичницей и бифштексомъ, уже съ 8 часовъ утра начинаютъ наполнять свои офисы—конторы.

Работаютъ методично, молча, спокойно, усидчиво и дѣлаютъ свои дѣла—business быстро и акуратно.

Въ 12 часовъ европейцы закрываютъ офисы и ѣдутъ на рикшахъ или велосипедахъ въ Тяньцзинскій клубъ, гдѣ видятся другъ съ другомъ, читаютъ телеграммы и газеты, обмѣниваются новостями. По умному почину англичанъ, подобные международные клубы учреждены во всѣхъ главныхъ портовыхъ городахъ Китая, Кореи и Японіи и являются центральнымъ мѣстомъ, сближающимъ и объединяющимъ разноязычное общество колоніи. Туземцы—китайцы, корейцы и японцы, а также half-cast, полукастовые, т. е. люди смѣшанной расы, въ клубъ не допускаются. Его благородными членами могутъ быть только бѣлые. Дѣлами клуба завѣдуетъ выборная комиссія изъ представителей разныхъ національностей. Въ клубѣ имѣется буфетъ, билліардъ, кегельбанъ, библіотека и читальня съ множествомъ газетъ. Прислуга въ клубѣ китайская. Всѣ члены избираются и пользуются правомъ рекомендаціи гостей, причемъ обращается страшное вниманіе на общественный рангъ даннаго лица. И только военные всѣхъ націй считаются постоянными гостями подобныхъ клубовъ.

Въ 4 часа обыкновенно бизнессы въ офисахъ заканчиваются и на велосипедахъ или верхомъ европейцы ѣдутъ за городъ на рекреаціонный плацъ играть въ теннисъ, гдѣ они встрѣчаются съ дамами.

Отъ 4 до 6 ч. въ русской колоніи пьютъ чай и въ это время можно застать хозяйку дома. Гостепріимствомъ и открытыми пріемами отличаются только русскіе. Иностранцы принимаютъ у себя очень рѣдко, только на званые обѣды. Знакомство поддерживается исключительно визитами и игрою въ теннисъ. У семейныхъ иностранцевъ совершенно не принято бывать запросто. Я объясняю это малочисленностью дамъ и дѣвицъ, оберегаемыхъ тяньцзинскими джентльменами съ удивительной ревностью, что, по слухамъ, не мѣшаетъ грандіозному распространенію въ обществѣ флирта.

Этотъ преувеличенно-строгій этикетъ, замкнутость, общественныя клѣтки и невозможность поддерживать простыя неофиціальныя

сношенія, при малочисленности дамскаго общества, дѣлаютъ жизнь въ Тяньцзинѣ очень скучной, однообразной и натянутой. Единственными общественными развлеченіями являются: спортъ, скачки, изрѣдка любительскіе спектакли, концерты и кутежи.

Въ 8 часовъ европейцы обѣдаютъ и вечеромъ уже никакими дѣлами не занимаются. Послѣ обѣда молодежь и холостежь идетъ въ клубъ или гостиницы играть на билліардѣ, въ карты или совѣщаться съ Бахусомъ и Гамбринусомъ, причемъ эти совѣщанія носятъ хотя и интимный, но обыкновенно весьма бурный характеръ.

Спортъ процвѣтаетъ въ Тяньцзинѣ въ разныхъ формахъ, изъ которыхъ три важнѣйшія: спортъ тенниса, спортъ костюмовъ и спортъ виски.

Лаунъ-теннисомъ увлекаются всѣ: дѣти, молодежь, взрослые, старики и старушки. Съ ракетами въ рукахъ они бѣгаютъ съ утра и играютъ до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ. Играютъ серьезно, степенно, съ важностью и достоинствомъ выкрикивая поанглійски: play! your game! Умѣніе играть въ теннисъ считается признакомъ хорошаго тона и неиграющій въ эту новѣйшую метательную игру показался бы въ глазахъ здѣшняго общества оригиналомъ и человѣкомъ неблагонадежнымъ, потому что ежедневно играть въ теннисъ также обязательно, какъ и ежедневно обѣдать. Играть въ теннисъ также небходимо, какъ и соблюдать требованія приличій и моды.

Поэтому второй спортъ—это спортъ костюмовъ. Не столько дамы, которыя по большей части одѣваются просто, сообразно сезону, сколько джентльмены Дальняго Востока много теряютъ времени для своего туалета. Они строжайше наблюдаютъ не только сезонъ, но и время дня и назначеніе костюма, и создали цѣлую систему одѣванія.

Англійскіе офицеры.

Тяньцзинскіе сэры аккуратно переодѣваются по нѣсколько разъ въ день и внимательно слѣдятъ за всѣми подробностями и тонкостями туалета. Лѣтомъ тропическій шлемъ долженъ непремѣнно быть одного цвѣта и стиля съ тончайшимъ тропическимъ костюмомъ и легчай-

шими башмаками. Было бы грубымъ нарушеніемъ вкуса и этикета, еслибы, напримѣръ, галстукъ не гармонировалъ по своему тону и фасону съ поясомъ и носками. Никогда ни одинъ тяньцзинскій милордъ или мистеръ, дорожащій своимъ достоинствомъ и репутаціей, не явится на recreation-ground, гдѣ играютъ въ теннисъ, въ другомъ костюмѣ, нежели въ спортсменскомъ, и никогда онъ не сдѣлаетъ такой непростительной ошибки, чтобы перепутать костюмы и пожаловать на обѣдъ съ одними мущинами во фракѣ, а на обѣдъ съ дамами въ смокингѣ—а не наоборотъ.

— Какъ вы одѣты!—сказалъ мнѣ однажды съ негодованіемъ одинъ тяньцзинскій комерсантъ.—Вы совершенно не обращаете вниманія на погоду: развѣ можно одѣвать такой свѣтлый галстукъ, при такомъ пасмурномъ небѣ?

Третій спортъ состоитъ въ неимовѣрномъ уничтоженіи виски. По примѣру англичанъ и американцевъ, виски пьется съ какой-нибудь содовой, преимущественно японской водой: Tansan, Hirano, Apollinaris или Aquarius. Нѣтъ часа дня или ночи, когда благородный членъ международнаго клуба не потребовалъ бы „whisky and soda". Какъ полезно и пріятно освѣжиться стаканомъ виски-сода утромъ, со сна, послѣ мрачно и мятежно проведенной ночи! Во время занятій бизнесами въ офисахъ виски-сода проясняетъ и бодритъ мысль и содѣйствуетъ пониманію самыхъ запутанныхъ комерческихъ счетовъ и операцій. Въ клубѣ джентльмены обмѣниваются новостями между стаканами сода-виски. Виски-сода облегчаетъ и освѣжаетъ тѣло, изнемогающее отъ тропической жары. Окончивъ партію тенниса, спортсменъ обязанъ выпить бокалъ этого моднаго нектара, иначе онъ не спортсменъ. Если вы сдѣлаете визитъ вашимъ знакомымъ, васъ прежде всего спросятъ не о погодѣ, а предложатъ вамъ: не хотите ли сода-виски? Когда поздно вечеромъ въ хорошей компаніи выпиты уже всѣ сорта вина и ликеровъ, опорожнены всѣ бутылки, больше уже нечего пить и мысли плаваютъ въ туманѣ, — самое лучшее выпить виски-сода. Это сейчасъ же протрезвитъ голову и разсѣетъ самый непроницаемый туманъ.

— Что можетъ быть лучше виски-сода? — спросили однажды одного члена тяньцзинскаго клуба.

— Ничто, кромѣ виски безъ соды! — отвѣтилъ онъ не задумываясь. И тотъ, кто не пьетъ сода - виски, не можетъ быть джентльменомъ.

Нѣкоторые русскіе на Востокѣ усердно слѣдуютъ этикету и режиму, установленному англичанами, и до того англоманствуютъ,

что истинное джентльменство и свою цивилизаторскую миссію на Востокѣ видятъ только въ томъ, чтобы говорить поанглійски, читать лондонскій „Таймсъ“, играть въ теннисъ, носить англійскіе шлемы, черные чулки и бѣлые башмаки, выпивать ежедневно бутылку виски и презирать китайцевъ.

Консулъ Шуйскій чувствовалъ себя на другой день гораздо лучше и могъ принять меня въ своемъ кабинетѣ, окруженный русскими и китайскими книгами и рукописями.

Я былъ весьма заинтересованъ бесѣдой съ извѣстнымъ синологомъ, много лѣтъ прожившимъ въ Китаѣ и считающимся рѣдкимъ знатокомъ языка и исторіи китайцевъ.

Почтенный консулъ выглядѣлъ очень болѣзненнымъ и сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ печальнымъ видомъ жертвы, обреченной на интервью съ неотвязчивымъ корреспондентомъ.

— Позвольте мнѣ узнать просвѣщенное мнѣніе синолога о совершающихся нынѣ событіяхъ,—спросилъ я.

— О нынѣшнихъ событіяхъ очень трудно сказать что-нибудь положительное. Подобные безпорядки бываютъ въ Китаѣ ежегодно. А секта боксеровъ, хотя и подъ другими названіями, существуетъ въ Китаѣ давно.

— Не представляютъ ли нынѣшніе безпорядки исключительнаго явленія, весьма остраго и опаснаго для иностранцевъ и для общаго спокойствія страны?

— Это покажетъ будущее.

— Какія могутъ быть послѣдствія этого возстанія боксеровъ?

— Этого никто не можетъ знать.

— Я желаю проѣхать въ китайскіе кварталы Тяньцзина и посмотрѣть на настроеніе народа. Вы ничего не будете имѣть противъ?

— Я этого никоимъ образомъ не могу допустить. Это очень опасно. Толпа разъярена противъ иностранцевъ. Васъ оскорбятъ или убьютъ, что можетъ вызвать цѣлый политическій инцидентъ и непріятную дипломатическую переписку.

— Благодарю васъ за предупрежденіе и постараюсь не вызывать дипломатической переписки. Я хотѣлъ бы узнать, какую дѣйствительную роль играетъ пекинское правительство въ совершающихся событіяхъ?

— Это знаютъ только китайскіе министры.

— Правда ли, что вдовствующая императрица покровительствуетъ боксерамъ?

— Мнѣ это офиціально не извѣстно.

— Правда ли, что Японіи принадлежитъ двусмысленная роль въ отношеніи Китая и она тайно поддерживаетъ боксеровъ, съ тѣмъ чтобы разжечь возстаніе въ огромный пожаръ, который она потомъ будетъ сама же заливать и за пролитую ею воду возьметъ хорошій кусокъ Китайской суши?

— Я никакъ не могу знать, чего желаетъ Японія.

— Примкнутъ ли китайскія войска къ боксерамъ или нѣтъ?

— Это тоже покажетъ будущее. Все, что я вамъ могъ сказать по этому вопросу, я уже сказалъ.

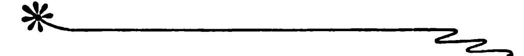
Поблагодаривъ за эти интересныя и рѣдкія свѣдѣнія, я отправился къ генералу Гу, бывшему китайскому инспектору портартурскаго порта. Послѣ занятія Квантуна русскими, эта единственная китайская официальная должность наблюдательнаго характера была сохранена нами въ Портъ-Артурѣ. Когда Гу долженъ былъ покинуть Артуръ вслѣдствіе своей серьезной болѣзни—паралича тѣла, эта должность болѣе уже никѣмъ не занималась и послѣ военныхъ событій была совсѣмъ упразднена.

Городскія ворота въ Тяньцзинѣ.

У китайскаго генерала Гу

Вмѣстѣ съ преподавателемъ Русско-Китайскаго училища въ Тяньцзинѣ китайцемъ Ліу, извѣстнымъ болѣе какъ Леонидъ Ивановичъ, мы на рикшахъ пріѣхали къ сановнику третьяго класса Гу, жившему около англійской концессіи въ китайскомъ домѣ.

Мы вошли въ комнату съ маленькими стеклянными окнами, обвѣшанную китайскими картинами и изреченіями. Полъ-комнаты было занято постелью подъ балдахиномъ, разрисованнымъ цвѣтами. Поддерживаемый прислугою вошелъ Гу. Онъ былъ очень боленъ, слабъ и усиленно курилъ трубку. Мы усѣлись вокругъ круглаго столика на круглыхъ стульяхъ съ рѣзными спинками. Мы заговорили покитайски. Гу сейчасъ же спросилъ:

— Какъ здоровье и какъ дѣла А-цзянцзюнь — адмирала Алексѣева?

Я сообщилъ и спросилъ:

— Какъ здоровье великаго господина Гу?

— Очень плохо, очень плохо. Тѣло разбито. Животъ не хорошъ. Голова болитъ. Силъ нѣтъ. Едва хожу. Въ Ліушунькоу спокойно?

— Въ Портъ-Артурѣ совершенно спокойно.

— Пока у васъ будетъ добрый и мудрый цзянцзюнь Алексѣевъ, у васъ всегда будетъ спокойно. Онъ соблюдаетъ справедливость и одинаково относится и къ русскимъ и къ китайцамъ. Это самое главное. Въ его области будетъ всегда спокойно. Мы китайцы выше всего цѣнимъ справедливость и человѣколюбіе, и всегда уважаемъ справедливыхъ и человѣколюбивыхъ людей и начальниковъ, къ какому бы народу они ни принадлежали. Вашъ цзянцзюнь Алексѣевъ мудръ какъ Ли Хунъ Чжанъ. Но только у васъ много такихъ хорошихъ чиновниковъ, а у насъ очень мало. Оттуда и происходятъ всѣ наши несчастія.

— Позвольте васъ спросить: почему возстаніе боксеровъ приняло такіе громадные размѣры? Неужели его поддерживаетъ китайское правительство?

Потухшіе глаза стараго курильщика неожиданно загорѣлись блескомъ негодованія:

— Я думаю, что тамъ въ Пекинѣ они всѣ сошли съ ума. Они хотятъ погубить Китай. Дуань-ванъ-ѣ—князь Туанъ и его

Носилки китайскаго генерала.

приспѣшники управляютъ теперь государственными дѣлами, но они въ нихъ ничего не понимаютъ и они доведутъ насъ до войны съ иностранцами. Какъ и сорокъ лѣтъ назадъ Пекинъ будетъ

осажденъ, наши войска разбѣгутся, дворцы будутъ разрушены, а бѣдный народъ и купцы заплатятъ неимовѣрную контрибуцію, за трусость войскъ и глупыя головы чиновниковъ. Если бы у насъ всѣ министры и губернаторы были такъ умны, какъ Ли Хунъ Чжанъ, Юань Ши Кай или ваши Алексѣевъ и Суботичъ, который тоже былъ хорошій цзянцзюнь и всегда былъ справедливъ къ китайцамъ, то у насъ никогда бы не было ихэтуань — боксеровъ. Вѣдь у Юань Ши Кая на Шаньдунѣ ихъ нѣтъ: онъ ихъ всѣхъ разогналъ и въ его провинціи все будетъ спокойно, потому что онъ понимаетъ дѣла. Пейте чай, прошу! цинъ, цинъ!

Прислуга уставила столъ печеніями, сладостями, засахаренными фруктами и ежеминутно наливала гостямъ свѣтлозеленый душистый чай въ крохотныя чашечки. Почтенный Гу продолжалъ:

— Хотя я самъ мандаринъ, но долженъ сказать, что китайцы хорошіе купцы, но плохіе чиновники. А объ иностранныхъ дѣлахъ они не имѣютъ никакого представленія. Если бы наши чиновники были умны, то они скорѣе уничтожили бы всѣхъ этихъ разбойниковъ, но не позволили бы имъ трогать иностранцевъ, потому что за одного тронутаго иностранца потомъ платятся сто невинныхъ китайцевъ, если не больше. Боксеры-ихэтуань—это наше истинное несчастіе. Говоря, что они избранники и посланники неба, они толпами врываются въ деревни и города, требуютъ, чтобы ихъ кормили, берутъ лошадей, одежду и только грабятъ народъ. Они хотятъ уничтожить китайцевъ христіанъ и выжигаютъ цѣлыя деревни. Они кровожадны какъ волки и барсы, но и какъ дикіе звѣри дальше своихъ лѣсовъ и горъ они ничего не знаютъ. Они воображаютъ, что ихъ боксерскія заклинанія и ладонки сильнѣе заморскихъ пушекъ и ружей, которыхъ они не боятся. Эти безумцы убѣждены, что они безсмертны и хотятъ драться съ иностранцами. Посмотримъ, что они скажутъ, когда столкнутся съ иностранными солдатами, которыхъ они никогда не видали, или съ иностранными пушками, выстрѣла которыхъ они тоже никогда не слыхали. Нашъ глупый невѣжественный народъ, часто никогда не видѣвшій ни одного иностранца, вмѣсто того чтобы прогнать всѣхъ этихъ разбойниковъ, вѣритъ всѣмъ ихъ розсказнямъ и слѣпо идетъ за ними.

— А наши министры,—заговорилъ Гу съ отчаяніемъ, — и князь Дуань воспользовались невѣжествомъ народа и этими смутами, чтобы захватить въ свои руки власть, и объявили себя друзьями ихэтуань—союза боксеровъ. Дѣлами теперь управляетъ

уже не богдыханъ, а князь Дуань и старая государыня. Они воображаютъ, что купивъ у германцевъ новыя пушки и ружья, они стали всесильны и могутъ одержать побѣду надъ иностранными войсками. Они вѣрятъ, что этой побѣдой они привлекутъ благодарность и любовь народа, который они только еще болѣе разорятъ этой безсмысленной войной, но никакъ не облагодѣтельствуютъ. Они не хотятъ признать, что давать нашимъ трусливымъ войскамъ новыя пушки также безполезно, какъ и надѣвать на зайца мѣдную кольчугу, потому что увидавъ льва заяцъ убѣжитъ вмѣстѣ съ кольчугой. Я боюсь, что это новое возстаніе принесетъ Китаю страшное несчастіе, отъ котораго болѣе всего пострадаютъ самые неповинные въ немъ: купцы и горожане.

Почтенный старикъ закашлялся. Мы встали и начали прощаться, выражая лучшія пожеланія его здоровью.

— Извините, что мое больное тѣло не позволяетъ мнѣ проводить васъ до воротъ дома,—были послѣднія слова генерала Гу.

Рикши быстро повезли меня и Леонида Ивановича въ Русско-китайское училище, которое находилось внѣ иностранныхъ концессій, по ту сторону городского вала.

Мы проѣхали старыя городскія ворота, съ зубчатымъ верхомъ и тяжелыми дубовыми дверями, обитыми желѣзомъ. Объявленія китайскихъ властей были расклеены по стѣнамъ. Въ воротахъ стояли китайскіе полицейскіе съ палками.

Китайское училище.

Въ Русско-китайскомъ

училищѣ

Училище основано въ 1896 г. трудами и заботливостью бывшаго секретаря русскаго консульства въ Тяньцзинѣ, нынѣ консула въ Инкоу Викт. Федор. Гроссе, воспитанника Восточнаго факультета Петербургскаго университета, прекраснаго китаиста, бывшаго первымъ учителемъ созданной имъ русской школы—первой въ Китаѣ. При содѣйствіи князя Э. Э. Ухтомскаго, командированнаго въ то время въ Пекинъ по Высочайшему повелѣнію, китайское правительство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ учрежденію русско-китайской школы и дало для этой цѣли средства и дома. Во главѣ училища назначенъ китаецъ-директоръ тяньцзинской таможни, которому принадлежитъ общее руководство. Кромѣ того назначены: китаецъ - инспекторъ и учителя китайскаго языка и русскіе учителя. Всѣ расходы по содержанію штата китайское правительство взяло на себя: 700 ланъ или около 1000 руб. въ мѣсяцъ.

Гроссе такъ серьезно и умѣло повелъ дѣло преподаванія, что школа стала скоро пользоваться популярностью среди китайцевъ и комплектъ учениковъ—30 человѣкъ былъ въ ней всегда полонъ.

Мы навѣстили новаго преподавателя училища г. Любомудрова, который любезно сталъ показывать учебное заведеніе.

По примѣру другихъ китайскихъ зданій, училище занимаетъ нѣсколько квадратныхъ мощеныхъ дворовъ, обнесенныхъ комнатами, въ которыхъ живутъ ученики и учителя, классами, столовой, кухней и галлереей. Русскій учитель г. Любомудровъ живетъ анахоретомъ въ двухъ комнатахъ, заваленныхъ книгами и убранныхъ китайскими іероглифами и картинами. Входъ завѣшенъ цыновкой. Русскій учитель, кромѣ квартиры съ освѣщеніемъ и всѣми услугами, получаетъ 200 ланъ—300 рублей въ мѣсяцъ. Навѣстивъ инспектора училища, стараго ученаго китайца съ большими очками, мы осмотрѣли классы, которые помѣщались въ просторныхъ свѣтлыхъ комна-

Китайскій базаръ.

тахъ. Доски, черные китайскіе столики и табуреты для учениковъ были разставлены въ порядкѣ. На стѣнахъ висѣли географическія карты и картины изъ русской исторіи. Во всѣхъ помѣщеніяхъ поддерживалась строгая чистота, порядокъ и исправность. Въ школѣ преподавали: китайскій языкъ, русскій языкъ, ариѳметику, географію и русскую исторію.

— Какъ ученики проходятъ русскую исторію?—полюбопытствовалъ я.

— Китайцы вообще любятъ изучать исторію—отвѣтилъ Ліу.— А наши ученики прямо увлекаются русской исторіей, потому что она иногда напоминаетъ имъ ихъ родную исторію. У насъ былъ

одинъ ученикъ Ліу Ши Чжэнъ, хорошо говорившій по-русски, который до того почиталъ великаго князя Ярослава за его мудрость и справедливость, что просилъ окрестить его самого Ярославомъ Ивановичемъ, и такъ его зовутъ теперь русскіе. А предъ Петромъ Великимъ наши ученики благоговѣютъ и мечтаютъ о томъ времени, когда въ Китаѣ народится такой-же великій императоръ.

Мы прошли въ маленькія комнатки, въ которыхъ жили ученики, отъ 14 до 26 лѣтъ по 2 человѣка въ каждой. Каменныя лежанки, крытыя цыновками, столики съ русскими и китайскими книжками, скамейки и изреченія на стѣнахъ были скромнымъ убранствомъ комнатъ. Ученики въ тоненькихъ шелковыхъ халатахъ, напоминающихъ наши подрясники, почтительно стояли у своихъ столиковъ. Я попросилъ одного изъ нихъ показать тетради. Съ особенной вѣжливостью онъ развернулъ предо мной тетрадь, въ которой я увидалъ четко и старательно написанныя русскія фразы.

По всѣму было видно, что труды Гроссе не пропали даромъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ отчетливо порусски, старательно выговаривая всѣ слоги, что его зовутъ Ліу Ши Минъ; что у него есть братъ Ярославъ Ивановичъ, который тоже учился въ этомъ училищѣ, а теперь находится въ Портъ - Артурѣ; что ему 18 лѣтъ, а его отцу 54; его отецъ бывшій китайскій офицеръ; большинство родителей учениковъ—богатые купцы или чиновники; онъ мечтаетъ по окончаніи училища уѣхать въ Россію.

— Всѣ наши ученики мечтаютъ о поѣздкѣ въ Россію,—замѣтилъ учитель Ліу.

— Довольны вы вашими учениками? — спросилъ я Любомудрова.

— Очень. Ими нельзя не быть довольнымъ. Это серьезный, трудолюбивый и воспитанный народъ. Они учатся весь день, учатся спокойно, старательно. Ихъ поведеніе безукоризненно. Никакія шалости и озорническія продѣлки, которыми такъ любятъ хвастать европейскіе мальчики, имъ не извѣстны. Къ учителямъ они относятся, въ силу традиціи, съ тѣмъ уваженіемъ и безусловнымъ довѣріемъ, которыхъ я никогда не встрѣчалъ въ Россіи. А между тѣмъ всѣ они еще въ отроческомъ возрастѣ. По случаю боксерскихъ безпорядковъ, мы распустили большую часть учениковъ. Здѣсь остались только тѣ, кто еще не успѣлъ уѣхать, или кому ѣхать очень далеко.

— А какъ они относятся къ боксерамъ?

— Они ихъ очень боятся, такъ какъ боксеры объявили смерть всякому, кто имѣлъ дѣло съ иностранцами. Мое положеніе здѣсь внѣ концессій тоже очень опасное и поэтому я на ночь переѣзжаю въ гостиницу Astor - House.

— Ты любишь ихэтуань?—спросилъ я одного мальчика.

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не люблю боксеровъ. Они нехорошіе люди. Они убиваютъ людей и жгутъ дома. Я ихъ очень боюсь и тоже уѣду изъ Тяньцзина.

Когда мы окончили осмотръ училища, Ліу обратился къ Любомудрову и ко мнѣ со словами:

— Господа, поѣдемте теперь въ китайскій ресторанъ „Лучезарный Теремъ", пообѣдаемъ и выпьемъ добраго вина, пока на насъ еще не нападаютъ боксеры. Потомъ, вѣроятно, намъ всѣмъ будетъ некогда.

Я простился съ почтеннымъ инспекторомъ-китайцемъ и крѣпко пожалъ руки этимъ славнымъ воспитаннымъ и серьезнымъ мальчикамъ, которые рисковали жизнью, изучая языкъ дружественнаго имъ народа, можетъ быть единственнаго государства, которое можетъ стать дѣйствительнымъ и вѣковымъ другомъ китайцевъ.

Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ эти узкоглазые и косатые юноши, съ заложенными въ нихъ сѣменами благоговѣнія и привязанности къ Россіи, изучивъ ея языкъ, исторію и бытъ, будутъ дѣятельно служить великому дѣлу дружбы и тѣсныхъ мирныхъ сношеній между двумя сосѣдами—великанами Азіи. Но теперь они дрожали за свою участь, такъ какъ изучали языкъ чужого государства. Все же иностранное осуждено и заклеймено ихэтуанцами, ослѣпленными патріотами, ведущими свою родину къ погибели. Какая горькая иронія исторіи!

Ровно черезъ недѣлю боксеры ночью напали на училище, разорили и сожгли всѣ учебныя зданія до тла. Говорили, что подъ развалинами погибло нѣсколько учениковъ, которые не успѣли спастись. Любомудровъ, Леонидъ Ивановичъ и китайскіе учителя заблаговременно покинули училище.

Когда мы проѣзжали мимо городскихъ воротъ, въ глаза бросилось свѣже наклеенное объявленіе на китайскомъ языкѣ. Составленное въ стихахъ объявленіе гласило:

„Нашъ императоръ наконецъ становится могущественнымъ. Предводитель ихэтуанцевъ царскаго рода. Въ три мѣсяца всѣ иностранцы будутъ убиты или изгнаны изъ Китая.

„Въ сорокъ лѣтъ имперія стала полна чужеземцевъ. Они раздѣлили нашу землю. Съ тѣхъ поръ какъ газета „Говэньбао“ принадлежитъ японцамъ, она говоритъ объ ихэтуанцахъ одинъ вздоръ. Мы предупреждаемъ ея владѣльцевъ, чтобы они болѣе не говорили вздора. Если они будутъ продолжать, то ихъ домъ будетъ разрушенъ. Братья не должны бояться. На сѣверѣ десять разъ десять тысячъ.

„Когда иностранцы будутъ прогнаны вонъ, тогда мы вернемся на холмы.

На объявленіи было приписано: „Пусть прохожіе слѣдятъ за тѣмъ, чтобы иностранцы не сорвали объявленія“. Возлѣ стояли китайскіе полицейскіе и съ почтеніемъ взирали на прокламацію боксеровъ.

Ліу смотрѣлъ и только посмѣивался.

В. Ф. Гроссе.

Въ „Лучезарномъ Теремѣ“

„Лучезарный Теремъ“, къ которому насъ подвезли рикши, находился въ темномъ переулкѣ, въ самомъ началѣ китайскаго квартала. Онъ имѣлъ темный, грязный и неряшливый видъ и былъ расположенъ въ двухъ этажахъ китайскаго дома: внизу

Китайскіе магазины.

бакалейная и виноторговля для европейцевъ попроще, матросовъ и солдатъ, наверху ресторанъ съ смѣшанной европейско-китайской кухней.

Мы поднялись наверхъ и заняли отдѣльный кабинетъ. По стѣнамъ висѣли китайскія картины, рисованныя по стеклу и изображавшія не только идиллическіе домики съ прекрасными китаянками, но и китайскіе военные крейсера, подъ которыми лиловая вода клубилась барашками. Комнату украшали полинявшія зеркала и китайскіе искусственные цвѣты, яркіе и пестрые. Подали китайскія сласти, европейскій обѣдъ и французское шампанское шанхайскаго происхожденія.

Леонидъ Ивановичъ Ліу, умный, дѣльный и предпріимчивый китаецъ, еще въ Пекинѣ хорошо изучившій китайскій и русскій языки, былъ переводчикомъ при ямынѣ Чжилійскаго вицекороля и преподавателемъ русскаго училища. За свои заслуги, не смотря на молодые годы, онъ былъ награжденъ синимъ шарикомъ четвертой степени. Онъ любилъ Россію и русскихъ и искалъ друзей среди русскихъ. Надъ боксерами онъ смѣялся. Избалованный служебными успѣхами, онъ нѣсколько иронически смотрѣлъ на окружающее:

— Отъ нашихъ сумашедшихъ боксеровъ никакого толку не будетъ. Они только причинятъ намъ множество непріятностей. Это дикій невѣжественный народъ, который вѣритъ, что достаточно проглотить черносливъ, чтобы устрашить вражеское войско, и поѣсть чернаго гороху, чтобы взять непріятельскую крѣпость. Но нѣкоторые наши министры не лучше боксеровъ, такъ какъ подобно имъ они ничего не понимаютъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Я совершенно не могу себѣ объяснить, на что они разсчитываютъ. Вѣдь не на наши войска, отъ которыхъ также мало пользы, какъ и отъ самихъ мандариновъ, и которыя не умѣютъ стрѣлять и только потому носятъ ружья, что не умѣютъ заняться другимъ болѣе полезнымъ и почтеннымъ дѣломъ.

— Неужэли у васъ нѣтъ хорошихъ регулярныхъ войскъ?

— Хорошо дисциплинированныя войска есть у генераловъ— Нѣ, Сунъ и Ма, но только ихъ очень мало. Больше войскъ на бумагѣ. Очень хорошія обученныя войска въ Маньчжуріи и у Юань Ши Кая, но онъ ихъ сюда не пришлетъ, такъ какъ ему нужно охранять Шаньдунъ отъ германцевъ, съ которыми труднѣе справиться, чѣмъ съ боксерами. Поэтому боксеровъ онъ сплавилъ сюда, а себѣ развязалъ руки. Нѣмцы можетъ быть и хотятъ что-нибудь еще оторвать на Шаньдунѣ, какъ они оторвали Цзяочжоу, да только не могутъ найти повода, чтобы придраться, такъ какъ Юань Ши Кай очень уменъ и остороженъ. Это нашъ второй Ли Хунъ Чжанъ.

— Инструктора принесли вамъ какую-нибудь пользу?

— Я думаю—никакой. Они устраивали парады съ нашими войсками, получали большое жалованіе, больше имъ ничего не было нужно. Наши солдаты очень довольны, что научились маршировать по иностранному. Если имъ прикажутъ драться съ боксерами, они будутъ драться. Если прикажутъ стрѣлять въ иностранцевъ, они будутъ стрѣлять въ иностранцевъ. Имъ это совершенно все равно. Но если гдѣ будетъ возможно пограбить, тамъ они всегда будутъ заодно съ боксерами.

— Какъ теперь народъ относится къ боксерамъ?—продолжалъ Ліу.—Глупый невѣжественный народъ, который знаетъ объ иностранцахъ только понаслышкѣ или по миссіонерамъ, переодѣтымъ въ китайское платье, вѣритъ, что боксеры—посланники неба и избавители отъ иностранныхъ дьяволовъ. Поэтому они наобумъ идутъ за боксерами, такъ какъ ничего не понимаютъ. Горожане и купцы, которые постоянно имѣютъ дѣла съ иностранцами, вовсе не на сторонѣ боксеровъ. Они знаютъ, какія бѣдствія будутъ причинены боксерами, но они ничего не могутъ подѣлать. Многіе изъ нихъ уже теперь уѣзжаютъ изъ Тяньцзина въ болѣе отдаленныя и спокойныя мѣста.

Бой разлилъ въ бокалы легкое шампанское вино, которое китайцы пьютъ не менѣе охотно, чѣмъ европейцы, и такъ же хорошо различаютъ его марки.

— Разскажите, Леонидъ Ивановичъ, все, что вы знаете о бок серахъ. А, главное, пейте больше. Хорошее вино связываетъ друзей и развязываетъ языкъ.

— А по моему, оно до того завязываетъ языкъ, что потомъ друзья даже не въ состояніи объясниться другъ съ другомъ и говорятъ такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ китайскомъ словарѣ,—сказалъ Леонидъ Ивановичъ и снявъ съ себя верхнюю шелковую кофту, такъ какъ становилось очень жарко, съ удовольствіемъ хлебнулъ прохладной сладкой влаги и началъ:

— Боксеры давно существуютъ въ Китаѣ, около ста лѣтъ, образуя разныя тайныя и явныя общества, подъ разными названіями. Самымъ древнимъ было общество „Бѣлаго лотоса“—„Бай лянь цзяо,“ которое произвело возмущеніе противъ правительства при императорѣ Цзя-Цинъ (1796—1821), грабило и разоряло Южный Китай. Безпорядки, смуты и разбои были тогда такіе же, какъ и теперь. Императоръ послалъ свои войска и разсѣялъ общество „Бѣлаго лотоса“. Члены его разбѣжались

по всему Китаю и повсюду проповѣдывали свое тайное ученіе противъ воцарившейся новой Маньчжурской династіи Циновъ, для возстановленія бывшей Китайской династіи Миновъ. Поэтому ихъ девизомъ было: „Фу минъ фань цинъ“ — „Возстановить Миновъ, ниспровергнуть Циновъ“. Но кромѣ политики, они стали заниматься еще мистикой и разными волшебствами, чудесами и гаданіями, въ которыя очень вѣритъ простой глупый народъ. Заодно съ боксерами стали дѣйствовать буддійскіе и даоскіе монахи и монахини и объявили эти тайныя общества подъ охраною Будды и другихъ святыхъ. Такъ какъ взрослый не станетъ заниматься всѣми этими глупостями, то вожаки и монахи стали набирать мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ обучали своимъ тайнамъ и готовили изъ нихъ боксеровъ-кулачниковъ. Для того чтобы эти дѣти и юноши сдѣлались здоровыми и сильными людьми и могли, когда нужно, сражаться, то мальчиковъ и даже дѣвочекъ обучаютъ гимнастикѣ, умѣнію владѣть мечомъ и пріучаютъ ихъ къ выносливости и голоду. Когда иностранцы, особенно миссіонеры, стали слишкомъ обижать китайцевъ, надоѣдать и причинять намъ разныя непріятности, отбирать наши земли и за каждый пустякъ грозить намъ войною, тогда тайныя общества направили свою дѣятельность не противъ маньчжурскаго правительства, а противъ всѣхъ иностранцевъ, и вмѣсто прежняго девиза „Возстановить Миновъ и ниспровергнуть Циновъ“, провозгласили другой: „Бао цинъ мей янъ“—„Охранять Циновъ и уничтожать заморскихъ“. Боксерамъ еще болѣе стали помогать буддійскіе жрецы, такъ какъ распространеніе христіанства въ Китаѣ стало угрожать ихъ вѣрѣ и имъ самимъ. Появилось общество „Краснаго фонаря“—„Хунъ Дэнъ Чжао“, въ которомъ монахини развивали дѣвочекъ посредствомъ чудесной гимнастики даосовъ и учили ихъ созерцанію, самоуглубленію и самоусыпленію. Во снѣ и въ безчувствіи дѣвочки говорили пророчества, которыхъ никто не понималъ. Возникли общества „Большого ножа“ — „Да дао“, „Глинянаго горшка“—„Ша го“, „Охраны государства“—„Бао го“, и „Уничтоженія дьяволовъ“ — „Ша гуй“. Наконецъ появилось самое могущественное общество „Большого кулака“—„Да цюань“, которое потомъ стало называться „Кулакомъ правды и согласія“— „И хэ цюань“.

— Въ нынѣшнемъ году оно получило названіе „И хэ туань“— „Дружина правды и согласія“. Главная дружина боксеровъ находилась въ Шаньдунѣ и называлась „Шаньдунъ цзунъ туань“. У насъ еще раньше бывали въ деревняхъ добровольныя дружины

поселянъ „Туаньлянь“, которыя занимались военными упражненіями, охраняли свои дома—фанзы отъ разбойниковъ и если было нужно, то поступали въ войска и шли на войну. Теперь всѣ эти дружины поступаютъ въ ряды „Ихэтуань“ и объявляютъ походъ противъ всѣхъ иностранцевъ, къ сожалѣнію,—и противъ русскихъ. Но вѣдь нашъ глупый народъ не разбираетъ. Онъ знаетъ только, что это „Вайго жень“—„иностранецъ“, котораго надо убивать. „Мей янъ“ — „Гибель заморскимъ“! Отъ этого ужаснаго клича гибнутъ не только иностранцы, но и китайскіе купцы,—всѣ, кто только торговалъ съ иностранцами или продавалъ иностранные товары или имѣлъ какія-нибудь дѣла съ заморскими. Гибнутъ тысячи китайцевъ-христіанъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей. Ужасныя времена. Всѣ дѣла, ремесла и торговля прекратились. Мы сами не знаемъ, что намъ дѣлать, какъ спасаться отъ этихъ бѣдствій и чѣмъ все это кончится. Я болѣе не рѣшаюсь оставаться въ Тяньцзинѣ, такъ какъ боюсь, что боксеры не простятъ мнѣ русскаго языка, и надняхъ уѣзжаю въ болѣе безопасное мѣсто. Хотя боксеры и называютъ себя „Дружиной правды и согласія“, но это совершенная ложь: они сами совершаютъ страшныя несправедливости, убивая всѣхъ и каждаго безъ разбора, и только вносятъ еще большій раздоръ и смуты въ нашъ народъ. Поэтому я пью за то, чтобы правда и согласіе всегда процвѣтали между Китаемъ и Россіей и чтобы эти два старыхъ великихъ друга всегда помогали одинъ другому въ дни народныхъ несчастій. Цинъ! Цинъ! Прошу!

— Цинъ! цинъ!

Мы звонко чокнулись.

Въ Пекинѣ.

Въ Пекинѣ.

Въ началѣ мая, 6/19 числа, французскій епископъ Фавье, глава католической духовной миссіи въ Пекинѣ, написалъ слѣдующее историческое письмо французскому посланнику въ Пекинѣ Пишону:

Апостольскій викаріатъ въ Пекинѣ и Сѣверномъ Чжили.

Пекинъ, 19 мая 1900

„Г. Министръ.

„Со дня на день положеніе становится болѣе тяжелымъ и угрожающимъ. Въ округѣ Баодинфу было убито болѣе 70 христіанъ, изъ которыхъ три новообращенныхъ разрѣзаны въ куски.

„Много деревень разграблено и сожжено. Еще большее число другихъ деревень совершенно покинуто жителями. Болѣе 2000 бѣжавшихъ христіанъ осталось безъ хлѣба, одежды и крова. Въ одномъ Пекинѣ около 400 бѣглецовъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей, размѣстилось у насъ и у монахинь. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю у насъ ихъ, вѣроятно, соберется нѣсколько тысячъ. Мы будемъ принуждены очистить школы, колегіи и госпиталя, чтобы дать мѣсто несчастнымъ.

„Въ восточной сторонѣ огромные грабежи и пожары. Каждый часъ мы получаемъ самыя потрясающія извѣстія. Пекинъ осажденъ со всѣхъ сторонъ. Боксеры каждый день приближаются къ столицѣ и они задержаны только тѣми разрушеніями, которыя они по пути дѣлаютъ христіанамъ. Вѣрьте мнѣ, прошу васъ, г. министръ, я хорошо освѣдомленъ и не говорю легкомысленно. Религіозное преслѣдованіе—это только завѣса. Главная цѣль—уничтоженіе иностранцевъ, цѣль, которая ясно указана и написана на знаменахъ

боксеровъ. Ихъ союзники ждутъ ихъ въ Пекинѣ. Сперва начнутъ нападать на церкви, а кончатъ нападеніями на посольства. Для насъ, живущихъ здѣсь, въ Бэйтанѣ, даже назначенъ день. Весь городъ это знаетъ, всѣ объ этомъ говорятъ и возбужденіе народа явное. Вчера вечеромъ еще 43 несчастныхъ женщины, вмѣстѣ съ дѣтьми, спасаясь отъ звѣрствъ, прибѣжали къ монахинямъ. Ихъ провожало болѣе 500 человѣкъ, которые говорили, что если имъ удалось ускользнуть на этотъ разъ, то скоро расправа будетъ произведена съ другими.

„Я не говорю вамъ, г. министръ, о тѣхъ безчисленныхъ объявленіяхъ, которыя расклеены по городу противъ европейцевъ. Ежедневно появляются новыя объявленія, все болѣе ясныя.

„Лица, которыя были свидѣтелями, 30 лѣтъ тому назадъ, тяньцзинскихъ убійствъ, поражены сходствомъ положенія того времени съ нынѣшнимъ. Тѣ же объявленія, тѣ же угрозы, тѣ же предупрежденія и то же ослѣпленіе. Тогда также, какъ и теперь, миссіонеры писали и умоляли, предвидя страшное пробужденіе народа.

„При такихъ обстоятельствахъ, г. министръ, я считаю своимъ долгомъ просить васъ прислать къ намъ, по крайней мѣрѣ въ Бэйтанъ, 40 или 50 матросовъ, для охраны насъ и нашего имущества, такъ дѣлалось даже при обстоятельствахъ, гораздо менѣе критическихъ, и я надѣюсь, что вы примите къ размышленію мою покорнѣйшую просьбу".

Англійскій посланникъ въ Пекинѣ сэръ Клодъ Макдональдъ держался другого взгляда на событія и черезъ два дня, 21 мая, писалъ Лорду Солсбери въ Лондонъ:

„Что касается моего собственнаго взгляда на опасность, которой подвержены европейцы въ Пекинѣ, то я сознаюсь, что до моего свѣдѣнія дошло мало фактовъ, которые могли бы подтвердить боязливыя опасенія французскаго отца. Поведеніе жителей въ городѣ продолжаетъ быть спокойнымъ и вѣжливымъ въ отношеніи иностранцевъ.

„Я убѣжденъ, что нѣсколько дней сильнаго дождя, который прекратитъ эту давно продолжающуюся засуху, принесутъ больше пользы для возстановленія спокойствія, чѣмъ всѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты китайскимъ и иностранными правительствами".

На другой же день, послѣ того какъ была отправлена эта успокоительная депеша британскаго посланника, боксеры напали на англійскую духовную миссію у желѣзнодорожной станціи Ланфанъ, на полпути между Пекиномъ и Тяньцзиномъ. Они замучили

миссіонера Робинсона, друга перваго мученика боксерскаго возстанія Брукса, и захватили его товарища Нормана. Бѣжавшій китаецъ-христіанинъ разсказывалъ, что эти оба миссіонера знали объ опасности, которая имъ угрожала, и имѣли время спастись, но они предпочли погибнуть среди китайцевъ, обращенныхъ ими ко Христу, нежели бросить свою паству въ минуту испытанія. Въ схваткѣ съ боксерами пять христіанъ было убито, а Норманъ раненъ. Нѣкій Ли, который уже былъ однажды наказанъ за преслѣдованіе христіанъ и ненависть къ иностранцамъ, чтобы отомстить за смерть своего любимаго сына, убитаго при нападеніи боксеровъ на христіанъ, попросилъ отдать ему Нормана и убилъ его собственными руками. Такъ оба англичанина—миссіонера погибли сподвижниками.

Узнавъ о происшедшемъ и полагая, что Норманъ еще живъ, британскій посланникъ потребовалъ у Цзунлиямыня немедленнаго освобожденія англійскаго миссіонера, но ямынь отнесся къ его требованію съ полнымъ безучастіемъ и равнодушіемъ. Тогда посланникъ Макдональдъ имѣлъ свиданіе съ принцемъ Циномъ, который выразилъ свое крайнее сожалѣніе о происшедшемъ и о томъ, что китайское правительство совершенно не подготовлено къ борьбѣ съ боксерскимъ движеніемъ, пріобрѣтающимъ все большую популярность среди народа, благодаря своему противо-иностранному характеру. Принцъ Цинъ признался, что онъ не можетъ быть увѣренъ въ безопасности иностранцевъ не только въ Пекинѣ, но гдѣ бы то ни было въ Китаѣ, и былъ согласенъ, что неподготовленность правительства можетъ повести къ вмѣшательству державъ. Хотя Тяньцзинъ—Пекинская желѣзная дорога охраняется 6 тысячами императорскихъ войскъ, однако Цинъ сомнѣвается, чтобы солдаты стали стрѣлять въ боксеровъ, для охраны иностранцевъ, если даже имъ прикажутъ. Цинъ сожалѣетъ, что вовремя не успѣлъ убѣдить дворъ въ опасности, которая можетъ быть навлечена подобнымъ образомъ дѣйствій китайскаго правительства, но теперь онъ ничего не въ состояніи сдѣлать, такъ какъ вдовствующая императрица слушается дурныхъ совѣтовъ другихъ лицъ.

Черезъ два дня, 24 мая—6 іюня, въ Пекинѣ былъ изданъ слѣдующій богдыханскій указъ:

„Западная вѣра возникла и распространилась по всему Китаю много лѣтъ тому назадъ и тѣ, кто ее распространяли, только учили народъ добру. Новообращенные, находясь подъ кровомъ своей вѣры, никогда не причиняли безпокойствъ и какъ обращенные, такъ и народъ жили въ мирѣ другъ съ другомъ, идя каждый

своей дорогой, безъ всякой помѣхи. Въ послѣдніе годы, когда число церквей по всей странѣ стало возрастать безпрестанно, также какъ и число крещаемыхъ, между христіанами стали незамѣтно появляться люди съ дурной волей, такъ что миссіонерамъ было иногда трудно отличить среди обращенныхъ дурного отъ хорошаго. Пользуясь этимъ дурные люди, подъ видомъ христіанъ, только обижали простой народъ и изводили страну. Мы полагаемъ, что подобное положеніе дѣлъ не можетъ соотвѣтствовать желаніямъ самихъ миссіонеровъ.

„Что касается „И-хэ-цюань"—общества поборниковъ правды и согласія, то оно было въ первый разъ воспрещено въ царствованіе императора Цзя Цинъ. Однако, вслѣдствіе того, что позднѣе члены этого общества стали упражняться въ цѣляхъ самозащиты и охраны ихъ домовъ и деревень отъ разбоевъ, и такъ какъ они стали удерживаться отъ смутъ, то мы не наложили воспрещенія, какъ это было сдѣлано раньше, но толбко дѣлали неоднократныя распоряженія мѣстнымъ властямъ держать крѣпкую узду надъ движеніями общества.

„Мы указывали подлежащимъ властямъ, что въ настоящее время вопросъ долженъ быть не въ томъ, принадлежатъ ли данные люди къ обществу или нѣтъ, а въ томъ, какая цѣль у этихъ союзовъ, производитъ ли въ странѣ безпорядки или нѣтъ. Если-же всетаки подобныя общества будутъ творить смуты и нарушать миръ, то власти обязаны произвести строгое дознаніе надъ преступившими законъ и наказать ихъ по закону. Къ какому бы обществу они ни принадлежали, къ обществу христіанъ или ихэтуань, тронъ будетъ относиться къ нимъ безъ всякаго различія, такъ какъ всѣ они сыны одного и того же государства. Сверхъ того, когда возникали тяжбы между христіанами и простымъ народомъ, мы всегда давали такіе приказы властямъ, чтобы они рѣшали дѣла по полной справедливости, не выказывая пристрастія ни одной сторонѣ.

„Однако, повидимому, за послѣдніе годы наши приказы никогда не исполнялись. Чиновники различныхъ областей, округовъ, уѣздовъ и волостей обнаружили, что они пренебрегали своими обязанностями. Они никогда не дѣйствовали въ дружественномъ согласіи съ миссіонерами: при ихъ затрудненіяхъ сочувствовали народу и никогда не разрѣшали тяжбы въ духѣ безпристрастія. Послѣдствія сего не замедлили явиться. Тѣ и другіе начали ненавидѣть другъ друга, вражда становилась все глубже и глубже, и случаи взаимныхъ недоброжелательствъ учащались.

Схватка казаковъ съ боксерами

ис. I. Смукровичъ.

„Т[во] художеств. печати“

„Нынѣ члены общества И-хэ-цюань стали соединяться въ народныя дружины и объявили войну противъ христіанъ. Въ то же время разные недовольные умы, соединясь съ беззаконными разбойниками, примкнули къ движенію ради своекорыстныхъ цѣлей. Повсюду происходятъ мятежи, желѣзныя дороги разрушаются и церкви сожигаются.

„Но вѣдь желѣзныя дороги построены правительствомъ и составляютъ его собственность, въ то время какъ церкви построены миссіонерами и ихъ послѣдователями, для ихъ собственнаго пользованія.

„Неужели ихэтуанцы и прочіе полагаютъ, что они могутъ безнаказанно разрушать и сожигать по своему желанію? Творя такой мятежъ, они только противятся самому правительству. Это уже, дѣйствительно, неразумно.

„Поэтому мы приказали великому совѣтнику и помощнику пекинскаго градоначальника Чжао Сю Цяо отправиться вчера въ качествѣ нашего императорскаго комиссара, возстановить миръ и призвать народъ и ихэтуанцевъ немедленно разойтись и вернуться каждому къ своимъ занятіямъ и обыденнымъ дѣламъ.

„Вслучаѣ измѣнники и бунтовщики будутъ пытаться подстрекать народъ къ возстанію, грабежу и разоренію страны, мы приказываемъ, чтобы послѣдователи „Кулака правды и согласія“ выдали властямъ главарей, для наказанія ихъ согласно законамъ страны. Если же нѣкоторые будутъ настолько неблагомыслящи, что станутъ упорствовать въ неповиновеніи нашимъ повелѣніямъ, то съ ними будетъ поступлено какъ съ бунтовщиками и мы симъ предупреждаемъ ихъ, что когда прибудетъ великое войско, то ихъ отцы, матери, жены и дѣти будутъ разлучены другъ отъ друга и разсѣяны, ихъ жилища разрушены, а они сами убиты. Такимъ образомъ они сами навлекутъ на себя клеймо противозаконія и измѣны своей родинѣ. Но тогда будетъ поздно раскаиваться. Наше сердце наполняется жалостью, когда мы думаемъ о томъ возмездіи, которое поразитъ нашъ народъ.

„Поэтому мы симъ объявляемъ, что если послѣ этого предупрежденія найдутся такіе, которые откажутся повиноваться нашимъ повелѣніямъ, то мы немедленно дадимъ приказъ главнокомандующему Жунъ Лу послать генераловъ Дунъ Фу Сяна, начальника Гансускаго корпуса, Сунъ Цина и Ма Ю Куня, начальника Сычуаньскаго корпуса, съ ихъ войсками, наказать бунтовщиковъ и разсѣять ихъ.

„Наконецъ, при отправленіи войскъ, первой цѣлью должна быть охрана народа, повинующагося закону. Однако теперь мы узнаемъ, что войска, посланныя Чжилійскими мѣстными властями, не только не оказывали этой охраны и не обуздывали дурныхъ страстей, но наоборотъ сами были виноваты въ разореніи страны. Поэтому мы нынѣ приказываемъ Чжилійскому вице-королю Юй Лу тотчасъ же произвести дознаніе по этому дѣлу, а также послать надежныхъ чиновниковъ для тайныхъ дознаній. Если окажется, что эти военныя власти дѣйствительно виновны въ томъ, что потворствовали людямъ въ ихъ грабежахъ и разбояхъ, то таковые виновные чины должны быть немедленно казнены. Никакой снисходительности или милости не должно быть имъ оказано.

„Пусть этотъ указъ будетъ отпечатанъ на желтой бумагѣ и объявленъ по всей странѣ, какъ предупрежденіе народу и войскамъ.

„Пусть всѣ знаютъ наши повелѣнія!"

Какъ должны были понять китайцы этотъ императорскій указъ, составленный настолько умно и дипломатично, что съ формальной стороны онъ могъ дать удовлетвореніе какъ боксерамъ, такъ и посланникамъ?

Въ указѣ прежде всего находится важное указаніе на то, что главною причиною народнаго возбужденія является христіанство. Все движеніе построено на томъ, что народъ недоволенъ западною вѣрою, миссіонерами и ихъ паствою.

Указъ говоритъ, что христіанство—законная и давнишняя религія въ Китаѣ, которая учитъ своихъ послѣдователей добру. И рядомъ сдѣланъ укоръ миссіонерамъ въ томъ, что они не умѣютъ дѣлать выбора между обращаемыми въ христіанство, среди которыхъ многіе только подрываютъ доброе имя западной вѣры.

Общество И-хэ-цюань, которое за свои противодинастическія стремленія при императорѣ Цзя Цинъ было воспрещено, нынѣ офиціально признается этимъ указомъ подъ новымъ именемъ И-хэ-туань, не смотря на то, что весь смыслъ и девизъ этого общества—походъ противъ иностранцевъ.

При этомъ указъ объявляетъ, что тронъ будетъ относиться какъ къ христіанамъ, такъ и къ боксерамъ безъ всякаго различія, двусмысленно приравнивая однихъ къ другимъ.

Повидимому въ то время китайское правительство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ сановниковъ, захватившихъ въ свои руки власть, уже рѣшилось, если это будетъ необходимо, на войну съ державами. Въ такомъ случаѣ боксеры являлись для него самымъ

цѣннымъ союзникомъ, который могъ бы дать сколько угодно кадровъ фанатически настроеннаго ополченія. Поэтому правительственный указъ разрѣшаетъ и даже поддерживаетъ дѣятельность боксеровъ, какъ народныхъ дружинъ для земской самообороны, но приэтомъ онъ требуетъ, чтобы боксеры нё дрались съ самими китайцами, не грабили своихъ деревень и не разоряли своей собственной страны.

Удивительно, что въ это время, когда уже нѣсколько иностранныхъ миссіонеровъ и строителей желѣзной дороги, вмѣстѣ съ женщинами, погибло отъ рукъ боксеровъ, въ указѣ говорится только о томъ, чтобы боксеры не нападали на китайцевъ - христіанъ, не разоряли церквей китайскихъ христіанъ и не разрушали дорогъ китайскаго правительства.

Однако въ указѣ ни прямо, ни косвенно нигдѣ не выражено, чтобы боксеры не нападали на иностранцевъ. Тамъ, гдѣ предстоитъ война съ иностранцами, китайцы должны забыть свои внутренніе раздоры и распри и дружно сплотиться, чтобы общими силами ударить на общаго внѣшняго ненавистнаго врага. Отнынѣ народъ, боксеры и войска должны дѣйствовать въ полномъ согласіи и единеніи, а не драться другъ съ другомъ. Этого согласія и объединенія требуетъ и самое названіе „Ихэтуань“.

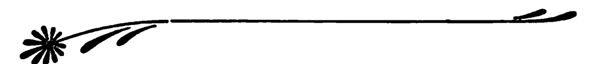
Отнынѣ китайское правительство беретъ само въ свои руки главное руководительство народнымъ движеніемъ и оно будетъ строго карать всякаго, кто станетъ дѣйствовать независимо отъ правительства и вносить какія либо смуты внутрь народа. Всякіе безпорядки, разбои и грабежи между китайцами воспрещаются. Но девизъ боксеровъ, написанный на ихъ знаменахъ: „Уничтоженіе иностранцевъ“, не былъ воспрещонъ указомъ пекинскаго высшаго правительства.

Въ концѣ указа помѣщено тяжкое обвиненіе противъ нѣкоторыхъ китайскихъ войскъ Чжилійской провинціи за учиненные ими грабежи. Это обвиненіе касается, безъ сомнѣнія, войскъ генерала Нѣ Ши Чэна, разбившаго боксеровъ и сжогшаго нѣсколько боксерскихъ деревень и за это навлекшаго на себя крайнее неудовольствіе высшихъ сферъ Пекина.

„Китайцы! Сплотитесь дружно, прекратите распри и готовьтесь къ войнѣ съ заморскими дьяволами!“—вотъ мысли, которыя могли читать китайцы между строкъ дипломатическаго богдыханскаго указа.

Вооруженная колонія

26 Мая

Мирный торговый и дѣловой Тяньцзинъ, въ которомъ если и велась борьба, то только между банками и различными офисами изъ-за комерческихъ выгодъ и процентовъ, сталъ настоящимъ вооруженнымъ лагеремъ.

Французскій консулъ графъ Дюшэйляръ.

Ночью, покончивъ всѣ дневныя дѣла и выпивъ послѣдній стаканъ новѣйшаго нектара „сода-виски“, утоляющаго жажду, придающаго бодрость, веселость и регулирующаго самое капризное пищевареніе, и вернувшись домой, тяньцзинскіе джентльмены не предаются благодѣтельному сну и покою, предоставляя то и другое дамамъ, но жертвуютъ и своимъ сномъ и комфортомъ во имя героизма — защиты города и охраны дамъ.

Послѣ знойнаго, душнаго и тревожнаго дня, прекрасная лунная ночь освѣжаетъ своею прохладою взволнованныхъ и утомленныхъ тяньцзинцевъ.

Одѣвшись въ костюмъ бура или звѣробоя или слѣдопыта изъ романовъ Майнъ-Рида и Финимора Купера, скрестивъ на груди двѣ перевязи съ патронами, перекинувъ винчестеръ черезъ плечо, заткнувъ за поясъ револьверы, надвинувъ на голову какую нибудь шляпу мрачнаго вида и прицѣпивъ сбоку флягу, въ которую для отваги налито виски или брэнди, тяньцзинскіе волонтеры начинаютъ обходить городъ. Кто идетъ пѣшкомъ, кто тихо скользитъ на велосипедѣ, а кто гарцуетъ верхомъ на китайской лошадкѣ, подстриженной и подскобленной на англійскій ладъ.

Проходя мимо Тяньцзинскаго международнаго клуба, волонтеры заглядываютъ въ баръ-буфетъ, подкрѣпляются стаканомъ виски-сода и снова идутъ на охоту за боксерами. Они отважно взбираются на городской валъ и вглядываются въ темный горизонтъ: не видать ли тревожныхъ огней. Обходятъ всѣ кварталы европейскихъ концессій, неустрашимо погружаются въ подозрительный мракъ закоулковъ, въ которыхъ ищутъ таящихся боксеровъ, и выволакиваютъ оттуда какого нибудь несчастнаго хромого зачумленнаго китайскаго нищаго, котораго они бросаютъ съ негодованіемъ.

Ночью китайцамъ разрѣшается ходить по европейскимъ улицамъ только съ зажжонными фонарями.

До разсвѣта ходятъ патрули десантовъ и проносятся всадники и велосипедисты.

Но въ китайскихъ кварталахъ также неспокойно: всю ночь китайцы стрѣляютъ въ воздухъ изъ ружей и хлопушекъ для устрашенія враговъ и ободренія самихъ себя.

Каждую ночь французское консульство превращается въ штабъ-квартиру франко-русскихъ соединенныхъ силъ.

Дружественное намъ консульство расположено на набережной рѣки Пэйхо, черезъ нѣсколько домовъ отъ русскаго консульства. Сзади оно примыкаетъ къ католическому монастырю и французскому главному госпиталю.

Во дворѣ консульства, передъ высокими желѣзными воротами на каменныхъ столбахъ, стоитъ русская пушка, у которой дежурятъ русскіе матросы. Въ саду стоятъ казаки съ осѣдланными лошадьми, готовые сейчасъ-же полетѣть, куда будетъ приказано. Консульство открыто всю ночь. Это консульство и русское военное агентство неутомимо работаютъ день и ночь.

Полковникъ Вогакъ на ночь переходитъ во французское консульство и постоянно совѣщается съ консуломъ графомъ Дюшэйляромъ. Различныя депеши и шифрованныя телеграммы получаются безпрерывно. Нашъ агентъ, французскій консулъ, русскіе и французскіе офицеры на ногахъ днемъ и ночью: никто не помышляетъ о снѣ и покоѣ.

Темная южная ночь, не знающая сумерекъ, тянется долго, но зато быстро смѣняется розовымъ утромъ, не задерживаемая разсвѣтомъ. На крыльцѣ консульства, въ креслѣ дремлетъ безстрашный, безсонный и безсмѣнный дежурный—сотникъ Семеновъ. Въ другомъ креслѣ дремлетъ штабсъ-капитанъ Нечволодовъ, готовый каждую минуту дешифрировать телеграммы. На верандѣ разложены цыновки, на которыхъ, какъ попало, спятъ волонтеры, смѣняющіе другъ-друга для ночныхъ обходовъ. Между волонтерами есть и люди почтеннаго возраста, желающіе на старости лѣтъ вспомнить юность, и мальчики, не желающіе отстать отъ взрослыхъ. Приходятъ и уходятъ русскіе, французскіе и итальянскіе офицеры.

Только стукъ копытъ лошади пролетающаго казака, звонокъ велосипедиста и далекіе выстрѣлы китайцевъ пугаютъ безмолвіе и тишину ночи.

Французы, русскіе, итальянцы, бельгійцы и датчане объединяются французскимъ консульствомъ. Остальныя націи собираются въ своихъ консульствахъ.

Нужно отдать справедливость русской, англійской и нѣмецкой колоніямъ, которыя весьма спокойно относятся къ положенію дѣлъ. Мущины и дамы попрежнему играютъ въ теннисъ и раскатываютъ на велосипедахъ. Но французская колонія довольно взволнована, тѣмъ болѣе что согласно распространеннымъ слухамъ боксеры главнымъ образомъ озлоблены противъ французскихъ миссіонеровъ и рѣшили прежде всего уничтожитъ французскую концессію.

Нѣкоторыя нервныя дамы со своими дѣтьми также приходятъ ночевать во французское консульство.

Однако не всѣ были согласны съ французскимъ консуломъ и полковникомъ Вогакомъ въ томъ, что событія принимаютъ тревожный оборотъ даже для Тяньцзина.

Мнѣ разсказывали объ интересномъ разговорѣ, который произошелъ на этихъ дняхъ между однимъ консуломъ и военнымъ. Военный говоритъ консулу:

— Я только что телеграфировалъ моему начальству, что по-

ложеніе дѣлъ въ Тяньцзинѣ очень опасно для иностранцевъ и просилъ немедленно прислать подкрѣпленій.

— А я,—отвѣтилъ консулъ,—телеграфировалъ моему посланнику въ Пекинѣ, что въ Тяньцзинѣ наоборотъ все спокойно и иностранцы въ безопасности.

— Вѣдь вы сами знаете, что это неправда. Зачѣмъ-же вы такъ телеграфировали?

— Я не могу телеграфировать иначе. Это можетъ не понравиться моему посланнику, который желаетъ, чтобы все обстояло благополучно.

27 мая

Вечеромъ 27 мая, у французскаго консула, какъ у старшаго, состоялось соединенное засѣданіе консуловъ и командировъ международныхъ десантовъ, для обсужденія экстреннаго требованія посланниковъ въ Пекинѣ о присылкѣ въ столицу новаго десанта для ихъ охраны.

Предсѣдателемъ засѣданія, на которомъ собралось около 20 человѣкъ консуловъ и офицеровъ, былъ старшій въ чинѣ—полковникъ Вогакъ. Онъ-же разрѣшилъ мнѣ присутствовать на засѣданіи какъ военному корреспонденту.

Были сообщены новости о положеніи дѣлъ. Генералъ Нѣ Ши Чэнъ два дня дрался съ боксерами, которыхъ хотѣлъ не допустить къ Тяньцзину. Число убитыхъ въ его войскахъ простирается до 50. Число убитыхъ боксеровъ простирается, по словамъ китайцевъ, отъ 20 до 500. Точная цифра никому неизвѣстна, да она и не имѣетъ значенія, такъ какъ убитые боксеры, какъ всѣмъ извѣстно, воскресаютъ на третій день. Нѣ со своими войсками отступилъ на востокъ, къ военному городку Лутай. За нападеніе на ихэтуанцевъ, находящихся подъ особеннымъ покровительствомъ китайской императрицы, которая называетъ ихъ въ своихъ тайныхъ приказахъ „возлюбленными сынами престола", генералъ Нѣ отрѣшенъ отъ должности, а два ина—эскадрона его кавалеріи, дравшіеся съ боксерами, отданы подъ судъ.

Вся мѣстность между Пекиномъ и Тяньцзиномъ кишитъ ихэтуанцами, которые теперь распоряжаются судьбами страны. Желѣзныя дороги на этомъ протяженіи находятся въ ихъ рукахъ. Они разрушаютъ полотно и сжигаютъ мосты, станціи и вагоны.

Командиры десантовъ: британскій, японскій, итальянскій, ав-

стрійскій и американскій, въ своихъ разнообразныхъ тропическихъ костюмахъ и каскахъ, напоминающихъ древнеримскіе шлемы только по виду, развалившись въ мягкихъ креслахъ консульской гостиной, побрякивая саблями и вооружившись планами, особенной серьезностью и важностью,—полагали, что необходимо немедленно выслать потребное число людей для возстановленія желѣзнодорожнаго пути и для освобожденія посольствъ сейчасъ же, какъ только путь будетъ въ исправности.

Полковникъ Вогакъ, который въ этомъ собраніи молодыхъ офицеровъ и консуловъ, не компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ, являлся единственнымъ опытнымъ и авторитетнымъ лицомъ, сказалъ въ отвѣтъ, что не можетъ видѣть пользы въ отправленіи слабой экспедиціи при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Менѣе 1500 человѣкъ не можетъ быть выслано для исправленія полотна, такъ какъ оно разрушено во многихъ мѣстахъ. Необходимо выждать прибытія изъ Портъ-Артура большихъ сухопутныхъ силъ, которыя только однѣ могутъ разсѣять скопища боксеровъ, возстановить спокойствіе и дать надежную охрану иностранцамъ. Тѣмъ не менѣе, если командиры и консула рѣшатъ отправить новые десанты теперь же, то и русскій отрядъ приметъ участіе въ этой экспедиціи, хотя, говорилъ полковникъ Вогакъ, онъ предсказываетъ ея полную неудачу, ввиду порчи пути и малочисленности десантовъ. Французскій консулъ совершенно согласился съ мнѣніемъ русскаго военнаго агента.

На засѣданіи была прочитана только что полученная телеграмма англійскаго посланника въ Пекинѣ Макдональда, который сообщалъ: „Положеніе крайне тяжелое—если не будутъ сдѣланы приготовленія къ немедленному выступленію на Пекинъ, то будетъ слишкомъ поздно“.

Эта телеграмма имѣла рѣшающее значеніе. Большинствомъ голосовъ было постановлено отправить на другой же день международный отрядъ по желѣзной дорогѣ въ Пекинъ. Было также рѣшено потребовать отъ Чжилійскаго вице-короля Юй Лу, имѣющаго свое постоянное мѣстопребываніе въ Тяньцзинѣ, чтобы онъ приказалъ приготовить поѣзда для десантовъ. Приэтомъ было установлено, что всѣ десанты будутъ приблизительно равной силы.

Россія и Франція, въ лицѣ полковника Вогака и консула Дюшэйляра, еще разъ подтвердили, что хотя русско-французскій отрядъ и присоединится къ экспедиціи, но они признаютъ всю ея безполезность при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Въ заключеніе Вогакъ предложилъ выработанный имъ планъ обороны европейскихъ концессій Тяньцзина, который былъ единогласно одобренъ и принятъ всѣми командирами десантовъ. Планъ обороны состоялъ въ слѣдующемъ:

Русскіе и французскіе посты разставлены по набережной рѣки Пэйхо, вдоль французской концессіи. Нападеніе ожидается либо съ противоположной стороны рѣки, либо со стороны китайскаго города. Для предупрежденія перваго случая, на мосту, который сдѣланъ на китайскихъ баржахъ и на ночь разводится, поставлена русская пушка; она можетъ обстрѣливать противоположный берегъ и набережную китайскаго города. Такъ какъ китайскій городъ непосредственно примыкаетъ къ французской концессіи, то это пограничное мѣсто особенно важно и опасно: здѣсь поставлены два казачьихъ пикета, которые вслучаѣ тревоги должны давать знать во французское консульство. Всѣ отступаютъ также къ консульству. Нападающіе китайцы сейчасъ же попадаютъ либо подъ огонь русской пушки на мосту, либо англійской, поставленной въ концѣ Таку-родъ и обстрѣливающей всю улицу, выходящую прямо на китайскіе кварталы.

Русскіе посты, обходя французскую концессію, подходятъ къ французскимъ постамъ, которые смыкаются съ американскими, англійскими, австрійскими, итальянскими и японскими, а послѣдніе соединяются снова съ русскими. Такимъ образомъ, международная колонія окружена цѣпью международныхъ постовъ, охраняемыхъ моряками разныхъ націй и русскими моряками и казаками.

Первымъ прибылъ въ Тяньцзинъ японскій десантъ, затѣмъ десанты съ американскаго и англійскихъ судовъ. Вице-король Юй Лу предостерегъ иностранныхъ командировъ отъ вступленія въ Пекинъ и воспретилъ управленію желѣзной дороги перевозить десанты въ Пекинъ.

Узнавъ объ этомъ посланники отправили энергичную ноту въ Цзунлиямынь, требующую немедленной доставки войскъ въ Пекинъ. Цзунлиямынь отвѣтилъ, что онъ дастъ окончательный отвѣтъ на это требованіе „завтра“.

Тогда посланники сдѣлали второе еще болѣе энергичное представленіе въ Цзунлиямынь, въ которомъ предупреждали китайское правительство, что если отправка войскъ въ Пекинъ будетъ задержана, то державы пошлютъ въ Пекинъ военныя силы въ необходимомъ количествѣ, на случай возможнаго противодѣйствія со стороны китайскаго правительства. Послѣ этого первый десантный

отрядъ Россіи, Франціи, Англіи, Америки, Германіи, Италіи и Японіи былъ пропущенъ въ столицу, куда онъ вступилъ 18 мая.

Теперь Юй Лу предстояло пропустить въ Пекинъ второй десантный отрядъ.

Онъ отвѣтилъ консуламъ, что никоимъ образомъ не можетъ согласиться на проѣздъ иностранныхъ войскъ безъ разрѣшенія пекинскаго правительства и приэтомъ увѣдомилъ, что возлѣ Тяньцзина расположилось 5000 человѣкъ императорскихъ регулярныхъ войскъ для охраны города.

Русскіе морскіе десанты приходятъ въ Тяньцзинъ почти ежедневно и съ такой поспѣшностью, что иногда не успѣваютъ захватить съ собою амуничныхъ вещей и продовольствія. А между тѣмъ, ввиду обилія войскъ, въ Тяньцзинѣ уже теперь ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ. Наши моряки и казаки прежде помѣщались въ зданіи, любезно предоставленномъ г-мъ Биндеромъ, представителемъ французскаго торговаго дома Оливье. Потомъ они перешли поближе къ русскому консульству, въ большой пустой домъ, приготовленный для склада. Это просторное, свѣтлое помѣщеніе вычистили, вымели, выложили цыновками. Офицеры и нижніе чины спятъ прямо на полу, по походному. Казачьи лошади стоятъ во дворѣ французскаго консульства.

Другіе десанты размѣстились по своимъ собственнымъ или дружественнымъ концессіямъ.

Относительно американскаго десанта въ Тяньцзинѣ разсказывали слѣдующій анекдотъ.

Прежде чѣмъ отправить американское военное судно „Мопосасу“ изъ Шанхая въ Тонку, вашингтонское правительство запросило по телеграфу командира, можетъ ли это судно ввиду своей старости благополучно дойти до мѣста назначенія.

Командиръ отвѣтилъ, что его судно можетъ идти только въ томъ случаѣ, если оно будетъ конвоировано другимъ судномъ. Сейчасъ же изъ Вашингтона былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Конвой не нуженъ. Отправьте одинъ „Мопосасу“. Если корабль можетъ идти съ конвоемъ, то онъ очень хорошо можетъ идти и безъ конвоя“.

Этотъ старый, двухколесный, деревянный пароходъ, вооруженный пушками—„Мопосасу“, скрѣпя сердце, отправился одинъ и благополучно добрался до Таку.

Чудесные ихэтуанцы грознымъ тайфуномъ проносятся по несчастной странѣ Чжили, и безъ того изнемогающей уже третій годъ отъ бездождья. Выйдя изъ Шаньдуна, они раздѣлились на двѣ волны. Одна двинулась на Пекинъ, другая хлынула на Тяньцзинъ, истребляя по пути все заморское. Сколько всѣхъ ихэтуанцевъ и друзей ихъ, никто не можетъ сосчитать. Ихэтуанцы говорятъ, что ихъ 100 тысячъ.

Посланники неба никому не даютъ пощады и жестоко караютъ всѣхъ, кто измѣнилъ родинѣ и вѣрѣ предковъ.

Поэтому прежде всего должны погибнуть тѣ, кто принялъ западную вѣру. Должны погибнуть тѣ, кто помогалъ иностранцамъ строить дьявольскую огненную желѣзную дорогу, кто проводилъ съ иностранцами проволоки для молніеносныхъ извѣстій и кто покупалъ что-либо заморское или торговалъ имъ.

Вокругъ Пекина ихэтуанцы уже наказали 19 городовъ и 243 деревни, въ которыхъ перебили или разорили около 900 семействъ, поклонявшихся Небесному Владыкѣ „Тѣнъ-Чжу“ (католики), и около 125 семействъ, покланявшихся Іисусу — „Ѣ-су“ (протестанты). Убытки послѣдователей первой вѣры доходятъ до 400,000 ланъ, убытки послѣдователей второй вѣры—до 20,000 ланъ.

Станціи желѣзной дороги въ Баодинфу, Фынтай, Тунчжоу, Бэйцанъ и Мацзяпу сожжены. 11 строителей дороги въ Баодинфу пропали безъ вѣсти. Богатыя мастерскія въ Фынтаѣ погибли— убытки составляютъ 200,000 ланъ.

Какъ истинные посланники неба, ихэтуанцы дѣлаютъ чудеса. Они не нуждаются въ пищѣ и могутъ не ѣсть три дня. Щепотки риса имъ достаточно, чтобы подкрѣпиться.

Они знаютъ чудесныя снадобья, которыя спасутъ ихъ отъ всякаго зла и вражескаго навожденія. Напримѣръ: семь сушеныхъ кислыхъ сливъ, вмѣстѣ съ растеніемъ тучжунъ, взятымъ на полъ-ланы, и сладкой сушеной травой, взятой тоже на полъ-ланы. Все вмѣстѣ смѣшать, опустить въ чанъ съ водою и пить.

Ихэтуанцы безсмертны, и вражеская пуля ихъ не можетъ погубить. Хотя въ недавней схваткѣ съ русскими казаками погибло нѣсколько ихэтуанцевъ, но они не умерли, а только уснули и воскреснутъ черезъ три дня. Если не черезъ три дня, то черезъ семь. А черезъ мѣсяцъ всѣ воскреснутъ навѣрное.

Если желѣзная дорога, желѣзные вагоны и желѣзные мосты разрушены одними руками ихэтуанцевъ; если ими порваны удиви-

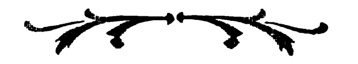
тельныя желѣзныя проволоки, переносящія извѣстія; если зарево и дымъ пожарищъ, учиненныхъ ихэтуанцами, окутали небо отъ Пекина до Тяньцзина; если смѣлые ихэтуанцы осадили уже самихъ посланниковъ въ Пекинѣ и сама старая богдыханша назвала

Сотникъ Семеновъ.

ихъ „своими возлюбленными сынами", — то какже не вѣрить въ силу и чудеса этихъ небесныхъ посланниковъ, которые возродятъ Срединное государство, прогонятъ ненавистныхъ иностранцевъ и откроютъ для китайцевъ зарю новой жизни?

Такова была народная молва.

Англійскіе моряки.

Выступленіе экспедиціи адмирала Сеймура

28 мая

Когда событія боксерскаго возстанія еще только разгорались и когда такъ называемые знатоки Китая расходились во взглядахъ на смыслъ и дальнѣйшій оборотъ неожиданнаго китайскаго народнаго движенія и несмотря на то, что это движеніе имѣло своею первою и совершенно ясно выраженною цѣлью борьбу со всѣми иностранцами,—однако уже въ первые дни боксерской эпопеи между иностранными отрядами стали проскальзывать признаки взаимнаго недовѣрія и страннаго соревнованія, какъ будто въ дѣлѣ защиты иностранцевъ отъ общаго и фанатически настроеннаго противника, у отдѣльныхъ отрядовъ могутъ быть отдѣльныя цѣли и соображенія, помимо общихъ. Во всякомъ случаѣ уже тогда между союзниками было навѣрное меньше согласія, искренности и довѣрія другъ къ другу, чѣмъ между боксерами и китайскимъ правительствомъ. Починъ такимъ отношеніямъ положили иниціаторы многихъ международныхъ недоразумѣній—англичане.

Въ воскресенье 28 мая на Тяньцзинскомъ вокзалѣ уже съ утра было большое скопленіе и движеніе войскъ различныхъ союзныхъ націй. Изъ Таку пришло нѣсколько поѣздовъ, переполненныхъ бравыми солдатами въ синихъ, бѣлыхъ или коричневыхъ тропическихъ мундирахъ, съ бѣлыми шлемами. Поѣзда лихо подка-

тили къ станціи и сейчасъ же уѣхали дальше на Пекинъ: это была англійская морская пѣхота, прибывшая съ судовъ англійской эскадры.

— Но отчего же ихъ такъ много?

— Англичане навѣрное хотятъ что-то устроить, — говорилъ полковникъ Вогакъ, — вчера англійскій консулъ обѣщалъ мнѣ, что Англія пошлетъ въ Пекинъ столько же солдатъ, сколько и другіе союзники, а между тѣмъ этихъ англійскихъ шлемовъ видимо невидимо. Консулъ увѣрялъ меня, что будетъ отправлено не болѣе 200—300 англичанъ, и я такую же цыфру долженъ былъ просить съ русскихъ судовъ.

Снова подошелъ поѣздъ. Изъ переднихъ открытыхъ платформъ снова высовывались синіе, красные мундиры и бѣлые шлемы, изъ подъ которыхъ глядѣли торжествующія выбритыя лица англичанъ. Далѣе видны бѣлые шлемы и синія куртки французовъ, далѣе— большіе неуклюжіе коричневые шлемы и коричневыя куртки германцевъ; задорно загнутыя мягкія шляпы американцевъ; маленькія бѣлыя фуражки японцевъ.

Наконецъ показались вагоны, наполненные матросами въ бѣлыхъ рубахахъ, съ большими черными сапогами и улыбающимися простодушными лицами. Это былъ русскій морской десантъ, пришедшій подъ начальствомъ капитана 2 ранга Чагина.

Такъ какъ управленіе желѣзной дороги не хотѣло давать поѣздовъ, увѣряя, что путь разрушенъ мятежниками, то англичане и нѣмцы сами вошли въ депо, насильно взяли паровозы и посадили своихъ машинистовъ.

Въ этотъ день было отправлено три поѣзда, на которыхъ ушли: 915 англичанъ, 450 германцевъ, 313 русскихъ, 158 французовъ, 100 американцевъ, 52 японца, 40 итальянцевъ и 25 австрійцевъ. Во главѣ этого экспедиціоннаго отряда ѣхалъ начальникъ Британской Тихоокеанской эскадры вице-адмиралъ Сеймуръ. Полковникъ Вогакъ былъ крайне возмущенъ:

— Я уже нѣсколько разъ телеграфировалъ, чтобы былъ присланъ болѣе сильный русскій отрядъ, но насъ предупредили англичане. Они раньше насъ сознали опасность и сразу двинули отрядъ, который въ три раза сильнѣе нашего. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что адмиралъ Сеймуръ получилъ извѣстіе объ особенно тревожномъ положеніи Пекина и, желая создать себѣ славу спасителя посольствъ, тайно организовалъ эту освободительную экспедицію. Какъ видно адмиралъ со всею своею экспедиціей отпра-

вился налегкѣ и воображаетъ, что онъ сдѣлаетъ блестящую военную прогулку и будетъ сегодня вечеромъ въ Пекинѣ, но онъ горько ошибается. Даже съ 2000 человѣкъ, которыми онъ располагаетъ, ему ничего не удастся сдѣлать и онъ скоро вернется обратно съ пустыми руками. Хорошо, если ему еще удастся вернуться благополучно.

Сегодня въ 2 часа дня послѣдняя телеграфная проволока между Пекиномъ и Тяньцзиномъ, которой пользовалось только китайское правительство, уничтожена боксерами. По слухамъ всѣ телеграфныя линіи, бывшія вокругъ Пекина, разрушены.

Такимъ образомъ русскія и другія миссіи въ Пекинѣ окончательно отрѣзаны отъ непосредственныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и участь иностранцевъ предоставлена благоразумію и доброй совѣсти китайскаго правительства.

Адмиралъ Сеймуръ отправилъ свою экспедицію очень поспѣшно. Десанты ушли безъ всякаго обоза, захвативъ провизію только на двое, трое сутокъ. На каждаго человѣка было дано отъ 200 до 250 патроновъ.

29 мая

Сегодня былъ отправленъ четвертый дополнительный поѣздъ, вооруженный нѣсколькими орудіями Гочкиса. Съ этимъ же поѣздомъ ушелъ отрядъ русскихъ матросовъ, который не успѣлъ уйти наканунѣ. Съ отрядомъ отправился лейтенантъ Бурхановскій, посланный ранѣе курьеромъ въ Пекинъ и не имѣвшій возможности прибыть, такъ какъ путь былъ разрушенъ.

Начальникомъ всего русскаго морского десанта, принявшаго участіе въ экспедиціи Сеймура, былъ капитанъ 2 ранга Чагинъ. Кромѣ лейтенанта Бурхановскаго въ нашемъ десантѣ находились слѣдующіе офицеры: лейтенантъ Заботкинъ и мичмана: Зельгеймъ, Кехли, Пелль, Кноррингъ и докторъ Островскій.

Сегодня получено извѣстіе, что адмиралъ Сеймуръ не только еще не обѣдаетъ въ Пекинѣ у посланниковъ, какъ онъ предполагалъ, но со своей экспедиціей онъ не сдѣлалъ еще и половины пути и дошелъ съ большими трудностями только до станціи Лофа. Желѣзнодорожный путь всюду разрушенъ. Станціи сожжены. Чѣмъ ближе къ Пекину, тѣмъ дорога болѣе испорчена. Спереди и сзади экспедиціи боксеры на глазахъ союзниковъ портятъ путь и разбѣ-

гаются, когда противъ нихъ высылаютъ солдатъ. Международный отрядъ все время исправляетъ полотно, но работы подвигаются крайне медленно за недостаткомъ матерьяловъ.

Попутныя деревни сожжены боксерами, жители разбѣжались и съѣстныхъ припасовъ достать негдѣ. Всѣ союзники страдаютъ отъ недостатка пищи, воды и жестокаго зноя.

По поводу этихъ неутѣшительныхъ извѣстій одинъ русскій офицеръ въ Тяньцзинѣ сказалъ:

— Цзунлиямынь далъ свое согласіе на вводъ въ Пекинъ 2000 человѣкъ иностранныхъ войскъ для охраны миссій. Можетъ быть китайцы и впустятъ экспедицію адмирала въ Пекинъ, но еще вопросъ, допустятъ ли они ее дойти до Пекина. Адмиралъ Сеймуръ хотѣлъ освободить Пекинъ безъ русскихъ, но, вѣроятно, скоро русскіе будутъ освобождать адмирала и его скороспѣлую экспедицію.

Предсказаніе русскаго офицера исполнилось черезъ двѣ недѣли.

Генералъ Анисимовъ.

Отрядъ полковника Анисимова

30 Мая

28-го мая, въ 5 часовъ дня, въ Портъ-Артурѣ адмиралъ Алексѣевъ получилъ Высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ Пекинъ десантнаго отряда сухопутныхъ войскъ съ артиллеріей. Было повелѣно держать наготовѣ отрядъ въ количествѣ 4.000 человѣкъ.

Въ ту же ночь были изготовлены всѣ приспособленія для пріема лошадей и орудій, а на другой день рано утромъ артиллерія, казаки, саперы и весь 12-ый Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ были посажены на суда: броненосцы „Наваринъ“ и „Петропавловскъ“, крейсеръ „Дмитрій Донской“, канонерки „Отважный“, „Гремящій“, „Манджуръ“ и „Бобръ“.

Передъ выступленіемъ въ походъ командиръ полка полковникъ Анисимовъ сказалъ нѣсколько словъ своимъ солдатамъ и офицерамъ, поздравилъ съ походомъ, объяснилъ, зачѣмъ полкъ идетъ въ Китай, и напомнилъ, что тотъ Тигровый полкъ, который жилъ на Тигровомъ полуостровѣ Квантуна, оправдаетъ свое названіе, если понадобится воевать. Въ заключеніе онъ сказалъ: „А теперь перекреститесь, братцы, и маршъ!“

Адмиралъ Алексѣевъ прибылъ на броненосецъ „Петропавловскъ“, на которомъ находился 1-ый батальонъ 12-го полка, и послѣ молебна сказалъ напутственную рѣчь солдатамъ:

„Вы—говорилъ адмиралъ—отправляетесь въ Китай не съ военной цѣлью, а съ цѣлью мирной. Вы служили на Квантунѣ при тяжелой обстановкѣ, гдѣ требовалось много труда и выносливости и уже доказали свою способность къ мирной службѣ. Теперь же вы отправляетесь на новую иную дѣятельность, и я увѣренъ, что тамъ вы покажете себя такими же молодцами, какими вы были здѣсь. Будьте тверды, выносливы, строго соблюдайте дисциплину, не обижайте мирныхъ жителей. Помните, что русскій солдатъ прежде всего христіанинъ, а потому долженъ быть добрымъ къ тѣмъ, кто не дѣлаетъ ему вреда. Ваши предки не разъ доказали это“.

„Я придаю особенное значеніе тому, что вамъ выпала честь идти именно на кораблѣ „Петропавловскъ“ и вижу въ этомъ хорошее предзнаменованіе. При Петропавловскѣ нашъ русскій флотъ совмѣстно съ сухопутными войсками геройски отстаивалъ нападеніе соединенной англо-французской эскадры. При Петропавловскѣ русскій матросъ рука объ руку съ русскимъ солдатомъ геройски отстаивалъ свое отечество“.

Экспедиціонный отрядъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Анисимова и при офицерахъ генеральнаго штаба подполковникахъ Илинскомъ и Самойловѣ, состоялъ изъ 12-го полка, 4-хъ орудій 2-ой батареи Вост.-Сиб. стрѣлк. артил. дивизіона, Квантунской саперной роты и 6-ой сотни 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка.

Въ 12 час. дня всѣ суда эскадры, принявшія экспедиціонный отрядъ, снялись съ портъ-артурскаго рейда и ушли въ Таку. Начальникомъ эскадры былъ контръ-адмиралъ Веселаго.

30 мая, рано утромъ эскадра была въ Таку.

Въ 1 часъ дня отрядъ былъ посаженъ на гребныя суда и, благополучно миновавъ китайскіе форты, вошелъ въ рѣку Пэйхо и прибылъ на станцію Тонку, гдѣ былъ встрѣченъ полковникомъ Вогакомъ, полковникомъ Вороновымъ и секретаремъ нашего кон-

сульства въ Тяньцзинѣ Поппе. Русскіе и иностранцы со страхомъ и нетерпѣніемъ ожидали прибытія русскаго отряда, такъ какъ всѣ боялись за его благополучный проходъ мимо фортовъ.

Анисимовъ и Вогакъ рѣшили немедленно двинуть полкъ по желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинъ, не дожидаясь обоза, артиллеріи и лошадей. Однако англичане-агенты, завѣдывавшіе движеніемъ китайской дороги, наотрѣзъ отказались дать поѣздъ, ссылаясь на то, что они не имѣли разрѣшенія отъ своего китайскаго начальства, а также—на то, что нѣтъ свободныхъ вагоновъ и платформъ. Цѣлый рядъ платформъ оказался занятъ багажомъ интернаціональнаго цирка, который возвращался изъ Тяньцзина, гдѣ онъ думалъ давать представленія. Боксеры заставили его обратиться въ поспѣшное бѣгство Англичане извинялись, что изъ-за цирка они никакъ не могутъ дать ни вагоновъ, ни платформъ для русскихъ освободительныхъ войскъ.

Полковникамъ Вогаку и Самойлову пришлось долгое время урезонивать неуступчивыхъ англичанъ, пока они, наконецъ, не убѣдились и не дали нѣсколько вагоновъ и грязныхъ платформъ, служившихъ для перевозки угля.

Въ 11 час. ночи поѣздъ тронулся въ Тяньцзинъ.

Съ тревогою ожидали Тяньцзинцы прибытія русскаго отряда.

Въ Тяньцзинѣ въ это время находились слѣдующіе международные десанты: русскихъ—25 казаковъ и 44 матроса подъ командою лейтенанта барона Каульбарса, при мичманахъ—Глазенапѣ, Браше и Дэнѣ. Около сотни англичанъ; 50 нѣмцевъ; 35 итальянцевъ; 30 французовъ; 30 японцевъ и нѣсколько американцевъ.

У русскихъ было 4 маленькихъ морскихъ пушки Барановскаго. У англичанъ 2 полевыхъ орудія и 2 морскихъ скорострѣльныхъ пушки, которыя были поставлены на желѣзнодорожныя платформы. У французовъ и нѣмцевъ были пулеметы и десантныя орудія. Орудія были разставлены по окраинамъ концессій и противъ китайскаго города.

30 мая вечеромъ русскіе и иностранцы, въ томъ числѣ нѣсколько дамъ и дѣвицъ изъ европейской колоніи, собрались на Тяньцзинскомъ вокзалѣ для встрѣчи русскаго отряда. Пріѣхалъ французскій консулъ графъ Дюшэйляръ съ цѣлью привѣтствовать прибытіе русскихъ отъ имени дружественной французской колоніи.

Всѣ долго ждали и съ нетерпѣніемъ посматривали на темный горизонтъ, въ сторону Тонку.

Отдѣльно отъ общества стояло нѣсколько дамъ не первой молодости, одѣтыхъ просто и изящно. Одна изъ нихъ, красивая женщина, съ видной фигурой и южными чертами лица, пріѣхала на велосипедѣ и была въ костюмѣ туристки.

— Кто эти дамы?—спросилъ я одного русскаго—постояннаго жителя Тяньцзина.

— А это наши американки,—отвѣтилъ онъ,—хотя онѣ не всѣ американскаго происхожденія. Онѣ только такъ называются, такъ какъ между ними встрѣчаются разныя національности. Это явленіе и продуктъ горячей и фантастической жизни Дальняго Востока—это интелигентныя, иногда очень состоятельныя женщины-авантюристки, разочарованныя въ жизни, живущія теперь свободно и привольно и срывающія съ жизни ея легкія мимолетныя радости и удовольствія. Это женщины съ безграничнымъ сердцемъ, скрашивающія и ласкающія невеселую жизнь тѣхъ, кого рокъ сослалъ на Дальній Востокъ. Это наши „тучки небесныя—вѣчныя странницы, вѣчно холодныя, вѣчно свободныя“.

Китайскіе солдаты.

По другую сторону полотна желѣзной дороги тѣснилась огромная толпа китайцевъ. Китайскіе полицейскіе важно проходили передъ толпой, покрикивали и безцеремонно били палками, когда толпа слишкомъ напирала, шумѣла и забиралась на рельсы. Я вошелъ въ толпу съ цѣлью хоть немного проникнуть въ ея психологію. Китайцы съ изумленіемъ смотрѣли на иностранцевъ, но

ихъ тупыя загорѣлыя и грязныя лица со скулами и косыми безсмысленными глазами ничего не выражали, кромѣ страшнаго любопытства. Всѣхъ занимала одна мысль: поглазѣть на иностранцевъ, которыхъ будутъ рѣзать боксеры и которые, того не подозрѣвая, всѣ до единаго будутъ перебиты.

Въ полѣ передъ вокзаломъ чернѣло нѣсколько синихъ палатоку, это были китайскіе военные пикеты, охранявшіе желѣзную дорогъ.

Я вышелъ въ поле, которое дремало, залитое свѣтомъ луны: поднявшейся изъ-за горизонта.

Изъ ближайшей палатки показалось нѣсколько китайскихъ солдатъ съ ружьями, которые подошли ко мнѣ.

Я обратился къ одному изъ нихъ:

— Ни хао?

— Хао.

— Ни хао?

— Хэнъ хао!

— Ни гуй синъ?

— Во синъ Ли.

— Ни гуй синъ?

— Во синъ Янъ.

— Ни до да суй шо?

— Эръ ши ву.

— Ни ю цзи суй?

— Во эръ ши ци.

— А! Ни би во да. Айя! Ни шо дэ чжунъ го хуа хэнъ хао!

— Ты здоровъ?—спросилъ я китайскаго солдата.

— Здоровъ.

— Ты здоровъ?—спросилъ меня солдатъ въ свою очередь.

— Очень здоровъ. Твое дорогое имя?—поспѣшилъ я спросить солдата, слѣдуя правилу китайской вѣжливости.

— Мое имя Ли-Слива.

— Твое дорогое имя?—спросилъ китаецъ.

— Мое имя Янъ-Тополь.

— Очень хорошо!—похвалилъ китаецъ мое имя.

— Ты считаешь себѣ сколько лѣтъ?

— Двадцать пять,—сказалъ китаецъ и спросилъ:

— Ты сколько лѣтъ имѣешь?

— Я двадцать семь.

— А! Ты старше меня. Айя! Ты очень хорошо говоришь покитайски.

Подобнымъ же образомъ я отрекомендовался и прочимъ солдатамъ, окружившимъ насъ.

Мы разговорились. Солдаты были одѣты въ синія бумажныя кофты, поверхъ которыхъ они имѣли синія безрукавки съ красной каймой и золочеными пуговками. На ногахъ были одѣты синія шаровары и суконные сапоги на высокихъ бѣлыхъ подошвахъ изъ бумаги. Голова была обмотана чернымъ платкомъ, скрывавшимъ косу, свернутую для удобства, чтобы она не болталась. На черномъ кожаномъ поясѣ была золоченая бляха, изображавшая двухъ драконовъ. Поверхъ пояса одѣта перевязь съ крупными патронами Маузера.

Ихъ смуглыя лица, кромѣ добродушія, любопытства, праздности и принадлежности къ китайскому племени, ничего болѣе не говорили.

Солдаты сейчасъ же спросили меня:

— Ты конечно англичанинъ?

— Нѣтъ, я русскій.

— Это очень хорошо, что ты русскій. Россія — большое и сильное государство. Русскіе—хорошіе люди, а англичанъ мы не любимъ. Англичане — гордые люди и колотятъ нашъ бѣдный народъ палками. Откуда ты пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ изъ Ліушунькоу-Портъ-Артура. Вы знаете, что Ліушунькоу теперь занимаютъ русскіе?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Русскіе уже два года живутъ въ Ліушунькоу.

— Нѣтъ, не слыхали. Слыхали только, что русскіе зачѣмъ-то пришли въ Ліушунькоу. Говорятъ, что Хуанъ-шанъ, нашъ императоръ, просилъ русскихъ прійти въ Ліушунькоу, чтобы прогнать японцевъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь стоите?—спросилъ я.

— Мы охраняемъ желѣзную дорогу отъ ихэтуань. Ихэтуань—нехорошіе люди. Они жгутъ деревни, грабятъ народъ и хотятъ разрушить дорогу. Мы уже били ихъ подъ Янцунемъ. Генералъ Нѣ Ши Чэнъ, нашъ начальникъ, послалъ насъ разогнать ихъ. Но Ситайхоу, наша старая императрица, приказала не трогать ихэтуань. Генералъ Нѣ разсердился и ушелъ въ Лутай. Но мы всетаки успѣли подраться съ ихэтуань. Мы ихъ убили 1000 человѣкъ, но они тоже убили много нашихъ солдатъ. Мы имъ за это крѣпко отомстимъ и не одинъ ихэтуанецъ не уйдетъ отъ насъ цѣлымъ,—говорили солдаты, злобно указывая на деревню передъ вокзаломъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, — мы съ вами друзья. Русскія и иностранныя войска пришли въ Тяньцзинъ, чтобы тоже охранять мирный народъ и спокойствіе.

— Конечно, мы друзья,—заговорили китайцы

— Пынъ ю, пынъ ю, хао пынъ ю! Друзья! Друзья!

Послышались свистки паровоза, подходившаго къ станціи.

Я распрощался съ моими собесѣдниками и сообщилъ имъ, что на поѣздѣ пришли русскіе солдаты, на что тѣ хоромъ отвѣтили:

— Динъ хао! Динъ хао!—

— Весьма хорошо! весьма хорошо!

Было около двухъ часовъ ночи. Европейцы, собравшіеся на вокзалѣ встрѣтить русскій полкъ, ждали, ждали и разошлись. Осталось только нѣсколько человѣкъ русскихъ, комерсантъ Батуевъ, французскій консулъ графъ Дюшэйляръ и полковникъ Вогакъ, вернувшійся изъ Таку. Присутствовало также нѣсколько французовъ и одна молодая дама изъ числа тѣхъ бѣглецовъ, которые спаслись изъ Баодинфу. Для встрѣчи товарищей были выстроены русскіе матросы, бывшіе въ Тяньцзинѣ.

Сердце русское радовалось видя вагоны и открытыя платформы, усыпанныя русскими стрѣлками съ загорѣлыми здоровыми и веселыми лицами, въ бѣлыхъ фуражкахъ и бѣлыхъ рубахахъ, ярко освѣщенныхъ полнымъ мѣсяцемъ. Отрадно было видѣть простыхъ русскихъ солдатиковъ, храбрости и выносливости которыхъ нынѣ ввѣрялась жизнь просвѣщенныхъ европейцевъ въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ. Пріятно было видѣть рослыхъ русскихъ лошадей, которыя, испытавъ всѣ трудности морского путешествія и перегрузки съ судна на судно, теперь спокойно стояли на платформахъ и весело обмахивались хвостами.

Безъ шума и толкотни солдаты со всей амуниціей одинъ за другимъ повылѣзали изъ вагоновъ и длиннымъ развернутымъ фронтомъ выстроились на платформѣ вокзала. На правомъ флангѣ стоялъ хоръ музыки.

Командиръ полка Анисимовъ своимъ тихимъ спокойнымъ голосомъ скомандовалъ встрѣчу знамени.

Зазвенѣло оружіе, и мѣсяцъ заигралъ на солдатскихъ ружьяхъ, взятыхъ на-караулъ, — и на опустившихся шашкахъ офицеровъ.

Дрогнули звуки русскаго встрѣчнаго марша, перекликнулись между длинными каменными стѣнами вокзала, разбудили Пэйхо и отраженные сонной гладью рѣки, понеслись бодрящей вѣстью по европейскимъ концессіямъ.

Русскіе и иностранцы сняли шляпы,—и новое полковое знамя съ золотымъ наконечникомъ, символъ вѣры, долга и мужества, было пронесено передъ всѣмъ фронтомъ.

Это была послѣдняя торжественная и красивая картина, которую тяньцзинцы видѣли на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Черезъ два дня вокзалъ былъ уже свидѣтелемъ жестокихъ картинъ кровопролитія и истребленія и сдѣлался ареною храбрости, стойкости и безвременной гибели многихъ русскихъ и союзныхъ солдатъ и офицеровъ.

Полкъ перестроился и съ музыкой, черезъ мостъ на Пэйхо, двинулся въ европейскій городъ.

Для бивака было отведено пустопорожнее мѣсто, принадлежавшее Старцеву и находившееся почти въ серединѣ французской концессіи, между улицами Rue Baron de Dillon и Rue du Chemin de fer, гдѣ полкъ сталъ сейчасъ же располагаться лагеремъ.

Солдаты разбили палатки и измученные отъ усталости и голода повалились наземь. Офицеры разошлись по русскимъ домамъ.

Командиръ 12-го Вост.-Сиб. Стрѣлк. полка, полковникъ Анисимовъ, которому пришлось первому вмѣстѣ со своимъ полкомъ отстаивать европейскія концессіи въ Тяньцзинѣ, осажденныя китайскими войсками, и боксерами, уже испыталъ всѣ труды и тягости боевой жизни въ тяжелую годину Турецкой кампаніи. 23 октября 1877 года въ дѣлѣ при Деве-Бойну, съ 15 солдатами своей роты, онъ первый взошелъ на высоту, занятую турецкой артиллеріей и отбилъ два непріятельскихъ орудія. За свой подвигъ онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. Когда въ Одессѣ былъ сформированъ 12-ый Вост.-Сиб. Стрѣлк. полкъ, К. А. Анисимовъ былъ назначенъ первымъ командиромъ этого полка и сумѣлъ заложить въ солдатахъ и офицерахъ молодого полка тѣ благородныя боевыя традиціи, которыя онъ вынесъ изъ Турецкой кампаніи и своей собственной доблестной службы. Не успѣлъ 12-ый полкъ прибыть на Квантунъ, какъ полку нужно было сразу нести трудную аванпостную службу на Цзиньчжоускихъ позиціяхъ для охраны квантунской границы. Не только солдатамъ и офицерамъ, но и офицерскимъ семьямъ пришлось поселиться въ жалкихъ китайскихъ деревенскихъ домикахъ, жить по походному и страдать лѣтомъ отъ зноя, а зимою отъ вѣтра и холода.

Не задолго до боксерскаго возстанія 12-ый полкъ былъ перевезенъ въ Портъ-Артуръ и размѣщенъ въ наскоро построенныхъ баракахъ и казармахъ на Тигровомъ полуостровѣ. Не успѣлъ

полкъ устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ былъ переброшенъ въ Тяньцзинъ для охраны иностранцевъ.

25 марта 1900 года, на полковомъ праздникѣ по случаю Высочайшаго пожалованія молодому 12-му полку знамени, К. А. Анисимовъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ:

„Не дрогнула, господа, у меня рука, когда я принималъ Высочайше пожалованное знамя. Этотъ знакъ высокаго Монаршаго благоволенія полкомъ еще не заслуженъ, но я надѣюсь, что мы его заслужимъ. Болѣе, я увѣренъ, что мы оправдаемъ высокую милость нашего Державнаго Вождя. Увѣренность свою я основываю на высокихъ качествахъ русскаго солдата. Качества эти: мужество, храбрость, выносливость, а главное безпредѣльная преданность своему Государю и любовь къ родинѣ.

„Тихо, безропотно угасали и отдавали свою жизнь Русскіе солдаты за свою дорогую родину.

„Я не боюсь за честь 12-го полка, она въ надежныхъ рукахъ, въ рукахъ русскаго солдата, а солдаты 12-го полка тѣ же. Они собраны со всѣхъ концовъ нашей необъятной матушки Россіи и проникнуты тою же любовью къ своей родинѣ и тою же безпредѣльною преданностью къ своему Монарху. Да къ тому же это и не новобранцы. Они принесли съ собою цѣлыя сокровища въ видѣ боевыхъ традицій тѣхъ славныхъ полковъ, изъ которыхъ сформированъ 12-й полкъ. Въ составъ его 1-го батальона вошли роты 9, 10, 11 и 12-го Стрѣлковыхъ полковъ 3-й Стрѣлковой бригады, которые успѣли уже покрыть себя боевой славой въ минувшую кампанію и получили Георгіевскія знамена за Шейново. 11 полкъ за Шейново имѣетъ отличіе на головномъ уборѣ, а Георгіевское знамя получилъ еще въ Крымскую кампанію. Были стрѣлки и при усмиреніи польскаго возстанія въ 1863 году и подъ Севастополемъ въ 1854 году. А въ минувшую кампанію: Балканы, Ловча, Шейново, Шипка, Зеленыя горы, Плевна,—всюду стрѣлки оставили свой славный слѣдъ.

„2-й батальонъ составленъ изъ полковъ 15-й пѣхотной дивизіи Модлинскаго, Люблинскаго, Прагскаго и Замосцкаго. Они сформированы еще въ 31 году, и съ перваго же года своего существованія приняли участіе въ бояхъ во время польскаго возстанія: видѣла ихъ Варшава въ 31 году, знаютъ Венгры съ 49 года. Знакомы имъ и заоблачныя вершины неприступнаго Кавказа: проходили они черезъ Андійскія Ворота, передъ которыми Ѳермопилы

грековъ показались-бы легкой забавой. Аулъ-Дарго, это непреступное орлиное гнѣздо Кавказа, скрывающееся за облаками, которое самъ Шамиль считалъ неприступнымъ для обыкновеннаго человѣка, но это гнѣздо было сброшено съ вершины въ пропасть въ числѣ другихъ и полками 15-й дивизіи. Они же подъ Севастополемъ были славными его защитниками. Малаховъ курганъ былъ ими защищаемъ, и французы у нихъ его не взяли. Нѣтъ, они вошли на бастіонъ, когда защитниковъ тамъ уже не было: лежали только трупы ихъ.

„Все сказанное даетъ мнѣ увѣренность повторить словами поэта, что если будетъ нужно, то и мы сумѣемъ умереть, какъ наши предки умирали.“

Эта рѣчь была сказана полковникомъ Анисимовымъ въ Портъ-Артурѣ за 2 мѣсяца до разыгравшихся событій, и всѣ солдаты и офицеры 12-го полка скоро оправдали пророчество своего командира.

Знаменоносецъ 12-го В.-С. С. полка Яковлевъ.

Передъ грозой

31 Мая

Сегодня вечеромъ въ Тяньцзинъ пришла наша артиллерія: 4 полевыхъ орудія 2-ой батареи Вост.-Сиб. стрѣлк. дивизіона, подъ командою поручика Кобызскаго, при младшемъ офицерѣ подпоручикѣ Михайловскомъ и при бравомъ фельдфебелѣ, украшенномъ шевронами — Волоснухинѣ. На всѣ четыре орудія было взято 1200 снарядовъ. Орудія были легкаго типа, образца 1877 года, калибра 3—4 дюйма. Полубатарея стала на берегу Пэйхо недалеко отъ 12-го полка. Лошадей держали на коновязи.

Благодаря заботамъ полковника Вогака и неизмѣнному содѣйствію французскаго консула и секретаря французскаго муниципалитета Сабуро, китайскіе поставщики стали доставлять въ русскій лагерь хлѣбъ, яйца, зелень, быковъ и дрова. Воду получали изъ водопровода, построеннаго англичанами на берегу Пэйхо и снабжавшаго по трубамъ всѣ концессіи хорошо профильтрованной питьевой водой изъ Пэйхо. Китайцы доставляли воду изъ водопровода въ бочкахъ для нуждъ русскаго лагеря. Грязножелтая вода Пэйхо некрасива на видъ, но не имѣетъ ни запаха, ни привкуса и ее можно пить прямо изъ рѣки съ рискомъ заболѣть чѣмъ угодно.

Въ лагерѣ правильными рядами выстроились солдатскія походныя палатки. Съ одной стороны двора были поставлены на коновязи кони, съ другой стороны расположились двуколки и дымящія походныя кухни. Въ глубинѣ двора хлѣбопеки приспособили какой-то китайскій домикъ для своей пекарни.

Въ иностранныхъ и китайскихъ магазинахъ стали показываться русскіе солдатики. Въ первый разъ видя иностранный городъ и не говоря ни на одномъ языкѣ, кромѣ своего родного, наши

находчивые солдаты тѣмъ не менѣе чувствовали себя въ Тяньцзинѣ какъ дома. Съ записками или безъ записокъ отъ офицеровъ они не стѣсняясь ходили всюду, куда ихъ посылали, отыскивали магазины, которые имъ были необходимы, Богъ вѣсть какъ объяснялись съ иностранцами и умѣли всегда растолковать и объяснить, что имъ нужно. Повидимому, солдаты предпочитали имѣть дѣло съ китайскими купцами, такъ какъ знали нѣсколько китайскихъ словъ изъ Портъ-Артура. Они подолгу засиживались въ китайскихъ лавкахъ, о чемъ-то бесѣдовали, изъ-за чего-то торговались на русско-китайскомъ нарѣчіи, о чемъ-то смѣялись вмѣстѣ съ китайскими торговцами и расходились очень довольные китайскимъ обхожденіемъ.

Видя цѣлый полкъ русскихъ солдатъ, беззаботно гуляющихъ по городу, весело распѣвающихъ свои удалыя пѣсни, отъ которыхъ гремѣли стѣны зданій европейскихъ концессій, европейцы сами повеселѣли, пріободрились и нашли для себя новое развлеченіе ходить въ русскій лагерь и смотрѣть, какъ русскіе поютъ, ѣдятъ свою кашу и пьютъ свой чай.

Былъ ли дѣйствительно Чжилійскій вице-король Юй Лу убѣжденъ въ безвредности возстанія боксеровъ и въ полной безопасности европейцевъ, для чего ему нужно было совершенно не понимать положенія дѣлъ, или же онъ былъ только игрушкою въ рукахъ пекинскихъ узурпаторовъ и исполнялъ только то, что было ему приказано изъ Цзюнь Цзи Чу—Верховнаго Совѣта въ Пекинѣ;— однако онъ продолжалъ увѣрять иностранцевъ въ томъ, что подъ его охраною имъ нечего бояться.

Съ другой стороны, изъ Пекина попрежнему не было никакихъ извѣстій, и посланники продолжали оставаться въ осадѣ, отрѣзанные отъ всего міра.

Что касается адмирала Сеймура, то по полученнымъ извѣстіямъ онъ очень медленно подвигался впередъ къ Пекину, дѣлая 2—4 версты въ день.

Вогакъ полагалъ, что по указаннымъ причинамъ 12-ый полкъ долженъ немедленно и налегкѣ двинуться въ Пекинъ, не по разрушенной желѣзной дорогѣ, а по обыкновенной грунтовой, имѣющей 120 верстъ до столицы. Обозъ было предположено везти на китайскихъ подводахъ. Сперва Анисимовъ согласился съ мнѣніемъ полковника Вогака, но достать подводы нигдѣ не было возможности: китайцы ни за какія деньги не соглашались давать своихъ лошадей или телѣги изъ боязни мести боксеровъ. Это неожиданное обстоятельство задерживало выступленіе въ походъ 12-го полка.

Съ своей стороны полковникъ Анисимовъ признавалъ весьма рискованнымъ уходить въ глубь страны, не имѣя за собой надежной базы, и полагалъ, что было бы болѣе осторожно и цѣлесообразно подождать съ выступленіемъ до тѣхъ поръ, пока въ Тяньцзинѣ не будетъ собрано больше войскъ.

Осторожность полковника Анисимова и невозможность достать перевозочныя средства были причиною того, что полкъ остался въ Тяньцзинѣ и былъ его славнымъ защитникомъ.

Весьма возможно, что если бы 12-ый полкъ ушелъ вслѣдъ за Сеймуромъ съ цѣлью скорѣе пожать лавры освободителей Пекина, онъ испыталъ бы ту же печальную участь, что и отрядъ англійскаго адмирала.

Также возможно, что безъ своихъ доблестныхъ защитниковъ европейскія концессіи въ Тяньцзинѣ снова пережили бы рѣзню 1870 года.

1 Іюня

Грозовая туча уже нависла надъ Тяньцзиномъ.

Увы! это была не благодатная дождевая туча, которую китайцы уже два года ждали съ отчаяньемъ для своихъ полей.

Это была надвигавшаяся гроза народной злобы, мести и ослѣпленія.

Тяньцзинъ пустѣетъ. Напуганныя слухами о неистовствахъ боксеровъ и объ ихъ скоромъ нападеніи на городъ, встревоженные боевымъ видомъ Тяньцзина, движеніемъ войскъ и бѣгствомъ китайцевъ изъ европейскихъ концессій, европейскія семьи однѣ за другими покидаютъ городъ и спѣшатъ уѣхать по желѣзной дорогѣ, пока она еще не разрушена, въ Тонку, а оттуда на пароходѣ въ Шанхай, а изъ Шанхая за границу.

Интернаціональный циркъ, который по странной случайности помѣщался на одномъ участкѣ съ русскимъ лагеремъ, обклеилъ весь городъ длиннѣйшими афишами, но вмѣсто ожидаемыхъ сборовъ съ публики принужденъ былъ начать сборы въ дорогу и также весь разъѣхался.

Китайская прислуга, служившая у иностранцевъ, китайскіе повара, портные, прачки и конюхи, работавшіе на европейцевъ, разбѣгаются. Въ городѣ невозможно заказать себѣ ни одного костюма, такъ какъ все шилось китайцами. Нельзя исправить часовъ

даже у европейскихъ часовщиковъ, такъ какъ мастерами были китайцы. Помыть бѣлье представляетъ величайшія трудности, такъ какъ мыли китайцы. По городу волей неволей приходится ходить пѣшкомъ, такъ какъ ѣздить не на чемъ. Тяньзинскимъ джентльменамъ и лэди приходится не только самимъ готовить обѣды, подавать на столъ, но и самимъ чистить свои сапоги и отэли, самимъ всюду ходить, такъ какъ вся прислуга была китайская и послать некого.

Царство джентльмэновъ, роскоши и комфорта въ Тяньцзйнѣ кончилось и наступаетъ царство Робинзоновъ.

Красивыя улицы Тяньцзина пустынны и запущены. Тысячи рикшей, которые прежде стояли на всѣхъ перекресткахъ и какъ комары налетали на пассажира, желавшаго поѣхать, безслѣдно пропали. На улицахъ можно встрѣтить только военныхъ разныхъ націй и лишь очень храбрыя европеянки, не боящіяся остаться въ Тяньцзинѣ, иногда проѣзжаютъ на догкарахъ и велисопедахъ.

Русская колонія оказалась весьма храброй. Изъ русскихъ дамъ еще ни одна не собирается уѣзжать, надѣясь на защиту своихъ храбрыхъ мужей и на 12-ый полкъ.

Свободное отъ занятій время русскіе офицеры проводятъ въ русскихъ домахъ, главнымъ образомъ въ гостепріимнѣйшей семьѣ М. Д. Батуева, у полковника Вогака, у Лаутерштейна, управляющаго дѣлами Старцева, и у Садовникова, довѣреннаго Русско-китайскаго банка.

1 іюня въ 11 часовъ ночи сонный Тяньцзинъ былъ встревоженъ выстрѣлами, раздававшимися съ вокзала. Уснувшій русскій бивакъ мигомъ очнулся и, разобравъ ружья, былъ готовъ идти по первому приказанію. Полковникъ Анисимовъ поскакалъ на вокзалъ и узналъ, что вдоль линіи желѣзной дороги показались красные фонари, двигавшіеся на вокзалъ. Такъ какъ эти фонари могли принадлежать только боксерамъ, то взводъ нашихъ стрѣлковъ, охранявшихъ вокзалъ, сдѣлалъ нѣсколько залповъ по фонарямъ, послѣ чего фонари исчезли.

Полковникъ Анисимовъ приказалъ биваку снова ложиться спать.

2 Іюня

2 іюня весь обозъ 12-го полка, всѣ лошади и повозки были уже въ Тяньцзинѣ и находились на вокзалѣ. Оставалось только грузы перевезти на бивакъ.

Вокзалъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Пэйхо, шагахъ въ 200 отъ рѣки, къ которой вела хорошо мощеная дорога, выходившая на мостъ.

Мостъ былъ сдѣланъ изъ барокъ и разводился нѣсколько разъ въ день для пропуска китайскихъ джонокъ. Подпоручику 12-го полка Виноградову, начальнику саперной команды, было приказано исправить мостъ и улучшить его настилку, для того чтобы по мосту могли легко передвигаться обозы и орудія.

Морскія пушки Барановскаго охраняли мостъ и набережную. Отъ моста до нашего бивака было также около 200 шаговъ.

Въ городѣ было получено извѣстіе, что боксеры назначили 19-ый день пятой луны, соотвѣтствующій 2-му іюня русскаго стиля, для общаго нападенія на европейскія концессіи.

Анисимовъ и Вогакъ сочли поэтому необходимымъ усилить караулы, тѣмъ болѣе что и наканунѣ боксеры обнаружили странное движеніе къ вокзалу. Было приказано поставить на вокзалѣ вмѣсто взвода—полуроту. Заставы на Rue de Paris усилены. Кромѣ двухъ русскихъ поставлены заставы французская и японская.

Нападеніе боксеровъ ожидалось со стороны китайскаго города. вплотную подходившаго къ французской концессіи. Это мѣсто, сжатое рѣкою Пэйхо, улицами Taku Road и Rue de Paris и пересѣченное узкими китайскими переулками, считалось особенно опаснымъ, такъ какъ здѣсь могло совершенно незамѣтно укрыться какое угодно количество боксеровъ. Тутъ требовалась самая бдительная охрана. Казачій пикетъ изъ трехъ человѣкъ, часовые и заставы были расположены такимъ образомъ, что могли по возможности наблюдать за всѣми улицами и переулками, выходившими изъ китайскаго города на концессію.

Вечеромъ въ Тяньцзинъ вернулся обратно поѣздъ, вышедшій утромъ съ рельсами, шпалами, скрѣпленіями, боевыми припасами, 1 орудіемъ и провизіей въ распоряженіе адмирала Сеймура. Однако поѣздъ не могъ добраться даже до Янцуня и принужденъ былъ прійти назадъ, такъ какъ далѣе путь былъ совершенно испорченъ.

О судьбѣ адмирала Сеймура и его отряда, отрѣзаннаго отъ Тяньцзина, ничего не было извѣстно.

Возвращеніе назадъ поѣзда, посланнаго на помощь Сеймуру и вернувшагося ни съ чѣмъ, было дурнымъ предзнаменованіемъ.

Вечеромъ всѣ свободные офицеры 12-го полка обѣдали въ нарядной столовой у Батуевыхъ. Когда заискрилось шампанское, тосты за радушныхъ хозяевъ смѣнились тостами за вновь прибывшихъ

защитниковъ Тяньцзина и ихъ дамъ, оставленныхъ въ Портъ-Артурѣ въ тревогѣ и страхѣ передъ невѣдомымъ будущимъ. Полковой оркестръ, расположившійся въ садовой бесѣдкѣ, сыгралъ маршъ и затѣмъ полились томные тягучіе звуки вальса. Звуки нѣжно колебали воздухъ тихаго теплаго вечера и манили грезами мира и далекихъ радостей. Гости слушали и забыли или хотѣли забыть, что боксерскій кривой свѣже отточенный мечъ былъ ужъ занесенъ надъ европейцами Тяньцзина.

Веселая бесѣда и взаимные тосты продолжались недолго. Гости еще не встали изъ-за стола, когда была получена записка отъ командира полка, требующая, чтобы всѣ офицеры немедленно прибыли на бивакъ. Обѣдъ разстроился и офицеры, поблагодаривъ хозяевъ и не зная въ чемъ дѣло, поспѣшили въ лагерь.

Поручикъ Блонскій.

Ночное собраніе боксеровъ въ кумирнѣ „Духа Огня“

Къ стр. 97.

...ис. I. Смукровичъ. „Т-во Художеств. Печати“

Духъ войны Гуаньлаоѣ.

Въ кумирнѣ „Духа огня“

Дворъ кумирни „Хо Шэнь Мяо“, посвященной „Духу огня“ и расположенной въ глубинѣ китайскаго города Тяньцзина, былъ переполненъ ихэтуанцами.

У всѣхъ въ рукахъ были зажжонные красные бумажные фонари на палкахъ. Головы были обмотаны красными платками, подъ которыми были свернуты косы. На голой груди висѣлъ красный платокъ съ написаннымъ таинственнымъ іероглифомъ. Красный поясъ, свернутый узломъ съ заткнутымъ большимъ кривымъ ножомъ, туго сжималъ худощавое, смуглое тѣло. На ногахъ были широкія синія шаровары, перехваченныя у ступни красными перевязками.

Большіе стеклянные расписные фонари, повѣшенные въ алтарѣ кумирни и снаружи на крыльцѣ, были всѣ зажжены.

Курительныя палочки, воткнутыя въ песокъ курильницы, горѣли предъ главнымъ кумиромъ Старца Лаоцзы, сидѣвшаго на

рѣзномъ тронѣ въ золоченномъ одѣяніи, съ длинной сѣдой бородой и строго нахмуренными мохнатыми бровями.

Въ тускло-жолтомъ сумракѣ алтаря мерцала золотая парча ризы Лаоцзы и сверкали золоченныя надписи, развѣшанныя подъ потолкомъ, на стѣнахъ и на столбахъ. Тихо и сумрачно было въ кумирнѣ, но на дворѣ толпа гудѣла и волновалась, становилась на колѣни и дѣлала земные поклоны.

Древній монахъ съ высохшимъ и неподвижнымъ, точно восковымъ лицомъ, изрытымъ морщинами, стоялъ посреди толпы передъ жертвенникомъ, на которомъ изъ зажжонной курильницы вились струйки дыма. Рѣзкимъ монотоннымъ голосомъ онъ читалъ молитву. Ему вторили стоявшіе по сторонамъ монахи съ безжизненными лицами, въ широкихъ одеждахъ, нараспѣвъ тянувшіе заунывную молитву и колотившіе въ мѣдный колоколъ и деревянный барабанъ.

Толпа горячо молилась.

За оградой монастыря раздался звонъ конскихъ копытъ. Всадники соскочили съ коней и быстро вошли во дворъ. Толпа раздалась на двѣ стороны и послышались крики:

— Дайте дорогу! Дайте дорогу! Чжань пріѣхалъ!

Чжань, одинъ изъ главныхъ предводителей боксеровъ, быстро прошелъ впередъ и сталъ на ступеняхъ кумирни. Онъ былъ одѣтъ во все красное: красная чалма на головѣ, красная шелковая кофта, красные шаровары, поясъ и подвязки и надѣтые поверхъ шароваръ красные набедренники съ нашитыми іероглифами Цзи — Счастье. На груди былъ вышитъ невѣдомый знакъ, подъ которымъ скрывалась чудесная ладонка съ зашитыми въ ней 3 корешками инбиря, 21 зерномъ чорнаго гороха и 21 зерномъ краснаго перца. Въ рукахъ у него было длинное копье съ красной кистью подъ остріемъ. За поясомъ ножъ и двѣ кривыя сабли въ однихъ ножнахъ, а за плечами колчанъ съ лукомъ и стрѣлами.

Четыреста дней Чжань упражнялся въ наукѣ и колдовствахъ ихэтуанцевъ, четыреста дней Чжань искушался въ постѣ и молитвахъ и изъ „мутнаго“ Хунь онъ сдѣлался „свѣтлымъ“ Цинъ. Онъ сталъ недоступенъ навожденію злыхъ духовъ, болѣзнямъ, несчастіямъ, голоду и смерти. Ему не страшно заморское огнестрѣльное оружіе, въ которомъ онъ не нуждается, такъ какъ вѣритъ только въ силу своей родной сабли, ножа и китайскаго копья.

Онъ вѣритъ въ справедливость и безпредѣльное всемогущество Неба — Тѣнъ и великаго небожителя, бога войны Гуань-лао-ѣ, кото-

рые всегда спасали Срединный народъ отъ злыхъ подземныхъ духовъ, а теперь спасутъ отъ земныхъ бѣлыхъ дьяволовъ.

Сдѣлавъ три поклона Старцу Лаоцзы, Чжань повернулся къ народу и сталъ говорить. Хотя онъ еще не успѣлъ отдышаться отъ быстрой ѣзды, но его зычный отрывистый голосъ, среди возстановившейся тишины, былъ слышенъ каждому ихэтуанцу въ кумирнѣ.

Чжань говорилъ:

— Туань! Какъ на облакахъ орлы, прилетѣли мы къ вамъ изъ Пекина и привезли хорошія вѣсти. Войско заморскихъ дьяволовъ, вышедшее изъ Тяньцзина, чтобы посягнуть на нашу священную столицу, застряло на полдорогѣ въ Ланфанѣ и не можетъ двинуться ни впередъ ни назадъ. Храбрые ихэтуанцы разрушили всю дорогу спереди и сзади иностранцевъ и сдавили ихъ крѣпкимъ поясомъ своей тигровой неустрашимости, изъ котораго ни одинъ иностранецъ не выйдетъ живымъ, и сотни ихъ уже валяются перебитые нами. Наказаніе черепахъ, живущихъ за восточнымъ океаномъ, также началось. Въ Пекинѣ мы казнили японскаго переводчика изъ японскаго посольства. Когда онъ вопреки воспрещенію хотѣлъ проѣхать черезъ городскія ворота, барсовые солдаты Дунъ Фу Сяна схватили его, обрубили ему носъ, уши, губы, пальцы, искололи тѣло, изъ спины вырѣзали себѣ кушаки, а изъ груди вырѣзали сердце. Вотъ это самое мое заговоренное копье было водружено въ землю и передъ нимъ положено теплое, дрожащее японское сердце. Передъ живымъ сердцемъ врага, ихэтуанцы и солдаты кланялись въ землю и неистово молились, чтобы Гуань-лао-ѣ даровалъ намъ неслабѣющую силу и храбрость въ бою и охранялъ насъ отъ вражескихъ козней. Мы разсѣкли на части сердце врага, съѣли его и если въ моей груди есть кусокъ вражескаго сердца, то мнѣ не страшенъ никакой врагъ.

— Внимательно слушайте то, что я вамъ скажу. Моими устами говоритъ Небо, дарующее счастье и богатство и охраняющее Ихэцюань и Ихэтуань. Янгуйцзы—заморскіе дьяволы возмутили миръ и благоденствіе Срединнаго народа. Они побуждаютъ народъ слѣдовать ихъ ученью, отвернуться отъ Неба, не почитать нашихъ боговъ и забыть нашихъ предковъ. Мущины нарушаютъ человѣческія обязанности, женщины совершаютъ прелюбодѣянія. Янгуйцзы порождены не человѣческимъ родомъ. Если вы не вѣрите, взгляните на нихъ пристально: ихъ глаза свѣтлые, какъ у всѣхъ дьяволовъ. Небо, возмущенное ихъ преступленіями, не даруетъ намъ дождя и уже третій годъ жжотъ и сушитъ землю. Дьявольскіе храмы сдавили

небеса и тѣснятъ духовъ. Боги въ гнѣвѣ, духи въ негодованіи. Нынѣ боги и духи сходятъ съ горъ, чтобы спасти нашу вѣру. Вѣрьте, что ваше боевое ученіе не напрасно. Пойте ваши молитвы и твердите волшебныя слова! Сожигайте желтыя молитвенныя бумажки, сожигайте курильныя палочки! Вызывайте изъ пещеръ боговъ и духовъ и тогда боги выйдутъ изъ пещеръ, а духи спустятся съ холмовъ и помогутъ всѣмъ изучающимъ тайны Кулака Правды и Согласія. Кто хорошо изучилъ всѣ боевыя упражненія Кулака, тому не трудно истребить янгуйцзы.

— Сегодня настала первая великая ночь крови и смерти— 19-ая ночь 5-ой луны, указанная великимъ Гуань-лао-ѣ. Въ эту ночь мы должны поразить янгуйцзы первымъ рѣшительнымъ и могучимъ ударомъ нашего чудеснаго Кулака. Полвѣка янгуйцзы впивались въ нашу землю своими желѣзными дорогами, какъ ножами, чтобы лучше высасывать нашу кровь. Полвѣка они расхищали наши поля, золото и богатства и въ Цзяочжоу, Ліушунькоу и Вэйхайвэѣ вонзили свои когти. Нынѣ ихъ желѣзныя дороги уже разрушены, а столбы для мгновенныхъ извѣстій вырваны. Насталъ часъ великаго отмщенія. 10000 китайскихъ семействъ, измѣнившихъ вѣрѣ предковъ, вырѣзаны. Теперь очередь за тѣми измѣнниками, которые живутъ въ Тяньцзинѣ. Мы должны сегодня же перебить иностранное войско, пришедшее сюда, и не допустить его до соединенія съ тѣми янгуйцзы, которые осаждены въ Ланфанѣ. Ихъ каждый день перебиваютъ наши ихэтуанцы. Сегодня мы начнемъ съ большого собора католиковъ на берегу Пэйхо, который долженъ быть сожжонъ до тла. Должны быть вырѣзаны всѣ извѣстные вамъ измѣнники, чтобы они не могли помочь янгуйцзы. Ровно въ полночь мы должны всѣ собраться на могилахъ нашихъ предковъ передъ вокзаломъ, дружно напасть на русскихъ солдатъ, охраняющихъ вокзалъ, перерѣзать солдатъ, сжечь вокзалъ и по деревянному мосту ворваться на Цзычжулинъ, гдѣ живутъ французы, и сжечь всѣ французскіе храмы и дома, а затѣмъ перебить всѣхъ иностранцевъ и тѣхъ китайцевъ, которыхъ мы найдемъ у нихъ.

— Если вы будете храбры и будете вѣрить, то у всѣхъ французовъ похолодѣютъ сердца, англичане и русскіе будутъ всѣ разсѣяны и всѣ янгуйцзы будутъ уничтожены. Знайте, что Небо и Гуань-лао-ѣ и 800 разъ 10000 небесныхъ воиновъ, сошедшихъ на землю, будутъ помогать намъ. Войска богдыхана будутъ драться за одно съ нами. Хуанъ-Шанъ и Ситайхоу, императоръ и императрица, и нашъ великій вождь Дуанъ-Ванъ-ѣ покровительствуютъ

намъ. Но если бы Цинская династія не стала помогать намъ и не была на нашей сторонѣ, то знайте, что тогда мы ниспровергнемъ династію, но спасемъ китайскій народъ отъ янгуйцзы. Довольно мы терпѣли отъ янгуйцзы! Отмщеніе настало. Если вы, ихэтуанцы, будете тверды, упорны и непоколебимы какъ скалы Небесныхъ горъ, и храбры какъ тигры и драконы, то передъ вами не устоитъ никакой врагъ и вражеская пуля пролетитъ мимо или задѣнетъ васъ безъ вреда. Если вы будете увѣрены въ вашемъ сердцѣ, какъ вы увѣрены въ Небѣ и землѣ; если вы будете чисты сердцемъ какъ чистъ горный источникъ и если вы будете вѣрить до дна вашего сердца, то вы святы, неуязвимы и безсмертны. Знайте это! Ни одному измѣннику и ни одному янгуйцзы не давайте пощады. Пусть Небо накалится отъ пожаровъ, пусть земля побагровѣетъ отъ крови! И пусть всѣ янгуйцзы задохнутся отъ дыма ихъ собственныхъ пылающихъ дьявольскихъ храмовъ! Помните, что чѣмъ больше вы прольете вражеской крови, тѣмъ больше Небо прольетъ своего благодатнаго дождя. Казните измѣнниковъ самыми ужасными наказаніями и ни одного сердца янгуйцзы не оставляйте не вырѣзаннымъ! У всѣхъ ли васъ на груди спасительные талисманы?—воскликнулъ Чжань, окидывая толпу пылающимъ взглядомъ.

Толпа онѣмѣла и не сразу очнулась отъ громовой рѣчи Чжаня, устами котораго говорило само Небо. Толпа вздрогнула и послышался единодушный крикъ:

— У всѣхъ! У всѣхъ!

— У всѣхъ ли зажжены красные фонари?—снова спросилъ Чжань.

— У всѣхъ! У всѣхъ!—шумѣла толпа и подымала кверху фонари.

— У всѣхъ ли хорошо отточены ножи, сабли и копья?—кричалъ Чжань, размахивая своимъ длиннымъ копьемъ.

— У всѣхъ! У всѣхъ!—ревѣла толпа еще громче и потрясала надъ головами оружіемъ.

Въ сумракѣ забряцали мечи и сабли, ударяясь другъ о друга, и заколыхались красные фонари, освѣщая распаленныя лица и красныя и желтыя повязки боксеровъ.

— Монахи, совершите послѣднюю молитву и призовите духовъ! — крикнулъ Чжань.

Мгновенно застучали барабаны и колотушки, зазвенѣли мѣдныя тарелки, загудѣлъ колоколъ. Монахи, а за ними и вся толпа стали пѣть хоромъ:

— Тѣнъ да тѣнъ мынь кай!
Ди да ди мынь кай!
Жо сюэ тѣнъ шэнь хуй!
Во цинъ ши-фу лай!
Ихэцюань!
Хунъ дэнъ чжао!
И саоръ гуанъ!
— Небо! раствори небесныя врата!
Земля! раствори земныя врата!
Чтобы постигнуть сонмъ небесныхъ духовъ,
Я молю учителя сойти!
Кулакъ правды и согласія
И свѣтъ краснаго фонаря
Однимъ помеломъ сметутъ!
Свѣтъ краснаго фонаря,
Будь нашимъ проводникомъ и охранителемъ!
Звѣзда Чжи-нюй,
Обручившаяся со звѣздою Ню-су,
Помоги намъ!
Лао-ѣ! Гуань-лао-ѣ!
Спаси насъ и охрани
Отъ огня заморской пушки!
Ихэцюань!
Хунъ дэнъ чжао
Однимъ помеломъ сметутъ.

Изъ боковыхъ келій кумирни были выведены мальчики и дѣвочки съ красными повязками на головахъ и въ длинныхъ красныхъ одеждахъ. Это были Хунь и Цинъ, избранные Небомъ для постигновенія таинствъ Ихэ — Правды и Согласія.

Дѣти упали ницъ передъ жертвенникомъ посреди двора и призываніе духовъ началось. Еще громче застучали колотушки и барабаны, еще звонче забилъ колоколъ. Еще неистовѣе толпа стала молиться и голосить:

— Ихэцюань!
— Хунъ дэнъ чжао
— И саоръ гуанъ!

Дѣтскія головки безжалостно бились о каменныя плиты двора. Мальчики и дѣвочки съ налившимися кровью глазами и съ пѣнящимся ртомъ то срывались съ плитъ, на которыхъ лежали и безумно скакали и вертѣлись вокругъ жертвенника, безмысленно глядя кругомъ, то снова

съ размаха падали на землю и простирались безъ движеній, испуская сквозь стиснутые зубы пѣну и издавая глухое хрипѣнье и ворчанье.

— Хо Шэнь лай ле!

— Лай ле! Лай ле! Лай ле!

— Огненный духъ спустился!

— Спустился! Спустился! Спустился!—закричала толпа, схватила дѣтей, лежавшихъ безъ чувствъ на плитахъ, и понесла ихъ на рукахъ, держа высоко надъ головой замершія дѣтскія тѣльца съ болтавшимися головками и распустившимися волосами.

Китайскій Католическій соборъ.

Поднявъ фонари, размахивая мечами и копьями, толпа повалила черезъ ворота на улицу. Впереди несли дѣтей, которыя все еще были въ обморокѣ. Ихэтуанцы голосили и орали:

— Ихэцюань! Хунъ дэнъ чжао!

— И саоръ гуанъ!

— Великій Чжань! Веди насъ впередъ бить измѣнниковъ, бить иностранцевъ! Идемъ на берегъ Пэйхо! Сожжомъ соборъ и всѣ дьявольскіе храмы!

— Ша янгуйцзы! Ша янгуйцзы!

— Смерть заморскимъ дьяволамъ!

Улица, ведущая къ католическому собору, засвѣтилась огнями красныхъ фонарей. Затрещали и задымили подожжоные дома китайцевъ-христіанъ, давно отмѣченные кровавыми пятнами. Ихэтуанцы ломали двери и вытаскивали изъ домовъ несчастныхъ христіанъ. Они пытали свои жертвы, поджигали ихъ факелами, и когда мущины, женщины и дѣти, корчась отъ ужаса и боли, отрекались отъ Христа, ихэтуанцы рубили имъ руки, ноги и разрѣзали ихъ на части.

Скоро запылалъ величественный католическій соборъ на берегу Пэйхо...

Разноцвѣтные красивые стеклянные фонари въ кумирнѣ „Духа огня“ продолжали горѣть. Курильницы продолжали искриться и испускать нити дыма, но въ самой кумирнѣ было тихо и сумрачно. Никого не было во дворѣ, кромѣ молчаливыхъ монаховъ, которые оправляли горѣвшія свѣчи и палочки въ курильницахъ.

Въ алтарѣ передъ кумиромъ Лаоцзы главный и древній монахъ съ сѣдой головой и застывшимъ сморщеннымъ лицомъ склонилъ колѣни и горячо молился. Въ его потухшихъ глазахъ, точно въ тлѣющемъ пеплѣ, едва загорались искры давно угасшаго чувства. Монахъ взывалъ:

— Да Лаоцзы! Великій Старецъ! Десять тысячъ лѣтъ изъ нѣдръ вѣчности ты взираешь на нашу землю, по которой ты самъ ходилъ и которую ты вѣчно хранилъ. Всемудрый Старецъ! Сохрани нашъ народъ въ годину смуты и тревогъ. Всеблагой Старецъ! Спаси Ихэтуань и помоги имъ на всѣхъ ихъ путяхъ. Да Лаоцзы! Храни насъ въ мирѣ и благоденствіи!

Великій Старецъ Лаоцзы сидѣлъ на тронѣ въ парчевой порфирѣ, съ сѣдой бородой и нахмуренными бровями, и думая свою вѣковѣчную думу, незнающую земныхъ ничтожныхъ тревогъ и волненій, безмолвствовалъ.

Первое нападеніе боксеровъ

2 Іюня

2 іюня въ 6 час. вечера эсаулъ Ловцовъ былъ отправленъ со своими казаками въ поле выслѣдить скопище боксеровъ, которые по слухамъ въ огромномъ количествѣ собрались въ окрестностяхъ Тяньцзина. Не успѣли казаки отъѣхать $1^{1}/_{2}$ версты отъ города, какъ увидѣли въ полѣ толпы боксеровъ, вооруженныхъ мечами и копьями въ красныхъ шапкахъ. Не имѣя приказанія стрѣлять, Ловцовъ приказалъ казакамъ повернуть обратно и медленно уходить, чтобы боксеры не подумали, что ихъ боятся. Боксеры не только не испугались сотни казаковъ, но приблизились на сто шаговъ и на такомъ разстояніи провожали сотню, размахивая мечами и дѣлая угрожающія боксерскія движенія. Входя въ деревню, боксеры почему-то снимали свои красныя шапки и кушаки и становились мирными манзами. Все это эсаулъ Ловцовъ донесъ полковнику Анисимову.

Войсковой старшина Ловцовъ.

Въ то время, когда офицеры 12-го полка благодушествовали на обѣдѣ у Батуевыхъ, штабсъ-капитанъ Францкевичъ, командиръ

1-ой роты, который со своей полуротой охранялъ вокзалъ, около 9 час. вечера замѣтилъ, что большой католическій соборъ, высоко поднимавшійся надъ китайскимъ городомъ, задымилъ. Сквозь черные валы дыма скоро начали прорѣзываться яркіе извивы огня. Когда Францкевичъ донесъ объ этомъ, Анисимовъ приказалъ немедленно всѣмъ офицерамъ полка быть на своихъ мѣстахъ.

Я полетѣлъ или вѣрнѣе пошелъ, такъ какъ летѣть было не на чемъ, — на вокзалъ. По приказанію Анисимова здѣсь уже стоялъ подпоручикъ Михайловскій съ двумя орудіями, поставленными рядомъ на плитахъ желѣзнодорожной платформы влѣво отъ вокзала, съ дулами, повернутыми въ поле. Вторая полурота 1-ой роты съ поручикомъ Архиповымъ также пришла на вокзалъ. Дежурная 8-ая рота капитана Шпехта ждала на бивакѣ приказанія двинуться.

Точно вулканъ пылалъ соборъ. Хотя до него было версты двѣ, но отчетливо были видны взлетавшія волны огня и тучи дыма, дождь искръ и проваливавшіяся стропила. Точно огненный драконъ, вереница безчисленныхъ красныхъ огней высыпала изъ китайскаго города и то останавливаясь, то извиваясь и собираясь въ круги, то разсыпаясь, пропадая и снова зажигаясь, тянулась къ вокзалу. Все поле точно фосфорилось, но это были не синіе пугливые болотные огни, а красные угрожающіе фонари ихэтуанцевъ. Свой путь крови и казни они освѣщали фонарями и пожарами. Вокругъ собора загорѣлись ближайшія зданія, въ которыхъ жили христіане-китайцы. Ихэтуанцы тщательно искали настоятеля собора и его причтъ: они спаслись въ послѣднюю минуту и бѣжали на французскую концессію.

Огонь, подхваченный вѣтромъ, перебрасывался на дома правыхъ и неправыхъ китайцевъ и скоро китайскій городъ зардѣлъ отъ пожаровъ. Крещоные китайцы въ ужасѣ выскакивали изъ горящихъ фанзъ и попадали на копья и кривые мечи. Ихэтуанцы рѣзали всѣхъ и только иногда даровали жизнь дѣтямъ, которымъ обрѣзали руки.

Китайская народная молва передавала, что съ замученными христіанами совершались чудеса. Иные китайцы отрекались отъ новаго Небеснаго Владыки, Которому молились, другіе безъ стона и вопля умирали подъ ножами ихэтуанцевъ и, точно не чувствуя, какъ ихъ истязали, только твердили:

— Іесу! Малія!

— Іисусъ! Марія!

Залитыя кровью дѣти съ обрѣзанными ручонками, съ испуганными глазками, бѣгали кругомъ своей сгорѣвшей фанзы-хижины, тщетно искали папу и маму, но не плакали.

— Дьявольскія дѣти! Даже не кричатъ!—говорили злобно мучители-ихэтуанцы.

Красные огни разсыпались по всему полю, наступали на вокзалъ и повидимиму, хотѣли окружить насъ съ разныхъ сторонъ.

— Отчего вы не стрѣляете?—спросилъ я штабсъ-капитана Францкевича, который стоялъ около своей роты.

— Мнѣ не приказано стрѣлять по мирнымъ жителямъ, — отвѣчалъ онъ.

— Какіе же это мирные жители, которые жгутъ городъ? Вѣдь это боксеры. Красные фонари ихъ отличительные признаки ночью. Они очевидно хотятъ сдѣлать нападеніе на вокзалъ. Если вы сейчасъ ихъ не спугнете гранатою, то вы можете упустить время. Боксеры бросятся на вокзалъ или обойдутъ насъ и бросятся на насъ сзади. Вѣдь мы отрѣзаны отъ рѣки непроходимыми переулками.

— Я все это прекрасно знаю и вижу.

Францкевичъ, повидимому, колебался и не рѣшался безъ приказанія открыть огонь по мирнымъ деревнямъ, разбросаннымъ передъ вокзаломъ.

Послали новое донесеніе Анисимову, котораго ждали каждую минуту.

Возлѣ вокзала черезъ полотно желѣзной дороги былъ переброшенъ легкій высокій мостъ, для того чтобы неосторожные китайцы переходили съ платформы на платформу по мосту, а не по рельсамъ. Я поднялся на этотъ мостъ, съ котораго далеко было видно поле и горѣвшій китайскій городъ. Здѣсь наконецъ встрѣтилъ я тяньцзинскихъ волонтеровъ, въ форменныхъ тропическихъ курткахъ цвѣта каки, съ буквами T V на погонахъ. Въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ храбрыхъ волонтеровъ такъ близко отъ непріятеля.

Задрожалъ воздухъ. Рѣзкій звукъ рѣзнулъ слухъ и мгновеннымъ эхомъ отдался въ полѣ. Это была первая граната—первая угроза русскихъ ихэтуанцамъ.

Двигавшіеся огни остановились и точно ждали, что будетъ дальше.

Вторая и третья граната прошумѣли въ воздухѣ.

Почуя опасность, боксеры еще яростнѣе принялись за свое дѣло.

ТЯНЬЦЗИНЪ

Темное поле, мерцавшее красными огнями, озарилось пожарами. Красные фонари окружили сверкающимъ кольцомъ деревню. Горе деревнѣ! Вспыхнули соломенныя крыши, быстро загорѣлись рѣшетчатыя двери и окошки, оклеенныя промасленной бумагой. Вѣтеръ разогналъ огонь и вся деревня на нашихъ глазахъ горѣла, какъ стогъ сѣна. До насъ доносились раздирающіе крики избиваемыхъ, сливавшіеся въ одинъ неистовый гулъ съ дикимъ побѣднымъ ревомъ ихэтуанцевъ.

Подпоручикъ Михайловскій и его артиллеристы прицѣлились— и граната попала въ самый кругъ собравшихся фонарей. Дѣйствіе ея было ужасно. Съ криками и визгами посыпались и попадали фонари въ разныя стороны.

Еще одна граната въ то же мѣсто. Смятеніе охватило боксеровъ. Пронзенные осколками гранаты боксеры падали замертво—и ни молитвы, ни талисманы не спасали.

Движеніе красныхъ фонарей вправо, въ обходъ вокзала пріостановилось и затѣмъ быстро огни направились назадъ въ китайскій городъ. Такъ какъ боксерамъ не удалось захватить русскихъ со стороны поля, то они рѣшили напасть на насъ сзади.

Между вокзаломъ, желѣзной дорогой и рѣкою Пэйхо находились склады, мастерскія и запутанные переулки, въ которыхъ жили китайцы.

Не прошло получаса, какъ позади насъ загорѣлись крыши домовъ и послышались крики.

На другихъ крышахъ точно бѣсы карабкались черныя тѣни боксеровъ съ фонарями и факелами.

Чтобы не быть отрѣзаннымъ огнемъ и боксерами отъ рѣки, полковникъ Анисимовъ приказалъ повернуть орудія кругомъ и выстрѣлами шрапнели Михайловскій скоро счистилъ боксеровъ съ крышъ, а подпоручикъ Путцъ былъ посланъ со взводомъ стрѣлковъ выбить боксеровъ изъ ближайшихъ закоулковъ. Выстрѣлы стрѣлковъ смѣшались съ криками раненыхъ боксеровъ.

Чтобы увидать, что дѣлается позади вокзала, я побѣжалъ по улицѣ, ведущей къ рѣкѣ. Въ первомъ же темномъ переулкѣ, возлѣ самаго вокзала я увидѣлъ боксеровъ-поджигателей, которые разбрасывали кучи курильныхъ палочекъ и факелами изъ промасленной свернутой бумаги зажигали хрупкія строенія бѣдныхъ китайцевъ-христіанъ. Они были такъ заняты своимъ дѣломъ, что не замѣтили иностранца подлѣ нихъ.

Перепуганный я побѣжалъ къ мосту и далъ знать караулу стрѣлковъ, что боксеры возлѣ нихъ въ сосѣднемъ переулкѣ.

Стрѣлки, наскучившіе стоять карауломъ у моста и только издали слышать выстрѣлы и крики, обрадовались и вмѣстѣ съ офицеромъ пошли выбивать боксеровъ. Вся 8-ая рота капитана Шпехта была двинута въ переулки, чтобы очистить ихъ отъ боксеровъ. Мирные китайцы, дрожавшіе всю ночь и выскакивавшіе изъ своихъ загорѣвшихся домовъ, попадали подъ наши выстрѣлы. Отличить праваго отъ виноватаго не было никакой возможности, такъ какъ боксеры стали сбрасывать свои красныя повязки и кушаки.

Пламя бушевало позади вокзала. Уголья и искры сыпались на платформу и обжигали стрѣлковъ и артиллеристовъ. Орудіямъ и снарядамъ опасно было оставаться на платформѣ и Анисимовъ приказалъ артиллерійскому взводу немедленно вернуться на бивакъ. Лошади вскачь провезли орудія по пылавшей и дымившей улицѣ.

Но боксеры не отчаивались. Огни въ полѣ снова заволновались и снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Тогда Анисимовъ послалъ сотниковъ Григорьева и Семенова съ казаками, чтобы они узнали, что дѣлаютъ боксеры въ полѣ. Казаки вернулись черезъ полчаса и донесли, что боксеры жгутъ желѣзную дорогу по направленію къ Пекину.

1-ая рота, стоявшая на вокзалѣ по ту сторону полотна, открыла огонь залпами. Послѣ каждаго залпа мы слышали пронзительные вопли и на нашихъ глазахъ фонари падали, разбѣгались и потухали. Крича: „Ихэцюань! Хунъ дэнъ чжао!“ и размахивая мечами и копьями, боксеры все-таки шли на вокзалъ.

Одинъ изъ ихъ предводителей Шифу, высокій, угрюмый старикъ, повелъ толпу ихэтуанцевъ прямо на нашу роту. Впереди мальчики несли знамя, на которомъ было написано три іероглифа „И хэ туань“.

Луна освѣтила безумныхъ смѣльчаковъ, ихъ мечи и знамя.

— Гляди-ка! Гляди-ка! Какіе окаянные! Подъ самымъ носомъ забрались черти!—заговорили стрѣлки.

Залпъ. Знамя упало, поднялось. Снова упало. Взводъ стрѣлковъ былъ посланъ забрать знамя.

Въ 100 шагахъ отъ роты на травѣ стрѣлки нашли убитаго старика Шифу и двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ мертвъ, а другой еще дышалъ. Его прикололи. Остальные ихэтуанцы разбѣжались и скрылись, утащивъ раненыхъ и убитыхъ. Валялись мечи, красные платки и древко отъ знамени, которое было сорвано и унесено. Такъ отдалъ свою жизнь за родину старый Шифу.

Ихэтуанцы не выдержали и отступили. Въ полѣ рѣдѣли, расходились и потухали огни. На востокѣ рѣдѣло темное небо. По-

жарища догорали. На свѣтлѣющемъ горизонтѣ, точно обуглившаяся головня чорнѣлъ обезглавленный соборъ.

Въ 1 часъ ночи выстрѣлы прекратились. Наши стрѣлки передохнули, но не надолго.

Во время затишья офицеры Воздвиженскій, Карповъ, Макаровъ и я стали искать воды, чтобы напиться. Ночь была знойная и жажда мучила. На французской концессіи за воротами китайскаго дома, во дворѣ мы услышали шумъ и разговоръ. Мы постучались.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ за воротами испуганный голосъ сперва покитайски, потомъ поанглійски.

— Русскіе офицеры.

— Что вамъ нужно?

— Дайте воды напиться.

— Пожалуста, входите!

Ворота скрипя отворились. Мы вошли въ маленькій красивый дворъ, освѣщенный висячими фонарями и уставленный цвѣтами. Почтенный китаецъ, въ лѣтахъ, окруженный прислугой, вышелъ насъ встрѣтить со словами на чистомъ англійскомъ языкѣ:

— Я очень радъ васъ видѣть. Прошу васъ садиться.

Мы сѣли вокругъ столика на дворѣ и извинились за позднее посѣщеніе.

— Напротивъ,—говорилъ онъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ,—я очень радъ, что вы пришли. Я начальникъ здѣшняго китайскаго телеграфа. Что вы желаете пить: содовую воду или легкое китайское вино?

Мы попросили чистой воды. Когда ее подали, кто-то изъ нашихъ замѣтилъ вполголоса:

— А можно ли пить эту воду? не подсыпали ли китайцы чего-нибудь? Теперь всего можно ожидать.

Понялъ ли китайскій чиновникъ нашъ разговоръ, но онъ сперва самъ выпилъ воды и вина и предложилъ намъ. Онъ снова заговорилъ:

— Несчастье случилось съ нами. Теперь мы не знаемъ, кому служить. Боксеры захватили въ свои руки власть, разоряютъ страну и караютъ всѣхъ, кто имѣлъ какое-либо дѣло съ иностранцами. Въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ наши правительственныя войска стали на сторону боксеровъ. Такъ какъ я служу вмѣстѣ съ иностранцами на телеграфѣ, то я очень боюсь за себя и за свою семью. Мы надѣемся только на вашихъ солдатъ, такъ какъ лишь они могутъ уничтожить боксеровъ, внести порядокъ и охранять

китайскихъ чиновниковъ, имѣющихъ сношенія съ иностранцами. Но зато на моемъ домѣ есть уже помѣтка, сдѣланная окровавленной рукой. Я завтра же отошлю мою семью въ Шанхай. Теперь у насъ такія же смуты въ странѣ, какія были при возстаніи Тайпиновъ. Я прошу почтенныхъ офицеровъ дать мнѣ нѣсколько русскихъ солдатъ для охраны телеграфной конторы и моего дома.

Офицеры успокоили китайскаго чиновника говоря, что ему нечего безпокоиться, такъ какъ телеграфная контора находится рядомъ съ бивакомъ.

Наше появленіе повидимому произвело переполохъ въ домѣ мандарина. Женщины и дѣти испуганно выглядывали изъ оконъ и дверей. Поблагодаривъ за радушіе, мы поспѣшили уйти.

На набережной, прямо противъ моста мы нашли европейско-китайскую гостиницу. Хозяинъ ея, молодой человѣкъ страннаго типа, стоялъ на крыльцѣ и просилъ насъ войти посидѣть. Съ винчестеромъ за плечами, онъ былъ одѣтъ въ англійскій тропическій костюмъ, носилъ пробковый шлемъ, китайскіе шаровары и высокіе китайскіе полотняные сапоги. У него было красивое энергичное лицо съ орлинымъ профилемъ, но темнокаріе глаза выдавали какой-то китайскій отпечатокъ. Онъ былъ очень любезенъ и услужливъ и одинаково хорошо говорилъ какъ поанглійски, такъ и покитайски.

Это былъ полурасовый Half-cast. Его отецъ былъ англичаниныъ, владѣвшій этой гостиницей и передавшій ее сыну, а мать китаянка. Родители очень любили другъ друга, всегда жили вмѣстѣ и были счастливы.

Уже свѣтало, когда мы зашли въ гостиницу. Полукастовый хозяинъ былъ радъ нашему визиту и приказалъ прислугѣ подать американскаго пива.

Онъ былъ очень возмущенъ событіями и говорилъ:

— Хотя я самъ наполовину китаецъ и въ моихъ жилахъ столько же китайской крови, сколько и англійской, но я ругаю всѣхъ боксеровъ, потому что они глупы и только портятъ и безъ того плохія китайскія дѣла. Вчера я ходилъ въ китайскій городъ. Тамъ настоящій бунтъ, и никто ничего не понимаетъ, что теперь дѣлается. Вице-король Юй Лу и его мандарины заперлись въ своемъ ямынѣ, дрожатъ отъ страха и ничего не дѣлаютъ. Главные начальники въ городѣ теперь боксеры, которые въ союзѣ съ войсками рѣшили въ три дня уничтожить концессіи. Я очень радъ,

что ихъ сегодняшняя первая атака не удалась. Вы видѣли у меня во дворѣ этихъ чертей, взятыхъ въ плѣнъ русскими солдатами? Эти несчастные и сумашедшіе бродяги хотятъ заниматься китайской политикой.

Мы прошли во дворъ. Я былъ радъ случаю увидѣть и интервьюировать настоящихъ живыхъ боксеровъ, которые произвели столько смутъ и наводили столько ужаса. Это были боксеры-поджигатели, захваченные стрѣлками около вокзала.

Боже мой! Какія это были жалкія несчастныя твари! Кожа, кости и злые волчьи глаза! Это были три полуголыхъ истощенныхъ голодомъ и опаленныхъ зноемъ тѣла, валявшихся на пескѣ. Ихъ руки были связаны сзади ихъ собственными косами. Ихъ грязныя изможденныя лица выражали только злобу и страхъ.

Возлѣ нихъ стоялъ стрѣлокъ-часовой. Онъ съ любопытствомъ разглядывалъ боксеровъ и толкалъ ихъ сапогомъ въ спину, когда они громко заговаривали между собой.

Я пробовалъ заговорить съ ними на ихъ языкѣ, но боксеры были въ такомъ страхѣ, что не могли или не хотѣли понять меня и, испуганно мотая головой, только отвѣчали:

— Бу дунъ дэ! А мынь бу дунъ дэ!

— Не понимаемъ! Мы не понимаемъ!

Что сдѣлали потомъ съ этими плѣнными, я не могъ узнать. Вѣроятно спустили подъ мостъ.

Въ четвертомъ часу утра наши моряки, охранявшіе мостъ черезъ Пэйхо, замѣтили, что въ томъ мѣстѣ набережной, гдѣ рѣка дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу, показалось быстро двигавшееся шествіе боксеровъ съ фонарями и вспыхнули пожары. Повидимому боксеры, отчаявшись въ своемъ намѣреніи взять вокзалъ, рѣшили напасть на концессію черезъ кварталы китайскаго города.

Въ сторону пожаровъ былъ сейчасъ же отправленъ казачій разъѣздъ съ Ловцовымъ, Семеновымъ и Григорьевымъ. Быстро явился японскій десантъ и занялъ заставу на краю французской концессіи, входившей клиномъ въ китайскій городъ. 30 япончиковъ съ однимъ офицерикомъ, въ чистыхъ бѣлыхъ мундирчикахъ, съ черными умными глазками, съ коротко остриженными волосами на головѣ, образцово исполняя команду, старательно выбивая шагъ, и въ тактъ сбрасывая ружья, стали подлѣ рѣки на мѣстѣ, указанномъ Анисимовымъ.

Скоро явилась 7-ая рота капитана Полторацкаго и расположилась возлѣ японцевъ.

Наши казаки дошли до самаго пожарища и послѣ двухъ, трехъ залповъ разогнали поджигателей. Нѣсколько боксеровъ легло на мѣстѣ.

Вернувшись назадъ, казаки донесли, что боксеры отступили, а горятъ дома китайцевъ-христіанъ.

Не успѣли казаки передохнуть, какъ нѣмецкіе посты, стоявшіе въ противоположной сторонѣ европейскихъ концессій, дали тревож-

Наши казаки.

ное извѣстіе, что боксеры обошли китайскій городъ и въ большомъ числѣ надвигаются на германскую концессію. Нѣмцы просили прислать казаковъ произвести атаку.

Ловцовъ, Григорьевъ, Семеновъ и ихъ шестая сотня снова полетѣли въ карьеръ и, выйдя въ поле, раздѣлились на три отряда, чтобы преслѣдовать боксеровъ. Увидѣвъ приближеніе русскихъ казаковъ, боксеры мгновенно разсѣялись по деревнямъ и такъ же быстро исчезли, какъ и появились. Казаки не стали входить въ деревню и вернулись обратно въ городъ. Ихъ возвращеніе было ихъ тріумфомъ. Встревоженныя дамы, услыша звонъ копытъ скачущихъ коней, выбѣжали изъ домовъ на улицу Викторіи и встрѣчали казаковъ рукоплесканіемъ и воздушными поцѣлуями.

Наши лихіе казаки, которые днемъ и ночью носятся съ приказаніями изъ концессіи въ концессію и вылетаютъ на опасныя развѣдки въ поле, вызываютъ восторгъ у тяньцзинскихъ дамъ и пользуются общими симпатіями всѣхъ европейцевъ. Если нужно что-нибудь узнать, развѣдать, приказать, донести или же разнести боксеровъ, посылаютъ казаковъ. И они летятъ на своихъ лохматыхъ забайкальскихъ лошадкахъ и лихо-весело дѣлаютъ свое дѣло. Имъ не страшна, ни пика, ни алебарда китайскаго боксера.

Французскіе солдаты и рикши.

Подполковникъ Ген.-Шт. Самойловъ.

Военный совѣтъ

3 Іюня

3 іюня состоялось совѣщаніе командировъ иностранныхъ отрядовъ и консуловъ подъ предсѣдательствомъ полковника Анисимова и при самомъ дѣятельномъ участіи полковника Вогака. На совѣщаніи было рѣшено разрушить опасный участокъ, находившійся между французской концессіей и китайскимъ городомъ и, благодаря своимъ постройкамъ и переулкамъ, позволявшій китайцамъ удобно въ немъ укрыться. Рѣшено во что бы то ни стало удерживать въ своихъ рукахъ вокзалъ, какъ для охраны желѣзнодорожнаго сообщенія съ Тонку, такъ и ввиду оборонительнаго значенія вокзала. Захвативъ вокзалъ и засѣвъ за бунтами соли, наваленными на берегу, китайцы могли бы непосредственно обстрѣливать концессіи и тогда защитникамъ Тяньцзина пришлось бы отстрѣливаться

и обороняться въ самихъ зданіяхъ. Рѣшено отправить на станцію Цзюньлянчэнъ (Чуланчэнъ), находящуюся на полпути между Тонку и Тяньцзиномъ, одну русскую роту для связи съ Тонку. Для охраны пути между Тяньцзиномъ и Таку долженъ былъ ходить нѣсколько разъ въ день вооруженный поѣздъ. Рѣшено всѣхъ женщинъ и дѣтей европейцевъ, жившихъ въ Тяньцзинѣ въ количествѣ около 200 человѣкъ, для ихъ безопасности, отправить въ Тонку. Согласно полученному приказанію адмирала Алексѣева войти въ связь съ адмираломъ Сеймуромъ, поручено подполковнику Самойлову сдѣлать рекогносцировку полотна желѣзной дороги въ сторону Пекина съ цѣлью выяснить положеніе пути. Наконецъ было постановлено взять подъ опеку, впредь до выясненія обстоятельствъ, китайскую артиллерійскую школу, находившуюся за высокимъ валомъ на берегу Пэйхо, противъ германской концессіи. Въ школѣ обучалось около 300 молодыхъ китайцевъ, которые хорошо знали артиллерійское дѣло и имѣли въ своемъ распоряженіи значительное количество новѣйшихъ орудій со снарядами. Опасность отъ этой школы, расположенной въ виду концессій, была очевидна.

Согласно рѣшенію военнаго совѣщанія подполковникъ Самойловъ съ сотникомъ Григорьевымъ и взводомъ казаковъ поѣхалъ вдоль полотна желѣзной дороги осматривать путь. Полотно и четыре моста, хотя и были повреждены, но могли быть исправлены. Григорьевъ, остановившійся съ казаками у перваго моста черезъ Лутайскій каналъ, выстрѣлами далъ знать Самойлову, чтобы онъ возвращался назадъ, такъ какъ боксеры наступаютъ сзади и, повидимому, хотятъ окружить русскихъ. Самойловъ принужденъ былъ вернуться.

Тѣмъ временемъ въ Тяньцзинѣ французы и нѣмцы, привезя на русскихъ двуколкахъ пироксилинъ, разрушали опасный участокъ между французской концессіей и китайскимъ городомъ, уже давно покинутый китайцами. А наши саперы снимали со всѣхъ зданій французской концессіи гаоляновыя цыновки, которыми были завѣшаны отъ солнца окна, балконы, веранды и цѣлыя стѣны европейскихъ домовъ съ южной стороны. Въ домахъ китайскихъ чиновниковъ, жившихъ также на концессіи, этими цыновками, укрѣпленными на высокихъ бамбуковыхъ жердяхъ точно тентами, были затянуты ихъ дворы. Китайскіе чиновники сами приходили къ Анисимову и просили его дать солдатъ, чтобы помочь снять цыновки, которыя были такъ опасны при ежедневныхъ и еженочныхъ пожарахъ въ Тяньцзинѣ.

Несмотря на неудачу накануне, шайка безумно-храбрыхъ ихэтуанцевъ рѣшилась среди бѣла дня пробраться къ мосту, охраняемому русскими, вѣроятно, съ цѣлью поджечь его. Наши моряки и артиллеристы были настороже, и одна мѣткая граната разогнала ихэтуанцевъ, но самый смѣлый изъ нихъ взбѣжалъ на мостъ и упалъ, пронзенный пулей часового. Его тѣло было сброшено подъ мостъ, который онъ хотѣлъ сжечь.

Въ 10 час. вечера 3-я рота капитана Гембицкаго съ поручикомъ Воздвиженскимъ была на поѣздѣ послана въ Цзюньлянчэнъ на заставу. Съ ротою было отправлено одно французское десантное орудіе съ 10 матросами французами. На платформѣ было укрѣплено одно англійское морское орудіе съ пятью матросами англичанами. Солдаты взяли консервовъ на три дня, а сухарей на пять дней.

Отправивъ редактору „Новаго Края" кореспонденцію о послѣднихъ событіяхъ, я поѣхалъ ночью осмотрѣть городъ на китайской лошадкѣ, которую съ большимъ трудомъ досталъ мнѣ христіанинъ китаецъ за 60 долларовъ. Простое англійское сѣдло въ англійскомъ магазинѣ я купилъ за 75 долларовъ. По случаю тревожнаго времени цѣны на все были высокія.

Я поѣхалъ по концессіямъ. На углахъ улицъ и у оффиціальныхъ зданій стояли часовые различныхъ націй, которые окликали всѣхъ проходившихъ и проѣзжавшихъ. На вокзалѣ стояла рота стрѣлковъ. Поле передъ вокзаломъ молчало и точно отдыхало послѣ вчерашняго побоища. Ни пожаровъ, ни красныхъ фонарей боксеровъ. У моста шептались наши матросы и зорко глядѣли въ неясную даль рѣки.

По набережной я поѣхалъ въ китайскій городъ. На краю французской концессіи я встрѣтилъ двухъ казаковъ, ѣхавшихъ дозоромъ.

— Тихо сегодня въ китайскомъ городѣ?

— Повсюду тихо. Послѣ вчерашней бани манзы не скоро сунутся,—отвѣтили казаки.

Мы поѣхали вмѣстѣ.

— Кто идетъ?—раздался звонкій окрикъ изъ темнаго угла. Это былъ казачій пикетъ изъ трехъ человѣкъ, заброшенный гдѣ-то въ глухомъ переулкѣ, среди развалинъ обгорѣвшихъ китайскихъ домовъ.

— Свои! Свои!—кричимъ мы.

— У васъ спокойно?

— Такъ точно, все спокойно

Ѣдемъ дальше. Узкая извилистая улица, сдавленная тѣснящимися домиками китайцевъ, точно вымерла. Часть жителей уже успѣла бѣжать, а остальные, запершись за воротами и задвинувъ ставни, не шелохнулись. Даже собаки не лаяли, чуя недоброе. Только иногда въ щели виднѣлись огоньки курильныхъ палочекъ, поставленныхъ передъ божницею духа-покровителя.

Одна сторона улицы была ярко освѣщена лучами луны, но другая тѣмъ мрачнѣе таилась въ тѣни. Жутко было заглядывать въ эти темные ниши и углы.

— А что, можетъ выскочить боксеръ изъ такого темнаго мѣста?

— Очень просто, можетъ. Такъ и проколетъ своимъ длиннымъ копьемъ, а потомъ поминай какъ звали.

— А ты въ него изъ винтовки стрѣляй! Чего бояться!— ободрялъ другой казакъ. Улица повернула къ самой рѣкѣ, откуда снова отступала. Здѣсь стояла японская застава—человѣкъ 15 японцевъ съ однимъ офицеромъ. Передъ ними лежало па самомъ краю набережной свѣжее тѣло убитаго китайца.

Японскій офицеръ на ломаномъ англійскомъ языкѣ объяснилъ, что этотъ боксеръ стрѣлялъ въ нихъ съ джонки. Японцы кинулись къ джонкѣ, стоявшей у берега, нашли боксера, притащили на берегъ и застрѣлили.

Съ трудомъ произнося англійскія слова и облегчая ихъ жестами, японскій офицеръ объяснилъ, что онъ проситъ русскихъ смѣнить его заставу, такъ какъ его солдаты стояли цѣлый день, ничего не ѣли, а полковникъ Анисимовъ обѣщалъ смѣнить ихъ еще вечеромъ.

Я сказалъ объ этомъ казакамъ, съ которыми ѣхалъ.

— Понимаемъ. Такъ что мы доложимъ его высокоблагородію штабсъ-капитану Полторацкому. Ихъ застава тутъ недалеко въ медицинской коллегіи. Понимаемъ,—сказали казаки и поскакали.

Я снова поѣхалъ по извилистымъ переулкамъ, угнетавшимъ меня своимъ молчаніемъ и безлюдіемъ. Мнѣ становилось страшно. Въ переулкахъ ни души, ни русскихъ, ни японскихъ часовыхъ.

Луна ярко освѣщала мѣста недавнихъ пожарищъ: груды обожженнаго кирпича, тлѣющія головни и брошенный поломанный домашній скарбъ.

Безмолвно торчавшіе уродливые остовы сгорѣвшихъ домовъ начинали пугать меня, какъ привидѣнія, и мнѣ всюду мерещились боксеры. Что если въ самомъ дѣлѣ боксеръ выскочитъ съ пикой изъ-за угла или изъ ямы? Моя лошадь храпѣла и тоже боялась. Казаки ускакали, а мой револьверъ былъ далеко въ гостиницѣ, въ чемоданѣ.

Молча и зловѣще чернѣли пожарища и молчала луна. Со страху я сбился съ дороги и не зналъ, куда ѣхать.

Пока я обсуждалъ свое затруднительное положеніе и набирался храбрости,—къ моей радости на крышѣ одного большого дома засверкали штыки и забѣлѣли рубашки. Это была 7-ая рота Полторацкаго, которая стояла заставою въ китайской медицинской коллегіи и съ западной стороны охраняла концессію.

Пожарище.

Часовые меня окликнули.

— Свой! Свой! Какъ проѣхать отсюда на бивакъ? Скажите, пожалуста!

— А ты поѣзжай по этой улицѣ все прямо, а потомъ сверни налѣво, а потомъ возьми направо, опять налѣво и какъ разъ на бивакъ и выѣдешь.

— Благодарю! Понялъ.

— Не стоитъ!

Тишина ночи была встревожена грохотомъ орудій, доносившимся откуда-то очень далеко. Это была бомбардировка фортовъ Таку.

Осажденный городъ

4 Іюня

Воскресенье 4 іюня съ ранняго утра было встревожено выстрѣлами. Въ 4 часа утра боксеры подкрались къ японской заставѣ, стоявшей въ началѣ китайскаго города, и стали стрѣлять. Въ перестрѣлкѣ былъ убитъ японскій офицеръ. Простоявъ всю ночь, вѣроятно, японцы утомились и не были достаточно бдительны. На подмогу сейчасъ же явился Полторацкій со своимъ взводомъ и выручилъ японцевъ. Затѣмъ прибылъ и самъ Анисимовъ со 2-ой ротой поручика Сушкевича. Боксеры отступили.

Поручикъ Виноградовъ.

Въ 6 час. утра, согласно рѣшенію командировъ международныхъ отрядовъ, изъ Тяньцзина ушелъ на поѣздѣ для исправленія пути рабочій отрядъ, состоявшій изъ 54 русскихъ саперъ подъ начальствомъ поручика Виноградова, 80 стрѣлковъ 5-ой роты съ ротнымъ командиромъ поручикомъ Черскимъ; 10 французовъ съ инженеръ-механикомъ съ французскаго крейсера „D'Entrecasteaux" Монье; 10 японцевъ съ офицеромъ и 5 англичанъ съ 1 пушкой Гочкиса, стоявшей на платформѣ, при одномъ англійскомъ офицерѣ. Впереди поѣзда шла англійская пушка. Паровозъ для безопасности былъ поставленъ въ серединѣ. Припасовъ взяли на одинъ день.

Въ 2 часа дня саперный отрядъ прошелъ 3-ій желѣзнодорожный мостъ и подвинулся на двѣ версты далѣе къ Пекину. Черезъ нѣсколько минутъ боксеры выскочили изъ окрестныхъ де-

бросились на 3-ій мостъ и зажгли его въ тылу поѣзда.
прогнали выстрѣлами боксеровъ и

› китайскія регулярныя войска, ко-
перамъ спереди. Сзади поѣздъ об-
і падали изъ Тяньцзина. Офицеры
или дальше не ходить, держаться
леній и незамѣтно отступить ночью.
цзинскомъ вокзалѣ толпились взвол-
въ дорожныхъ костюмахъ и шляп-
лями, корзинками, картонками, пе-
дѣтьми, дѣтскими колясочками и
лены чемоданы, узлы и сундуки,
гъ, за отсутствіемъ прислуги, самими
. Часа три ждали поѣздъ, который
› и дѣтей въ Тонку.
пились семьи китайскихъ мандариновъ
:итайскомъ телеграфѣ, почтѣ, въ бан-
конторахъ. Боясь боксеровъ, обра-
свои семьи въ Чифу и Шанхай, гдѣ
ь въ безопасности.
ыхъ или синихъ шелковыхъ кофтахъ,
же шароварахъ, съ затѣйливыми
еребряныхъ шпилькахъ и палочкахъ,
и нарумяненными лицами, съ дѣтьми,
сундукахъ. Правильныя, пріятныя
ıы, обнаруживаемыя складками широ-
ıнадлежность нѣкоторыхъ китаянокъ
гайской расѣ. Поджавъ свои маленькія
обопытствомъ осматривали заморскихъ
ıзаперти, такъ рѣдко могли видѣть, и
гъ съ другомъ наблюденіями.
кричали и плакали. Дамы волнова-
лись и нѣкоторыя тоже плакали. Свистки маневрирующихъ паровозовъ пугали младенцевъ, старавшихся перекричать паровозъ, но поѣздъ не уходилъ. Покидаемые мужья—офицеры и джентльмены старались шутить, успокаивали нервныхъ дамъ и увѣряли ихъ въ полной безопасности какъ уѣзжающихъ, такъ и остающихся, тѣмъ болѣе, что только что китайскій телеграфъ доставилъ радостное извѣстіе, что форты Таку взяты.

Но радостная вѣсть сейчасъ же смѣнилась печальной. Желѣзнодорожный путь въ Тонку испорченъ и поѣздъ не можетъ идти до тѣхъ поръ, пока полотно не будетъ исправлено. Европейцы и китайцы, собравшіеся на вокзалѣ, были крайне удручены этой вѣстью и печальной вереницей потянулись съ вокзала обратно въ городъ.

Я остался на вокзалѣ и съ любезнаго разрѣшенія китайскихъ телеграфистовъ сталъ въ ихъ конторѣ писать кореспонденцію. Телеграфные чиновники съ косами озабоченно работали и безостановочно стучали телеграфнымъ ключомъ, но о чемъ и съ кѣмъ они говорили,—было неизвѣстно.

Въ 2 часа полковнику Анисимову было донесено, что Лутайскій каналъ, пересѣкающій желѣзную дорогу, занятъ боксерами въ тылу высланнаго впередъ сапернаго отряда, который обстрѣливается китайцами.

Чтобы выручить саперъ, Анисимовъ приказалъ немедленно двинуть 4-ую, 5-ую и 6-ую роты, 2 полевыхъ орудія и 2 десантныхъ. Эсаулъ Ловцовъ, Семеновъ и Григорьевъ со своей сотней повели отрядъ въ предмѣстье Тяньцзина, чтобы по мосту перейти Лутайскій каналъ. Изъ улицъ сейчасъ же посыпали боксеры въ красныхъ повязкахъ, но теперь они были уже не только съ копьями и мечами, но и съ ружьями.

Перестрѣлка сейчасъ же завязалась между нашими и китайцами. Наши матросы подъ командою мичмана Николая Браше быстро передвигали легкія пушки Барановскаго на своихъ рукахъ и даже обогнали полевыя орудія и первыми стали на позицію Мичманъ Браше установилъ обѣ пушки и началъ ловить боксеровъ гранатами.

— Посмотрите, — сказалъ ему подполковникъ Илинскій— сколько боксеровъ собралось въ томъ дворѣ. Попробуйте ихъ гранатою.

— Есть! — отвѣтилъ Браше и самъ направилъ орудіе. Матросъ дернулъ рукоятку и граната грянула.

Боксеры въ томъ дворѣ притихли. Илинскій со взводомъ стрѣлковъ отправился посмотрѣть на результаты гранаты. Ядро пробило ворота и разорвалось среди боксеровъ, засѣвшихъ во дворѣ.

— Ну ужъ и крошево! Тамъ изъ боксеровъ никто не уцѣлѣлъ,—сказалъ Илинскій вернувшись.

Углубляться дальше въ предмѣстье Тяньцзина было опасно, и Илинскій рѣшилъ отступить съ этимъ отрядомъ къ желѣзно-

дорожному мосту черезъ Лутайскій каналъ. Стрѣлки перешли мостъ и залегли вдоль насыпи желѣзной дороги, а казаки и орудія стали по сю сторону канала.

Анисимовъ прибылъ на вокзалъ и приказалъ приготовить поѣздъ. Когда онъ былъ поданъ, на паровозъ сѣлъ Анисимовъ, подполковникъ Самойловъ, Садовниковъ, служившій въ Русско-китайскомъ банкѣ и бывшій при Анисимовѣ за переводчика, и я. Передъ

Подполковникъ Ген.-Шт. Илинскій.

Лутайскимъ каналомъ мы остановились, и Анисимовъ приказалъ прислать 7-ую роту Полторацкаго въ подкрѣпленіе. Я соскочилъ съ паровоза и сталъ бродить по насыпи.

Былъ чудный лѣтній день. Безоблачное небо и горячій застывшій воздухъ. Мутная вода тихо струилась между узкими берегами канала. Пріятно было бы отдохнуть въ тѣни тополевой рощи, по ту сторону моста.

Пальба орудій и ружейная трескотня забавляли меня.

Жж!..... Жж!..... Что-то свистѣло и пролетало надъ головой, точно веселыя стрекозы надъ соннымъ прудомъ.

— Что это такое?—спросилъ я подполковника Самойлова, который черезъ бинокль внимательно осматривалъ горизонтъ.

— Это китайскія пули. Не правда ли, какъ китайцы мѣтко стрѣляютъ?—отвѣтилъ Самойловъ, продолжая глядѣть въ бинокль.

— Но вѣдь у боксеровъ нѣтъ ружей.

— Это вовсе не боксеры. Это китайская регулярная пѣхота и артиллерія. Орудія стоятъ въ той рощѣ, а ихъ стрѣлки за валомъ. Вотъ вамъ и настоящая война! Посмотрите, сколько тамъ китайскихъ войскъ на горизонтѣ. Они переходятъ желѣзную дорогу. Ихъ тамъ навѣрное нѣсколько тысячъ.

На горизонтѣ было ясно видно передвиженіе большихъ войскъ съ красными и пестрыми трехконечными или четырехугольными знаменами. Издали доносился неясный гулъ и звучаніе трубъ.

Неизвѣстно откуда долетавшія пули вонзались въ насыпь и сбивали пыль. Гранаты шурша зарывались въ вспаханную землю и разбрасывали песокъ.

— Но это очень непріятно, когда пули и гранаты ложатся такъ близко, — замѣтилъ я.

— Пустяки! Вы только не подворачивайтесь,—отвѣтилъ Самойловъ, не спуская бинокля, — лѣвый флангъ китайцевъ уже отступилъ.

Наши орудія и стрѣлки упорно обстрѣливали китайцевъ и заставили замолчать ихъ лѣвый флангъ. Зато правый флангъ китайцевъ сталъ стрѣлять еще энергичнѣе.

Мичманъ Браше съ пушками стоялъ у насыпи желѣзной дороги и обстрѣливалъ предмѣстье Тяньцзина, гдѣ засѣли боксеры.

— Ваше благородіе! Позвольте пальнуть въ тотъ стогъ, за имъ манзы засѣли,—просилъ матросъ Браше.

— Ну, валяй!

Выстрѣлъ—и изъ-за стога, какъ воробьи разсыпались боксеры, но казаки, лежавшіе вдоль насыпи, зорко слѣдили за ними и подхватили ихъ пулями изъ винтовокъ.

— Ваше благородіе!—снова просилъ матросъ,—позвольте пальнуть вонъ въ того манзу, что бѣжитъ, какъ угорѣлый.

— Не смѣть! Кто же стрѣляетъ гранатой по одному человѣку! Не стрѣлять безъ моего приказанія,—разсердился Браше.

Въ предмѣстьи, которое попалось подъ наши выстрѣлы, было полное смятеніе. Жители покидали свои дома и спасались бѣгствомъ въ городъ. Кто бѣжалъ, кто тащилъ на себѣ узлы, женщинъ, дѣтей, стариковъ, кто спасался на двухколесной тяжелой арбѣ, запряженной мулами. Вотъ понесли въ синихъ носилкахъ мандарина, а за нимъ поплелась его челядь, таща домашній скарбъ.

Упорные боксеры спрятались въ ближайшихъ фанзахъ и сквозь окна продолжали стрѣлять по нашимъ. Поручикъ 12-го полка

Круковскій былъ посланъ со взводомъ стрѣлковъ выбивать боксеровъ изъ ближайшихъ переулковъ.

По дырявому мосту, сколоченному китайцами изъ досокъ и лодокъ, я перешелъ на другую сторону канала. За рощею скрывались китайскія войска, которыя продолжали обстрѣливать насъ. Къ счастью гранаты давали перелетъ и ложились гдѣ-то позади насъ. Но надъ головою, какъ ядовитыя осы, жужжали пули китайскихъ стрѣлковъ и было видно, какъ онѣ хлопались въ землю. Сперва я не зналъ, спрятаться ли мнѣ за деревья отъ этихъ назойливыхъ свинцовыхъ осъ или же сѣсть въ ровъ.

Наши матросы.

Но видя, какъ полковникъ Анисимовъ въ бѣломъ кителѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на груди, ввиду непріятеля ходитъ по насыпи, какъ по бульвару, и далеко виднѣется на синемъ фонѣ неба,—я устыдилъ себя въ трусости и, скрѣпя сердце, рѣшилъ слѣдовать примѣру неустрашимаго полковника. Но это было довольно трудно.

Я былъ въ бѣломъ тропическомъ костюмѣ, въ пробковомъ шлемѣ съ широкими полями, и могъ быть виденъ издали. Воображеніе увѣряло меня, что нѣсколько пуль было спеціально пущено по моему адресу, но онѣ упали гдѣ-то позади. Я не видѣлъ китайцевъ. О нихъ можно было судить по дыму, который взвивался послѣ ихъ выстрѣловъ.

4-ая рота Котикова, 5-ая рота Черскаго и 6-ая Мешабенскаго залегли въ рощѣ по обѣ стороны желѣзнодорожной насыпи и вели перестрѣлку съ китайцами. Я спустился подъ насыпь, чтобы нѣсколько передохнуть отъ выстрѣловъ, и увидѣлъ стрѣлка, который лежалъ на пескѣ окровавленный. Его лицо было покрыто платкомъ. Подлѣ стояли стрѣлки и какъ-то грустно-простодушно смотрѣли на лежавшаго товарища.

— Что съ нимъ?—спросилъ я.

— Убитъ, а другой стрѣлокъ нашей роты раненъ. Фершела перевязываютъ.

— Что же это? первая жертва?—подумалъ я. — Первая капля невинной крови? Что же это такое? Настоящая война? съ регулярными восками, съ ружьями, пушками, ранеными и убитыми? Жестокость и кровопролитіе, не знающее ни жалости, ни снисхожденія. Но чѣмъ виноватъ этотъ самый солдатикъ, котораго за тридевять земель пригнали изъ родной деревни, везли по жаркимъ южнымъ морямъ, держали въ суровомъ Портъ-Артурѣ и прислали сюда усмирять мятежниковъ, которыхъ онъ и въ глаза не видалъ и о которыхъ слышалъ развѣ только въ сказкахъ? Что онъ сдѣлалъ боксерамъ и что они сдѣлали ему? Чувствуютъ ли въ деревнѣ его батька и матка, что ихъ родимый уже сложилъ свою буйную головушку и лежитъ раскинувшись на горячемъ китайскомъ пескѣ, не приласканный и не оплаканный?.. И только докучливыя ядовитыя мухи даютъ ему свое послѣднее тлетворное лобзаніе...

— Неужели это серьезно война со всѣми ея ужасами и страданіями? И какъ этотъ недвижный, еще не остывшій стрѣлокъ на пескѣ—каждый изъ насъ можетъ быть также убитъ слѣпой и безпощадной китайской пулей! — думалъ я и у меня защемило сердце.

— Урааа!—закричали солдаты и ихъ радостный крикъ прервалъ мои безнадежныя мысли.

Криками ура солдаты встрѣтили 7-ую роту, которая благополучно пришла на поѣздѣ изъ Тяньцзина. Анисимовъ приказалъ 5-ой ротѣ присоединиться къ 7-ой и сѣсть на поѣздъ. 4-ая рота должна была идти заслонами вдоль пути, наравнѣ съ поѣздомъ.

Вооруженный поѣздъ тронулся. Я снова сѣлъ въ паровозъ, въ которомъ ѣхалъ Анисимовъ. Съ китайскаго форта въ Тяньцзинѣ замѣтили наши движенія и открыли по поѣзду огонь разрывными гранатами и шрапнелями, начиненными пулями. Огня изъ Тяньцзина мы никакъ не ожидали и не могли опредѣлить его положеніе.

Сопровождаемые стрѣлками 4-ой роты съ обѣихъ сторонъ полотна, мы подвигались впередъ. По сторонамъ тянулись поля, не вспаханныя окрестными поселянами изъ-за смутъ этого года. Гранаты то и дѣло вбивались въ землю и взрывали песокъ. Въ одной рощѣ въ верстѣ разстоянія сверкали огоньки, синѣли дымки и сейчасъ же доносились выстрѣлы. Тамъ засѣло 4 китайскихъ пушки. За рощей показалась китайская импань—казармы, обнесенныя рвомъ, высокимъ глинобитнымъ валомъ, съ зубцами и каменными зубчатыми воротами. Оттуда упорно стрѣляли изъ ружей. Пули попадали

въ поѣздъ, со звономъ ударялись въ колеса и стѣнки вагоновъ и разбили стекло въ окнѣ паровоза около головы командира Анисимова.

Впереди надъ полотномъ желѣзной дороги вспыхнуло большое пламя, которое прозрачные слои воздуха издали еще болѣе увеличивали. Это боксеры жгли 3-ій мостъ. Когда поѣздъ подошелъ къ мосту, огонь былъ уже потушенъ нашими саперами.

По ту сторону 3-го моста стоялъ поѣздъ съ международнымъ саперным отрядомъ. Всѣ саперы были къ счастью въ цѣлости и, прекративъ работы, укрывались частью въ вагонахъ, а частью на склонѣ насыпи. Тутъ расположились наши саперы и стрѣлки, фран-

Предмѣстіе Тяньцзина.

цузы, англичане и японцы. Анисимовъ приказалъ всему соединенному отряду немедленно отступать и послалъ меня сообщить о своемъ рѣшеніи англичанамъ, которые имѣли въ поѣздѣ одно скорострѣльное орудіе.

Англійскаго офицера я нашелъ въ одномъ изъ вагоновъ. Онъ повидимому преспокойно спалъ и изъ-за жары былъ едва одѣтъ. Я сообщилъ приказаніе полковника Анисимова.

— All right, I will go with you immediately. Please, wait a moment.

— Хорошо, я сейчасъ пойду съ вами. Подождите моментъ,— отвѣтилъ англичанинъ и началъ быстро одѣваться. Онъ одѣлъ коричневый тропическій костюмъ, однобортный, съ металическими пуговицами и полотняными погонами, которые были сдѣланы изъ

того же матерьяла, что и костюмъ, и отъ солдатскихъ погонъ отличались только металическими звѣздочками по чину. Онъ одѣлъ манжеты, воротничокъ, саблю, револьверъ, бинокль, флягу, тропическій шлемъ, перчатки и, принявъ самый серьезный видъ, объявилъ:

— Will you accompany me to Colonel Anissimof?

— Вы проводите меня къ полковнику Анисимову?

Корректный англичанинъ счелъ своимъ долгомъ одѣться по всей формѣ, для того чтобы явиться къ русскому командиру и доложить ему, что онъ подчиняется всѣмъ его приказаніямъ.

Проводивъ англичанина, я поспѣшилъ къ нашему поѣзду. Гранаты и шрапнели жестоко рвались надъ полотномъ желѣзной дороги. Я обомлѣлъ, когда увидѣлъ, какъ изъ-за насыпи два стрѣлка тащили третьяго, у котораго гранатой вырвало нижнюю челюсть и горло. Его ружье было разбито и отлетѣло въ сторону. Несчастный солдатикъ, у котораго вмѣсто рта зіяла кровавая рана, на которую было страшно взглянуть, еще хлопалъ глазами.

— Зачѣмъ же такъ жестоко! Такъ ужасно! Чѣмъ онъ виноватъ?—невольно подумалъ я и подбѣжалъ къ стрѣлкамъ, чтобъ помочь имъ взвалить несчастнаго товарища на открытую платформу, на которой стояло англійское орудіе.

Взрывъ надъ головою оглушилъ меня и сбросилъ съ насыпи.

— Вѣроятно англичане выстрѣлили изъ своей пушки,—подумалъ я и почувствовалъ жестокій ударъ въ сердце. Я посмотрѣлъ на мой костюмъ: онъ былъ порванъ и забрызганъ кровью.

— Убитъ!—сверкнуло у меня въ головѣ и мое сознаніе поколебалось.

— Ударъ въ грудь!

— Если послѣ такого удара не убитъ сразу, то я могу еще жить.

— Мнѣ теперь не до раненаго стрѣлка,—подумалъ я и побѣжалъ къ паровозу, взобрался по ступенькамъ наверхъ и сѣлъ возлѣ машины. Мнѣ хотѣлось остаться одному, чтобы разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, кружившихся вихремъ.

— Жизнь или смерть?.. Что это? Война или шутка?.. Сонъ? Бредъ? или ужасная жестокая нежданно нагрянувшая дѣйствительность?.. Нѣтъ, пусть лучше это сонъ... Ничего! это сейчасъ пройдетъ и китайцы перестанутъ стрѣлять.

Звонъ пули, ударившейся въ желѣзо паровоза, не пробудилъ меня. Мнѣ казалось, что я нахожусь на рубежѣ сна и сознанія,

Первая перестрѣлка съ китайскими войсками 4 Іюня 1900 г.

Наши стрѣлки и англійскіе артилеристы. Полковникъ Анисимовъ.

Рис. I. Смукровичъ. „Т-во художеств. печати"

гдѣ яркая дѣйствительность граничитъ съ кошмаромъ. Между топкою и тэндэромъ съ углемъ, у ногъ моихъ положили солдатика съ окровавленной кистью, которая еще держалась на кускахъ кожи. Мнѣ говорили, что ему оторвало кисть руки той же шрапнелью, которая задѣла и меня.

Я осмотрѣлся и увидѣлъ, что мой лѣвый башмакъ въ крови, и что меня что-то рѣжетъ въ ногу. Бѣлый костюмъ оказался продраннымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и отовсюду сочилась кровь. Лицо было обрызгано кровью и я не зналъ—моя ли это или чужая.

Паровозъ тронулся. Французъ-машинистъ лопаткою бралъ уголь надъ головой лежавшаго солдатика и бросалъ въ печь паровоза. Каждый разъ, когда французъ бралъ уголь, уголь сыпался на голову солдатика и на его окровавленную руку. Солдатикъ молчалъ и даже не стоналъ. Его кисть, лежавшая на углѣ, была въ такомъ ужасномъ видѣ, что я былъ не въ силахъ заговорить съ нимъ.

Моя голова кружилась. Я боялся, что лишусь чувствъ.

— Cogito ergo sum,—почему-то вспомнилъ я,—думаю, значитъ живу.

Мудрое изреченіе Дэкарта успокоило меня.

Я превозмогъ себя и рѣшился разстегнуть костюмъ, чтобы посмотрѣть на грудь. Рубашка была въ крови. Осколокъ шрапнели пробилъ боковой карманъ и носовой платокъ въ карманѣ, скользнулъ по пряжкѣ отъ подтяжекъ, которая совершенно сплющилась, и съ пряжкой застрялъ между реберъ надъ сердцемъ. Рана была поверхностная—слава Богу—могу жить! Другой осколокъ я нашелъ въ плечѣ. Оба осколка я осторожно снялъ и спряталъ. Лѣвое плечо, лѣвая рука и обѣ ноги въ крови. Но я былъ такъ слабъ, что не могъ больше себя осматривать. Я былъ радъ, что часы съ портретомъ красивой брюнетки, лежавшіе въ томъ же боковомъ карманѣ, чудомъ уцѣлѣли. Было шесть часовъ вечера.

Мы медленно двигались назадъ. Французъ-машинистъ безпрестанно бралъ уголь, который все сыпался и сыпался на бѣднаго солдатика. Часа черезъ полтора подъ китайскими гранатами поѣздъ пришолъ въ Тяньцзинъ и остановился.

На паровозъ взобрался французскій механикъ Монье. Онъ отнесся ко мнѣ съ участіемъ и далъ выпить коньяку изъ походной фляги. Спутники, бывшіе со мною, куда-то ушли. Я остался одинъ на паровозѣ далеко отъ станціи. Сползъ съ паровоза и побрелъ къ вокзалу. Лѣвая нога плохо слушалась и болѣла.

Съ трудомъ взобрался на высокій перонъ вокзала. Наши офи-

церы, увидя меня въ такомъ несчастномъ видѣ, отнеслись ко мнѣ съ полнымъ вниманіемъ, дали стулъ и приказали четыремъ стрѣлкамъ отнести меня во французскій госпиталь. Всѣ были крайне удивлены, что въ первый день бомбардировки, раньше офицеровъ былъ раненъ штатскій кореспондентъ.

Надо мной пронесли тяжело раненаго англичанина - артиллериста съ полуоткрытыми помертвѣвшими глазами. Кажется онъ былъ раненъ той же шрапнелью, что и я.

Наконецъ стрѣлки подняли меня въ креслѣ на плечи и понесли въ госпиталь. Когда перешли черезъ мостъ, я встрѣтилъ здѣсь нашихъ моряковъ: Каульбарса, Глазенапа и нѣсколько тяньцзинскихъ дамъ. Одна изъ нихъ, красивая велосипедистка съ южными чертами лица подала мнѣ чашку холодной воды черезъ одного изъ офицеровъ.

Стрѣлки понесли дальше. По дорогѣ я встрѣтилъ русскаго почтмейстера, который, увидя меня раненымъ, почему - то очень встревожился, разсердился и постарался поскорѣе отъ меня отдѣлаться. Наконецъ китайскій полицейскій, съ шляпой грибомъ на головѣ и пикой въ рукѣ, провелъ меня во французскій госпиталь.

Вечеръ быстро угасалъ. Грохотъ орудій прекратился. Было совершенно темно, когда меня внесли черезъ цвѣтущій садикъ въ госпиталь, въ отдѣльную комнату и посадили въ кресло. Сестрицы-монахини, въ большихъ бѣлыхъ капорахъ и съ фонариками въ рукахъ, съ крестами на груди и съ небесными лицами, приняли во мнѣ общее участіе: послѣ Блонскаго я былъ первый раненый. Сестрицы очень сожалѣли и послали за старшимъ докторомъ.

Съ меня сняли мой бѣлый окровавленный костюмъ и обмыли лицо, которое было также въ крови отъ царапинъ. Дали коньяку. Скоро явился старшій врачъ monsieur Depasse, симпатичнѣйшій и прелестнѣйшій французъ съ бородкой Henri IV, немного похожій на генерала Буланже. Онъ весело поздоровался со мною и велѣлъ обмыть меня. Взглянувъ на рану на груди, онъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ:

— O! ça ne fait rien! il n'y a pas grand' chose! Это пустяки! но рана могла быть очень опасной! Ваша жизнь была въ опасности, но теперь это пустяки.

Я разсказалъ ему про пряжку.

— O! certainement! Votre boucle vous a sauvé! Ваша пряжка васъ спасла.

Докторъ Дэпассъ.

Потомъ меня раздѣли. Сестрицы вышли. Всѣ пораненія были, слава Богу, поверхностныя. На лѣвой ногѣ осколокъ попалъ въ ступню.

— О! это тоже не серьезно. Осколокъ можно легко вынуть. Итакъ, опасности никакой нѣтъ. У васъ двѣнадцать царапинъ и вы будете скоро здоровы.

Внимательный докторъ Depasse самъ обмылъ мнѣ карболовой водой царапины, присыпалъ іодоформомъ и обвязалъ бинтами. Меня уложили въ такую широкую постель съ балдахиномъ, что я въ ней прямо терялся, и угостили сытнымъ ужиномъ съ краснымъ виномъ.

Милыя монахини прикрутили лампу, пожелали мнѣ спокойной ночи и неслышно вышли со своими фонариками, предоставивъ мнѣ теряться въ моей постели и спать, сколько угодно.

Ночь была тихая. Китайцы не стрѣляли и я сладко заснулъ.

Въ этотъ день, 4 іюня, узнавъ о паденіи фортовъ Таку, князь Дуань, обыкновенно называемый принцомъ Туаномъ, принявъ въ свои руки верховную власть въ Пекинѣ, приказалъ боксерамъ и китайскимъ войскамъ, находящимся въ Тяньцзинѣ, начать войну съ иностранцами.

Въ 2 часа 50 минутъ дня китайская артиллерія начала бомбардировку иностранныхъ концессій и отряда полковника Анисимова, вышедшаго на выручку саперъ. Бомбардировка продолжалась до сумерекъ.

У насъ ранено 9 нижнихъ чиновъ, убито 5. У англичанъ ранено 4, убитъ 1.

Жребій брошенъ. Война началась.

Тяжолый день

5 Іюня

Утромъ добрая бѣлокурая монахиня съ прозрачными глазами сестра Габріэла очень мило поздоровалась со мной и спросила, не желаю ли я завтракать.

Меня угостили чашкой шоколада и бѣлымъ хлѣбомъ. Въ 12 часовъ подали очень хорошій обѣдъ изъ трехъ блюдъ, и въ 7 ужинъ изъ двухъ блюдъ. Краснаго вина съ водою давали цѣлый день и сколько угодно. Это было доброе, старое, монастырское вино.

Пріятно было лежать въ уютной постели и видѣть, какъ монахини заботливо относятся къ русскому раненому. Но всѣхъ мучилъ трескъ ожесточенной перепалки, доносившійся съ вокзала. Китайскія гранаты гудя проносились надъ госпиталемъ и гдѣ-то съ грохотомъ разбивались.

Китайцы направили на концессіи 4 крѣпостныхъ орудія и 10 полевыхъ и начали съ ранняго утра обстрѣливать вокзалъ, бивакъ и зданія иностранцевъ.

Двѣ тысячи китайцевъ съ артиллеріей рѣшили атаковать вокзалъ и отбить его у русскихъ. Вечеромъ въ госпиталь принесли на носилкахъ подпоручика Попова: онъ былъ безнадежно раненъ въ горло пулей на вылетъ. Принесли командира 4-ой роты штабсъ-капитана Котикова, раненаго въ животъ. Привезли на двуколкѣ раненаго капитана Мешабенскаго, поручика Сенкъ-Поповскаго, раненаго въ спину, подпоручика Макарова, раненаго въ руку, и больного поручика Орлова, потерявшаго разсудокъ.

Мы грустно встрѣтились въ госпиталѣ другъ съ другомъ. Въ послѣдній разъ мы видѣлись въ Портъ-Артурѣ на балу у адмирала Алексѣева.

Больше всѣхъ мучился и страдалъ, стоналъ и хрипѣлъ то безъ памяти, то приходя въ себя, подпоручикъ Поповъ, недавно женившійся. Мы не ожидали больше увидѣть его въ живыхъ.

— Ну ужъ и денекъ! — говорилъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ. — Бились, бились съ китайцами и уже въ отчаяніе приходить стали. Съ ранняго утра китайцы засѣли вдоль насыпи желѣзной дороги, за могилами и давай насъ засыпать пулями и гранатами. На вокзалѣ стояла 4-ая и 6-ая роты, 2 нашихъ полевыхъ пушки и 1 англійская пушка Гочкиса. Анисимовъ еще ночью ушолъ на поѣздѣ выручать 3-ю роту, которая стоитъ на

Полковникъ Ширинскій.

заставѣ въ Цзюньлянчэнѣ. Подполковникъ Ширинскій остался командовать за Анисимова. 4-ая рота засѣла въ окопахъ передъ вокзаломъ. Одна полурота 5-ой роты стала позади вокзала, а другая расположилась передъ вокзаломъ на нашемъ правомъ флангѣ. Сидимъ мы въ окопахъ, а китайскія пули трещатъ, какъ дождь по крышѣ. Намъ ажъ жарко стало. Вижу я—одинъ мой стрѣлокъ падаетъ, потомъ другой, третій. Вижу — моимъ стрѣлкамъ жутко становится, робѣютъ. Я все командую залпами. Дадимъ залпъ—

китайцы на минуточку притихнутъ. Видно смотрятъ, въ кого у нихъ попало. А потомъ опять начнутъ свою трескотню, да еще больше прежняго. А непріятно сидѣть въ окопахъ. Пуля еще ничего—какъ-нибудь отъ нея укроешься. Но вотъ какъ услышишь выстрѣлъ изъ орудія и увидишь высоко въ небѣ облачко разорвавшейся шрапнели — тошно, охъ какъ тошно станетъ на душѣ. А ну, думаешь все, какъ тебя осколокъ шрапнели хватитъ сверху по головѣ или въ спину, очень непріятно.

— Скоро 4-ой ротѣ совсѣмъ тяжело стало. Пришла на помощь 7-ая рота. Пришли япошки. Мало ихъ было—человѣкъ 30, но они жарили изъ своихъ винтовокъ усердно. Залегли. Молчатъ. А глазенки какъ у молодыхъ волчковъ горятъ. Все высматриваютъ, куда бы еще пальнуть. Ширинскій прислалъ на вокзалъ еще двѣ нашихъ полевыхъ пушки и просилъ англичанъ поддержать насъ. На вокзалъ явились англичане съ двумя орудіями, но одно ихъ орудіе скоро замолчало, такъ какъ нѣсколько ихъ артиллеристовъ были сейчасъ же ранены. Китайцы такъ пристрѣлялись, что, замѣтивъ малѣйшее движеніе на вокзалѣ, сейчасъ же осыпали вокзалъ своими снарядами. У одного нашего орудія китайцы подбили лафетъ, который пришлось замѣнить новымъ. А китайцы все наступали и наступали на вокзалъ и, наконецъ, окружили 4-ую роту, выставленную впередъ, съ трехъ сторонъ. Командиръ роты, штабсъ-капитанъ Котиковъ былъ раненъ въ пахъ. Унесли на носилкахъ. На его мѣсто послали поручика Орлова, но съ нимъ произошло такое умственное разстройство, когда онъ увидѣлъ въ какой адъ онъ попалъ, что пришлось и его унести. Тяжко было стрѣлкамъ сидѣть въ окопахъ и отстрѣливаться отъ китайцевъ, которые сотнями наступали изъ города, изъ-за желѣзной дороги и изъ деревень. Растерялись стрѣлки, перестали уже дѣлать залпы и начали стрѣлять въ безпорядкѣ. Ширинскій приказалъ казакамъ замѣнить нѣмцевъ, которые имѣли свою заставу гдѣ-то на окраинѣ концессій, а нѣмцевъ просилъ явиться на вокзалъ.

— Стрѣлки, засѣвшіе въ окопахъ передъ вокзаломъ, выбивались изъ послѣднихъ силъ, какъ былъ убитъ Поповъ, раненый въ горло. Солдаты совсѣмъ оробѣли. Уже третьяго командира уносятъ. А вѣдь наши стрѣлки народъ молодой—все новобранцы, которые и огня еще никакого не видали, а вѣдь какъ держались—точно львы. Видитъ Ширинскій, что дѣло плохо, и приказалъ 6-ой ротѣ поддержать 4-ую роту, чтобы 5-ая могла тѣмъ временемъ отступить къ вокзалу. Но какъ тутъ отступить? Чуть только подымешь голову

изъ-за желѣзно-дорожной платформы — мы лежали вдоль полотна, прикрывшись платформой—китайцы увидятъ бѣлую рубашку и сейчасъ стрѣляютъ. Капитанъ Мешабенскій только поднялся съ земли и былъ тотчасъ раненъ. Скверно было. А китайцы набрались такой дерзости, что на нашихъ глазахъ прорвались въ ближайшую деревню, которая передъ вокзаломъ. Тутъ японцы донесли, что потеряли двухъ офицеровъ и половину нижнихъ чиновъ и больше держаться не могутъ. Что тутъ дѣлать? Но молодцы нѣмцы! Какъ разъ пришли во-время и выбили китайцевъ изъ деревни. Потомъ пришли французы и смѣнили японцевъ. 5-ой и 7-ой ротѣ тоже было плохо. Такой азартъ охватилъ китайцевъ, что они полѣзли на нашихъ въ атаку, а нѣкоторые смѣльчаки-китайцы такъ прямо бросились въ штыки. Но не выдерживаютъ они нашихъ залповъ—очень не любятъ! Какъ дашь хорошій залпъ—сейчасъ же пятятся. Китайцы стрѣляли все утро безъ передышки, не жалѣли снарядовъ, но въ 12 часовъ дня вдругъ затихли—должно полагать сѣли обѣдать. Бой боемъ, а вѣдь ѣсть тоже хочется, только у китайцевъ конечно была хорошая рисовая каша, ну а у насъ одни сухари, да вода въ бутылкахъ.

— Китайцы пообѣдали, отдохнули часика два и въ 2½ часа снова открыли огонь. Снова атакуютъ вокзалъ, но, подкрѣпившись кашей и чаемъ, они сдѣлались еще ожесточеннѣе прежняго. Снова гранаты рѣшетятъ желѣзную крышу вокзала. Снова шрапнели рвутся надъ головой. Снова завизжали пули и застучали по стѣнамъ вокзала и по каменнымъ плитамъ платформы. Вокзалъ загорѣлся отъ гранатъ, но тушить огонь было некому да и незачѣмъ. Въ несчастной 4-ой ротѣ былъ раненъ сейчасъ-же подпоручикъ Макаровъ—рота потеряла четвертаго офицера. Роту измученныхъ стрѣлковъ увели на бивакъ, а на ея мѣсто поставили 6-ую роту. Японцевъ, оставшихся безъ офицеровъ, отправили въ подчиненіе къ Полторацкому, въ 7-ую роту. Дѣло становилось совсѣмъ плохо, такъ какъ китайцы упорно рѣшили взять вокзалъ, а подкрѣпленій у насъ уже больше не было,—ни своихъ, ни иностранныхъ. Весь наличный гарнизонъ Тяньцзина дрался на вокзалѣ и уже выбивался изъ силъ.

— 1-ая, 2-ая и 8-ая роты еще рано утромъ ушли въ Цзюньлянчэнъ выручать Гембицкаго съ 3-ей ротой. 4-ая, 5-ая, 6-ая и 7-ая отстаивали вокзалъ. Изъ нихъ 4-ая, потерявшая офицеровъ и много людей, была возвращена на бивакъ. Наши казаки, артиллеристы, японцы, англичане, нѣмцы и французы — всѣ дрались, дружно защищая вокзалъ и имѣя одного общаго начальника подполковника Ширинскаго. Уже и храбрый Ширинскій былъ въ отчаяніи

видя, что китайцы не только не уменьшаютъ своего огня, но въ количествѣ не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ съ каждымъ часомъ подходятъ все ближе и ближе и уже густою цѣпью на протяженіи одной версты обложили вокзалъ и засѣли въ 200 шагахъ отъ насъ. Китайскія пули и гранаты свистали, шипѣли и стучали все чаще и чаще. Все чаще уносили на носилкахъ стрѣлковъ. И рѣже стали гремѣть наши залпы, такъ какъ уже стало не хватать патроновъ. Въ отчаяніи Ширинскій началъ думать о томъ, чтобы переправить черезъ мостъ на бивакъ всѣ орудія, увести всѣ роты, очистить вокзалъ, уничтожить мостъ черезъ Пэйхо и обороняться въ концессіяхъ. Больше ничего не оставалось дѣлать, такъ какъ помощи ждать было неоткуда.

— Ура! Ура! Ура!..—радостный оглушительный крикъ вырвался изъ окоповъ и пролетѣлъ по всѣмъ ротамъ.

— Анисимовъ пришолъ!.. Анисимовъ!.. Анисимовъ!..—кричали солдаты.

— Поѣздъ быстро подходилъ къ станціи. Какъ радостно забилось сердце у каждаго солдата и офицера, когда изъ вагоновъ стали прыгать солдаты въ бѣлыхъ рубашкахъ. Въ прозрачномъ воздухѣ далеко была видна спокойная фигура въ бѣломъ кителѣ съ широкой грудью и сѣрой бородкой. Это былъ Анисимовъ.

— Наши!.. Наши!.. Анисимовъ!.. Ура! Ура!..—кричали солдаты—и тѣ, которые дрались на вокзалѣ, и вновь прибывшіе.

— Все, что валялось на пескѣ въ грязныхъ рубахахъ, намокшихъ отъ пота и забрызганныхъ кровью товарищей, прикрываясь насыпью окопа, китайской могилкой или какой бы то ни было защитой, изнемогая отъ жары, духоты, голода и ужаса—все вскочило, воспрянуло и, горланя во все горло ура, устремилось на китайцевъ. Наступилъ рѣшительный моментъ—побѣдить или пропасть, и Анисимовъ воспользовался моментомъ по-Скобелевски. 2-ую роту Анисимовъ послалъ въ подкрѣпленіе нашему лѣвому флангу, а самъ съ 1-ой и 8-й бросился прямо черезъ поле, вмѣстѣ съ нашимъ правымъ флангомъ, на китайцевъ. Нашей морской и иностранной артиллеріи онъ приказалъ поддержать его, а полевой батареѣ приказалъ нарысяхъ слѣдовать за нимъ. Увидали китайцы, какъ изъ-за желѣзной дороги и изъ-за могилъ высыпали бѣлыя рубахи, которыя, кричатъ и бѣгутъ прямо на нихъ, не выдержали характера, сердешные, и давай удирать отъ насъ. Наши преслѣдовали китайцевъ до канала. А Полторацкій съ 7-ой ротой такъ увлекся, что со своими стрѣлками влетѣлъ въ китайскій городъ и—чего

добраго—ворвался бы и въ самый фортъ, если бы Анисимовъ не вернулъ его съ отеческимъ внушеніемъ—не увлекаться. Въ 6 часовъ вечера штурмъ китайцевъ былъ отбитъ, и Анисимовъ приказалъ всѣмъ ротамъ вернуться въ городъ на бивакъ. Двѣ роты были оставлены для охраны вокзала. Китайцы удирали въ такомъ смятеніи, что побросали въ полѣ сотни три винтовокъ Маузера и Манлихера и столько

Инженеръ-механикъ Щанкинъ.

же цинковыхъ ящиковъ съ патронами. Спасибо Анисимову—выручилъ насъ!

— А мы—говорилъ офицеръ, ходившій съ Анисимовымъ въ Цзюньлянчэнъ,—въ 2 часа ночи явились на вокзалъ. Собрались: 1-ая, 2-ая и 8-ая роты, команда саперъ, англичане съ одной пушкой Гочкиса и 4 нашихъ морскихъ пушки Барановскаго. Англичане, видно, очень не хотѣли, чтобы мы уходили изъ Тяньцзина и никакъ не могли приготовить паровоза. Наконецъ, мы сѣли, поѣхали, и англичане такъ повели поѣздъ, что паровозъ сейчасъ же сошелъ съ рельсъ. Анисимовъ очень разсердился. Англичане струхнули и на-

чали что-то чинить. Тогда инженеръ-механикъ Щанкинъ сѣлъ на паровозъ, сталъ самъ управлять машиною и хотя англичане выдумали машину, но онъ лучше ихъ повелъ поѣздъ подъ гранатами и пулями. Только въ 6 час. утра мы двинулись благополучно впередъ, вмѣсто 2-хъ часовъ ночи. Лишь только поровнялись мы съ восточнымъ арсеналомъ, китайцы встрѣтили насъ огнемъ изъ арсенала и импаней. Мы стали стрѣлять изъ нашихъ поѣздныхъ пушекъ, а стрѣлки были посланы вдоль полотна. Вдали было видно, какъ китайцы подбѣгали къ желѣзной дорогѣ, вырывали шпалы и рельсы и поджигали мосты. Анисимовъ приказалъ немедленно исправлять путь. Но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ хуже былъ путь, и мы едва подвигались впередъ. Съ 8 часовъ утра мы слышали, что въ Тяньцзинѣ идетъ сильная канонада, и наши отвѣчаютъ знакомыми ружейными залпами. Видно было, какъ европейскія концессіи уже горѣли въ разныхъ мѣстахъ отъ китайскихъ гранатъ, а вѣтеръ былъ сильный. Анисимовъ собралъ ротныхъ командировъ: Францкевича, Сушкевича и Шпехта и объявилъ имъ, что, если нужно спасать 3-ью роту или жителей Тяньцзина, то онъ выбираетъ послѣднихъ. 3-ью роту мы оставили на Божью волю. Въ 2 часа мы двинулись обратно и въ 4 пришли въ Тяньцзинъ. У насъ раненъ поручикъ Сенкъ-Поповскій въ спину, убито трое нижнихъ чиновъ, ранено 10.

Наши потери въ этотъ день были: ранены капитанъ Мешабенскій, штабсъ-капитанъ Котиковъ, поручикъ Сенкъ-Поповскій, подпоручики Поповъ и Макаровъ. Всего убито 15 нижнихъ чиновъ, ранено 74.

У иностранцевъ 25 раненыхъ и убитыхъ.

Въ этотъ же день нѣмцы и англичане окружили Китайскую Военную Школу и взяли ее приступомъ. Воспитанники этой школы, юные китайцы—храбрые, но безумные патріоты порѣшили лучше погибнуть, но не сдаться. Нѣкоторые изъ нихъ были перестрѣлены и перебиты. Большинство бѣжало. Ихъ было около трехсотъ человѣкъ. Это былъ первый выпускъ китайскихъ молодыхъ образованныхъ офицеровъ—первый и послѣдній цвѣтъ и надежда китайскаго воинства.

Къ вечеру канонада стихла, но ночью китайцы снова открыли огонь по городу.

Тяньцзинскій вокзалъ.

Первыя жертвы

6 Іюня

Во вторникъ 6-го іюня русскіе вмѣстѣ съ англичанами ходили брать два китайскихъ орудія, поставленныя на городскомъ валу, при его пересѣченіи съ желѣзной дорогой, идущей въ Тонку. 200 англійскихъ матросовъ съ „Барфлера“, подъ командою капитана Битти, смѣло бросились впередъ на орудія, направленныя на европейскія концессіи, но не выдержали перекрестнаго огня и принуждены были отступить. Когда подоспѣли русскіе, китайцы сняли оба орудія съ вала и на время ушли. Потомъ на этомъ мѣстѣ китайцы поставили большое 6-дюймовое осадное орудіе, день и ночь поражавшее европейскій городъ и пугавшее осажденныхъ своими оглушительными выстрѣлами и протяжнымъ воемъ гранатъ.

Въ этомъ дѣлѣ пострадали англичане. Храбрый капитанъ Битти былъ дважды раненъ, но продолжалъ командовать своими людьми до послѣдней возможности. Лейтенанты Стерлингъ, Райти и Пуэль были ранены. Юный мичманъ Дональдсонъ умеръ отъ ранъ. Съ ними было ранено 13 матросовъ.

— Сколько у васъ осталось ружейныхъ патроновъ?—спросилъ полковникъ Анисимовъ завѣдующаго оружіемъ поручика Глобычева.

— 135 патроновъ на человѣка. Еще одинъ такой бой, какъ вчера, и мы останемся безъ патроновъ, господинъ полковникъ,— отвѣтилъ Глобычевъ.

— Всѣ патроны и снаряды спрятать въ подвалахъ подъ китайскою почтою. Выдавать на руки нижнимъ чинамъ самое ограниченное количество патроновъ. Пусть они берегутъ патроны и отбиваются отъ непріятеля штыками,—приказалъ Анисимовъ.

Гарнизонъ Тяньцзина въ тяжелые дни осады состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ:

Русскіе:	12-й полкъ	1225	человѣкъ
	Артиллерія—4 орудія . . .	80	„
	Казаки	100	„
	Саперы	58	„
	Моряки—4 орудія	44	„

Итого: 7 ротъ, 1 сотня, 1 взводъ саперъ, 8 орудій—1500 человѣкъ. Одна рота (175 человѣкъ) была послана на станцію Цзюньлянчэнъ.

Англичане:	Моряки	100
	2 орудія десантныхъ . .	12
	2 орудія Гочкиса	10
Нѣмцы:	Моряки	50
	1 орудіе десантное . . .	9
	3 пулемета	—
Французы:	1 орудіе десантное . . .	30
Японцы		30
Американцы		35
Итальянцы		35

Итого: гарнизонъ Тяньцзина состоялъ: изъ $9^1/_2$ ротъ, 1 сотни, 1 взвода саперъ, 14 орудій, 3 пулеметовъ—1800 нижнихъ чиновъ.

Въ русскомъ отрядѣ было взято: по 360 патроновъ на стрѣлка, по 270 патроновъ на сапера и 1200 артиллерійскихъ снарядовъ.

Съ этими силами полковникъ Анисимовъ долженъ былъ отстаивать европейскія концессіи Тяньцзина.

Сколько было войска у китайцевъ очень трудно сказать точно. По словамъ китайцевъ, преданныхъ европейцамъ, въ Тяньцзинѣ находилось 7000 регулярныхъ войскъ, которыми командовалъ Нѣ-

Ши Чэнъ. Кромѣ того было нѣсколько тысячъ боксеровъ, вооруженныхъ ружьями и снабженныхъ несмѣтнымъ количествомъ патроновъ, которыми были переполнены магазины Тяньцзинскихъ арсеналовъ.

6-го іюня китайцы съ утра и весь день бомбардировали городъ и вокзалъ, но общей атаки, подобно начатой наканунѣ, не рѣшались дѣлать. Видно, неожиданное появленіе Анисимова съ новыми силами въ самый разгаръ боя ихъ ошеломило.

Тѣмъ не менѣе они упорно обстрѣливали вокзалъ и громили стѣны вокзала гранатами до тѣхъ поръ, пока не превратили въ развалины. Китайцы нѣсколько разъ наступали изъ предмѣстій, расположенныхъ возлѣ вокзала и изъ за соляныхъ бунтовъ, расположенныхъ по берегу Пейхо, и напали на 7-ую роту Полторацкаго, которая была поставлена охранять желѣзную дорогу возлѣ угольнаго склада.

Въ этой схваткѣ былъ смертельно раненъ въ грудь подпоручикъ Зіолковскій. Онъ упалъ и умирая успѣлъ только сказать подбѣжавшему къ нему Полторацкому:

— Передайте поклонъ моей Олѣ!

Это былъ прощальный привѣтъ его юной красавицѣ-женѣ.

Въ тотъ же день былъ раненъ въ ногу подпоручикъ Пуцъ. Убито 7 нижнихъ чиновъ, ранено 34.

Безвременная гибель молодого сердечнаго товарища и прекраснаго офицера Зіолковскаго глубоко опечалила всѣхъ офицеровъ. Среди офицеровъ это была первая жертва—первая утрата.

Удивительное предзнаменованіе. Когда 12-ый полкъ только что прибылъ въ Тонку и садился, чтобы ѣхать въ Тяньцзинъ въ поѣздъ, изъ толпы китайцевъ былъ брошенъ камень, который попалъ въ плечо погибшаго Зіолковскаго. Весь день китайскія гранаты разбиваютъ крыши и стѣны европейскихъ зданій, пылаютъ дома и цѣлые кварталы, зажженные удачно пущенными китайскими гранатами.

Жители концессій, застигнутые осадою, въ смятеніи и отчаяніи большею частью побросали свои дома и укрываются въ подвалахъ англійскаго муниципалитета Gordon-Hall, находящагося на улицѣ Victoria-Road. Здѣсь же собраны всѣ европейскія женщины. Пища для нихъ готовится въ сосѣдней гостиницѣ Astor-House.

Больной русскій консулъ Шуйскій съ семьею также помѣстился въ подвалахъ Gordon-Hall.

Наканунѣ, ночью, храбрый французъ, инженеръ-механикъ съ крейсера „D'Entrecasteaux“ Монье отправился на катерѣ по рѣкѣ Пейхо въ Тонку, чтобы сообщить о тяжеломъ положеніи европей-

цевъ, осажденныхъ въ Тяньцзинѣ. Ему удалось ночью благополучно проскочить между китайскими заставами, расположенными по берегамъ Пейхо. 6-го іюня вечеромъ полковникъ Анисимовъ вызвалъ казаковъ, желающихъ поѣхать въ опасный путь въ Тонку доставить донесеніе о бѣдственномъ положеніи отряда и европейцевъ, окруженныхъ китайскими войсками.

Три казака Дмитріевъ, Каргинъ и Баньщиковъ вызвались доставить донесеніе. Проводить ихъ взялся смѣлый молодой англичанинъ, лихой наѣздникъ Джимъ Вотсъ, нѣсколько лѣтъ жившій въ Тяньцзинѣ и часто ѣздившій верхомъ въ Тонку и обратно. Онъ прекрасно зналъ всѣ окрестности Тяньцзина и служилъ въ одной Тяньцзинской комерческой конторѣ.

Въ $8^1/_2$ час. вечера неустрашимые охотники, сопровождаемые пожеланіями и благословеніями осажденныхъ, тронулись въ путь на свѣжихъ лошадкахъ. Проѣхать было нужно около 40 верстъ. Каждому казаку было дано по одинаковому донесенію. Надѣялись, что хоть одинъ изъ нихъ доберется въ живыхъ до Тонку.

Они пустили лошадей полнымъ ходомъ, чтобы съ разсвѣтомъ прибыть въ Тонку. Ѣхали по проселочнымъ дорогамъ и встрѣчали только китайцевъ - поселянъ. Полъпути прошли благополучно, но ночью въ темнотѣ они наткнулись на китайскую заставу. Залегли въ оврагъ, подлѣ самой заставы и притихли. Китайцы услышали шумъ, но не могли найти ихъ. Джимъ Вотсъ знаками показалъ казакамъ, что дальше нельзя ѣхать и лучше возвращаться въ Тяньцзинъ. Казаки разсердились, схватили Вотса за руки и знаками дали ему понять, что они ни за что не поѣдутъ назадъ и его тоже не пустятъ, но требуютъ, чтобы онъ велъ ихъ дальше. Притомъ они пригрозили своими винтовками. Нечего дѣлать. Англичанину пришлось согласиться. Когда китайцы пошарили и уснули, всадники осторожно выбрались изъ оврага и помчались дальше. Китайцы встревожились, стали стрѣлять, но уже было поздно. Казаки съ Вотсомъ пролетѣли вскачь нѣсколько верстъ и были далеко. Въ 7 часовъ утра они прискакали въ Тонку и совершенно обезсиленные были сняты русскими матросами съ взмыленныхъ лошадей! Всѣ три донесенія были доставлены, а казаки впослѣдствіи награждены Георгіевскими крестами.

Сестра Люси Пюи-Мутрэйль.

Подъ гранатами

7 Іюня

Слышали вы объ этой американкѣ? говорили между собою раненые офицеры 12-го полка, лежавшіе въ палатѣ французскаго госпиталя.

— Да, да! храбрая женщина!

— Удивительная женщина!

— А что такое?

— Кто такая?

— Американка Люси.

— Да она не американка, а француженка.

— Да что она сдѣлала?

— 5-го іюня, когда къ намъ на бивакъ стали сносить раненыхъ десятками, а наши врачи Зароастровъ и Орловскій перевязывали на вокзалѣ,—на бивакъ неожиданно явилась мадмуазель Люси, въ простой соломенной шляпкѣ, въ передникѣ и объявила, что она желаетъ перевязывать раненыхъ. Засучивъ рукава, она сейчасъ же принялась за работу и разослала солдатъ за водой. Не говоря ни слова порусски, съ помощью жестовъ и своего выразительнаго французскаго языка она растолковала солдатамъ все, что ей было нужно. Но вѣдь пашъ солдатъ понятливъ. Она откуда-то достала одѣялъ, ваты, бинтовъ, льду и вмѣстѣ съ фельд-

шерами начала перевязывать. Гранаты рвались надъ самымъ бивакомъ. Пули залетали въ палатки. Но храбрая Люси не обращала на это вниманія и перевязывала весь день. Многихъ раненыхъ перевязали въ бою, подъ огнемъ, впопыхахъ и кое-какъ. Она каждому подала помощь, каждаго утѣшила и приласкала. Человѣкъ 70 перевязала. На другой день опять явилась на бивакъ и опять перевязывала. Наши солдаты и фельдшера на нее не намолятся.

— Молодецъ женщина!

Каждый день съ утра китайцы начинаютъ бомбардировку концессій и громятъ ихъ гранатами и шрапнелями и засыпаютъ пулями. Несмѣтное количество новѣйшихъ огнестрѣльныхъ припасовъ доставлено въ Тяньцзинъ германскими и англійскими поставщиками въ самое послѣднее время и такое же количество гранатъ и патроновъ изготовлено самими китайцами въ ихъ первоклассномъ Восточномъ арсеналѣ. Поэтому китайцы не жалѣютъ снарядовъ и часъ за часомъ разрушаютъ концессіи и наши хрупкія наскоро сдѣланныя укрѣпленія у вокзала, окопы, редюиты и барикады.

По улицамъ концессій нѣтъ возможности ходить безъ риска быть раненымъ или убитымъ.

Къ счастью акуратные китайцы дѣлаютъ точные перерывы въ бомбардировкѣ, во время которыхъ отдыхаютъ сами и даютъ передохнуть и намъ.

Они открываютъ канонаду города раннимъ утромъ. Около 8 час. утра они дѣлаютъ первый перерывъ, чтобы выпить чаю и поѣсть рисовой похлебки. Подкрѣпившись, они снова открываютъ огонь. Въ 12 час. дня всѣ китайскія батареи и цѣпи стрѣлковъ замолкаютъ, такъ какъ въ полдень каждый порядочный китаецъ долженъ пообѣдать, поѣсть жареной или вареной свинины, овощей, лапши съ лукомъ и рисовой каши. Покуривъ трубку послѣ обѣда, китайскій солдатъ ложится поспать часа на два. Часа въ 3 снова начинается стрѣльба, которая продолжается до сумерекъ. Вечеромъ китайцы ужинаютъ, ѣдятъ блины или пельмени съ лукомъ и саломъ, послѣ чего отдыхаютъ. Около полуночи снова открываютъ огонь на нѣсколько часовъ и хотятъ изнурить маленькій русскій отрядъ неожиданными вылазками и безпрестанной ежедневной и еженочной пальбой. Китайскіе артиллеристы, прекрасно зная расположеніе Тяньцзина и хорошо умѣя пользоваться своими орудіями, не разбрасываютъ снарядовъ по разнымъ мѣстамъ кон-

Лагерь 12-го Вост.-Сиб. Стр. полка въ Тяньцзинѣ во время осады.

ис. І. Смукровичъ.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ"

цессій, но выбираютъ какую-нибудь точку, и въ этомъ направленіи выпускаютъ нѣсколько снарядовъ. Если они увидятъ дѣйствіе удачно пущеннаго снаряда: дымъ, пожаръ, разрушеніе зданій, то посылаютъ въ ту же точку еще два-три снаряда, а затѣмъ выбираютъ новое направленіе.

Счастье иностранцевъ было въ томъ, что китайцы не имѣли на своихъ фортахъ мортиръ и фугасныхъ бомбъ. Иначе отъ концессій не осталось бы слѣда.

У китайцевъ были обыкновенныя сегментныя гранаты, которыя разбивали каменныя стѣны и своими осколками разрушали все, что попадалось по пути, а также фугасныя гранаты, наполненныя обыкновеннымъ мелкимъ порохомъ, которыя разбрасывали постройки и производили пожары.

Всѣхъ раненыхъ русскихъ и французовъ приносятъ въ госпиталь, который названъ Франко-русскимъ госпиталемъ. Помощь подаютъ врачи 12-го полка Зароастровъ и Орловскій и французы докторъ Депасъ—Depasse, главный врачъ китайской медицинской школы въ Тяньцзинѣ, и профессоръ этой школы докторъ Уйонъ—Houillon, а также желѣзнодорожный врачъ бельгіецъ Сэрвель, бывшій въ числѣ бѣглецовъ, спасшихся изъ Баодинфу. Самый заботливый уходъ раненымъ оказывали сестры-монахини, а также монахи ордена Маристовъ и Лазаристовъ.

7-го іюня въ госпиталь принесли секретаря французскаго муниципалитета Сабуро. Онъ только вышелъ на крыльцо муниципальнаго зданія и былъ раненъ въ животъ осколкомъ разорвавшейся китайской гранаты. Сабуро промучился нѣсколько часовъ и скончался въ ту же ночь, въ присутствіи французскаго консула.

Въ этотъ день англичане, которые наблюдали съ башни англійскаго муниципалитета Gordon-Hall за окрестностями Тяньцзина, донесли полковнику Анисимову, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ сторонѣ Таку, они замѣтили перестрѣлку между неизвѣстными противниками.

Командиръ англійскаго отряда, такъ же какъ и прочіе командиры, по правиламъ международной военной дисциплины, ежедневно докладывали Анисимову о состояніи ихъ отрядовъ. При этомъ особенной исправностью въ докладахъ отличался англичанинъ.

Получивъ это сообщеніе и желая узнать, не подходитъ ли къ Тяньцзину на помощь какой-нибудь русскій или иностранный отрядъ, Анисимовъ приказалъ казакамъ сдѣлать развѣдку. Ловцовъ, Григорьевъ и Семеновъ сейчасъ-же выступили.

Къ вечеру казаки вернулись привезя 6 раненыхъ и 5 убитыхъ. Сотники Григорьевъ и Семеновъ были также ранены. Всѣ офицеры были очень огорчены, когда узнали, что общій любимецъ, весельчакъ, острякъ и добрый товарищъ Григорьевъ былъ раненъ ударомъ боксерскаго копья въ грудь, въ то время когда сотня пробивалась черезъ окружившее ихъ скопище боксеровъ. Рана была не глубокая, но всѣ боялись зараженія крови отъ стараго и грязнаго китайскаго копья.

Но Григорьевъ не унывалъ и весело разсказывалъ непріятный анекдотъ, который съ нимъ произошолъ.

— Наша сотня—говорилъ онъ—какъ всегда стояла бивакомъ во дворѣ французскаго консула. Сегодня въ первомъ часу дня начальникъ отряда призвалъ Ловцова и меня. Придя мы увидѣли, что весь отрядъ стоитъ въ ружьѣ и со знаменемъ. Подумали, должно быть опять предстоитъ какая нибудь грязная исторія въ грандіозныхъ размѣрахъ съ китайской рванью. У меня сердце сейчасъ-же ёкнуло и чувствовалъ я себя скверно. Анисимовъ сказалъ намъ:

Сотникъ Григорьевъ.

— „Поѣзжайте по правому берегу рѣки Пэйхо, возможно дальше и узнайте,—дѣйствительно ли тамъ идетъ бой. Говорятъ, это наши идутъ къ намъ на выручку. Во что-бы то ни стало узнайте. Мнѣ все равно, сколько васъ вернется — хоть половина, хоть два человѣка".

— Мы сказали „слушаюсь", переспросили, по какому берегу намъ идти, и пошли. Меня остановилъ полковникъ Вогакъ и сказалъ: „Смотрите, не попадитесь! — тамъ весь раіонъ занятъ боксерами".—„Постараемся"—отвѣтилъ я и поспѣшилъ догонять своего командира. Хоть дѣло было дрянь табакъ, но признаюсь чувствовалъ въ себѣ какой то подъемъ духа. Подходя къ консульству, увидѣлъ выѣзжающую уже сотню въ 53 человѣка.

— „Опоздалъ! отсталъ! какъ бы тамъ у боксеровъ и совсѣмъ не остаться"!—подумалъ я. „Это не къ добру! Какъ бы чего не случилось"!

— Я сѣлъ на коня и нагналъ сотню у городскихъ воротъ. Только мы выѣхали за городской валъ, какъ попали подъ перелетныя китайскія гранаты, которыя пролетѣвъ надъ всѣмъ городомъ, сыпались какъ изъ мѣшка по нашей дорогѣ. Мы стали задувать галопомъ. Прошли версты двѣ. Впереди увидали деревушку. Перешли на рысь. Показались красные колпаки, которые улепетывали въ свои фанзушки. Это были боксеры. Рѣшили плюнуть на нихъ и не обращать никакого вниманія, но если покажется ихъ побольше, и будутъ мѣшать намъ, то взять ихъ въ оборотъ. Первую деревню прошли благополучно. Сдѣлали еще около 3 верстъ. Перебрались черезъ мостъ. Дорога была обсажена деревьями. Видимъ, наши головные дозоры скачутъ къ намъ назадъ, а за ними бѣгутъ китайцы. Рѣшили обработать ихъ, чтобы не путались полосатые. Мы шли въ колоннѣ по три. Я какъ былъ передъ первымъ взводомъ, выхватилъ шашку, скомандовалъ въ карьеръ и кинулся на дьяволовъ. Но за ними, за поворотомъ дороги, была толпа, человѣкъ въ 60. Я съ командиромъ сотни бросился въ ихъ кашу. Вотъ тутъ-то я на кого то налетѣлъ, кто-то на меня и я почувствовалъ ударъ въ грудь. Кого то я хватилъ шашкой, кто-то закричалъ и я почувствовалъ второй ударъ въ бокъ. Кто то меня хватилъ. „Ахъ, подлецы, ранили“!—мелькнуло у меня въ головѣ. „Только бы не упасть“! Но на сѣдлѣ я сидѣлъ еще прочно. Лошадь вынесла меня изъ этой оравы на дорогу и я увидалъ, что предо мной улица,— вся запружена галдѣвшими китайцами съ ружьями, копьями и мечами, сѣкирами и даже луками. Ловцовъ скомандовалъ „назадъ“ и почти передъ носомъ краснорожихъ мы свернули съ дороги вправо. Гляжу боксеры тучей налетѣли на нашихъ казаковъ и рубили ихъ. Семеновъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, у которой каналья-китаецъ копьемъ пробилъ пахъ. Семеновъ вскочилъ и отстрѣливался изъ револьвера. Мы отошли назадъ, спѣшились и открыли огонь залпами. Это на китайцевъ подѣйствовало утѣшительно, ибо они сильно поубавили свой куражъ. Собачьей рысью они стали разбѣгаться, вопили и потрясали въ воздухѣ оружіемъ. Это дало намъ возможность подобрать раненыхъ, которыхъ было 6 человѣкъ. Пять убитыхъ лежало на мѣстѣ. Но дьяволы-китайцы опять подбодрились, такъ какъ изъ сосѣднихъ деревень сбѣжались другіе боксеры и окружили насъ кольцомъ. Мы бросились въ шашки, гдѣ чертей было порѣже—пробились и выскочили изъ этой бойни. Разбойники вопили „ша“! бѣжали за нами, прямо лѣзли на насъ— голоногіе! Укомплектовавъ достаточное количество волосатыхъ смѣль-

чаковъ и не будучи въ состояніи двинуться дальше съ тяжело ранеными, мы около 6 часовъ вечера вернулись въ Тяньцзинъ. Я раненъ копьемъ въ грудь и бокъ. Семеновъ получилъ ударъ въ шею. Раненая лошадь Семенова всетаки довезла его до города и пала мертвой. 5 казаковъ убито, 6 ранено, 6 лошадей убито, 14 ранено. Вѣрно, какъ въ аптекѣ!

Весь этотъ день китайцы обстрѣливали концессіи и вокзалъ и особенно пытались уничтожить мостъ, соединявшій вокзалъ съ французской концессіой. Скрываясь за солеными бунтами, китайцы стрѣляли по часовымъ, охранявшимъ мостъ, и пускали по рѣкѣ горящія шаланды—барки съ цѣлью поджечь мостъ. Виноградовъ и его саперы съ трудомъ уничтожили подплывшія пылавшія барки и отстояли мостъ. Работа была очень трудная, такъ какъ гасить огонь приходилось подъ выстрѣлами китайцевъ. Чтобы сообщеніе по мосту было болѣе безопаснымъ, со стороны моста, подверженной выстрѣламъ, были навалены мѣшки съ пескомъ и тюки съ ватой, имѣвшіеся въ изобиліи въ тяньцзинскихъ складахъ и сослужившіе хорошую службу при оборонѣ города.

Наши стрѣлки цѣлый день вели перестрѣлку на вокзалѣ. Въ этотъ день былъ убитъ поручикъ Архиповъ, убито 2 стрѣлка и ранено 21.

Убитый боксеръ.

Среди шпіоновъ

8 Іюня

Китайцамъ было прекрасно извѣстно все расположеніе европейскихъ концессій и они стрѣляли по нимъ какъ по плану.

Благодаря давнишней ненависти китайцевъ къ католикамъ французамъ и ихъ миссіонерамъ, выстрѣлы были главнымъ образомъ направлены на французскую концессію, французское консульство, высокое зданіе французскаго муниципалитета, монастырскія и госпитальныя зданія.

Кромѣ того китайскіе шпіоны давали самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ расположились русскія войска. Русскій бивакъ, находившійся на французской концессіи, спеціально обстрѣливался одной изъ тяньцзинскихъ импаней—фортовъ.

Такъ какъ канонада города началась неожиданно, то не было возможности предварительно выселить изъ концессій всѣхъ китайцевъ. Среди послѣднихъ находилось очень много католиковъ, которымъ всегда покровительствовали католическіе миссіонеры. Эти патеры постоянно ходатайствовали за нихъ передъ военными, если военные арестовывали подозрительныхъ китайцевъ. Наши военные были очень недовольны вмѣшательствомъ патеровъ въ военныя дѣла и не давали пощады заподозрѣннымъ китайцамъ, но отличить шпіона отъ крещонаго было очень трудно.

Не будетъ никакимъ преувеличеніемъ, если сказать, что 12-й полкъ былъ окружонъ предателями и при такихъ ужасныхъ условіяхъ долженъ былъ выдерживать осаду. Сигналы подавались либо съ крышъ европейскихъ домовъ посредствомъ флаговъ, либо по телефону. Насколько трудно было отличить друзей отъ враговъ въ

толпѣ китайцевъ, жившихъ вмѣстѣ съ европейцами на ихъ концессіяхъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай. Бой—слуга французскаго консула былъ схваченъ нашими стрѣлками на крышѣ французскаго консульства, откуда онъ дѣлалъ какіе-то знаки флажками.

Бравый и толковый стрѣлокъ 4-ой роты Науменко, раненый въ руку и назначенный въ госпиталь санитаромъ за расторопность, разсказывалъ, какъ онъ открылъ китайскую сигнализацію по телефону:

— Такъ что, стало быть, когда это мы значитъ раненыхъ на бивакъ съ вокзала все носили и носили, все больше нашихъ 4-ой роты, я въ ту пору тоже на бивакѣ былъ. Меня въ руку пулей навылетъ ранило—рана пустяшная. Такъ меня ротный на бивакъ послалъ. Спасибо сестрицѣ милосердной, французской, что по нашему не говоритъ, а мы ее всѣ понимаемъ. Что прикажетъ, все понимаемъ.

— Спасибо сестрицѣ—перевязала руку. Лежимъ это мы въ палаткѣ и дивимся. Съ чего бы это китайскіе снаряды все на бивакъ залетаютъ? А мы ужъ слыхали, что китайцы флагами съ крышъ машутъ и сигналы подаютъ своимъ. Смотримъ кругомъ, а я слушаю. Слышу—упадетъ снарядъ подлѣ бивака и кто то звонитъ. Снарядъ и звонокъ. Я обѣжалъ бивакъ. Гляжу—въ китайской фанзѣ какой-то китайскій чиновникъ съ косой по телефону переговариваетъ. Увидитъ, куда снарядъ падаетъ, ручкой повертитъ, позвонитъ и трубку къ уху. Упадетъ снарядъ, а онъ сейчасъ ручкой повертитъ и въ трубку переговариваетъ. Сообразилъ я, что это значитъ. Зло меня взяло и кричу я ребятамъ: „Ребята, бери ружья, никакъ тутъ дьяволы китайскіе завелись, въ той фанзѣ, по телефону со своими переговариваютъ!“ Мигомъ разобрали ружья, кто могъ, кинулись въ фанзу и всѣхъ, кого нашли, до смерти забили. Человѣкъ пять ихъ тамъ было. Всѣхъ соглядатаевъ перекололи. Потомъ китайцы ужъ больше на бивакъ такъ мѣтко не попадали.

Послѣ этого случая наши саперы были командированы перерѣзать всѣ провода телефонные и телеграфные, которые вели изъ концессій въ китайскій городъ. Телефонъ, по которому китайцы переговаривали, находился въ китайской телеграфной конторѣ, бывшей подлѣ бивака.

День 8 іюня съ утра былъ омраченъ печальнымъ извѣстіемъ. Нѣсколько офицеровъ 12-го полка ночью спали не въ палаткѣ, а въ китайскомъ домѣ, покинутомъ жильцами, рядомъ съ бива-

комъ. Ночью было душно и поэтому дверь въ домѣ была открыта. Одна изъ шальныхъ пуль, которыя днемъ и ночью носились надъ городомъ по всѣмъ направленіямъ и залетали во дворы, двери и окна, залетѣла и въ эту открытую дверь. Пролетѣвъ надъ головою одного изъ офицеровъ, она ударилась въ стѣну и отскочивъ тяжело ранила въ животъ капитана Васильева, командира 2-го баталіона 12-го полка. Черезъ нѣсколько часовъ капитанъ скончался въ мученіяхъ, оставивъ жену и дѣтей.

Подъ вечеръ когда канонада нѣсколько стихла, было назначено погребеніе офицеровъ Зіолковскаго и Архипова и француза Сабуро, а также стрѣлковъ, умершихъ въ госпиталѣ отъ ранъ. Хотя надъ городомъ еще носились гранаты и лучше было бы не выходить изъ дому, однако на погребеніе явился французскій консулъ и нѣсколько членовъ французской колоніи и баодинфускихъ бѣглецовъ. Прибыли свободные офицеры, полковникъ Анисимовъ и полковникъ Вогакъ.

Черезъ окно палаты, въ которой я лежалъ, я видѣлъ какъ китайскіе мальчики—церковные прислужники въ бѣлыхъ стихаряхъ поставили передъ вратами церкви, бывшей рядомъ съ госпиталемъ, чорные погребальные столы и церковные подсвѣчники. Вынесли три простыхъ желтыхъ гроба и тѣла стрѣлковъ, завернутыя въ одни саваны и положенныя на носилки. Старшій монахъ съ красивымъ живымъ лицомъ и длинной черной бородой прочиталъ нѣсколько молитвъ на латинскомъ языкѣ. Братья монахи, блѣдные худощавые, съ опущенными головами, въ длинныхъ чорныхъ подрясникахъ, и сестрицы монахини въ темносинихъ одеждахъ, въ бѣлыхъ капорахъ, съ крестами ни груди, спѣли грустный хоралъ.

Неожиданный трескъ въ воздухѣ испугалъ всѣхъ собравшихся на отпѣваніе. Зазвенѣли и закачались церковные подсвѣчники, и одинъ изъ нихъ упалъ. Китайская шрапнель, разорвалась надъ госпиталемъ. По удивительному счастью осколки шрапнели попали только въ подсвѣчники и никого не ранили. Монахи и монахини набожно перекрестились.

Стрѣлки подняли на плечи своихъ убитыхъ офицеровъ и товарищей и понесли на братское кладбище, около бивака. Хоръ стрѣлковъ запѣлъ печальную пѣснь „Со святыми упокой". Стрѣлки уходили и пѣсня затихала, и вдругъ зазвучали мѣдные звуки полкового оркестра, заигравшаго „Коль славенъ".

И захватывающая грусть и какая - то странная неумѣстная бодрость выливались изъ этихъ мѣдныхъ звуковъ. Точно чувство-

валось, что съ этими неунывающими стрѣлками, съ этой молитвой и съ этой вѣрой легче оплакать убитыхъ неповинныхъ товарищей и что та же молитва и та же вѣра дадутъ силы вынести наступившее тяжелое испытаніе до конца.

Еще одна потеря. Въ окопахъ убитъ штабсъ-капитанъ Францкевичъ, командиръ 1-ой роты.

Кладбище.

Пятый день лежу я во французскомъ госпиталѣ. Какъ и другіе раненые пользуюсь самымъ заботливымъ уходомъ со стороны докторовъ, сестеръ и монаховъ и быстро поправляюсь благодаря сухому воздуху Тяньцзина, но ничего утѣшительнаго въ совершающихся событіяхъ не вижу.

Пятый день русскіе и иностранцы день и ночь, въ окопахъ и за барикадами, отстрѣливаются отъ китайцевъ и съ каждымъ днемъ слабѣютъ силы, бодрость и выносливость нашихъ защитниковъ. Запасы патроновъ и снарядовъ какъ у насъ, такъ и у иностранцевъ, быстро уменьшаются. Къ счастью китайцы, во время своего послѣдняго бѣгства послѣ неудачнаго нападенія на вокзалъ, побросали на полѣ такъ много ружей Маузера и Манлихера и ящиковъ съ патронами, что 12-й полкъ нѣсколько пополнилъ свои огнестрѣльные запасы на китайскій счетъ. Стрѣлкамъ были розданы китайскія новенькія ружья и патроны.

Изъ русскаго гарнизона въ Тяньцзинѣ, состоявшаго изъ 1500 человѣкъ, уже выбыло около 200 раненыхъ и убитыхъ,

что составляетъ уже цѣлую роту. Уже 4 офицера были убиты. 8 офицеровъ были ранены и не могли находиться въ строю.

Приходилось драться съ противникомъ, который превосходилъ численностью не менѣе какъ въ 15 разъ русскій отрядъ, такъ какъ по слухамъ, которые передавались китайцами, вокругъ Тяньцзина собралось кромѣ 5—7000 войскъ генерала Нѣ и около 20000 боксеровъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Китайскія войска, а тѣмъ болѣе боксеры стрѣляли изъ ружей очень плохо, такъ какъ ихъ солдаты еще недостаточно хорошо были обучены нѣмцами—инструкторами. Китайцы совершенно не умѣли стрѣлять залпами и предпочитали стрѣлять вверхъ, вслѣдствіе чего ихъ пули большею частью давали перелетъ. Но изъ той массы пуль, которыя китайскіе стрѣлки выпускали безпорядочно, безъ счота и разбора, многія попадали и выбивали нашихъ стрѣлковъ изъ строя. Каждый часъ съ вокзала или съ нашихъ заставъ приносили въ госпиталь то одного, то другого раненаго или убитаго русскаго или француза.

Линія обороны, которую долженъ былъ охранять тяньцзинскій международный отрядъ въ 1800 человѣкъ, была растянута на шесть верстъ. Главная оборона концессій была сосредоточена на вокзалѣ, который необходимо охранять во что бы то ни стало. Ибо если китайскія войска перейдутъ поле, расположенное между вокзаломъ и китайскимъ городомъ и захватятъ вокзалъ въ свои руки, то они будутъ владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ рѣки Пэйхо и, поставивъ батареи, легко могутъ уничтожить всѣ концессіи.

Главныя китайскія силы расположены къ сѣверу отъ сетльмента. Рекогносцировки казаковъ Ловцова, Григорьева и Семенова показали, что къ югу отъ сетльмента китайскихъ войскъ не имѣется. Поэтому все вниманіе полковника Анисимова было обращено на защиту вокзала и той части концессій, которая подходитъ къ китайскому городу. Днемъ наши стрѣлки еще могли бдительно охранять свои посты. Но изнуренные жарой, безсонными ночами и безпрестанной бомбардировкой китайцевъ, они выбивались изъ послѣднихъ силъ, день и ночь бодрствуя на своихъ заставахъ.

Помощи мы могли ждать только изъ Портъ-Артура. Но добрались ли благополучно до Тонку казаки съ донесеніями и французскій механикъ Монье и было ли извѣстно въ Портъ-Артурѣ о нашемъ положеніи?... Англичане, наблюдавшіе съ башни на Gordon-Hall, снова сообщили, что замѣтили стычку въ верстахъ пяти на юговостокъ отъ Тяньцзина. Это обозначало, что мы окру-

жены китайцами со всѣхъ сторонъ и если къ намъ на выручку идетъ какой-нибудь отрядъ изъ Тонку, то ему приходится пробираться съ боемъ.

Мы были осаждены китайцами въ Тяньцзинѣ. Посланники, о которыхъ мы не имѣли никакихъ извѣстій уже двѣ недѣли, были заперты въ Пекинѣ. Отрядъ адмирала Сеймура, пропавшій безъ вѣсти, былъ окруженъ китайскими войсками и если онъ еще не погибъ весь, то блуждалъ гдѣ-то между Тяньцзиномъ и Пекиномъ.

Въ переулкѣ.

Французскіе офицеры.

Послѣднія усилія

8 Іюня. Вечеръ

Весь день 8 іюня китайцы бомбардировали городъ, а къ вечеру канонада усилилась.

Въ палатѣ, въ которой я лежалъ, собралось нѣсколько офицеровъ раненыхъ и здоровыхъ, русскихъ и французовъ. Разговоръ шелъ на двухъ языкахъ.

На одномъ диванѣ лежалъ штабсъ-капитанъ Котиковъ. Хотя онъ страдалъ отъ раны, но его больше безпокоила не рана, а его 4-ая рота, оставшаяся безъ командира. Котиковъ нѣсколько разъ въ день подзывалъ къ себѣ фельдфебеля роты, который былъ раненъ въ ногу. Молодой бѣлокурый фельдфебель съ толковымъ, но очень блѣднымъ лицомъ, подползалъ съ обвязанной ногой къ своему командиру, старался выпрямиться и докладывалъ, что въ 4-ой ротѣ все благополучно, только около половины людей убитыхъ, раненыхъ и больныхъ. Крайне опечаленный и озабоченный Котиковъ отдавалъ ему приказанія, и фельдфебель уползалъ, чтобы черезъ своихъ унтеръ-офицеровъ исполнить приказанія ротнаго командира.

На другомъ диванѣ лежалъ подпоручикъ Пуцъ съ обмотанной ногой. Сидѣлъ подпоручикъ Макаровъ съ рукой на перевязи, были и другіе офицеры.

Состояніе каждаго было мучительное. Всѣ чувствовали, что попали въ западню, спасеніе изъ которой было возможно только чудомъ.

— Помилуйте! — возмущался нервный докторъ — что это за война! Китайцы совершенно не уважаютъ международныхъ законовъ. Они прекрасно знаютъ, гдѣ находится госпиталь съ ранеными. Какое право имѣютъ китайцы уже который день обстрѣливать госпиталь? Это грубое нарушеніе неприкосновенности Краснаго креста.

— Что это вы вздумали требовать отъ китайцевъ культурныхъ обычаевъ? Вы хотите, чтобы боксеры признавали Женевскую конвенцію? Многаго захотѣли,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Мы должны,—продолжалъ докторъ,—послать какое-нибудь требованіе китайцамъ, чтобы они не смѣли обстрѣливать нашъ госпиталь и уважали Красный Крестъ. Мы съ своей стороны обѣщаемся не обстрѣливать ихъ госпиталя и покажемъ китайцамъ примѣръ, какъ нужно уважать законы войны.

— Неужели вы думаете, докторъ, — возразилъ раненый офицеръ,—что китайцы что-нибудь поймутъ изъ вашей галантности? Цивилизованные европейцы столько лѣтъ не признавали никакихъ основныхъ и человѣческихъ правъ за китайцами, не уважали ни ихъ національныхъ чувствъ, ни религіозныхъ, ни политическихъ, грубо издѣвались надъ ихъ самыми священными обычаями и законами и отнимали и расхищали у нихъ все, что только могли,— и вы хотите, чтобы въ такое разнузданное и беззаконное время, которое называется войной, китайцы вѣрили, что мы будемъ признавать какіе то законы и права, которые мы постоянно нарушали во время мира.

— Все это ужасно! ужасно! — вздыхалъ докторъ — всѣ мы погибнемъ, какъ собаки, и китайцы всѣхъ насъ вырѣжутъ.

— Успокойтесь, докторъ! Не такъ страшны китайцы, какъ ихъ малюютъ.

— Докторъ! если уже вы приходите въ отчаяніе, вы интелигентный и понимающій дѣло человѣкъ, то что же тогда дѣлать нижнимъ чинамъ?

— Каждый не можетъ быть такимъ храбрымъ и неустрашимымъ, какъ вы! Я нахожу, что наше положеніе здѣсь самое критическое и даже безнадежное,—отвѣтилъ докторъ.

— Не приходите въ ужасъ и не говорите такихъ отчаянныхъ

словъ, которыя могутъ быть услышаны нижними чинами и произвести между ними панику,—сказалъ самый храбрый офицеръ.

— Тутъ намъ уже не о паникѣ нужно думать, а о томъ, чтобы спасаться какъ можно скорѣе изъ этого проклятаго города, пока еще не поздно. Вы слышите? вы слышите?

Съ воемъ и шипѣніемъ надъ госпиталемъ пролетѣла новая граната и съ трескомъ разбилась гдѣ-то очень близко. Госпиталь задрожалъ. Всѣ мы вздрогнули.

— А вотъ слѣдующая граната попадетъ въ самый госпиталь и всѣ мы погибнемъ подъ развалинами,—не успокаивался докторъ.

— Да перестаньте, докторъ! Что вы все волнуетесь? То-ли еще бываетъ?

— Ну, я не знаю, что еще бываетъ хуже?—говорилъ докторъ, въ отчаяніи размахивая и вертя руками, точно онъ хотѣлъ отогнать отъ себя докучливыя гранаты.

— А вотъ, когда вы, докторъ, попадетесь въ плѣнъ къ китайцамъ и они начнутъ васъ живьемъ ампутировать и вы лично убѣдитесь въ пользѣ хирургіи, тогда вамъ будетъ гораздо хуже, чѣмъ теперь,—замѣтилъ молоденькій ядовитый офицеръ.

— Вы, благодѣтель и другъ человѣчества, напротивъ должны намъ показывать примѣръ мужества, твердости и выносливости, а вы только разстраиваете всѣхъ насъ вашими ужасами!—сказалъ сердито другой.

— Вотъ вы увидите, что всѣхъ насъ вырѣжутъ: что вы тогда скажете?—сказалъ съ отчаяніемъ докторъ.

— Когда насъ всѣхъ вырѣжутъ, тогда мы рѣшительно ничего не увидимъ и не скажемъ! О чемъ-же вы безпокоитесь? Примите какихъ-нибудь успокоительныхъ капель, чтоли!

Французскій докторъ, добродушный и не унывающій Уйонъ, сообразилъ разговоръ и ободрялъ своего коллегу порусски:

— Nichevo! Nichevo!

Въ палату быстро вошолъ молодой полковой адъютантъ Карповъ, признанный полковыми дамами внѣ конкурса за красоту, элегантность и остроуміе. Несмотря на осаду, онъ всегда былъ безукоризненно одѣтъ, носилъ китель и фуражку снѣжной бѣлизны и даже на позиціи, какъ говорили, выѣзжалъ щоголемъ. Его друзья говорили, что онъ былъ очень храбръ, но его преслѣдовали китайскія гранаты и каждая лошадь, на которую онъ садился, была подъ нимъ убита. Поэтому его просили ходить пѣшкомъ, чтобы не губить полковыхъ лошадей.

На этотъ разъ его безупречный китель, эксельбанты и лакированные сапоги были измяты и въ пыли.

Онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ.

— А! Карповъ! Ну, скорѣе! какія новости? опять лошадь убита? Ну садись къ намъ и разсказывай! Хочешь краснаго монастырскаго вина? Что новаго? Что ты такъ блѣденъ? Что дѣлаетъ Анисимовъ?

Докторъ Уйонъ.

Вопросы посыпались съ разныхъ сторонъ.

— Oh! Mr. Karpoff! Bonjour! Comment ça va? Quelles nouvelles nous apportez vous?

— О! г. Карповъ! Какъ дѣла? Какія у васъ новости?—заговорили французы и стали крѣпко пожимать руки Карпову.

— Très mal! Très mal!— отвѣтилъ Карповъ, сѣлъ среди товарищей, выпилъ стаканъ вина и сталъ разсказывать. Каждое его слово переводилось французамъ.

— Господа, поздравьте меня,—говорилъ Карповъ,— едва не былъ убитъ и спасся самымъ непонятнымъ образомъ!

— Опять чудесное спасеніе на лошади?

— Нѣтъ! Я сидѣлъ у вокзала, на какомъ-то деревянномъ ящикѣ...

— Пули, гранаты и шрапнели носились вихремъ... — перебилъ кто-то.

— Господа, не перебивайте! дайте ему говорить!

Карповъ продолжалъ.

— Сижу я на ящикѣ. Вдругъ надъ моей головой раздается ударъ шрапнели и я лечу съ ящика на землю. Хорошій зарядъ шрапнели попалъ въ ящикъ, разбилъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и ранилъ стрѣлковъ, которые были вблизи. Я поднялся съ земли ошеломленный, осмотрѣлся и увидѣлъ, что у меня все въ порядкѣ. Нигдѣ не раненъ.

— Ты неуязвимъ, какъ боксеръ. Ну а что Анисимовъ?

— Господа, наши дѣла очень плохи! Китайцы открыли такую ожесточонную канонаду по вокзалу, что, вѣроятно, они хотятъ повторить свою атаку ночью. Командиръ полка предугадываетъ общее нападеніе китайцевъ и намѣренъ увести съ вокзала всѣ роты. Я долженъ сказать вамъ по секрету, что наше положеніе очень тяжолое и мы должны быть готовы ко всему. Командиръ полка приказалъ, чтобы всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ и приготовились на случай отступленія. Приказано нашему артиллерійскому обозу снять всѣ лишнія тяжести. Полковникъ Вогакъ уже предупредилъ иностранцевъ о возможности отступленія. Если китайцы возьмутъ у насъ вокзалъ, то 7-ая рота Полторацкаго должна будетъ отбиваться и прикрывать мостъ до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ не уйдетъ изъ Тяньцзина. Затѣмъ приказано сломать мостъ, отступать и промышлять, какъ Богъ укажетъ Англичане пойдутъ въ авангардѣ отряда. За ними русскіе, жители, раненые, иностранцы и обозъ. Раненые, женщины и дѣти будутъ посажены на двуколки. Въ арьергардѣ останутся нѣмцы, которые должны будутъ удерживаться въ медицинской школѣ и на кладбищѣ до послѣдней возможности. Какъ видите, положеніе весьма неутѣшительное! Городъ пылаетъ отъ пожаровъ и русское консульство сгорѣло до тла.

Всѣ молча переглянулись.

Каждому живо представилась печальная картина поспѣшнаго отступленія. Отчаянное бѣгство съ городскими жителями, женщинами, дѣтьми и ранеными. Безконечный растянутый обозъ! Безпрерывное нападеніе китайцевъ

Перестрѣлка, крики, слезы и общая паника!

— Вотъ видите! я вамъ говорилъ, но вы мнѣ не вѣрили. Всѣ пропали!—заговорилъ разстроенный докторъ и снова безнадежно замахалъ руками.

— Нѣтъ! — сказалъ болѣе бодрый офицеръ, — я убѣжденъ, что Анисимовъ никогда не отдастъ вокзала китайцамъ и не уйдетъ изъ Тяньцзина! На то онъ Анисимовъ! Конечно, онъ сдѣлаетъ всѣ приготовленія къ отступленію, но онъ не уйдетъ. Да развѣ бывало когда-нибудь, чтобы русскіе отдавали свой городъ непріятелю и бѣжали?

— Но ты забываешь, что концессіи наполнены мирными жителями, которыхъ мы должны спасать. Мы поневолѣ должны будемъ отступить, чтобы вывести всѣхъ жителей изъ города. Иначе насъ

перебьютъ здѣсь всѣхъ до одного, если мы останемся безъ вокзала и будемъ укрываться въ домахъ.

— Насъ также хорошо могутъ перебить въ дорогѣ, во время нашего отступленія.

— Но въ полѣ при отступленіи мы можемъ по крайней мѣрѣ отбиваться и отстрѣливаться. А что мы сдѣлаемъ здѣсь въ этихъ узкихъ и скрещенныхъ улицахъ? Конечно безъ жителей и женщинъ мы бы засѣли здѣсь и отбивались до послѣдней капли крови.

— Никуда мы, господа, не уйдемъ и благополучно выдержимъ осаду. Анисимовъ никогда не отступитъ!

— Пропали! Всѣ пропали!—вздыхалъ докторъ и размахивалъ руками еще энергичнѣе.

Появился забайкальскій казакъ съ бурятскимъ лицомъ, съ круто загнутой шапкой, въ бѣлой рубахѣ, почернѣвшей отъ трудовъ, съ кривой шашкой сбоку и съ запиской въ рукахъ. Записка сообщала, что командиръ полка приказываетъ всѣмъ офицерамъ быть готовыми на случай отступленія.

Здоровые и раненые офицеры крѣпко и молча пожали другъ другу руки и разошлись. Въ нашей палатѣ остались только Котиковъ, Пуцъ и Макаровъ.

Канонада китайцевъ усилилась. Завывая надъ городомъ пролетали гранаты. Со звономъ въ стѣны и плитяныя дорожки госпитальнаго двора ударялись пули.

Было уже совсѣмъ темно, когда къ намъ въ палату вошла красивая женщина въ простой соломенной шляпкѣ и съ засученными рукавами. Она была очень взволнована и слезы едва держались въ ея большихъ черныхъ глазахъ.

Я сейчасъ же узналъ ту спортсменку, которая подала мнѣ воды, когда стрѣлки несли меня съ вокзала въ госпиталь.

Она назвала свою фамилію.

— Люси Пюи-Мутрейль.

Офицеры и я поспѣшили выразить ей свои лучшія привѣтствія на русско-французскомъ языкѣ:

— Весь русскій отрядъ прекрасно васъ знаетъ какъ свою замѣчательную героиню и гордится, что имѣетъ такую неустрашимую сестру милосердія.

— Господа, я нахожусь безъ крова и обращаюсь къ вашему покровительству,—сказала сестра Люси.

Мы были удивлены и не понимали, въ чемъ дѣло. Она продолжала:

Офицеры 12-го В.-С. С. полка.

— Господа, вы знаете, какъ я работала нѣсколько дней на вашемъ бивакѣ, перевязывая вашихъ раненыхъ. Сегодня весь день я работала въ этомъ госпиталѣ, помогая вашимъ врачамъ и ухаживая за вашими солдатами. Я не хочу и не могу больше вернуться въ тотъ домъ, въ которомъ я жила раньше. Я желаю остаться сестрою милосердія при вашемъ отрядѣ. Я просила у монастырскихъ монахинь разрѣшенія поселиться здѣсь, чтобы быть ближе къ раненымъ. Но мнѣ отказали. Тогда я просила позволить мнѣ по крайней мѣрѣ проводить здѣсь ночи. Но монахини не разрѣшили мнѣ и этого говоря, что по правиламъ святого монастыря это совершенно невозможно для такой легкомысленной женщины, какъ я. Теперь я безъ крова и пріюта.

Старшій врачъ Зароастровъ.

Мы были поражены, недоумѣвали и рѣшили позвать старшаго полкового врача Зароастрова и старшую сестру монахиню — для переговоровъ.

— Успокойтесь, сударыня, — говорили мы, — будьте увѣрены, что все это недоразумѣніе, которое сейчасъ же будетъ улажено. Русскіе слишкомъ высоко цѣнятъ ваши услуги въ такіе тяжолые дни. Мы слишкомъ дорожимъ вашимъ самопожертвованіемъ и участіемъ къ нашимъ раненымъ.

Когда пришли докторъ Зароастровъ и старшая сестра-монахиня, мы разсказали имъ, въ чемъ дѣло, и докторъ Зароастровъ поручилъ мнѣ передать монахинѣ и Люсси Пюи-Мутрейль слѣдующее:

— Старшій врачъ русскаго 12-го полка, докторъ Зароастровъ отъ имени русскаго отряда приноситъ глубокую благодарность г-жѣ Пюи-Мутрейль за ея самоотверженную дѣятельность съ первыхъ же дней бомбардировки. То, что сдѣлано ею за эти дни, выше всякихъ похвалъ. Старшій врачъ весьма радъ, что она желаетъ и дальше помогать раненымъ, и офиціально назначаетъ ее сестрой милосердія при русскомъ отрядѣ. Такъ какъ теперь въ главномъ французскомъ госпиталѣ, по случаю военнаго времени, образованъ соединенный франко-русскій госпиталь, то докторъ

Зароастровъ, какъ старшій врачъ, проситъ старшую сестру оказывать всякое покровительство и содѣйствіе новой сестрѣ милосердія, отвести ей комнату, гдѣ она могла бы жить, а прежде всего дать ей поужинать.

Старшая сестра-монахиня прослезилась, отвѣтила, что она очень рада оказать пріютъ такой самоотверженной женщинѣ и поспѣшила исполнить всѣ требованія доктора Зароастрова.

Сестра Люси была очень счастлива и до конца Печилійской экспедиціи не разставалась съ русскимъ отрядомъ. Сотни раненыхъ были ею перевязаны, ободрены и приласканы.

'8 Іюня. Ночь

Беззвѣздная и безлунная тревожная ночь быстро спустилась надъ измученными концессіями Тяньцзина. Чѣмъ она кончится? Какое утро ждетъ насъ? Или быть можетъ „заутра казнь"?

Въ госпиталѣ было тихо. Офицеры и солдаты чуть слышно переговаривались другъ съ другомъ, либо спали. Но трудно было спать въ эту ночь.... Съ вокзала доносилась ожесточенная убійственная перестрѣлка. Видно китайцы напрягали всѣ усилія, чтобы выбить русскихъ, которые засѣли въ окопахъ, бились, бились и не умирали. Слышно было, какъ среди китайской ружейной безпорядочной и безпрестанной трескотни срывался рѣзкій и гулкій залпъ нашихъ, эхомъ отдававшійся въ стѣнахъ концессій и ободрявшій стрѣлковъ, лежавшихъ въ госпиталѣ... Встрепенутся стрѣлки и начнутъ шептаться.... „Слышь? нашъ залпъ! Здорово закатили!"

Пули залетали въ нашъ садъ, но отъ нихъ, слава Богу, еще можно было уберечься въ стѣнахъ госпиталя. Къ намъ въ открытыя окна онѣ еще не попадали. Но жутко было, когда надъ городомъ жужжа рѣяли гранаты и съ такой силой и трескомъ вонзались въ сосѣднія каменныя зданія, что весь госпиталь грохоталъ.

Когда минутами затихало, слышно было, какъ страдали раненые.... Вздохи!... Стоны!... „Охъ, Господи!" доносилось изъ темныхъ палатъ, едва освѣщонныхъ керосиновыми лампами и фонарями.... Было замѣчено, что китайцы, жившіе вмѣстѣ съ нами на концессіяхъ, стрѣляли въ освѣщонныя окна европейцевъ. Поэтому въ госпиталѣ было воспрещено держать ночью большой свѣтъ въ палатахъ.

Было слышно, какъ въ сосѣдней палатѣ стоналъ Поповъ и тя-

жело вздыхалъ французскій унтеръ-офицеръ, бравый и красивый, съ большой чорной бородой, безнадежно раненый въ животъ.

Въ нашей комнатѣ было тихо... Офицеры дремали. Не охота была говорить другъ съ другомъ. И о чемъ говорить? О томъ, что наше положеніе безвыходно? Что насъ могутъ вырѣзать? Всѣ мы это сознавали, мучились и молчали.

Въ моей просторной постели я ворочался съ боку на бокъ, хотѣлъ, но не могъ заснуть... Меня мучили и гранаты и не прекращающаяся трескотня ружей... Я внимательно прислушивался, какъ пули падали къ намъ въ садъ и срывали вѣтки и листья съ розовыхъ акацій, бывшихъ въ полномъ цвѣту и такъ нѣжно благоухавшихъ...

— Боже мой! Когда же, наконецъ, все это кончится!.. Какое мученіе! Вѣдь китайцы могутъ такъ перестрѣлять всѣхъ нашихъ стрѣлковъ!.. А что если они въ самомъ дѣлѣ прорвутся черезъ наши заставы?.. переколотятъ всѣхъ часовыхъ... и ворвутся на концессіи, въ улицы, въ дома, въ госпиталь?.. Что же тогда съ нами будетъ?.. Вырѣжутъ? поголовно? одного за другимъ? нѣтъ, будутъ рѣзать десятками, кучами... Будутъ мучить, съ остервенѣніемъ, съ наслажденіемъ... Страшно подумать... Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Но отчего-же нѣтъ? Вѣдь другіе же погибали такой страшной мучительной смертью! То же самое можетъ и съ нами случиться... Чѣмъ мы лучше другихъ?.. Ужасно!

Раздался шорохъ... шаги... Я вздрогнулъ... это была сестра Габріела, съ прозрачными глазами. Она шла съ фонарикомъ по коридору. Я ее окликнулъ шопотомъ:

— Ma soeur! Ma soeur Gabrielle! venez ici!

— Сестра! Сестра Габріела! придите сюда.

Сестра Габріела неслышно вошла. Я едва могъ разглядѣть ея лицо подъ бѣлымъ капоромъ.

— Что вамъ угодно, monsieur?

— Скажите, пожалуста, который часъ?

— Около 3 часовъ ночи.

— Какъ китайцы сильно стрѣляютъ? Неправда ли?

— Какъ всегда.

— А вы развѣ не боитесь быть убитой китайцами, сестра? Развѣ вамъ не страшно?

— Нѣтъ! я всегда готова къ смерти и рада встрѣтиться съ Богомъ.

— Но я хочу жить. Я вовсе не хочу умирать!

— Vous pouvez aimer la vie, mais il faut être toujours préparé à la mort.

— Вы можете любить жизнь, но вы должны быть всегда готовы къ смерти.

— А вы развѣ не хотите жить, сестра?

— Нѣтъ! умереть лучше. Я буду покоиться на небесахъ, на лонѣ у Бога. Тамъ такъ хорошо, такъ сладко, такъ свѣтло и безмятежно! Извините меня. Мнѣ нужно идти. Вы слышите?—стучатъ—принесли раненыхъ? Спокойной ночи! Спите спокойно! Bonne nuit, monsieur! Dormez bien, monsieur! Bonne nuit!

Сестра Габріела съ прозрачными глазами кивнула головой и также неслышно вышла.

Въ госпитальныя ворота стучались. Это принесли новыхъ раненыхъ. Вѣроятно, съ вокзала.

Мнѣ вспомнились слова сестры Габріелы:

— Il faut être toujours préparé à la mort... Нужно быть всегда готовымъ къ смерти. Какое спокойствіе у такой молодой женщины! И какая вѣра! Не отъ міра сего. Но я отъ міра сего! Я вовсе не хочу умирать! Я хочу жизни, Боже! Я хочу жить и наслаждаться Твоею жизнью и Твоимъ міромъ! Я еще такъ молодъ и такъ полонъ потребности жизни! счастливой кипучей жизни! Боже мой! да къ чему же я созданъ Тобой какъ не для жизни и счастья? Къ чему же отнимать у меня жизнь на ея расцвѣтѣ, не давъ мнѣ даже насладиться всѣми ея радостями? Я столько готовился къ жизни, учился, работалъ, чтобы пройти жизненный путь какъ можно осмысленнѣе и счастливѣе... Вѣдь это нелогично! А въ жизни все должно быть разумно и послѣдовательно. Какой смыслъ въ моей жизни, если она оборвана преждевременно и такимъ дикимъ образомъ въ этой западнѣ? на чужбинѣ, вдали отъ всѣхъ близкихъ... И какой смыслъ въ смерти, если она врывается въ самый разгаръ жизни?.. Я такъ вѣрилъ въ китайцевъ и въ ихъ традиціонную вѣковую дружбу съ Россіей... Пріѣхалъ, наконецъ, въ Китай, за 16 тысячъ верстъ и встрѣтился съ этими умными китайцами, которыхъ такъ уважалъ за ихъ Конфуція... Но, Боже мой, чтоже они теперь дѣлаютъ? Гдѣ-же эта дружба, ихъ мудрость и испытанное миролюбіе? Это какая-то насмѣшка надъ исторіей... надъ здравымъ смысломъ...

Въ узкій просвѣтъ окна я увидѣлъ близкое зарево, огонь и клубы дыма. Гдѣ-то рядомъ загорѣлся домъ, зажжонный китайскимъ снарядомъ.

— Что же это? Скоро и нашъ госпиталь загорится? Тотъ домъ навѣрно никто не тушитъ... Я здѣсь лежу, а вѣдь тамъ въ окопахъ наши офицеры и стрѣлки все бьются, бьются, изъ послѣднихъ силъ бьются и одинъ за другимъ падаютъ... Потомъ начнется несчастное отступленіе... Меня съ другими ранеными взвалятъ на солдатскую двуколку... Потащатъ, въ темнотѣ, по оврагамъ... Нападутъ китайцы... Выстрѣлы... крики... стоны... Что же это? Варфоломеевская ночь начинается? Боже, да будетъ воля Твоя! Будь, что будетъ! Постараюсь заснуть... Это самое лучшее... Надѣюсь—я засну не въ послѣдній разъ...

Я закрылъ глаза, завернулся въ одѣяло, какъ Цезарь въ тогу, и, обезсиленный и измученный, скоро заснулъ подъ трескотню китайскихъ ружей.

Домъ, зажжонный китайской гранатой.

Освобождены

9 Іюня

Въ $3^1/_2$ часа утра китайцы всѣми силами обрушились на оврагъ, въ которомъ засѣли наши роты, охранявшія вокзалъ. Но наши выбивавшіеся изъ силъ стрѣлки и офицеры рѣшили не пропустить китайцевъ. Собрались съ духомъ...

— Вонъ по гребню насыпи!.. Видишь?.. По постоянному прицѣлу!.. 400 шаговъ!.. Курокъ!. Пальба ротою!.. Пли!..—кричали въ утреннемъ полусумракѣ ротные командиры, промокшіе отъ свѣжей росы, пота, обрызганные кровью, осыпанные пескомъ, грязью, задымленные, волнуясь и не сводя глазъ съ длинной цѣпи китайскихъ войскъ, которыя все въ большемъ числѣ высыпали изъ-за насыпи желѣзной дороги.

Грянулъ залпъ! другой! третій!.. удачно!.. Роты, собравшіяся вокругъ вокзала, дружно поддерживали другъ друга. Китайцы не устояли и начали отступать.

Перестрѣлка стала ослабѣвать и къ полудню совершенно стихла. Бой, повидимому, кончился. Изъ нашихъ окоповъ унесли 12 убитыхъ стрѣлковъ и 28 раненыхъ.

Но китайцы не успокоились и спустили по рѣкѣ два брандера—двѣ горящія барки, наполненныя хворостомъ, чтобы сжечь нашъ мостъ. Въ то же время, они открыли по мосту огонь шрапнелью.

Подполковникъ Илинскій, подпоручикъ Виноградовъ съ саперами и матросами бросились выручать мостъ. Развели мостъ. Перехватили горящія барки и пропустили плавучій огонь, а также китайскіе трупы, которые кучами сбились у моста и такъ заражали воздухъ, что по мосту было трудно проходить. Мостъ былъ спасенъ.

Китайцы все не отчаивались. Передъ вокзаломъ неожиданно выросла новая китайская батарея, которая сейчасъ же открыла огонь. 5-ая рота Черскаго и 7-ая Полторацкаго бросились не долго думая на батарею, выбили китайскихъ артиллеристовъ и взяли

одно орудіе. Неугомонный и неустрашимый Полторацкій со своей ротой снова забрался въ китайскій городъ, снова былъ остановленъ, возвращонъ обратно и снова получилъ отеческое увѣщаніе отъ командира полка не увлекаться.

Китайскій огонь мало по малу совершенно затихъ. Ни по городу, ни по вокзалу китайцы больше не стрѣляли.

Послѣ цѣлой недѣли тревогъ и отчаянія Тяньцзинцы въ первый разъ передохнули. Мы не знали, чѣмъ объяснить неожиданное молчаніе китайскихъ батарей.

Китайцы — перебѣжчики разсказывали въ госпиталѣ, что по слухамъ въ китайскомъ лагерѣ произошли раздоры между войсками и боксерами.

10 Іюня

Китайцы съ утра молчатъ, но что-то строятъ и укрѣпляютъ противъ нашего праваго фланга на вокзалѣ. Безмолвіе на китайскихъ батареяхъ странно и подозрительно. Что они замышляютъ?

Полковникъ Анисимовъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, чтобы помѣшать китайцамъ возводить ихъ новыя укрѣпленія, но къ нему неожиданно прискакалъ весь въ пыли, на взмыленной лошади, казакъ Дмитріевъ, одинъ изъ тѣхъ трехъ казаковъ, которые 6 іюня были отправлены изъ Тяньцзина въ Тонку съ донесеніями.

Казакъ чудомъ проскочилъ черезъ кольцо китайскихъ заставъ и батарей, окружавшихъ Тяньцзинъ и привезъ записку отъ генерала Стесселя, который сообщалъ Анисимову, что онъ со своимъ отрядомъ наступаетъ на Тяньцзинъ и приказываетъ Анисимову содѣйствовать его наступленію и выбить китайцевъ съ восточнаго фронта, такъ какъ отрядъ Стесселя подходитъ съ юго-восточной стороны.

Слава Богу! Мы освобождены!

Анисимовъ приказалъ Ширинскому взять 4 роты и 2 десантныхъ орудія и пробиться черезъ городской валъ, окружающій Тяньцзинъ и занятый китайцами. Анисимовъ хотѣлъ представить своему бригадному начальнику генералу Стесселю 12-й полкъ въ блестящемъ видѣ, какъ будто короткой, но тяжолой осады и не бывало, — и приказалъ всѣмъ людямъ одѣть чистыя запасныя рубахи.

Забывъ труды осады, стрѣлки дѣйствовали какъ на парадѣ. Взобрались на городской валъ, полѣзли прямо на большую 6-дюймовую пушку, стоявшую у городскихъ воротъ и причинившую намъ столько бѣдствій, переколотили прислугу, забрали пушку и такъ напугали китайцевъ, что тѣ въ смятеніи бѣжали со всего городского вала. 12 нашихъ стрѣлковъ были ранены

Роты 12-го полка перебрались черезъ валъ и въ 3 часа дня вдали показался 9-ый полкъ, который шолъ на встрѣчу, подъ выстрѣлами китайскихъ импаней.

Радостное ура двухъ сошедшихся братскихъ полковъ одной Квантунской бригады прокатилось по равнинѣ.

Китайское орудіе.

Фортъ Таку, взятый русскими.

Штурмъ фортовъ Таку

3 Іюня

Къ 3-му іюня адмираламъ, командовавшимъ международной эскадрой въ Таку, были извѣстны слѣдующія данныя о положеніи дѣлъ.

Адмиралъ Сеймуръ со своей экспедиціей находился неизвѣстно гдѣ между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, отрѣзанный отъ Тяньцзина китайскими войсками, боксерами и разрушенной желѣзной дорогой.

Около 2000 китайскихъ правительственныхъ войскъ прибыло въ форты Таку. По слухамъ китайское правительство рѣшило стянуть къ фортамъ Таку значительное количество своихъ войскъ. Не было сомнѣнія, что эти мѣры принимались съ цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшимъ высадкамъ иностранныхъ войскъ въ Таку.

Изъ Пекина было получено извѣстіе объ убійствѣ китайскими солдатами чиновника японскаго посольства. Князь Дуань, верховный предводитель боксеровъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ въ Китаѣ. Его ближайшими совѣтниками и главными членами Цзунлиямыня были назначены ненавистники иностранцевъ— маньчжуры Юй Сянь и Ганъ И и министръ юстиціи—китаецъ Чжао Шу Цяо.

Поэтому 2 и 3 іюня на крейсерѣ „Россія“ у старѣйшаго въ чинѣ, начальника русской Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Гильтебрандта состоялись засѣданія адмираловъ международной эскадры.

На этихъ засѣданіяхъ было выяснено, что образъ дѣйствій китайцевъ въ отношеніи союзниковъ носитъ безусловно враждебный характеръ. Они уже пытаются разрушить желѣзную дорогу между Таку и Тяньцзиномъ и даже закладываютъ мины въ устьѣ Пэйхо. Поэтому рѣшено принять немедленно мѣры къ тому, чтобы сохранить сообщеніе съ Тяньцзиномъ и держать входъ въ рѣку Пэйхо свободнымъ.

Такъ какъ на фортахъ китайцы стали обнаруживать какую-то лихорадочную дѣятельность, то на послѣднемъ утреннемъ засѣданіи 3 іюня адмиралы постановили вручить ультиматумы Чжилійскому вице-королю Юй Лу и коменданту крѣпости Таку генералу Ло Юнъ Гуань съ требованіемъ передать имъ форты къ 2 часамъ ночи. Въ случаѣ къ этому сроку форты не будутъ очищены китайскими войсками, то союзники будутъ вынуждены взять форты силою. При этомъ адмиралы постановили ожидать отвѣта отъ китайскаго генерала до 4 часовъ утра.

Ультиматумъ былъ подписанъ: отъ имени Россіи—вице-адмираломъ Гильтебрандтомъ, Франціи—контръ-адмираломъ Курржоль, Англіи—контръ-адм. Брюссъ, Германіи—капитаномъ I р. Гулихъ, Японіи—капитаномъ I р. Нагаминэ, Италіи — капитаномъ I р. Казелла, Австріи—капитаномъ Монтальмаръ.

Ультиматумъ былъ переданъ китайскому коменданту Ло лейтенантомъ Бахметьевымъ, командиромъ одного изъ нашихъ миноносцевъ. Его сопровождалъ въ качествѣ переводчика англійскій лоцманъ Джонсонъ.

Генералъ Ло принялъ нашего офицера любезно и сказалъ, что онъ согласенъ сдать форты, но желалъ бы знать, намѣрены ли союзники занять всѣ форты или одинъ по ихъ выбору. Свой отвѣтъ комендантъ обѣщалъ дать до назначеннаго срока.

Въ то же время въ Тяньцзинъ былъ посланъ съ однимъ матросомъ мичманъ Шрамченко, которому было поручено доставить ультиматумъ вице-королю Чжилійской провинціи.

Предстояло взять миромъ или силою четыре форта: 2 на лѣвомъ берегу Пэйхо—Сѣверо-западный и Сѣверный и 2 на правомъ—Южный и Новый. Позади Сѣверо-западнаго форта находилась брошенная импань. Форты, тянувшіеся на протяженіи трехъ верстъ съ юга на сѣверъ вдоль морского берега, были вооружены силь-

ной артиллеріей въ 240 орудій разныхъ системъ и калибровъ изъ которыхъ 54 орудія было новѣйшей системы Армстронга. Орудія были прочно установлены, имѣли круговой обстрѣлъ и могли обстрѣливать какъ устье рѣки, такъ и рѣку, которая благодаря своимъ постояннымъ извивамъ, на протяженіи 12 верстъ отъ устья вверхъ, четыре раза идетъ почти паралельно фортамъ. Разстояніе между фортами, запирающими устье, не болѣе 100 саженъ.

Такъ какъ большія суда могутъ подойти къ морскому берегу не ближе 20 верстъ, то форты Таку могутъ быть взяты только канонерскими лодками, при условіи если онѣ будутъ пропущены въ рѣку и обречены на уничтоженіе.

Такими лодками, которыя были назначены бомбардировать форты въ случаѣ необходимости, были: русскія—пришедшій наканунѣ изъ Россіи „Гилякъ", „Кореецъ", „Бобръ"; французскій—„Ліонъ"; англійскія—„Альджеринъ" и контръ-миноносецъ „Вайтинъ" и германскій—„Ильтисъ".

Жители въ Таку и Тонку получили приказаніе въ теченіи часа оставить дома и перейти для безопасности на американское военное судно „Монокаси", которое было поставлено далеко въ рѣкѣ, по возможности внѣ поля выстрѣловъ.

Въ устьѣ рѣки появились китайскія шаланды, которыя, не стѣсняясь присутствія иностранныхъ военныхъ судовъ, смѣло закладывали мины вдоль бара. Англійскій „Вайтинъ", проходя черезъ баръ, задѣлъ одну изъ минъ, которая почему-то не взорвала.

Въ 5 час. веч. у командира „Бобра" Добровольскаго былъ собранъ военный совѣтъ изъ русскихъ и иностранныхъ командировъ лодокъ и миноносцевъ, которые выработали порядокъ боя и расположеніе судовъ. Сигналъ къ бою долженъ былъ подать „Бобръ".

Десантный отрядъ, составленный на случай боя подъ общимъ начальствомъ германскаго капитана Поль, имѣлъ: 350 англійскихъ матросовъ подъ командою капитана Крадокъ; 230 японскихъ подъ начальствомъ капитана Хаттори; 130 германскихъ; 50 австрійскихъ, 25 итальянскихъ съ лейтенантомъ Танка.

Въ тотъ же день въ Таку пришелъ крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ", доставившій сводную роту 12-го полка изъ 168 человѣкъ подъ командою поручика Станкевича. Рота была сейчасъ же перевезена на баржахъ въ Тонку и получила приказаніе присоединиться къ международному десанту, который остановился бивакомъ около станціи желѣзной дороги.

Въ 8 час. 30 мин. вечера „Бобръ" перемѣнилъ свое мѣсто и

сталъ ниже „Корейца“. „Альджеринъ“ и „Вайтинъ“, стоявшіе въ устьѣ между фортами, также перешли и стали ниже „Бобра“ у поворота рѣки. Такимъ образомъ къ ночи по линіи почти паралельной фортамъ растянулись суда: „Вайтинъ“, „Альджеринъ“, „Бобръ“, „Кореецъ“ и „Гилякъ. За слѣдующимъ поворотомъ рѣки вверхъ по теченію также паралельно фортамъ стали: „Ліонъ“, „Ильтисъ“, „Атаго“ и „Монокаси“.

Оставалось два часа до рѣшительнаго срока. На фортахъ вспыхнули два электрическихъ прожектора, навели свѣтъ на лодки, стоявшія въ тылу и снова потухли. Комендантъ крѣпости генералъ Ло получилъ по телеграфу, соединявшему крѣпость съ Тяньцзиномъ, приказаніе ни въ какомъ случаѣ не отдавать фортовъ Таку иностранцамъ.

Провѣривъ прожекторомъ, что почти всѣ канонерскія лодки стоятъ на прежнихъ мѣстахъ, по которымъ уже давно наведены фортовыя орудія, и зная, что иностранцы приведутъ свою угрозу въ исполненіе, а исходъ боя могъ быть для китайцевъ скорѣе удаченъ, чѣмъ наоборотъ, и не особенно довѣряя всемогуществу иностранныхъ войскъ, особенно послѣ неудачи Сеймура, генералъ Ло, повинуясь повелѣнію изъ Пекина, приказалъ открыть огонь по лодкамъ, не дожидаясь, когда иностранцы сами начнутъ штурмовать.

Ночь была темная. Черная длинная линія фортовъ, грозная и безмолвная, едва была замѣтна при тускломъ сіяніи луны, прятавшейся за облаками. До рѣшительнаго срока оставался часъ и десять минутъ. Томительное ожиданіе...

— Сдадутъ или будутъ стрѣлять?

— Конечно, сдадутъ! развѣ китайцы рѣшатся отстаивать свою крѣпость? Ну, выпустятъ нѣсколько снарядовъ, попугаютъ, а потомъ непремѣнно сдадутся...—такъ думали наши офицеры и не особенно безпокоились о наступающемъ боѣ.

На всѣхъ судахъ разведены пары и орудія заряжены...

На новомъ форту сверкнулъ огонь. Грянулъ выстрѣлъ и граната жужжа пронеслась надъ „Гилякомъ“. Форты засвѣтились. Снаряды за снарядами проносились надъ лодками. На нашихъ судахъ пробили боевую тревогу. Сперва „Бобръ“ подалъ сигналъ, затѣмъ „Гилякъ“, „Кореецъ“ и „Альджеринъ“ стали отвѣчать своимъ огнемъ.

Разстояніе отъ „Гиляка“ до ближайшаго Сѣверо-западнаго форта было 700 саженъ, а до самаго отдаленнаго Новаго форта 1200. Снаряды за снарядами очень точно пролетали надъ лодками, но

Офицеры „Гиляка".

еще ни одна не была задѣта. Возможно предполагать, что китайскія орудія были наведены на лодки въ полную воду. Такъ какъ при началѣ боя былъ отливъ, то суда опустились, что и вызвало перелетъ снарядовъ.

Французскій „Ліонъ" и германскій „Ильтисъ" спустились внизъ по рѣкѣ и, открывъ огонь на ходу, присоединились къ союзникамъ. Англійскіе контръ-миноносцы „Вайтинъ" и „Фэмъ" атаковали 4 китайскихъ истребителя миноносцевъ. Китайцы пробовали защищаться ружейными и пистолетными выстрѣлами, но нѣсколько англійскихъ выстрѣловъ изъ орудій заставили китайцевъ бѣжать. Англичане отвели взятые въ плѣнъ истребители въ Тонку. По пути китайскимъ 5 дюймовымъ снарядомъ былъ разбитъ одинъ изъ котловъ на „Вайтинѣ".

Семнадцать гранатъ и одна шрапнель попали въ германскую лодку „Ильтисъ" и совершенно разбили ея верхнюю палубу. Ея командиръ Ланцъ былъ тяжело раненъ 25 осколками стали и дерева и потерялъ ногу. Приэтомъ германцы впервые лично по-

знакомились съ прекраснымъ дѣйствіемъ германскихъ гранатъ изъ крупповскихъ орудій, которыми были вооружены форты Таку. Одинъ германскій офицеръ и шесть нижнихъ чиновъ были убиты, 17 ранены. Одна граната произвела взрывъ и пожаръ на французскомъ „Ліонѣ“. Изъ его команды 1 былъ убитъ и 46 ранено. Японецъ „Атаго“ не принималъ участія въ бою, такъ какъ у него была попорчена машина. Другой японецъ „Кагеро“ находился по ту сторону бара и вмѣстѣ съ русскими миноносцами зорко наблюдалъ за китайскимъ крейсеромъ „Хай Тѣнъ“, который, однако, не высказывалъ ни малѣйшаго намѣренія вмѣшаться въ бой. На крейсерѣ былъ флагъ китайскаго адмирала.

Лейтенантъ Сарычевъ.

Форты и канонерскія лодки продолжали громить другъ друга. Боевымъ электрическимъ фонаремъ „Гилякъ“ сталъ кидать ослѣпительные лучи свѣта на форты, которые отвѣтили дождемъ снарядовъ по „Гиляку“ и сосѣднимъ лодкамъ.

Разорвавшаяся граната ранила осколками сигнальщика, комендора и миннаго офицера лейтенанта Богданова, бывшаго на марсѣ.

Осколокъ рѣзнулъ ему ротъ, щеку и ухо. Шедшій къ фонарю квартирмейстеръ Ивановъ свалился на ходу: осколкомъ ему снесло голову.

Но ни офицеры, ни матросы не обращали вниманія на проносившіеся снаряды и всѣ были на своихъ мѣстахъ. Комендоры

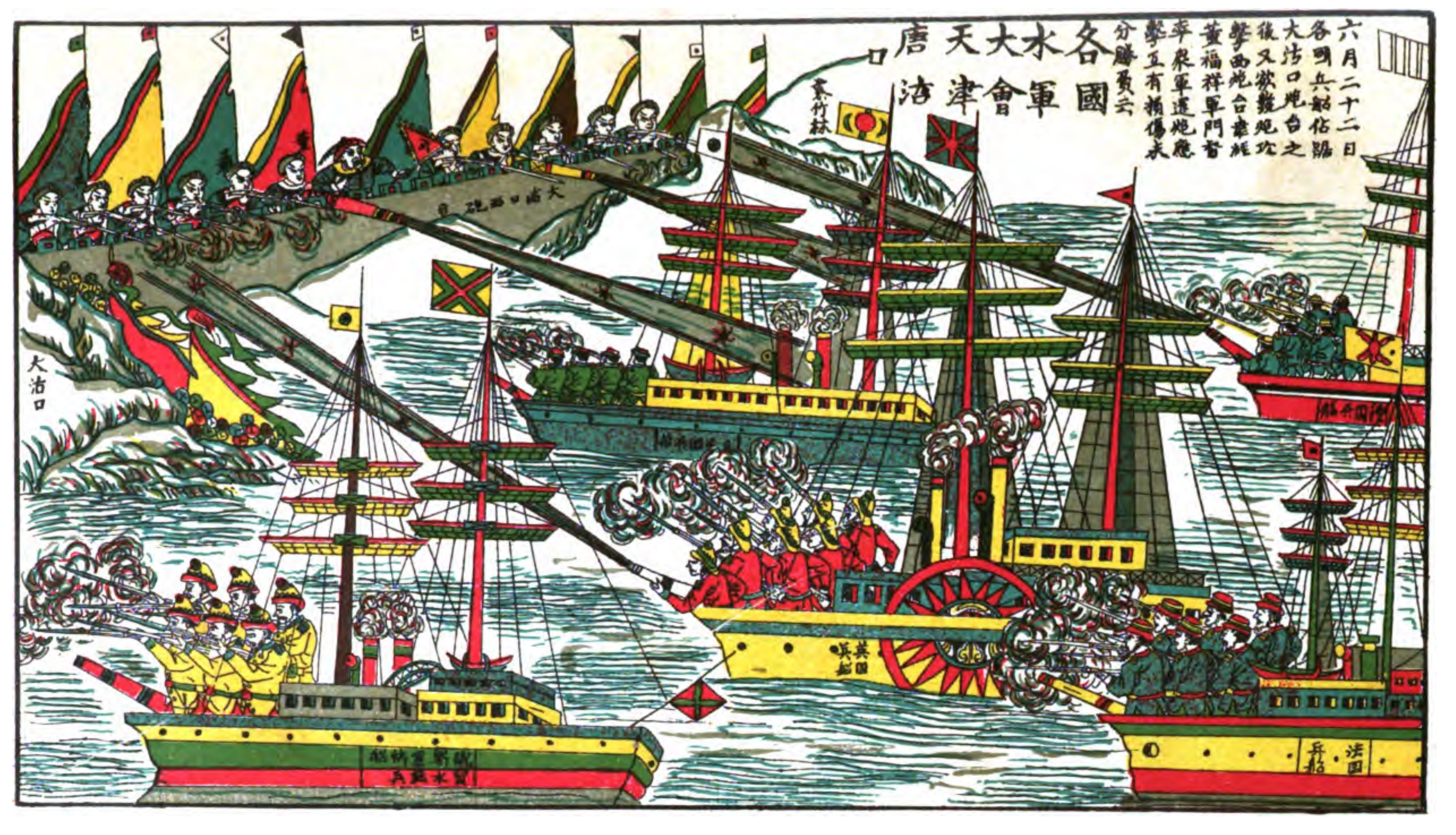
Лейтенантъ Бураковъ.

быстро заряжали орудія и производили выстрѣлъ за выстрѣломъ. Одни матросы стояли у элеватора, принимали снаряды, другіе подавали ихъ на телѣжкѣ къ орудію.

Было около 3 часовъ утра, когда комендоръ доложилъ артиллерійскому офицеру лейтенанту Титову, что у 75-милиметроваго орудія потухли электрическія лампочки, освѣщавшія прицѣлъ и мушку. Титовъ осматрѣлъ провода, исправилъ ихъ и, когда лампочки засвѣтились, снова вернулся къ орудію.

Взрывъ, оглушительный грохотъ и сильный ударъ въ спину сбили съ ногъ Титова. Онъ упалъ ницъ и, почувствовавъ жестокій ожогъ спины, однако имѣлъ силу вскочить и броситься въ сторону отъ взрыва.

Ничего не понимая и ничего не чувствуя, Титовъ оглянулся. Передъ нимъ лежали матросы. Другіе стояли въ столбнякѣ и съ нѣмымъ ужасомъ глядѣли на Титова, у котораго волною пламени, вырвавшейся изъ элеватора, обожгло лицо, голову, грудь, спину

Штурмъ фортовъ Таку 4 Іюня 1900 г.

Россія. Японія. Англія. Германія. Франція.

По китайской илюстраціи, изданной въ Тяньцзинѣ.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“

и руки. Огнемъ былъ сожжонъ до тла его китель. Отъ совершенно испепелившейся фуражки остался одинъ околышекъ. Почувствовавъ нестерпимую боль по всему тѣлу, Титовъ понялъ, что съ нимъ случилось. Докторъ Свѣчниковъ перевязалъ всего израненнаго и обожжоннаго Титова.

Это былъ взрывъ патроннаго погреба для орудійныхъ снарядовъ, произведенный китайской гранатой. Взрывомъ 136 патроновъ была сорвана и выпучена палуба надъ погребомъ, произведенъ пожаръ въ жилой и на верхней палубѣ около орудій. Огонь охватилъ стоявшіе на палубѣ снаряды и людей, но по счастью снаряды не дали взрыва. Этимъ огнемъ былъ жестоко израненъ лейтенантъ Титовъ, убито 5 и ранено 38 нижнихъ чиновъ.

„Кореецъ“.

Однако ни командиръ „Гиляка“ Сарычевъ, который продолжалъ наводить 120 мил. орудіе, ни его офицеры Бахиревъ, Веселаго, Фуксъ и Беренсъ не потерялись и не прекращали огня изъ другихъ орудій. Пожаръ былъ залитъ брандспойтами и ведрами въ 15 минутъ. Инженеръ-механики Буссе и Лавровъ немедленно нашли и съ матросами задѣлали пробоину и исправили машину, такъ что черезъ $2^1/_2$ часа корабль могъ снова двигаться. Но и матросы „Гиляка“ не дрогнули и вмѣстѣ съ офицерами упорно и неустрашимо продолжали одновременно спасать свой корабль и громить форты. Кочегаръ Плужниковъ пробрался въ самое опасное мѣсто пожара и зная, что рядомъ съ нимъ находится 120

милим. патронный погребъ, шлангомъ потушилъ пожаръ. Онъ былъ сильно обожжонъ и, сдѣлавъ свое дѣло, потерялъ сознаніе. Въ то же время въ этотъ погребъ, грозившій ежеминутно взрывомъ, спустился рулевой Улановскій и стоя по поясъ въ водѣ подавалъ патроны, чтобы пушка могла дѣйствовать безостановочно.

Уже послѣ боя, когда на „Гилякѣ“ стали считать раны и недостающихъ товарищей, въ обломкахъ нашли сожжонное тѣло съ обнажонными мускулами и жилами, съ металической цѣпочкой и фельдфебельской дудкой на груди. Это было тѣло храбраго фельдфебеля Ѳедора Гурьева. Отъ водолаза Злобина остался одинъ уголь. А отъ марсового Янченко, бывшаго въ погребѣ при взрывѣ, не осталось и слѣда. Даже офицерскій поваръ французъ Жанъ Батистъ былъ обожженъ, туша пожаръ. Всего на „Гилякѣ“ было убито 8 человѣкъ, ранено 48.

Въ 3 часа утра въ корпусъ „Корейца“ угодилъ первый китайскій снарядъ. Надъ бомбовымъ погребомъ загорѣлась каютъ-компанія.

— Пробить малый пожаръ! Затопить кормовые, бомбовый погребъ, крюйтъ-камору и патронное отдѣленіе!—раздалась команда командира Сильмана.

Живо матросы стали накачивать ручныя и паровыя пумпы, разнесли шланги и быстро потушили пожаръ.

Обрадовались китайцы своему успѣху и стали выпускать снаряды по „Корейцу“ все въ одну точку. Одинъ ихъ снарядъ пронизалъ насквозь и разрушилъ всѣ офицерскія каюты праваго борта и водонепроницаемую переборку въ машинное отдѣленіе.

Лейтенантъ Бураковъ спускался по трапу внизъ, чтобы по приказанію командира наблюдать за тушеніемъ пожара и упалъ бездыханный, пронзенный осколкомъ гранаты въ шею. Съ нимъ были убиты 3 матроса.

Несмотря на пожаръ, люди продолжали свое дѣло по росписанію и командиръ „Корейца“ Сильманъ приказалъ производить стрѣльбу изъ 8 дюйм. праваго орудія пироксилиновыми бомбами. Послѣ второго выстрѣла на одномъ изъ фортовъ взвился клубъ дыма и огня и раздался взрывъ порохового погреба. Ура!—закричала радостно команда.

Но китайцы сейчасъ же отомстили. Ихъ граната пробила правый бортъ надъ верхней палубой и разорвавшись разбила вдребезги кочегарные вентиляторы. Осколками снаряда былъ смертельно раненъ въ обѣ ноги лейтенантъ Деденевъ.

Взошло солнце, которое бѣдный Деденевъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Его положили въ уцѣлѣвшую каюту. Истекая кровью и геройски перенося непереносимыя страданія, онъ все время разспрашивалъ о ходѣ боя и съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о побѣдѣ. Въ 3 часа 15 минутъ дня, когда на всѣхъ фортахъ

Лейтенантъ Деденевъ.

уже давно развѣвались союзные флаги, лейтенанта Деденева не стало.

Кромѣ этихъ роковыхъ снарядовъ еще нѣсколько гранатъ влетѣло въ корпусъ „Корейца“ и пробило и поломало переборки, вентиляторную машинку. Къ концу боя, кромѣ двухъ офицеровъ на „Корейцѣ“ было убито 9 матросовъ и ранено 20.

Потерявъ двухъ своихъ лучшихъ товарищей, всѣ офицеры „Корейца“ не потеряли самообладанія и увѣренности въ побѣдѣ. Всѣ офицеры отъ старшаго лейтенанта Тундермана, старшаго механика Зражевскаго и до младшаго мичмана Рененкампфа, смѣнившаго Буракова, отстаивали ввѣренный имъ корабль и не давали молчать своей артиллеріи.

Счастливѣе всѣхъ другихъ лодокъ оказался „Бобръ“. Раздѣляя всѣ труды, опасности и тревоги своихъ сотоварищей, поддерживая ихъ своимъ огнемъ и безостановочно поражая ядрами китайскіе форты, „Бобръ“ взорвалъ пороховой погребъ Новаго

форта, но самъ никакихъ серьезныхъ поврежденій не получилъ и по рѣдкой счастливой случайности всѣ офицеры и матросы „Бобра“ изъ адскаго огня, которымъ они были окружены, вышли цѣлыми. Судовой врачъ „Бобра“ Русановъ перевязывалъ раненыхъ на „Корейцѣ“, такъ какъ врачъ послѣдняго Кальнинъ былъ оглушонъ снарядомъ и нѣсколько часовъ лежалъ въ обморокѣ. Какъ это ни странно, но на одной изъ рей „Бобра“, нетронутаго снарядами, все время боя держались два голубя.

Капитанъ 1 р. Сильманъ.

Въ 1 часъ ночи, когда раздались первые выстрѣлы съ китайскихъ фортовъ по лодкамъ, русскій десантъ Станкевича, высаженный на лѣвый берегъ Пэйхо, соединился съ японцами, германцами и англичанами у заброшенной батареи и двинулся впередъ походнымъ порядкомъ. Въ авангардѣ шли германцы подъ прикрытіемъ дозоровъ.

Въ 800 шагахъ отъ форта международный отрядъ остановился и сталъ ожидать, когда ослабѣетъ огонь китайскихъ орудій. Въ $3^1/_2$ часа ночи, когда уже свѣтало и опасно было оставаться въ виду фортовъ, капитанъ Поль собралъ на совѣщаніе всѣхъ командировъ. Ввиду того, что канонерскія лодки не нанесли никакого вреда фортамъ и не предвидѣлось возможности взять Сѣверо-западный фортъ, избранный для штурма, командиры рѣшили отступить.

Тогда Станкевичъ предложилъ выждать часъ времени и увѣрялъ, что къ этому времени дѣйствіе артиллеріи на форту будетъ ослаблено. Однако командиры не были согласны съ Станкевичемъ и настаивали на необходимости отступить.

— Я тоже не согласенъ съ вами и категорически заявляю, что не отступлю и въ крайнемъ случаѣ пойду брать фортъ одинъ,— сказалъ Станкевичъ и пошелъ со своей ротой впередъ.

Станкевичъ рѣшилъ расположить роту за валомъ рва, чтобъ атаковать одному фортъ, когда огонь ослабѣетъ. Въ случаѣ невозмож-

ности, онъ хотѣлъ держаться за валомъ, надѣясь, что китайцы не посмѣютъ сдѣлать вылазку изъ форта.

Разсвѣтъ быстро наступалъ. Японцы и германцы отошли шаговъ 200, но потомъ разсыпались цѣпью, чтобы не быть замѣтными и остановились. Англичане и итальянцы растянулись вправо отъ русскихъ. Германцы и австрійцы снова подвинулись назадъ къ русскимъ и стали за ними во второй линіи. Японцы разсыпались въ третьей линіи.

Китайцы замѣтили подходившіе къ форту десанты и сейчасъ же открыли по нимъ огонь изъ орудій и ружей.

Русскіе и иностранцы стали немедленно обстрѣливать прислугу у китайскихъ орудій и китайцевъ, стрѣлявшихъ изъ-за гребня вала на форту.

Англичане и русскіе, перебѣгая и снова залегая, быстро подвигались къ воротамъ. Было 5 часовъ утра. Цѣпи добѣжали до широкаго рва, наполненнаго водою и остановились.

Поручикъ Станкевичъ съ подпоручикомъ Янчисомъ, тремя унтеръ-офицерами и двумя стрѣлками бросились къ воротамъ, ворота взломали прикладами, влетѣли въ фортъ, наполненный китайцами, и изнутри первыми взобрались на стѣну.

Японцы, бывшіе позади соединеннаго отряда, стремительно побѣжали впередъ, обогнали весь отрядъ и вслѣдъ за русскими бросились на фортъ. Весь соединенный отрядъ кричалъ ура и бѣжалъ. Всѣ стремились первыми проникнуть въ ворота.

Ошеломленные китайцы собрались съ духомъ и встрѣтили японцевъ — своихъ давнишнихъ непримиримыхъ враговъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Японскій командиръ капитанъ Хаттори всего нѣсколько шаговъ не добѣжалъ до воротъ и упалъ убитый. Юный лейтенантъ Шираиши сейчасъ же занялъ мѣсто своего погибшаго храбраго товарища и ворвался съ японцами внутрь форта. Убѣгая китайцы успѣли навести на японцевъ одно орудіе. Японскій матросъ сталъ подымать на китайскомъ флагштокѣ японскій флагъ Восходящаго Солнца и упалъ убитый. Подбѣжали англичане и

Лейтенантъ Тундерманъ.

такъ какъ у нихъ въ запасѣ всегда было много своихъ флаговъ, то англійскій флагъ взвился первымъ надъ китайскимъ фортомъ.

У русскихъ въ нужную минуту обыкновенно ничего не оказывалось, кромѣ храбрости. И поэтому Станкевичъ прибилъ къ флагштоку погонъ унтеръ-офицера своей роты.

Въ 5 час. 30 мин. утра, когда союзники увидали на Сѣверозападномъ форту англійскій флагъ, радостное ура прогремѣло со всѣхъ лодокъ.

Въ 6 час. утра всѣ лодки снялись съ якоря и пошли внизъ по рѣкѣ, чтобы бомбардировать Южный и Новый форты.

Капитанъ 2 р. Добровольскій.

Занявъ Сѣверозападный фортъ, союзный десантъ бросился атаковать слѣдующій Сѣверный фортъ, изъ котораго китайцы уже бѣжали въ смятеніи. Фортъ былъ живо занятъ союзниками. Снова взвился англійскій флагъ. Одинъ австрійскій артиллеристъ такъ искусно повернулъ китайское орудіе на Южный фортъ, что послѣ перваго же выстрѣла, на форту раздался оглушительный взрывъ и пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ. Уцѣлѣвшіе отъ взрыва китайцы бросились въ бѣгство, но попадали подъ пули пулеметовъ Максима, которые безостановочно стучали на марсахъ „Гиляка“.

Десанты въ лодкахъ переправились черезъ Пэйхо. Въ 6 час. 30 мин. утра были заняты оба южные форты. Русскій флагъ былъ водруженъ на Южномъ форту; германскій и австрійскій на Новомъ; японскій на Сѣверномъ; британскій и итальянскій на Сѣверно-западномъ.

Наши миноносцы не бездѣйствовали. Лейтенантъ Славинскій съ командою матросовъ съ одного изъ миноносцевъ занялъ китайское адмиралтейство и поднялъ на немъ русскій флагъ. Лейтенанты Эшапаръ и Бахметевъ со своими миноносцами сперва наблю-

Послѣ взятія фортовъ Таку.

„Гилякъ“, французская лодка „Ліонъ“, „Кореецъ“ и „Бобръ“.

Разбитые китайскіе форты.

дали за китайскимъ крейсеромъ „Хай Тѣнъ“, а затѣмъ перевозили десанты черезъ Пэйхо для занятія южныхъ фортовъ.

Китайскіе истребители миноносцевъ, взятые въ плѣнъ, были распредѣлены между Россіей, Англіей, Франціей и Германіей.

Поручикъ Станкевичъ.

Занятый нами миноносецъ былъ окрещонъ именемъ первой жертвы Такускаго боя: „Лейтенантъ Бураковъ“.

Комендантъ Ло до послѣднихъ силъ отстаивалъ ввѣренную ему крѣпость. На всѣхъ взятыхъ фортахъ у орудій были найдены храбрые защитники съ оторванными руками, ногами и головами. Вдоль парапета повсюду валялись китайскіе стрѣлки и артиллеристы. Повсюду бетонныя стѣны фортовъ были побиты, поломаны и взорваны европейскими снарядами—всюду были видны кровавые слѣды жестокой канонады европейскихъ лодокъ.

Видя свое безсиліе и не желая живымъ уйти изъ ввѣренной

Лейтенантъ Веселаго.

ему, по павшей крѣпости, генералъ Ло, по долгу китайскаго военачальника, принялъ золото и скончался въ мученіяхъ.

Завѣдываніе занятыми нами мастерскими въ китайскомъ адмиралтействѣ было поручено энергичному моряку, знающему китайскій языкъ, мичману Рѣдкину.

Китайскій миноносецъ.

Царскій привѣтъ

Когда вице-адмиралъ Алексѣевъ донесъ по телеграфу Его Императорскому Величеству Государю Императору о взятіи крѣпости Таку и о понесенныхъ нами потеряхъ, Государь осчастливилъ Свою Тихоокеанскую эскадру слѣдующимъ всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ:

„Поздравляю съ успѣшнымъ дѣломъ. Скорблю о потеряхъ. Надѣюсь, за ранеными уходъ хорошій. Передайте Мою горячую благодарность капитану Добровольскому, командирамъ и офицерамъ „Корейца", „Гиляка" и „Бобра" и сердечное спасибо молодцамъ, нижнимъ чинамъ этихъ лодокъ".

Николай.

По прочтеніи рапортовъ командировъ канонерскихъ лодокъ „Бобръ", „Гилякъ", „Кореецъ" и поручика 12-го Восточн. Сибир. Стрѣлковаго полка Станкевича о взятіи фортовъ Таку, Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать слѣдующія высокомилостивыя слова:

„Прочелъ рапорты съ искреннимъ чувствомъ гордости".

Милостивое участіе Государя Императора къ Его морякамъ и стрѣлкамъ на Дальнемъ Востокѣ въ тяжолые дни ихъ службы ободрило ихъ къ новымъ трудамъ и подвигамъ.

Генералъ Стессель.

Отрядъ генерала Стесселя

Когда въ Портъ-Артурѣ 4 іюня было получено извѣстіе о взятіи фортовъ Таку, адмиралъ Алексѣевъ въ тотъ же день отправилъ изъ Портъ-Артура на театръ военныхъ дѣйствій второй отрядъ подъ начальствомъ начальника 3-ей Вост. Сиб. стрѣлковой бригады. На судахъ Тихоокеанской эскадры и на зафрахтованныхъ пароходахъ были перевезены въ Таку 4 и 5 іюня: 9-ый Вост. Сиб. стрѣлковый полкъ, полубатарея 2-ой батареи Вост. Сиб. стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона, полубатарея пулеметовъ и 3-я сотня 1-го Верхнеудинскаго полка.

Всего подъ начальствомъ генерала Стесселя было: 1596 штыковъ, 4 орудія, 4 пулемета и 47 казаковъ. Отрядъ прибылъ въ Таку 6 іюня. Въ тотъ же день въ Таку были высажены 2 германскихъ роты 3-го морского батальона изъ Кяочао; 550 нижнихъ

чиновъ англійской морской пѣхоты изъ Вэйхайвэя; 200 американцевъ и 100 японцевъ.

7 іюня около 7 часовъ утра въ Тонку благополучно прискакали казаки съ донесеніями отъ полковника Анисимова изъ Тяньцзина.

Въ тотъ же день генералъ Стессель отправилъ въ Тяньцзинъ подъ командою полковника Савицкаго, временно командовавшаго 9-мъ полкомъ, соединенный отрядъ, состоявшій изъ 4-ой, 5-ой роты и части 8-ой роты 9-го полка, изъ 130 американцевъ съ 2 орудіями, всего 589 штыковъ. Около половины пути отрядъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Далѣе путь былъ разрушенъ и союзники пошли вдоль полотна въ походномъ порядкѣ, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тяньцзина попались въ засаду. Они были неожиданно окружены съ трехъ сторонъ китайцами, которые засѣли въ рощѣ и стали обстрѣливать ихъ жестокимъ огнемъ. Восточный арсеналъ около Тяньцзина также направилъ по нимъ свои орудія. Союзники принуждены были отступить. Американцы бросили 1 орудіе и 2 убитыхъ солдатъ, тѣла которыхъ были схвачены и изуродованы китайцами. У русскихъ былъ убитъ 1 стрѣлокъ и 6 ранено.

Эта схватка союзниковъ съ китайцами была замѣчена англичанами съ ихъ муниципальной башни въ Тяньцзинѣ. Объ этомъ они сейчасъ же донесли Анисимову, который выслалъ на развѣдку казаковъ. Какъ уже извѣстно казаки не могли пробиться къ Савицкому и вернулись въ Тяньцзинъ съ ранеными и убитыми.

9 іюня генералъ Стессель рѣшилъ самъ двинуться со всѣмъ отрядомъ на освобожденіе Анисимова и Тяньцзина. Къ русскимъ присоединились англичане, германцы, американцы, японцы и итальянцы въ количествѣ 900 чел. Полъ-пути было сдѣлано по желѣзной дорогѣ, затѣмъ русскіе и германцы двинулись походомъ, занимая правый флангъ, остальные союзники шли на лѣвомъ.

Однако китайскія войска, бѣжавшія изъ Таку и прибывшія изъ Бэйтана, Лутая и Тяньцзина, рѣшили оказать самое упорное сопротивленіе, чтобы не допустить союзниковъ до соединенія съ международнымъ отрядомъ, осажденнымъ въ Тяньцзинѣ. Пули и гранаты встрѣчали союзниковъ изъ каждой китайской деревни, которая имъ попадалась по пути и которую имъ приходилось брать съ боя. Всѣ деревни, бывшія по пути отъ Тонку до Тяньцзина были союзниками выжжены и уничтожены. Весь лѣвый берегъ Пэйхо, изобиловавшій до сихъ поръ деревнями, полями и огородами, былъ обращонъ въ пустыню.

Упорный огонь китайцы открыли по союзникамъ возлѣ станціи Цзюньлянчэнъ. Германцы, которые шли рядомъ съ русскими подъ командою браваго маіора Криста, дрались какъ львы и выказали себя истинными боевыми товарищами. Русскихъ было убито 7 и ранено 36. У германцевъ убитъ лейтенантъ Фридрихъ, убито 7, ранено 25.

Здѣсь же въ Цзюньлянчэнѣ къ отряду присоединились капитанъ Гембицкій и поручикъ Воздвиженскій, которые съ 3-ей ротой 12-го полка и однимъ французскимъ орудіемъ, окруженные китайцами, цѣлую недѣлю продержались на этой станціи, отрѣзанные и отъ Тяньцзина и отъ Тонку.

10 іюня въ 3 часа дня соединенный отрядъ генерала Стесселя соединился съ отрядомъ полковника Анисимова. Европейцы, осажденные въ Тяньцзинѣ, были такимъ образомъ освобождены и получили возможность выѣхать изъ Тяньцзинскихъ концессій.

Всего въ международномъ отрядѣ генерала Стесселя, при движеніи на Тяньцзинъ, союзники потеряли 224 человѣка ранеными и убитыми. Генералъ Стессель со всѣмъ отрядомъ, къ которому былъ присоединенъ и отрядъ полковника Анисимова, расположился лагеремъ внѣ города, на лѣвомъ берегу рѣки Пэйхо, за городскимъ валомъ, на ровномъ открытомъ сухомъ и здоровомъ мѣстѣ. Когда въ лагерь стали долетать гранаты съ китайскихъ позицій, лагерь былъ нѣсколько передвинутъ. Но отъ китайскихъ пуль, которыя летали отовсюду изъ предмѣстій Тяньцзина и сосѣднихъ деревень, трудно было уберечься. Отъ Пэйхо и сетльмента лагерь былъ въ одной верстѣ, а отъ ближайшихъ китайскихъ позицій въ 2—3 верстахъ.

10 іюня въ Тонку прибылъ 10-ый Вост. Сиб. стрѣлк. полкъ, 3-я батарея Вост. Сиб. стрѣлк. артил. дивизіона и роты англійскихъ полковъ: Вэйхайвэйскаго, Гонконгскаго и Валлійскіе стрѣлки.

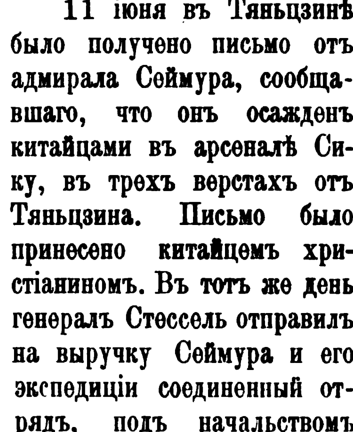
Когда людей 10-го полка на баржахъ перевозили по рѣкѣ Пэйхо въ Тонку, не обошлось безъ крушенія. На крутомъ поворотѣ рѣки буксируемая баржа сильнымъ теченіемъ рѣки была отброшена въ сторону и ударилась о „Корейца“. Получивъ пробоину, баржа стала быстро тонуть. Люди и лошади спаслись вплавь, но нѣсколько патронныхъ ящиковъ и околъ полутораста винтовокъ затонуло. Одна рота 10-го полка оказалась, благодаря этому происшествію, обезоруженной и была оставлена въ Тонку до тѣхъ поръ, пока не получила оружіе отъ убитыхъ и выбывшихъ изъ строя стрѣлковъ.

Къ 11 іюня въ Тяньцзинѣ собралось всѣхъ союзныхъ силъ: 5300 чел. пѣхоты, изъ нихъ 2819 чел. русскихъ, 157 челов. конницы и 33 орудія: одно осадное, 10 полевыхъ и 22 пулемета и мелкаго калибра.

Всего же въ Тонку къ этому времени было высажено: русскихъ—сухопутныхъ 3500, матросовъ 235; японцевъ—сухопутныхъ 1050, матросовъ 600; германцевъ 1340, англичанъ 570, французовъ 420, американцевъ 335, итальянцевъ 138 и австрійцевъ 26.

Перевозка десанта.

Включая гарнизонъ Тяньцзина въ 1800 чел.— всего въ распоряженіи союзниковъ было отъ устья Пэйхо до Тяньцзина 9100 чел.

11 іюня въ Тяньцзинѣ было получено письмо отъ адмирала Сеймура, сообщавшаго, что онъ осажденъ китайцами въ арсеналѣ Сику, въ трехъ верстахъ отъ Тяньцзина. Письмо было принесено китайцемъ христіаниномъ. Въ тотъ же день генералъ Стессель отправилъ на выручку Сеймура и его экспедиціи соединенный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ширинскаго. Отрядъ состоялъ изъ 880 русскихъ (2-ой и 8-ой роты 9-го полка, 1-ой и 7-ой роты 12-го полка), 800 англичанъ, 120 американцевъ, 100 германцевъ, 50 французовъ и 50 японцевъ, при 3 пулеметахъ капитана Муравскаго.

Отрядъ выступилъ ночью. Велъ отрядъ китаецъ, доставившій письмо Сеймура. Китайскія войска, послѣ недавнихъ неудачъ, не хотѣли завязывать боя и допустили безпрепятственное соединеніе отрядовъ, которые встрѣтились на другой день въ 9 час. утра, при взаимныхъ бурныхъ и радостныхъ кликахъ ура.

12 іюня цѣлый день перевозили раненыхъ на другую сторону Пэйхо, уничтожали орудія, ружья и огнестрѣльные и всякіе запасы, которые находились въ арсеналѣ Сику.

13 іюня, въ 3 часа ночи, соединенный отрядъ Сеймура и Ширинскаго вернулся благополучно въ Тяньцзинъ. Русскія войска выстроились передъ своимъ лагеремъ и криками ура встрѣчали храбрую экспедицію Сеймура и его печальное шествіе изъ 238 носилокъ съ ранеными.

„Наваринъ".

Экспедиція admirala Сеймура

13 Іюня

Опять раны и муки... Опять вереницы носилокъ съ измученными ранеными, которыхъ только что подъ палящимъ солнцемъ, въ клубахъ пыли, принесли и частью привезли на двуколкахъ въ Тяньцзинъ.

Это возвращался храбрый отрядъ адмирала Сеймура, которому удалось пробиться почти до половины пути между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, но пришлось отступить подъ напоромъ несмѣтныхъ полчищъ боксеровъ и китайскихъ регулярныхъ войскъ. Отрядъ Сеймура, состоявшій изъ 2300 ч. соединенныхъ международныхъ силъ, предполагалъ исправить желѣзнодорожный путь и сдѣлать военную прогулку до Пекина. Силамъ боксеровъ не придавали значенія, а возможности столкновенія съ регулярными войсками никто въ отрядѣ не вѣрилъ.

Въ субботу 27-го мая отправилась на присоединеніе къ отряду Сеймура первая русская партія — рота въ 100 человѣкъ съ крейсера 1-го ранга „Россія“, подъ командою лейтенанта Заботкина.

29 мая отправился второй отрядъ въ 212 человѣкъ матросовъ съ судовъ „Наваринъ“, „Адмиралъ Корниловъ“, „Петропавловскъ“ и „Дмитрій Донской“, при 2 орудіяхъ съ „Россіи“. Изъ офицеровъ при отрядѣ были мичмана: Зельгеймъ, Кехли, Кноррингъ, Пелль и докторъ Островскій. Командиромъ русскаго отряда былъ назначенъ старшій офицеръ кр. „Россія“ кап. 2-го ранга Чагинъ. Лейтенантъ Бурхановскій отъ станціи Янцунь вернулся обратно въ Тяньцзинъ.

Во французскій госпиталь принесли 23 матроса и 4 офицеровъ. Это были мичмана: Кехли—тяжолая рана пулею въ голову и въ глазъ,

Зельгеймъ—въ обѣ ноги, Заботкинъ—въ лѣвую ногу и Пелль—въ правую руку. У всѣхъ, кромѣ мичмана Кехли, раны неопасныя.

Нашимъ морякамъ пришлось двѣ недѣли провести въ самыхъ тяжолыхъ условіяхъ боевого похода, проживая часы, дни и ночи подъ градомъ пуль и гранатъ, валяясь въ пыли и грязи, оставаясь иногда безъ воды и горячей пищи цѣлые дни. Иногда койкой для раненыхъ служилъ ровъ или канава, а покрываломъ облако пыли.

Русскій морской десантъ, вышедшій изъ Тяньцзина 29 мая, нагналъ весь отрядъ Сеймура у станціи Лофа. Для того, чтобы поддерживать сообщеніе съ Тяньцзиномъ и охранять линію отъ разрушенія, на станціи Лофа былъ оставленъ англійскій гарнизонъ въ 30 человѣкъ. Такъ какъ станція была сожжена боксерами, то англичане укрѣпили станціонный сарай и сдѣлали на немъ грозную надпись „Фортъ Эндиміонъ“, по имени англійскаго корабля.

Исправляя путь и понемногу подвигаясь дальше, отрядъ дошелъ до станціи Ланфанъ. Здѣсь нѣмцы поставили свой „Фортъ Гефіонъ“, также по имени своего корабля.

1 іюня отрядъ былъ въ $3^1/_2$ миляхъ отъ Ланфана. Желѣзнодорожный путь далѣе былъ совершенно испорченъ. Не было видно и слѣда рельсъ и шпалъ, которыя были выворочены, сожжены или разбросаны. Насколько хватало зрѣнія, полотно желѣзной дороги представляло одну проѣзжую дорогу.

Въ этотъ день произошолъ печальный случай съ итальянцами. Во время исправленія пути поѣздъ охранялся 4 итальянскими пикетами, выставленными въ полѣ. Ихэтуанцы все время преслѣдовали поѣздъ, но держались на приличномъ отдаленіи. Когда поѣздъ двинулся обратно, то по непростительной оплошности англичанъ, управлявшихъ поѣздомъ, этотъ итальянскій пикетъ былъ забытъ. Толпища боксеровъ набросились на пикетъ и въ нѣсколько мгновеній на глазахъ всѣхъ одинъ офицеръ и четверо итальянскихъ матросовъ были зарѣзаны, прежде чѣмъ успѣли ихъ выручить. Ихъ тѣла были боксерами обезображены. Такой успѣхъ придалъ дерзости китайцамъ. Разсказывали такой случай.

Всѣхъ поѣздовъ въ распоряженіи соединеннаго отряда было 4. Одинъ занимали англичане. Другой русскіе и нѣмцы, которые во время похода вообще держались вмѣстѣ. Третій поѣздъ—французы и японцы. Четвертый остальные: американцы, итальянцы и австрійцы. Локомотивы (всѣхъ ихъ было 4) ходили съ платформами по обоимъ направленіямъ и поддерживали сообщеніе между

различными пунктами желѣзной дороги. Одинъ поѣздъ остался на станціи, другіе отошли. Мятежники, предположивъ вѣроятно, что поѣздъ брошенъ европейцами, сейчасъ же бросились на вагоны. Ихъ встрѣтилъ дождь пуль и около 150 китайцевъ полегло на мѣстѣ, другіе бѣжали. Оставшіеся флаги, пики, ружья и сабли были подобраны европейцами, преимущественно англичанами — большими любителями этихъ рѣдкостей.

1 іюня неожиданно пришла изъ Лофа дрезина съ англичанами, которые донесли своему адмиралу, что фортъ Эндиміонъ окруженъ 2000 боксеровъ. Гарнизонъ, имѣя только 2 митральезы, не можетъ справиться съ непріятелемъ и проситъ подкрѣпленія.

Городъ Янцунь.

Адмиралъ Сеймуръ остался очень недоволенъ малодушіемъ этого гарнизона, тѣмъ не менѣе отправился съ отрядомъ своихъ войскъ, съ русскими и французами. Произошла стычка съ китайцами, которые очень скоро разсѣялись. Было ранено только 2 англичанина.

2-го іюня главныя силы находились у Ланфана и исправляли путь. Нѣмцы очень хорошо укрѣпили свой фортъ Гефіонъ. Они исправили каменную станцію и на вышку поставили пушку. Съ вышки всѣ окрестности были видны на далекое разстояніе. Въ этотъ день весь англійскій гарнизонъ станціи Лофа поспѣшно пріѣхалъ на Ланфанъ и донесъ, что Лофа снова окружена нѣсколькими тысячами боксеровъ и находится въ крайней опасности Адмиралъ

Участники Сеймуровской экспедиціи:
Капитанъ 2 р. Чагинъ, мичмана: Зельгеймъ, Кехли, Пелль и Заботкинъ.

Сеймуръ приказалъ ему немедленно возвращаться обратно и охранять станцію. Англійскій гарнизонъ вернулся обратно.

3-го іюня адмиралъ Сеймуръ съ англійскимъ десантомъ отступилъ къ Лофа. Русскіе и другіе союзники остались въ Ланфанѣ. Положеніе десантовъ опасное.

4-го іюня. Въ этотъ день со стороны Пекина первый разъ показались китайскія регулярныя войска, со знаменами и значками. Въ послѣдній разъ китайскія войска были встрѣчены возлѣ станціи Янцунь. Это были войска генерала Нѣ Ши Чэна. Теперь, по

всей вѣроятности, возлѣ станціи Ланфана показался авангардъ китайскихъ войскъ, находящихся подъ командованіемъ генерала Дунъ Фу Сяна, славящагося своею жестокостью и ненавистью къ европейцамъ. Его войска состоятъ большею частью изъ китайцевъ—магометанъ, настроенныхъ крайне фанатично и враждебно къ иностранцамъ. Русскіе и нѣмцы произвели развѣдку. Численность войскъ нельзя было установить. Приблизившись на разстояніе выстрѣла къ европейскимъ отрядамъ, посланнымъ на развѣдку, китайская кавалерія начала стрѣлять по европейцамъ, но нѣсколькихъ залповъ со стороны русскихъ и нѣмцевъ было достаточно, чтобы китайская кавалерія повернулась вспять и бѣжала.

Встрѣча съ китайскимъ авангардомъ, который сразу открылъ враждебныя дѣйствія, не предвѣщала ничего успокоительнаго въ будущемъ. Можно было предполагать, что китайцы рѣшили не пропускать европейскаго десанта далѣе и желаютъ оказать возможное сопротивленіе.

Десантъ принялъ мѣры къ тому, чтобы усилить посты, что между прочимъ привело къ печальному случаю. Ночью, въ темнотѣ, русскій часовой замѣтилъ подозрительнаго субъекта. На окликъ часового подозрительный чорный субъектъ ничего не отвѣтилъ, но сталъ приближаться еще ближе къ поѣзду. Полагая, что это китайскій боксеръ, за которымъ могутъ показаться полчища боксеровъ, часовой поднялъ тревогу. Изъ вагоновъ выскочили русскіе и нѣмцы и стали во мракѣ стрѣлять другъ въ друга. Англичане начали стрѣлять изъ окопъ. Въ результатѣ оказалось нѣсколько русскихъ и нѣмцевъ, раненыхъ англичанами, а подозрительный чорный субъектъ оказался китайской собакой. Никакихъ боксеровъ не было.

Когда союзный отрядъ пришолъ въ Ланфанъ, къ нему явился китаецъ-христіанинъ, отправленный посланниками изъ Пекина, которые сообщали, что пекинское населеніе и императорскія войска, во главѣ съ генераломъ Дунъ Фу Сяномъ, дѣлаютъ враждебныя приготовленія и рѣшили не допустить въ столицу иностранныхъ войскъ. Чиновникъ японскаго посольства Сугіяма звѣрски убитъ солдатами Дунъ Фу Сяна, во время своей поѣздки за городъ, за то что не хотѣлъ исполнить требованія солдатъ не выѣзжать изъ городскихъ воротъ. Студенты миссій подверглись нападенію толпы и едва спаслись съ помощью револьверовъ. Хотя китайское правительство согласилось допустить въ стѣны Пекина 1500 человѣкъ иностранныхъ войскъ, однако, въ дѣйствительности, оно поступаетъ совершенно наоборотъ. Среди китайцевъ носятся слухи, будто старая

богдыханша издала приказы боксерамъ разрушить посольства и уничтожить всѣхъ иностранцевъ. Миссіонерскія школы, трибуна скачекъ, нѣкоторыя зданія иностранцевъ уже разграблены и сожжены, а китайцы, прислуживавшіе иностранцамъ и крещонные были жестоко замучены и убиты. Днемъ для общаго разрушенія всѣхъ посольствъ было назначено 3 іюня.

Получивъ такія отчаянныя извѣстія о положеніи иностранцевъ въ Пекинѣ, адмиралъ Сеймуръ рѣшилъ сдѣлать нечеловѣческія усилія, чтобы возстановить желѣзнодорожное сообщеніе съ китайской осажденной столицей. Однако, онъ не зналъ, что въ тылу его отряда происходятъ событія, не менѣе опасныя. Тяньцзинъ уже былъ окруженъ двадцатью тысячами боксеровъ и регулярныхъ богдыханскихъ войскъ, благодаря чему для Сеймура и его отважнаго отряда безпрепятственный путь отступленія и сообщенія съ международной эскадрой уже давно былъ отрѣзанъ. Вмѣсто того, чтобы подумать о необходимости возвращенія, Сеймуровскій отрядъ рѣшительно, но безумно стремился впередъ вдоль полотна желѣзной дороги, которая спереди и позади отряда упорно разрушалась и сожигалась боксерами.

Работы по возстановленію пути шли крайне медленно и почти не подвигались. Въ день исправляли не болѣе 1—2 верстъ. Огнестрѣльные запасы ежедневно истощались. Сперва ѣли консервы и пили кипяченую воду. Потомъ стали пить сырую воду, какую только могли найти, и ѣсть куръ и свиней, которыхъ подбирали въ окрестныхъ деревняхъ. Но такъ какъ боксеры начали выжигать всѣ деревни вдоль желѣзной дороги, то скоро участники похода стали недоѣдать и голодать, мучась отъ зноя, пыли и вѣтра и находясь въ постоянной тревогѣ изъ-за непрекращающихся нападеній боксеровъ.

Случайно-ли или по волѣ судьбы, 5-е іюня оказалось очень труднымъ днемъ какъ для отряда Сеймура, такъ и для 12-го полка въ Тяньцзинѣ. Въ понедѣльникъ 5-го іюня 12-й полкъ понесъ самыя большія потери, и въ этотъ же день экспедиція Сеймура имѣла первое серьезное дѣло съ китайскими регулярными войсками. Съ утра русскіе и нѣмцы отправились въ окружныя деревни за фуражомъ. Всѣ китайскія хатки были покинуты. Мирное трудолюбивое населеніе разбѣжалось въ болѣе спокойныя мѣста, страшась неистовства ихэтуанцевъ и нашествія иноземцевъ. Въ этотъ день прибылъ поѣздъ, на которомъ было получено донесеніе, что обратный путь къ Тяньцзину, исправленный англичанами, снова разру-

шается боксерами. Китайцы жгутъ мосты позади отряда, выворачиваютъ рельсы, развинчиваютъ болты или насыпаютъ кучи щебня на рельсахъ. Мѣстами они только развинчиваютъ рельсы, оставляя ихъ на мѣстѣ. Идущій поѣздъ легко можетъ не замѣтить такой порчи линіи и сойти съ пути. На исправленіе пути отправились нѣмцы. Имъ было поручено охранять и возстановлять дорогу къ Тяньцзину. Узнавъ, что у станціи Ланфанъ показались китайскія войска, главныя силы англичанъ, австрійцы и итальянцы (тѣ и другіе, въ виду своей малочисленности, составляли крыло или на-

Желѣзнодорожный мостъ черезъ Пэйхо у Янцуня.

ходились подъ крыломъ англичанъ) вернулись со станціи Лофа и поспѣшили на помощь авангарду.

Въ 11 часовъ утра началось дѣло. Китайская кавалерія, имѣя въ тылу пѣхоту и артиллерію, быстро двинулась на станцію, но была встрѣчена залпами русскихъ моряковъ и также быстро повернула тылъ. Кавалерія не растерялась и сдѣлала обходное движеніе мимо сосѣдней деревушки, чтобы атаковать десантъ справа; но здѣсь она неожиданно наткнулась на германцевъ, которые открыли огонь. Китайской кавалеріи ничего не оставалось, какъ обратиться благоразумно вспять, что она сейчасъ же и сдѣлала. За ней открыла огонь китайская пѣхота и бросились боксеры. Но китайцы въ свою очередь попали подъ выстрѣлы нашихъ моряковъ и нѣмцевъ, а также подъ огонь нѣмецкаго пулемета, стоявшаго на вышкѣ и стрѣлявшаго поверхъ нашихъ. Китайскія пули давали значительный перелетъ, благодаря чему пострадалъ только европейскій резервъ, а наша полурота, стоявшая впереди, осталась почти невредимой. Китайскія войска и боксеры скоро отступили и, скрывшись въ ближайшихъ рощахъ, уже больше не показывались. Изъ нашихъ офицеровъ былъ раненъ пулей мичманъ Зельгеймъ.

Въ 1 часъ дня дѣло кончилось.

Наконецъ, адмиралъ Сеймуръ убѣдился, что не смотря на горячее желаніе всѣхъ его союзниковъ и его самого поскорѣе явиться въ Пекинъ на выручку посольствъ, было бы безуміемъ двигаться дальше и весь его отрядъ безсиленъ что нибудь сдѣлать. Чѣмъ больше они будутъ удаляться отъ Тяньцзина, тѣмъ вѣрнѣе ихъ гибель. Сеймуръ созвалъ командировъ всѣхъ націй и объявилъ имъ о своемъ рѣшеніи отступать, такъ какъ это было единственное благоразумное рѣшеніе при данныхъ обстоятельствахъ. Въ виду того, что противъ союзниковъ выступили китайскія регулярныя войска, Сеймуръ полагалъ, что Китай объявилъ войну державамъ, и поэтому онъ, какъ старшій изъ начальниковъ, принимаетъ командованіе надъ всей экспедиціей. Такъ какъ желѣзнодорожный путь разрушенъ спереди и позади союзнаго отряда, всѣ командиры, по предложенію Сеймура, постановили отступать къ Тяньцзину, откуда вѣрнѣе всего было возможно ожидать помощи, такъ какъ здѣсь долженъ былъ находиться сильный русскій отрядъ.

5 іюня вечеромъ международный отрядъ Сеймура началъ общее отступленіе.

Здѣсь, въ Ланфанѣ, между прочимъ, начальниками десантовъ были снова получены депеши отъ посланниковъ въ Пекинѣ, извѣщавшія, что положеніе европейцевъ въ Пекинѣ съ каждымъ днемъ становится опаснѣе. Въ столицѣ Китая полное возмущеніе. Множество боксеровъ вошло въ городъ и возбуждаетъ населеніе. У городскихъ воротъ стоятъ китайскія войска, которыя могутъ оказать серьезное сопротивленіе десантамъ, когда они подойдутъ къ Пекину. Посланники указывали ворота, черезъ которыя десанту лучше всего пройти, такъ какъ они слабо укрѣплены и имѣютъ брешь. Другая депеша отъ посланниковъ сообщала, что китайская императрица бѣжала.

6-го іюня продолжалось общее отступленіе соединеннаго десанта по желѣзной дорогѣ. Чѣмъ ближе къ Тяньцзину, тѣмъ путь былъ болѣе испорченъ и двигаться назадъ по желѣзной дорогѣ становилось невозможнымъ. Приходилось бросать поѣзда и идти пѣшкомъ, неся раненыхъ. Починять дорогу было невозможно. Переноска же раненыхъ взяла бы изъ строя нѣсколько сотъ человѣкъ. Адмиралъ Сеймуръ собралъ совѣтъ. Начальники десантовъ единогласно рѣшили, что идти пѣшкомъ и нести раненыхъ на рукахъ невозможно, поэтому необходимо отступать по рѣкѣ Пэйхо на баржахъ.

Было взято пять баржъ. Въ одной размѣстились русскіе и нѣмцы. Въ двухъ англичане. Въ двухъ другихъ—всѣ остальные.

Поѣзда были брошены на произволъ судьбы. Дикіе боксеры не замедлили броситься на вагоны, которые были сожжены на глазахъ отступающаго десанта. Такъ какъ въ рѣкѣ Пэйхо, мелѣющей изъ года въ годъ воды не больше, чѣмъ въ канавѣ, то приходилось двигаться очень медленно, натыкаясь на мели и выжидая воды. Въ первый день было сдѣлано около 4 верстъ. На ночь десантъ остановился. Первая ночь на баржахъ прошла спокойно. Вдали было видно зарево горящихъ поѣздовъ.

Со времени отступленія десанта начались всѣ трудности и испытанія. Берега рѣки Пэйхо, очень узкой и извилистой, усѣяны деревнями, въ которыхъ кишѣли мятежники. Мирные жители бѣжали. Часть десанта плыла на баржахъ; другая часть шла вдоль рѣки и брала каждую деревню съ бою, выгоняя боксеровъ и захватывая брошенное продовольствіе: рисъ и скотъ.

8-го іюня шли такимъ-же образомъ, спускаясь понемногу по рѣкѣ и отбиваясь отъ боксеровъ, которые толпами сопровождали десантъ, не боясь ни европейскихъ ружей, ни пушекъ. Сберегая патроны и снаряды, европейцы не могли много стрѣлять. Подъ звойнымъ удушливымъ солнцемъ идти было очень трудно. Консервы скоро всѣ вышли, и приходилось питаться чѣмъ Богъ послалъ: брошеннымъ рисомъ, китайскими бѣглыми свиньями, телятами и прочимъ скотомъ, который успѣвали захватить. Нечего, конечно было и думать о томъ, чтобы изъ этой живности приготовить хорошее жаркое. Скотъ били и жарили, какъ попало, и затѣмъ дѣлили между всѣми. Нельзя было достать даже чистой воды, такъ какъ богдыханская рѣка Пэйхо, несмотря на свое славное историческое прошлое и древнее происхожденіе, наполнена не водою, а всѣмъ, чѣмъ ее даритъ Пекинъ и всѣ попутные города и села.

9-го іюня былъ очень трудный день. Продовольствіе приходило къ концу. На съѣденіе были уже обречены лошади и мулы, а нѣмцы уже давно питались кониною. На берегахъ стали показываться не только боксеры, но и китайская пѣхота, кавалерія и артиллерія, которая стала стрѣлять по баржамъ. Для защиты баржъ и раненыхъ русскіе, нѣмцы и итальянцы стали идти вдоль обоихъ береговъ. Имъ приходилось все время отстрѣливаться. Во время одной перестрѣлки былъ раненъ мичманъ Заботкинъ.

Вечеромъ подошли къ большей деревнѣ Сычу, возлѣ которой было предположено остановиться на ночлегъ. Но деревня ока-

залась занятою китайскими войсками. Обѣ стороны начали перестрѣлку. Завязалось настолько серьезное дѣло, что европейскій десантъ, чтобы не быть перебитымъ, долженъ былъ двинуться далѣе и, пользуясь темнотою, въ 2 часа ночи поплылъ внизъ по теченію.

10 іюня утромъ десантъ, преслѣдуемый китайскими войсками и боксерами, подошолъ настолько близко къ Тяньцзину, что попалъ подъ выстрѣлы китайскихъ фортовъ. Дальше нельзя было идти по рѣкѣ. Баржи были брошены. Раненые взяты на носилки, и десантъ, подъ прикрытіемъ ближайшихъ рощъ и холмовъ, двинулся къ Тяньцзину. Движеніе европейскихъ силъ было замѣчено китайцами изъ Сѣвернаго арсенала Сику въ окрестностяхъ Тяньцзина. Китайскія войска, которыя раньше преслѣдовали десантъ и тѣ, которыя отступили отъ Тяньцзина, открыли сильный огонь по приближающемуся десанту. Положеніе европейскаго десанта, было критическое. Тогда адмиралъ Сеймуръ рѣшился на очень смѣлый шагъ: онъ приказалъ своей морской пѣхотѣ взять штурмомъ ближайшій китайскій арсеналъ Сику. Англичане съ честью выполнили свою задачу: въ 3 часа дня арсеналъ былъ взятъ. Китайцы, занимавшіе это укрѣпленіе, были частью перебиты, частью бѣжали. Европейскій десантъ нашелъ въ Сику нѣсколько очень хорошихъ орудій и большой запасъ ружей и патроновъ. На другой день здѣсь нашли около 1000 пудовъ риса. Весь десантъ размѣстился въ каменыхъ строеніяхъ арсенала. Во время этого дѣла былъ раненъ изъ русскихъ офицеровъ мичманъ Пелль. У американцевъ былъ раненъ капитанъ Макъ-Калла. Германскій капитанъ Бухгольцъ былъ убитъ.

11-го іюня. Не долго пришлось смѣлому десанту отдыхать за крѣпкими стѣнами китайской импани. Ночью былъ посланъ адмираломъ Сеймуромъ развѣдочный отрядъ въ 100 англичанъ, которые должны были прослѣдить кружной путь въ Тяньцзинъ и дать знать европейскому гарнизону Тяньцзина о возвращеніи десанта. Развѣдочный отрядъ наткнулся на густыя толпы мятежниковъ. Произошла стычка, во время которой было ранено нѣсколько человѣкъ англичанъ. Отрядъ сталъ отступать. Прежде чѣмъ успѣли подобрать раненыхъ, къ нимъ подскочили мятежники и отрубили головы раненымъ англичанамъ, въ томъ числѣ 1 офицеру храброму капитану Бэйтсъ. Въ 4 часа утра огромныя силы китайскихъ войскъ и мятежниковъ, исчисляемыя въ 7000 человѣкъ, сдѣлали отчаянную атаку, съ цѣлью отбить свою бывшую

импань. Китайцы были отбиты. Русскій мичманъ Кехли получилъ жестокую рану въ голову.

12-го іюня съ арсенала увидѣли китайскую кавалерію, которая въ безпорядкѣ бѣжала отъ Тяньцзина.

Въ 6 часовъ утра подошолъ международный отрядъ, отправившійся изъ Тяньцзина, подъ командованіемъ подполковника Ширинскаго, на выручку адмирала Сеймура. Встрѣча было восторженная. Ликующее ура прогремѣло по китайскимъ деревнямъ и полямъ.

Въ тотъ же день, все что было возможно взять въ Сику, было взято. Оставшееся оружіе, пушки, порохъ и снаряды — все было сложено въ кучу и сожжено. Весь гарнизонъ форта перешолъ на бивакъ возлѣ форта.

13-го іюня въ 9 часовъ утра, отрядъ адмирала Сеймура, вмѣстѣ съ батальономъ подполковника Ширинскаго, двинулся къ Тяньцзину и былъ торжественно встрѣченъ русскимъ лагеремъ.

Изъ 27 раненыхъ, которыхъ принесли въ Тяньцзинскій Франко-русскій госпиталь, тяжелѣе другихъ былъ раненъ мичманъ Кехли. У него пулею былъ пробитъ въ двухъ мѣстахъ черепъ и поврежденъ правый глазъ. Изъ ранъ вытекало мозговое вещество. Кехли, обвязанный, измученный, покрытый слоемъ пыли, лежалъ въ носилкахъ безъ сознанія нѣсколько сутокъ, что-то бредилъ и мы каждый день ждали его кончины. Но Куковѣровъ не отчаивался. Онъ сдѣлалъ двѣ трепанаціи черепа, вскрылъ нарывъ мозговыхъ оболочекъ, удалилъ разрушенный глазъ. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ Кехли сталъ поправляться и его перевезли въ Японію. Благотворный воздухъ японскихъ рощъ укрѣпилъ силы Кехли, онъ началъ приходить въ себя и черезъ $1^1/_2$ мѣсяца уже стоялъ на вахтѣ на своемъ родномъ крейсерѣ „Дмитрій Донской".

Какіе результаты дала экспедиція адмирала Сеймура, продолжавшаяся 18 дней и имѣвшая представителей отъ 8 союзныхъ націй? Вопервыхъ, она ясно показала, что въ Печилійской провинціи союзникамъ приходится вести борьбу не съ мятежниками, а съ правительственными войсками, которыя хотя и не могутъ быть сравниваемы по духу и дисциплинѣ съ европейскими или японскими войсками, однако нынѣ оказываются настолько серьезной силой, что могутъ запереть въ Тяньцзинѣ цѣлый русскій полкъ и не допустить къ Пекину международный отрядъ въ 2000 слишкомъ человѣкъ. Предстояло уже не усмиреніе возставшихъ бок-

серовъ, а регулярная война съ регулярными инструктированными китайскими войсками, которыя не уступали союзнымъ войскамъ по качеству вооруженія и богатству огнестрѣльныхъ припасовъ.

Докторъ Островскій.

Вовторыхъ, этотъ походъ доказалъ, что при умѣломъ управленіи и тактѣ такого начальника, какимъ былъ англійскій адмиралъ Сеймуръ, при взаимномъ довѣріи и взаимной поддержкѣ, пестрый отрядъ изъ 8 націй — англичанъ, русскихъ, германцевъ, французовъ, американцевъ, японцевъ, итальянцевъ и австрійцевъ— можетъ прекрасно выполнить общее дѣло. Сперва искали лавровъ спасителей иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ. Но скоро убѣдились, что не только эта цѣль не достижима, но приходится заботиться о своихъ собственныхъ жизняхъ. Тогда у всѣхъ была только одна цѣль—не бросать раненыхъ, спасать ихъ и благополучно добраться до Тяньцзина. Подъ пулями и осколками гранатъ, въ носилкахъ, на баржахъ или на двуколкахъ, 238 раненыхъ были привезены и принесены въ Тяньцзинъ.

Когда союзники взяли арсеналъ Сику и заперлись въ немъ съ 200 раненыхъ, безъ провіанта и перевязочныхъ средствъ, не имѣя никакого сообщенія съ Тяньцзиномъ и оставаясь въ полной неизвѣстности относительно окружающей обстановки и будущаго, всѣ почувствовали упадокъ силъ и духа. Ночное нападеніе китайцевъ, пытавшихся отбить свой арсеналъ, еще болѣе заставило союзниковъ сознать свое безвыходное положеніе. Общею радостью была находка перевязочныхъ средствъ и инструментовъ и огромныхъ запасовъ риса, который давалъ возможность не умереть по крайней мѣрѣ съ голоду. Несмотря на эти тяжолыя условія, между всѣми союзниками царило полное единодушіе, взаимная коректность и услужливость. Долгъ въ отношеніи раненыхъ былъ всѣми выполненъ свято.

Наконецъ, эта экспедиція еще разъ доказала, что русскіе моряки могутъ быть такими-же молодцами на сушѣ, какими они

привыкли быть на водѣ. Чагинъ и всѣ матросы и офицеры, бывшіе съ нимъ, показывали чудеса стойкости, выносливости и исполнительности. Каждый работалъ за нѣсколькихъ. Докторъ Островскій не только перевязывалъ раненыхъ—своихъ и иностранцевъ, что приходилось дѣлать въ пыли, грязи, подъ китайскими пулями, на китайской баржѣ, но исполнялъ также обязанности адъютанта при Чагинѣ.

Въ письмѣ къ начальнику Русской Тихоокеанской эскадры вице-адмиралу Гильтебрандту адмиралъ Сеймуръ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ дѣятельность русскаго отряда, бывшаго подъ его начальствомъ:

„Я имѣю честь выразить вамъ мои глубокія чувства признательности: за неоцѣнимое молодецкое постоянное содѣйствіе и помощь, которыя я встрѣчалъ со стороны капитана 2 р. Чагина и всѣхъ другихъ чиновъ, бывшихъ подъ его командою; за неослабную энергію и рвеніе, выказанныя при столь трудныхъ обстоятельствахъ всѣми офицерами и матросами флота Его Величества, мужество которыхъ было достойно ихъ славныхъ традицій и не требуетъ много словъ, чтобы описать ихъ“.

„Въ заключеніе позвольте выразить мое глубокое чувство признательности за неоцѣнимыя услуги, оказанныя нашей соединенной экспедиціи флота Его Императорскаго Величества капитаномъ 2 р. Чагинымъ, который всегда былъ на чеку, всегда впереди, и который дѣлалъ мнѣ честь, исполняя всѣ мои желанія и приказанія настолько точно, какъ если-бы онъ принадлежалъ къ нашему флоту“.

Въ своемъ письмѣ къ русскому адмиралу англійскій адмиралъ выразилъ свою искреннюю надежду, что „эта экспедиція, хотя она была незначительна и непродолжительна, поможетъ закрѣпить между Россіей и Англіей то взаимное уваженіе и довѣріе, которое, къ счастью, существуетъ между нашими Августѣйшими Повелителями и которое въ особенности по отношенію къ Китаю нынѣ такъ желательно въ лучшемъ смыслѣ цивилизаціи и прогресса“.

Восточный арсеналъ

14 Іюня

Въ двухъ верстахъ отъ русскаго лагеря на сѣверовостокъ былъ былъ расположенъ Тяньцзинскій восточный арсеналъ. Это цѣлый вооружонный городъ, имѣвшій въ окружности около пяти верстъ, окружонный землянымъ валомъ трехсаженной высоты съ валгангомъ и брустверомъ. Вдоль южнаго фаса идетъ вязкій ровъ, наполненный водою, шириною до 30 саженъ, глубиною въ 5 футовъ. Въ сѣверномъ Китаѣ это былъ главный арсеналъ, снабжонный различными мастерскими и заводами для изготовленія всевозможнаго оружія, огнестрѣльныхъ припасовъ, а также для чеканки китайской мѣдной и серебряной монеты.

Такъ какъ арсеналъ продолжалъ тревожить Тяньцзинъ и союзниковъ своими орудіями и снабжалъ боевыми припасами китайскія войска, то генералъ Стессель призналъ необходимымъ немедленно же приступить къ штурму арсенала. Всѣ союзники обѣщали принять участіе въ общемъ штурмѣ. Диспозиція боя была составлена генераломъ Стесселемъ и начальникомъ его штаба, подполковникомъ Илинскимъ. Всей операціей руководилъ генералъ Стессель.

Въ пять часовъ утра 6-ая сотня Ловцова отправилась на рекогносцировку арсенала, но была встрѣчена такимъ огнемъ, что отступила. Полковникъ Бемъ съ 1-ой, 2-ой и 5-ой ротой 9-го полка и пулеметами продолжалъ развѣдку вокругъ арсенала.

Въ 9 час. утра генералъ Стессель рѣшилъ штурмовать арсеналъ всѣми союзными силами, которыя были раздѣлены на 3 колонны.

Противъ труднѣйшаго южнаго фаса, отрѣзаннаго рвомъ, была послана правая колонна Анисимова, состоявшая изъ 1-ой, 8-ой и 7-ой роты 12-го полка; 5-ой, 7-ой и 8-ой роты 10-го полка; 6-ой роты 9-го полка и 400 американцевъ, германцевъ и японцевъ.

Противъ западнаго фаса, вооруженнаго сильными орудіями, была направлена средняя колонна Савицкаго, состоявшая изъ 1-ой, 2-ой, 3-ей, 5-ой и 7-ой роты 9-го полка; двухъ германскихъ ротъ и 4 пулеметовъ Муравскаго.

Противъ сѣвернаго фаса была двинута лѣвая колонна, состоявшая изъ англійской морской бригады и 1-го Вейхайвэйскаго Англо-китайскаго полка.

Въ резервѣ 4-ая рота 9-го полка, 4-ая и 5-ая 12-го полка, наши саперы, казаки, десантъ Каульбарса и десантъ Чагина, только что вернувшійся изъ Сеймуровскаго похода.

8 нашихъ орудій, поставленныхъ подъ прикрытіемъ насыпи желѣзной дороги, и 1 англійское открыли огонь и завязали бой.

Часа два продолжалась перестрѣлка, сперва очень нерѣшительная съ обѣихъ сторонъ. Иностранцы медленно стягивались къ своимъ колоннамъ.

Около часу дня китайцы, защищавшіе свой арсеналъ, и наступавшіе союзники были потрясены страшнымъ взрывомъ и величественнымъ столбомъ дыма, подымавшимся надъ арсеналомъ. Наводчикъ Денчукъ удачно пущенной гранатой взорвалъ большой пороховой погребъ.

Прекрасно воспользовавшись минутой и впечатлѣніемъ, Стессель приказалъ всѣмъ союзнымъ колоннамъ одновременно перейти въ наступленіе. Но въ то же время около 2000 китайцевъ поспѣшно выступили изъ китайскаго предмѣстья Тяньцзина и, чтобы спасти арсеналъ, рѣшились очень смѣло произвести контръ-атаку въ тылъ союзникамъ.

— Продвиньтесь съ ротой на нашъ крайній правый флангъ и дѣйствуйте тамъ по усмотрѣнію, стараясь приблизиться къ противнику!—приказалъ Анисимовъ Полторацкому.

Полторацкій—какъ онъ потомъ разсказывалъ—пошолъ со своей ротой, прикрываясь насыпью желѣзной дороги.

Защолкали пули, поднимая пыль. Рванула граната. Капитанъ Полторацкій все держитъ свое направленіе и идетъ. Значокъ роты онъ нацѣпилъ на длинную трость изъ гаоляна, чтобы Анисимовъ видѣлъ, гдѣ его 7-ая рота.

Открыли огонь и по орудійной прислугѣ и по защитникамъ вала. Жарко и отъ солнца и отъ пуль.

Подбѣгаетъ наша полурота, подбѣгаютъ нѣмцы, англичане и французы. Скачетъ казакъ съ запиской: „Безъ приказанія не подвигаться дальше. Анисимовъ“.

Скачетъ самъ Анисимовъ и кричитъ Полторацкому:

— Съ Богомъ! Горнистъ, атаку!

Полторацкій поднялъ свои взводы, которые лежали въ цѣпи, по копаннымъ ими ямкамъ. Скорымъ мелкимъ шагомъ 7-ая рота побѣжала по ровному открытому полю, къ арсенальному валу. Свистъ адскій. Стали падать люди... Полторацкій выхватилъ шашку.

Капитанъ Полторацкій.

„Ура!"... добѣжали до вала, повалились, чтобы закрыться отъ пуль... Глядь! а впереди еще ровъ съ водой, а настоящій валъ дальше. Передохнули. Полторацкій хлебнулъ чаю изъ походной бутылки, вскочилъ, обѣжалъ людей. Видитъ: его люди ничего, могутъ. Крикнулъ: „Цѣпь впередъ!" и самъ прыгнулъ въ воду...

Всѣ стрѣлки какъ одинъ захлопали по водѣ за своимъ командиромъ, кто по поясъ, кто меньше. Вязко. Пули брызгаютъ по водѣ. Двухъ свалило.

Слава Богу, вылѣзли на валъ! но у командира и у его стрѣлковъ сапоги завязли въ тинѣ. Не выдержали китайцы и бросились бѣжать. Полторацкій безъ сапогъ со стрѣлками вдоль вала за ними! Китайцы наводятъ пушку на нашихъ. Наши залпъ!... Китайцы повалились, другіе бѣгутъ. Слава Богу! пушка не успѣла выстрѣлить. Наши, мимо пушки, добѣжали до во-

сточнаго угла арсенала и ахнули отъ изумленія: по открытому полю густыми толпами убѣгаютъ китайцы. И начали наши стрѣлять. Стрѣляли на 2,700 шаговъ. Дальше уже и винтовки не берутъ. Какъ снопы на нивѣ валились китайцы. Такъ Полторацкій безъ сапогъ и его босоногая рота забрали приступомъ арсенальный валъ. Потеряли только 8 человѣкъ.

Подошли германцы. Сѣдой маіоръ важно поздравилъ Полторацкаго и предложилъ фляжку съ ромомъ. Нашъ капитанъ предложилъ ему бутылку съ чаемъ.

Стали подходить и наши роты. Пріѣхалъ Анисимовъ. Пріѣхалъ Стессель и расцѣловалъ Полторацкаго.

Арсеналъ былъ взятъ въ 1 часъ 30 мин. Полторацкій со своей ротой и еще три роты были оставлены гарнизономъ въ арсеналѣ. Каждой ротѣ было приказано охранять по фасу. Китайцы такъ поспѣшно бросили арсеналъ, что вездѣ еще оставался ихъ обѣдъ, только что поданный, такъ какъ былъ полдень. Въ котлахъ кипѣла вода. Чай стоялъ въ чайникахъ.

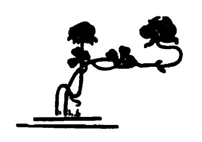
Атака китайцевъ на нашъ тылъ была отбита 4-ой ротой 9-го полка, 5-ой ротой 12 полка, нашими казаками, саперами и моряками мичмана Брашe. Общими усиліями, съ хорошей помощью двухъ англійскихъ орудій, заставили китайцевъ отступить въ Тяньцзинъ.

Наши потери: контуженъ врачъ 10 полка Разумовъ, убито 7 нижнихъ чиновъ, ранено 51. У англичанъ убито 4, ранено 15. У прочихъ иностранцевъ ранено 9.

Нашъ трофей: великолѣпный арсеналъ, стоющій не менѣе 10 милліоновъ рублей и имѣющій неистощимые запасы снарядовъ. патроновъ, пороху и всевозможныя мастерскія.

Иностранцы признали наше безспорное и исключительное право на обладаніе этимъ арсеналомъ, надъ которымъ сталъ развѣваться русскій флагъ. Одно время англичане держали въ арсеналѣ свой постъ, но потомъ и онъ былъ снятъ.

За всю Печилійскую кампанію это былъ нашъ лучшій трофей.

Докладъ губернаторовъ Южнаго Китая

Въ то время, какъ Сѣверъ Китая былъ потрясенъ возстаніемъ боксеровъ и нашествіемъ иностранныхъ войскъ, вицекороли и губернаторы Южнаго Китая и долины рѣки Янцзыцзяна признали необходимымъ успокоить ввѣренныя имъ области изданіемъ нижеслѣдующаго доклада, который былъ ими по телеграфу повергнутъ на ступени богдыханскаго трона 9-го іюня.

Докладъ подписали: главный императорскій комиссаръ Янцзыцзяна — Ли Бинъ Хэнъ; вицекороль обоихъ Цзяновъ (провинцій Цзянсу и Цзянси) — Ліу Кунъ И; вицекороль обоихъ Ху (Хубэй и Хунань Чжанъ Чжи Дунъ; губернаторъ въ Цзянсу—Лу Цюань Линъ; губернаторъ въ Аньху—Ванъ Чжи Чунь; губернаторъ въ Цзянси—Сунъ Шоу; губернаторъ въ Хубэй—Юй Инъ Ліу; губернаторъ въ Хунань—Юй Лѣнъ Сань.

Докладъ гласилъ: „Телеграммы изъ разныхъ странъ показываютъ, что жестокія убійства, совершаемыя ихэтуанцами, безъ сомнѣнія призовутъ мщеніе на Китай. Если ихэтуанцы не будутъ теперь же уничтожены, то, конечно, державы будутъ озлоблены. Совѣты, которые даетъ Японія, доказываютъ, что если это будетъ исполнено скоро, то еще есть время.

„Мы глубоко огорчены извѣстіями, что столица въ опасности. Прикрываясь своими чудесами, ихэтуанцы подстрекаютъ народъ присоединиться къ нимъ и возстать противъ правительства. Въ дѣйствительности всѣ ихъ домогательства безсмысленны, такъ какъ невозможно сопротивляться огнестрѣльному оружію. Общества подобнаго рода были воспрещены еще въ 13-мъ году правленія императора Цзя Цинъ (1796—1809). Если бы, дѣйствительно, они были патріотическимъ народомъ Чжилійской провинціи, то почему-же ихъ предводитель Ли Лай Чунь происходитъ изъ провинціи Шэньси? Это доказываетъ, что они только мятежники, которые должны быть истреблены.

„Они нарушили императорскіе указы и вмѣсто того, чтобы

разсѣяться, убивали кругомъ Пекина китайцевъ и иностранцевъ. Они вынудили главнаго императорскаго комиссара казнить властей въ Лайсуй и Синчжэнъ. Такъ какъ они не уважаютъ законовъ, то они бунтовщики, которые должны быть подавлены. Іероглифы, которые они пишутъ на своихъ знаменахъ: „Помогать Цинамъ, истреблять иностранцевъ“—тѣ самыя уловки, которыми въ прежнія времена пользовались тайныя общества въ различныхъ провинціяхъ.

„Если они, дѣйствительно, хотятъ содѣйствовать правительству, то зачѣмъ же они не повинуются императорскимъ указамъ? Нынѣ на Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Западъ отъ Пекина на разстояніи тысячи ли скопились тысячи этого народа, который вымогаетъ отъ жителей всякое добро. Не всѣ въ этихъ областяхъ христіане, однако, сотни ихъ домовъ сожжены, а ихъ самихъ ихэтуанцы насилуютъ и убиваютъ. Въ этомъ году всѣ округи вокругъ Пекина страдаютъ отъ голода и засухи, однако народъ принужденъ еще кормить эти шайки. Поэтому они должны быть истреблены.

„Ихэтуанцы испортили и разрушили правительственные телеграфы и желѣзныя дороги, стоившія нѣсколько милліоновъ ланъ. Они препятствовали разсылкѣ императорскихъ указовъ и докладовъ. Они задерживали движеніе императорскихъ войскъ. Вокругъ Пекина они уничтожили безчисленное множество китайскихъ и иностранныхъ домовъ и во многихъ другихъ случаяхъ они вели себя какъ разбойники и поэтому должны быть искоренены.

„Имъ недостаточно того, что они вовлекли страну въ войну съ иностранными державами, но имъ еще нужно грабить иностранное имущество и даже убить секретаря японскаго посольства. Во всѣхъ отношеніяхъ они заслуживаютъ только казни.

„Нынѣ, какъ слѣдствіе всего этого—крѣпость Таку взята иностранными державами. Тысячи иностранныхъ войскъ высажены въ Тяньцзинѣ, по дорогѣ въ столицу, и еще больше войскъ льется ежедневно. Это доказываетъ, что опасность велика, но времени для словъ мало. Должно знать, что ни одно государство, находящееся во власти бунтовщиковъ, не можетъ существовать, какъ государство. Исторія не даетъ ни одного примѣра, чтобы государство было въ состояніи сохраниться въ цѣлости, если оно начало войну съ нѣсколькими другими государствами въ одно и то же время и безъ основательной причины. Ихэтуанцы безоружны и не обучены и уже нѣсколько разъ терпѣли пораженія отъ императорскихъ войскъ и въ Шандунѣ и въ Чжили. Недавно они были разбиты иностранными отрядами въ Лофа и возлѣ Тяньцзинскаго

сетльмента. Многіе изъ нихъ были убиты. Конечно, они никогда не могли противостоять огнестрѣльному оружію и гранатамъ. Эта безоружная необученная и безпорядочная толпа не можетъ ни одного мгновенія держаться передъ иностранными войсками.

„Поэтому мы всепокорно молимъ Ваши Величества, вдовствующую императрицу и императора, принять къ сердцу интересы Имперіи и великодушно рѣшиться на то, что справедливо, не взирая на безсмысленныя рѣчи недостойныхъ людей. Необходимо немедленно издать указы, налагающіе строжайшія наказанія, повелѣвающіе преслѣдовать ихэтуанцевъ и воспрещающіе императорскимъ войскамъ производить дальнѣйшія смуты. Необходимо освободить отъ безпокойствъ живущихъ въ посольствахъ и извѣстить ихъ, что правительство не имѣетъ мысли поддерживать эти смуты. Необходимо увѣдомить ихъ, что Ли Хунъ Чжану поручено уладить это дѣло съ соотвѣтствующими правительствами и потребовать отъ нихъ, чтобъ враждебныя дѣйствія были остановлены. Тогда будетъ возможно обратить силы на ихэтуанцевъ и уничтожить ихъ.

„Мы также молимъ, чтобы императорскіе указы были по телеграфу сообщены китайскимъ посланникамъ въ разныя государства съ извиненіями по поводу происшедшихъ смутъ. Пусть будетъ извѣстно, что будетъ дано самое большое удовлетвореніе за убійство японскаго чиновника. Затѣмъ необходимо издать указы, извѣщающіе народъ, что правительство беретъ на себя всю отвѣтственность за безопасность жизни и собственности иностранцевъ. Необходимо повелѣть властямъ по всей Имперіи принять строжайшія мѣры къ охранѣ иностранныхъ купцовъ и миссіонеровъ. Это можетъ успокоить гнѣвъ иностранныхъ державъ. Тогда только мы будемъ въ состояніи снова направить дѣла государства по хорошему пути. Въ настоящее время государство находится на краю величайшей гибели, и промедленіе въ нѣсколько дней можетъ произвести крушеніе всей Имперіи. Тогда будетъ слишкомъ поздно. Вслѣдствіе этого всѣ мы крайне потрясены и устрашены.

„Докладъ представленъ соединенными докладчиками, которые всѣ держатся одного мнѣнія и съ величайшимъ благоговѣніемъ и всепокорностью молятъ, чтобы ихъ докладъ удостоился получить Ваше Высочайшее утвержденіе безъ замедленія“.

Докладъ былъ посланъ въ Пекинъ командующему войсками Чжилійской провинціи генералу Юнъ Лу съ просьбою, чтобы онъ представилъ докладъ богдыхану, а отвѣтъ сообщилъ докладчикамъ.

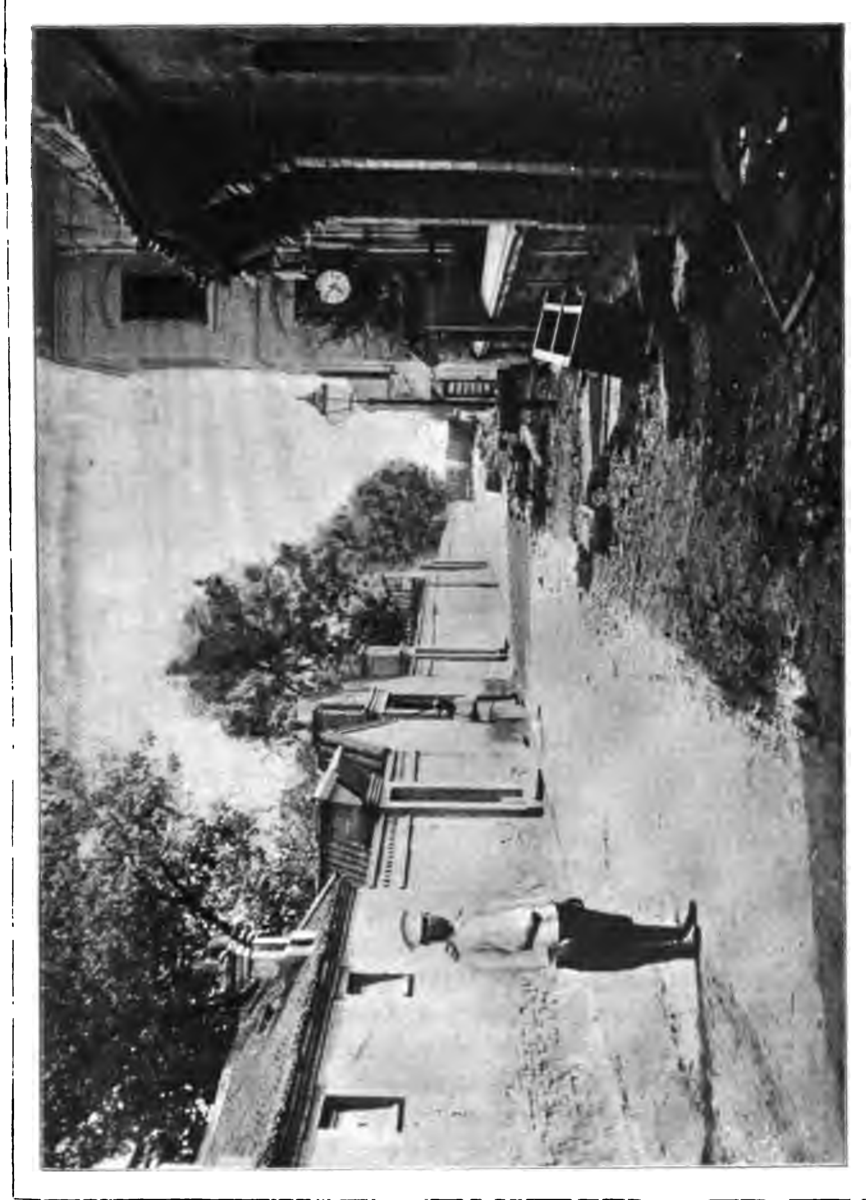
Франко-русскіе врачи и монахини въ госпиталѣ.

Франко-русскій госпиталь

Сколько разъ раненые русскіе и французы, лежавшіе во Французскомъ госпиталѣ въ Тяньцзинѣ, вспоминали и благословляли тѣхъ, кто создалъ Франко-русскій союзъ.

Если съ первыхъ же дней осады русскіе день и ночь грудью отстаивали французскую концессію, ближайшую къ китайцамъ, то французы старались отвѣтить русскимъ самою сердечною заботливостью о нашихъ раненыхъ. Отъ французскаго консула графа Дюшэйляра и полковника Пеллако до послѣдняго солдата и монаха — въ каждомъ французѣ мы видѣли не только союзника, но и искренняго друга, который раздѣлялъ съ нами всѣ испытанія и труды и помогалъ намъ всѣмъ, чѣмъ могъ.

Впервые смыслъ и крѣпость Франко-русскаго союза испытывались на полѣ брани и это испытаніе доказало, что оба союзника связаны между собою узами не только политическаго разсчота и выгоды, но и нитями болѣе тонкими: взаимной симпатіей, взаимнымъ довѣріемъ, сходствомъ характеровъ—искренностью, живостью, впечатлительностью, общительностью, простотою обращенія.

Улица передъ Франко-русскимъ госпиталемъ.
(Слѣва ворота госпиталя. Русскій фельдшеръ и французъ—часовой).

Французскій консулъ дѣлалъ все возможное, чтобы русскій отрядъ находилъ необходимое продовольствіе. Французскіе комерсанты предлагали раненымъ все, что могло быть имъ полезно. Такъ какъ много магазиновъ было разрушено снарядами и пожарами, а нѣкоторые были даже брошены на произволъ судьбы, то комерсанты тащили въ госпиталь всякое добро. Французъ Филиппо ежедневно привозилъ не только цѣлые ящики шампанскаго, но предоставилъ въ распоряженіе русскихъ нѣсколько тысячъ тюковъ хлопчатой бумаги, которые послужили прекрасными баррикадами для защиты улицъ и заставъ.

Французскіе доктора Дэпассъ, Уйонъ, Сэрвель и Отрикъ, вернувшійся изъ Сеймуровскаго похода, въ которомъ онъ перевязывалъ раненыхъ французовъ, работали въ госпиталѣ рука объ руку съ русскими военными врачами: Зароастровымъ, Орловскимъ, Куковѣровымъ, Падлевскимъ и Бенедиктовымъ.

Когда въ госпиталь приносили раненыхъ, то спрашивали не объ ихъ національности, а о томъ, какая у кого рана. Болѣе серьезно раненаго клали на столъ и свободный русскій или французскій врачъ дѣлалъ перевязку.

При госпиталѣ состояло 9 сестеръ монахинь, изъ которыхъ одна была старшая сестра Марія. Сестра Тереза завѣдывала аптекой, Габріела офицерскими палатками, Филомена, Іоанна и Жозефина ухаживали за ранеными солдатами. Марія, Луиза и Екатерина завѣдывали бѣлевой, кладовой и кухней. Всѣ сестры были ирландки; сестра Іоанна американка, а Жозефина и Екатерина были крещоныя китаянки, воспитанныя при монастырѣ и принявшія обѣтъ монашества.

При раненыхъ неотлучно также находились шесть братьевъ-монаховъ ордена Маристовъ, которые были, дѣйствительно братьями нашимъ солдатамъ. Старшій изъ нихъ, французъ Аристоникъ былъ священникомъ и ежедневно служилъ мессы. Другіе — Викторъ, Фаустъ, Франсуа-Ноэль, Анжеликъ и Алексѣй по національности были частью французы, частью ирландцы.

Монахи-миссіонеры, давно жившіе въ Китаѣ, одѣвались по китайски, носили косу и круглую шапочку. Когда начались военныя дѣйствія, монахамъ стало опасно ходить въ китайскомъ одѣяніи, такъ какъ въ нихъ не разбирая начали стрѣлять наши солдаты. Монахи одѣли іезуитскія рясы и отрѣзали косы.

Днемъ обыкновенно при нашихъ раненыхъ дежурили сестры. Ночью дежурили братья. Они побратски обращались съ лежавшими

русскими солдатами, всегда старались угодить малѣйшей ихъ прихоти, и чтобы лучше понимать солдатъ братья и сестры стали учить употребительнѣйшія русскія слова.

Монахи разыскивали по опустошонному городу для раненыхъ всевозможные консервы, сласти, папиросы, посуду, бѣлье, одѣяла, матрацы и цыновки.

Такъ какъ по уставу монастыря ни братья, ни сестры не могутъ присутствовать при операціяхъ, то незамѣнимымъ помощникомъ нашихъ врачей при ихъ операціяхъ была добровольная сестра милосердія Люси Пюи-Мутрэйль. Пяти полковыхъ фельдшеровъ, которые всѣ были ранены и поправлялись, было конечно недостаточно для 200—300 раненыхъ и больныхъ, одновременно

Католическіе миссіонеры.

лежавшихъ въ госпиталѣ, хотя эти фельдшера были самыми усердными и исполнительными работниками. Остальные фельдшера были оставлены на бивакѣ для подачи первоначальной медицинской помощи.

По прибытіи въ Тяньцзинъ отряда генерала Стесселя, въ нашъ госпиталь поступила также сестра милосердія Анастасія Янченко, отличавшаяся своимъ трудолюбіемъ. Затѣмъ къ врачебному персоналу присоединилась добровольная сестра г-жа Воронова, супруга полковника Воронова, съ замѣчательною заботливостью ухаживавшая

за ранеными. Раненыхъ клали въ первомъ этажѣ (во второй этажъ залетали пули) и на террасѣ госпиталя, въ церкви и монастырскихъ каменныхъ флигеляхъ. Богослуженіе совершалось въ монастырской столовой. Церковь, женскій монастырь и госпиталь представляли одно общее учрежденіе, были выстроены рядомъ и обнесены одной каменной высокой оградой. Мужской монастырь Маристовъ былъ расположенъ черезъ улицу. Госпиталь непосредственно примыкалъ къ французскому консульству, которое выходило на рѣку Пэйхо.

Раненые и больные лежали на чистыхъ одѣялахъ и простыняхъ. Братья и сестры съ помощью китайской крещоной прислуги во всѣхъ помѣщеніяхъ поддерживали чистоту и безукоризненный порядокъ.

Нѣкоторые монахи очень любили нашихъ солдатъ, учились у нихъ русскому языку, старались бесѣдовать съ ними и, чтобы какъ-нибудь развлечь солдатиковъ, томившихся отъ болѣзней, ранъ и однообразія, показывали имъ картинки, какія могли достать въ полуразрушенномъ городѣ.

Однажды монахъ Фаустъ приходитъ ко мнѣ озабоченный и говоритъ:

— Mr. Dimitri, пойдемте къ одному вашему раненому—онъ все что-то проситъ. Я ему предлагалъ и конфетъ и папиросъ, но онъ все отказывается. Пойдемте и узнайте, что онъ хочетъ.

Такъ какъ я поправлялся и уже могъ ходить, то ковыляя пошолъ за монахомъ.

Это былъ совсѣмъ молоденькій несчастный солдатикъ, у котораго граната раздробила руку. Рука у него была отнята по плечо.

— Что тебѣ нужно, братецъ?

— Баринъ, они мнѣ каждый день все рисовую кашу съ мясомъ даютъ. Все рисъ да мясо. Даже тошно стало. И папиросы даютъ, да я не курю. Мнѣ бы только одну сардиночку—очень хочется, да они не понимаютъ.

Я взглянулъ на ласковое, почти дѣтское лицо солдатика, на его торчавшее плечо, обмотанное ватой и бинтами и мнѣ жалко стало этого ребенка, которому послѣ всѣхъ ужасовъ войны, подъ грохотъ пролетавшихъ гранатъ, такъ захотѣлось только одного, чтобы быть въ ту минуту счастливымъ—сардиночки.

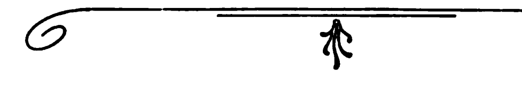
Монахъ принесъ ему цѣлую коробку сардинокъ.

Докторъ Куковѣровъ.

Русскій докторъ

Докторъ Куковѣровъ, про котораго друзья говорили, что хотя онъ „малъ ростомъ, но великъ способностями“, былъ во Франко-русскомъ госпиталѣ „нашимъ маленькимъ Пироговымъ“ и его равно цѣнили какъ русскіе, такъ и французы.

Окончивъ въ 1894 году Военно-Медицинскую Академію, Куковѣровъ служилъ въ Одесскомъ военномъ округѣ и работалъ въ Одессѣ подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля Турецкой кампаніи консультанта доктора Духновскаго. Въ 1899 году онъ былъ командированъ въ Квантунскую область на чуму. Когда начались военныя дѣйствія, онъ былъ назначенъ полевымъ хирургомъ въ отрядѣ генерала Стесселя и по прибытіи отряда въ Тяньцзинъ оперировалъ во Франко-русскомъ госпиталѣ.

И французскіе и русскіе врачи работали въ госпиталѣ съ одинаковымъ усердіемъ и самопожертвованіемъ, но Куковѣровъ поражалъ всѣхъ удивительной быстротой своей работы, неутомимостью и умѣніемъ приспособляться ко всякой обстановкѣ, при которой приходилось производить операціи и дѣлать перевязки. Своимъ хирургическимъ ножомъ онъ работалъ также быстро, мѣтко и увѣ-

ренно, какъ и искусный граверъ, и работа въ его рукахъ какъ всегда кипѣла.

Постоитъ онъ передъ захлороформированнымъ, неподвижнымъ солдатомъ, положеннымъ на столъ, обмытымъ и обнаженнымъ, подумаетъ, поломаетъ свою голову надъ тѣмъ, куда бы могъ засѣсть осколокъ гранаты, отъ котораго вздулось и посинѣло тѣло, пощупаетъ рану, перевернетъ тѣло, снова задумается, вдругъ всадитъ ножъ по самую рукоять и вынетъ осколокъ. Теплая кровь зальетъ рану. Куковѣровъ перевяжетъ артеріи, обмоетъ рану тампонами, съ материнской нѣжностью и ловкостью обвяжетъ и забинтуетъ раненаго и прикажетъ напоить его шампанскимъ.

10 іюня во время сраженія, ознаменованнаго соединеніемъ отряда Стесселя съ отрядомъ Анисимова, Куковѣровъ сдѣлалъ первую операцію въ открытомъ полѣ подъ огнемъ. При сильномъ вѣтрѣ, въ облакахъ носившейся пыли, онъ сдѣлалъ операцію подъ хлороформнымъ наркозомъ и перевязалъ бедреную артерію, чѣмъ было остановлено смертельное кровотеченіе. Здѣсь имъ были перевязаны русскіе и германцы. Какъ эти, такъ и другія операціи несмотря на самыя неблагопріятныя условія, окончились выздоровленіемъ раненыхъ.

Сестра милосердія Янченко.

Вступивъ въ нашъ соединенный госпиталь, Куковѣровъ въ первый же день сдѣлалъ нѣсколько неотложныхъ перевязокъ и 15 большихъ операцій подъ хлороформомъ.

Неотлучной помощницей Куковѣрова въ его работѣ была сестра Люси. Хотя она явилась въ госпиталь добровольной сестрой и никогда раньше не занималась перевязками, но она скоро освоилась со своимъ новымъ дѣломъ и относилась къ нему такъ ревностно, что Куковѣровъ безъ нея не производилъ ни одной операціи.

Другой его усердной помощницей была сестра Анастасія Янченко, Кіевской общины, прибывшая въ отрядѣ генерала Стесселя. Насколько опасно было ходить между госпитальными зданіями, можно судить изъ того, что платье у сестры Янченко было прострѣлено пулей, въ то время какъ она проходила по двору.

Шальныя китайскія пули носились всюду, залетали въ улицы, сады, дворы, окна и двери. Китайцы-христіане, которые въ числѣ около 2000 человѣкъ толпились загнанные и запуганные въ монастырскихъ флигеляхъ и подвалахъ, нерѣдко попадали подъ эти случайныя пули и осколки шрапнели. Ихъ тоже приходилось перевязывать, хотя врачи госпиталя едва поспѣвали перевязывать всѣхъ раненыхъ солдатъ.

Въ госпиталь приносили раненыхъ всякихъ національностей—русскихъ, французовъ, германцевъ, американцевъ, японцевъ и аннамитовъ.

Послѣ одной жестокой перестрѣлки на вокзалѣ въ нашъ госпиталь сразу принесли нѣсколько раненыхъ японцевъ. Между ними былъ тяжело раненый офицеръ, который сейчасъ же скончался.

Раненый китайскій ребенокъ (оторвана нога).

Для японцевъ отвели отдѣльное чистое зданіе. Выложили полъ цыновками, одѣялами, матрацами. Наши доктора сейчасъ же перевязали раненыхъ. Нѣкоторые изъ японцевъ казались совершенными мальчиками. Лица у нихъ отъ боли кривились въ мучительную гримасу. Они корчились, но геройски переносили боли и никто изъ нихъ не проронилъ ни вопля, ни стона. Только ихъ товарищи, которые ихъ принесли, сморщивъ брови и закусивъ губы, молча и угрюмо смотрѣли на своихъ раненыхъ земляковъ и старались услужить имъ, чѣмъ могли.

Японцы недолго держали своихъ раненыхъ въ нашемъ госпиталѣ, хотя ихъ собственный былъ еще не готовъ. Они очень ревниво относились къ тому, что раненые японцы пользовались пріютомъ чужой націи и уже на другой или на третій день заявили, что командиръ японскаго отряда очень благодаритъ за раненыхъ, но приказалъ перенести ихъ въ японскій госпиталь.

Аннамиты состояли военной прислугой при французскихъ Тонкинскихъ горныхъ батареяхъ, прибывшихъ въ Тяньцзинъ. Они носили странныя соломенныя шляпы, въ родѣ абажуровъ, съ какой то занавѣской отъ солнца на затылкѣ. Это были старательные тихіе

Японцы несутъ раненаго товарища.

солдаты, но они больше походили на женщинъ, чѣмъ на мущинъ, благодаря своимъ женственнымъ лицамъ, лишоннымъ всякой растительности у всѣхъ возрастовъ. Чорные волосы, закрученные въ косу, мягкое выраженіе узкихъ глазъ, мелкая и мягкая походка дѣлали ихъ еще болѣе женственными. Они съ трудомъ переносили раны, мучились больше всѣхъ и имъ трудно было помочь, такъ какъ никто въ госпиталѣ не зналъ ихъ языка.

Французы тоже плохо переносили раны и не умѣли скрывать своихъ страданій во время перевязокъ и операцій. Самыми крѣпкими и выносливыми были русскіе солдаты, которые переносили операціи иногда безъ хлороформа и только охали и кряхтѣли.

Англичане, американцы и германцы имѣли свой особый гос-

питаль, устроенный въ Гордонъ-Голлѣ. У насъ въ госпиталѣ лежалъ только одинъ бѣдный,. никому невѣдомый американецъ среднихъ лѣтъ, который былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову, въ то время какъ шолъ по улицѣ. Большею частью онъ былъ въ полусознаніи, туго поправлялся и отъ него мы могли только узнать, что онъ по своимъ комерческимъ дѣламъ недавно пріѣхалъ въ Тяньцзинъ, потерялъ своихъ товарищей, былъ раненъ на улицѣ и его соотечественники почему-то забыли о немъ и даже не приняли въ свой госпиталь, вѣроятно, за недостаткомъ мѣста.

Нѣсколько удачныхъ перевязокъ Куковѣрова поправили его.

Раненые американцы и японцы

Наши друзья-французы.

Среди друзей

Несчастія людей сближаютъ. Все время, пока существовалъ Франко-русскій соединенный госпиталь, что продолжалось ровно мѣсяцъ, отношенія между русскими и французскими врачами, между сестрами, монахами и ранеными разныхъ національностей были неизмѣнно дружественными, сердечными и доброжелательными. Ни одно облачко не омрачило этихъ отношеній и Франко-русскій госпиталь въ Тяньцзинѣ имѣетъ полное право быть названъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и отрадныхъ воспоминаній минувшей кампаніи.

Врачи обѣихъ націй, сестры и монахи наперерывъ старались услужить другъ другу и раненымъ и я не помню ни одной просьбы, которая не была бы исполнена, и ни одной услуги, которая не была бы оказана.

Къ 6 часамъ вечера, когда надъ городомъ затихала канонада, врачи, выздоравливающіе офицеры, сестра Люси и сестра Янченко по окончаніи работы въ операціонной, садились дружной компаніей обѣдать на верхней верандѣ госпиталя. Хотя стеклянныя стѣнки

веранды были подбиты пулями, но это было наиболѣе удобное мѣсто въ госпиталѣ, въ которомъ можно было передохнуть отъ грохота бомбардировки и криковъ и стоновъ раненыхъ.

Какъ весело было на нашей верандѣ, въ которую бились сочныя зеленыя вѣтви акацій, тополей и плюща, когда китайцы уставали стрѣлять и ихъ гранаты не пугали города! Шампанское, любезно доставленное французомъ Филиппо, шумѣло въ стаканахъ и давало поводъ компаніи лишній разъ провозгласить тостъ за франко-русскую дружбу и за защитниковъ Тяньцзина.

Когда французскій офицеръ въ тропическомъ шлемѣ, обтянутомъ синимъ чехломъ, въ легкомъ синемъ костюмѣ съ золотыми пуговицами и золотыми нашивками на плечахъ и рукавахъ, или русскій офицеръ съ загорѣлымъ запыленнымъ лицомъ, въ перепачканномъ кителѣ и большихъ измятыхъ сапогахъ, приходили къ намъ въ госпиталь съ позицій, прямо съ перестрѣлки, принося послѣднія боевыя новости,—мы сейчасъ же звали ихъ на веранду, усаживали за столъ и прежде всего требовали выпить за „alliance franco-russe“. Раздавались радостныя восклицанія „vive la France“, слѣдовали крѣпкія рукопожатія и пили „брудершафтъ“.

Сестра Люси учила русскія слова и однажды спросила нашихъ офицеровъ, какой самый любимый русскій романсъ, на что тѣ отвѣтили:

— Захочу полюблю—
Захочу разлюблю.

Узнавъ значеніе этихъ словъ, сестра Люси замѣтила:

— Это очень дурно, что русскіе такъ непостоянны въ своихъ чувствахъ.

Офицеры отвѣтили:

— Зато мы всегда искренни, а въ симпатіяхъ къ французамъ неизмѣнны.

Входитъ китаецъ-слуга, крещоный и выросшій при госпиталѣ, и на правильномъ французскомъ языкѣ докладываетъ:

— Г. докторъ, къ намъ принесли раненыхъ.

Доктора и сестры бросаютъ обѣдъ и идутъ въ операціонную.

Иногда заразъ приносили человѣкъ по десяти раненыхъ, въ самомъ ужасномъ видѣ. Тогда сразу на трехъ столахъ въ операціонной комнатѣ, служившихъ въ церкви козлами для гробовъ, начиналась дружная работа врачей.

Однажды къ намъ принесли пять французовъ, раненыхъ осколками одной шрапнели. Они разсказывали, что кучкой человѣкъ въ

десять шли въ городѣ по набережной за провизіей. Надъ ними разорвалась шрапнель. Ея осколками одинъ былъ смертельно раненъ въ горло, другой въ руку, третій въ ногу, четвертый убитъ въ грудь, у пятаго были накрестъ раздроблены рука и нога.

Этому пятому предстояла ампутація одновременно руки и ноги. Онъ то кричалъ, то весело разсказывалъ о своемъ несчастіи. Повидимому онъ былъ сильный алкоголикъ, такъ какъ продолжалъ подъ хлороформомъ что-то говорить и пѣть французскія пѣсенки. Куковѣровъ ампутировалъ ему обѣ конечности. Французъ долго болѣлъ, такъ какъ былъ малокровенъ. Потомъ онъ сталъ поправляться и благодаря тому, что былъ раненъ накрестъ, началъ даже ходить съ костылемъ.

Въ другой разъ къ намъ принесли совсѣмъ молодого мертваго французскаго солдата безъ затылка. Полъ—черепа и мозги были сорваны осколкомъ гранаты. Черепная чашка была точно вымыта, кости бѣлѣли, но красивое лицо француза было удивительно спокойно.

Въ госпиталѣ не было своихъ инструментовъ и поэтому врачи пользовались полковыми инструментами старой системы. Хирургическіе ножи скоро притупились отъ множества произведенныхъ ими операцій, но наточить ихъ было негдѣ и врачи даже не знали, гдѣ можно было бы найти мастера, во время бомбардировки. Куковѣровъ былъ въ отчаяньи. Китайцы усилили канонаду, гранаты ежеминутно гудѣли надъ городомъ и каждую минуту мы ожидали новыхъ раненыхъ. Узнавъ о затрудненіи нашихъ врачей, сестра Люси забрала ящикъ съ инструментами и объявила, что она не вернется до тѣхъ поръ, пока инструменты не будутъ отточены. Мы стали уговаривать ее не рисковать жизнью и переждать, когда выстрѣлы успокоятся, тѣмъ болѣе что едва ли можно было найти охотника точить инструменты въ такіе тяжолые часы.

— Наши раненые не могутъ ждать! — отвѣтила она и, не обращая никакого вниманія на наши увѣщанія, скрылась въ улицѣ, грохотавшей отъ гранатъ, разбивавшихъ стѣны и крыши.

Черезъ часъ томительнаго ожиданія сестра Люси вернулась въ госпиталь, цѣлая и невредимая, въ сопровожденіи храбраго итальянца парикмахера, который имѣлъ свою мастерскую на берегу Пэйхо, пробитую гранатами. Эта удивительная женщина не только разыскала итальянца въ опустѣвшемъ городѣ, но даже сумѣла уговорить его прибыть въ госпиталь подъ гремѣвшими выстрѣлами, чтобы наточить всѣ инструменты, во имя помощи раненымъ.

Франко-русскіе врачи, монахи, сестры, фельдшера и раненые солдаты.
Внизу: врачи Бенедиктовъ и Падлевскій.

Ночь. Въ госпиталѣ тишина. Огни всѣ потушены. Измученные раненые и утомленные врачи—всѣ спятъ. Только чорныя тѣни съ огоньками скользятъ между палатами—это монахи обходятъ раненыхъ и подаютъ кому воды, кому поправляютъ койку.

Подъ сводами храма темно, какъ въ пещерѣ. Керосиновая лампа прикручена и освѣщаетъ только столъ, лежащіе на немъ бинты, марлю, вату и воду. Весь каменный полъ храма застланъ цыновками и одѣялами. Всюду лежатъ раненые русскіе, французы, аннамиты и японцы. Нѣтъ больше мѣста для другихъ раненыхъ. Кто можетъ—спитъ. Изъ ослабѣвшей страдальческой груди срывается стонъ и теряется во мракѣ и вышинѣ храма.

Въ саду тихо. Только слышенъ трепетъ листьевъ акаціи или плюща. Иногда шелеститъ и звенитъ залетѣвшая шальная пуля китайца. По временамъ доносится монотонное жужжаніе, точно похоронное пѣніе. Такъ молятся китайцы-христіане, которые сотнями собраны въ сосѣднихъ подвалахъ и флигеляхъ, мущины отдѣльно отъ женщинъ. Стоя на колѣняхъ или лежа плашмя на жосткомъ холодномъ полу въ грубой и бѣдной одеждѣ старики, старухи и дѣти, покорные волѣ Небеснаго Владыки, молятся только о томъ, чтобы Онъ далъ имъ умереть вмѣстѣ съ ихъ учителями христіанами и всѣхъ ихъ переселилъ въ Свое блаженное небо.

Неистовый крикъ заставилъ всѣхъ спавшихъ въ госпиталѣ встрепенуться. Кто-то кричалъ отчаянно, упорно, изо всѣхъ силъ.

Докторъ Куковѣровъ, спавшій какъ и всѣ врачи полуодѣтый, вскочилъ съ постели, захватилъ пузырекъ съ морфіемъ и побѣжалъ на крикъ.

Кричалъ одинъ несчастный солдатъ, которому недавно ампутировали всю ногу. Въ тотъ день его перевязывали и дали выпить стакана два шампанскаго, такъ какъ онъ былъ очень малокровенъ и худосоченъ. Вѣроятно страданія и вино подѣйствовали на его разсудокъ и онъ сталъ орать какъ помѣшаный, выпяливъ глаза и довольный, что его крикъ привелъ къ нему его мучителя—доктора, сестру Люси и монаховъ и произвелъ такой переполохъ. Чѣмъ больше его успокаивали, тѣмъ сильнѣе онъ кричалъ и разбудилъ всѣхъ раненыхъ.

Куковѣровъ вспрыснулъ ему въ бокъ морфія, но солдатъ не успокаивался. Докторъ разсердился и ушолъ со словами:

— Да пусть себѣ кричитъ. Когда охрипнетъ—перестанетъ.

Всѣ ушли. Тяжело было слышать рѣзкій безумный безостано-

вочный крикъ. Въ комнатѣ у солдата осталась только сестра Люси. Она сѣла на кровать, обняла голову безногаго солдата и начала успокаивать его пофранцузски. Затѣмъ она стала повторять тѣ немногія русскія слова, которыя знала:

— Да? Нѣтъ? Хорошо! хорошо! Папа! Мама!

Дикій солдатъ, можетъ быть никогда еще не знавшій ни одного женскаго привѣта, заслушался этихъ волшебныхъ словъ, которыя вѣяли на него чѣмъ то роднымъ и знакомымъ, глядѣлъ въ упоръ своими сумашедшими глазами на добрыя глаза сестры, успокоился, замолкъ и уснулъ.

Женская ласка оказалась сильнѣе морфія. Дикость русскаго солдата сдалась передъ нѣжностью изысканной парижанки, которая была быть можетъ первой и послѣдней женщиной, приласкавшей безногаго.

Тяньцзинъ.
(Видъ съ Китайскаго форта).

Мѣткія гранаты

Когда пули стали слишкомъ часто попадать въ стѣны и окна госпиталя и на стеклянной верандѣ, гдѣ мы обѣдали, было побито нѣсколько стеколъ, такъ что опасно было оставаться во второмъ этажѣ,—мы перебрались въ первый этажъ, гдѣ спали и обѣдали. Наверху продолжали жить обѣ безстрашныя сестры Люси и Янченко, признававшія судьбу и не признававшія ни китайскихъ пуль, ни китайцевъ.

Въ воскресенье 25 іюня, около 11 час. утра, когда врачи сидѣли въ одной изъ нижнихъ комнатъ за завтракомъ, я поднялся наверхъ на веранду, чтобы найти свой тропическій шлемъ.

Въ этотъ день китайцы усилили канонаду по французской концессіи и нѣсколько гранатъ прожужжали надъ госпиталемъ. Наверху непріятно было оставаться. На стѣнахъ и на полу видны были зазубрины отъ пуль, пробившихъ окна и залетѣвшихъ въ комнаты.

Не найдя шлема, я поспѣшилъ спуститься внизъ на крыльцо, выходившее на дворъ, но услышалъ взрывъ и почувствовалъ сотрясеніе воздуха. Что-то на меня сверху посыпалось и попадало. Я естественно схватился за голову.

Прислуга, монахини и врачи повыскакали изъ госпиталя. Всѣ были въ переполохѣ:

— Что случилось? Куда попало? — воскликнули на разныхъ языкахъ.

Китайскій снарядъ попалъ въ одну изъ комнатъ второго этажа. Изъ пробоины выбивались клубы дыма.

Мичманъ Глазенапъ, бывшій случайно въ госпиталѣ, и другіе болѣе храбрые мущины бросились наверхъ, чтобы узнать, что горитъ. Желая быть храбрымъ, я тоже поднялся вслѣдъ за другими. Граната пробила подрядъ три комнаты. Въ третьей изъ нихъ гра-

ната разорвалась. Осколки стали и кирпича поломали и разрушили все что было по пути: желѣзныя постели, умывальники, шкапы, зеркала, двери, пробили полъ третьей комнаты, проникли въ нижній этажъ и на веранду. Всѣ комнаты были наполнены удушливыми сѣрнистыми газами. Къ счастью ничто не горѣло. Все было покрыто сѣрою пылью. Подъ обломками я, наконецъ, нашолъ мой пробковый шлемъ, который прекрасно выдержалъ дѣйствіе китайской гранаты.

Мы знали, что китайцы любили стрѣлять по одному направленію и со страхомъ ждали второй гранаты. Она не замедлила и ударила во второй этажъ дома монахинь, въ ихъ спальню.

Мы бросились къ монахинямъ. Третій ударъ былъ еще ниже и ближе. Граната залетѣла въ кладовую съ припасами и разорвалась въ монастырской столовой. Изъ открытыхъ оконъ валилъ дымъ.

Монахи и монахини въ ужасѣ и отчаяніи столпились на крыльцѣ, не зная что дѣлать, и ждали каждую секунду новаго удара. Кто застылъ какъ былъ, кто крестился, кто крѣпко уцѣпился обѣими руками за сосѣда. Старшая монахиня плакала и кричала:

— Боже мой! Боже мой! Въ нашей столовой стоятъ Святые Дары! Спасите ихъ кто-нибудь! Мы не можемъ допустить, чтобы они были разрушены...

Но у кого хватитъ мужества идти навстрѣчу четвертой гранатѣ?.. Да имѣетъ ли право простой смертный прикоснуться къ этой святынѣ?..

Пока эти мысли мелькали въ моей головѣ, Глазенапъ, недолго думая, бросился въ облака дыма и газовъ, наполнившихъ столовую, и вынесъ дарохранительницу, которая была сейчасъ же принята монахами и унесена въ ихъ монастырь.

Четвертая граната ударилась о крышу операціонной комнаты и разорвавшись разбила уголъ комнаты, въ которой Куковѣровъ и другіе врачи дѣлали перевязки солдатамъ. Всѣ вздрогнули, но никто не бросилъ своей работы. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ и продолжали перевязки.

Осколки снарядовъ пробили два госпитальныхъ флигеля. Раненые были осыпаны пылью и обломками кирпича и только чудомъ спаслись отъ смерти или увѣчья.

Ни одна изъ монахинь не находилась въ своей спальнѣ въ то время, когда тамъ рвались гранаты. Только сестра Іоанна, утомившись отъ ночного дежурства, прилегла заснуть. Лишь только она встала и спустилась по лѣстницѣ, осколокъ разорвавшейся гранаты разбилъ ея постель.

Еще одна граната прогудѣла надъ нами, но она только скользнула по куполу храма. Слѣдующій снарядъ пролетѣлъ еще дальше. Слава Богу! китайцы перемѣнили направленіе.

Мы, наконецъ, могли перевести духъ. Спальня, кладовая и столовая монахинь были завалены обломками, осколками, пылью и охвачены дымомъ, но огня, къ счастью, нигдѣ не было. Никто не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

Всѣ врачи были настолько удручены этимъ событіемъ, что рѣшили немедленно перенести госпиталь въ другое зданіе, въ мѣсто, болѣе удаленное отъ китайскихъ выстрѣловъ. Узнавъ о намѣреніи врачей, М. Д. Батуевъ самъ явился къ нимъ на помощь и немедленно предложилъ свой домъ и всѣ свои флигеля подъ госпиталь. Его дома были расположены на англійской концессіи въ одной верстѣ отъ Франко-русскаго госпиталя.

Всѣ поблагодарили Батуева, и на другой же день вечеромъ раненые были перенесены на новое мѣсто. Врачи поселились вмѣстѣ съ ранеными, а монахи и монахини ежедневно приходили къ нимъ, ухаживали за ними и приносили пищу, которая попрежнему готовилась въ монастырской кухнѣ.

Въ госпиталѣ осталось только нѣсколько тяжелораненыхъ, на выздоровленіе которыхъ не было никакой надежды.

Перерывъ

Послѣ взятія союзными силами Восточнаго арсенала, въ военныхъ дѣйствіяхъ вокругъ Тяньцзина наступилъ нѣкоторый перерывъ.

Китайцы продолжали обстрѣливать нашъ бивакъ, вокзалъ и концессіи. Союзники отвѣчали отдѣльными вылазками, развѣдками и нападеніями, но это были случайныя дѣйствія безъ общаго опредѣленнаго плана и связи. Ежедневно въ Тяньцзинъ прибывали новые международные отряды, новые запасы оружія и продовольствія и въ Тяньцзинѣ уже были собраны значительныя союзныя силы.

Врачъ Віолинъ.

Всѣ наши войска расположились лагеремъ внѣ города, частью были на заставахъ, а часть ихъ охраняла Восточный арсеналъ. Насколько опасно было сообщеніе между отдѣльными нашими частями показываетъ случай съ врачомъ 9-го полка Віолинымъ, который 19-го іюня съ фельдшеромъ и двумя стрѣлками шолъ изъ лагеря въ городъ. Изъ китайскихъ домиковъ, бывшихъ по пути, въ нихъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Одной пулей докторъ былъ раненъ въ ногу на вылетъ. Кость была прострѣлена.

20-го іюня 6 орудій нашей 2-й батареи открыли огонь по китайской батареѣ, вновь выстроенной китайцами у Лутайскаго моста. Китайцы отвѣчали изъ 6 дальнобойныхъ 97 мил. орудій.

Чтобы очистить китайскую деревню Гаочэнъ, расположенную передъ вокзаломъ и своими выстрѣлами тревожившую наши заставы и патрули, капитанъ 10-го полка Ярославъ Горскій съ 7-й ротой сдѣлалъ свой поискъ. Китайскіе солдаты, скрывавшіеся въ деревнѣ, встрѣтили ихъ пулями, но деревню бросили. Въ 7-ой ротѣ 10 стрѣлковъ было ранено, 2 убито. На нашей батареѣ было ранено 6 артиллеристовъ. 1 наше орудіе подбито.

Чтобы поддержать насъ, японцы поставили на вокзалѣ 4 орудія. Возлѣ нихъ стало 1 англійское 12-ти фунтовое орудіе и 1 французское. Всѣ орудія стали обстрѣливать китайскую батарею. У

Перевозка раненыхъ по Пэйхо.

японцевъ убитъ одинъ офицеръ, убито и ранено 25 солдатъ. У англичанъ подбито орудіе и ранено 2. У французовъ ранено 3.

21 іюня изъ Франко-русскаго госпиталя былъ отправленъ подъ надзоромъ врачей первый транспортъ русскихъ и французскихъ раненыхъ солдатъ, которыхъ повезли въ баржахъ по рѣкѣ Пэйхо до Тонку. Оттуда русскіе раненые доставлялись на пароходахъ въ Портъ-Артуръ.

Сколько радости было у тѣхъ солдатъ, которыхъ, наконецъ, увозили изъ Тяньцзина отъ этихъ пуль, гранатъ, операціонныхъ столовъ и страданій, и сколько зависти у остающихся!

Чтобы обезопасить западный фасъ концессій, наши союзники поставили на городскомъ валу 6 англійскихъ 12-фунтовыхъ, 6 французскихъ полевыхъ мелинитовыхъ и 6 японскихъ орудій.

Между всѣми русскими, союзными и китайскими батареями ежедневно происходило артиллерійское состязаніе. Въ союзные госпиталя каждый день приносили раненыхъ.

22 іюня командиръ 10-го полка полковникъ Антюковъ произвелъ усиленную рекогносцировку китайской позиціи на Лутайскомъ каналѣ. Подъ его командою было 373 штыка (6-ая рота 9-го полка и 5-ая рота 10-го полка), капитанъ Санниковъ съ саперами, 8 орудій 2-ой батареи и 40 казаковъ Ловцова. 8 орудій капитана Громова имѣли дѣло съ 16 китайскими орудіями, разставленными вдоль канала, и вызвавъ ихъ на бой, открыли ихъ расположеніе. Потеряли 2 стрѣлковъ.

23-го іюня произошло славное дѣло смѣлаго мичмана Глазенапа, 6 матросовъ и 17 хлѣбопековъ. Въ этотъ день на крайней заставѣ, охранявшей французскую концессію со стороны китайскаго города, находилась одна наша морская пушка, при ней 6 нашихъ матросовъ и около 30 французовъ. Подъ прикрытіемъ барикады изъ тюковъ хлопка, французы и русскіе наблюдали за противоположнымъ берегомъ Пэйхо, гдѣ, прячась за бунтами соли, китайцы выслѣживали нашихъ часовыхъ и то и дѣло стрѣляли по нимъ. Кромѣ того застава наблюдала за полуобгорѣвшимъ, полуразрушеннымъ китайскимъ городомъ, который далеко тянулся по обоимъ берегамъ рѣки. Какъ истинные союзники, русскіе матросы и французскіе солдаты пріятельски бесѣдовали, показывали и объясняли свои ружья и угощали другъ друга хлѣбомъ, сухарями и водой. Во время бесѣды неожиданно упалъ одинъ французъ, раненый выстрѣломъ. Въ китайскомъ городѣ показались густые ряды китайскихъ солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, которые смѣло шли по берегу и, повидимому, хотѣли ворваться на французскую концессію. Всѣ французы бросились въ свои казармы, чтобы дать знать объ опасности. При нашемъ орудіи остался только комендоръ Зубаревъ и 6 матросовъ.

Наши матросы не струхнули. Сейчасъ же навели пушку по китайцамъ и встрѣтили ихъ ядрами. Китайцы продолжали надвигаться и отвѣчали ружейнымъ огнемъ. Начальникъ заставы мичманъ Глазенапъ, который находился въ сосѣднемъ домѣ, услышавъ выстрѣлы и узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ выдвинуть противъ китайцевъ еще одно морское десантное орудіе и послать за полковыми хлѣбопеками, которые пекли хлѣбъ для русскаго отряда и были единственной русской подмогой въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Завѣдующій хлѣбопекарней поручикъ тотчасъ поскакалъ въ нашъ

Мичманъ Глазенапъ.

лагерь съ донесеніемъ о томъ, что его хлѣбопекарня и весь Тяньцзинъ въ величайшей опасности.

17 хлѣбопековъ, бросивъ тѣсто и муку, схватили винтовки и побѣжали на заставу. Здѣсь уже геройствовалъ Глазенапъ. Одно орудіе онъ направилъ вдоль рѣки, другое повернулъ въ улицу. Граната за гранатой вылетали изъ нашихъ пушекъ. Выѣхало на берегъ одно китайское орудіе, но прежде чѣмъ оно успѣло произвести выстрѣлъ, Глазенапъ встрѣтилъ китайскую прислугу при орудіи такой шрапнелью, что орудіе поспѣшно удалилось. Прибѣжали 10 японцевъ и вмѣстѣ съ нашими хлѣбопеками стали усердно стрѣлять изъ ружей. Вернулись французы съ офицеромъ и тоже начали стрѣлять. Китайцы все высыпали впередъ, но попали подъ такой дружный и мѣткій огонь русскихъ, японцевъ и французовъ, которыхъ поддержалъ американскій пулеметъ, что раздумали, повернули и ушли въ китайскій городъ. Скоро изъ лагеря пришла на помощь одна рота 12-го полка, но китайцы уже отступили. Въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ у насъ было ранено 3 матроса и 1 хлѣбопекъ.

Но китайцы на этомъ не успокоились. Одинъ китайскій офицеръ поразилъ своей безумной смѣлостью. Верхомъ на лошади, съ нѣсколькими китайскими солдатами онъ незамѣтно прокрался между соляными бунтами и наскочилъ на русскихъ стрѣлковъ, стоявшихъ часовыми у моста. Наши матросы, бывшіе по сю сторону рѣки, увидавъ китайцевъ, сейчасъ же бросились выручать товарищей. Китайскій офицеръ, имѣвшій парадную кофту и шляпу съ павлиньимъ перомъ, и всѣ его вѣрные солдаты были убиты пулями. Хотѣлъ ли этотъ отважный офицеръ поджечь мостъ, соединявшій вокзалъ съ концессіями; хотѣлъ ли онъ уничтожить заставу или узнать численность и расположеніе нашихъ заставъ—неизвѣстно.

Въ самое тяжолое время осады, съ 4-го по 12 іюня, нашъ отрядъ понесъ слѣдующія потери:

12-ый полкъ—убито 4 офицера, ранено 7, убито 33 солдата, ранено 117.

9-ый полкъ—убито 17 солдатъ, ранено 43.

2-ая батарея—ранено 19 солдатъ, убито 5 лошадей, ранено 19.

6-ая сотня—ранено 2 офицера, убито 6 казаковъ, ранено 9, убито 5 лошадей, ранено 7.

Ранено 2 сапера.

Съ 12 по 24 іюня потери русскаго отряда были слѣдующія.

Въ разныхъ частяхъ убито 9 нижнихъ чиновъ, ранено 98: Ранено 2 врача. Убитъ 1 офицеръ: подпоручикъ Гусевъ 5-го Вост. Сиб. стрѣлк. полка, прикомандированный къ Читинскому казачьему полку и смертельно раненый 21 іюня при рекогносцировкѣ китайскихъ укрѣпленій на правомъ берегу Пэйхо, въ 25 верстахъ отъ Таку, въ перестрѣлкѣ съ китайцами.

Подпоручикъ Поповъ 12-го полка, который былъ тяжело раненъ въ горло на вылетъ, долгое время былъ между жизнью и смертью, но къ счастью поправился.

Домой—на родину.

Прiѣздъ адмирала Алексѣева

Прибывъ изъ Портъ-Артура на броненосцѣ „Петропавловскъ“, 24-го iюня, въ 6 ч. утра, вице-адмиралъ Алексѣевъ покинулъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ Тонку и выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинъ. Машинистами были тогда американцы. Общее завѣдыванiе дорогой принадлежало подполковнику Самойлову, подъ чьимъ наблюденiемъ рота желѣзнодорожнаго батальона исправила 30 верстъ пути въ 12 дней. Работать приходилось подъ огнемъ непрiятельскихъ орудiй. Къ 1-му iюля Тяньцзинская дорога была исправлена на всемъ протяженiи и перешла въ распоряженiе русскихъ.

Американцы первые начали исправленiе линiи, разрушенной боксерами, и распоряжались также подвижнымъ составомъ. Такъ какъ возстановленiе пути продолжали русскiе, то завѣдыванiе дорогой постепенно перешло къ намъ.

Такое положенiе вещей было закрѣплено адмираломъ Алексѣевымъ. По его приказанiю, полковникъ Вогакъ вошолъ въ соглашенiе объ окончательной передачѣ линiи съ командиромъ американскаго судна „Монокаси“, завѣдывавшимъ линiей. Впослѣдствiе это соглашенiе о передачѣ желѣзной дороги въ вѣдѣнiе Россiи было подтверждено всѣми адмиралами союзной эскадры.

Когда прибыли къ станцiи Цзюньлянчэнъ, находящейся на полпути между Тонку и Тяньцзиномъ, адмиралъ вышелъ изъ поѣзда, чтобы осмотрѣть франко-русскую заставу, которая охраняла мостъ. При заставѣ находился французскiй офицеръ съ 10 матросами и 2 скорострѣльными орудiями.

Такъ какъ начиная отъ Цзюньлянчэна далѣе путь еще не былъ въ исправности, то адмиралъ Алексѣевъ и свита пересѣли на коней. Впередъ были высланы дозоры. Восемь верстъ было сдѣлано верхомъ. Въ этой части пути легко было подвергнуться нападенiю китайскихъ регулярныхъ войскъ. Поэтому отрядъ охранялся

конвоемъ казаковъ и вдоль всей желѣзной дороги поставлены были посты отъ 10-го В.-С. Стрѣлковаго полка. По пути встрѣтились французскія и японскія войска, шедшія въ Тяньцзинъ. Наконецъ, послѣ 8 верстъ пути, желѣзная дорога оказалась снова въ порядкѣ. Былъ поданъ поѣздъ съ платформами. Адмиралъ и свита сѣли въ поѣздъ. Казаки на лошадяхъ поскакали рядомъ съ поѣздомъ, который шолъ малымъ ходомъ. Несмотря на походъ, казацкія лошади были точно выхолены и прекрасно держались поѣзда. Наконецъ, около 12 ч. дня поѣздъ подошолъ къ русскому лагерю, расположившемуся между Тяньцзиномъ и Восточнымъ, нынѣ Русскимъ арсеналомъ.

Адмиралъ былъ встрѣченъ начальникомъ Печилійскаго отряда генераломъ Стесселемъ со штабомъ и сейчасъ-же объѣхалъ весь лагерь. Войска выстроились у своихъ стоянокъ. Адмиралъ здоровался отдѣльно съ каждою частью, благодарилъ офицеровъ и солдатъ за вѣрную службу и передалъ содержаніе Высочайшей телеграммы: Государь Императоръ, соболѣзнуя о потеряхъ, радуется успѣхамъ русскихъ войскъ, которыя остались вѣрны своимъ преданіямъ и своей храбрости. Адмиралъ особенно благодарилъ 12-й Вост.-Сиб. Стрѣлковый полкъ, которому первому пришлось вынести на себѣ осаду Тяньцзина.

Затѣмъ генералъ Стессель предложилъ гостямъ спартанскій завтракъ, состоявшій изъ чая, огурцовъ и чорнаго хлѣба. Послѣ завтрака адмиралъ перешолъ въ свою палатку, уютно, насколько было возможно, обставленную заботливостью офицеровъ. Палатка была убрана трофеями изъ взятаго нами Восточнаго арсенала. Въ тотъ-же день 24-го іюня вечеромъ, адмиралъ, въ сопровожденіи штаба и конвоя, сдѣлалъ визитъ вице-адмиралу Сеймуру, который отвѣтилъ визитомъ на другой день.

Кромѣ того адмиралъ сдѣлалъ визитъ французскому консулу графу Дюшэйляру, который оказался истиннымъ другомъ русскихъ и съ первыхъ же дней прибытія русскаго отряда оказалъ ему цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ услугъ.

Адмиралу не замедлилъ сдѣлать визитъ начальникъ японскаго экспедиціоннаго отряда генералъ-маіоръ Фукушима, которому адмиралъ отвѣтилъ визитомъ на другой день. Остальные начальники отрядовъ также являлись въ разное время.

Адмиралъ Алексѣевъ установилъ самыя дружественныя отношенія съ японскими командирами, которые встрѣчали полное содѣйствіе со стороны русскихъ и неоднократно являлись къ рус-

скому адмиралу для военныхъ совѣщаній. Весьма характерно то, что вскорѣ послѣ пріѣзда адмирала Алексѣева англійскій адмиралъ Сеймуръ пожелалъ вернуться на свою эскадру, и общее руководство военными дѣйствіями союзниковъ естественно и окончательно перешло къ русскому адмиралу.

До прибытія адмирала Алексѣева, Тяньцзинъ уже три недѣли, съ перерывами въ нѣсколько дней, бомбардировался китайцами. Всѣ европейскіе отряды несли большія потери. Болѣе всего пострадали русскія войска. Около 200 раненыхъ русскихъ лежало уже во Франко-русскомъ госпиталѣ. А между тѣмъ по полученнымъ свѣдѣніямъ, китайскія войска прибывали. Изъ Шанхайгуаня пришолъ отрядъ китайскихъ войскъ генерала Сунъ Цина, въ которомъ насчитывалось, какъ говорили, около 5,000 человѣкъ. Съ войсками генерала Нѣ это составляло 10,000.

Между тѣмъ, у европейскихъ отрядовъ не было ни общаго руководителя, ни общаго плана дѣйствій. Всѣ начальники были согласны въ томъ, что нужно какъ можно скорѣе освободить Тяньцзинъ и выручить посланниковъ въ Пекинѣ, но какъ повести это дѣло, что предпринять прежде всего, какъ атаковать китайскіе форты и полевыя батареи и какъ прогнать китайскія войска и боксеровъ—подобные вопросы висѣли въ раскаленномъ тяньцзинскомъ воздухѣ безъ разрѣшенія.

Всѣ иностранцы были одного мнѣнія, что возможно скорѣе всѣ европейскія и японскія войска должны быть объединены подъ однимъ общимъ руководствомъ для согласныхъ дѣйствій, такъ какъ продолжающееся разногласіе можетъ имѣть весьма печальный исходъ. Отдѣльныя европейскія военныя части выходили въ честной бой, ради отваги, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ иностранцами и показать свою храбрость. Такимъ полемъ, на которомъ испытывались союзныя силы, была главнымъ образомъ равнина передъ вокзаломъ, все время находившаяся подъ жестокимъ огнемъ пуль и гранатъ.

Насколько было неудобно отсутствіе единой руководящей власти—видно изъ слѣдующаго случая. Со времени прибытія европейскихъ отрядовъ въ Тяньцзинъ, начальники ихъ дѣйствовали вначалѣ сообща съ консулами. Англійскій консулъ, вмѣшиваясь во всѣ дѣйствія военныхъ, воспротивился тому, чтобы европейцы бомбардировали китайскій городъ, въ то время какъ китайцы изъ своего города открыли правильную и упорную канонаду по европейскимъ концессіямъ. Такъ продолжалось съ 4 по 9 іюня. Китайцы бом-

Адмиралъ Алексѣевъ и его полевой штабъ въ 1900 г

бардировали насъ, а мы стрѣляли только по китайскимъ полевымъ батареямъ. Такой странный протестъ англійскаго консула объяснялся очень просто: если европейцы будутъ бомбардировать весь китайскій городъ, то китайцы разбѣгутся и англійскіе комерсанты потеряютъ всѣхъ своихъ должниковъ, компаніоновъ и кліентовъ и потерпятъ громадные убытки. Такое важное соображеніе побуждало, конечно, возможно гуманнѣе относиться къ англійскимъ комерсантамъ и ихъ кліентамъ—китайцамъ. Наконецъ, 9-го іюня, по предложенію начальника французскаго отряда было рѣшено, что всѣ дальнѣйшія военныя дѣйствія предпринимаются и приводятся въ исполненіе безъ участія европейскихъ консуловъ.

Когда прошло острое время осады, англичане начали снова высказывать обычное недовѣріе къ русскимъ, ни въ чемъ не желая намъ содѣйствовать. Два раза, когда начальникъ русскаго отряда Стессель приглашалъ англичанъ принять участіе въ общей атакѣ на китайскія батареи, англичане и соблазненные ими американцы отказались подъ разными предлогами. Дѣло тянулось и наши войска и концессіи продолжали страдать отъ непріятельскаго огня.

Поэтому прибытіе въ Тяньцзинъ адмирала Алексѣева было единодушно и искренно привѣтствовано не одними русскими, но всѣми европейцами. Всѣ были увѣрены, что отнынѣ союзные отряды дружно примутся за дѣло и подъ командованіемъ одного лица скорѣе и успѣшнѣе добьются цѣли освободить городъ. Всѣ ожидали, что отнынѣ взаимное недовѣріе и разныя недоразумѣнія будутъ устранены и начальники иностранныхъ отрядовъ поймутъ, наконецъ, что безъ системы и единодушнаго образа дѣйствій союзники здѣсь ничего не достигнутъ.

Дальнѣйшія событія не замедлили оправдать общія ожиданія.

Русскіе уже оказали неоцѣненную услугу союзникамъ, когда за 6 дней до начала бомбардировки и военныхъ дѣйствій перебросили въ Тяньцзинъ цѣликомъ 12-й полкъ и полубатарею. Русскіе солдаты и офицеры съ честью выполнили возложенное на нихъ тяжкое испытаніе и кровью отстояли Тяньцзинъ и его колонію, за что—по выраженію одной англійской газеты въ Шанхаѣ—заслужили „золотые отзывы“ о себѣ.

Затѣмъ русскіе, германцы, англичане и американцы, подъ общимъ начальствомъ генерала Стесселя, пробиваются къ осажденному Тяньцзину и выручаютъ отрядъ Анисимова.

Черезъ нѣсколько дней русскіе и союзники, подъ начальствомъ

полковника Ширинскаго, выручаютъ отрядъ адмирала Сеймура, осажденный въ арсеналѣ Сику.

Съ прибытіемъ адмирала Алексѣева въ Тяньцзинъ, согласно старшинству и особенной авторитетности личности русскаго адмирала, къ нему перешло общее руководство союзными войсками, которыхъ къ тому времени въ Тяньцзинѣ насчитывалось около 13,000. Къ русскимъ тѣмъ самымъ перешла честь быть во главѣ союзнаго дѣла восьми державъ, которое къ тому времени уже начало было идти въ разбродъ.

Послѣ того какъ адмиралъ Алексѣевъ переговорилъ лично съ командирами главнѣйшихъ отрядовъ, дальнѣйшіе переговоры, по указаніямъ адмирала, велъ съ разными союзными военноначальниками состоящій при немъ дипломатическій чиновникъ И. Я. Коростовецъ, который для этой цѣли видѣлся какъ съ начальниками международныхъ отрядовъ, такъ и съ другими лицами, бесѣда съ коими могла содѣйствовать успѣху общаго дѣла.

Большую пользу общимъ дѣйствіямъ союзниковъ принесло искусное участіе нашего военнаго агента полковника Вогака. Знаніе имъ мѣстныхъ условій и популярность среди иностранцевъ чрезвычайно облегчили ему роль посредника въ сношеніяхъ нашихъ съ союзниками.

На первыхъ же порахъ выяснилось, что наши союзники-французы и нѣмцы солидарны съ русскими и желаютъ дѣйствовать съ нами сообща во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Англичане, американцы и японцы, настраиваемые англичанами, относятся съ недовѣріемъ къ русскимъ, не хотятъ и боятся русскаго главенства и держатся въ сторонѣ отъ принимаемыхъ русскими военныхъ дѣйствій.

Предстояла трудная дипломатическая задача: разсѣять недовѣріе къ русскимъ, доказать, что русскій адмиралъ не ищетъ главенства и командованія союзными войсками, но—въ интересахъ самихъ-же союзниковъ, желаетъ примирить и согласовать несоюзныя и недружныя дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, безъ чего будутъ только тратиться общія силы и время, а осада въ Тяньцзинѣ никогда не будетъ снята, безъ чего въ свою очередь не будетъ возможности начать походъ на Пекинъ.

Японцы (генералъ Фукушима, полковникъ Аоки) вполнѣ соглашались, что союзники должны дѣйствовать сообща и по одному общему выработанному плану. Но ихъ затруднялъ вопросъ объ общемъ командованіи. Посланникъ Като также находилъ, что сохраненіе согласія между союзниками является непремѣннымъ усло-

віемъ успѣшности ихъ дѣйствій, но что касается похода на Пекинъ, то онъ полагалъ, что для этой цѣли необходимо имѣть армію не менѣе какъ въ 25 тысячъ человѣкъ. Вообще онъ склонялся на сторону русскаго предложенія. Като долженъ былъ замѣнить японскаго посланника въ Пекинѣ, котораго считали погибшимъ.

Благоразумные японцы скоро согласились съ доводами русскихъ: они только настаивали на необходимости сохранить самостоятельное командованіе въ каждомъ отдѣльномъ международномъ отрядѣ, на что русскіе и не претендовали.

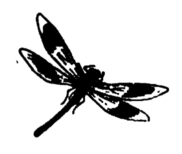
Потребовалось не мало усилій, чтобы убѣдить недовѣрчивыхъ англичанъ въ томъ, что отъ направленія дѣйствій всѣхъ союзныхъ отрядовъ къ одной общей цѣли, по инціативѣ русскаго адмирала, престижъ другихъ союзныхъ командировъ нисколько не пострадаетъ и за ними сохранится полная независимость командованія въ предѣлахъ предоставленнаго имъ раіона. Интересы же всѣхъ союзниковъ (а особенно торговые интересы самихъ-же англичанъ и американцевъ) настоятельно требуютъ, чтобы безотлагательно была сдѣлана рѣшительная атака на китайскія войска, которыя стали уже получать подкрѣпленія съ сѣвера. Кромѣ того приближался періодъ дождей, что также могло задержать и даже пріостановить военныя дѣйствія. Нерѣшительность же союзниковъ дѣйствовала только ободряюще на китайскихъ солдатъ и боксеровъ, возстаніе которыхъ разгорѣлось уже по всему Сѣверному Китаю и могло перейти въ Южный. Но англичане всетаки не сдавались на русскія увѣщанія.

Благоразуміе, тактъ и авторитетъ русскаго адмирала, въ связи съ любезнымъ вниманіемъ, постоянно оказываемымъ имъ всѣмъ союзникамъ, несомнѣнно содѣйствовали успѣху переговоровъ.

Дѣлу помогли также японцы. Удача переговоровъ между русскими и японцами повліяла на неуступчивость англичанъ, которые, наконецъ, согласились принять участіе въ международной атакѣ на китайскія войска, назначенной въ ночь съ 27 на 28 іюня.

Тактическія подробности этого сраженія были разсмотрѣны союзными командирами и начальниками ихъ штабовъ въ полевомъ штабѣ адмирала Алексѣева, совмѣстно съ начальникомъ штаба полковникомъ Флугомъ.

За каждымъ отрядомъ сохранялось самостоятельное командованіе.

Разгромъ Тяньцзина.

Разгромъ

Пробывъ подъ ласковымъ кровомъ Франко-русскаго госпиталя три недѣли, я совершенно поправился отъ моего неожиданнаго столкновенія съ китайской, вѣрнѣе съ германской шрапнелью, отъ которой я отдѣлался такъ счастливо. Напутствуемый благословеніями и пожеланіями добрыхъ монахинь, весьма сожалѣвшихъ, что онѣ не успѣли обратить меня въ лоно своей спасительной вѣры, я перебрался въ гостиницу Astor-House.

Я не узналъ красиваго и щегольского Тяньцзина. Ни одно зданіе, ни одна вилла европейцевъ не была пощажена гранатою или огнемъ. Стѣны, крыши, окна, ограды—все было пробито или изсѣчено осколками снарядовъ, которые—какъ видно — пускались по всѣмъ направленіямъ и безъ счота. Богатые особняки комерсантовъ были брошены на произволъ. Въ однихъ домахъ были разрушены комнаты. Отъ другихъ домовъ остались однѣ развалины. Кварталъ, непосредственно примыкавшій къ нашему госпиталю и заселенный китайцами, былъ сожжонъ до тла по приказанію французскаго консула, который опасался поджога или нападенія боксеровъ съ этой стороны.

Этотъ кварталъ представлялъ печальное зрѣлище полнаго разрушенія. На протяженіи двухъ верстъ видны однѣ обгорѣвшія стѣны, одинокія трубы, груды камней, обломковъ и угля. Дома китайцевъ, уцѣлѣвшіе отъ огня, разграблены. Во дворахъ разбросаны кучи простого и дорогого шолковаго платья, всякая мебель, посуда, рухлядь, богатыя китайскія вышивки, старинныя фарфоровыя вазы, картины съ великолѣпной инкрустаціей, часы, телеграфные аппараты, фонографы... Спасаясь отъ пожаровъ, гранатъ и мести европейцевъ, тысячи китайскихъ семей побросали свои дома и бѣжали. Тысячи семей разорились и пущены по міру. Заботились только о томъ, чтобы спасать жизнь своихъ близкихъ и если возможно—деньги. Въ концессіяхъ остались только китайцы-христіане.

Разсказывали про одного благочестиваго китайца, который былъ такъ бѣденъ, что ему не на чемъ было увезти свою престарѣлую больную мать. Чтобы спасти мать, онъ понесъ ее на коромыслѣ, посадивъ на одномъ концѣ мать и положивъ камни—на другомъ, для равновѣсія.

Во всѣхъ брошенныхъ домахъ хозяйничали солдаты союзныхъ націй. Къ сожалѣнію, не было ни одного отряда, солдаты котораго не рылись бы въ этихъ кучахъ всякаго добра и сора. Солдаты брали себѣ обыкновенно одѣяла, часы, коробочки, лампы, разныя бездѣлушки и для забавы—фонографы. Не умѣя обращаться съ вещами, они ихъ ломали и потомъ выбрасывали. Никакого надзора въ китайскомъ кварталѣ не было, да и не было никакой возможности или надобности въ охранѣ китайскаго добра, которое валялось по дворамъ и улицамъ, брошенное владѣльцами и обреченное на гибель.

Печально выглядѣла главная улица Викторія-родъ. Стѣны домовъ были исцарапаны осколками. Всюду валялись кучи мусора и всякихъ отбросовъ. Изъ сада, окружающаго благородный Международный клубъ джентльменовъ, прямо на улицу текли ручьи грязи самаго возмутительнаго вида. Въ этомъ саду расположился бивакомъ полкъ индійскихъ сипаевъ, которые разводили здѣсь свои костры, готовили пищу, мыли бѣлье, играли на своихъ дудкахъ и пузыряхъ и натирались такимъ благовоннымъ масломъ, котораго не выдерживали даже китайскія мухи и комары. А всю улицу они сумѣли наполнить такимъ вопіющимъ зловоніемъ, что ему могъ бы позавидовать самый грязный китайскій кварталъ Тяньцзина.

Китаецъ, спасающій свою мать.

Нѣкоторые европейскіе магазины, подбитые гранатами, были заколочены, но въ другихъ хозяева не унывали и бойко торговали. Настойчивые торговцы, поселившись въ подвалахъ, воспользовались случаемъ и продавали союзнымъ солдатамъ консервы, табакъ и пиво. Въ виду исключительности положенія цѣны за продукты были также исключительныя.

Гостиница Astor-House была полна унынія. Большая часть ея жильцовъ поселилась въ нижнемъ этажѣ. Прислуги было всего два-три боя, такъ что джентльменамъ нужно было заботиться о себѣ самимъ. Всѣ правила этикета и тона были отброшены. Джентльмены сами подавали на столъ кушанья, которыя готовила жена управляющаго гостиницей. Порціи кушаній были прискорбно малыя, ввиду недостатка въ продовольствіи. Чтобы доставить гостямъ болѣе разнообразія въ яствахъ и удовольствія, приправа къ кушаньямъ считалась за блюдо и подавалась особо. Слишкомъ много давали овсяной каши и консервированныхъ ананасовъ.

Нѣсколько номеровъ въ гостиницѣ были повреждены гранатами. Въ моемъ номерѣ было разбито осколками окно, за которымъ я любилъ сидѣть и писать кореспонденціи. Башня надъ отелемъ была пробита ядрами.

По улицамъ мало кто ходилъ, такъ какъ гранаты и шрапнели продолжали сыпаться съ разныхъ сторонъ. Можно было встрѣтить только солдатъ или офицеровъ, командированныхъ съ какимъ-либо приказаніемъ. Всюду стояли часовые съ ружьями, охранявшіе ворота зданій, въ которыхъ размѣстились международные отряды. Всюду были выставлены свои флаги. Почти всѣ жители концессій, перенесшіе недѣльную осаду, выѣхали. Остались только наиболѣе храбрые и дѣловые.

Непріятнѣе всего было ходить по главной улицѣ Викторіи. Она тянулась вдоль рѣки Пэйхо и имѣла направленіе на китайскіе форты. Поэтому гранаты носились акуратно вдоль всей улицы.

Выйдя изъ госпиталя и проходя по этой непріятной улицѣ, я неожиданно встрѣтилъ И. Я. Коростовца, нашего дипломатическаго чиновника, который только что пріѣхалъ въ Тяньцзинъ изъ Портъ-Артура въ свитѣ адмирала Алексѣева и теперь шолъ по дѣлу, стараясь попасть подъ тѣнь тополей и въ то же время не наткнуться на свистящую гранату. Я былъ весьма обрадованъ встрѣчей съ моимъ добрымъ знакомымъ, который пріѣхалъ изъ города, въ которомъ не свистятъ гранаты, и, выразивъ ему свою радость, я хотѣлъ разспросить объ Артурѣ.

— Но, послушайте, вы избрали самое неподходящее мѣсто и время для нашего разговора, — отвѣтилъ весьма недовольнымъ тономъ Коростовецъ,—посмотрите, граната только что ударила въ сосѣднiй домъ.

Раздался взрывъ, трескъ и посыпались обломки и осколки.

— Пустяки,—отвѣтилъ я,—въ этомъ мѣстѣ гранаты даютъ перелетъ и мы можемъ спокойно разговаривать. Вы еще не привыкли.

И. Я. Коростовецъ.

Коростовецъ не согласился съ моими доводами и мы разстались. Однако онъ очень скоро привыкъ къ гранатамъ и подъ ихъ грохотъ неоднократно велъ различные переговоры съ иностранными командирами и консулами по порученiю адмирала Алексѣева.

И. Я. Коростовецъ, авторъ извѣстной популярной книги „Китайцы и ихъ цивилизацiя“, принадлежитъ къ тѣмъ талантливымъ и энергичнымъ русскимъ дипломатамъ Игнатьевской школы, которые упорно добиваются намѣченной цѣли и взявшись за дѣло, стараются довести его до конца несмотря ни на какiя препятствiя.

По окончаніи Императорскаго Александровскаго Лицея, Коростовецъ поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и скоро былъ командированъ секретаремъ въ нашу миссію въ Пекинѣ, гдѣ пробылъ около 5 лѣтъ. Плодомъ его пребыванія въ Китаѣ явилась интересная книга о китайцахъ. Изъ Азіи онъ попалъ въ Южную Америку и служилъ секретаремъ миссіи въ Бразиліи. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ нашу миссію въ Португаліи, послѣ чего вернулся въ Петербургъ, гдѣ принималъ участіе въ дѣлахъ комиссіи по выработкѣ положенія для Квантунской области. По окончаніи работъ этой комиссіи былъ назначенъ чиновникомъ по дипломатической части въ Портъ-Артурѣ.

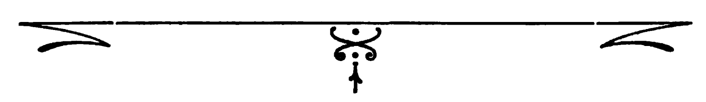
Въ то время какъ наша дипломатическая миссія была осаждена въ Пекинѣ и поневолѣ бездѣйствовала, руководство не только военными, но отчасти и политическими дѣлами естественно перешло къ адмиралу Алексѣеву, который давалъ Коростовцу самыя отвѣтственныя дипломатическія порученія.

Секретаремъ и постояннымъ сотрудникомъ у Коростовца былъ П. Г. Тидеманъ, воспитанникъ Восточнаго Факультета Петербургскаго университета, прекрасный знатокъ китайскаго разговорнаго и литературнаго языка, состоящій нынѣ вице-консуломъ въ Чифу.

П. Г. Тидеманъ.

Въ Русскомъ лагерѣ

Въ двухъ солдатскихъ двуколкахъ, трясясь по невозможнымъ китайскимъ проселочнымъ колеямъ, по которымъ только и могутъ ѣхать русскія двуколки и китайскія арбы, докторъ Падлевскій, извѣстный своею энергичною дѣятельностью во время чумы въ Инкоу, сестра Люси Пюи-Мутрейль и я поѣхали въ русскій лагерь.

Чтобы быть поближе къ раненымъ во время предстоящаго боя, сестра Люси просила разрѣшенія быть на перевязочномъ пунктѣ, мѣстомъ для котораго былъ избранъ Восточный арсеналъ. Разрѣшеніе ей было дано. Полевой госпиталь съ русскими сестрами еще не прибылъ и ожидался въ Тяньцзинѣ каждый день.

Мы переѣхали русскій понтонный мостъ, построенный подъ гранатами капитаномъ Санниковымъ и нашими саперами. Проѣхали мимо Военной китайской школы, полуразрушенной, китайскаго воздухоплавательнаго парка и сожжонныхъ деревень. Пересѣкли высокій городской земляной валъ, идущій кругомъ всего Тяньцзина, попали въ тѣнь красивой рощи, въ которой желтѣли обмазанныя глиною древнія могилы, и сбивая клубы густой пыли стали подъѣзжать къ русскому лагерю, растянувшемуся на версту.

Тамъ — на сѣверъ отъ лагеря, черезъ пустынное, зловѣще молчавшее высохшее поле, въ тѣхъ рощахъ таились наши враги, которые то и дѣло напоминали о себѣ раскатами орудій. Но здѣсь, въ этомъ широкомъ открытомъ лагерѣ, съ бѣлыми палатками, разсыпанными правильными рядами, съ пушками, выстроенными точно по линейкѣ, съ лошадьми, которыя длинной цѣпью стояли на коновязи, было весело, шумно и привольно. Здѣсь были свои, милые наши.

Тамъ, въ рощахъ сверкалъ огонь орудій, гремѣли выстрѣлы. Здѣсь офицеры беззаботно бесѣдовали въ своемъ собраніи — робинзоновскомъ шалашѣ, наскоро сколоченномъ изъ цыновокъ, со сто-

ломъ и стульями, взятыми изъ сосѣднихъ разрушенныхъ китайскихъ усадебъ. Стрѣлки кипятили чай, мыли бѣлье. Казаки и артиллеристы чистили лошадей. Весело дымили походныя кухни.

Сестра Люси была съ почотомъ встрѣчена офицерами 12-го полка въ ихъ собраніи, въ большой походной палаткѣ. Подали обѣдъ—хорошаго горячаго супу и жаркое героическихъ размѣровъ съ китайскими огурцами. Подали пива и льду, огромные запасы котораго были найдены въ Восточномъ арсеналѣ.

Только этотъ ледъ помогалъ переносить ту нестерпимую жару и духоту, отъ которыхъ тяньцзинцы изнемогали уже три мѣсяца. За это время не было ни одного дождливаго или облачнаго дня.

Свистки паровоза застáвили встрепенуться весь лагерь. Поѣздъ изъ Тонку тихо подошолъ и сталъ въ полуверстѣ отъ лагеря, укрываясь за насыпной дорогой отъ глазъ китайцевъ. Поѣздъ привезъ новыя извѣстія и новыя подкрѣпленія. Съ этимъ же поѣздомъ пришла сводная рота 12-го полка, бравшая форты Таку, и ея командиръ Станкевичъ.

Радостно бросились офицеры 12 - го полка обнимать своего товарища — перваго георгіевскаго кавалера, благополучно вышедшаго изъ огня и съ честью поддержавшаго имя полка. Солдаты набросились на своихъ однополчанъ. Стали качать прибывшихъ, обнимать, цѣловать, кидать шапки и кричать ура. Восторгъ былъ такой искренній и неподдѣльный, что сестра Люси не выдержала, заплакала, кинулась къ Станкевичу и поцѣловала его отъ имени друзей—французовъ.

Но китайцы не дремали. Замѣтивъ приближеніе поѣзда и необычное движеніе около лагеря, они направили въ ту сторону орудіе. Грянулъ выстрѣлъ, другой. Въ полѣ закрутился песокъ и взвилась пыль: но гранаты упали далеко отъ насъ.

— Не достанутъ! Мало каши ѣли, голомазые! — говорили ободрительно солдаты.

И не обращая никакого вниманія на китайцевъ, офицеры и солдаты продолжали чествовать своихъ товарищей, пріѣхавшихъ цѣлыми и живыми изъ Таку.

По пути въ арсеналъ.

Въ Восточномъ арсеналѣ

Я поселился въ Восточномъ арсеналѣ, у моего добраго пріятеля капитана А. В. Полторацкаго. Когда брали Восточный арсеналъ, онъ съ 7-ой ротой растерялъ всѣ свои сапоги, но не потерялъ присутствія духа и первый взобрался на валъ.

Мы уже нѣсколько дней жили въ китайской военно-инженерной академіи, помѣщавшейся въ восточномъ углу арсенала, и поселились въ тѣхъ самыхъ домикахъ, въ которыхъ жили нѣмцы и англичане—профессора академіи. Если-бы не назойливыя мухи, комары и гранаты, которыя не давали намъ никакого покою, то въ этой академіи можно было бы очень пріятно зажить и, усѣвшись въ тѣни акаціи и закутавшись въ газъ отъ москитовъ, предаваться размышленію и созерцанію величія и бренности милліоннаго арсенала, построеннаго нѣмцами и англичанами для китайцевъ противъ русскихъ.

Домики, въ которыхъ жили профессора, были внутри обставлены всѣмъ необходимымъ уютно и просто. Здѣсь была богатая библіотека важнѣйшихъ сочиненій, англійскихъ и германскихъ авторовъ, по математикѣ, физикѣ, химіи и прочимъ точнымъ наукамъ. Всѣ академическія зданія были выстроены въ китайскомъ вкусѣ и

по китайскому обычаю слѣдовали одно позади другого, симетрично и паралельно. Въ первыхъ зданіяхъ помѣщались иностранные профессора, аудиторіи, лабораторіи и учоные кабинеты, въ слѣдующихъ директора-китайцы, инспектора, профессора-китайцы и общежитіе для китайскихъ студентовъ, которые жили по два въ комнаткѣ. Позади службы и кухня.

Во всѣхъ жилыхъ комнатахъ царилъ полный безпорядокъ. Видно всѣ жившіе здѣсь бѣжали въ послѣднюю минуту, когда арсеналъ уже былъ захваченъ боксерами. Въ комнатахъ и во дворикахъ валялись кучи форменнаго платья студентовъ, китайскія, англійскія и нѣмецкія книги, студенческія тетради, старательно исписанныя чертежами и различными упражненіями и записками на англійскомъ языкѣ. Попадались книги по иностраннымъ наукамъ, составленныя для студентовъ на китайскомъ языкѣ. На столахъ брошены чайники, недопитыя чашки, перья, чернила, кисти для туши, фотографическія карточки, бездѣлушки изъ яшмы и пр. Въ кухнѣ застылъ недоваренный обѣдъ. Валяются студенческія сабли, шапки, китайскія картины, изреченія на длинныхъ листахъ, разрытые сундуки и ларчики, въ которыхъ студенты бережно хранили подаренныя родителями платье и бѣлье. Все брошено, порвано, побито и истоптано.

Посреди перваго двора выстроена деревянная наблюдательная вышка. Вооружившись подзорной трубой я взобрался на самый верхній ярусъ, откуда открывался бы восхитительный видъ, еслибы не гранаты, которыя носились надъ арсеналомъ и вмѣстѣ съ москитами доводили меня до отчаянія. Отъ москитовъ еще была нѣкоторая защита подъ газомъ, но отъ гранатъ не было кажется никакого спасенія, кромѣ одного сна, который помогалъ забыть не только эти гранаты, но и всю боксерскую эпопею и полевыя прогонныя и ордена съ мечами.

Прямо на сѣверъ отъ арсенала былъ виденъ Лутайскій каналъ, по обоимъ берегамъ котораго китайцы выстроили батареи. На западѣ былъ расположенъ китайскій Тяньцзинъ и европейскія концессіи. Возлѣ ямыня вице-короля стояла высокая 4-хъ ярусная каменная башня, съ которой китайцы наблюдали за паденіемъ снарядовъ. Уже много дней „Дядя Томъ“ и другія орудія союзниковъ въ свою очередь наблюдали за этой башней и имѣли искреннее желаніе поджечь ее своимъ снарядомъ. Ее долго обстрѣливали.

Всѣ союзники заликовали, когда, наконецъ, послѣ одного удач-

наго выстрѣла, сдѣланнаго „Дядей Томомъ", на башнѣ загорѣлась крыша и два верхнихъ яруса рухнуло. Это былъ добрый знакъ для союзниковъ и дурной для китайцевъ.

На югозападъ отъ арсенала лежалъ нашъ лагерь. На юго-востокъ уходила въ Тонку желѣзная дорога. На востокъ тянулась необозримая жолтая равнина, то степная унылая, то поросшая гаоляномъ и чернѣвшая китайскими деревеньками и рощами. Гдѣ то далеко на сѣверѣ и востокѣ было видно движеніе китайскихъ войскъ, повидимому, подходившихъ изъ Лутая и Шанхайгуаня къ Тяньцзину.

На три версты кругомъ все было безлюдно и пустынно. Ни бѣлолицый, ни желтолицый не рѣшался ходить по этому мертвому

Китайскій арсеналъ.

полю между двумя противниками. Даже птицы здѣсь не рѣяли и звѣрь не бѣгалъ.

Я бродилъ по арсеналу и поражался его богатствами. Тутъ были всевозможныя мастерскія, фабрики, заводы, склады, лабораторіи. Здѣсь еще недавно вертѣлись и двигались разнообразныя машины для изготовленія оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, а также для чеканки китайской мѣдной и серебряной монеты. Здѣсь были заводы для изготовленія пороха, ружейныхъ патроновъ для винтовокъ Маузера и Манлихера и унитарныхъ патроновъ для орудій послѣдней системы 1899 года. Въ складахъ были неистощимые запасы гранатъ разнаго сорта, обыкновенныхъ сегментныхъ гранатъ для разбиванія построекъ, фугасныхъ гранатъ для зажиганія зданій, шрапнели и картечи.

Надъ всѣми заводами были вывѣшены китайскія надписи, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень интересны. Такъ, напримѣръ, „Складъ подземнаго грома“ обозначалъ „Складъ минъ“, а „Складъ водяного дракона“ представлялъ „Депо пожарныхъ инструментовъ“.

Во всѣхъ мастерскихъ были свѣжіе слѣды недавней горячей работы. Всюду валялось платье и была брошена пища. Видно всѣ рабочіе были застигнуты врасплохъ. Машины и приборы были налажены для дѣйствія и остановлены въ послѣднюю минуту. Возлѣ горновъ, очаговъ и большихъ котловъ и машинъ благочестивые рабочіе китайцы ставили изображенія божествъ, покровительствующихъ труду, и зажигали возлѣ нихъ курильныя палочки. На машинахъ и котлахъ были наклеены красныя новогоднія надписи съ пожеланіемъ счастья, либо одинъ іероглифъ Фу „Счастье“, либо изреченія въ родѣ: „Завести машину—большое счастье“, „Открыть котелъ—великое благополучіе“.

Въ западной части арсенала на открытомъ полѣ были выстроены пороховые погреба. Жутко было проходить возлѣ этихъ рискованныхъ мѣстъ и чувствовать, что въ случаѣ удачнаго китайскаго выстрѣла, можно взлетѣть до облаковъ, вмѣстѣ съ погребомъ.

Всѣ части арсенала были между собою соединены телефономъ, телеграфомъ и Декавильской желѣзной дорогой.

„Бахъ! бахъ!“—грянулъ отрывистый рѣзкій выстрѣлъ съ китайской батареи и, подхваченный эхомъ, нѣсколько разъ откликнулся въ застывшемъ тяньцзинскомъ воздухѣ.

„Бомъ! бомъ!“—отвѣтилъ долговязый англичанинъ „Дядя Томъ“—огромное орудіе, только что пріѣхавшее изъ Трансвааля, гдѣ оно стрѣляло въ буровъ. Ядро съ воемъ вылетѣло изъ длиннаго узкаго жерла, искусно скрытаго въ насыпи дороги, и тяжкій гулъ прокатился по жолтой выжженной равнинѣ, лежавшей между врагами. На этомъ орудіи была надпись „Отъ Лэдисмита до Пекина“. Впрочемъ до Пекина оно не доѣхало.

Китайскіе артиллеристы разставили свои батареи всюду, гдѣ имъ благопріятствовала мѣстность. На берегу Лутайскаго канала они поставили двѣ батареи, въ каждой по 4 дальнобойныхъ орудія, скорострѣльныхъ, съ унитарными патронами, въ 57 и 87

миллиметровъ. Первая батарея была поставлена на желѣзнодорожной насыпи, у моста, въ пунктѣ пересѣченія желѣзной дороги и канала, гдѣ получался широкій обстрѣлъ для бомбардированія всѣхъ иностранныхъ концессій Тяньцзина. Вторая батарея изъ такихъ-же орудій находилась въ 1 верстѣ дальше, у деревушки, прикрытая деревьями и фанзами. Кромѣ того по всему фронту китайскихъ позицій были разставлены около 10 орудій. На южномъ берегу канала, въ рощѣ у Шанхайгуаньскихъ воротъ, находившихся въ городскомъ валу, было укрыто еще 6 дальнобойныхъ скорострѣльныхъ орудій.

Китайскіе стрѣлки разсыпались всюду, гдѣ могли устроить для себя надежное прикрытіе. Они гнѣздились въ пѣхотныхъ окопахъ по обоимъ берегамъ канала, гдѣ были воздвигнуты изъ песку и мѣшковъ стѣнки и валики. Стрѣлки сидѣли за насыпной дорогой, въ которой были вырыты удобные ложементы. Насыпь желѣзной дороги, на протяженіи 1 версты, отъ моста къ городу, была обращена въ надежные стрѣлковые окопы, которые шли полукругомъ и съ которыхъ китайцы въ часы ожесточенія засыпали концессіи и вокзалъ, охранявшійся разными націями, тучами двухлинейныхъ и трехлинейныхъ пуль Маузера, Манлихера и Винчестера.

Вдоль желѣзнодорожной насыпи были навалены траверсы и блиндажи изъ земляныхъ мѣшковъ. Подъ полотномъ желѣзной дороги были вырыты ходы—потерны, для того чтобы китайскіе солдаты могли удобно сообщаться по обѣ стороны насыпи, незамѣтно отъ непріятеля.

На этихъ батареяхъ и за этими окопами сидѣли Лутайскія и Шанхайгуаньскія войска, бывшія въ количествѣ около 6.000 человѣкъ, подъ начальствомъ храбраго генерала Ма, который пять лѣтъ назадъ дрался съ японцами въ японо-китайской войнѣ и два года спустя послѣ этой войны передавалъ Таліенванъ адмиралу Дубасову. Портъ-Артуръ былъ переданъ генераломъ Сунъ; войска его и генерала Нѣ Ши Чена, въ количествѣ около 10.000, были расположены лагеремъ и въ фортахъ Тяньцзина. Эти форты—импани были вооружены орудіями (около 40) послѣднихъ типовъ, скорострѣльными, съ унитарной системой патроновъ.

По словамъ миссіонеровъ и знатоковъ Тяньцзина, самымъ опаснымъ фортомъ былъ тотъ, который стоялъ у выхода канала изъ рѣки Пэйхо и съ двухъ сторонъ омывался водою. Возлѣ него былъ расположенъ ямынь вице-короля Чжилійской провинціи. Каждый выстрѣлъ съ этого форта былъ особенно мѣтокъ и тяжело

чувствовался осажденными: то зданіе побито снарядомъ, то солдаты ранены на улицѣ. Этотъ фортъ звали Чорнымъ.

Кромѣ войскъ Нѣ, Ма и Суна, были также войска вице-короля Юй Лу, Ли, Хана и Дунъ Фу Сяна, который выслалъ часть своего отряда изъ Пекина. Войска ежедневно подходили къ Тяньцзину. Общая ихъ численность была не болѣе 20.000, не считая боксеровъ и вооружонныхъ жителей.

27 Іюня

Въ ночь съ 27 іюня на 28-ое была назначена рѣшительная атака союзныхъ силъ на китайскія войска.

Когда закатилось солнце и стемнѣло, вокругъ арсенала началось незамѣтное передвиженіе нашихъ ротъ. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ искать передовой отрядъ, который долженъ былъ обойти арсеналъ съ востока.

Уже было совсѣмъ темно, когда я съ казакомъ, даннымъ мнѣ для охраны, проѣхалъ нѣсколько безмолвныхъ и полуразрушенныхъ деревушекъ и наткнулся на капитана Турова, который со своей ротой 9-го полка сталъ на привалъ у рѣчки, въ ожиданіи приказаній и подхода другихъ ротъ. Ждали, ждали.

Наконецъ, пріѣзжаетъ офицеръ и сообщаетъ, что такъ какъ не готовъ мостъ, черезъ который должны быть переправлены наши войска, то атака откладывается на два дня. Туровъ и его рота повернули и пошли обратно. Я не торопясь поѣхалъ сзади и отсталъ отъ роты.

— Кто идетъ?—раздался голосъ изъ темноты.

Я вздрогнулъ и отвѣтилъ:

— Свой! а ты кто?

— Секретъ!

Около дороги изъ травы вылѣзло три солдатика, оставленные секретомъ для наблюденія за мѣстностью. Они побѣжали догонять роту.

Кровавый бой отложенъ на два дня. Еще два лишнихъ дня дано жить тѣмъ, кому суждено погибнуть въ грядущемъ бою. Если обречонные не могутъ насладиться жизнью за эти два оставшіеся имъ дня, то пусть они хоть насладятся дивнымъ свѣтомъ полуденнаго солнца, которое такъ благодѣтельствуетъ однимъ своими золотыми лучами и тѣми же лучами такъ безжалостно губитъ

Нападеніе боксеровъ на китайцевъ-христіанъ.

Рис. I. Смукровичъ.

„Т-ва художеств. печати"

другихъ, немилосердно сжигая ихъ нивы—послѣдніе плоды ихъ послѣднихъ усилій. Быть можетъ это солнце своимъ немилосерднымъ всесильнымъ огнемъ зажгло пожаръ жестокой безсмысленной войны.

Завтра для войскъ еще будетъ отдыхъ и миръ, но послѣ завтра—смертный бой.

28 Іюня

Китайцы точно предчувствовали, что иностранцы готовятся къ штурму, и рано утромъ 28 іюня они открыли у себя по всей линіи адскій огонь раньше, чѣмъ они это дѣлали каждый день. Союзники сперва молчали, а затѣмъ и они открыли огонь залпами. Китайцы отвѣтили огнемъ со всѣхъ своихъ батарей и даже бросились на русскіе аванпосты у деревни Гаоченъ. У насъ раненъ поручикъ 10-го полка Соколовъ, убито 4 ниж. чина, ранено 17. Союзники потеряли около 100 человѣкъ. Китайцы были отбиты и молчали весь этотъ день и слѣдующій.

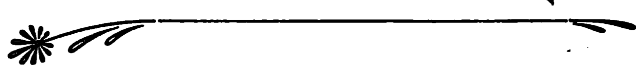

„Дядя Томъ".

Китайскіе солдаты.

Въ китайскомъ лагерѣ

Серебряный полумѣсяцъ тихо пробирался между рѣявшими куда то облаками, трепетавшими отблескомъ тяньцзинскихъ пожаровъ, и остановился высоко надъ китайскимъ лагеремъ. Робкіе лучи заходящаго полумѣсяца пронизывали дрожавшую и тревожно шептавшую о чемъ то прозрачную листву ракитъ и тополей, подъ которыми укрылся лагерь, и яркими пятнами освѣщали бѣлыя палатки солдатъ и темно-синія офицеровъ.

По всему лагерю горѣли костры. Дымили и трещали походныя печки, наскоро сдѣланныя изъ глины и песку. Въ котлахъ кипятили чай и варили рисовую кашу для поздняго ужина.

Ночь была горячая, душная и поэтому солдаты, скинувъ съ себя всю одежду, сидѣли въ однихъ шароварахъ, на цыновкахъ, вокругъ костровъ, покуривали длинныя трубки, пили чай или разбавленное теплое ячменное вино изъ маленькихъ чашекъ, кричали, шумѣли, бранились, пѣли гнусавымъ голосомъ заунывныя пѣсни, издѣвались надъ ихэтуанцами, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одинъ еще не воскресъ и проклинали забравшееся въ Тяньцзинъ, иностранное войско, которое не было никакой возможности оттуда выбить.

Другіе солдаты молча слушали, поддакивали и чистили свои ружья. Третьи солдаты полураздѣтые, подложивъ подъ себя цыновки, вповалку спали подъ открытымъ небомъ между палатками и разбитые отъ усталости послѣ дневной пальбы и наѣвшись вволю рису потрясали застывшій воздухъ своимъ могучимъ храпомъ.

Болѣе азартные солдаты сидѣли кружкомъ въ своихъ палаткахъ, на цыновкахъ и на одѣялахъ и, при свѣтѣ бумажнаго фонаря или масляной коптѣвшей свѣтильни, пытали свое счастье въ кости или карты. Играли шумно, съ крикомъ, съ остервенѣніемъ; крѣпко ругались при проигрышѣ, ободрительно хлопали другъ друга по голымъ, бронзовымъ, лоснящимся спинамъ, а при выигрышѣ, хохоча во все горло, жадно хватали чашку, наполненную мѣдными чохами, и съ удовольствіемъ звенѣли монетами.

Они были такъ увлечены игрой, что не обращали никакого вниманія на стоны и подавленные крики, которые доносились изъ сосѣднихъ палатокъ, въ которыхъ китайскіе доктора лѣчили раненыхъ солдатъ. Къ свѣжей ранѣ они прикладывали раскаленное желѣзо, чтобы остановить кровь, протыкали рану раскаленными иголками, вправляли вывихнутыя ноги и руки и раздробленныя кости, накладывали пластырь и перевязывали. Промучивъ своего паціента, который былъ ни живъ ни мертвъ отъ такой хирургической операціи, и стиснувъ зубы, обливаясь холоднымъ потомъ, удерживаясь отъ крика, съ китайскимъ мужествомъ выносилъ эти терзанія, врачи ободряли раненаго и давали ему выпить ведро какой то темной и пахучей жидкости. Однимъ для очищенія крови давали отваръ изъ полевыхъ кузнечиковъ, а другихъ для пріобрѣтенія храбрости поили прекрасно дѣйствующимъ средствомъ—жолчью тигра. Черезъ нѣсколько дней раненый либо умиралъ, либо поправлялся и тогда всѣ солдаты дивились искусству врачей.

Посрединѣ лагеря большіе бумажные промасленные фонари, повѣшенные на треногѣ, и пестрыя треугольныя знамена, украшенныя лентами и бахромой, съ нашитымъ іероглифомъ „Нѣ", указывали, что здѣсь находится палатка начальника китайскихъ войскъ генерала Нѣ Ши Чэна.

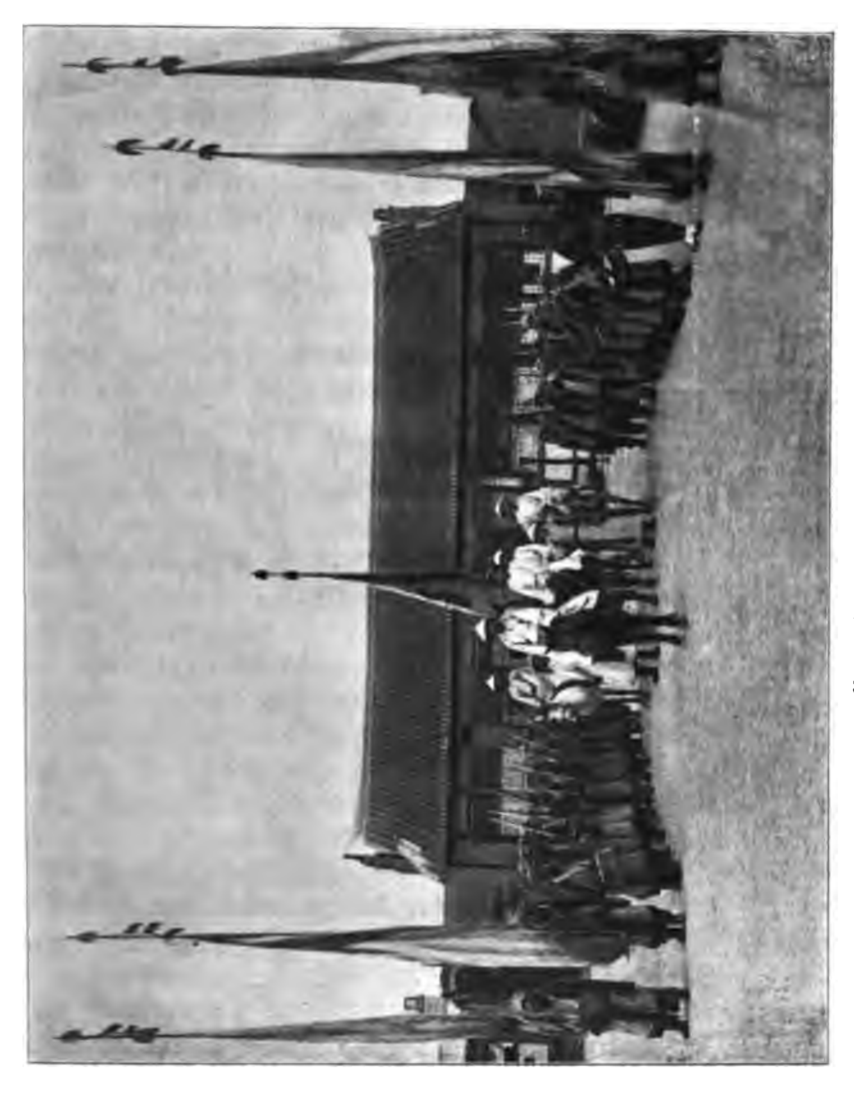
Эта палатка ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ офицерскихъ палатокъ. Повѣшенный внутри бумажный фонарикъ тускло освѣщалъ разложенныя на землѣ гаоляновыя цыновки, стеганныя одѣяла, маленькую, очень жосткую, обшитую узорами подушку для головы, кованый ларецъ съ бумагами, шашку и револьверы генерала, брошенные на цыновки.

Въ сосѣдней палаткѣ, при свѣтѣ фонаря, сѣвши на корточки, развернувъ кожаные расписные портфели, разведя тушь водою, на длинныхъ листахъ, кистью, адъютанты спѣшно строчили донесенія генерала въ Пекинъ о положеніи дѣлъ.

Генералъ Нѣ Ши Чэнъ былъ взбѣшонъ. Мрачно сдвинувъ брови, рѣшительными шагами онъ быстро ходилъ передъ своей палаткой. До сихъ поръ онъ былъ сторонникомъ порядка и спокойствія въ Китаѣ и поэтому онъ отчасти былъ на сторонѣ иностранцевъ. Онъ старался всѣми силами не допустить боксеровъ до столкновенія съ иностранцами и хотѣлъ въ корнѣ уничтожить движеніе боксеровъ вокругъ Тяньцзина, насколько это было въ его средствахъ. Но когда онъ увидѣлъ, что уже значительные иностранные отряды вторглись въ Чжилійскую провинцію, угрожаютъ Тяньцзину и Пекину и взяли штурмомъ форты Таку, онъ почувствовалъ, что его родина и столица въ опасности. Когда онъ узналъ, что много воспитанниковъ Тяньцзинской военной школы перебито иностранцами; когда онъ увидѣлъ, сколько раненыхъ солдатъ каждый день приносятъ въ его лагерь, въ немъ закипѣло негодованіе патріота и чувство безпощадной мести.

— Цивилизованные варвары! — думалъ генералъ Нѣ въ ярости. — Цивилизованные лгуны, обманщики и ханжи, которые хвастаются своимъ миролюбіемъ и какими то прекрасными законами. Молодыхъ учениковъ, которыхъ они сами же обучали ихъ наукамъ, они передавили какъ улитокъ! А еще они хвастаются соблюденіемъ какихъ-то законовъ войны и просили насъ подписать какой-то договоръ! Хорошо, что мы не подписали! Теперь мы имѣемъ полное право не выдавать имъ раненыхъ и плѣнныхъ. Я прикажу перебивать ихъ всѣхъ какъ черепахъ. Какъ я ненавижу этихъ назойливыхъ бродягъ. Не объявивъ даже намъ войны, они ворвались къ намъ со своими войсками безъ нашего разрѣшенія и хозяйничаютъ въ нашей землѣ, какъ дома. Какой бы шумъ подняли иностранцы, если бы мы своими войсками стали помогать нашимъ китайцамъ заграницей. А мы должны молчать, радоваться и благодарить, что они устраиваютъ у насъ порядокъ пушками. Вотъ за тѣ пушки, которыя намъ продали нѣмцы, я ихъ дѣйствительно благодарю. Хорошія пушки! и гораздо скорѣе выпускаютъ снаряды, чѣмъ русскія пушки. Кажется я у русскихъ перебилъ много народу. Благодарю моего друга Воронова: хорошо обучилъ стрѣлять моихъ наѣздниковъ! Другъ! Теперь, вѣроятно, онъ также командуетъ русскимъ войскомъ противъ меня, какъ я противъ него,

если онъ вовремя не уѣхалъ изъ Тяньцзина, какъ я его предупреждалъ. Другъ!—подумалъ онъ и мѣсяцъ освѣтилъ на его смугломъ, суровомъ, обыкновенно самомъ благодушномъ лицѣ пре-

Китайскій генералъ и его свита.

зрительную улыбку. Ему вспомнились веселые русско-китайскіе обѣды съ французскимъ шампанскимъ, на которыхъ онъ столько разъ встрѣчался съ Вороновымъ и другими русскими.

— Какіе храбрые солдаты эти русскіе! Совсѣмъ какъ въ древности китайцы, когда они владѣли четырьмя странами свѣта. Я который день бью ихъ и никакъ не могу выбить съ вокзала. Крѣпки какъ яшма! Но если наше правительство не пришлетъ намъ больше войскъ, то я недолго продержусь здѣсь. Эти иностранцы такъ хорошо стрѣляютъ, что я съ моимъ отрядомъ и сумашедшими ихэтуанцами, которые всюду лѣзутъ и только мѣшаютъ, ничего не могу подѣлать. Да есть ли у насъ теперь правительство? Я не знаю, кого слушаться и кого признавать? Князя Дуаня? который не понимаетъ ничего въ политикѣ и повергнетъ Китай и Цинскую династію въ пучину гибели. Если онъ сейчасъ же не вступитъ въ переговоры съ иностранцами, то будетъ поздно и вѣчно жадные и голодные иностранцы снова возьмутъ и разграбятъ Пекинъ. Но чѣмъ больше они возьмутъ, тѣмъ ненасытнѣе и несговорчивѣе они станутъ! Я знаю ихъ. Сперва они захотѣли проповѣдывать одну свою вѣру. Мы позволили. Но этого оказалось мало и они стали проповѣдывать уже нѣсколько вѣръ, какъ будто у насъ и своихъ мало. Потомъ они захотѣли торговать. Мы позволили. Сперва они хотѣли торговать въ прибрежныхъ городахъ, а теперь уже эти скорпіоны лѣзутъ внутрь страны и желаютъ строить свои желѣзныя дороги, чтобы было легче впиваться въ насъ. Потомъ ихъ жадныя и завистливыя пасти потребовали отъ насъ на прокатъ портовъ. Мы и это дали, чтобы отвязаться отъ назойливыхъ москитовъ. Наконецъ, они потребуютъ отъ насъ, чтобы мы имъ отдали въ аренду сперва одну провинцію, а затѣмъ и весь Китай. Но хватитъ-ли у нихъ на это золота и серебра. Если же они такъ богдыхански богаты, то зачѣмъ же они къ намъ лѣзутъ? Не понимаю. Или быть можетъ они намѣрены завоевать Китай и сдѣлать насъ, свободныхъ китайцевъ, своими рабами? Ну, тутъ они вѣроятно также подавятся, какъ давились всѣ наши завоеватели. И нашъ старый драконъ также проглотитъ всѣхъ ихъ, какъ онъ уже проглотилъ монголовъ и маньчжуръ. Неужели они не знаютъ и не боятся нашихъ лѣтописей? Варвары! Мы никоимъ образомъ не должны допустить ихъ до Пекина. Я буду всѣми силами удерживать ихъ въ Тяньцзинѣ, чтобы они не двинулись дальше. Можетъ быть тѣмъ временемъ у насъ установится порядокъ и понимающее, разумное правительство. Тогда мы начнемъ переговоры. Иностранцы такъ вѣдь любятъ вести эти мирные переговоры! Они столько написали намъ бумагъ о мирѣ и дружественныхъ отношеніяхъ, о порядкѣ, спокойствіи, безопасности и о собственности,

которой они никогда не уважали! Не нравятся имъ наши порядки и обычаи—такъ пусть не лѣзутъ къ намъ! Вѣдь гонятъ же они нашихъ китайцевъ изъ Америки и Австраліи. Отчего же мы не можемъ ихъ гнать? Янгуйцзы! Хуаншанъ — императоръ по слухамъ заточонъ на островѣ Лотосова озера въ Пекинѣ. Ситайхоу — императрица довѣрилась во всемъ князю Дуань и поручила ему и Дунъ Фу Сяну управленіе государственными дѣлами, въ которыхъ они ни одной точки не смыслятъ. Князь Дуань объявилъ, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока для него не будетъ приготовлено ложе изъ кожи посланниковъ. Не думаю, чтобы это ложе было пріятно и удобно. Дуань-ванъ-ѣ напрасно воображаетъ, что иностранцевъ будетъ такъ легко прогнать нашими новыми пушками изъ Германіи. Я совершенно не понимаю, на что они тамъ въ Пекинѣ разсчитываютъ и что они тамъ дѣлаютъ. Сперва они приказывали мнѣ уничтожать ихэтуанцевъ. Когда я началъ уничтожать этихъ разбойниковъ, изъ Пекина объявили мнѣ выговоръ и приказали дружить съ ними. Князь Дуань развелъ теперь въ Чжили такой пожаръ возстанія, который ничѣмъ больше не потушить. Они скоро убѣдятся, что я былъ правъ, когда началъ сразу избивать ихэтуанцевъ и жечь ихъ деревни.

Гулъ, который доносился съ разныхъ концовъ бодрствующаго лагеря, усилился. Послышались крики, вопли и, наконецъ, выстрѣлы, заставившіе генерала Нѣ вздрогнуть.

— Опять ихэтуань! Узнайте, что тамъ за безпорядки!—крикнулъ Нѣ такимъ гнѣвнымъ голосомъ, что его адъютанты, бывшіе въ сосѣдней палаткѣ, бросивъ тушь и бумагу, вылетѣли точно гончія собаки и понеслись въ разныя стороны.

Шумъ становился болѣе грознымъ. Выстрѣлы учащались. Адъютанты не успѣли еще вернуться, какъ верхомъ на лошади прискакалъ китайскій офицеръ, въ бѣлой шапкѣ грибомъ, съ красной кистью и павлиньимъ перомъ, даннымъ за отличіе. Соскочивъ съ лошади на почтительномъ разстояніи отъ генеральской палатки, онъ доложилъ, низко кланяясь:

— Да жень! Великій господинъ! Ихэтуанцы снова подрались съ нашими солдатами. Тѣ и другіе стали стрѣлять другъ въ друга изъ ружей. Уже есть нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Офицеры сидятъ въ своихъ палаткахъ и не рѣшаются выйти къ толпѣ, чтобы прекратить драку, такъ какъ боятся.

— Опять Чжань?—спросилъ съ негодованіемъ Нѣ.

— Да, Чжань объявилъ, что здѣсь въ лагерѣ онъ самый

главный, такъ какъ онъ посланъ небомъ. Поэтому онъ подстрекаетъ ихэтуанцевъ и солдатъ, чтобы они повиновались ему, а не тебѣ. Онъ потребовалъ, чтобы все добро, награбленное у христіанъ и иностранцевъ, солдаты несли прежде всего къ нему.

Лицо Нѣ Ши Чэна налилось кровью. Его маленькіе глаза нетерпѣливо забѣгали.

— Прикажи трубачамъ играть выступленіе. Пусть всѣ иныбатальоны строятся. Пѣхоту выслать вдоль насыпи желѣзной дороги. Открыть огонь сразу изъ всѣхъ окоповъ и затѣмъ наступать на вокзалъ. Ихэтуанцевъ выслать въ первый рядъ. Пусть они примутъ первыя пули и снаряды. Начать атаку по моему приказанію. Позвать мнѣ Чжаня! Гдѣ же Чжань?

Офицеръ ускакалъ исполнять приказаніе.

Одинъ изъ адъютантовъ прибѣжалъ впопыхахъ и доложилъ:

— Да жень! Великій господинъ! Ихэтуанцы дерутся съ солдатами. Чжань подговариваетъ ихэтуанцевъ не слушаться офицеровъ и ругаетъ великаго господина. Когда я доложилъ ему приказаніе великаго господина немедленно явиться къ великому господину, Чжань отвѣтилъ, что здѣсь онъ самъ великій господинъ и, если великому господину нужно видѣть великаго господина ихэтуанцевъ, то пусть великій господинъ самъ пожалуетъ къ нему. Приэтомъ Чжань обругалъ маленькаго офицера великаго господина и отправилъ меня назадъ къ великому господину.

— Возвращайся назадъ къ этому разбойнику и скажи ему, что если онъ сейчасъ же не явится ко мнѣ, то ко мнѣ принесутъ его дурацкую голову!—закричалъ Нѣ и ушолъ въ палатку, гдѣ онъ одѣлъ на себя саблю и положилъ въ карманы два револьвера.

Чжань явился съ большимъ кривымъ мечомъ за поясомъ.

— А! Чжань! Ты пришолъ?—заговорилъ Нѣ свирѣпо, выйдя изъ палатки.

Нѣ и Чжань впились другъ въ друга глазами и оба, дрожа отъ ярости, стали другъ передъ другомъ.

До боли сжимая рукоятку сабли, генералъ Нѣ продолжалъ:

— Ну, что же Чжань? Что твой кулакъ? Ты хочешь быть здѣсь первымъ? Будь первымъ! Тебѣ вѣдь такъ хорошо помогаетъ твой кулакъ правды и согласія... Ваши духи, чудеса, заговоры, упражненія и ладонки васъ такъ хорошо спасаютъ! Еще ни одинъ ихэтуанецъ не погибъ отъ дьявольской пули. Но почему же твои люди, которые не боятся пуль, не хотятъ идти сражаться впереди

всѣхъ? Мы люди маленькіе, бѣдные и простые. Мы боимся пуль. А вы хвастаетесь вашими чудесами и боитесь выйти въ поле. Вы храбры, когда вамъ нужно бить своихъ же. Трусливыя собаки! Но когда вы должны драться съ иностранными солдатами, тогда ваша заячья храбрость тонетъ въ грязной лужѣ вашей трусости и глупости. Вы говорили, что не можете драться, потому что у васъ нѣтъ ружей. Я далъ вамъ ружья, но вы стали изъ нихъ стрѣлять въ моихъ же солдатъ и только раздражали небес-

Китайскіе солдаты на стрѣльбѣ.

ныхъ духовъ вашими глупыми выстрѣлами. Теперь ты подстрекаешь противъ меня твоихъ дураковъ и моихъ же солдатъ. Чего жъ ты хочешь еще? Вы уже разорили всю страну, огорчили императора, сожгли полъ—Тяньцзина, довели до того, что иностранныя войска взяли Таку и скоро возьмутъ Тяньцзинъ и Пекинъ. Ваши чудеса принесли намъ только одни несчастія! Чего же тебѣ еще нужно?—кричалъ Нѣ и замѣтилъ, что Чжань хватается за свой мечъ.

— А! Разбойникъ и бездѣльникъ! Ты хочешь убить меня?!

Въ одно мгновеніе Нѣ выхватилъ саблю изъ ноженъ и съ размаху со всей силой ударилъ по загорѣлой шеѣ Чжаня.

Чжань упалъ, захрипѣвъ и тяжело стукнувшись о землю. Алая, горячая кровь забила струей.

— Уберите эту гадину! и дайте мнѣ воды умыться!—сказалъ Нѣ, довольный мѣткостью и силой своего удара. Его лицо, руки и платье были обрызганы свѣжей кровью.

Подбѣжали солдаты и унесли трупъ и едва державшуюся голову Чжаня.

Офицеръ снова прискакалъ на конѣ и доложилъ:

— Да жень! Всѣ войска выступили изъ лагеря и теперь обстрѣливаютъ вокзалъ. Импани бомбардируютъ Цзычжулинъ— французское поселеніе. Въ передніе ряды нашихъ окоповъ мы погнали ихэтуанцевъ. Сперва они не хотѣли идти, но я приказалъ по нимъ стрѣлять и тогда они пошли. Только отъ нихъ мало пользы. Они совсѣмъ не умѣютъ стрѣлять, только напрасно выпускаютъ пули въ небо. У нихъ очень много убитыхъ и раненыхъ.

— Тѣмъ лучше!—отвѣтилъ Нѣ—чѣмъ больше ихъ перебьютъ иностранцы, тѣмъ лучше. Лошадь!

Солдаты подвели красивую, бѣлую лошадку подъ иностраннымъ сѣдломъ и узорчатымъ китайскимъ чепракомъ.

Нѣ одѣлъ бѣлую шапку съ краснымъ шарикомъ и красной бахромой, сѣлъ на коня и поскакалъ къ окопамъ, чтобъ повести китайцевъ въ атаку на русскихъ.

Когда боксеры, бывшіе въ переднихъ цѣпяхъ, одинъ за другимъ стали падать отъ дружныхъ и убійственныхъ залповъ, гремѣвшихъ съ вокзала, и когда они, видя, что ихъ огонь нисколько не останавливаетъ неустрашимыхъ и неуязвимыхъ русскихъ, побѣжали въ смятеніи обратно изъ окоповъ въ лагерь,—генералъ Нѣ приказалъ, чтобы его солдаты и полевыя батареи встрѣтили огнемъ спасавшихся къ нимъ боксеровъ.

Попавъ подъ перекрестный огонь русскихъ и своихъ, боксеры въ ужасѣ разбѣжались.

Генералъ Нѣ приказалъ остановить общую атаку на вокзалъ, а къ полудню приказалъ стрѣлкамъ и всѣмъ батареямъ прекратить огонь, пока не кончится междоусобіе и предводители боксеровъ не будутъ изгнаны изъ лагеря и Тяньцзина.

Боксеры бѣжали въ Пекинъ. Защищать Тяньцзинъ остались только правительственныя войска и добровольныя дружины, которымъ было роздано огнестрѣльное оружіе.

Убитый китайскій солдатъ.

Международное сраженіе 30 Іюня

Въ исторію русскихъ войнъ занесена еще одна блестящая страница... У стѣнъ недвижнаго Китая 30-го іюня 1900 г. русскія войска, вѣрныя боевымъ завѣтамъ своей родины, одержали славную побѣду надъ непріятелемъ, который превосходилъ ихъ численностью не менѣе, какъ въ пять разъ. Въ теченіе 6 часовъ русскія войска послѣдовательно выбили китайцевъ изъ ихъ позицій, заняли 2 непріятельскихъ батареи и 2 лагеря и обратили въ бѣгство находившіяся передъ ними непріятельскія войска. Смѣлое и побѣдоносное движеніе русскихъ, вѣрными и цѣнными союзниками которыхъ оказались японцы, нѣмцы и французскія горныя батареи, рѣшило участь Тяньцзина: осада была снята и китайскія регулярныя войска бѣжали.

Общая атака союзныхъ силъ должна была быть начата съ разсвѣта 30-го іюня, но въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ каждый иностранный отрядъ былъ самостоятеленъ.

Русскіе выбрали самую трудную задачу: наступать на китайскій городъ съ восточной стороны — со стороны совершенно открытой равнины, для того чтобы выбить китайцевъ изъ ихъ передовыхъ позицій, отнять ихъ полевыя батареи и по возможности добраться до фортовъ — импаней. Съ южной стороны, также совершенно открытой, должны были наступать также русскія войска, задачей которыхъ было произвести демонстрацію съ этой стороны, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля съ восточной стороны. Съ западной стороны должны были наступать японцы, англичане и американцы съ цѣлью атаковать китайскій застѣнный городъ и по возможности дойти до фортовъ—импаней. Нѣмцы шли съ русскими. Французы частью съ нами, частью съ японцами.

Офицеры 9-го В.-С. С. полка. (Въ Пекинѣ).

Диспозиція атаки была составлена начальникомъ Печилійскаго отряда генералъ-маіоромъ Стесселемъ и блестяще приведена въ исполненіе войсками, находившимися подъ его командованіемъ. Кромѣ русскихъ войскъ въ его распоряженіи были двѣ нѣмецкія морскія роты, французская горная батарея и 2 англійскихъ осадныхъ орудія. Переправа части нашихъ войскъ черезъ Лутайскій каналъ также былъ произведена по плану генерала Стесселя.

Предварительно рекогносцировками капитановъ Ген. Шт. Вэйля, Болховитинова, инженеръ-капитана Санникова и сотника Григорьева было обнаружено, что ближайшія китайскія войска находятся въ 4 верстахъ, возлѣ порохового склада у Лутайскаго канала. Сотникъ Григорьевъ обнаружилъ присутствіе китайской кавалеріи въ 6 верстахъ отъ нашего лагеря, за арсеналомъ.

Кромѣ того было установлено, что наши войска, пройдя обнаженную равнину, лежащую между лагеремъ, арсеналомъ и китайскимъ городомъ, должны будутъ послѣдовательно взять съ бою два весьма трудныхъ препятствія, за которыми укрѣпились китайскіе стрѣлки: городской валъ и насыпь желѣзной дороги. Затѣмъ предстоитъ взять три китайскія батареи, причемъ нужно было считаться съ артиллерійскимъ огнемъ изъ импаней-фортовъ.

Согласно диспозиціи русскія войска были раздѣлены на слѣдующія боевыя колонны:

Авангардъ полк. Ширинскаго. 1 р. 9-го полка; 7 р. 10-го полка; 3 р. 12 полка, взводъ казаковъ, команда саперъ капитана Санникова и 60 матросовъ десанта мичмана Вырубова.

Выступленіе въ 9 часовъ вечера.

Правая наступающая колонна полковника Анисимова. 4, 5, 8 р. 9 полка; 4, 6 р. 10 полка; 2, 6, 8 р. 12 полка, 2 роты германцевъ; 4 пулемета; 1 французская горная батарея и 2 взвода казаковъ. Всего 10 ротъ, 6 орудій, 4 пулемета, полусотня. Задача авангарда и правой колонны: быстро и скрытно подойти къ Лутайскому каналу, устроить переправу, перевести сколько удастся войскъ до разсвѣта, двинуться по обоимъ берегамъ, взять китайскія позиціи до желѣзной дороги и—въ случаѣ возможности — ворваться въ предмѣстія Тяньцзина и атаковать форты.

Выступленіе въ 11 часовъ вечера.

Лѣвая демонстративная колонна полк. Антюкова. 2, 3, 8 роты 10 полка; 2-я и 3-я легкія батареи В. С. С. Арт. дивизіона; взводъ Читинцевъ. Всего 3 роты, 16 орудій,

1 взводъ. Задача: на разсвѣтѣ демонстрировать съ фронта; вести артиллерійское состязаніе. Когда правая колонна начнетъ наступленіе, лѣвой колоннѣ также двинуться въ атаку.

Выступленіе въ 2 часа ночи.

Резервъ полк. Савицкаго. 2, 6, 7 роты 9 полка. 5 р. 10 полка. 4 и 5 р. 12 полка. Всѣ нестроевыя роты. 1 взводъ Читинцевъ, 2 десантныхъ морскихъ орудія (120 миллиметровыхъ) были сняты съ крейсера „Владиміръ Мономахъ“ и доставлены по рѣкѣ Пэйхо съ большимъ трудомъ въ Тяньцзинъ. Орудія были поставлены, подъ руководствомъ лейтенанта Клюпфеля, при дружной и трудной работѣ моряковъ и саперъ, на лѣвомъ берегу Пэйхо, въ 1 верстѣ ниже русскаго понтоннаго моста.

Задача этихъ двухъ орудій и 2 англійскихъ осадныхъ орудій (одно изъ нихъ „Дядя Томъ“), поставленныхъ по насыпной дорогѣ въ арсеналъ: открыть съ разсвѣтомъ огонь по форту и отвлечь его осадныя орудія отъ нашихъ колоннъ.

Охрана арсенала—главнаго опорнаго пункта русскаго отряда. 3 р. 9 полка; 1 р. 10 полка; 7 р. 12 полка; 2 пулемета; 6 китайскихъ орудій.

Адмиралъ Алексѣевъ долженъ былъ, со своимъ штабомъ, находиться въ сѣверо-западномъ углу арсенала, гдѣ была поставлена батарея изъ китайскихъ орудій. Наши офицеры сами снаряжали для этихъ орудій снаряды изъ оставленныхъ китайцами матеріаловъ.

Въ распоряженіи генерала Стесселя, бывшаго при колоннѣ полковника Анисимова, находились: 4-ая сотня Читинцевъ; взводъ 3-й сотни Читинцевъ и взводъ 6-й сотни Верхнеудинцевъ, для производства преслѣдованій, нападеній, развѣдокъ и установленія связи и летучей почты между колоннами и арсеналомъ, въ которомъ присутствовалъ адмиралъ Алексѣевъ. Связью между частями завѣдывалъ подполк. Илинскій, принимавшій ближайшее участіе въ составленіи диспозиціи боя.

Ночная переправа

Тяньцзинъ покоился въ гробовомъ молчаніи.

Горячая задыхающаяся ночь дремала надъ арсеналомъ и грѣла своимъ теплымъ дыханіемъ и безъ того сожжонную солнцемъ спавшую равнину. Воздухъ не дрогнулъ. Ни одинъ выстрѣлъ или крикъ не дерзалъ нарушить послѣднихъ часовъ величавой тишины и спокойствія. И только невидимые кузнечики, спрятавшись между листьями тополей, храбро и неутомимо пиликали своими крылышками одну и ту же трескотню и точно смѣялись надъ страхами и тревогами однихъ людей и жестокостью другихъ.

Страшное шипѣніе и скрипѣніе послышалось въ полѣ вокругъ арсенала. Гулъ голосовъ, трескъ колесъ и звонъ копытъ и топотъ солдатскихъ ногъ. Я вскочилъ на казацкаго коня и выѣхалъ изъ арсенала въ поле. Что то чорное, неуклюжее, длинное и непонятное шипя и пыхтя ползло по дорогѣ между посѣвами кукурузы и гаоляна. Спереди и сзади правильными рядами шли солдаты. Казалось, что въ полѣ плыли и извивались какія-то чудовища.

Если бы китайцы прислушались и послали сюда разъѣздъ, то благодаря яркому сіянію луны они могли бы разглядѣть непонятные обозы и русскихъ солдатъ, которые шли па нихъ.

Эти обозы странной формы везли нашу переправу, а русскіе солдаты составляли авангардъ Ширинскаго.

Для самой быстрой и легкой переправы нашихъ войскъ черезъ каналъ, генералъ Стессель составилъ необыкновенно простой и остроумный способъ: было взято 7 шаландъ—баржъ и въ каждую запряжено по 6 лошадей, которыя и тащили шаланды волокомъ по землѣ отъ лагеря до канала. Фашины—вязки гаоляна перевозились на двуколкахъ, а 2 шлюпки и настилка переносились на рукахъ.

Отъ лагеря до канала нужно было идти 10 верстъ. До арсенала шли внѣ опасности, но за арсеналомъ до канала ($6^1/_2$ верстъ) предстояла очень трудная часть пути. Китайцы могли замѣтить движеніе русскихъ ротъ и открыть по нимъ артиллерійскій огонь. Уничтожить всю нашу переправу гранатами было бы очень легко и вся наша экспедиція была бы проиграна.

Бѣлыя рубашки и фуражки нашихъ стрѣлковъ далеко блестѣли освѣщаемыя луною. Направо и налѣво ясно виднѣлись китайскія деревни, которыя могли бы дать знать китайскимъ аванпостамъ о движеніи враждебныхъ войскъ.

Наши стрѣлки въ гаолянѣ.

Къ счастью, и китайскія деревни и китайскія передовыя батареи, окончивъ свой чифань-ужинъ и напившись вдоволь чаю, настояннаго на водѣ, которая вѣками омываетъ могилы ихъ предковъ, должно быть сладко спали, если только можно было сладко спать въ то горькое время.

Судьба хранила нашъ авангардъ, и даже луна скрылась за облака, чтобы не выдать своимъ свѣтомъ смѣлыхъ воиновъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и кителяхъ.

Рота за ротой шли въ глубокомъ молчаніи. Слышенъ былъ только странный шумъ волочившихся шаландъ, но этотъ шумъ терялся въ неподвижномъ воздухѣ ночи. Наши стрѣлки, саперы и моряки то шли по оголенной выжженной равнинѣ, то погружались въ гаолянъ и кукурузу, которая мѣстами чудомъ уцѣлѣла.

Наши солдаты шли тихо, въ полномъ порядкѣ, не разговаривая.

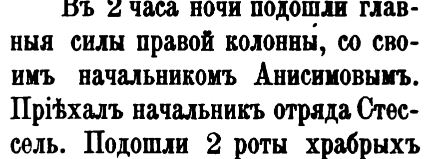
Меня поражало то серьезное, почти благоговѣйное чувство, съ которымъ наши солдаты шли въ бой, отлично сознавая, что ихъ ожидаетъ впереди. Для этого имъ достаточно было оглянуться на тѣ носилки, которыя несли позади.

Убѣдившись собственными глазами въ стойкости и неколебимой твердости русскихъ солдатъ, иностранцы говорили, что съ такими солдатами они бы дѣлали чудеса. Но, конечно, наши командиры дѣлали и будутъ дѣлать чудеса со своими воинами и безъ помощи иностранцевъ. Но съ нѣкоторыми иностранными войсками едва-ли и наши командиры что нибудь сдѣлаютъ.

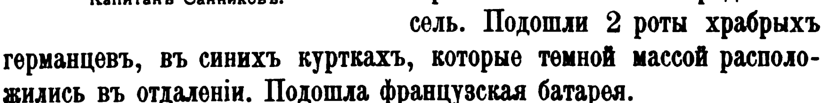

Капитанъ Санниковъ.

Въ 11 часовъ ночи нашъ авангардъ благополучно подошолъ къ каналу, 2 шлюпки были спущены въ воду и сейчасъ же началась переправа ротъ въ шлюпкахъ по каналу. Шлюпки быстро скользили отъ одного берега къ другому, и чрезъ 2 часа $2^1/_2$ роты уже были на той сторонѣ канала, гдѣ онѣ сейчасъ же залегли и окопались.

Въ 2 часа ночи подошли главныя силы правой колонны, со своимъ начальникомъ Анисимовымъ. Пріѣхалъ начальникъ отряда Стессель. Подошли 2 роты храбрыхъ германцевъ, въ синихъ курткахъ, которые темной массой расположились въ отдаленіи. Подошла французская батарея.

Приволокли, наконецъ, и шаланды, которыя были немедленно спущены на воду. Къ сожалѣнію, благодаря Ганнибаловскому способу ихъ перевозки, 3 шаланды оказались подбиты и затонули. Въ остальныхъ шаландахъ начали перевозить людей, и кромѣ того былъ перекинутъ фашинный мостъ. Переправой завѣдывалъ Санниковъ. Несмотря на спѣшность и хрупкость способовъ передвиженія, всѣ стрѣлки благополучно перебрались, съ помощью матросовъ и саперъ, на другую сторону, и не было ни одного несчастнаго случая.

Луна выплыла изъ за тучъ и освѣтила низкіе пустынные берега Лутайскаго канала. Позади насъ, за полями кукурузы спали двѣ деревни. Китайскія батареи тоже спали.

Выше по каналу раздался выстрѣлъ. Нашъ дозоръ привелъ двухъ китайцевъ, которые были захвачены возлѣ деревни.

Генералъ Стессель приказалъ мнѣ ихъ допросить.

Генералъ Стессель.

Я отвелъ ихъ въ сторону. Оба китайца дрожали отъ страха, кланялись въ ноги и увѣряли, что они ни въ чемъ не виноваты. Я сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и говорили только правду. Китайцы нѣсколько успокоились и сообщили, что они поселяне, живутъ въ сосѣдней деревнѣ, пашутъ землю и вышли изъ фанзы ради одного любопытства, за которое они такъ тяжко наказаны. Они вовсе не солдаты, и никакихъ китайскихъ войскъ нѣтъ по сю сторону канала. Въ разстояніи около 10 ли—5 верстъ отсюда, по ту сторону канала расположились китайскія войска въ количествѣ около 10,000 человѣкъ. У нихъ есть и пушки. Все это я доложилъ генералу.

Въ то же время Анисимовъ представилъ генералу старую карту, на которой значилось, что кромѣ Лутайскаго канала имѣется еще другой каналъ, который преграждаетъ намъ путь къ китайскимъ позиціямъ. Разсвѣтъ былъ уже близокъ. Войска не имѣли ни времени ни средствъ переправиться черезъ второй каналъ, такъ какъ средства переправы были испорчены. Генералъ Стес-

соль былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Если переправить черезъ каналъ незначительный отрядъ, онъ можетъ не выдержать контръ-атаки китайцевъ. Если тамъ есть еще каналъ, то отрядъ можетъ быть отрѣзанъ и разбитъ. Но большой отрядъ также можетъ тамъ попасть въ ловушку между каналами.

Переправлять ли весь наступающій отрядъ на другую сторону канала или нѣтъ? Если тамъ, дѣйствительно, есть другой каналъ—время упущено и все дѣло потеряно.

— Теперь я попался!—проговорилъ генералъ, сѣлъ на камень и закрылъ лицо руками.—Послать казаковъ узнать!

Эсаулъ Ловцовъ съ нѣсколькими казаками поскакалъ въ карьеръ вдоль канала. 15 минутъ тянулось мучительное ожиданіе. А между тѣмъ востокъ быстро свѣтлѣлъ и нужно было открывать атаку. Далеко былъ слышенъ топотъ казачьихъ лошадей, который сперва затихалъ, а потомъ сталъ снова усиливаться. Казаки прискакали обратно.

— Никакого другого канала нигдѣ не видно, ваше пр-ство!—крикнулъ запыхавшійся Ловцовъ, съ другой стороны канала.

— Допросить еще китайцевъ!—приказалъ Стессель.

По каналу плыли шаланды съ рисомъ. Лодочники были схвачены, а ихъ баржи употреблены для переправы. Я допросилъ этихъ китайцевъ. Они говорили то-же самое, что китайскихъ войскъ и пушекъ ближе 10 ли не имѣется. Другого канала, кромѣ этого, также нѣтъ. Захваченные китайцы были оставлены подъ стражей, чтобы не дали знать китайскимъ войскамъ о приближеніи русскихъ.

Медлить нельзя было.

Тогда генералъ Стессель рѣшилъ раздѣлить силы, усилить авангардъ Ширинскаго и переправить на другую сторону еще 5 ротъ. Въ $3^3/_4$ ч. у. всѣ назначенныя силы безъ затрудненій перебрались на другую сторону и переправа кончилась. Остальная часть наступательной колонны пошла по сю сторону канала.

По фашинному мосту я также добрался до другого берега, провалившись въ воду только одинъ разъ. Услужливые саперы сейчасъ же вытащили меня изъ воды съ помощью веревокъ и досокъ. Лутайскій каналъ имѣетъ около 60 шаговъ ширины и 7 футовъ глубины; каналъ выкопанъ весьма основательно, но вода отдаетъ предками Китая, въ чемъ я могъ лично убѣдиться.

Стало свѣтать. Кругомъ необозримыя поля гаоляна. Китайцы наконецъ начали просыпаться. Одинъ китайскій кавалерійскій офи-

церъ поѣхалъ узнать, что за движеніе происходитъ у канала. Онъ налетѣлъ на нашъ секретъ — на нѣсколько стрѣлковъ, залегшихъ впереди авангарда, въ травѣ. Китайскій драгунъ, увидя русскихъ стрѣлковъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, очень испугался и мгновенно полетѣлъ обратно, но не успѣлъ... три нашихъ мѣткихъ пули настигли его, и онъ упалъ замертво съ лошади. Его конь былъ также убитъ.

Было 4 часа утра. Сумракъ разсѣялся и солнце своими косыми лучами ярко освѣщало двигающіяся русскія колонны по сю и по ту сторону Лутайскаго канала.

По ту сторону развернутымъ строемъ, примыкая къ каналу лѣвымъ флангомъ, быстро и плавно, какъ волна прилива, шли роты стрѣлковъ и взводъ казаковъ 3 Читинской сотни. За ними плыла вторая волна—резервъ, состоявшій изъ 3 ротъ. Это былъ авангардъ подполк. Ширинскаго.

По сю сторону, примыкая правымъ флангомъ къ каналу, шли: рота 12 полка, французская батарея изъ 6 орудій и германская рота. Въ резервѣ были: одна рота, 4 пулемета и другая германская рота. Это была колонна Анисимова.

Генералъ Стессель шолъ со своимъ штабомъ по сю сторону канала, управляя движеніемъ всѣхъ колоннъ. При немъ находился начальникъ штаба Илинскій и Вэйль. При Анисимовѣ Болховитиновъ. Въ разныхъ направленіяхъ носились казаки съ донесеніями.

Одна наша рота, моряки и саперы оставлены у переправы для ея охраны. Здѣсь же доктору Падлевскому поручено устроить перевязочный пунктъ, который, вмѣстѣ съ переправой, былъ перенесенъ затѣмъ ближе къ мѣсту боя.

Переправа на китайскихъ баржахъ.

Въ демонстративной колоннѣ

Далеко отъ насъ, со стороны лагеря, двигалась демонстративная колонна полковника Антюкова: 2, 3 и 8 роты 10 полка, которымъ въ 4 ч. утра было приказано открыть огонь, чтобы отвлечь въ ихъ сторону вниманіе противника. Грянулъ залпъ.

Въ отвѣтъ на залпъ этихъ храбрыхъ ротъ китайцы направили цѣлую тучу пуль со стороны зарослей и городского вала, а двѣ батареи у Шанхайгуаньскихъ воротъ и у желѣзнодорожнаго моста направили всѣ свои дула на отрядъ Антюкова. Ему пришлось принять на себя страшный орудійный и ружейный огонь, но онъ сдѣлалъ свое славное дѣло. Его демонстративная колонна въ дѣйствительности и неожиданно стала авангардной и на ней сосредоточился главный огонь боя.

Двѣ нашихъ полевыхъ батареи, подъ командою подполковниковъ Мейстера и Горошкова, наша новая батарея въ арсеналѣ, составленная изъ китайскихъ пушекъ, и „Дядя Томъ“ англійской батареи—всего 20 орудій—открыли убійственный огонь по китайскимъ батареямъ. Завязывается жестокая взаимная канонада. „Грохочутъ пушки“, лопаются шрапнели, убивая и калѣча людей своими осколками. „Грохочутъ пушки“... но теперь нельзя сказать словами поэта: „Дымъ багровый клубами всходитъ къ небесамъ.“ Только легкое облачко взвивается надъ орудіемъ, изъ котораго сдѣланъ выстрѣлъ. Теперь и мы и китайцы стрѣляемъ бездымнымъ порохомъ.

Около этого времени командующій войсками вице-адмиралъ Алексѣевъ, подъ огнемъ гранатъ и шрапнелей, проѣхалъ со своимъ штабомъ въ арсеналъ и съ вала сталъ наблюдать за ходомъ сраженія, давая оттуда необходимыя указанія.

Стрѣляя изъ своихъ полевыхъ орудій, наши батареи такъ засы-

пали снарядами китайскую батарею изъ 6 орудій, которая стояла у Шанхайгуаньскихъ воротъ, что китайцы подобрали свои пушки и благоразумно ушли за валъ. Но китайская батарея у желѣзнодорожнаго моста и фортъ продолжали стрѣлять очень сильнымъ огнемъ.

Въ 5³/4 ч. утра Антюковъ переходитъ въ наступленіе. Обѣ наши лихія батареи рысью слѣдуютъ впередъ и открываютъ огонь по китайской пѣхотѣ, которая засѣла въ заросляхъ, и по отдаленнымъ батареямъ. Подъ жестокимъ огнемъ непріятеля роты 10-го полка упорно идутъ впередъ, соблюдая полный порядокъ и не дѣлая ни одного выстрѣла. Наша артиллерія также молчитъ, чтобы не попасть въ нашихъ.

Въ 7 часовъ утра лѣсныя заросли взяты. Китайцы въ безпорядкѣ бѣгутъ за городской валъ и снова начинаютъ стрѣлять изъ за вала. Ихъ пулями убиты лошади подъ командиромъ полка Антюковымъ, его адъютантомъ поручикомъ Карѣевымъ и штабъ-горнистомъ.

Во 2-ой ротѣ 10-го полка раненыхъ еще не было, но какъ только рота двинулась впередъ, пули опять засвистали. Не успѣли стрѣлки пройти 50 шаговъ, какъ раздался первый стонъ раненаго. Сейчасъ же подбѣгаетъ стрѣлокъ къ ротному командиру штабсъ-капитану Комендантову съ докладомъ:

Шт.-Кап. Комендантовъ.

— Ваше благородіе, раненый есть!

— Не твое дѣло, пошолъ на свое мѣсто!—отвѣтилъ коротко Комендантовъ.

Только этотъ убѣжалъ на свое мѣсто, какъ съ другой стороны подбѣгаетъ другой съ тѣмъ же докладомъ.

Этотъ получилъ тотъ-же отвѣтъ и послѣ этого больше уже никто съ докладомъ не являлся. Но чѣмъ дальше подвигалась рота впередъ, тѣмъ чаще стали падать раненые и наповалъ убитые, но это роту не смущало. Она смѣло продолжала свое наступленіе, видя передъ собою такого неустрашимаго командира.

Увы! когда онъ, чтобы наблюдать за ротою, перешолъ отъ лѣваго фланга на правый, то здѣсь, передъ первымъ взводомъ, вражеская пуля сразила его. Смертельно раненый въ лѣвый бокъ, онъ упалъ на землю. Пуля попала въ футляръ бинокля, который висѣлъ съ лѣвой стороны, и прошла на вылетъ въ правый бокъ.

Находившійся въ 5 шагахъ слѣва поручикъ Мачуговскій подбѣжалъ къ раненому на помощь, но тутъ помощи уже не нужно было, а нужны были носилки, которыя шли въ тылу наступающей колонны. Видя, что раненый подняться уже не въ состояніи, поручикъ Мачуговскій приказалъ двумъ стрѣлкамъ остаться при раненомъ ротномъ командирѣ, а самъ бросился догонять роту, которая, не дрогнувъ и не останавливаясь, шла впередъ, несмотря на то, что въ одинъ мигъ вся рота знала о потерѣ своего командира. Мачуговскій повелъ роту за Комендантова.

Стрѣлки прошли еще немного впередъ. Еще печальная вѣсть: батальонный командиръ Голубицкій-Корсакъ раненъ. Впереди идущая рота, подъ адскимъ огнемъ противника, сразу потеряла ротнаго и батальоннаго командира. Всѣмъ стало ясно, что здѣсь дѣло идетъ на смерть!

Обстрѣлявъ китайцевъ, роты снова замолкли и, не обращая вниманія на безостановочный ружейный и орудійный огонь, роты преслѣдуютъ китайцевъ и взбираются на валъ. Уже много нашихъ стрѣлковъ попадало: кто убитъ, кто раненъ, но наши безумносмѣлые стрѣлки и ихъ офицеры не смущаются и все идутъ впередъ, Они уже взяли городской валъ, перекололи около сотни китайцевъ и бѣгутъ дальше за китайцами, которые въ ужасѣ и смятеніи спасаются за ихъ послѣдней защитой—насыпью желѣзной дороги.

Снова является 3-я батарея Мейстера съ его офицерами Петровымъ, Цытовичемъ и Правосудовичемъ. Занявъ позицію у Шанхайгуаньскихъ воротъ, откуда только что была выбита китайская батарея, они забрасываютъ бѣгущихъ китайцевъ шрапнелью.

Перебѣжавъ равнину, изрытую могилами, валами и рвами, 2, 3 и 8 роты 10 полка занимаютъ желѣзнодорожную насыпь, идущую вдоль китайскаго Тяньцзина, и изгоняютъ китайцевъ изъ ихъ третьей и послѣдней позиціи.

Въ 8 час. утра, вся мѣстность передъ вокзаломъ, лѣсныя заросли, городской валъ и полотно желѣзной дороги, весь этотъ районъ, который причинилъ столько бѣдствій нашимъ полкамъ и иностраннымъ отрядамъ,—былъ въ нашихъ рукахъ.

Въ этомъ дѣлѣ намъ товарищески помогла японская пѣхота. Японцы, во время нашего наступленія, двинулись со стороны вокзала и ударили въ правый флангъ китайцевъ, засѣвшихъ за насыпью. Ихъ помощь была очень въ пору.

Но не дешево досталась намъ эта побѣда. 3 славныя роты

10-го полка за 4 часа боя потеряли 99 раненыхъ и 19 убитыхъ нижнихъ чиновъ. Жестоко пострадала 2-я рота: ротный командиръ Комендантовъ смертельно раненъ въ животъ, фельдфебель и 3 взводныхъ были ранены, такъ что рота осталась безъ начальства. Всего же въ этой ротѣ 41 чел. нижн. чиновъ раненыхъ и убитыхъ. Ранены: подполковникъ Голубицкій-Корсакъ, поручикъ Щербининъ, тяжело раненъ въ ногу подпоручикъ Яблонскій. 2-я батарея потеряла: 7 раненыхъ и убитыхъ нижн. чиновъ и 4 ран. лошади. 3-я батарея потеряла: 3 ран. нижн. чина и 1 лошадь убитой.

Поручикъ Мачуговскій.

Въ правой колоннѣ

Колонна Анисимова и авангардъ Ширинскаго оказались счастливѣе.

Въ то время какъ колонна Антюкова продолжала свое блестящее движеніе, послѣдовательно занимая всѣ китайскія позиціи, бывшія на пути,—колонна Анисимова шла къ той же цѣли вдоль канала, по сю сторону, а авангардъ Ширинскаго, далеко виднѣвшійся въ полѣ въ видѣ двухъ бѣлыхъ цѣпей—передней и резервной, быстро наступалъ на китайскія позиціи съ сѣверо-восточной стороны города.

Впереди показалось около сотни китайскихъ кавалеристовъ. Нашъ залпъ заставилъ кавалеристовъ бѣжать въ ближайшую импань, откуда они стали стрѣлять по нашимъ. Было видно, какъ одного стрѣлка уже положили на носилки. Стали долетать съ воемъ и свистомъ гранаты и шрапнели—но пока, слава Богу, еще благополучно. На горизонтѣ китайскаго города взвился столбъ дыма, сопровождавшійся отдаленнымъ гуломъ: русская граната взорвала пороховой погребъ въ китайской импани. Это было хорошее предзнаменованіе.

Со стороны канала было отчотливо видно, какъ либо спереди либо позади нашихъ ротъ вдругъ что-то взрываетъ песокъ и подымаетъ облако пыли: это упала граната. То облачко вдругъ забѣлѣетъ въ воздухѣ и послышится взрывъ: это разорвалась въ воздухѣ шрапнель и осыпала осколками стали и чугуна.

На берегу канала одиноко стояло странное каменное строеніе. Генералъ Стессель приказалъ осмотрѣть это зданіе. Капитанъ Болховитиновъ и поручикъ 12-го полка Корниловичъ съ отдѣленіемъ солдатъ вошли въ проломанныя ворота и нашли тамъ

3 дома, которые были доверху набиты ящиками съ порохомъ и взрывчатыми веществами. Четвертый домъ былъ полонъ снарядовъ.

Генералъ Стессель предложилъ французскому капитану Жозэфу, командиру французской горной батареи, которая шла въ колоннѣ полковника Анисимова, взорвать этотъ пороховой складъ, пока этого не сдѣлали китайцы—при приближенiи русскихъ войскъ. Бравый капитанъ Жозэфъ, недавно прiѣхавшiй изъ Кохинхины со своей батарей, взялся исполнить это дѣло.

Войскамъ авангарда было приказано поспѣшно продвинуться впередъ, другимъ частямъ остановиться позади.

Французскiе артиллеристы.

Переправившись черезъ каналъ и оставивъ лошадь на той сторонѣ, я отправился пѣшкомъ вдоль берега, по самому обрыву, съ котораго хорошо были видны и авангардъ Ширинскаго и по ту сторону канала Стессель, Анисимовъ и ихъ колонна. Солнце стояло уже высоко и горячими лучами жгло и стрѣлковъ, шедшихъ длинными бѣлыми нитями по обнаженной равнинѣ, и китайцевъ, которые въ смятенiи скакали на лошадяхъ въ разныя стороны. Далеко были видны ихъ цѣлыя отряды въ синихъ курткахъ, которые куда то бѣжали.

Видъ былъ живописный. Но идти вдоль канала было очень непрiятно. Хотя гранаты и завывали, но давали значительный перелетъ. Пули же посвистывали безпрестанно, вонзались въ обрывъ и мнѣ все казалось, что вотъ я сдѣлаю шагъ — и наступлю на пулю.

На берегу встрѣчались хижины, огороды, кумиренки, обжигательныя печи. Все было, какъ видно, только что брошено. Все бѣжало.

Большое каменное зданіе, причудливаго вида, снаружи безъ оконъ и дверей, увѣнчанное остроконечными крышами и обнесенное высокой каменной и совершенно глухой оградой, преграждало путь.

Изъ любопытства, вполнѣ извинительнаго въ кореспондентѣ, я пробрался въ это зданіе черезъ единственную отворенную дверь и наткнулся на нашихъ офицеровъ Болховитинова и Корниловича.

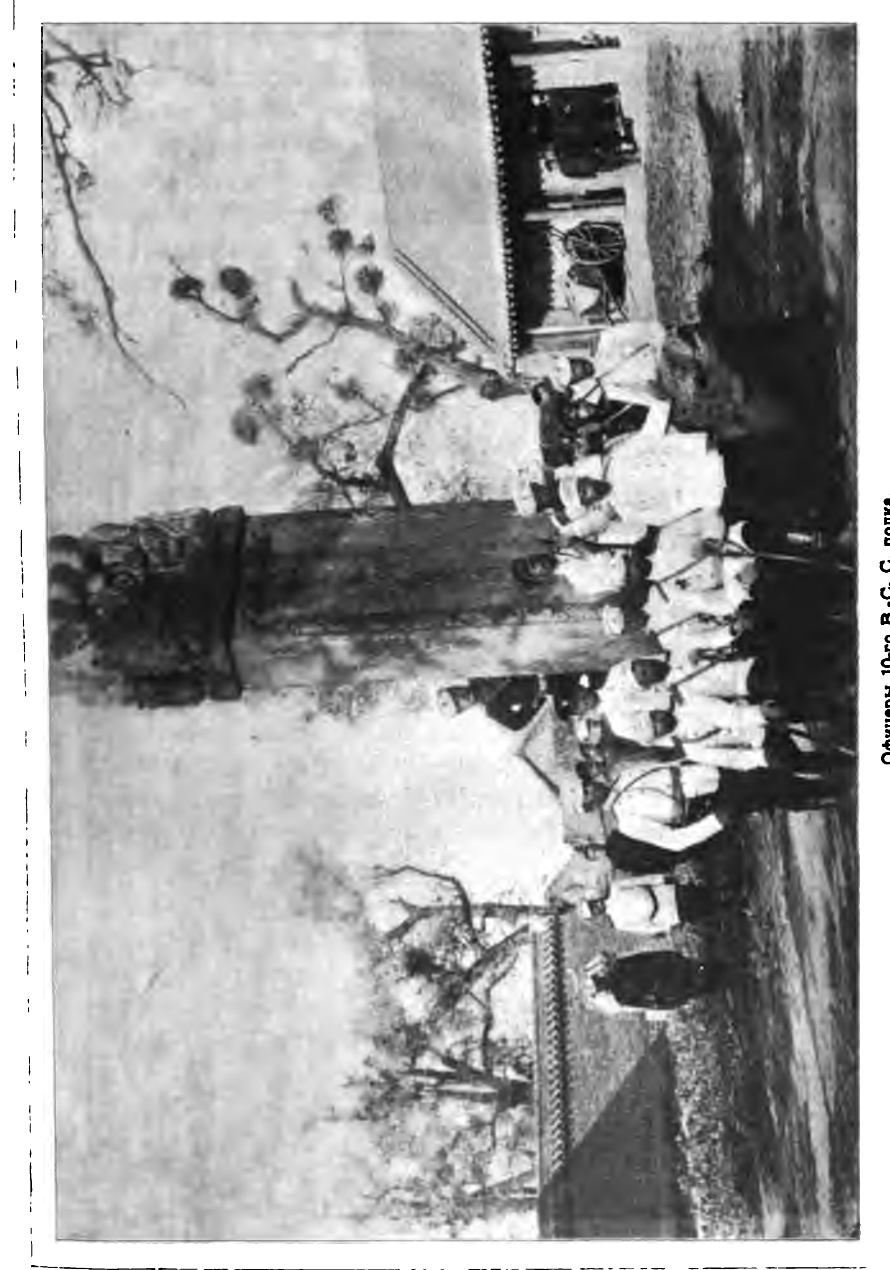
— Что вы здѣсь шатаетесь? Убирайтесь отсюда, пока есть время! иначе взлетите на воздухъ!—закричали они и ускакали.

Взрывъ порохового склада 30 іюня 1900 г.

Я оглянулся. Повсюду видны одни ящики. Я вышелъ изъ этого таинственнаго зданія и съ китайской быстротой побѣжалъ дальше вдоль канала, среди какого-то сада. Позади меня пробирались казаки и вели подъ уздцы лошадей.

Неизвѣстная сила заставила меня сдѣлать сальтомортале въ воздухѣ и бросила съ казаками и лошадьми на землю. Я увидѣлъ передъ собой величественнѣйшее зрѣлище, которое я не въ силахъ передать, и которое я вѣроятно видѣлъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Океанъ пламени всѣхъ цвѣтовъ радуги, чорные и золотые, алые и бирюзовые лучи—вся эта волшебная фантасмагорія огня и искръ на одно мгновеніе застыла высоко въ воз-

Офицеры 10-го В.-С. С. полка.
(Въ Мукденѣ у древняго китайскаго памятника).

духѣ и также мгновенно исчезла, смѣшавшись съ туманомъ золы, сажи и дыма, который, какъ исполинскій грибъ, медленно подымался кверху.

Этотъ сѣрый грибъ-великанъ клубился и извивался вокругъ самого себя, подымался все выше и выше къ небу и вытянулся на версту высоты, освѣщаемый боковыми лучами солнца.

Двѣсти тысячъ пудовъ пороха взлетѣли на воздухъ. Взрывъ былъ слышенъ, какъ говорили, въ Тонку, на протяженіи 40 верстъ. Кругомъ, въ разстояніи 3—4 верстъ, всѣ люди и лошади попадали. Благодаря сильнѣйшему сотрясенію почвы, вода въ каналѣ вышла изъ своихъ береговъ.

Въ городѣ, т. е. за 5 верстъ былъ слышенъ оглушительный ударъ, всѣ зданія дрогнули и во многихъ окнахъ стекла были разбиты.

Генералъ Стессель и бывшія возлѣ него лица: Илинскій, Вэйль, поручикъ Пипко, лейтенантъ Пекарскій и сотникъ Григорьевъ были ближе всѣхъ къ мѣсту взрыва и всѣ были раскиданы въ разныя стороны, причемъ Стессель былъ раненъ въ руку.

Сейчасъ же послѣ взрыва съ неба посыпался дождь золы, сажи и осколковъ, и всѣ мы были окружены непроницаемымъ удушливымъ дымомъ, въ которомъ можно было бы задохнуться, если бы вѣтеръ не понесъ весь этотъ туманъ на китайцевъ.

На нашъ авангардъ этотъ взрывъ подѣйствовалъ какъ сигналъ къ рѣшительной и отчаянной атакѣ. Оправившись отъ паденія и естественнаго испуга, роты Ширинскаго, въ порывѣ какого то восторга и пыла, закричали ура и бросились впередъ. Окутанные клубами дыма, съ криками ура, 8 ротъ бѣжало полторы версты неудержимо впередъ. Наши стрѣлки забрали 2 китайскихъ лагеря, выбили китайцевъ изъ попутныхъ деревень, забрали 1 большое осадное орудіе, которое стояло у канала, взобрались на городской валъ, выбили китайцевъ съ вала, ринулись далѣе впередъ и взобрались на желѣзнодорожную насыпь, за которою они увидѣли китайскую батарею въ 8 орудій и большой китайскій лагерь. Слѣва у желѣзнодорожнаго моста стояло 4 орудія.

Напуганные взрывомъ, не видя русскихъ войскъ въ дымномъ туманѣ, который несся со стороны непріятеля, китайцы совершенно растерялись. Они не знали, куда стрѣлять. Ничего не видя передъ собой, кромѣ дыма, они стали стрѣлять безпорядочно, куда попало, совершенно не ожидая нападенія русскихъ со стороны насыпи желѣзной дороги.

12-го полка подпоручикъ Краузе со взводомъ 3-й роты того-же полка бросился сзади на китайскую батарею и взялъ 4 орудія. Часть прислуги была заколота, другая часть погибла въ каналѣ.

Китайцы въ смятеніи забѣгали по лагерю и не знали, что дѣлать. Пытались увезти остальныя 4 орудія, но наши мѣткіе стрѣлки подстрѣлили лошадей и 3 орудія попались въ наши руки. Четвертое китайцамъ удалось увезти. Атакуя непріятеля на протяженіи почти версты съ удивительной отвагой, всѣ роты, составлявшія авангардъ Ширинскаго, почти одновременно собрались у желѣзнодорожной насыпи, овладѣвъ 2 лагерями, городскимъ валомъ, насыпью желѣзной дороги и важнѣйшей позиціей—китайской батареей у желѣзнодорожнаго моста. 7 прекраснѣйшихъ орудій Круппа были взяты у китайцевъ. Между ними были дальнобойныя осадныя орудія и скорострѣлки. Шт. капитанъ артиллеріи Петровъ подготовилъ эти орудія къ дѣйствію и, не долго думая, направилъ ихъ дула противъ китайцевъ-же.

На полѣ битвы.

Китайская деревня.

Среди розъ и гранатъ

Оправившись отъ взрыва, я поднялся и увидѣлъ, что мои спутники казаки лежатъ на землѣ вмѣстѣ съ лошадьми и не понимаютъ, что съ ними случилось.

— Здо́рово!—сказали казаки.—Это кто же въ кого? Мы въ нихъ али они въ насъ?

Задыхаясь въ туманѣ дыма, сажи и пепла, мы побѣжали впередъ... Куда?.. Мы не знали. Но тамъ, за рощей, наши кричали ура. Мы устремились впередъ.

Я бѣжалъ по какимъ то обрывамъ, дорожкамъ и огороднымъ грядкамъ, тщательно воздѣланнымъ рукою трудолюбиваго китайца. Бѣжалъ мимо чистенькихъ домиковъ и цыновочныхъ шалашей и наконецъ попалъ въ китайскій лагерь, только что брошенный. Я потерялъ казаковъ и остался одинъ въ рощѣ, среди синихъ палатокъ, валявшихся ружей и куртокъ. Наши войска были гдѣ то впереди.

Испуганные взрывомъ китайцы потеряли голову и направивъ въ нашу сторону нѣсколько орудій стали стрѣлять безъ остановки

и безъ разбора. Шрапнели и гранаты рвались надъ рощей и ломали сучья деревьевъ. Я не зналъ, куда бы укрыться, чтобы только передохнуть отъ этого адскаго треска и воя.

Какъ я заглядывался на золотистые персики и гранаты, не на тѣ гранаты, которыя пугали меня однимъ своимъ несноснымъ гуломъ, а на тѣ, что уже наливались въ садахъ.

Какъ я завидовалъ этимъ легкокрылымъ бабочкамъ и трещавшимъ кузнечикамъ, которые беззаботно порхали надъ цвѣтами и могли взлетать даже выше гранатъ. Для этихъ слабѣйшихъ и мимолетныхъ созданій были не страшны тѣ грозныя орудія, которыя заставляли дрожать войска.

Какъ я любовался на эти веселенькія розы, колокольчики и бархатки, которыя были взлелѣяны китайцемъ въ его крохотномъ огородикѣ. Какъ я старался отвлечь свое вниманіе отъ гранатъ, глядя на привѣтливые невинные цвѣты, въ ихъ красивомъ и нѣжномъ разноцвѣтномъ убранствѣ! Вѣдь красота—это улыбка и отраженіе вѣчности. А гдѣ есть спокойное величавое вѣчное, тамъ нѣтъ мѣста для жалкихъ и преходящихъ чувствъ страха.

Но какъ же тутъ не бояться, когда надъ головою воздухъ съ оглушительнымъ воемъ разсѣкаютъ гранаты?

Я прямо изнемогалъ отъ того непріятнаго чувства, которое называютъ страхомъ, хотя правильнѣе было бы его назвать страстной жаждой жизни. Я нашолъ какой-то могильный холмъ и сѣлъ позади него.

Наконецъ, у этой могилы я нашолъ себѣ жизнь. Этотъ холмъ могъ уберечь меня только отъ гранатъ, но не отъ шрапнели, но возлѣ него было всетаки какъ то спокойнѣе. Ко мнѣ подобрались наконецъ и казаки съ лошадьми. Съ живыми людьми мнѣ стало еще легче. Казаки поставили лошадей хвостомъ къ китайцамъ и сами усѣлись возлѣ меня. Ихъ удивительное спокойствіе придало мнѣ бодрости. Мы передохнули и поплелись дальше.

Я съ радостью увидѣлъ человѣкъ пять нашихъ стрѣлковъ, которые охраняли только что взятыя у китайцевъ два большихъ орудія на высокомъ обрывѣ канала, скрытыя ивами и тополями.

Стрѣлки весело болтали между собою, разсказывали, какъ они шли по той сторонѣ канала, увидали эту батарею, бросились въ каналъ съ винтовками, переплыли, взобрались на берегъ и такъ напугали китайцевъ, что тѣ бѣжали, оставивъ имъ двѣ пушки, ружья, палатки и мѣшокъ съ огурцами.

Солдаты ѣли эти огурцы, похваливали ихъ и угостили меня.

Я съ удовольствіемъ сталъ закусывать сочнымъ жолтымъ огурцомъ и радъ былъ поговорить съ этими неустрашимыми и неунывающими стрѣлками, которыхъ заботила не шрапнель, трещавшая въ лѣсу, а мысль о томъ, дадутъ ли имъ кресты за пушки.

— Митроха,—сказалъ одинъ красивый молодой стрѣлокъ съ острыми глазами, — подержи-ка огурецъ. Никакъ тамъ манзюкъ проклятый съ ружьемъ бродитъ. Дай-ка винтовку. Ага, испугался, далъ тяги! Вотъ тебѣ! Чтобъ не лазилъ!

Стрѣлокъ выстрѣлилъ.

— Готовъ! покатился. Больше не встанетъ! Весь паръ вышелъ. Ну, Митроха, давай огурецъ, доѣмъ.

Стрѣлокъ сѣлъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ доѣдать вкусный огурецъ.

Я оглянулся. Убитый китайскій солдатъ съ ружьемъ выбѣжалъ изъ того самаго лагеря, въ которомъ я только что былъ. Но почему онъ тамъ замѣшкался и не убилъ меня—не знаю.

Нужно было идти дальше. Черезъ лѣсъ я пробрался къ желѣзнодорожному мосту—цѣли сегодняшней атаки авангарда.

Радостно мнѣ было встрѣтить цѣлыми и невредимыми нашихъ офицеровъ, съ которыми я разстался ночью, не зная встрѣчу ли я ихъ живыми утромъ.

Весь авангардъ расположился подъ прикрытіемъ желѣзнодорожной насыпи въ китайскихъ палаткахъ. Но испытаніе еще не кончилось.

Зная, что русскіе овладѣли ихъ лагеремъ, китайцы стали упорно бомбардировать лагерь. Чтобы какъ-нибудь забыться и не слышать этого свиста и грохота, я подобно страусу, спасающемуся въ пескѣ, легъ въ палаткѣ и заснулъ. Мнѣ казалось, что въ палаткѣ безопаснѣе, и этотъ самообманъ успокаивалъ. Черезъ часъ я проснулся и почему-то вышелъ изъ палатки. На мое мѣсто прилегъ фельдфебель 10-го полка. Онъ не долго лежалъ. Раздался трескъ шрапнели и бѣдный фельдфебель закричалъ. Осколокъ шрапнели раздробилъ ему ногу. Тогда же былъ контуженъ въ голову подполковникъ 10-го полка Дювернуа. Ранены поручики Щербининъ и Вонсовичъ.

Въ 8 ч. 30 м. утра всѣ три русскія колонны: полк. Анисимова, Антюкова и Ширинскаго были на желѣзнодорожной насыпи. Еще французская батарея продолжала громить китайскій лагерь и китайскія орудія, поставленныя въ городѣ; еще китайскіе форты и батареи продолжали отстрѣливаться и посылали намъ гранаты и

шрапнели; еще происходила одиночная ружейная перестрѣлка;—но побѣда съ этого момента была уже одержана русскими войсками. Главная часть дѣла была уже сдѣлана и участь Тяньцзина рѣшена.

Китайскія войска, видя отважное наступленіе русскихъ съ разныхъ сторонъ, видя, что ихъ не останавливають ни гранаты, ни пули, видя, что само небо покровительствуетъ русскимъ, покрывая ихъ движеніе непроницаемымъ дымомъ, видя, что русскія гранаты залетаютъ въ ихъ крѣпости и ямыни,—пришли въ ужасъ и смятеніе и рѣшили бѣжать. Китайскій городъ, огромный лагерь и всѣ импани—форты съ орудіями, все было брошено на произволъ судьбы.

Днемъ китайскія пушки запѣли свою лебединую пѣснь: гранаты гремѣли, пули свистѣли и шрапнели трещали надъ новыми русскими позиціями. Но китайцы въ смятеніи стрѣляли куда попало и не могли опредѣлить наше расположеніе.

Китайскія пушки стали постепенно замолкать. Китайскія войска съ вечера начали повальное и безпорядочное бѣгство изъ лагеря и импаней.

Вечеромъ прикатили походныя кухни и нашимъ солдатамъ, промаявшимся цѣлую ночь и цѣлый день безъ пищи, въ жарѣ и трудѣ, приготовили горячій супъ.

Офицеры угощали другъ друга кто холоднымъ чаемъ въ бутылкѣ, кто сухаремъ, а кто даже виномъ. Спать легли либо въ китайскихъ палаткахъ, либо подъ открытымъ небомъ.

Ночь прошла спокойно. Уставшія войска были замѣнены новыми.

Англо-китайскій Вэйхайвэйскій полкъ.

Атака союзниковъ

Рано утромъ 30 іюня, когда русскіе шли брать Тяньцзинъ съ востока, союзники начали наступать съ юга, въ числѣ около 5000 человѣкъ. Тутъ было около 2400 японцевъ, подъ начальствомъ генерала Фукушима; 1100 американцевъ съ полковникомъ Лискэмъ; 800 англичанъ Валійскаго, Гонконгскаго и Вэйхайвэйскаго полковъ съ генераломъ Дорвардомъ; 800 французовъ съ полковникомъ Пеллако и 130 австрійцевъ.

Лишь только взошло солнце—сигналъ для общаго наступленія, 42 орудія союзниковъ, которыя были разставлены по западному фасу концессій, начали жестокую бомбардировку китайскаго города, занятаго войсками.

Союзники двинулись. Въ центрѣ шли японцы, позади нихъ французы. На правомъ флангѣ шли англичане и американцы. На лѣвомъ также англичане и американцы. Послѣдніе составляли крайнія крылья наступающихъ войскъ. Китайцевъ-солдатъ Вэйхай-

вэйскаго полка англичане въ бой не взяли, а поручили имъ только уборку раненыхъ, вѣроятно, не очень довѣряя преданности и храбрости этого опереточнаго англо-китайскаго полка.

Китайцы не испугались. Сидя за бойницами крѣпкихъ высокихъ стѣнъ, окружающихъ квадратомъ городъ и составляющихъ какъ бы кремль Тяньцзина, скрываясь въ каменныхъ домикахъ, разбросанныхъ тысячами вокругъ города, они направили на двигавшіяся колонны иностранцевъ градъ ядеръ и пуль изъ скорострѣльныхъ пушекъ, Маузеровъ, Винчестеровъ, Манлихеровъ и фальконетовъ. Китайцы знали, что если они отдадутъ свой городъ, то пощады не будетъ, и выбивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы не допустить союзниковъ до стѣнъ и воротъ своего кремля. Они засыпали тучами свинцовыхъ раскаленныхъ пуль союзниковъ, которые все шли по открытой болотистой равнинѣ, не находя нигдѣ прикрытія.

Русскіе уже давно заняли всѣ полевыя укрѣпленія и стали у желѣзной дороги передъ городомъ, но союзники все еще не могли добраться до своей цѣли. Японцы все рвались впередъ, хотя уже имѣли около 300 раненыхъ и убитыхъ. Американцы наскочили на двѣ китайскихъ пушки, которыя были скрыты между развалинами въ 30 саженяхъ отъ нихъ и вырывали у нихъ людей десятками. Къ вечеру у нихъ было 120 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Американскіе солдаты залѣзли по горло въ илистый ровъ и объявили своимъ офицерамъ, что если ихъ командиры не умѣютъ вести какъ слѣдуетъ свой отрядъ, то они сами дальше не пойдутъ. Такъ потомъ разсказывали въ Тяньцзинѣ.

Начальникъ американскаго отряда полковникъ Лискэмъ, спасая падавшее знамя изъ рукъ убитаго знаменоносца, былъ тяжело раненъ пулей и скоро скончался. Изъ другихъ американскихъ офицеровъ капитанъ Дэвисъ былъ убитъ, капитаны Лонгъ и Лемли и лейтенантъ Бутлеръ ранены. Лейтенантъ Леонардъ потерялъ руку.

Когда стемнѣло, американцы отступили.

Наступила ночь и подъ ея прикрытіемъ китайцы рѣшили уйти изъ Тяньцзина, оставивъ отряды, которые должны были отстрѣливаться. Одинъ иностранный командиръ обратился къ генералу Фукушима съ предложеніемъ отступить, въ виду невозможности атаки.

— Если я дамъ какой-нибудь приказъ, то только о штурмѣ!— отвѣтилъ твердо отважный японскій генералъ.

Это былъ тотъ самый Фукушима, который нѣсколько лѣтъ назадъ,

въ чинѣ маіора, проѣхалъ всю Сибирь верхомъ и прибылъ въ Петербургъ. Онъ говоритъ порусски и на другихъ новыхъ языкахъ.

Ночью продолжали наступленіе. Китайцы все стрѣляли со стѣнъ кремля. Скоро свалилось 5 убитыхъ и 40 раненыхъ англичанъ.

Наконецъ японцы, которые безостановочно шли впереди всѣхъ союзниковъ, прикрываясь темнотою ночи, подкрались къ городскимъ воротамъ и въ 3 часа 20 мин. взорвали первыя дубовыя ворота, послѣ чего, не теряя времени, взорвали вторыя, такъ какъ городскія ворота были двойныя, какъ обыкновенно въ Китаѣ. Въ то же время нѣсколько японскихъ смѣльчаковъ взобралось по камнямъ на стѣну, проникли внутрь и растворили изломанныя и расщепленныя взрывами ворота. Японцы, а за ними англичане и французы ворвались въ городъ, и началась взаимная рѣзня между вторгшимися и тѣми, кто до послѣдней капли крови отбивался и защищалъ свои древнія стѣны. Большая часть китайскихъ войскъ уже успѣла уйти.

Генералъ Фукушима.

Тяньцзинъ былъ взятъ, но онъ достался не дешево. За эти кровавыя сутки союзники потеряли 714 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, въ томъ числѣ 31 офицера.

Потери японцевъ были: 18 офицеровъ раненыхъ и убитыхъ; нижнихъ чиновъ—105 убитыхъ и 279 раненыхъ. Потери французовъ: 7 офицеровъ и 134 солдата раненыхъ и убитыхъ. Потери американцевъ: 6 офицеровъ и 120 солдатъ раненыхъ и убитыхъ. У англичанъ 45 раненыхъ и убитыхъ.

Вмѣстѣ съ русскими потерями международные отряды всего потеряли 882 человѣка и въ этомъ числѣ 38 офицеровъ.

Силы союзниковъ, двинутыя противъ Тяньцзина, были раздѣлены приблизительно на два равныхъ отряда: восточный, состоявшій изъ русскихъ, французовъ и германцевъ, имѣлъ 4770 штыковъ, и южный изъ японцевъ, американцевъ, французовъ, англичанъ и австрійцевъ имѣлъ 5130 штыковъ. Всего 9900.

Трудности и препятствія были приблизительно равныя для обоихъ отрядовъ. Приходилось наступать какъ тѣмъ, такъ и другимъ по открытой равнинѣ, не имѣвшей прикрытій. Южному отряду предстояло брать вооруженныя стѣны города. Восточному отряду нужно было брать цѣлый рядъ укрѣпленныхъ полевыхъ позицій, но потерь въ южномъ отрядѣ было въ 4 раза больше, чѣмъ въ восточномъ—714 противъ 168.

Объяснить эту огромную разницу можно только тѣми тактическими преимуществами, тою осторожностью и умѣніемъ руководить боемъ, которыя были выказаны русскими, командовавшими восточнымъ отрядомъ. Ночное наступленіе, ночная переправа, обходное движеніе авангарда и высылка демонстративной колонны—всѣ тактическія задачи, совершенно ошеломившія противника, прекрасно задуманныя и точно выполненныя русскими командирами, были причиною быстраго и наибольшаго успѣха восточнаго отряда съ наименьшими потерями.

Южный отрядъ шолъ безъ опредѣленной диспозиціи, напроломъ, днемъ, предполагая, вѣроятно, что китайцы испугаются одного вида наступающихъ колоннъ и не выдержатъ штурма. Но китайцы неожиданно оказали очень серьезное сопротивленіе.

Послѣ того, какъ русскими силами были взяты всѣ полевыя позиціи китайцевъ, предстояло брать импани-форты и войти въ городъ.

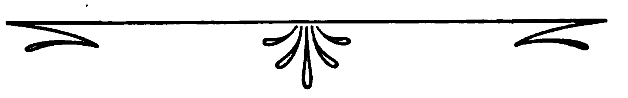
Адмиралъ Алексѣевъ, не желая подвергать ввѣренныя ему войска новымъ жертвамъ и выжидая результатовъ дневного наступленія, приказалъ пріостановить дальнѣйшія военныя дѣйствія. Его осторожность и предусмотрительность удачно совпали съ рѣшеніемъ китайскихъ генераловъ бросить Тяньцзинъ и отступить къ Бэйцану.

Форты были взяты нами на другой день безъ всякаго сопротивленія китайцевъ и безъ ненужнаго кровопролитія.

Результаты сраженія 30 іюня были слѣдующіе: китайскія войска ушли изъ Тяньцзина; уничтожены всѣ китайскія позиціи, преграждавшія путь на Пекинъ; захвачена желѣзная дорога, ведущая къ Пекину, и занятъ Лутайскій каналъ, благодаря чему Тяньцзинъ отрѣзанъ отъ военнаго городка Лутай, откуда онъ могъ получать подкрѣпленія.

Паденіе Тяньцзина

1 Іюля

На другой день утромъ шт.-капитанъ Полторацкій съ полуротой 7 р. 12 полка и капитанъ Болховитиновъ отправились на развѣдку въ китайскій городъ. Они заняли большой лагерь, оставленный китайцами въ полномъ безпорядкѣ, и 4 покинутыя импани со всѣми орудіями, числомъ около 50. Смѣлая полурота Полторацкаго была замѣчена китайскими войсками, которыя только что выходили изъ города и открыли по нашимъ огонь. Полторацкій навелъ на китайцевъ ихъ же орудіе и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Китайцы прекратили огонь и продолжали свое бѣгство.

Въ день боя нашими войсками было взято 7 орудій, 2 лагеря 20 знаменъ. Ранено 7 офицеровъ. Ранено 133 нижн. чина, убито 28 нижнихъ чиновъ, 11 лошадей убито, 9 ранено. Выпущено нашими батареями около 1000 снарядовъ. Пороховой складъ былъ взорванъ тремя выстрѣлами французской батареи на разстояніи 840 метровъ. 2 выстрѣла было сдѣлано неначиненными гранатами, которыя попали въ зданіе, но не произвели взрыва. Третья граната, наполненная мелинитомъ, взорвала складъ. Дистанцію опредѣляли кап. Жозефъ и лейт. Лакордэръ. Французы потеряли въ этотъ день 27 ранеными. Тяжело раненный Комендантовъ скоро скончался.

На другой день русскими были заняты: главный лагерь, 4 импани со всѣмъ снаряженіемъ, ямынь вице-короля и дворецъ Императрицы. Всюду водружены русскіе флаги. Такъ называемый Чорный фортъ, расположенный при выходѣ Лутайскаго канала изъ рѣки Пэйхо, занятъ нами.

По извѣстіямъ, передаваемымъ китайцами, въ Тяньцзинѣ китайскихъ войскъ было около 15.000. Ихэтуанцевъ, изъ которыхъ большинство было вооружено ружьями, было въ разное время отъ 20 до 30 тысячъ. Потери между китайскими войсками, ихэтуан-

Завоеванный Тяньцзинъ

(Посреди русскій флагъ. Слѣва импань-фортъ. Справа на горизонтѣ разрушенная башня и Католическій соборъ).

цами и жителями очень велики. Опредѣлить ихъ нѣтъ возможности. Европейскія гранаты произвели много разрушеній. Въ городѣ жители и войска нѣсколько разъ возмущались противъ ихэтуанцевъ, которыхъ считали виновниками всѣхъ нынѣшнихъ бѣдствій и ужасовъ, и вырѣзали и перестрѣляли ихъ нѣсколько тысячъ. Милліонное населеніе города опустѣло болѣе чѣмъ наполовину, такъ какъ сотни тысячъ жителей бѣжали. Китайскіе генералы Нѣ Ши Чэнъ, Ху Дѣнь Цзя и Ванъ Тунъ Линъ убиты. Помощникъ Сунъ Цина, командовавшаго войсками, знаменитый Ма Ю Куэнь раненъ.

Про Нѣ Ши Чэна китайцы передавали впослѣдствіи, что предвидя исходъ несчастнаго сраженія, гордый Нѣ не хотѣлъ пережить пораженіе китайскихъ войскъ и паденіе Тяньцзина и нарочно выѣхалъ близко къ непріятельскимъ позиціямъ, чтобы быть убитымъ. Иностранная пуля немедленно сразила его.

1 іюля осада Тяньцзина, продолжавшаяся ровно 4 недѣли, была снята.

На благородномъ мулѣ чистой китайской крови я поскакалъ вслѣдъ за Полторацкимъ. Мулъ шолъ не особенно быстро, но очень твердо и упорно заворачивалъ во всѣ китайскіе дворы, вѣроятно, отъ души желая, чтобы я разбилъ себѣ лобъ о ворота.

По ту сторону желѣзнодорожнаго полотна, занятаго нами, былъ разбитъ большой китайскій лагерь. Онъ былъ брошенъ со всѣмъ своимъ добромъ. Валялись тѣла убитыхъ китайскихъ солдатъ, которыхъ уже объѣдали мухи и собаки. Валялись форменныя куртки, сапоги, ружья, пояса, сабли, цѣлые ящики съ патронами, фонари, лампочки, одѣяла, миски съ недоѣденной кашей, чайники съ чаемъ и бутылки съ суліей—водкой. Всюду валялись разбросанныя колоды китайскихъ картъ, которыми солдаты видно часто забавлялись. Неужели они были такъ убѣждены въ своей непобѣдимости и ничтожествѣ международныхъ силъ, что находили время играть въ карты?

Изъ лагеря черезъ деревянный мостъ я проѣхалъ въ китайскій Тяньцзинъ, въ которомъ еще недавно неистовствовали боксеры, который громилъ насъ четыре недѣли и причинилъ намъ столько горя.

На мосту лежалъ трупъ старика-китайца. Возлѣ него сидѣли женщины, которыя голосили и плакали навзрыдъ. Повидимому, эти женщины оплакивали главу ихъ семьи, случайно убитаго осколкомъ нашей гранаты. Пугливыя китаянки не боялись ни проѣзжающаго иностранца, ни проходящихъ враговъ-солдатъ. Съ потерей ихъ мужа и отца для нихъ все было потеряно.

— Мы не хотимъ жить! Убейте насъ и похороните вмѣстѣ съ нимъ!—вопили онѣ.

Наши концессіи жестоко пострадали отъ китайскихъ гранатъ. Но и китайскій Тяньцзинъ былъ за это отомщонъ. Всюду были слѣды европейской бомбардировки. Дома мирныхъ китайцевъ были пробиты ядрами. Крыши, стѣны и ограды носили пробоины отъ разорвавшейся шрапнели. По улицамъ я встрѣчалъ тѣла бѣдняковъ-китайцевъ, убитыхъ осколкомъ или пулей. Некому было ихъ подобрать. Ихъ навѣщали только мухи, собаки и свиньи.

При моемъ проѣздѣ китайцы кланялись и показывали свои бѣлые флаги изъ холста или бумаги. Ихъ невозмутимыя лица были еще болѣе сдержанны и непроницаемы. Мнѣ казалось, что ихъ холодные глаза и притворныя улыбки покорности и униженія говорили:

— Да, мы покорены вами, побѣждены, поруганы, опозорены, мы ваши рабы, съ которыми вы можете и будете дѣлать все, что хотите. Но знайте, что нашей китайской гордости и нашей вѣры вы никогда не сломите и мы всегда будемъ васъ презирать, потому что на вашей сторонѣ только насиліе, обманъ и дерзость, а на нашей правда и четыре тысячелѣтія жизни, потому что мы—китайцы, а вы—варвары.

На всѣхъ домахъ были вывѣшены бѣлые флаги, на которыхъ были написаны кистью два іероглифа „шунь минъ"—„мирный народъ". Страхъ передъ японцами, нагнанный еще съ послѣдней войны между Японіей и Китаемъ, былъ такъ великъ, что большею частью я встрѣчалъ флаги съ краснымъ пятномъ посрединѣ—изображающимъ Восходящее Солнце японскаго флага—и съ надписью „Да Жи Бэнь шунь минъ"—„мирный народъ великой Японіи".

Вообще всюду, куда я ни оглядывался, я видѣлъ слишкомъ много японскихъ флаговъ. Говорили, что предусмотрительные японцы запаслись огромнымъ количествомъ готовыхъ флаговъ своей націи, занявъ Тяньцзинскіе кварталы, сейчасъ же раздавали ихъ жителямъ.

Артиллерійская импань, захваченная Полторацкимъ, оказалась вооружена прекрасными новѣйшими орудіями, о существованіи которыхъ по странной случайности никто изъ европейцевъ въ Тяньцзинѣ не зналъ. Напротивъ, говорили, что китайскіе форты вооружены одними деревянными пушками.

Чорный фортъ, выкрашенный въ чорный цвѣтъ, съ нарисованными бойницами и драконами, производившій такое сильное впе-

чатлѣніе на миссіонеровъ, былъ дѣйствительно грозенъ на видъ, но его вооруженіе состояло изъ старыхъ чугунныхъ пушекъ. На этомъ форту были подняты два флага—русскій и японскій.

Въ занятыхъ нами импаняхъ были поставлены наши караулы.

Черезъ китайскіе кварталы по узкимъ грязнымъ улицамъ я поѣхалъ къ вокзалу, котораго не видѣлъ четыре недѣли. Китайцы всюду почтительно кланялись и показывали бѣлые флаги. Чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ больше было разрушеній. Это было уже дѣло боксерскихъ рукъ. Цѣлые участки представляли одну груду камней, кирпича и угля, по которымъ бродили однѣ собаки. Изъ подъ золы и мусора выступали обожжонныя кости скелета, обгорѣвшіе трупы, истлѣвшое платье, битая рухлядь. Тысячи и десятки тысячъ семей виновныхъ и неповинныхъ были разорены, перебиты, сожжены и разсѣяны.

Американскій лагерь въ Тяньцзинѣ.

Русская батарея въ импани.

Завоеванные и завоеватели

Тяньцзинъ оживаетъ. Въ подбитыя и обгорѣвшія зданія на концессіяхъ возвращаются бѣжавшіе европейцы. Уцѣлѣвшіе магазины снова открываютъ свои двери и окна. Точно мухоморы послѣ грозы, выросли наскоро сколоченныя изъ цыновокъ и досокъ или коекакъ устроенныя въ брошенныхъ домахъ — лавочки, кабачки, пивныя, въ которыхъ торговали сомнительныя личности и несомнѣнные проходимцы разныхъ національностей, говорящіе на какихъ угодно языкахъ, скупающіе и продающіе какія угодно вещи, неожиданно нахлынувшіе и также быстро и безслѣдно пропадавшіе. Преимущественно это были вездѣсущіе евреи, юркіе греки, неунывающіе итальянцы, благородные кавказцы, тонконогіе индусы, гордые мулаты и пестрые американцы. Надъ шалашами появились вывѣски: „Русскій ресторанъ“, „Русская бакалейная и корчма“, „International shop“, „Deutsche Bierhalle“ и т. д.

Тяньцзинъ пестрѣетъ флагами всѣхъ союзныхъ націй. Флаги всюду: надъ домами, гдѣ размѣстились войска, надъ консульствами,

надъ госпиталями, магазинами, лавками, ресторанами и даже распивочными. Флагъ не только указываетъ каждому иностранцу, гдѣ онъ можетъ найти своихъ соотечественниковъ или союзниковъ въ этомъ чужомъ разноплеменномъ и вооруженномъ городѣ. Флагъ покрываетъ и защищаетъ всякаго, кто его выставилъ. Флагъ— святыня и неприкосновенность, также какъ и всѣ тѣ, кто находятся подъ его сѣнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ флагъ—это знакъ принадлежности и подчиненія военному отряду той націи, которой принадлежитъ флагъ, такъ какъ теперь въ Тяньцзинѣ начальниками и хозяевами положенія являются только военные.

Такъ какъ вице-король Тяньцзина Юй Лу и всѣ китайскія власти и наиболѣе вліятельные китайцы бѣжали, то китайскій городъ оставленъ на произволъ судьбы, безъ порядка, призора и охраны. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ городѣ сейчасъ же начался жестокій неудержный и ненасытный грабежъ. Грабили не только въ домахъ, поспѣшно покинутыхъ въ послѣднюю минуту со всѣмъ добромъ китайскими купцами, чиновниками и всякими горожанами, но грабили и въ домахъ, въ которыхъ еще жили хозяева. Въ китайцахъ не уважали никакихъ человѣческихъ правъ. Установился какой то странный средневѣковый взглядъ, что съ китайцами можно все дѣлать. Ихъ считали за какую то жалкую тварь, которую можно и даже должно безнаказанно преслѣдовать, насиловать и даже можно убивать, если она осмѣлится сопротивляться. У китайцевъ отымали все, что имъ принадлежало: серебро, шолковое платье и все болѣе или менѣе цѣнное. Если хозяева не хотѣли показывать, гдѣ у нихъ хранится добро, то имъ грозили ружьями и позорили ихъ жонъ и дочерей. Къ сожалѣнію, грабили и безчинствовали представители всѣхъ націй. Даже сами китайцы грабили въ покинутыхъ фанзахъ.

Въ милліонномъ городѣ совершенно не было возможности установить хотя какую либо дѣйствительную охрану личности и имущества китайцевъ. Нѣкоторые иностранные отряды въ этомъ не видѣли даже никакой необходимости, такъ какъ признавали разграбленіе завоеваннаго варварскаго города за правильную военную добычу.

Если можно было еще найти нѣкоторое объясненіе для образа дѣйствій военныхъ, хотя при современныхъ понятіяхъ о правахъ завоевателей и завоеванныхъ такой образъ дѣйствій не можетъ быть ничѣмъ оправданъ, то поведеніе многихъ тяньцзинскихъ сэровъ и джентльменовъ вызывало только одно изумленіе. Забывъ

на время свое джентльменство, они съ телѣжками пробирались въ китайскіе кварталы и, по указаніямъ китайской прислуги, отыскивали запертые и покинутые китайскіе банки и мѣняльныя лавки. Они взламывали двери этихъ домовъ и возвращались съ телѣжками, наполненными серебромъ. Среди этихъ особенныхъ любителей китайской нумизматики встрѣчались не только мелкіе комерсанты, но даже почтенные директора компаній.

Къ счастью, подобныя обвиненія не могутъ быть взведены на русскій отрядъ, и нѣсколько единичныхъ случаевъ, возможныхъ и при мирной обстановкѣ, не даютъ никакого права бросить тѣнью укора на всѣхъ.

Захваченные китайцы и англійскій часовой.

Тогда какъ нѣсколько иностранныхъ командъ было размѣщено въ самомъ завоеванномъ городѣ, русскій отрядъ какъ былъ такъ и остался въ лагерѣ въ пяти верстахъ отъ китайскаго города, въ которомъ нами были поставлены караулы только для охраны дворца Ли Хунъ Чжана и импаней, гдѣ находились склады продовольствія, огнестрѣльныхъ припасовъ и китайской амуниціи—все предметы безусловной военной добычи. Наши командиры строго наблюдали за нижними чинами и не позволяли имъ безъ надобности отлучаться изъ лагеря.

Союзники не ограничивались однимъ разграбленіемъ города.

Такъ какъ по ихъ понятіямъ китайцы были не полноправные люди, а варвары и кули, т. е. чернорабочіе, то съ ними поступали какъ съ рабами. Для исполненія всякихъ чорныхъ и тяжолыхъ работъ союзники устраивали особаго рода охоту или ловлю китайцевъ. Отряжали команду солдатъ, которымъ было приказано наловить китайцевъ для работы. Солдаты отправлялись и забирали въ городѣ всякаго китайца, который имѣлъ несчастіе попасть имъ на встрѣчу. Солдаты не спрашивали, желаетъ ли и можетъ ли китаецъ работать или нѣтъ, а забирали столько человѣкъ, сколько было приказано. За работу имъ только давали рисъ. За побѣгъ или малѣйшіе признаки неповиновенія или неудовольствія били палками. Такъ какъ лѣтомъ всѣ китайцы обыкновенно одѣваются болѣе или менѣе одинаково въ простые бумажные синіе костюмы, то солдаты, конечно, захватывали китайцевъ безъ всякаго разбора: въ одну кучу ловили и рабочихъ и торговцевъ, ремесленниковъ, учениковъ школъ, стариковъ, взрослыхъ и мальчиковъ, семьи которыхъ съ отчаяньемъ ждали возвращенія своихъ пропавшихъ безъ вѣсти сыновей, мужей и отцовъ. Союзники не спрашивали о томъ, что останется съ мирной и порядочной семьей, у которой вдругъ отрывали принадлежавшихъ ей мущинъ, они только требовали, чтобы было доставлено такое то число кули, и очень удивлялись, что русскіе платили не только рисомъ, но и деньгами работавшимъ у нихъ манзамъ.

Китаецъ, захваченный японцами.

Китайцы со слезами разсказывали мнѣ объ этой охотѣ за людьми, которою занимались международные отряды.

Только одно обстоятельство можно привести въ нѣкоторое извиненіе такого варварскаго отношенія союзниковъ къ мирнымъ китайцамъ. Когда былъ взятъ Тяньцзинъ, то въ очень многихъ до-

Казакъ Раменскій въ китайскомъ лагерѣ

Къ стр. 332.

Рис. І. Смукровичъ. „Тв° художеств. печати“

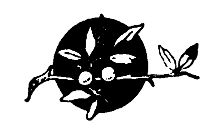
махъ были найдены стѣны съ просверленными отверстіями, черезъ которыя мирные и немирные китайцы стрѣляли изъ своихъ ружей по концессіямъ и вокзалу. Въ такихъ домахъ находили ружья и кучи патроновъ. Изъ окрестныхъ деревень также постоянно стрѣляли по иностраннымъ отрядамъ.

Кромѣ того бывали случаи, что команды солдатъ въ нѣсколько человѣкъ, отправленныя въ китайскіе кварталы или сосѣднія деревни за фуражомъ, навсегда пропадали. Вѣроятно они заходили въ какіе-нибудь очепь глухіе переулки, попадали къ вооружоннымъ китайцамъ, безчинствовали у нихъ и были убиты изъ-за угла.

Но съ того часа какъ Тяньцзинъ палъ и всѣ китайцы вывѣсили бѣлые флаги въ знакъ покорности, подобная ловля людей, производимая цивилизованными войсками, напоминала дикія расправы давно угаснихъ временъ. Я всегда удивлялся, съ какимъ достоинствомъ и какъ безропотно пойманные китайцы, имѣвшіе иногда самый добропорядочный видъ, исполняли взваленную на нихъ непосильную работу.

Хотя союзники поступали такъ съ китайцами, потому что презирали ихъ и считали за варваровъ и рабовъ, но я не рѣшаюсь сказать откровенно, кто болѣе достоинъ названія варваровъ: тѣ ли китайцы, которые въ количествѣ болѣе 500,000 человѣкъ, не имѣя никакихъ властей, въ силу вошедшей въ плоть и кровь ихъ давнишней народной дисциплины, ниразу не нарушили порядка и не произвели ни одного возмущенія въ милліонномъ городѣ, который отстаивали всѣми силами,—или же тѣ цивилизованные иностранцы, которые взламывали двери и окна банковъ, магазиновъ и ямыней, грабили серебро, врывались въ дома, наполненные семьями, отымали у нихъ всякое добро, позорили женщинъ и въ случаѣ сопротивленія расправлялись съ китайцами при помощи револьверовъ и ружей.

Временное правительство, учрежденное въ Тяньцзинѣ по почину и стараніями адмирала Алексѣева, мало-по-малу прекратило эти безпорядки и внесло въ этотъ обездоленный городъ спокойствіе, личную безопасность и правосудіе.

Временное управленіе въ Тяньцзинѣ

Во время описываемыхъ событій русскіе не только были главными иниціаторами въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ защитѣ иностранныхъ концессій и окончившихся снятіемъ осады съ Тяньцзина и бѣгствомъ китайскихъ войскъ; русскіе не только возстановили изъ развалинъ съ рекордной скоростью желѣзную дорогу между Тонку и Тяньцзиномъ, благодаря чему всѣ союзные отряды получили возможность быстро, исправно и безопасно доставлять свои войска съ рейда въ Тяньцзинъ, а впослѣдствіи и до Янцуня;—русскіе, въ лицѣ адмирала Алексѣева, сдѣлали почннъ въ установленіи временнаго управленія въ только что завоеванномъ Тяньцзинѣ.

Для этой цѣли адмиралъ пригласилъ на совѣщаніе командировъ всѣхъ союзныхъ отрядовъ.

Вопросу объ установленіи гражданскаго управленія въ Тяньцзинѣ были посвящены два засѣданія 3 и 5 іюля, на которыхъ присутствовали представители всѣхъ иностранныхъ отрядовъ, а именно: начальникъ Печилійскаго отряда генералъ Стессель; англичанинъ генералъ Дорвардъ; японецъ генералъ Фукушима; французъ полковникъ Де-Пеллако; американецъ полковникъ Мидъ; германецъ капитанъ Узедомъ; австріецъ лейтенантъ Индракъ и итальянецъ лейтенантъ Сиріани. Кромѣ того присутствовалъ англійскій капитанъ Бэйле. Предсѣдательствовалъ вице-адмиралъ Алексѣевъ. Протоколы засѣданій велъ И. Я. Коростовецъ.

На этихъ двухъ засѣданіяхъ выяснилось, что англичане и германцы желаютъ держаться общаго образа дѣйствій и привлечь на свою сторону японцевъ. Французы безусловно солидарны съ русскими. Американцы примыкаютъ къ англичанамъ, а австрійцы и итальянцы, въ виду весьма ограниченнаго числа присланныхъ ими войскъ и отсутствія дѣйствительныхъ интересовъ на сѣверѣ Китая, не играютъ роли.

Англичане относятся весьма ревниво къ доминирующему положенію русскихъ въ Тяньцзинѣ.

Такъ, когда на указанныхъ засѣданіяхъ русскій адмиралъ предложилъ, чтобы въ интересахъ дѣла и единства дѣйствій во главѣ управленія китайскимъ Тяньцзиномъ было поставлено одно лицо, съ чѣмъ вполнѣ согласился и японскій генералъ Фукушима, англичане

Генералъ Вогакъ.

нашли такое управленіе весьма неудобнымъ, изъ боязни, вѣроятно, чтобы такимъ полновластнымъ лицомъ не былъ назначенъ русскій. Англичане не согласились ни съ проектомъ назначить 1 предсѣдателя съ совѣтомъ изъ выборныхъ представителей всѣхъ 8-ми націй, ни съ проектомъ назначить 1 предсѣдателя и 2 вице-предсѣдателей, такъ что вообще было довольно трудно узнать, чего собственно желаютъ англичане и могутъ ли они вообще съ чѣмъ нибудь согласиться.

Наконецъ, когда адмиралъ предложилъ назначить трехъ президентовъ: русскаго, англичанина и японца,—англичане, наконецъ, согласились.

Губернаторами временнаго управленія были избраны и утверждены всѣми командирами международныхъ отрядовъ слѣдующія лица: со стороны Россіи—полковникъ Вогакъ; со стороны Японіи—начальникъ японскаго штаба полковникъ Аоки; со стороны Англіи—командиръ 1-го Вэйхайвэйскаго полка подполковникъ Боуэръ.

По порученію адмирала Алексѣева, полковникъ Вогакъ и дипломатическій чиновникъ Коростовецъ немедленно выработали „Положеніе объ управленіи Тяньцзиномъ"—„Règlements Généraux d'Administration pour la ville de Tientsin". Положеніе было объявлено отъ имени трехъ вновь избранныхъ губернаторовъ и утверждено адмираломъ Алексѣевымъ и остальными командирами.

Новому управленію было присвоено наименованіе: „Conseil du Gouvernement Provisoire de la Cité Chinoise de Tientsin".

Главнымъ секретаремъ управленія былъ назначенъ американецъ Дэмби.

Юрисдикція управленія была распространена исключительно на китайскіе кварталы и окрестности Тяньцзина. Иностранныя концессіи и все, что было занято иностранными военными властями, вѣдѣнію трехъ губернаторовъ не подлежало.

Ближайшими задачами новаго правительства было: возстановленіе порядка и безопасности, принятіе санитарныхъ мѣръ, содѣйствіе военнымъ властямъ, охрана брошеннаго имущества китайскаго правительства и частныхъ лицъ, принятіе мѣръ къ предупрежденію голода среди туземцевъ.

Совѣтъ трехъ губернаторовъ имѣлъ право издавать необходимыя правила; налагать на туземцевъ подати и взимать всѣ тѣ сборы, которые взыскивало китайское правительство; взять въ свою собственность или подъ свой надзоръ все казенное или частное имущество, покинутое въ Тяньцзинѣ.

Совѣту трехъ, кромѣ полицейскихъ правъ, была предоставлена также власть судебная: право налагать на туземцевъ штрафы, конфисковать ихъ имущество и, въ случаѣ необходимости, подвергать виновныхъ ссылкѣ и даже смертной казни.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по случаю серьезной болѣзни полковника Вогака, на мѣсто русскаго губернатора былъ назначенъ полковникъ Вороновъ, котораго впослѣдствіи замѣнилъ полковникъ Глинскій.

Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ на Печилійскомъ театрѣ войны

числа войскъ иностранныхъ отрядовъ, въ совѣтъ трехъ губернаторовъ постепенно вошли и губернаторы отъ другихъ націй, не имѣвшихъ до сихъ поръ своихъ представителей въ Тяньцзинскомъ правительствѣ, именно: отъ Германіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ и Италіи.

Временное правительство сейчасъ же и энергично принялось за работу: завело прекрасную полицію, ввело правильные налоги и пошлины; расчистило городъ; расширило улицы; осушило городскія болота; углубило и упорядочило рѣку Пэйхо, а главное—прекратило въ городѣ грабежи и разбои, благодаря чему собственность и жизнь китайцевъ-горожанъ получили защиту, а брошенное имущество китайскаго правительства было спасено на сотни тысячъ ланъ.

Это международное учрежденіе, съ самаго начала получившее закваску серьезной энергичной и быстрой работы, при условіяхъ взаимнаго довѣрія и взаимной поддержки, оказалось настолько живуче, что просуществовало ровно два года. Оно было упразднено лѣтомъ 1902 года, такъ какъ къ этому времени въ Чжилійской провинціи возстановился законный порядокъ.

Въ управленіе Тяньцзиномъ вступили китайскія власти, во главѣ съ новымъ генералъ-губернаторомъ Юань Ши Каемъ.

Желѣзный мостъ въ Тяньцзинѣ.

1-й Уссурійскій желѣзнодорожный батальонъ въ Тонку.

Русская желѣзная дорога

16 Іюля

Я проѣхалъ по новой русской военной желѣзной дорогѣ Тяньцзинъ-Тонку, возстановленной въ двѣ недѣли 1-мъ Уссурійскимъ желѣзнодорожнымъ батальономъ, прибывшимъ изъ Владивостока. Начальникъ дороги—командиръ батальона полковникъ Келлеръ. Тяньцзинскій вокзалъ, бывшій мишенью китайскихъ батарей въ теченіе мѣсяца, представляетъ живописную груду развалинъ, увѣнчанныхъ русскимъ флагомъ. Уцѣлѣли однѣ стѣны, которыя покрыты жестокими язвами гранатъ и огня. Между стѣнами кучи камней и мусора. Контора станціи помѣщается въ уцѣлѣвшемъ „залѣ I класса", который представляетъ отдѣльный домикъ справа и предназначался только для европейскихъ пассажировъ, куда китайцы не имѣли права входа. Дорога была выстроена англичанами для китайскаго правительства въ 1897 году.

Комендантомъ станціи назначенъ поручикъ 11 полка Филичкинъ. Его стараніями вокзалъ очищенъ отъ неимовѣрнаго количества мусора и грязи, которыми онъ былъ заваленъ. Дебаркадеръ безукоризненъ.

Въ распоряженіи коменданта находится армія косоглазыхъ оборванныхъ манзъ, числомъ около 150 человѣкъ, которые набраны для работъ въ сосѣднемъ китайскомъ городѣ и изъ которыхъ, навѣрное, добрая половина была боксерами. За работу они получаютъ

кровъ, рисъ и по 10 коп. въ день. Сперва они выводились на работы съ конвоемъ и часто бѣгали. Теперь же они работаютъ безъ конвоя и сами просятся на работы, видя, что ихъ не бьютъ и даже даютъ имъ деньги. Старшина получаетъ 60 коп. въ день. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ—это очень высокая плата.

Поѣзда отходятъ исправно въ Тонку три раза въ день: въ 8 час. утра, въ 12 ч. и въ 4 ч. дня. Въ тѣ-же часы поѣзда отходятъ изъ Тонку въ Тяньцзинъ и идутъ 3 часа.

Полковникъ Келлеръ.

Я былъ радостно удивленъ, когда къ дебаркадеру разрушенной китайской станціи подкатилъ паровозъ, подбитый пулями, съ надписью „Молодецъ". Такихъ молодцовъ я увидѣлъ еще трехъ—„Русскій", „Воинъ" и „Плѣнникъ". Послѣдняго я увидѣлъ въ довольно безнадежномъ состояніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тяньцзина. Его котелъ былъ разбитъ гранатами. Корпусъ и труба

испещрены слѣдами осколковъ и пуль. „Плѣнникъ“ лежалъ въ самомъ печальномъ видѣ на насыпи.

Когда китайцы засыпали снарядами вокзалъ, солдаты желѣзнодорожнаго батальона смѣло вывели изъ депо 4 паровоза подъ ожесточоннымъ огнемъ, направленнымъ на паровозы. Они развели въ нихъ пары и преспокойно уѣхали. Мнѣ разсказывали, что, не обращая никакого вниманія на рвавшіяся гранаты, желѣзнодорожники достали бѣлой краски и окрестили эти паровозы русскими именами. Всѣ отличившіеся желѣзнодорожные солдаты представлены къ Георгію.

По быстротѣ, съ которой эта желѣзная дорога была возстановлена русскими и по тѣмъ опасностямъ и трудностямъ, которыя имъ пришлось преодолѣть, она можетъ считаться гордостью русскаго военно-желѣзнодорожнаго дѣла.

Высочайшимъ повелѣніемъ полурота 1-го Уссурійскаго желѣзнодорожнаго батальона, подъ командой поручика Грузина, имѣвшая офицеровъ Лосьева, Горбачевскаго и Экгардъ и нижнихъ чиновъ— 154 человѣка, была отправлена изъ Владивостока въ Тонку для возстановленія разрушенной китайцами дороги Тонку — Пекинъ. Общее начальство надъ этой полуротой, ротой саперъ и телеграфной командой долженъ былъ принять подполковникъ Подгорѣцкій.

18-го іюня отрядъ инженернаго войска прибылъ въ Таку. 20-го отправился въ Тяньцзинъ и вступилъ въ составъ отряда Стесселя и отсюда долженъ былъ начать работу.

Послѣ рекогносцировки, подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, станціонныхъ путей и зданій, выяснилась возможность воспользоваться паровозами и вагонами лишь при условіяхъ риска, такъ какъ китайцы безпрерывно обстрѣливали станцію Тяньцзинъ и пристрѣлялись очень хорошо.

Согласно распоряженію генерала Стесселя подполковникъ Подгорѣцкій рѣшилъ въ горячій день 22-го іюня совершить выводъ вагоновъ съ путей и паровозовъ изъ депо. Первую задачу онъ принялъ на себя, выполненіе второй задачи поручилъ поручику Лосьеву. Въ прикрытіе послѣднему былъ назначенъ взводъ подъ командой подпоручика 10-го полка Яблонскаго. 2 машиниста, 2 помощника и 2 кочегара должны были приготовить паровозъ. Въ депо гранаты пробивали наружную стѣну и разрывались портя паровозы. Надо было производить замѣну испорченныхъ частей. Осколки гранатъ то и дѣло выбивали что нибудь въ паровозѣ. Всѣ думали лишь о томъ, чтобы какъ нибудь сохранить котелъ. Послѣ 9 ча-

совой работы паровозъ былъ готовъ. Къ ведущему паровозу прицѣпили холодный паровозъ и 4 вагона. Настало затишье.

Лишь только вышелъ паровозъ съ тендеромъ и вагонами впередъ, послышался оглушительный залпъ изъ орудій, гранаты посыпались въ холодный паровозъ и въ вагоны съ углемъ. Но такъ какъ въ переднемъ паровозѣ не было паровъ, то и опасности взрыва не могло быть. Китайцевъ надули. Выйдя изъ крѣпостныхъ воротъ, наши отважные машинисты дали свистокъ съ паровоза.

Китайская дорога, возстановленная русскими.

Русскіе полки привѣтствовали поѣздъ радостными криками „ура". Передній паровозъ, какъ попорченный, былъ выкинутъ и работали однимъ паровозомъ.

Желѣзнодорожники и саперы приложили теперь всю энергію, чтобы при помощи завоеваннаго подвижнаго состава продвинуться поскорѣй къ Цзюньлянчену.

Разрушеніе дороги представляло отчаянную картину: шпалы были уничтожены на всемъ протяженіи отъ станціи Тяньцзинъ на 15 верстъ къ Цзюньлянчену. Достать ихъ было неоткуда, рельсы разболчены, исковерканы, часть уничтожена и разбросана по сторонамъ полотна. Костылей, болтовъ и подкладокъ нѣтъ нигдѣ. Деревянное строеніе многихъ мостовъ сожжено, а одинъ мостъ въ 24 саж. длины взорванъ, причемъ уцѣлѣло 6 каменныхъ устоевъ не на одинаковой высотѣ.

Организація работы состояла въ слѣдующемъ: начать работу съ двухъ концовъ разрушенія. За неимѣніемъ шпалъ вытаскивать

изъ уцѣлѣвшихъ участковъ дороги шпалы черезъ одну; дорожить каждымъ костылемъ; за неимѣніемъ подкладокъ пришивать стыки рельсъ костылями. Отправить въ поиски за шпалами въ окрестныя деревни казаковъ; шпалы находили въ ямахъ и канавахъ покрытыхъ землей на аршинъ глубины. Отрывали саперы и желѣзнодорожники и нагружали въ двуколки, данныя Стесселемъ. При такихъ условіяхъ, не смотря на 16-часовую работу, въ день представлялось возможнымъ укладывать съ обоихъ концовъ $1^1/_2$ версты; работающихъ въ день было около 200 человѣкъ (саперы и желѣзнодорожные).

На разсвѣтѣ 24 іюня были выведены изъ депо 2 паровоза и 4 вагона подпоручикомъ Экгардъ подъ сильнѣйшимъ артилле-

Поѣздъ съ французами.

рійскимъ огнемъ. Съ увеличеніемъ подвижного состава увеличилась и скорость работъ и облегчилась доставка матеріальной части. Рѣшительный бой 30 іюня заставилъ непріятеля покинуть свои позиціи, откуда онъ поражалъ убійственнымъ огнемъ станцію. Станція была въ русскихъ рукахъ и желѣзнодорожники достали, наконецъ, весь нужный матеріалъ для пути и мостовъ, что дало возможность на 10-й день работъ закончить укладку на протяженіи 16 верстъ и 4 дня было употреблено на возстановленіе желѣзнодорожнаго моста въ 24 саж. длины; брусья на клѣтки были сплавлены изъ арсенала по каналу, прежнія фермы подняты и поставлены на нихъ. Мостъ перекинутъ черезъ впадину, гдѣ скопляется много воды. Безостановочная работа на мосту дала закончить эту работу въ 4 дня.

Такимъ образомъ 6 іюля открыто сквозное движеніе Тяньцзинъ—Тонку, которымъ немедленно стали пользоваться всѣ союзники.

7 іюля прибылъ начальникъ дороги полковникъ Келлеръ и были даны правила эксплоатаціи готоваго участка, назначены служащіе по всѣмъ службамъ и представилась возможность въ ежедневномъ обращеніи 3 паръ поѣздовъ для перевозки войскъ союзниковъ.

Начальникъ движенія дороги былъ поручикъ Гросманъ. Начальникъ пути—поручикъ Азмидовъ. Начальникъ тяги—инженеръ путей сообщенія Корсаковъ. Начальникъ станціи Тяньцзинъ—подпоручикъ Экгардъ. Начальникъ станціи Тонку—поручикъ Горбачевскій. Комендантъ той же станціи—поручикъ 10-го полка Хелковскій.

Дорога охранялась батальономъ 2-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка, посредствомъ заставъ, выставленныхъ вдоль всего пути.

Полковникъ Келлеръ, впослѣдствіи произведенный въ генералы, былъ самъ неутомимый труженикъ и вдохновлялъ своихъ подчиненныхъ къ такой же энергичной и быстрой работѣ. Онъ благополучно перенесъ всѣ треволненія и опасности во время военныхъ дѣйствій въ Печили и трагически погибъ спустя полгода, во время пожара въ поѣздѣ Уссурійской желѣзной дороги, начальникомъ которой онъ былъ.

Въ Тонку.

Русскій госпиталь въ Тонку.

Русскій госпиталь въ Тонку

17 Іюля

Прибывъ въ Тонку, я направился въ Полевой запасной № 3 госпиталь, находившійся недалеко отъ станціи.

Въ этотъ госпиталь привозили на баржахъ изъ Тяньцзина раненыхъ русскихъ и французовъ. Отсюда русскихъ раненыхъ перевозили на пароходахъ въ Портъ-Артуръ, а французовъ—въ Тонкинъ. Самая лучшая организація госпиталей и транспортировка раненыхъ была у русскихъ и только русскіе имѣли промежуточный госпиталь въ Тонку.

Госпиталь былъ расположенъ частью въ каменныхъ китайскихъ домикахъ, брошенныхъ владѣльцами, частью въ 11-ти парусиновыхъ шатрахъ. Хотя приходилось приспособляться къ китайскимъ домикамъ, однако докторъ Куковѣровъ, назначенный старшимъ ординаторомъ госпиталя, привелъ китайскія фанзы-домики въ такой блестящій видъ, что ничего лучшаго нельзя было и желать. Комнаты для операцій, перевязокъ и храненія инструментовъ и перевязочныхъ припасовъ были вычищены, вымыты и оклеены бѣлой бумагой. Во всѣхъ палатахъ безупречная чистота и порядокъ. Раненые и больные лежали на чистыхъ койкахъ, на

свѣжемъ бѣльѣ. Хирургическіе инструменты содержались въ безукоризненномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, они немного устарѣли— всѣ были образца 1848 года, а пули и осколки гранатъ, которые приходилось извлекать изъ раненыхъ этими инструментами, доходили до образца 1898 года.

Когда мы съ Куковѣровымъ и Анатоліевымъ, главнымъ врачомъ госпиталя, осматривали всѣ помѣщенія, мы встрѣтили поручика Блонскаго съ забинтованной рукой. Судьба его преслѣдовала. Онъ былъ первый офицеръ международныхъ отрядовъ, израненный боксерскими копьями еще до осады Тяньцзина. Черезъ мѣсяцъ, когда онъ уже поправился и вышелъ изъ госпиталя, онъ снова пострадалъ отъ тѣхъ самыхъ китайцевъ, языкъ которыхъ онъ такъ старательно и успѣшно изучалъ въ Тяньцзинѣ.

Выйдя изъ воротъ одного дома по улицѣ Викторіи въ Тяньцзинѣ, онъ садился на велосипедъ, чтобы исполнить порученіе полковника Вогака, въ распоряженіи котораго онъ состоялъ. Возлѣ него китайская граната ударила въ каменную ограду. Осколки полетѣли во всѣ стороны, разбили велосипедъ и одинъ осколокъ тяжело ранилъ Блонскаго въ лѣвую руку. Международная тяньцзинская колонія, хорошо знавшая Блонскаго, была весьма огорчена этимъ извѣстіемъ.

На мой вопросъ докторъ Куковѣровъ сообщилъ слѣдующія свои наблюденія надъ тѣми ранеными разныхъ національностей, которыя сотнями прошли черезъ его руки:

— По выносливости,—говорилъ Куковѣровъ,—первое мѣсто занимаютъ китайцы, японцы и русскіе. За ними слѣдуютъ нѣмцы, французы и другія націи. Всѣ раны можно раздѣлить на раненія пулями, гранатами и обжогъ фугасами и взрывами. Пулевыя раны иногда показывали удивительные ходы пули. Такъ одна пуля попала въ ногу спавшаго и лежавшаго на землѣ стрѣлка. Пройдя черезъ толщу ноги, туловище и грудь, пуля вышла черезъ плечо. Иногда пуля застревала во рту, проникала въ грудную клѣтку, черепъ и мозгъ. Большинство солдатъ, получившихъ такія тяжкія раны, выздоравливали даже съ раненіями мозга. Лейтенантъ Кехли, бывшій въ отрядѣ Сеймура, былъ раненъ пулей черезъ правую глазницу въ мозгъ. Я ему сдѣлалъ три операціи, во время которыхъ долженъ былъ вскрыть его мозговое вещество. Однако, Кехли совершенно выздоровѣлъ.

— Гранатныя раны почти всегда были тяжкими и вызывали омертвѣніе и нагноеніе. Обожжонные газами и покрытые ранами

отъ осколковъ дерева, песку и камней, часто съ переломами костей, невыносимо страдали, но многіе изъ нихъ выживали и выздоравливали. Изъ операцій преобладали: извлеченіе пуль и гранатныхъ осколковъ, отнятія конечностей, вылущеніе и резекція суставовъ и сѣченіе костей, перевязки сосудовъ, трепанація черепа, удаленіе разрушенныхъ глазъ. У многихъ русскихъ раненыхъ послѣ операціи быстро поднимался духъ и на лицахъ вновь разливалась бойкая русская безпечность. Не то бывало съ иностран-

Докторъ Куковѣровъ дѣлаетъ операцію китайцу.

цами, которые уныло и безнадежно смотрѣли на свои ампутированныя конечности. Теченіе пулевыхъ раненій въ общемъ было благопріятно. Раны мягкихъ частей заживали очень быстро, большею частью безъ нагноенія, причиною чего является малый размѣръ пуль, ихъ большая поступательная сила, безгнилостность и почти немедленное, безъ потери времени закрываніе ранъ повязками. Однако опыты на трупахъ съ новыми ружейными пулями заставляли ожидать гораздо болѣе тяжолыхъ послѣдствій.

— Не менѣе благопріятно шло теченіе раненій грудной клѣтки, плевры и легкихъ. Изъ случаевъ, которые я наблюдалъ, всѣ

раненые выздоровѣли безъ значительныхъ осложненій. Только двое имѣли воспаленіе легкихъ отъ кровоизліянія. Раны большихъ суставовъ, которыя я лѣчилъ антисептической тампонадой, почти всегда заканчивались полнымъ возстановленіемъ дѣятельности поврежденныхъ суставовъ. Мнѣ ниразу не пришлось дѣлать ампутаціи изъ-за подобныхъ раненій. Извлеченіе пуль, чугунныхъ осколковъ, обломковъ костей и операціи даже на важныхъ областяхъ тѣла подъ прикрытіемъ антисептики и современныхъ методовъ обыкновенно давали благопріятный исходъ. При самыхъ неудобныхъ условіяхъ, при какихъ мнѣ приходилось производить большинство операцій, крайне спѣшно, при походной обстановкѣ, часто безъ необходимыхъ инструментовъ и апаратовъ,—результаты получались очень хорошіе. Однажды мнѣ пришлось вскрыть легочный мѣшокъ для извлеченія пули, послѣ чего больной выздоровѣлъ совершенно. Я вскрывалъ ножомъ суставы для удаленія пуль и кусковъ платья и затѣмъ раненые ходили свободно. Раненый солдатъ Емельяновъ, потерявъ всю ногу до бедра, черезъ полторы недѣли всталъ съ постели и пошолъ съ костылемъ. Даже извлеченіе пули изъ живота съ раненіемъ кишечника въ одномъ случаѣ кончилось благополучно.

— Не то наблюдалось при раненіяхъ осколками гранатъ. Разрушенія мягкихъ частей, мышцъ и костей были настолько тяжкими, зараженіе всего организма продуктами омертвѣнія и гноенія шло при тропической жарѣ такъ быстро, что я очень часто былъ принужденъ отнимать конечности и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. То же наблюдалось и при раненіяхъ новыми пулями, попадавшими въ крѣпкія кости бедра и плеча, гдѣ онѣ почти всегда дробили кость въ мелкіе кусочки на подобіе разрывныхъ пуль думъ-думъ. Въ подобныхъ случаяхъ леченіе часто оканчивалось ампутаціей. Крупныя свинцовыя пули изъ старыхъ китайскихъ ружей давали на мѣстѣ раны всѣ тѣ неблагопріятныя осложненія, которыя описывались въ прежнія войны. Раны, произведенныя гранатами и взрывами фугасовъ, быстро принимали гангренозный видъ и нельзя было долго ждать съ операціей, чтобы спасти жизнь раненому. Былъ случай у французскихъ раненыхъ, отправленныхъ въ Тонку по рѣкѣ Пэйхо. За время пути въ ихъ ранахъ зароились личинки мухъ и бѣлые черви. Раны имѣли живой видъ. Частыя смѣны повязокъ не помогали. Мази тоже разлагались. Приходилось напряженно работать и тоже оперировать. Другой бичъ при ранахъ, хотя и значительно рѣже, былъ ране-

Сестра графиня Капнистъ.

вой столбнякъ, происходившій отъ загрязненной почвы въ Китаѣ. Тутъ и хирургія была безсильна. Самыя тяжолыя пораненія были отъ взрывовъ. Мнѣ пришлось оперировать одного француза Лебо, который имѣлъ несчастіе получить 31 рану съ осколками въ черепѣ и по всему тѣлу. Почти съ каждой новой перевязкой я находилъ новые осколки дерева и чугуна.

— Однажды я дѣлалъ трудную операцію перевязки артеріи въ животѣ. Раздался сильнѣйшій взрывъ. Стекла въ окнѣ были разбиты и осколки посыпались на раненаго, спавшаго подъ наркозомъ. Каменный полъ въ операціонной комнатѣ осѣлъ. Всѣ мы были въ мучительномъ состояніи, не зная что случилось, но каждая минута промедленія могла погубить раненаго. Я докончилъ перевязку. Хотя и сестры и врачи, присутствовавшіе при операціи, были охвачены вполнѣ естественнымъ чувствомъ испуга, однако всѣ остались на своихъ мѣстахъ и жизнь раненаго была спасена. Причина взрыва объяснилась впослѣдствіи: союзники взорвали китайскій пороховой погребъ, бывшій около Тонку, не предупредивъ объ этомъ госпиталя. Въ нашемъ госпиталѣ мы никому не отказывали въ помощи. Мнѣ приходилось перевязывать всѣ національности, бывщія въ Печили. Я перевязывалъ даже мирныхъ китайцевъ, попавшихъ на свои же китайскіе фугасы, которыми минирована вся мѣстность вокругъ сосѣдней крѣпости Бэйтанъ, еще не взятой союзниками. Много страданій приходится переносить нашимъ терпѣливымъ и безропотнымъ героямъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и всѣ мы стараемся облегчить ихъ мученія чѣмъ можемъ. Да, труденъ путь солдата къ Георгію!—сказалъ въ заключеніе Куковѣровъ.

Ближайшими сотрудницами Куковѣрова въ Тонкускомъ госпиталѣ были: добровольная сестра милосердія графиня Капнистъ, составившая себѣ извѣстность своею самоотверженною неутомимою дѣя-

тельностью, добровольная сестра Юлія, родственница погибшаго смертью храбрыхъ въ Тяньцзинскомъ сраженіи 30-го іюня штабсъ-капитана Комендантова, и сестра милосердія Кр. Креста Ираида Образцова, бывшая старшею сестрою въ госпиталѣ.

Образцова принадлежитъ къ числу тѣхъ образцовыхъ русскихъ труженицъ, скромныхъ, но неутомимыхъ, которыхъ такъ пріятно встрѣчать во всѣхъ сферахъ русской общественной дѣятельности. Сестра Образцова внесла не малую долю своего личнаго труда въ

Сестра Образцова.

дѣло устройства первой русской колоніи въ Китаѣ—на Квантунѣ. Осенью 1899 года она была командирована въ Портъ-Артуръ въ числѣ десяти сестеръ для борьбы съ чумою. Затѣмъ была опредѣлена въ Портъ-Артурскій военный госпиталь, гдѣ ухаживала за дизентеричными больными, когда въ Артурѣ появилась эпидемія дизентеріи. Состояла весьма полезнымъ членомъ Квантунскаго комитета Кр. Креста. Во время военныхъ дѣйствій работала въ Тонку до сентября мѣсяца, когда она, размѣщая раненыхъ на пароходѣ, имѣла несчастіе упасть въ трюмъ и переломила себѣ ногу въ двухъ мѣстахъ. Едва оправившись и еще ходя на костыляхъ, она пріѣхала въ Портъ-Артуръ, гдѣ устраивала новую общину сестеръ милосердія и офицерскій госпиталь. Къ сожалѣнію, болѣзнь ноги заставила ее вернуться въ Россію для продолжитель-

наго леченія. Въ настоящее время она трудится въ одной общинѣ на Кавказѣ.

Осмотрѣвъ палаты, мы пошли въ фанзу, которую занимали врачи и сестры. Они размѣстились въ маленькихъ каморкахъ, единственнымъ убранствомъ которыхъ были складныя постели и чемоданы. Жили по походному. Большой обѣденный столъ стоялъ передъ фанзою во дворикѣ, защищонный отъ солнца цыновочнымъ навѣсомъ. На столѣ всегда кипѣлъ самоваръ. Часто бывали гости. Сестрицы разливали чай и угощали вареньемъ, бисквитами и консервами. Здѣсь было, такъ сказать, мѣсто собранія русскаго общества въ Тонку.

„Пэйхо".

Полковникъ Модль, адмиралъ Веселаго и лейтенантъ Балкашинъ.

Русскій уголокъ

Вечеромъ, когда солнце заходило за выжженныя имъ поля гаоляна и чумизы, тонкусцы собирались на пристани Тонку. Весь берегъ былъ заваленъ безчисленными грудами ящиковъ съ патронами, снарядами, консервами, виномъ, различными колоніальными товарами и бочками съ пивомъ и корзинами съ бутылками японской содовой воды. Иногда по вечерамъ игралъ оркестръ русской военной музыки. Раздавались звуки марсельезы или казачка и русскіе солдаты и матросы, обнявшись съ французами, начинали плясать, кто что умѣлъ. Иногда дѣло доходило даже до кадрили.

Хотя кругомъ были разбросаны бѣлые или жолтые китайскіе домики съ черепичными или глиняными крышами и повсюду бродили иностранные солдаты и слышалась разноязычная рѣчь, однако, чувствовалось, что Тонку на это время—русскій уголокъ.

Русскій госпиталь былъ расположенъ возлѣ полотна желѣзной дороги, которая была возстановлена русскими. Поѣзда, биткомъ набитые союзными отрядами и ихъ обозомъ, уходили въ Тяньцзинъ съ русскими машинистами и кондукторами изъ нижнихъ чиновъ Уссурійскаго желѣзнодорожнаго батальона. Всѣ стрѣлочники по линіи и посты, охранявшіе линію, были русскіе. На всѣхъ станціяхъ уже работали русскіе офицеры, телеграфисты и почтовые чиновники. Комендантомъ пристани былъ русскій мичманъ Штеръ. Возлѣ станціи уже устроились русскіе ресторанчики и лавки съ водкой, виномъ, табакомъ и консервами. Владѣльцами ихъ хотя

были и не русскіе, но во всякомъ случаѣ это были русскіе подданные самаго юговосточнаго типа, примчавшіеся изъ Портъ-Артура и Владивостока, чтобы помочь интендантству своими разнообразными товарами. Однако крутыя мѣры военнаго начальства, не позволявшаго этимъ расторопнымъ и невиннымъ торговцамъ винныхъ товаровъ спаивать солдатъ, причиняли имъ много огорченій.

Вице-адмиралъ Гильтебрандтъ.

По рѣшенію адмираловъ союзной эскадры въ Таку, комендантомъ города Тонку былъ назначенъ младшій флагманъ нашей эскадры контръ-адмиралъ Веселаго, которому пришлось участвовать уже въ третьей войнѣ. Мичманомъ онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и охранялъ наши берега отъ иностранной военной контрабанды во время усмиренія польскаго мятежа. Капитанъ - лейтенантомъ онъ

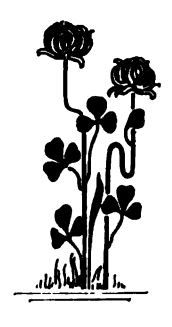
принималъ участіе въ устройствѣ переправы черезъ Дунай и закладывалъ мины противъ турокъ. Контръ-адмираломъ онъ плавалъ въ водахъ Жолтаго моря и сталъ участникомъ усмиренія боксерскаго возстанія. Изъ Тонку онъ отправилъ нѣсколько международныхъ отрядовъ для очищенія окружающей мѣстности отъ боксеровъ.

Его помощникомъ по сухопутной части былъ полковникъ Модль, командиръ 2 Вост.-Сиб. Стр. полка, охранявшій со своимъ полкомъ Тонку и линію желѣзной дороги. По морской части помощникомъ былъ германскій маіоръ Кирхгофъ.

Начальникомъ нашей Тихоокеанской эскадры былъ вице-адмиралъ Гильтебрандтъ, энергично отстаивавшій русскіе интересы въ международномъ совѣтѣ адмираловъ.

Въ 12 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Тонку, на берегу моря, точно нависшая грозовая туча, чернѣла первоклассная крѣпость Бэйтанъ. Мы не трогали китайцевъ и китайцы не трогали насъ. Адмиралъ Веселаго вошолъ въ сношенія съ комендантомъ крѣпости генераломъ Ли и предложилъ ему сдаться добровольно, такъ какъ рано или поздно крѣпость должна была быть взята союзными силами. Но Ли не соглашался и окружилъ свою крѣпость двойною сѣтью фугасовъ и пересѣченныхъ каналовъ, въ которые напустилъ воды изъ моря. Полковникъ Модль нѣсколько разъ выходилъ на рекогносцировку Бэйтана, но его стрѣлки каждый разъ попадали на фугасы.

По рѣкѣ Пэйхо взадъ и впередъ ходили пароходы, катера, миноносцы и джонки и ежедневно доставляли съ рейда въ Тонку новые отряды союзныхъ войскъ и цѣлыя горы боевыхъ припасовъ.

Редакторъ „Новаго Края" подполковникъ Артемьевъ, его книжный магазинъ и типографія въ Портъ-Артурѣ.

Кореспонденты ⁂——— ——— ⁂ въ Тяньцзинѣ

My Dear Sir,

Will you take dinner with me to night at 8. 30 p. m... I should much like to meet you and will endeavour to make you comfortable. Our profession dispenses with the necessity of formula, and consequently I shall not expect you to reply... If you are not particularly busy, trot in about 8 and we will exchange a friendly story...

Very Truly Yours
G. Scott Cranston.

Такъ гласила любезная записка, отпечатанная на ремингтонѣ и присланная мнѣ въ одинъ изъ іюльскихъ дней англійскимъ корреспондентомъ Лондонскаго телеграфнаго агентства „Central News" Г. Скоттомъ Крэнстономъ, приглашавшимъ меня на обѣдъ къ нему, какъ товарищу по профессіи, запросто, безъ церемоній.

Въ Тяньцзинъ къ этому времени пріѣхало около 30 кореспондентовъ разныхъ націй: американцевъ, прибывшихъ изъ Ма-

ниллы съ театра Филиппинской войны, англичанъ и нѣмцевъ, пріѣхавшихъ изъ Шанхая. Я былъ единственный русскій кореспондентъ. Благодаря тому, что я былъ немедленно командированъ изъ Портъ-Артура „Новымъ Краемъ", по полученіи первыхъ тревожныхъ извѣстій, русскій кореспондентъ прибылъ на мѣсто событій раньше всѣхъ другихъ иностранныхъ журналистовъ. Можно очень пожалѣть, что ни изъ Владивостока, ни изъ Одессы не были сейчасъ-же командированы спеціальные кореспонденты для описанія совершавшихся событій и особенно военныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ, которыми въ короткое время и въ разныхъ мѣстахъ Печили было сдѣлано такъ много, что одного повѣствователя для всей этой эпопеи было слишкомъ недостаточно.

Англійскій кореспондентъ Лэндоръ.

Изъ прибывшихъ кореспондентовъ съ наиболѣе крупнымъ именемъ былъ англичанинъ Генри Сэвэджъ Лэндоръ, авторъ извѣстной интересной книги о Тибетѣ, по которому онъ путешествовалъ и гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну у тибетцевъ. Былъ храбрый американецъ Кристъ, который спеціально посвятилъ себя описанію дѣйствій русскихъ войскъ и очень любилъ ходить на вылазки съ русскими отрядами. Былъ даже одинъ американскій кореспондентъ старикъ, чудакъ и поэтъ, одѣтый какъ мексиканскій ковбой, съ мохнатой бородой и такимъ же мустангомъ.

Пріѣхалъ также подполковникъ Петръ Александр. Артемьевъ,

редакторъ портъартурской газеты „Новый Край“. Проплававъ много лѣтъ на судахъ нашей Тихоокеанской эскадры сначала какъ строевой офицеръ, а затѣмъ въ штабѣ, въ должности флагманскаго оберъ-аудитора, около двадцати лѣтъ наблюдая Китай, Корею и Японію и наши интересы у береговъ Тихаго океана, П. А. Артемьевъ явился самымъ подходящимъ лицомъ для учрежденія русской газеты на только что занятомъ нами Квантунѣ. Не успѣли русскіе устроиться въ своей новой колоніи, какъ здѣсь, благодаря широкой правительственной поддержкѣ и удивительной предпріимчивости и неутомимости П. А. Артемьева, уже черезъ годъ возникла газета, книжный магазинъ, типографія и переплетная. Умѣніе дать газетѣ надлежащій тонъ и привлечь полезныхъ сотрудниковъ было причиною того, что въ два года „Новый Край“ выросъ изъ бюллетеней въ шестистолбцовую газету, которая является достойной выразительницей русскихъ интересовъ въ многоязычномъ и воинственномъ хорѣ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, китайскихъ и японскихъ газетъ, во множествѣ издающихся на Дальнемъ Востокѣ.

Американскій кореспондентъ.

Пробывъ три недѣли въ госпиталѣ, я не видѣлъ никого изъ иностранныхъ кореспондентовъ и былъ радъ случаю завязать съ ними знакомство. Надѣвъ коректный смокингъ, приличествующій въ мужской компаніи, и надлежащаго тона галстукъ, я отправился къ мистеру Крэнстону, который оказался очень милымъ молодымъ, веселымъ и остроумнымъ англичаниномъ самаго здороваго краснощокаго вида. Общая профессія и бутылка дружескаго хереса насъ сейчасъ-же сблизили.

Прежде всего business—мы поговорили о дѣлахъ и сообщили друга другу всѣ послѣднія свѣдѣнія, которыя мы имѣли о положеніи дѣлъ въ Тяньцзинѣ. Вооружившись записными книжками, мы обмѣнялись цыфрами и данными. Затѣмъ я обратился къ Крэнстону съ вопросомъ, почему англійскія газеты обыкновенно полны

нападокъ и всякихъ несправедливостей по адресу русскихъ. Когда же дѣло является безспорнымъ фактомъ, какъ напримѣръ, спасенія Тяньцзина русскимъ полкомъ, то англійская печать отдѣлывается замалчиваніемъ или фразами вродѣ: „Въ этомъ дѣлѣ между прочимъ принимали участіе и русскіе", тогда какъ въ этомъ дѣлѣ русскіе сдѣлали все.

— Намъ, впрочемъ, все равно, что о насъ пишутъ въ Лондонѣ или Шанхаѣ,—замѣтилъ я—но это неизмѣнное искаженіе или замалчиваніе фактовъ въ отношеніи русскихъ совершенно непонятно и тѣмъ болѣе странно, что въ личныхъ отношеніяхъ къ русскимъ англійскіе журналисты и вообще англичане очень симпатичные люди.

— Не сердитесь на наши газеты, — отвѣтилъ Крэнстонъ, — у насъ на все мода. Теперь въ нашей прессѣ мода бранить русскихъ и какъ бы я лично ни сочувствовалъ русскимъ, я ничего не въ состояніи сдѣлать. Мы должны считаться съ духомъ и вкусомъ нашихъ читателей, которые требуютъ, чтобы всюду въ политикѣ и во всякихъ международныхъ дѣлахъ первенствовали англичане, и я не могу писать иначе, какъ въ этомъ направленіи. Бываютъ случаи, что мы посылаемъ одни кореспонденціи, но пройдя черезъ строгую цензуру редакціи, онѣ настолько линяютъ въ печати, что намъ остается только смириться и идти по курсу общественнаго мнѣнія. Всѣ мы европейцы единогласно признаемъ, что храбрость и заслуги русскихъ въ спасеніи Тяньцзинскихъ сетльментовъ удивительны, огромны и безспорны, и въ этомъ смыслѣ я послалъ всѣ телеграммы въ Лондонъ. Что касается вашего адмирала Алексѣева, то я полагаю, что въ настоящее время, при международно - анархическихъ отношеніяхъ, существующихъ здѣсь между отрядами разныхъ націй, при взаимномъ недовѣріи, соперничествѣ и даже нѣкоторой боязни другъ друга, это единственный человѣкъ, который можетъ согласовать интересы и претензіи различныхъ отрядовъ, разсѣять недовѣріе и направить всѣ союзныя силы къ общей цѣли — освобожденію Пекина, изъ котораго мы имѣемъ самыя печальныя извѣстія о положеніи нашихъ посольствъ, осажденныхъ, бомбардируемыхъ и голодающихъ.

Послѣ обѣда, во время котораго были провозглашены тосты за журналистовъ, прессу и за англо-русскую дружбу не только въ личныхъ отношеніяхъ, но и въ политикѣ, присутствовавшіе англичане спѣли свой гимнъ „God save the Queen." Я съ пріятнымъ удивленіемъ узналъ, что одинъ изъ англичанъ, съ которыми я

познакомился, маіоръ англійской службы, былъ православный. Онъ разсказалъ мнѣ, что изучалъ многія христіанскія религіи, и считаетъ православную вѣру наиболѣе отвѣчающую запросамъ сердца и ума. Поэтому онъ и принялъ православіе въ Лондонѣ.

Спѣвъ свой гимнъ, англичане пожелали, чтобы я сыгралъ имъ на піанино, уцѣлѣвшемъ отъ гранатъ, русскій національный гимнъ. Не отличаясь музыкальными способностями и боясь перепутать клавиши, я всетаки сѣлъ за піанино, такъ какъ полагалъ, что ни одинъ русскій не можетъ отговариваться неумѣніемъ спѣть или сыграть свой народный гимнъ, и началъ играть „Боже Царя храни.“

Коректные англичане окружили меня и стали хоромъ подпѣвать русскому гимну.

Англійскій кореспондентъ въ походѣ.

Во время затишья.

Генералъ Стессель, наши офицеры и дамы въ русскомъ лагерѣ въ Тяньцзинѣ.

Затишье

После паденія Тяньцзина въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ наступило затишье, которое продолжалось ровно три недѣли. Только русскіе и иногда японцы производили развѣдки съ цѣлью опредѣлить расположеніе китайскихъ войскъ, которыя стали укрѣпленнымъ лагеремъ возлѣ городка Бэйцанъ, въ 12 верстахъ отъ Тяньцзина. Другіе союзники почему-то не считали нужнымъ дѣлать рекогносцировки, надѣясь, вѣроятно, на русскихъ и японцевъ. Казаки—Верхнеудинцы и Читинцы и стрѣлки разныхъ полковъ ходили подъ Бэйцанъ, дѣлали развѣдки и тревожили китайцевъ своимъ огнемъ. Происходили перестрѣлки, но потерь у насъ не было.

Разъ только едва не потеряли лихого казака Раменскаго Читинскаго полка. О его спасеніи казаки разсказывали слѣдующія подробности:

Дѣло было ночью. Дивизіонъ Читинцевъ и Верхнеудинцевъ былъ отправленъ на рекогносцировку Бэйцанскихъ позицій. Три казака этого дивизіона въ темнотѣ ночи отбились, заблудились и попали за линію непріятельскихъ аванпостовъ. Китайцы замѣтили всадниковъ, узнали и встрѣтили ихъ огнемъ. Казаки живо повернули всторону и дали ходу. Однако подъ однимъ изъ казаковъ, котораго звали Раменскимъ, была убита лошадь. Онъ ее бросилъ и самъ спрятался въ канаву, а товарищи ускакали и прибывъ въ лагерь, донесли начальству все какъ было, а про Раменскаго доложили, что онъ должно быть убитъ, такъ какъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и больше не подымался.

Когда китайцы успокоились, Раменскій вылѣзъ изъ канавы и сталъ осторожно пробираться по тому направленію, куда ушли казаки, но снова наткнулся на китайскій пикетъ. Желтомазые солдаты мирно чифанили—ужинали и при свѣтѣ фонаря весело играли въ карты. Ружья были поставлены въ сторонкѣ у дерева, надъ оврагомъ. Что было дѣлать Раменскому? Уйти онъ не могъ отъ китайскихъ солдатъ, такъ какъ всталъ мѣсяцъ и ярко освѣ-

щалъ поле и они бы сейчасъ замѣтили казака.—А ну-ка пугну я ихъ!—подумалъ Раменскій, какъ кошка подползъ къ косатымъ, подобрался къ ихъ ружьямъ, потихоньку стащилъ ихъ одно за другимъ въ оврагъ, завопилъ ура что было мочи въ казацкой глоткѣ и выскочилъ на китайцевъ съ китайскимъ же ружьемъ. Китайцы до смерти перепугались и кинулись бѣжать безъ оглядки. Раменскій тоже бросился бѣжать и по дорогѣ встрѣтилъ взводъ нашихъ стрѣлковъ, которые были посланы изъ арсенала Сику на поиски пропавшаго Раменскаго.

15 іюля капитанъ 10 полка Ярославъ Горскій съ отрядомъ смѣлыхъ охотниковъ изъ стрѣлковъ и казаковъ ушелъ куда-то далеко на сѣверовостокъ, въ какія-то дебри, чтобы забраться китайскимъ войскамъ въ тылъ и когда нужно пугнуть ихъ. За послѣднее время въ русскомъ отрядѣ не имѣли о Горскомъ и его отрядѣ никакихъ извѣстій. Но Горскій былъ храбрецъ какихъ мало. Хотя всѣ и боялись за него, но были увѣрены, что онъ и своихъ не выдастъ и китайцамъ спуску не дастъ.

Грохотъ канонады навсегда затихъ надъ Тяньцзиномъ и боевой дымъ разсѣялся. Въ русскій отрядъ стали пріѣзжать изъ Портъ-Артура храбрыя офицерскія дамы, чтобы навѣстить своихъ мужей. Это были первыя европейскія женщины, которыя пріѣхали въ Тяньцзинъ черезъ нѣсколько дней послѣ его бомбардировки. Русскій лагерь повеселѣлъ. Загремѣли полковые оркестры и зазвенѣли удалыя солдатскія пѣсни. Недавнія печали, раны и труды были скоро забыты.

Учредивъ совмѣстно съ другими командирами въ китайскомъ Тяньцзинѣ временное правительство, адмиралъ Алексѣевъ со своимъ штабомъ уѣхалъ обратно въ Портъ-Артуръ.

„Владимiръ Мономахъ“.

Вторая часть

Пекинъ

Дворецъ Богдыхана въ Пекинѣ.

„Чжу жу чэнь сы“

„Когда государь оскорбленъ—чиновники умираютъ“

Китайское изреченіе

Ворота Алаго Запретнаго Города въ Пекинѣ.

Китайская смута

Когда комендантъ фортовъ Таку получилъ ультиматумъ адмираловъ о сдачѣ, то согласно разрѣшенію или приказанію изъ Пекина онъ не далъ адмираламъ никакого отвѣта, но открылъ огонь по иностраннымъ канонерскимъ лодкамъ и тѣмъ самымъ первый началъ военныя дѣйствія противъ союзниковъ.

Можно различно толковать и оправдывать или не оправдывать образъ дѣйствій китайскаго коменданта, дѣйствовавшаго согласно инструкціямъ изъ Пекина, но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что начало военныхъ дѣйствій и первый вызовъ принадлежали китайцамъ, но не союзнымъ державамъ въ лицѣ ихъ адмираловъ. Дальнѣйшія событія показали, что еслибы адмиралы вовремя не приняли экстренныхъ мѣръ къ тому, чтобы обезпечить свободный входъ въ Пэйхо, то военныя дѣйствія были бы значительно затруднены и едвали бы удалось освободить Тяньцзинъ и Пекинъ въ два мѣсяца.

7-го іюня въ Пекинѣ на улицѣ былъ убитъ китайскимъ солдатомъ германскій посланникъ фонъ-Кеттелеръ, отправившійся въ Цзунлиямынь для переговоровъ. Сопровождавшій его драгоманъ Кордесъ былъ раненъ.

8-го іюня, черезъ четыре дня послѣ паденія Таку, въ Пекинѣ былъ изданъ указъ богдыхана, въ которомъ между прочимъ объявлялось:

„Наши предки пришли помочь намъ и боги отвѣтили на наши моленія. Никогда еще не было такого выраженія преданности и любви къ отечеству. *Мы объявили войну со слезами на*

Мраморныя ворота въ храмѣ Неба.

глазахъ передъ гробницами предковъ. Лучше сдѣлаемъ все, что можемъ и вступимъ въ борьбу, нежели будемъ искать средствъ самосохраненія, которыя навлекутъ на насъ вѣчную немилость. Всѣ наши чиновники, высшіе и низшіе, имѣютъ одно мнѣніе. Безъ воззванія собралось нѣсколько тысячъ вѣрныхъ солдатъ. Даже дѣти взялись за копья въ защиту государства. Иностранцы полагаются на свои мудреные планы, мы надѣемся на небесное правосудіе. Нечего и говорить о правотѣ нашего дѣла, но вѣдь число нашихъ провинцій болѣе 20, а въ нихъ болѣе 400 милліоновъ жителей. Намъ не трудно будетъ защитить честь нашего государства“.

Въ заключеніе указъ богдыхана обѣщалъ различныя щедрыя награды всѣмъ отличившимся въ бою, а также тѣмъ, кто сдѣлаетъ денежныя пожертвованія на веденіе войны. Сейчасъ же въ китай-

Пекинъ.
Алый Запретный Городъ (Дворцы Богдыхана).

скую казну потекли богатыя пожертвованія отъ знатныхъ мандариновъ и именитыхъ купцовъ.

Послѣ каждаго боя съ иностранцами китайскіе солдаты и офицеры немедленно получали денежныя награды отъ своего правительства. Когда Тяньцзинъ былъ взятъ, англійскому кореспонденту Сэвэджъ-Лэндору удалось найти въ брошенномъ ямынѣ вице-короля Юй Лу множество расписокъ китайскихъ военныхъ въ полученіи наградныхъ денегъ за побѣды, одержанныя надъ иностранцами.

Такъ, маіоръ Чэнъ Го Чунь получилъ за взятіе двухъ американскихъ пушекъ 50 ланъ. Полковникъ Ванъ И Цай за двѣ головы американскихъ солдатъ получилъ 100 ланъ. Одному изъ храбрѣйшихъ офицеровъ китайской арміи поручику Ху Дѣнь Цзя, бывшему въ отрядѣ генерала Нѣ, было выдано въ разное время много денегъ: 8 іюня, за три дня удачнаго боя—3500 ланъ, 11 іюня—5000 ланъ, 19 іюня—2500 ланъ, 20 іюня—10,000 ланъ 16 іюня дано генералу Нѣ 60,000 ланъ жалованья для его войскъ. Наградныхъ выдавалось каждому офицеру обыкновенно по 10 ланъ и болѣе, а солдату—по 4—5 и болѣе ланъ. Особыя награды выдавались для саперъ, строившихъ траншеи, для шпіоновъ и т. д. Когда успѣхи иностраннаго оружія становились все значительнѣе и опасность для китайскихъ войскъ усиливалась, награды также выдавались въ усиленномъ размѣрѣ.

Особенныя награды выдавались вначалѣ и боксерамъ, которые получали отъ правительства также боевые припасы и продовольствіе. Семьѣ убитаго боксера полагалось 100 ланъ вознагражденія, а за раненаго—30. Въ одной распискѣ значилось, что вицекоролемъ Юй Лу было отпущено 3550 ланъ, по приказанію правительства, семьямъ убитыхъ и раненыхъ боксеровъ. Накунѣ взятія Тяньцзина Юй Лу выдалъ главному предводителю боксеровъ и добровольцевъ Чжанъ Тѣ Чэну—10,000 ланъ. Это была послѣдняя сумма, записанная въ ямынѣ вице-короля, который бѣжалъ со всѣми чиновниками въ день штурма Тяньцзина.

Послѣ того какъ вышелъ указъ богдыхана отъ 8 іюня, объявившій войну всѣмъ иностраннымъ державамъ, тѣ китайскіе губернаторы, которые особенно ненавидѣли иностранцевъ, сейчасъ же начали самое варварское преслѣдованіе миссіонеровъ и обращонныхъ ими китайцевъ, жившихъ въ ихъ предѣлахъ. Особенной жестокостью прославился Юй Сянь, правитель провинціи Шаньси, смежной съ Чжилійской провинціей.

Снова загорѣлись свѣточи христіанства.

Снова повторились ужасы первыхъ временъ апостольской проповѣди. Миссіонеры, со своими жонами и дѣтьми, беззащитные и закинутые на разстояніи 200—300 верстъ отъ моря въ дебряхъ Шаньдуна, Шэньси и Шаньси, гдѣ они имѣли свои школы, лѣчили, учили и приносили много добра китайцамъ, были замучены озвѣрѣлой толпой. Ихъ головы были выставлены въ китайскихъ кумирняхъ. Миссіонерки были изнасилованы, замучены и обезглавлены. Ихъ дѣтей мучили и убивали на ихъ глазахъ. Тѣла убитыхъ были выброшены за городскія ворота. Ихъ школы и госпиталя разрушены и сожжены.

Мраморный помостъ въ храмѣ Неба для жертвоприношеній Богдыхана.

Губернаторъ Юй Сянь приказалъ привести къ нему всѣхъ миссіонеровъ, жившихъ въ главномъ городѣ провинціи Тайюаньфу. Когда они были приведены, имъ было приказано пасть ницъ передъ губернаторомъ. Затѣмъ два католическихъ епископа и три миссіонера были разомъ обезглавлены. Вслѣдъ за ними были казнены остальные мущины, женщины и дѣти. Всего по приказанію Юй Сяня было казнено 37 миссіонеровъ и 30 обращонныхъ китайцевъ. Тѣла ихъ были выброшены и ночью тайкомъ погребены китайцами христіанами, за что было замучено 200 христіанъ.

Всего было замучено и казнено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ военныхъ дѣйствій 68 протестантскихъ миссіонеровъ, въ томъ числѣ 28 мущинъ, 20 замужнихъ женщинъ, 20 дѣвицъ и 25 дѣтей. Въ этомъ спискѣ болѣе всего пострадали американскіе миссіонеры. Сколько погибло протестантовъ-китайцевъ—въ точности совершенно

неизвѣстно, ввиду гибели самихъ миссіонеровъ, которые вели списки крещоныхъ. Во всякомъ случаѣ ихъ нужно считать тысячами.

Удостовѣрено, что за это смутное время было убито 35 католическихъ миссіонеровъ, среди которыхъ было 5 епископовъ, 28 священниковъ и 2 сестры милосердія. Замученныхъ и казненныхъ католиковъ китайцевъ насчитываютъ отъ 15 до 20 тысячъ. Болѣе всего ихъ погибло въ Маньчжуріи.

Китайскія дѣти-христіане и англичанка-миссіонерка, погибшія въ Мукденѣ.

Черезъ нѣсколько дней указъ богдыхана, объявившій войну всѣмъ державамъ и истребленіе иностранцевъ, былъ отмѣненъ, и было повелѣно прекратить преслѣдованіе миссіонеровъ и ихъ крещоныхъ. Въ средѣ пекинскаго правительства произошолъ расколъ. Одни высшіе сановники, какъ, напримѣръ, бывшій посланникъ въ С.-Петербургѣ Сюй Цзинъ Чэнь, Юань Чанъ и Цюй Юнъ И, были на сторонѣ иностранцевъ и мира. Другіе, преимущественно маньчжуры, князь Дуань, Юй Сянь, членъ Верховнаго совѣта „Цзюньцзичу" Ганъ И, членъ Цзунлиямыня и министерства юстиціи Чжао Шу Цяо, генералы Чжунъ Лу, Дунъ Фу Сянъ и Ли Бинъ Хэнъ—были противъ иностранцевъ и настаивали на необходимости продолжать войну всѣми силами, чтобы прогнать вторгшіяся иностранныя войска.

Сюй Цзинъ Чэнь, бывшій въ Россіи, хорошо знавшій иностранцевъ и силу европейскаго оружія, представилъ горячій докладъ богдыханшѣ, въ которомъ предостерегалъ отъ войны съ иностранцами, предсказывая, что эта война кончится для Китая великимъ несчастьемъ.

Однако партія князя Дуаня взяла верхъ. Онъ и его друзья были увѣрены въ непобѣдимости китайскихъ войскъ, вновь обученныхъ и вооруженныхъ новѣйшими германскими пушками и ружьями. Сюй Цзинъ Чэнь былъ оклеветанъ ими за произнесеніе недостойныхъ и дерзновенныхъ рѣчей и обезглавленъ. По ихъ приказанію, посольства въ Пекинѣ были осаждены, окружены барикадами и траншеями, и всѣ кварталы вокругъ нихъ выжжены. Было приказано стрѣлять по посольствамъ ежедневно и еженочно изъ ружей и пушекъ. Генералы Чжунъ Лу, Дунъ Фу Сянъ и Ли Бинъ Хэнъ заключили между собою тріумвиратъ и поклялись уничтожить всѣхъ иностранцевъ въ Пекинѣ.

Одновременно съ бывшимъ посланникомъ Сюй были казнены: Юань Чань—за три представленные имъ доклада, Цюй Инъ И, Ли Шанъ и Ли Юань, совѣтникъ министерства финансовъ, доказывавшій, что Китай не въ состояніи выдержать войну.

Католическій соборъ въ Мукденѣ, сожжоный боксерами въ 1900 г.

Однако болѣе благоразумные и осторожные члены высшаго правительства, при всей своей фанатичной ненависти къ иностранцамъ, понимали, какой отвѣтственности и какому возмездію они подвергаютъ Китай и его династію, если въ самомъ дѣлѣ было бы совершено возмутительное истребленіе членовъ иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ. Чтобы съ одной стороны не допустить этого, а съ другой — дать нѣкоторый исходъ ярости и изувѣрству боксеровъ и солдатъ, охваченныхъ однимъ чувствомъ мести и ненависти и требовавшихъ уничтоженія иностранцевъ,— было приказано не давать боксерамъ и солдатамъ новыхъ опасныхъ ружей и пушекъ, а вооружить ихъ старыми ружьями, фальконетами и чугунными орудіями и позволить имъ исподволь бомбардировать посольства изъ подобныхъ ружей и пушекъ, выстрѣлы которыхъ большею частью давали перелетъ. Кромѣ того солдатамъ не было разрѣшено производить общаго штурма и нападенія на посольства, чего, конечно, не выдержали бы охранявшіе ихъ ничтожные десанты.

Въ теченіе всего іюня мѣсяца боксерское движеніе принимало все большіе размѣры по всему Сѣверовостоку Китая, охватило Маньчжурію, и князь богдыханской крови Чжуанъ былъ назначенъ главою всѣхъ ихэтуанцевъ. Передъ своимъ домомъ въ Пекинѣ онъ соорудилъ жертвенникъ, вокругъ котораго производились казни осужденныхъ. Таинственныя общины ихэтуанцевъ, ввиду опаснаго положенія государства, уже теряютъ свой прежній чудесный обликъ и превращаются въ храбрыя дружины добровольцевъ, главная задача которыхъ не волшебныя заклинанія и упражненія, а бой съ иностранцами и спасеніе родины.

Въ концѣ іюня китайское правительство мобилизуетъ Маньчжурію и издаетъ рядъ распоряженій маньчжурскимъ цзянцзюнямъ о томъ, чтобы они были готовы начать военныя дѣйствія противъ Россіи.

Чтобы не допустить иностранныхъ войскъ до Пекина, китайскимъ генераламъ, находившимся въ Тяньцзинѣ, приказано удерживать иностранные отряды передъ этимъ городомъ во что бы то ни стало.

Однако съ паденіемъ Тяньцзина и отступленіемъ китайскихъ войскъ къ Бэйцану, пекинское правительство увидѣло, въ какой опасности находится ихъ столица, и поспѣшило заключить перемиріе съ осажденными посольствами и настойчиво предлагало посланникамъ выѣхать изъ Пекина подъ конвоемъ китайскихъ войскъ.

Не получивъ соотвѣтствующихъ инструкцій отъ своихъ правительствъ и не имѣя основаній довѣрять благонадежности китайскихъ войскъ и искренности предложеній китайскихъ министровъ, посланники отказались выѣхать изъ Пекина.

Не желая, чтобы событія Чжилійской провинціи разгорѣлись во всекитайскій пожаръ и вызвали войну 8 державъ со всѣмъ Китаемъ, вице-короли южныхъ провинцій начиная отъ Шань-

Полковникъ Ген. Шт. Дессино.

дуна приняли всѣ мѣры, чтобы порядокъ и спокойствіе въ ихъ областяхъ не были нарушены и чтобы иностранныя войска не имѣли никакихъ поводовъ войти въ ихъ предѣлы. Всѣмъ иностраннымъ консуламъ ими были присланы успокоительныя завѣренія. Въ самое тревожное время охрана европейцевъ въ Шанхаѣ была поручена русскому военному агенту полковнику Дессино, который сейчасъ же собралъ отрядъ изъ десантовъ и волонтеровъ и составилъ планъ обороны европейскихъ концессій въ Шанхаѣ.

Южные вице-короли сдержали свое обѣщаніе. Кромѣ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ убійства миссіонеровъ, все время пока продолжались смуты и военныя дѣйствія на Сѣверѣ Китая, Югъ Китая оставался совершенно спокоенъ и нейтраленъ и ни войсками,

ни оружіемъ, ни деньгами не помогъ ни Сѣверу, ни его плѣненной и разграбленной столицѣ.

Во время описываемыхъ событій китайцы неоднократно увѣряли иностранцевъ, что въ Пекинѣ воцарилось незаконное самозванное правительство, которое узурпаторски захватило власть, вызвало смуты и объявило войну державамъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что китайцы высказывали такое мнѣніе съ единственною цѣлью оправдать и обѣлить событія, разразившіяся въ Пекинѣ.

Вопросъ о законности указаннаго правительства можно разсматривать исключительно съ формальной юридической стороны, а съ этой стороны законность нисколько не была нарушена и никакой противозаконной узурпаціи высшей власти въ Пекинѣ не послѣдовало. Какъ и раньше, такъ и впослѣдствіи государственными дѣлами управляла вдовствующая богдыханша, а богдыханъ попрежнему оставался въ сторонѣ отъ дѣлъ по слабости своего здоровья и попрежнему всѣ государственныя дѣла вершились его именемъ. Партія, преданная богдыхану и его реформаторскимъ стремленіямъ, настолько малочисленна и слаба, что не имѣетъ никакого вліянія на дѣла имперіи, и дѣйствительной повелительницей Срединнаго государства была и остается попрежнему вдовствующая богдыханша Ситайхоу.

Лишь только въ Пекинѣ стало извѣстно, что Россія и другія державы предполагаютъ послать значительные отряды въ возмущонную Чжилійскую провинцію, то для объединенія государственныхъ дѣлъ въ однихъ рукахъ въ такое тревожное время, декретомъ богдыхана отъ 29 мая былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ и предсѣдателемъ Цзунлиямыня человѣкъ, который считался въ тѣ дни наиболѣе подходящимъ, рѣшительнымъ и испытаннымъ лицомъ, преданнымъ престолу—это былъ князь Дуань, дядя богдыхана и отецъ наслѣдника престола.

Черезъ 10 дней послѣдовалъ указъ богдыхана, объявившій войну державамъ и гоненіе на иностранцевъ. Когда правительство сообразило, чѣмъ можетъ грозить Китаю этотъ указъ, оно поспѣшило отмѣнить указъ тайными распоряженіями, но чтобы спасти государство отъ нашествія иностранныхъ войскъ, оно продолжало энергично вести военныя дѣйствія какъ въ Чжили, такъ и въ Маньчжуріи всѣми средствами и всѣми силами. До дня паденія Пекина всѣ распоряженія и повелѣнія относительно обороны государства и веденія войны исходили изъ Верховнаго совѣта въ Пекинѣ „Цзюньцзичу“, предсѣдателемъ котораго былъ князь Дуань.

Можно осуждать образъ дѣйствій пекинскаго правительства и признавать его ошибки и исключительность и незаконность принятыхъ имъ мѣръ, но нельзя отрицать, что за все время развитія боксерской эпопеи оно оставалось законнымъ центральнымъ китайскимъ правительствомъ, что доказываютъ факты, а съ этими фактами нужно считаться особенно на будущее время, ввиду возможности повторенія подобнаго кризиса въ Китаѣ.

Одинъ изъ дворцовъ Богдыхана въ Пекинѣ.

Цзунлиямынь.

Гонцы изъ Пекина

Заточонные въ Пекинѣ посланники и миссіонеры постоянно пытались посылать въ Тяньцзинъ китайскихъ гонцовъ, которые съ величайшей опасностью для жизни иногда доносили письма, но большая часть ихъ была перехвачена китайскими солдатами и казнена. Всѣ полученныя депеши сообщали объ отчаянномъ положеніи осажденныхъ посольствъ, о постоянныхъ нападеніяхъ и о необходимости скорѣйшаго освобожденія. Отъ русскаго посланника ни разу не было получено ни одной депеши и всѣ мы были крайне встревожены относительно судьбы русской колоніи въ Пекинѣ, о которой не имѣли никакихъ извѣстій.

Если посланцу удавалось ускользнуть отъ китайскихъ войскъ, кольцомъ окружившихъ посольства, то ему было также трудно пробраться въ лагерь союзниковъ въ Тяньцзинѣ. Передовые посты не пропускали ни одного китайца, шедшаго со стороны Пекина, такъ какъ среди такихъ китайцевъ попадались шпіоны изъ китайскаго войска. Такимъ посланцамъ приходилось для своей безопасности пробираться ночью, прятаться въ канавахъ и при встрѣчѣ

съ иностранными солдатами дѣлать знаки, показывать письма и креститься, чтобы ихъ приняли за христіанъ.

Самое тяжолое извѣстіе было получено 16 іюня, когда гонецъ доставилъ коротенькую записку отъ директора китайскихъ таможенъ Роберта Гарта:

„Командиру европейскаго отряда. Осаждены въ Британскомъ посольствѣ. Положеніе отчаянное. Торопитесь. Воскресенье 4 ч. дня. Р. Гартъ“.

Гонецъ объяснилъ, что это было воскресенье 11 іюня (24 новаго стиля). Но въ это время въ распоряженіи союзниковъ было всего 13 тысячъ человѣкъ, съ которыми они не рѣшались выступить въ походъ, тѣмъ болѣе что форты Тяньцзина еще не были взяты.

24 іюня было получено извѣстіе черезъ китайцевъ, что посольства еще цѣлы. Китайскія войска и боксеры въ смятеніи. Боксеры не рѣшаются приближаться къ посольствамъ, такъ какъ ихъ чудесная сила разрушена иностранцами. Если только у иностранцевъ достаточно пищи и оружія, то они могутъ еще долго держаться.

Въ русскій лагерь однажды былъ приведенъ китаецъ, посланный изъ Пекина, по его словамъ, англійскимъ посланникомъ съ письмомъ. Въ виду опасности положенія, его ночью по веревкѣ спустили съ городской стѣны, для того чтобы онъ не попался въ руки китайцамъ въ городѣ. Черезъ 5 дней онъ добрался до передовыхъ китайскихъ войскъ возлѣ Тяньцзина. Чтобы не быть ими замѣченнымъ, онъ цѣлый день провелъ въ каналѣ, по горло въ водѣ. Ночью онъ отправился по направленію къ городу, но снова наткнулся на китайскихъ солдатъ и долженъ былъ бросить свои сапоги, въ которыхъ онъ спряталъ письмо англійскаго посланника. Китайскіе солдаты его не тронули. Гонецъ былъ захваченъ казаками и приведенъ въ лагерь. Онъ показалъ, что всѣ европейцы собрались въ одномъ мѣстѣ, въ южной части Пекина. На городской стѣнѣ поставлены 2 пушки, 1 англійская и 1 германская, которыя охраняютъ европейцевъ. Хотя европейцы и въ огромной опасности, такъ какъ они окружены войсками князя Дуаня и генерала Дунъ Фу Сяна, но правительство Дуаня не рѣшается трогать европейцевъ. Продовольствія у европейцевъ есть на 2 мѣсяца. Гонецъ указывалъ, что съ южной стороны города существуютъ въ каналѣ старыя ворота, черезъ которыя европейскимъ войскамъ будетъ легче всего войти въ Пекинъ. Къ сожалѣнію, этому совѣту тогда не придали должнаго значенія.

16 іюля въ Тяньцзинъ было доставлено письмо отъ англійскаго посланника Клода Макдональда, который писалъ:

„Британское посольство. Пекинъ. 4 іюля (21 іюня) 1900.

„Мы окружены китайскими императорскими войсками, которыя стрѣляли въ насъ безпрерывно съ 20 (7) іюня. Мы отстаиваемъ слѣдующую линію: Американское посольство и 60 ярдовъ по Южной стѣнѣ Маньчжурскаго города, Русское посольство, Британское, часть противоположной стороны, охраняемая Японцами, Французское и Германское посольства. Всѣ остальныя посольства внѣ этой линіи и таможенныя зданія сожжены непріятелемъ и развалины находятся въ его рукахъ. Его барикады запираютъ насъ со всѣхъ сторонъ. Непріятель предпріимчивъ, но трусливъ. У него 4 или 5 пушекъ, одно 1-дюймовое скорострѣльное орудіе, два 3-дюймовыхъ и два 9 и 15-фунтовыхъ, которыми они пользуются большею частью для бомбардировки. Наши потери по сегодняшній день: 44 убитыхъ и почти вдвое больше раненыхъ. Мы имѣемъ продовольствія еще недѣли на двѣ, но уже ѣдимъ нашихъ лошадей. Если китайцы не усилятъ своихъ нападеній, то мы можемъ еще держаться нѣсколько дней—дней 10, но если они выкажутъ рѣшительность, то не болѣе 4 или 5 дней. Поэтому нельзя терять времени, если необходимо предотвратить страшное избіеніе.

„Китайское правительство, если только таковое существуетъ, ничего не сдѣлало, чтобы чѣмъ либо помочь намъ. Мы узнали, что всѣ ворота заняты противникомъ, но онъ не выдержитъ артиллерійскаго штурма. Легкій проходъ можетъ быть сдѣланъ черезъ шлюзъ-ворота канала, который мимо посольства проходитъ подъ Южной стѣной Маньчжурскаго города.

„Клодъ Макдональдъ".

Въ этомъ письмѣ англійскаго посланника есть чрезвычайно важное указаніе относительно самаго удобнаго подступа въ осажденныя посольства. Какъ это ни странно, но неизвѣстно почему—англичане не сообщили объ этой подробности письма начальнику русскаго отряда, желая вѣроятно воспользоваться даннымъ указаніемъ въ свое время и исключительно въ своихъ цѣляхъ, что они впослѣдствіи и сдѣлали.

Если бы русскіе были предупреждены о существованіи подобнаго подступа въ посольства, то штурмъ Пекина принялъ бы совершенно другой оборотъ и не вызвалъ бы столькихъ потерь въ русскомъ отрядѣ.

18 іюля въ Тяньцзинъ пробрался гонецъ, посланный японскимъ посольствомъ изъ Пекина 10 іюля и пробывшій 4 дня въ плѣну у китайскихъ солдатъ. Когда онъ пробирался черезъ ворота вышеуказаннаго канала, онъ былъ схваченъ солдатами, но успѣлъ проглотить листокъ врученнаго ему письма. Онъ разсказалъ слѣдующее. Черезъ нѣсколько дней послѣ перемирія между посольствами и нападавшими китайскими солдатами, генералъ Дунъ Фу Сянъ издалъ строгій приказъ, чтобы никакіе съѣстные припасы не доставлялись посольствамъ. Перемиріе было начато китайцами съ цѣлью выиграть время. Изъ Пекина ушли въ Бэйцанъ войска генерала Дунъ Фу Сяна, назначеніе которыхъ препятствовать дальнѣйшему движенію иностранныхъ войскъ на Пекинъ. Ожидаются подкрѣпленія съ юга. По слухамъ, генералъ Сунъ и вице-король Юй Лу представили богдыхану докладъ, въ которомъ настаиваютъ на необходимости отбить обратно форты съ помощью войскъ генерала Юань Ши Кая, Ли Бинъ Хэна и южныхъ вице-королей. Въ этомъ смыслѣ былъ изданъ соотвѣтствующій указъ богдыхана въ 29 день 6 луны (12 іюля).

Гонецъ изъ Пекина.

Пріѣздъ генерала Линевича

21 Іюля

Генералъ-лейтенантъ Николай Петровичъ Линевичъ, командиръ 1-го Сибирскаго Армейскаго корпуса, Высочайше назначенный начальникомъ Печилійскаго отряда, пріѣхалъ въ Тяньцзинъ 18 іюля. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ его штабъ и начальникъ штаба генералъ-маіоръ Василевскій.

Старый боевой и славный кавказецъ, генералъ Линевичъ, уже давно занесъ свое имя въ русскую военную исторію. По окончаніи Черниговской губернской гимназіи, онъ поступилъ на военную службу въ 1855 году въ бывшій запасной батальонъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Въ 1859—1864 годахъ молодой Линевичъ участвовалъ въ Кавказской войнѣ, дрался въ Чечнѣ и Дагестанѣ и за отличіе въ дѣлахъ съ горцами былъ произведенъ въ офицеры и получилъ первые боевые ордена. Въ 1877—1878 онъ дрался съ турками, былъ въ составѣ войскъ Карскаго и Кабулетскаго отрядовъ, нападалъ на турецкую батарею подъ фортомъ Мухлисо, былъ на развѣдкѣ среди Андижанскихъ высотъ и въ кавалерійскомъ дѣлѣ у горы Большія Ягны, отражалъ турокъ на Муха-Эстатской позиціи и атакуя турокъ на Цихисъ-Дзирскихъ высотахъ былъ раненъ одной пулей въ руку, двумя пулями въ ногу и контуженъ въ бокъ. Въ эту войну онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Сперва онъ командовалъ 2-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ батальономъ, затѣмъ 84 пѣх. Ширванскимъ полкомъ, 2-ой Закаспійской стрѣлк. бригадой, въ 1891 произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1895 назначенъ командующимъ войсками Южно-Уссурійскаго отдѣла, а затѣмъ командиромъ Сибирскаго Армейскаго корпуса.

По прибытіи въ Тяньцзинъ новаго начальника русскаго отряда, ему сейчасъ-же представились всѣ командиры международныхъ отрядовъ, которые отнеслись съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ авторитету и военной опытности русскаго генерала. На третій

Начальникъ Печилійскаго отряда
Генералъ-Лейтенантъ
Н. П. Линевичъ

день послѣ своего прибытія генералъ Линевичъ вмѣстѣ съ генералами Стесселемъ и Василевскимъ объѣзжалъ наши позиціи и производилъ рекогносцировку передовыхъ китайскихъ позицій возлѣ Бэйцана, въ 8 верстахъ отъ Тяньцзина. Съ пріѣздомъ генерала Линевича старшимъ въ чинѣ среди другихъ командировъ сталъ русскій генералъ, слѣдующимъ за нимъ по старшинству былъ начальникъ японскаго отряда генералъ-лейтенантъ Ямагучи, извѣстный дѣятель послѣдней японо-китайской войны.

Еще до пріѣзда генерала Линевича командирами неоднократно обсуждался вопросъ о необходимости безотлагательно приступить къ походу на Пекинъ, ввиду угрожающихъ извѣстій о положеніи посланниковъ. Однако, мнѣнія военноначальниковъ расходились относительно цыфры войскъ, необходимыхъ для этой цѣли. Одни полагали, что достаточно 20—25 тысячъ солдатъ. Другіе находили, что не менѣе 40 тысячъ человѣкъ должны быть на лицо, для того чтобы китайскія войска были разсѣяны и связь между Таку, Тяньцзиномъ и Пекиномъ могла считаться обезпеченной. Третьи совѣтовали переждать періода дождей, который долженъ былъ наступить въ концѣ лѣта и могъ не только затруднить движеніе войскъ, но даже совершенно прервать всякое сообщеніе съ Пекиномъ на нѣсколько недѣль. Японцы были готовы немедленно отправить на театръ военныхъ дѣйствій 30 тысячъ своихъ войскъ, но не рѣшались на такую мѣру, опасаясь неудовольствія со стороны Россіи, Франціи и Германіи, которыя не могли, конечно, желать, чтобы международное дѣло освобожденія посланниковъ и прекращенія китайскаго пожара было сдѣлано одними японскими руками, хотя Англія и Америка поддерживали намѣреніе Японіи.

Русскіе совѣтовали только одно—не торопиться. Нѣсколько разъ англичане, американцы и японцы заявляли русскимъ, что они должны немедленно выступить въ походъ, и приглашали русскихъ присоединиться къ ихъ отрядамъ. Русскіе считали такое выступленіе преждевременнымъ и отказывались. Союзники повидимому не рѣшались двинуться впередъ безъ русскихъ—и походъ откладывался. Наконецъ, разъ англичане извѣстили генерала Стесселя, что они безотлагательно выступаютъ „завтра". Генералъ Стессель отвѣтилъ, что желаетъ имъ „счастливаго пути и всякаго успѣха", но присоединиться къ нимъ не можетъ, такъ какъ не имѣетъ приказаній отъ своего начальства. Союзники очень разсердились, отложили экспедицію сперва на „послѣзавтра", а затѣмъ и совсѣмъ на неопредѣленное время.

21 іюля генералъ Линевичъ пригласилъ союзныхъ командировъ на военный совѣтъ. Присутствовали всѣ командиры и начальники ихъ штабовъ. Предсѣдательствовалъ Линевичъ. На этомъ совѣщаніи, которое продолжалось нѣсколько часовъ, было рѣшено, по особенному настоянію генерала Ямагучи, на другой день ночью атаковать соединенными силами Бэйцанъ, въ которомъ укрѣпились китайскія войска. Русскіе, французы, нѣмцы, итальянцы и австрійцы двинутся съ праваго фланга, а японцы, англичане и американцы съ лѣваго. Предположено окружить Бэйцанъ со всѣхъ сторонъ. Атакующія силы составятъ отрядъ въ 15 тысячъ человѣкъ. 6 тысячъ интернаціональныхъ войскъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Анисимова, остаются въ Тяньцзинѣ для охраны города, ввиду возможнаго нападенія со стороны вновь прибывающихъ китайскихъ войскъ, недавно высланныхъ по слухамъ изъ южныхъ провинцій.

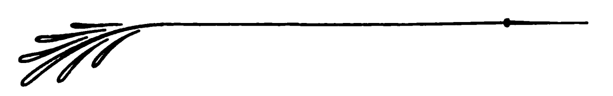

Наши офицеры на развѣдкѣ.

Японцы въ походѣ.

Въ походъ на Пекинъ

22 Іюля

Въ день Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны 22 іюля русскій отрядъ, совмѣстно съ отрядами союзныхъ націй, двинулся противъ китайскаго лагеря Бэйцанъ, чѣмъ было положено начало похода на Пекинъ.

На улицахъ Тяньцзина шумъ и движеніе. Загремѣли огромныя неуклюжія американскія фуры, запряжонныя четверкою рослыхъ жирныхъ муловъ и живо напомнившія американскія преріи, романы Майнъ-Рида и его героевъ. Замелькали маленькіе и чистенькіе остроглазые японскіе кавалеристы на маленькихъ веселыхъ вороныхъ жеребцахъ. Застучали легкія скорострѣльныя пушки франтовскихъ и воинственныхъ англичанъ въ жолтыхъ шлемахъ и жолтыхъ тропическихъ костюмахъ. Затопотали своими крѣпкими копытами тонкинскіе мулы, перевозившіе на своихъ хребтахъ легкую горную батарею красивыхъ и добродушныхъ французовъ, одѣтыхъ въ синіе шлемы и синіе костюмы. Замаршировали всегда парадные вымуштрованные и краснощокіе германцы въ круглыхъ сѣрыхъ шлемахъ и широкихъ блузахъ цвѣта китайскихъ песковъ. Ржали, кричали и ревѣли лошади, мулы и ослы. Потащились грязные

обозы, наполненные всякимъ скарбомъ, но только не огнестрѣльными припасами, тощихъ и голодныхъ чернокожихъ индійцевъ, въ цвѣтныхъ чалмахъ, песочныхъ блузахъ и шароварахъ, съ сѣрыми лентами, обвивающими ноги, и въ чорныхъ кожаныхъ башмакахъ.

Гнѣвное Небо-Тѣнъ было умилостивлено неисчислимыми и неисчерпаемыми потоками пролитой китайской и заморской крови и само пролило наконецъ первыя тяжолыя капли небесной влаги. Весь день и всю ночь шумѣлъ крѣпкій и упорный южный дождь и заливалъ лужами пыльныя улицы Тяньцзина, дороги и изнемогавшія отъ засухи поля. Въ отвѣтъ на смертоносные раскаты еще недавно гремѣвшихъ стальныхъ орудій откликнулся небесный громъ. Тяжело перекатываясь отъ одного небосвода до другого, онъ точно негодовалъ и смѣялся надъ жалкими потугами людей подражать его царственнымъ правамъ и потрясалъ тучи и землю своимъ побѣднымъ грохотомъ.

Но видно еще мало было пролито крови. Сквозь шумъ ливня и среди торжествующихъ ударовъ грома было слышно, какъ тысячи людей шли въ походъ, тысячи ногъ топтали грязь, подковы коней разбрызгивали лужи, ружья и сабли бряцали, колеса орудій и телѣгъ скрипѣли, погонщики кричали, мулы и ослы ревѣли.

Такъ какъ общее наступленіе всѣхъ союзныхъ колоннъ должно было послѣдовать съ разсвѣтомъ, а до мѣста было не болѣе 12 верстъ, то я еще располагалъ временемъ и ночью, сидя въ гостиницѣ „Astor-House“, писалъ кореспонденцію о послѣднихъ событіяхъ.

Около 2 часовъ ночи, задолго до разсвѣта, послышались отдаленные раскаты выстрѣловъ. Видно, снова началось кровопролитіе.

Я бросилъ писать и поспѣшилъ уложить на дорогу мой самый упрощонный кореспондентскій багажъ, т. е. ничего, кромѣ записной книжки съ карандашомъ, засунутой въ карманъ, и бутылки краснаго вина, уложенной въ сѣдло. Тутъ я вспомнилъ о револьверѣ, который былъ мнѣ любезно подаренъ мичманомъ З. и ровно два мѣсяца забытый мирно лежалъ на днѣ чемодана. Я живо разыскалъ оружіе, которое могло быть весьма полезнымъ, такъ какъ мнѣ предстояло ѣхать одному, въ темнотѣ, по неизвѣстнымъ дорогамъ. Я началъ храбро заряжать револьверъ, но... несмотря на всѣ мои усилія пули не имѣли никакого намѣренія держаться въ барабанѣ. Пули и револьверъ оказались разныхъ калибровъ. Окончательно убѣдившись, что мнѣ не судьба носить оружіе, я отправилъ револьверъ обратно въ чемоданъ и, вооружившись для обороны если не отъ боксеровъ, то отъ комаровъ, хорошимъ плете-

нымъ хлыстомъ, похищеннымъ мною изъ одной китайской кавалерійской импани, я вскочилъ на лошадь, которую когда-то купилъ у китайца-христіанина и потерялъ ее во время своей болѣзни. Наши всевѣдущіе и вездѣсущіе казаки разыскали эту лошадь и объѣздили.

Меня постигла новая неудача. Лишь только я выѣхалъ изъ воротъ гостиницы, лошадь пробѣжала нѣсколько шаговъ и сейчасъ же основательно и съ чувствомъ такъ заиграла задними ногами, что я, не долго думая, очутился въ лужѣ.

Меня не столько испугала участь моего бѣлаго тропическаго костюма, который пріобрѣлъ весьма странный видъ, точно былъ разрисованъ смѣлой кистью импрессіониста или декадента. Меня больше встревожило будущее бутылки краснаго вина, находившейся въ сѣдлѣ. Въ походѣ вино незамѣнимое питье и съ нимъ можно пить даже воду изъ Пэйхо. Я снова поймалъ лошадь, снова влѣзъ на нее и снова полетѣлъ на землю. При каждой моей попыткѣ взобраться на сѣдло, лошадь начинала играть задними ногами и выказывать самыя враждебныя намѣренія. Къ моей величайшей досадѣ, лошадь не только не убѣжала совсѣмъ, чтобы оставить меня по крайней мѣрѣ въ покоѣ, но продолжала ходить возлѣ дороги. Была ли эта лошадь настроена боксерами и потому ненавидѣла всѣхъ иностранцевъ, или она слушалась только русскихъ казаковъ, которые на ней ѣздили, или быть можетъ она не терпѣла только однихъ журналистовъ и кореспондентовъ, но она рѣшительно отказалась меня возить, и я былъ принужденъ отвести ее обратно въ конюшню и взять другого коня. Я былъ въ отчаяньи и боялся, что благодаря капризу моего четвероногаго врага я не успѣю нагнать нашего отряда и не увижу самаго интереснаго момента боя.

Проѣхавъ черезъ мирно спавшій Тяньцзинъ и обогнувъ разрушенныя и сожженныя деревни передъ вокзаломъ, съ валявшимися прогнившими трупами китайцевъ, я пересѣкъ опустошонныя поля, на которыхъ два послѣднихъ мѣсяца бились международные отряды желтаго, краснаго и бѣлаго племени. Дрались здѣсь китайцы и японцы, маньчжуры, чжунгары и монголы, буряты, татары, англійскіе индусы, бенгалы, пенджабы, сикки, гуркасы, раджипуты, французскіе анамиты, малайцы, американцы, евреи, англичане, германцы, австрійцы, итальянцы, французы, австрійскіе чехи, словаки, поляки и русскіе.

На самыхъ мирныхъ землепашцевъ и торговцевъ, двѣсти лѣтъ ни на кого не нападавшихъ и ненавидѣвшихъ войну, ополчились племена Азіи, Европы и Америки. На желтыхъ китайцевъ пошли войною еди-

ноплеменные и единовѣрные имъ желтолицые японцы. Приплыли посланные англичанами индусы, раздѣленные отъ китайцевъ величайшими горами и равнинами и давно не враждовавшіе съ ними.

Перепутались не только племена, но и вѣры. Въ обоихъ воюющихъ лагеряхъ были конфуціанцы, буддисты, магометане и шаманы. Заодно съ христіанами шли брамины и язычники. На сторонѣ европейцевъ были китайцы-христіане и цѣлый китайскій полкъ, привезенный англичанами изъ Вэйхайвэя. Съ другой стороны, у китайцевъ было европейское оружіе и они дрались по правиламъ европейскаго военнаго искусства, которому ихъ обучили европейцы-инструктора.

Это было такое странное и роковое смѣшеніе людей и понятій, что спуталось даже представленіе о смыслѣ и цѣли всей этой войны.

Вэйхайвэйскій полкъ.

И китайцы и союзники дрались другъ съ другомъ ради одной и той же цѣли и одними и тѣми же средствами—„на пользу Китая“. Первые отстаивали честь и свободу Китая. Вторые шли устанавливать въ немъ порядокъ и освободить посланниковъ. Но было ли отъ этого Китаю легче?

Впервые въ исторіи человѣчества, на берегахъ Тихаго океана сошлись для кроваваго спора разныя племена Азіи, Европы и Америки. Если война разъединяетъ и ссоритъ народы, то она же собираетъ, связываетъ и даже сближаетъ враждующія племена. Духовная сила и ширина каждаго народа и отдѣльнаго человѣка полнѣе и глубже всего познаются въ пору испытаній. Пестрые разноязычные и разновѣрные отряды, собравшіеся на Печилійскихъ поляхъ, и подъ огнемъ и во время мира имѣли много случаевъ приглядѣться и привыкнуть другъ къ другу, замѣтить, кто въ чемъ силенъ и слабъ, и потомъ дома на родинѣ разсказать все то, что они видѣли и слышали.

Въ 1860 году Китай имѣлъ столкновеніе съ двумя державами Англіей и Франціей. Черезъ 35 лѣтъ онъ воевалъ съ Японіей. Черезъ 40 лѣтъ ему пришлось вступить въ борьбу уже съ восемью державами.

Не есть ли китайская распря 1900 года предзнаменованіе грядущей великой борьбы, которая разразится въ неотдаленномъ будущемъ на Китайской равнинѣ между разными народами Европы, Азіи и Америки, для дѣлежа береговъ Тихаго океана?

Американцы везутъ раненаго японца.

Японцы въ Бэйцанѣ, на берегу Пэйхо.

Бэйцанъ

23 Іюля

Все утро съ сѣвера, со стороны Бэйцанскихъ позицій, доносились то протяжные и воющіе, то гулкіе и трещавшіе раскаты отдаленной пальбы. Слышно было, какъ звуки передвигались къ сѣверу и то застывали, то гремѣли еще ожесточоннѣе, и по нимъ можно было судить, что отважные японцы, бывшіе въ авангардѣ союзниковъ, завязали горячій бой, не щадили ни китайцевъ, ни своихъ снарядовъ, ни себя и разбивали врага наголову. Но и китайцы не щадили японцевъ и ихъ отвѣтные выстрѣлы не переставая грохотали во всѣхъ концахъ Бэйцанскаго лагеря.

Я зналъ, что Бэйцанъ былъ расположенъ въ 12 верстахъ отъ Тяньцзина по желѣзной дорогѣ и поѣхалъ вдоль полотна отыскивать наши войска. Дождь прекратился еще ночью, тучи разсѣялись, взошло солнце и засеребрило на свѣже-умытыхъ травахъ, цвѣтахъ и деревьяхъ еще не опавшія живительныя капли дождя.

По полученнымъ донесеніямъ, китайскій укрѣпленный лагерь былъ сооруженъ между городкомъ Бэйцанѣ, лежащимъ на лѣвомъ берегу Пэйхо, и полотномъ желѣзной дороги, ведущей къ Пекину.

Согласно диспозиціи боя, 6500 японцевъ, 1800 англо-индійцевъ и 1000 американцевъ, со своими орудіями, должны были наступать на лагерь со стороны Пэйхо—съ запада. Русскіе полки: 9-й, 10-й, 1-й батальонъ 12-го полка и 2 сотни Верхнеудинцевъ и Читинцевъ, 2 роты германской морской пѣхоты, 1 1/2 батальона французскихъ колоніальныхъ войскъ, полроты австрійскихъ моряковъ и полроты итальянскихъ и 2 французскія горныя батареи, подъ общимъ начальствомъ генерала Стесселя, обходили съ востока и должны были атаковать со стороны желѣзной дороги. Въ центрѣ, вдоль полотна желѣзной дороги двигались для демонстраціи 2 рус-

Французы въ походѣ.

скія батареи, 1 французская полевая батарея и 2 роты 2-го полка, подъ общимъ командованіемъ полковника Келлера. Всего шло на Бэйцанъ около 15,000 человѣкъ.

По разрыхленнымъ дождемъ вязкимъ дорогамъ, среди полей гаоляна, среди мирныхъ огородовъ и красивыхъ рощицъ показались бѣлыя рубахи русскихъ, синія куртки французовъ, песочныя блузы нѣмцевъ и матросскія голландки австрійцевъ и итальянцевъ. Колыхаясь и сверкая двигались ружья—цѣлый стальной лѣсъ. Сверкали штыки, сабли, пушки и слышался многотысячный топотъ человѣческихъ и лошадиныхъ и мулиныхъ ногъ. Разноплеменное войско двигалось тихо, молча—точно по китайскимъ полямъ медленно пробирался великолѣпный исполинскій удавъ, извивавшійся и игравшій на солнцѣ своей блестящей чешуей. Это былъ отрядъ генерала Стесселя, который шолъ обратно съ поля сраженія въ полномъ порядкѣ, въ то время какъ канонада еще бушевала надъ Бэйцаномъ. Что случилось?

Офицеры разсказали, что весь отрядъ генерала Стесселя наканунѣ вечеромъ собрался за Лутайскимъ каналомъ и сталъ бивакомъ. Ночь провели подъ жестокимъ проливнымъ дождемъ, въ грязи и вымокли какъ рыбы. На разсвѣтѣ вся равнина, по которой долженъ былъ идти отрядъ, оказалась залита водою. Чтобы воспрепятствовать движенію иностраннаго войска, умные китайцы заблаговременно провели рвы, устроили шлюзы и сумѣли за одну ночь такъ наводнить всю мѣстность, что она обратилась въ озеро, которое не было никакой возможности пройти: воды было по грудь. Не разсчитывая на свою храбрость, изобрѣтательные китайцы придумали обороняться съ помощью природы. Генералъ Стессель рѣшилъ отступить и обходнымъ движеніемъ присоединиться со всѣмъ своимъ отрядомъ къ японцамъ, которые уже штурмовали Бэйцанъ.

Я поскакалъ дальше вдоль желѣзнодорожной насыпи въ погоню за демонстративной колонной полковника Келлера. Позади остался Лутайскій каналъ и 1-й желѣзнодорожный мостъ, который русскіе взяли съ такими усиліями 30 іюня, затѣмъ 2-й мостъ и 3-й, возлѣ котораго 4 іюня были освобождены наши саперы и гдѣ я впервые увидѣлъ бой и познакомился самъ съ китайской шрапнелью. Передъ этимъ мостомъ стоялъ паровозъ, нѣсколько вагоновъ со шпалами и рельсами и солдаты Уссурійскаго желѣзнодорожнаго батальона исправляли полотно.

— Что вы здѣсь дѣлаете въ виду непріятеля?—спросилъ я знакомаго офицера.

— Чинимъ путь.

— Да вѣдь китайцы могутъ видѣть васъ и вашъ поѣздъ изъ своего лагеря.

— Не наше дѣло—полковникъ Келлеръ, нашъ командиръ, приказалъ намъ чинить путь по пятамъ русскаго отряда—мы и чинимъ. Это намъ не впервые. Уже верстъ на 6 отъ Тяньцзина мы возстановили дорогу.

У 4-аго моста, въ полѣ, прикрытые высокой кукурузой и гаоляномъ, чернѣли зарядные ящики, лошади и люди. За ними передъ свѣже-насыпанными окопами стояло рядомъ 16 русскихъ пушекъ 2-ой и 3-ей батареи и 6 французскихъ. Подъ тропическимъ дождемъ, въ глубокой темнотѣ, русскіе и французскіе артиллеристы подъ общимъ начальствомъ подполковника Мейстера, съ величайшимъ трудомъ протащили орудія по размытымъ дорогамъ, по рытвинамъ и болотамъ, окопались и съ утра начали бомбардировать лѣвый флангъ китайцевъ. При батареяхъ былъ десантъ нашихъ

моряковъ, подъ командою лейтенанта Родіонова. Не стѣсняясь тѣмъ, что въ его распоряженіи была только горсточка людей, лейтенантъ Родіоновъ храбро обстрѣливалъ китайцевъ. Я не знаю, какой уронъ отъ этого десанта понесъ китайскій лагерь, но радъ сообщить, что въ десантѣ Родіонова никакихъ потерь не было.

Французы и русскіе дѣйствовали дружно и ихъ ядра производили смятеніе въ противолежащемъ лагерѣ, который тянулся длинной цѣпью жолтыхъ песчаныхъ окоповъ. Мелинитовыя бомбы французовъ, разорвавшись въ лагерѣ, подымали чорные столбы дыма и песку, разбивали окопы и разбрасывали палатки. Безъ бинокля было видно, какъ китайскіе солдаты въ отчаяньи бѣгали по лагерю и постепенно исчезали. Ихъ знамена пропадали. Уходя, китайцы пробовали отстрѣливаться и нѣсколько гранатъ упало возлѣ нашихъ зарядныхъ ящиковъ. Къ полудню по всѣмъ фронтамъ пальба замолкла. Китайскій лагерь опустѣлъ. Бэйцанъ былъ взятъ.

Главная заслуга во взятіи Бэйцана принадлежала японцамъ. Хотя общая атака союзниковъ, по соглашенію командировъ, должна была начаться съ разсвѣтомъ, однако, японцы начали штурмовать Бэйцанъ еще ночью и конечно приняли и перенесли первый огонь и всю тяжесть боя. Японцы съ такой стремительностью и отвагой брали одни китайскіе окопы за другими, что ворвались въ самый центръ лагеря и ввязались въ кровопролитный рукопашный бой. Сцѣпившись со своими недавними единокровными врагами, китайцы оказали геройское сопротивленіе и не легко отдали свой лагерь. Эта жестокая сѣча рѣшила дѣло, но дорого стоила японцамъ. Въ то время какъ у другихъ союзниковъ не было никакихъ потерь, у японцевъ были убиты: 1 офицеръ и 41 солдатъ, ранены: 12 офицеровъ и 234 солдата, 8 человѣкъ пропало безъ вѣсти.

И впослѣдствіи японцы не щадили своихъ солдатъ и первые рвались въ бой, не выжидая союзниковъ, не желая дѣйствовать по выработанному плану и не боясь тѣхъ потерь, которыя они несли. Трудно объяснить такой образъ дѣйствій. Искали-ли японцы военной славы, желая доказать на международномъ состязаніи свою храбрость и силу и право на званіе великой державы, желали-ли они присвоить себѣ первенствующую честь уничтоженія китайской арміи и освобожденія Пекина и на основаніи этого выговорить себѣ извѣстныя выгоды при заключеніи мира, или же они просто хотѣли первыми захватить богатые китайскіе обозы, нагруженные серебромъ, раньше, чѣмъ это успѣютъ сдѣлать союзники,—на эти вопросы могутъ отвѣтить знатоки японцевъ.

Японцы штурмуютъ китайскій лагерь въ Бэйцанѣ.

За все время Печилійской кампаніи 1900 года, отъ осады Тяньцзина и до штурма Пекина, главными дѣйствующими силами, которыя вынесли на себѣ всю тяжесть международной экспедиціи, которымъ принадлежали починъ и направленіе военныхъ дѣйствій и отъ боевыхъ качествъ которыхъ зависѣлъ исходъ экспедиціи— были русскіе и японцы. Но способъ веденія наступленія и боя былъ весьма различенъ у обоихъ союзниковъ, хотя и русскіе и японцы видѣли въ войнѣ свое прирожденное національное искусство. Если судить по Печилійской экспедиціи, то изъ современныхъ націй нужно считать самыми воинственными, знающими и любящими военное дѣло—русскихъ, германцевъ и японцевъ.

Французскіе офицеры сами говорили, что ихъ колоніальныя войска принадлежатъ по своему составу къ числу ихъ слабѣйшихъ войскъ

Китайскій солдатъ, убитый гранатой.

и поэтому особенными боевыми качествами не могли отличаться. Зато ихъ артилерія выше всякихъ похвалъ. Германцы, которыхъ было всего двѣ роты, и по улицамъ Тяньцзина и на полѣ сраженія ходили какъ на парадѣ, и русскіе офицеры единогласно отзывались о нихъ, какъ о прекрасныхъ боевыхъ товарищахъ, стойкихъ и неустрашимыхъ. Свободолюбивые американцы хотя безусловно и были храбры, но не признавали ни дисциплины, ни стратегіи, ни тактики и шли на штурмъ Тяньцзина такъ беззаботно, точно они отправлялись на охоту за китайцами, а не на серьезный бой. И въ этомъ же сраженіи заантлантическіе солдаты показали, что они могутъ драться хорошо только тогда, когда это имъ будетъ удобно и легко. Англичане очень красиво носили военную форму, щеголяли своими доспѣхами и весьма важно и храбро выступали, но на военное

дѣло они смотрѣли какъ на спортъ, который изъ всѣхъ излюбленныхъ ими спортовъ былъ имъ повидимому менѣе всего извѣстенъ и интересенъ. Англійскіе стрѣлки и артилеристы мужественно держались подъ огнемъ, но тѣ несчастные отряды тощихъ тонконогихъ и худосочныхъ сипаевъ, не умѣвшихъ и боявшихся стрѣлять, которыхъ англичане навезли изъ Индіи, нельзя конечно считать за войска.

Когда при штурмѣ Бэйцана японскій генералъ Фукушима просилъ англичанъ выслать бенгальскихъ уланъ на подмогу японской конницѣ, эти уланы такъ и не явились на помощь, о чемъ свидѣтельствуетъ также англійскій кореспондентъ Лэндоръ. Онъ также подтверждаетъ, что при наступленіи на Бэйцанъ американцы совершенно непонятнымъ образомъ потеряли дорогу и никакъ не могли найти Бэйцана. Поэтому они не принимали никакого участія въ сраженіи и явились въ Бэйцанъ, когда дѣло было уже кончено.

Зато японцы рвались въ бой какъ тигры. Свои атаки они предпочитали дѣлать глубокой ночью и любили быстроту и натискъ, стремясь въ самую огненную сѣчу, на проломъ, врываясь въ самую середину непріятельской позиціи, гдѣ они устраивали кровавую рѣзню. Они были весьма отважны и стремительны, но имъ недоставало той выдержки, того спокойствія и обдуманности, которыми отличаются русскіе. Они шли цѣлымъ отрядомъ разбивать противника прямо въ лобъ, безъ обходныхъ и демонстративныхъ движеній—не ослабляя противника предварительно артиллерійскимъ огнемъ и не выжидая спокойно результатовъ боя, что всегда дѣлали болѣе хладнокровные русскіе. Зато у японцевъ былъ всегда максимумъ потерь, тогда какъ русскіе достигали тѣхъ же результатовъ при минимумѣ раненыхъ и убитыхъ.

Боевыя дѣйствія по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, изученнаго вѣками, вели только русскіе, достойные потомки великаго учителя всѣхъ армій—Суворова, провозгласившаго не только быстроту и натискъ, но также глазомѣръ, которымъ пренебрегали японцы.

Японцы въ китайскомъ лагерѣ.

Въ захваченномъ лагерѣ

Когда еще продолжалась пальба между нашей артилеріей и лѣвымъ флангомъ китайцевъ, далеко впереди, возлѣ китайскаго лагеря, надъ 5-ымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ блеснулъ чей-то флагъ. Чей онъ? русскій, китайскій или союзниковъ? мы впились въ бинокли, которые показали на флагѣ три полоски: бѣлую, синюю и красную. Слава Богу—нашъ!

Немедленно было приказано прекратить пальбу по линіи желѣзной дороги, на которой вспыхнуло нѣсколько фугасныхъ взрывовъ и взлетѣли чорные столбы дыма.

Поле кончилось и вся мѣстность была залита водою, напущенною китайцами изъ канала. По этой безграничной топи вела единственная сухая нить—насыпь желѣзной дороги. Собственно, это была насыпь одного камня и щебня. Шпалы были давно сожжены и раскиданы боксерами, а рельсы кое гдѣ валялись вдоль пути. Конь съ трудомъ ступалъ по острымъ камнямъ. Вдоль насыпи тянулись электрическіе провода фугасовъ, которыми китайцы минировали дорогу.

У 5-аго моста оказался полковникъ. Модль, командиръ 2-го Вост. Сиб. Стр. полка, съ двумя ротами своего полка. Модль со своими стрѣлками пробрался вдоль минированнаго полотна желѣзной дороги и обрѣзалъ провода заложенныхъ фугасовъ. Китайцы успѣли взорвать нѣсколько фугасовъ, но не разсчитали разстоянія, благодаря

Побѣда китайскихъ войскъ при Бэйцанѣ

Войска генераловъ Дунъ Фу Сяна, Ма, Сунъ Цина.

Русскія войска. Стѣна Тяньцзина.

По китайской илюстраціи, изданной въ Тяньцзинѣ.

„Т-ва Художеств. Печати"

чему отрядъ стрѣлковъ не пострадалъ, Модль захватилъ двѣ гальваническія батареи, поставленныя у 5-аго моста, и водрузилъ надъ мостомъ русскій флагъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ китайцевъ, которые бѣжали еще дальше на сѣверъ, вдоль желѣзной дороги.

Китайскій лагерь представлялъ грандіозное саперное сооруженіе. Это былъ тройной рядъ траншей и окоповъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ и расположенныхъ въ 500 шагахъ одинъ позади другого. Всюду были разбиты цыновочныя и холщовыя палатки, въ которыя мы сейчасъ-же забрались, чтобы спастись отъ жгучихъ лучей солнца и мучительнаго блеска этой безплодной песчаной пустыни. Возлѣ палатокъ валялись ружья и ящики съ патронами. Орудія были увезены. Китайцы сдѣлали все, что могли: возвели сильныя и сложныя траншеи, наводнили мѣстность, минировали желѣзную дорогу и геройски отбивались всю ночь и утро. Ихъ трупы всюду попадались въ лагерѣ. Но со времени паденія Тяньцзина счастье имъ измѣнило.

Начальникъ Печилійскаго отряда генералъ Линевичъ, осматривая взятый лагерь, пріѣхалъ на лѣвый флангъ со своимъ штабомъ. Вслѣдъ за нимъ дикимъ галопомъ прискакалъ эскадронъ черномазыхъ бенгальскихъ уланъ въ чалмахъ, съ пиками, ружьями и саблями, на красивыхъ австралійскихъ лошадяхъ. Когда сраженіе давно было окончено и китайцы были далеко, они спохватились и рѣшили преслѣдовать китайцевъ по пятамъ. Ихъ офицеры были крайне удивлены, когда узнали, что въ этомъ мѣстѣ китайцевъ нѣтъ, а есть начальникъ русскаго отряда со своимъ штабомъ, а эта мѣстность уже давно подъ русскимъ флагомъ. Бенгалы, однако, не смутились и съ неослабѣвающимъ геройствомъ и тѣмъ-же дикимъ галопомъ, точно гунны, полетѣли дальше искать китайцевъ.

Тутъ случилась маленькая непріятность. Съ той стороны, съ которой менѣе всего слѣдовало бы ожидать,—со стороны союзниковъ грянула одна граната и другая и прошумѣвъ надъ мѣстомъ, гдѣ собрался Линевичъ и наши офицеры, гранаты полетѣли вдогонку за бенгалами и упали въ воду, всплеснувъ столбы брызгъ. Храбрые бенгалы были весьма смущены и рѣшивъ, что это мѣсто не чисто, помчались еще дальше за китайцами.

Генералъ Линевичъ былъ крайне недоволенъ и приказалъ послать казаковъ сообщить союзникамъ, чтобы они больше не стрѣляли, такъ какъ бой конченъ и китайцевъ больше нигдѣ нѣтъ.

Отважные бенгалы прискакали къ 6-му мосту и услышали выстрѣлы по ту сторону желѣзнодорожнаго полотна, въ рощѣ.

Ура! наконецъ китайцы найдены! Бенгалы остановились. Англичанинъ офицеръ приказалъ стрѣлять по рощѣ. Изъ кустовъ выскочили солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ и начали размахивать бѣлыми шапками и что-то кричать. Умный англичанинъ приказалъ бенгаламъ стрѣлять еще разъ. Вдругъ изъ-за кустовъ раздался такой дружный залпъ, что нѣсколько раненыхъ бенгаловъ сейчасъ-

Русская походная кухня.

же свалилось съ лошадей. Нѣтъ! такъ китайцы не стрѣляютъ. Это свои. Англичанинъ приказалъ прекратить стрѣльбу и поѣхалъ навстрѣчу. Это были русскіе.

Изъ рощи вышелъ капитанъ Ярославъ Горскій съ ротою охотниковъ. Цѣлую недѣлю Горскій съ охотниками блуждалъ въ тылу Бэйцанскихъ позицій въ 20 верстахъ отъ Тяньцзина, питался чѣмъ Богъ послалъ, перестрѣливался съ китайскими боксерами, занялъ три деревни Исиньфу, Сяодянь и Магода, 6-ой мостъ и пробирался къ 7-му, обстрѣливая 6000 китайцевъ, бѣжавшихъ отъ Бэйцана. Китайцы были повидимому такъ испуганы появленіемъ противника въ тылу Бэйцана, что не рѣшились его атаковать.

Бенгалы обстрѣляли Горскаго гораздо серьезнѣе. Одинъ унтеръ-офицеръ былъ раненъ тяжело, 5 стрѣлковъ легко. Англичанинъ офицеръ былъ крайне сконфуженъ и поздоровавшись съ Горскимъ сталъ извиняться за несчастное недоразумѣніе. Горскій съ своей стороны извинялся, что былъ вынужденъ дать залпъ по бенгаламъ, такъ какъ несмотря на знаки и крики, которые подавали его стрѣлки, бенгалы продолжали стрѣлять. Англійскій офицеръ выразилъ желаніе увидѣть раненаго унтеръ-офицера. Англичанинъ пожалъ руку солдату и далъ ему выпить виски изъ своей

фляжки. Въ отвѣтъ унтеръ-офицеръ приложилъ свои кулаки къ глазамъ и просилъ Горскаго передать англійскому офицеру:

— Скажите ихъ благородію, чтобы они на будущее время лучше въ свой бинокль смотрѣли.

Горскій съ охотниками отправился дальше вдоль линіи желѣзной дороги, а воинственные бенгалы вернулись восвояси.

Что должны были думать индійскіе уланы, которые преслѣдовали китайцевъ и всюду вмѣсто китайцевъ находили русскихъ?

Осмотрѣвъ китайскій лагерь, генералъ Линевичъ къ вечеру вернулся на русскій бивакъ. Всѣ отряды стали бивакомъ другъ подлѣ друга, за Бэйцаномъ, по ту сторону Пэйхо.

Ночь быстро спустилась. Затрещали костры. Забѣлѣли палатки. Зазвучали трубные сигналы. Задымили русскія походныя кухни, которыхъ не было ни у кого изъ союзниковъ и на которыя союзные солдаты и офицеры смотрѣли съ завистью. Взошолъ полумѣсяцъ.

Я прошелся вдоль биваковъ союзниковъ. Сипаи разбивали палатки и шалаши, что-то варили, ходили полуголые и такъ кричали, бранились и гоготали на своемъ непонятномъ языкѣ, что ихъ лагерь больше походилъ на индійскій базаръ. Американцы,

Американскіе солдаты.

рослые и развязные, лѣниво развалившись въ палаткахъ, пили пиво, курили трубки, смѣялись, пѣли или спали. У французовъ, которые расположились рядомъ съ нами, не было обоза и съѣстныхъ припасовъ, по недосмотру начальства. Поэтому они не имѣли даже палатокъ. Устроивъ шалаши изъ гаоляна, они варили кофе и курили сигареты. Воткнувъ въ зубы папиросу, французскій солдатъ не стѣсняясь подходилъ къ офицеру и говорилъ:

— Monsieur... permettez...—позвольте закурить.

Офицеръ не отказывалъ.

На японскомъ бивакѣ было тихо и молчаливо. Почтительно проходили солдаты мимо палатокъ своихъ любимыхъ генераловъ Ямагучи и Фукушима. Одни солдаты молча варили рисъ на дымившемъ и сверкавшемъ кострѣ, другіе, накинувъ на плечи чорные плащи съ капюшонами, такъ какъ ночь была прохладна, стояли и лежали вокругъ костровъ и молча и угрюмо смотрѣли на яркое пламя, освѣщавшее краснымъ свѣтомъ ихъ сосредоточенныя серьезныя лица. О чемъ думали эти беззавѣтно храбрые солдаты-мальчики съ нахмуренными глазками? О томъ, что у нихъ сегодня было 300 товарищей раненыхъ и убитыхъ? Что завтра опять будетъ бой? Опять будетъ побито много народу? О томъ, что они должны терпѣть всѣ эти страданія и приносить всѣ жертвы ради своей дорогой прекрасной родины, нынѣ возрождающейся къ славѣ и свѣту, подобно Восходящему Солнцу? Или быть можетъ многіе изъ нихъ думали о томъ, что на родинѣ дома осталась его милая Оинесанъ или Оматцусанъ, которая ждетъ его не дождется въ своемъ крохотномъ вишневомъ садикѣ съ апельсинами и хризантэмами и которой онъ привезетъ послѣ войны хорошаго китайскаго шолку и красивую яшмовую вазочку?

Японскій офицеръ и взятыя имъ китайскія орудія.

Въ русскомъ лагерѣ была торжественная и благоговѣйная тишина. Бѣлые стрѣлки, выстроившись рядами, среди колосьевъ кукурузы и гаоляна, стояли съ обнаженными головами и слушали молитву. Сегодня Богъ хранилъ всѣхъ, пусть же Онъ хранитъ ихъ и завтра и всегда! Послѣ молитвы, весь отрядъ какъ одинъ солдатъ запѣлъ „Боже, Царя храни!"...

Изъ четырехъ тысячъ русскихъ грудей эта волна звуковъ стройно и торжественно неслась какъ одно чувство и одна мысль, какъ привѣтъ и поклонъ дорогой далекой Россіи и ея Вождю отъ ихъ вѣрныхъ сыновъ, далеко заброшенныхъ на поляхъ Китая, измученныхъ походомъ и зноемъ, но никогда не забывающихъ своей родины и своего долга передъ нею.

Русскій офицеръ.

Русскіе въ Янцунѣ.

Янцунь

24 Іюля

После Бэйцанскаго сраженія командиры отрядовъ — японскаго—генералъ Ямагучи, англійскаго—генералъ Гэзли и американскаго—генералъ Чаффи пришли къ соглашенію, что для болѣе скораго и рѣшительнаго пораженія китайскихъ войскъ, необходимо начать немедленное преслѣдованіе ихъ, такъ какъ опытъ Японо-Китайской войны показалъ, что китайцы не выдерживаютъ быстраго и внезапнаго наступленія противника.

Въ тотъ же день вечеромъ англійскій и американскій отряды, пѣхота и артилерія поспѣшно отправились въ погоню за китайской арміей. Въ Бэйцанскомъ боѣ американцы не приняли участія, но зато удивительно храбро и охотно бросились преслѣдовать китайцевъ, благо ихъ армія была уже разбита.

Генералъ Линевичъ рѣшилъ дѣйствовать согласно съ союзниками, и въ 4 часа утра 24 іюля наши войска снялись съ бивака и двинулись дальше на Янцунь, бывшій отъ Бэйцана въ 25 верстахъ.

Наши казаки Читинцы и Верхнеудинцы, подъ командою войскового старшины Маковкина, выступили въ 3 часа утра, обогнали всѣхъ союзниковъ, первые подошли къ Янцуню и рекогносцировали мѣстность.

Впереди союзнаго отряда шли русскіе. За нами французы со своей батареей, которые примкнули къ русскимъ и дѣйствовали съ нами сообща, затѣмъ главныя силы англійскихъ войскъ, англійская артилерія, японскія войска и обозы.

Утро было очень жаркое, вѣтренное и безоблачное. Мы проходили однообразныя, но живописныя китайскія деревни съ рощами ивъ, тополей и ракитъ, любовались на кумирни причудливой древне-китайской постройки, видѣли чистенькія, акуратно выстроенныя кирпичныя фанзы съ черепичными крышами зажиточныхъ помѣщиковъ, жалкія жолтыя глиняныя мазанки подъ глиняной или соломенной кровлей бѣдняковъ, закопчоныя лавки, ямыни и старые мраморные памятники, испещренные іероглифами. Эти надписи то прославляли заслуги знатныхъ, давно умершихъ чиновниковъ, купцовъ и воителей, то превозносили добродѣтели благочестивыхъ вдовъ, которыя не измѣняли своимъ мужьямъ даже послѣ ихъ смерти.

Всѣ деревни были безмолвны и нелюдимы, покинутыя жителями, бѣжавшими отъ ужасовъ войны. Вдоль деревень тянулись тщательно воздѣланные огороды съ огурцами, арбузами, тыквами, молочными дынями и вьющимся горохомъ. Далѣе раскинулись необозримыя поля кукурузы, гаоляна и табаку. Какъ всѣ эти маленькія мазанки, ярко бѣлѣвшія подъ солнечными лучами и точно прилипшія одна къ другой, эти садики съ персиками, абрикосами и сливами, эти пригорки, рощи, ручьи и заросшіе овраги, эти волнующіяся нивы напоминали красивыя картины далекой Украйны.

У выхода изъ одной деревни возлѣ пыльной глинистой грунтовой дороги мы встрѣтили американскаго солдата, который лежалъ безъ движенія. Подлѣ валялось ружье и пустая бутылка отъ воды. Я и одинъ офицеръ подошли, пошевелили его и спросили по англійски:

— Что съ вами?

Американецъ съ трудомъ открылъ туманные глаза и слабо проговорилъ:

— Я не могу больше идти. Они меня бросили.

Вѣроятно, съ нимъ случился въ дорогѣ солнечный ударъ, онъ упалъ и былъ брошенъ товарищами. Обезсиленный и полуживой, отдавши себя на произволъ судьбы, онъ былъ, повидимому, совершенно равнодушенъ къ тому, кто его подберетъ — союзники или боксеры. Русскіе фельдшера подняли его, дали ему какихъ-то капель и положили американца въ лазаретную фуру.

Издали доносились звуки пушечной пальбы и ружейной трескотни. Вышедшіе накануне американцы и англичане уже завязали перестрѣлку съ китайцами. Навстрѣчу намъ попались обозы англичанъ, американцевъ и японцевъ.

Орудійная пальба стала слышаться ближе. Вытянулась длинная линія желѣзной дороги, направляющейся къ Янцуню. За деревушкой затрещала горячая ружейная перепалка: неустрашимый и неудержимый полковникъ Модль еще накануне ушолъ отъ 6-го моста, пробрался съ двумя ротами своего полка далеко впередъ, соединился съ нашими казаками, выбилъ китайцевъ изъ двухъ попутныхъ большихъ деревень, занялъ большой желѣзнодорожный мостъ черезъ Пэйхо передъ Янцунемъ и засѣлъ въ камышѣ и гаолянѣ на берегу рѣки, обстрѣливая окраины Янцуня.

Модль около 9 часовъ утра занялъ эту позицію и такъ далеко ушолъ отъ остальныхъ союзниковъ, что тѣ приняли его отрядъ за китайскій, никакъ не предполагая, чтобы русскіе могли туда забраться. Вслѣдъ за русскими на ту-же позицію позже пришли двѣ роты индійскихъ сипаевъ.

Мѣстность была холмистая, покрытая деревьями и рощами. Союзники далеко разбросались, не видѣли другъ друга и связи между ними никакой не было. Русскихъ стрѣлковъ и индійскихъ сипаевъ англійскіе артилеристы приняли за китайцевъ и начали ихъ обстрѣливать шрапнелью. Отъ китайской ли или англійской шрапнели—но нѣсколько человѣкъ было сейчасъ же ранено у русскихъ и сипаевъ.

Сипаи въ походѣ.

Такимъ же образомъ выстрѣлами сзади, т. е. со стороны союзниковъ были убиты 8 и ранены 9 человѣкъ 14-го Сѣв. Амер. пѣх. полка. Французы также приняли американцевъ за китайцевъ и начали обстрѣливать ихъ изъ своихъ горныхъ батарей, къ счастью—никого не ранивъ. Въ свою очередь американцы, увидавъ китайцевъ, бывшихъ какъ всегда въ синихъ куртахъ и на близкомъ разстоя-

ніи бѣжавшихъ въ городъ, приняли ихъ за французовъ и не стали преслѣдовать, и только съ помощью разныхъ знаковъ союзники узнали другъ друга и прекратили взаимную перестрѣлку.

Къ 11 часамъ утра всѣ прибывшія союзныя силы стали противъ Янцуня въ боевомъ порядкѣ. Слѣва, у желѣзнодорожнаго

Желѣзная дорога, водокачка и мостъ въ Янцунѣ.

моста, въ углу, образуемомъ полотномъ дороги и рѣкою Пэйхо, стянулись русскія войска. Впереди союзниковъ засѣли застрѣльщики 2-го полка, обстрѣливавшіе китайцевъ, которые держались въ ближайшихъ деревняхъ, разбросанныхъ кругомъ Янцуня. Далѣе, рядомъ съ нами, вдоль насыпи желѣзной дороги легли сипаи. Еще далѣе англо-индійская полевая артилерія. На крайнемъ правомъ флангѣ—полевая артилерія американцевъ.

Китайскіе генералы разставили свои орудія по всей равнинѣ на обоихъ берегахъ Пэйхо и упорнымъ огнемъ прикрывали свое поспѣшное отступленіе. Китайскія войска были въ смятеніи. Однѣ части еще рыли траншеи, чтобы за ними отбиваться до послѣдней возможности. Но другія уже бѣжали по наскоро сложенному мосту изъ шаландъ съ восточнаго берега Пэйхо на западный и безпорядочной толпой спасались изъ Янцуня далѣе на западъ къ Пекину. Жители Янцуня также бѣжали, спасаясь отъ грабежа и насилія иностранныхъ войскъ и своихъ собственныхъ.

Генералъ-лейтенантъ Линевичъ выѣхалъ на нашу передовую позицію—на насыпь желѣзной дороги у моста и сожжонной водо-

качки. Видя, что китайцы засѣли въ противоположныхъ деревняхъ, и обстрѣливаютъ всю насыпь дороги безпрерывнымъ лихорадочнымъ огнемъ пушекъ и ружей, генералъ Линевичъ приказалъ нашей 2-й Вост. Сиб. батареѣ сейчасъ-же стать на позицію у моста и обстрѣлять китайцевъ. По командѣ полковника Соболевскаго, два орудія втащили на насыпь дороги.

На другомъ берегу засинѣли густыя толпы китайскихъ войскъ, которыя со своими орудіями и флагами поспѣшно переходили полотно желѣзной дороги. Генералъ Линевичъ приказалъ повернуть орудія и стрѣлять по китайцамъ вдоль желѣзнодорожнаго моста.

Ничего не подозрѣвая, съ любопытствомъ, свойственнымъ всѣмъ кореспондентамъ, я бродилъ по мосту и осматривалъ мѣстность и бѣгство китайцевъ. Генералу доложили, что нельзя стрѣлять, такъ какъ на мосту находится кореспондентъ.

— Ничего, стрѣляйте! намъ некогда ждать!—отвѣчалъ генералъ.

Я услышалъ какіе-то крики и увидалъ знаки, которые мнѣ подавали издали наши офицеры. Не успѣлъ я скатиться съ моста на мягкій берегъ Пэйхо, какъ граната за гранатою пронеслись надъ головою.

Однако китайцы продолжали отвѣчать. Такъ какъ наши стрѣлки были далеко позади артилеріи и еще не успѣли подойти къ насыпи дороги, генералъ Линевичъ просилъ англійскихъ офицеровъ, чтобы ихъ двѣ роты сипаевъ, которые лежали за насыпью и бездѣйствовали, поддержали нашу артилерію своимъ огнемъ. Но сипаи продолжали лежать. На вторичный запросъ генерала Линевича, къ нему явился англійскій офицеръ и доложилъ на русскомъ языкѣ:

— У насъ была сегодня очень несчастливая стрѣльба. Наша артилерія по ошибкѣ обстрѣляла нашихъ сипаевъ и ранила такъ много своихъ же солдатъ, что сипаи сегодня не могутъ стрѣлять.

Генералъ былъ очень недоволенъ, но медлить нельзя было. Нужно было показать нашъ огонь. Поэтому онъ приказалъ своему конвою обстрѣлять китайцевъ. На глазахъ 300 или 400 сипаевъ, ничего не дѣлавшихъ и только галдѣвшихъ и глазѣвшихъ на русскихъ, человѣкъ 20 казаковъ по командѣ сотника Григорьева, залегли на насыпи и стали щолкать по китайской деревнѣ, изъ которой стрѣляли особенно упрямо.

По командѣ полковника Соболевскаго наши орудія открыли огонь гранатами и шрапнелью вдоль моста и полотна и по всѣмъ деревнямъ, откуда доносились залпы китайцевъ. Къ 2 часамъ китайцы прекратили свой огонь.

Русская и французская артилерія поспѣшно двинулись впередъ для преслѣдованія бѣгущихъ китайскихъ войскъ. Нѣсколько снарядовъ было пущено въ тылъ китайцамъ, а деревни, по которымъ они могли слѣдовать, осыпаны шрапнелью. За артилеріей двинулись наши и французскія войска. Къ 3 часамъ все затихло и военныя дѣйствія прекратились. Янцунь былъ взятъ.

Наши войска прошли весь городъ, заняли деревни, расположенныя за городомъ, и стали бивакомъ. Рядомъ съ нами стали бивакомъ французы. Американцы и англичане стали въ полѣ, позади города, въ сторонѣ отъ насъ. Японцы пришли только къ вечеру: главныя ихъ силы шли по западному берегу Пэйхо и были задержаны топями и разливами рѣкъ.

Русскіе первые заняли самый городъ Янцунь, кавалерійскую импань, желѣзнодорожный мостъ и двѣ китайскія переправы на шаландахъ черезъ Пэйхо.

Въ этотъ день наши потери были: убитъ поручикъ Пироговъ 2-го полка, пулей въ голову на вылетъ. Онъ только что былъ возвращонъ изъ отпуска и оставилъ послѣ себя мать и сестру. Тяжело раненъ въ животъ подполковникъ того-же полка Высоцкій. При занятіи деревень, лежащихъ передъ Янцунемъ, ранено 17 нижнихъ чиновъ, 2 убиты.

Потери американцевъ: 21 убитъ и 54 тяжело раненыхъ. Потери англичанъ: 7 убитыхъ и 39 раненыхъ.

Въ то время, какъ наши орудія стояли на желѣзнодорожной насыпи и обстрѣливали Янцунь, наши казаки вытащили китайскаго солдата, который ухитрился спрятаться между камнями и бревнами, наваленными внизу насыпи, и лежалъ подъ выстрѣлами нашихъ пушекъ. Онъ былъ тяжело раненъ въ бедро пулей, которая, повидимому, раздробила кость и причиняла бѣдному солдату жестокія мученія. Подлѣ него лежала китайская форменная куртка и ружье. Генералъ Линевичъ поручилъ мнѣ допросить его. Корчась отъ боли и страха, солдатъ сталъ прежде всего божиться, что онъ вовсе не солдатъ.

— Отпустите меня. Не убивайте меня. Я не солдатъ. Я только продаю табакъ солдатамъ. Не убивайте меня. Эта куртка не моя. Мой хорошій другъ—солдатъ и онъ послалъ меня отнести эту куртку и ружье въ городъ. Не убивайте меня. Я не солдатъ.

— Сколько у китайцевъ войскъ и сколько пушекъ?

— Очень много, очень много! 10,000 войскъ и 50 пушекъ.

— Кто главные командиры?

— Генералы Ма и Сунъ.

— Куда ушли китайскія войска?

— Я—маленькій человѣкъ. Я раненъ. Я лежу здѣсь и даже не могу встать. Какъ же я могу знать?

— Въ какомъ состояніи китайскія войска?

— Я бѣдный человѣкъ. Я не могу знать. Не убивайте меня.

Генералъ Линевичъ приказалъ оставить его въ покоѣ. Очевидно, всѣ сообщонныя имъ цифры были намѣренно преувеличены. Сипаи отъ нечего дѣлать занялись раненымъ китайцемъ и дали ему воды. Не знаю, что сдѣлали съ этимъ плѣнникомъ. Не думаю, чтобы союзные солдаты оставили его въ живыхъ. Убить его ничего не стоило.

Вечеромъ, въ полѣ, возлѣ русскаго бивака были погребены поручикъ Пироговъ и два стрѣлка. Присутствовалъ начальникъ русскаго отряда и всѣ офицеры, которые составили прекрасный хоръ и спѣли „Вѣчную память“ своему товарищу, безвременно павшему и похороненному на Китайской землѣ, на берегу Пэйхо. Передъ могилой были выстроены 2 роты 2-го полка съ оркестромъ музыки. Церемонія была глубоко трогательная. Три деревянныхъ креста, сколоченныхъ изъ палокъ, были опущены въ могилы, вмѣстѣ съ тѣлами. Ямы засыпаны и сравнены съ землей для того, чтобы китайцы не могли найти русскихъ могилъ и надругаться надъ ними.

Весь вечеръ я осматривалъ красивый городокъ Янцунь и къ ночи оказался верстахъ въ 5 отъ русскаго лагеря, голодный и усталый, безъ пищи и крова. Я вспомнилъ объ одномъ китайцѣ, который имѣлъ свою лавку на берегу Пэйхо и у котораго я по дорогѣ остановился, чтобы выпить холодной воды. Я поѣхалъ къ китайцу искать гостепріимства и ночлега.

Почтенный китаецъ Лэй Яо Пинъ былъ прямо обрадованъ моимъ пріѣздомъ, такъ какъ присутствіе европейца предохраняло его домъ отъ разграбленія иностранными солдатами.

Лэй Яо Пинъ заварилъ свѣжаго пахучаго чаю, собственноручно сварилъ жирную курицу, зажарилъ блиновъ, нарѣзалъ для приправы соленой моченой брюквы, налилъ сои, разставилъ на столѣ чашки и, положивъ вымытыя палочки для ѣды, пригласилъ меня ужинать.

Вооружившись палочками, я ѣлъ съ неменьшимъ апетитомъ, чѣмъ въ первоклассной тяньцзинской гостиницѣ. Мягкая оберточная бумага, которую любезный хозяинъ положилъ для обтиранія

пальцевъ, послужила мнѣ также и для писанія кореспонденцій, такъ какъ другой бумаги ни у меня, ни у него не было. Для сна хозяинъ постлалъ на скамейкѣ чистую цыновку и положилъ узорную подушечку, набитую чаемъ, что очень полезно для глазъ, съ дырочкой для уха.

Подъ кровомъ радушнаго китайца Лэй Яо Пина я провелъ двѣ ночи.

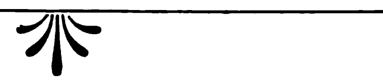

Французы.

Улица въ Янцунѣ.

Въ „Тополевой Деревнѣ“

24, 25, 26 Іюля

Лэй Яо Пинъ былъ магометанинъ и поэтому носилъ остроконечную холщовую синюю шапочку, вродѣ скуфьи, вмѣсто обыкновенной круглой. Ему было около сорока лѣтъ. Свою семью онъ заблаговременно отправилъ въ болѣе отдаленную и спокойную деревню.

Лэй имѣлъ свою лавку на берегу Пэйхо. Торговалъ мукою, зерномъ, хлѣбомъ и поставлялъ свои товары въ Тяньцзинъ. Онъ велъ дѣло съ европейскими купцами, зналъ лично такихъ солидныхъ предпринимателей, какъ Сабаши (такъ китайцы называли Старцева) и поэтому уважалъ иностранцевъ. Кромѣ того онъ былъ магометанинъ и поэтому считалъ своимъ особеннымъ долгомъ оказывать гостепріимство пришельцу. Какъ и въ нашихъ лавкахъ, въ его лабазѣ стоялъ прилавокъ съ вѣсами, счотами, тушью и приходо-расходными книгами и были разставлены ящики и кадки съ различными сортами зерна и муки. По сторонамъ лавки были расположены жилыя комнаты съ канами-лежанками для спанья, столиками, стуликами, комодами и фамильными кованными сундуками, наполненными дорогимъ платьемъ и серебромъ, которое переходило отъ отца къ сыну. Позади лабаза былъ дворъ, конюшни и службы. Дома остались только хозяинъ и его работникъ.

Лэй былъ крайне удрученъ событіями этого лѣта. Торговля прекратилась и всѣ купцы разорялись. Грабили не только боксеры, которые не различали праваго отъ виноватаго, но и китайскіе солдаты, отымавшіе у жителей всякое добро: хлѣбъ, муку, рисъ, платье и деньги. Солдаты говорили, что ничего не нужно оставлять, такъ какъ все равно придутъ иностранцы и все разграбятъ. Поэтому Лэй просилъ дать ему такой флагъ, которой бы охранялъ его отъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Я приготовилъ нѣсколько флаговъ, на которыхъ было написано порусски, пофранцузски, поанглійски и понѣмецки: „Россія". Это было слабое, но единственное средство, чтобы иностранцы не входили въ этотъ домъ, который тѣмъ самымъ считался состоящимъ подъ покровительствомъ русскихъ.

Янцунь, что значитъ покитайски „Тополевая деревня", расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Пэйхо. Его жители, которые теперь всѣ бѣжали, спасаясь и отъ своихъ и отъ иностранныхъ войскъ, были народъ зажиточный, судя по множеству прочно и затѣйливо построенныхъ кирпичныхъ домовъ.

Лэй разсказывалъ, что въ Янцунѣ проживало около 3000 семействъ. Изъ нихъ до 300 семействъ исповѣдуютъ магометанство и имѣютъ свою особую кумирню, построенную въ китайскомъ стилѣ, съ пестрымъ фронтономъ, раскрашенными деревянными столбами, поддерживающими извивающуюся кверху сѣрую черепичную крышу, съ разноцвѣтными окнами. Снаружи кумирня ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной китайской кумирни. Крыша увѣнчана большимъ глазурнымъ камнемъ алаго цвѣта, выдѣланнымъ въ видѣ груши.

Внутри эта кумирня вполнѣ напоминаетъ магометанскую мечеть. Въ ней не было ни одного идола или изображенія. Подъ потолкомъ развѣшано множество лампадъ и фонарей. У входа божница съ изреченіями изъ Корана, написанными поарабски. Въ глубинѣ ниша также съ арабскими надписями. Японцы заняли эту красивую мечеть. Во дворѣ поставили лошадей, а въ храмѣ разставили ружья и расположились на ночлегъ.

Остальные жители Янцуня буддисты. У нихъ прекрасная древняя кумирня, подъ развѣсистыми столѣтними тополями, на правомъ берегу Пэйхо. Японцы, которые большею частью также буддисты, не посмѣли тронуть эту кумирню и приставили къ ней часовою. Въ алтарѣ кумирни воздвигнута великолѣпная статуя Будды, погруженнаго въ созерцаніе. Надъ алтаремъ большая золоченая надпись покитайски „Будда — справедливость и любовь". По сто-

ронамъ изображенія буддистовъ и статуи двухъ древнихъ храбрыхъ небожителей Юй и Чжанъ, которые прежде всегда помогали китайцамъ въ ихъ военныхъ подвигахъ, но теперь почему-то уже давно перестали. По обычаю, въ томъ же дворѣ, противъ кумирни построенъ театръ, въ которомъ представлялись историческія и героическія піесы. По словамъ единственнаго старика-китайца, оставшагося вѣрнымъ Буддѣ и охранявшаго его алтарь, этой кумирнѣ болѣе 200 лѣтъ.

Жители Янцуня торгуютъ главнымъ образомъ хлѣбомъ, мукой, холстомъ и разными матеріями. Есть три большіе склада суконъ и холстовъ.

Въ Янцунѣ жилъ богатый генералъ Хао. Въ его безчисленныхъ богатыхъ и причудливыхъ палатахъ, украшенныхъ балконами, садиками, двориками, галереями, цвѣтами, акваріумами и надписями, размѣстились японскіе генералы Ямагучи и Фукушима съ походнымъ штабомъ. Ихъ войска расположились также въ покинутыхъ зданіяхъ города.

Въ то время какъ генералъ Линевичъ всегда располагалъ свой лагерь внѣ города, на открытомъ видномъ, приподнятомъ и сухомъ мѣстѣ, избѣгая грязныхъ китайскихъ улицъ и дворовъ, японскіе генералы предпочитали становиться на ночлегъ въ китайскихъ домахъ и дворахъ, унося и вывозя все то, что еще не успѣли разграбить бѣжавшіе китайскіе солдаты.

Ужасъ бѣжавшихъ жителей былъ такъ великъ, что нѣкоторые престарѣлые китайцы не хотѣли пережить этого разгрома. Сейчасъ же послѣ занятія Янцуня, когда иностранцы еще не начали хозяйничать въ городѣ, въ одной фанзѣ, черезъ окно, я увидѣлъ сѣдокосаго старика, который повѣсился въ своемъ домѣ. Его лицо было совершенно спокойно. Видно безпомощный старикъ, узнавъ о нашествіи иноплеменниковъ и бѣгствѣ китайскихъ войскъ и жителей, рѣшилъ покончить съ собою, чтобы не быть свидѣтелемъ, какъ заморскіе дьяволы будутъ грабить его старый отцовскій домъ.

Войска союзниковъ отдыхали вечеръ 24-го іюля, весь день 25-го и утро 26 іюля. 25 іюля у генерала Линевича, въ тѣни маленькой бѣдной китайской фанзы, состоялся военный совѣтъ, на которомъ присутствовали командиры иностранныхъ отрядовъ и начальники ихъ штабовъ. Рѣшено преслѣдовать китайцевъ по пятамъ, не дать имъ возможности собраться съ силами и на другой день выступить въ дальнѣйшій походъ. Союзные генералы согласились, что японцы будутъ идти во главѣ международнаго отряда,

такъ какъ у нихъ имѣются лучшія карты пути на Пекинъ. Вторыми будутъ идти русскія войска. За ними англичане и американцы. Генералъ Линевичъ, принимая это соглашеніе, оставилъ за собою право повести русскій отрядъ въ авангардѣ всѣхъ войскъ тогда, когда онъ это сочтетъ нужнымъ. Французскій отрядъ не могъ двинуться впередъ вмѣстѣ со всѣми союзниками, такъ какъ не имѣлъ обоза, и былъ поэтому оставленъ гарнизономъ въ Янцунѣ, для этапной службы и охраны города на случай нападенія китайцевъ.

Капитанъ Горскій и рота охотниковъ благополучно пробрались отъ 6-го моста желѣзной дороги къ Янцуню и присоединились къ русскому отряду.

Со взятіемъ Янцуня въ рукахъ союзниковъ находился узелъ пересѣченія водныхъ, грунтовыхъ и желѣзнодорожныхъ путей между Тяньцзиномъ, Тунчжоу и Пекиномъ.

Китайская кумирня.

Наши стрѣлки на привалѣ.

Наньцайцунь

26 Іюля

Международный отрядъ, состоявшій почти изъ тѣхъ же частей, которыя наступали на Бэйцанъ и Янцунь, кромѣ французовъ, съ утра 26 іюля двинулся далѣе на Пекинъ. Отрядъ включалъ приблизительно 6,500 японцевъ, 4,500 русскихъ, 1,500 англо-индійцевъ и 1,000 американцевъ. Итого въ освободительномъ отрядѣ было около 13,500 человѣкъ.

Въ составъ русскаго отряда, который выступилъ въ походъ въ 3 часа дня, входили: 9-й полкъ подъ командою подполк. Савицкаго, 10-й полкъ полковн. Антюкова, 1-й батальонъ 12-го полка подполк. Ширинскаго, 2-го полка $2^1/_2$ роты полк. Модля, 2-я батарея — подполк. Горошкова, 3-я батарея—подполк. Мейстера, 6-я сотня Верхнеудинцевъ и 3-я сотня Читинцевъ подъ общею командою войскового старшины Маковкина и пулеметы.

Казаки шли вмѣстѣ съ японской кавалеріей и вмѣстѣ дѣлали рекогносцировки и атаки. Въ авангардѣ русскаго отряда были поставлены $2\ ^1/_2$ роты полковника Модль. Остальныя части чередовались во время похода.

Въ Янцунь пришолъ первый транспортъ съ продовольствіемъ и съ боевыми припасами для русскаго отряда. Общее дѣло устрой-

ства военныхъ рѣчныхъ и сухопутныхъ сообщеній было ввѣрено подполковнику Генеральнаго Штаба Самойлову и его помощникамъ лейтенантамъ Шванку и Родіонову. Интендантской частью завѣдывали полковникъ Васильевъ и подполковникъ Ашехмановъ.

При прохожденіи черезъ Янцунь нашей артилеріи пришлось проскочить черезъ переулокъ, объятый пламенемъ: въ этомъ мѣстѣ японцы нашли домъ, наполненный китайскими патронами и подожгли.

Войсковой старшина Маковкинъ.

Мы проходили цѣлый рядъ деревень, покинутыхъ жителями и опустошонныхъ японцами. По дорогѣ встрѣчались отряды японскихъ войскъ, японскіе обозы и множество японскихъ кули. Организація военнаго дѣла у японцевъ превосходна. Тысячи вьюковъ съ продовольствіемъ слѣдовали немедленно за войскомъ. Сотни санитаровъ, система обозовъ, быстрота движенія, все дѣлало честь японской арміи.

Наконецъ, тысячи колонистовъ—кули японцевъ и тысячи китайцевъ, которыхъ японцы заставляли носить или возить ихъ тя-

жести на арбахъ и телѣжкахъ — все доказывало, какъ японцы умѣютъ хозяйничать въ завоеванной странѣ.

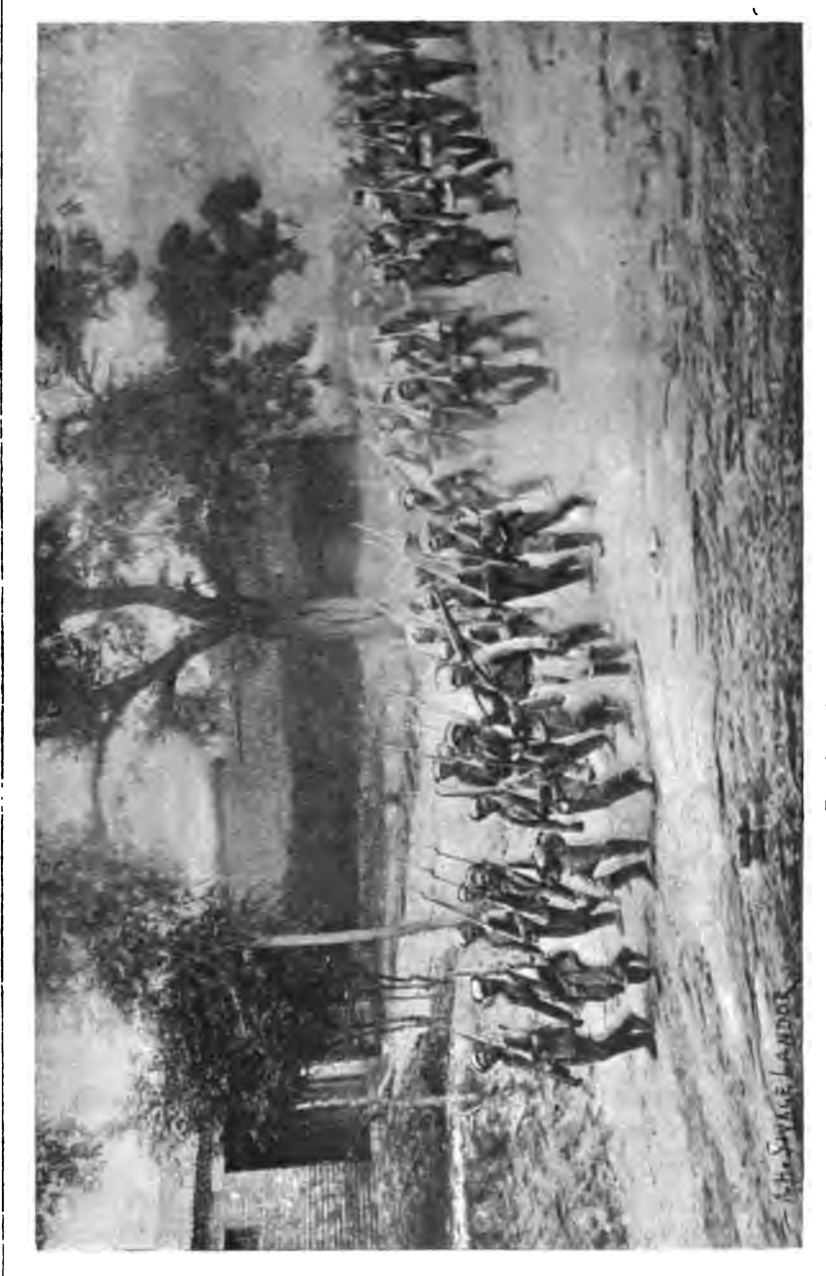
Мы проходили цѣлый рядъ живописныхъ равнинъ и безпредѣльныхъ полей кукурузы и гаоляна. Изъ одной деревни стали стрѣлять по нашимъ войскамъ. Генералъ Стессель приказалъ стрѣлять по деревнѣ. Два китайца-боксера были убиты.

Несмотря на палящій зной, духоту и тучи пыли, наши войска идутъ бодро и неутомимо впередъ. Они питаются сытными прекрасными консервами и пьютъ воду изъ колодцевъ, которыхъ очень много по дорогѣ. Вода очень хорошая. Случаевъ заболѣваній, переутомленія и солнечныхъ ударовъ до сихъ поръ не было. Всѣ офицеры здоровы.

Сдѣлавъ 15 верстъ, въ 9 час. вечера наши войска пришли въ китайскій городъ Наньцайцунь, гдѣ остановились на ночлегъ. Въ этотъ день наша 6-ая казачья сотня, производившая развѣдку, налетѣла на китайскую кавалерію, которая дала нѣсколько выстрѣловъ и поспѣшно отступила, не причинивъ казакамъ никакого вреда.

Японцы переходятъ Пэйхо.

Русскіе стрѣлки въ походѣ на Пекинъ.

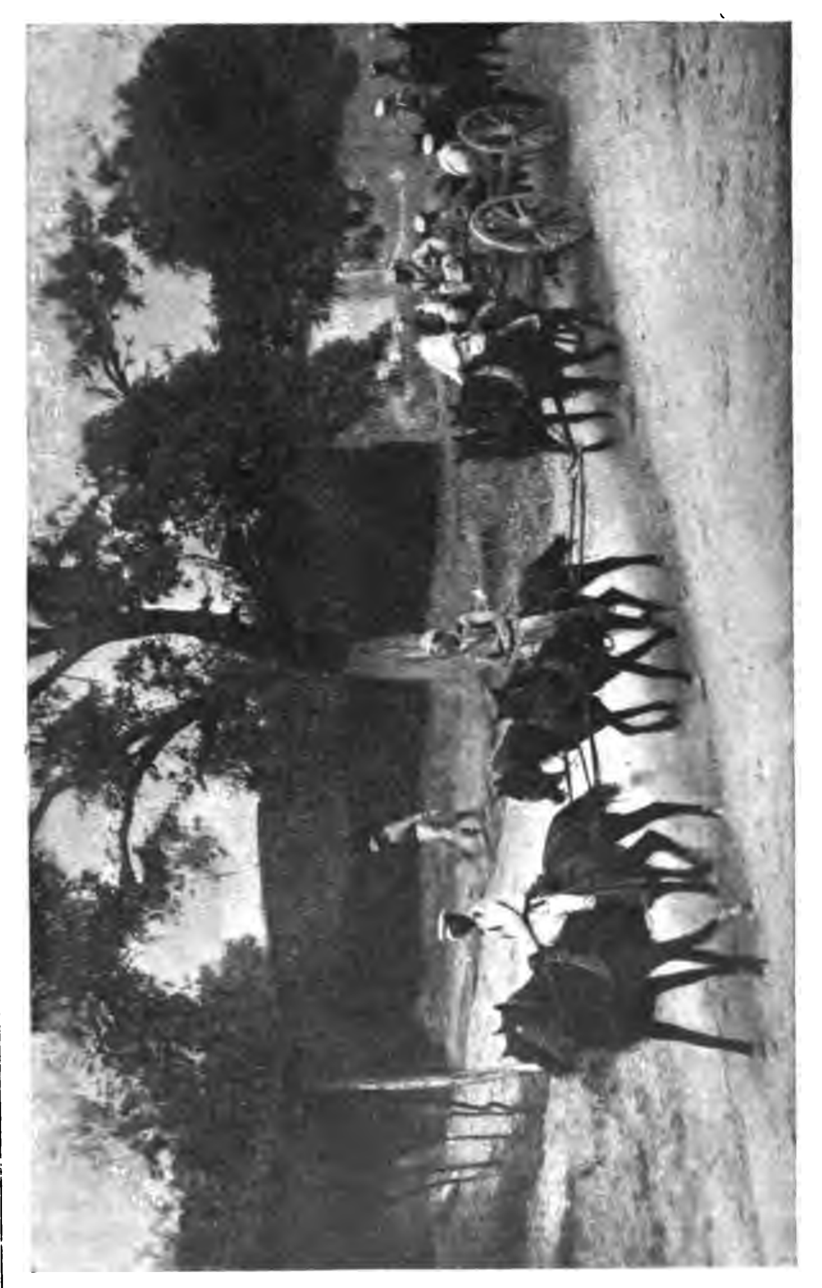
Русскіе и японцы въ походѣ.

Хэсиву

27 Іюля

27-го іюля, въ 6 час. утра наши войска двинулись дальше и, обогнавъ англичанъ и американцевъ и сдѣлавъ 20 верстъ, подошли въ 1 часъ дня въ Хэсиву. Здѣсь предполагалось столкновеніе, но китайцы еще накунѣ бѣжали при приближеніи японскаго авангарда, который открылъ по нимъ артилерійскій огонь. У японцевъ были раненые.

Русскія и союзныя войска идутъ по правому берегу рѣки Пэйхо. По лѣвому идетъ 1 батальонъ японцевъ и 2-ой батальонъ 10-го полка. Завтра мы идемъ дальше, чтобы не дать возможности китайскимъ войскамъ гдѣ либо остановиться и укрѣпиться. Лазутчики японцевъ передаютъ, что китайцы отступаютъ по двумъ дорогамъ: на Пекинъ и въ юго-западномъ направленіи. Къ китайскимъ войскамъ присоединился генералъ Ли Бинъ Хэнъ съ 20 инами—10,000 человѣкъ. Китайцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ. По деревнямъ встрѣчаются мѣста ихъ стоянокъ, брошенныхъ какъ попало: попадается форменное платье, патроны и ружья.

Русская батарея въ походѣ на Пекинъ.

Японскій авангардъ находится въ 4-хъ верстахъ впереди насъ. Японцы дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ русскими.

До Пекина осталось 50 верстъ.

Въ этотъ день 27-го іюля двѣ казачьи сотни, 3-ья и 6-ая, подъ командою войскового старшины Маковкина, въ 8 верстахъ къ юго-западу отъ Хэсиву, встрѣтили китайскія регулярныя войска, подъ начальствомъ генерала Ма. Китайцы открыли по нашимъ казакамъ и по японцамъ, которые шли вмѣстѣ съ ними, огонь, который продолжался съ перерывами съ 8 часовъ утра до 12 часовъ дня. Разстояніе между казаками и китайцами было отъ 500 до 700 шаговъ. Это былъ арьергардъ китайскихъ войскъ, численностью около 3—4 тысячъ. Учащонные и мѣткіе залпы казаковъ и японцевъ заставили китайцевъ отступить. Раненъ 1 казакъ и 1 японскій кавалеристъ. 2 наши казачьи сотни и 2 эскадрона японцевъ уже второй день преслѣдуютъ китайцевъ. Нѣсколько китайскихъ кавалеристовъ убито.

Когда наши войска отдыхали на бивакѣ въ Хэсиву, къ генералъ-лейтенанту Линевичу пріѣхалъ на совѣщаніе генералъ-маіоръ Фукушима, недурно говорящій по русски, и сообщилъ слѣдующія подробности о послѣднихъ дѣйствіяхъ японскихъ войскъ. Японцы прошли городъ Хэсиву и встрѣтили передъ собой нѣсколько колоннъ китайскихъ войскъ. Китайскіе солдаты, насколько было видно въ бинокль, были одѣты въ новые мундиры. Японцы сейчасъ же двинули впередъ свою горную батарею. Послѣ трехъ выстрѣловъ, которые очень мѣтко попали въ самую гущу китайскихъ войскъ, китайцы сейчасъ же отступили и обратились въ поспѣшное бѣгство. Преслѣдовать ихъ была отправлена японская пѣхота. Русскіе казаки и японская кавалерія бросились преслѣдовать ближайшую китайскую колонну, которая также бѣжала.

Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились черномазые бенгальскіе уланы англичанъ. Они стояли на правомъ флангѣ, любовались ходомъ боя, но съ мѣста не двигались. Когда японская кавалерія и наши казаки перестрѣливались съ китайцами и двое нашихъ уже было убито, японскій полковникъ Моріока, общій начальникъ соединенной русско-японской кавалеріи, послалъ гонца къ англичанамъ, прося, чтобы ихъ бенгальскіе уланы поддержали русскихъ и японцевъ и обстрѣляли китайцевъ съ той стороны, гдѣ они стояли. Англійскій офицеръ, командовавшій уланами, прислалъ интересный отвѣтъ: „Бенгальскіе уланы не могутъ стрѣлять, такъ какъ очень устали и берегутъ свои силы для финальной атаки на Пекинъ“.

Это былъ уже не первый случай, что англійскія войска уклонялись отъ боя и не хотѣли содѣйствовать союзникамъ. Японцы и русскіе рѣшили за поддержкою къ англичанамъ больше не обращаться и остальную часть похода дѣлали безъ ихъ участія.

Къ сожалѣнію, обѣщанной замѣчательной финальной атаки бенгальскихъ уланъ на стѣны Пекина союзники такъ и не увидѣли.

Бенгальскіе уланы.

Русскіе и англичане у колодца.

Матоу

28 Іюля

28-го іюля, въ $3^{1}/_{2}$ часа утра 2 нашихъ казачьихъ сотни— 3-я и 6-я и 2 эскадрона японской кавалеріи вышли изъ Хэсиву на развѣдку. Въ 4 часа утра двинулись дальше въ походъ изъ Хэсиву японцы: пѣхота и артилерія.

Въ 5 часовъ выступили русскія войска, которыя двинулись по главной грунтовой дорогѣ, едва ли заслуживающей этого названія. Дорога то тянется по высокой насыпи, то совершенно пропадаетъ въ полѣ и снова возобновляется, дѣлая цѣлый рядъ поворотовъ. Мѣстами дорога тонетъ въ пескѣ, мѣстами теряется подъ травою.

По такому пути, подъ немилосердно палящимъ зноемъ, въ клубахъ пыли и песку нашимъ и союзнымъ войскамъ пришлось пройти около 120 верстъ, чтобы добраться до Пекина, взять его и спасти посланниковъ. На наше счастье, пока мы могли повсюду достать питьевую воду, мѣстами очень хорошую, чистую и вкусную.

Китайцы, поспѣшно убѣгая при нашемъ появленіи, не хотѣли или не успѣли ни загрязнить, ни отравить колодцевъ.

Гдѣ проходили японцы, тамъ деревни совершенно опустошены. Рисъ, мука, крупа, овощи и вообще все, что было брошено поселянами, забрано японцами. Оставшіеся китайцы захвачены ими

какъ носильщики и тащатъ для японцевъ не только свое собственное добро, но и японскіе снаряды, предназначенные для китайцевъ-же. Китайскіе крестьяне, которые противятся исполнить приказаніе японцевъ, тутъ-же убиваются безъ долгихъ разговоровъ. Такихъ труповъ убитыхъ жителей много набросано по деревнямъ. Еще съ прошлой войны японцы оставили по себѣ въ Китаѣ такую память своими жестокостями, что китайскіе жители сдаются обыкновенно безъ всякаго сопротивленія. Встрѣчаются десятки и болѣе китайцевъ, которые тащатъ на рикшахъ свое же добро или японскую амуницію, предводительствуемые двумя — тремя вооруженными японцами.

Японцы жестоки, но и китайцы иногда отвѣчаютъ имъ тѣмъ-же. Однажды во время похода наши стрѣлки услышали пронзительные крики, доносившіеся изъ деревни, расположенной недалеко отъ дороги. Офицеръ послалъ стрѣлковъ узнать въ чемъ дѣло. Стрѣлки обошли деревню и нашли несчастнаго японскаго солдата, который былъ привязанъ къ дереву надъ горящимъ костромъ.

Стрѣлки его сейчасъ-же развязали. Вѣроятно японецъ, какъ и всѣ его товарищи, беззаботно шарилъ по деревнѣ, отыскивая китайское добро, отбился отъ своихъ, былъ изъ-за угла схваченъ китайцами и обречонъ на сожженіе. Его мучители скрылись.

Японцы съ такимъ презрѣніемъ относились къ китайцамъ, что нерѣдко по одному—по два человѣка уходили въ окрестныя деревни за добромъ и живностью и иногда пропадали безъ вѣсти. Такихъ отбившихся и заблудившихся японцевъ русскіе офицеры очень часто подбирали.

Мы идемъ по той же дорогѣ, по которой сорокъ лѣтъ тому назадъ шло англо-французское войско, подъ начальствомъ генерала Гранта и генерала Монтобана, въ началѣ сентября 1860 года. Время года было почти одинаковое. До Янцуня мы шли лѣвымъ берегомъ Пэйхо, между рѣкой и желѣзной дорогой. Послѣ Янцуня, перейдя на правый берегъ, мы оставили желѣзную дорогу далеко на югъ и проходили то между волнующимися темно-зелеными стѣнами кукурузы и гаоляна, то среди брошенныхъ деревень.

Во главѣ международнаго отряда шла русско-японская кавалерія. За нею тянулись японскія батареи и полки.

Генералъ Линевичъ, генералъ Василевскій и походный штабъ ѣхали верхами въ верстѣ или полуверстѣ впереди русскаго отряда, который непосредственно велъ генералъ Стессель. Когда приближались къ селенію, въ которомъ былъ назначенъ ночлегъ, генералъ

Василевскій выбиралъ мѣсто для бивака на сухой ровной мѣстности, вдали отъ китайскихъ жилищъ. Прислуга разбивала палатки для генераловъ и штаба. Подтягивались наши части. Солдаты первымъ долгомъ отыскивали воду, наполняли драгоцѣнной влагой свои походныя холщовыя ведерки, рѣзали гаолянъ, расчищали мѣсто, натягивали палатки, разводили костры, кипятили воду въ походныхъ кухняхъ, варили чай и консервы, мылись, искали въ деревняхъ арбузовъ, дынь, овощей, куръ и скотъ. Офицеры также питались консервами, чаемъ, сухарями и тѣмъ, что можно было добыть въ деревняхъ.

Несмотря на всѣ трудности пути, неутомимо и упорно идутъ на Пекинъ только русскіе и японцы. Хотя у японцевъ очень много отсталыхъ и больныхъ, которые безконечной вереницей тянутся позади своихъ войскъ, сидятъ по деревнямъ, ѣдятъ арбузы и понемногу нагоняютъ своихъ, однако японцы все время идутъ въ авангардѣ международнаго отряда.

Чѣмъ больше мы удаляемся отъ Тяньцзина, тѣмъ длиннѣе растягивается японскій отрядъ. Насколько японцы въ бою храбры,

Японскій обозъ.

настолько же они и невыносливы въ походѣ. Десятки и сотни слабосильныхъ и отсталыхъ японцевъ бредутъ позади своего отряда. Самыхъ слабыхъ подбираютъ русскіе и сажаютъ на свои двуколки, лазаретныя фуры и орудія. Японцы повидимому опасны и стремительны только въ первомъ ударѣ, но они быстро слабѣютъ и для слѣдующихъ ударовъ у нихъ не хватаетъ силъ и энергіи.

Японцы въ Матоу.

Цѣльной стройной и несокрушимой массой идутъ только войска Русскаго Царя. Какъ ни трудно идти въ жару и духоту по песку, но наши полки и батареи идутъ все впередъ и впередъ, попиваютъ водичку изъ фляжекъ, грызутъ сухари, и веселыя пѣсни русскихъ стрѣлковъ далеко разносятся по опустѣлымъ китайскимъ деревнямъ.

Воспитанные въ суровыхъ снѣгахъ и морозахъ далекаго Сѣвера, съ дѣтства привыкшіе къ тяжолой сохѣ и косѣ, вскормленные чорнымъ хлѣбомъ, щами и кашей, русскіе воины гораздо лучше выносятъ китайскій зной, нежели японцы, выросшіе на рисѣ, рыбѣ и овощахъ и избалованные нѣжнымъ климатомъ своихъ роскошныхъ острововъ. Однажды цѣлый батальонъ японцевъ, пришедшій изъ Тонку въ Тяньцзинъ, такъ ослабѣлъ отъ зноя, духоты и усталости, что легъ на землю возлѣ русскаго лагеря, и наши стрѣлки стали отпаивать и отливать холодной водой своихъ боевыхъ товарищей.

Относительно индійскихъ войскъ англичанъ нечего говорить. Въ теченіе многихъ лѣтъ истощонные голодовками, чумой и холерой, получающіе оружіе отъ англичанъ только днемъ и едва ли умѣющіе даже стрѣлять, англійскіе индусы можетъ быть годятся только въ обозные погонщики или въ маркитанты.

Американцы также показали, что они не могутъ ходить такъ, какъ русскіе, и уже отстали отъ насъ на цѣлый переходъ вмѣстѣ съ англичанами.

Несмотря на свою храбрость, японцы и ихъ генералы Ямагучи и Фукушима весьма цѣнятъ союзничество русскихъ, такъ какъ прекрасно понимаютъ, что въ случаѣ опасности, только русскіе мо-

гуть поддержать и выручить японцевъ. Поэтому каждый день генералъ Фукушима или начальникъ штаба 5-й японской дивизіи, дѣйствующей нынѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій, является для совѣщаній къ начальнику Русскаго отряда генералъ-лейтенанту Линевичу.

28-го іюля, въ 5 часовъ вечера наши войска, сдѣлавъ около 20-ти верстъ, пришли на отдыхъ въ деревню Матоу, расположенную въ 75-ти верстахъ отъ Тяньцзина. Войска наши переночевали здѣсь и въ 6 час. утра двинулись дальше на Чжанцзявань.

Русскіе артилеристы и китайскіе пулеметы.

Японская кавалерія въ Чжанцзяванѣ.

Чжанцзявань

29 Іюля

29-го іюля, въ 3 часа дня, пройдя около 12 ли—наши войска пришли въ опустошонный китайскій городъ Чжанцзявань. Въ 6 часовъ утра наша и японская кавалерія производили рекогносцировку. Наши казаки неожиданно наткнулись на китайцевъ, которые засѣли въ гаолянѣ и стрѣляли по нашимъ. Сотня стала отстрѣливаться залпами, затѣмъ подошли главныя японскія силы: пѣхота и 2 ихъ горныя батареи, которыя прогнали китайцевъ нѣсколькими орудійными выстрѣлами. Китайцами зарѣзанъ 1 казакъ, другой раненъ.

Сегодня въ авангардѣ были: 3 батальона японцевъ и ихъ 2 горныя батареи (12 орудій), за которыми шла наша 2-я легкая батарея, а за ней $2^1/_2$ роты 2-го полка. Всего 4 батальона, 20 орудій. Лазутчики передали, что еще минувшей ночью въ этомъ большомъ городѣ, укрѣпленномъ стѣнами, Чжанцзяванѣ ночевалъ китайскій генералъ Сунъ Цинъ съ немногими оставшимися у него войсками. Утромъ онъ бѣжалъ, оставивъ городъ безъ боя.

Изъ Пекина вѣсти весьма благопріятны: всѣ посланники и иностранцы здравствуютъ и имѣютъ продовольствіе еще на нѣсколько дней. Китайскія войска бѣгутъ изъ Пекина: тамъ остались теперь

только маньчжурскіе солдаты. Войска, бѣгущія передъ нами, отступаютъ на Тунчжоу и на Пекинъ. Общая численность ихъ не болѣе 5000, изъ которыхъ часть въ Тунчжоу, часть въ пути.

Послѣ завтра мы надѣемся достигнуть Пекина, который отъ насъ въ разстояніи 40 верстъ.

Очень трудно писать кореспонденціи въ походѣ. Благодаря тому, что выступленіе на Пекинъ изъ Бэйцана было назначено совершенно неожиданно, я не могъ ничѣмъ запастись и весь мой багажъ состоялъ только изъ записной книжки, карандаша и хлыста. Мнѣ не на чемъ было даже писать. Бумагу благосклонно давали штабные писаря. Писалъ я гдѣ придется: то въ гаолянѣ или кукурузѣ, то въ фанзѣ, на двуколкѣ, на пнѣ, подъ тѣнью ивы. Пріятнѣе всего было писать въ кумирнѣ, среди идоловъ, жертвенныхъ сосудовъ и курильныхъ палочекъ. Присутствіе божества учоныхъ и литераторовъ Вэнь Чанъ Ди Цзюнь, съ глубокомысленнымъ лицомъ, длинной чорной бородой и книгой въ рукѣ, дѣйствовало на меня успокоительно и ободряюще.

Однажды я писалъ на огородѣ, окружонный сѣтью гороха и бобовъ, въ тѣни оранжевыхъ подсолнуховъ. Въ фанзѣ и на дворѣ валялись брошенныя впопыхахъ домашнія вещи, ѣда, зерно и платье. Бродили забытыя куры и поросята. Избушка была такъ бѣдна, что въ ней не нашлось ни одного стола, кромѣ одного, занятаго семейными кумирами и дощечками съ именами предковъ, которыхъ я не рѣшился тревожить. Входная дверь была сломана и лежала. Пришлось ею воспользоваться и писать кореспонденцію на двери. Изъ фанзы послышались жалобные стоны. Я вошолъ въ избушку и неожиданно разыскалъ среди наваленнаго стараго скарба маленькую жалкую сморщенную и полуодѣтую старушонку, которая съ ужасомъ отвернулась отъ неожиданнаго пришельца и дрожа ожидала, когда онъ ее убьетъ. Вѣроятно ея родственники забыли о ней въ переполохѣ или бросили ее, полагая, что ей все равно не жить. Она была такъ дряхла и слаба, что едва могла двигаться. Я поставилъ возлѣ нея чашку съ водой, но старушка отвернулась и только стонала.

Въ Чжанцзяванѣ нашъ отрядъ сталъ бивакомъ въ полѣ, внѣ древнихъ полуразвалившихся стѣнъ города, въ которомъ уже хозяйничали японцы. Подъ вечеръ, когда весь отрядъ отдыхалъ, недалеко отъ ставки генерала Линевича изъ гаоляна вышелъ высокій старикъ съ рѣшительнымъ лицомъ и длинными сѣдыми усами. Наши стрѣлки приняли его за китайскаго солдата, схватили ста-

рика и привели въ штабъ. Генералъ Линевичъ поручилъ мнѣ опросить его.

Старикъ отвѣтилъ, что онъ не солдатъ, а земледѣлецъ и скрылся въ гаолянѣ, спасаясь отъ выстрѣловъ китайскихъ солдатъ. Онъ вышелъ изъ гаоляна, такъ какъ ему нужно идти въ городъ домой, и онъ надѣется, что ему ничего дурного иностранцы не сдѣлаютъ. Онъ не солдатъ и поэтому относительно китайскихъ солдатъ ничего не знаетъ.

Генералъ Линевичъ приказалъ сказать старику, что если онъ будетъ отпираться и не скажетъ всего, что онъ знаетъ о количествѣ, состояніи и направленіи китайскихъ войскъ, то онъ будетъ разстрѣленъ. При этомъ одному стрѣлку было приказано взять ружье.

Старикъ выпрямился, гордо поднялъ голову и смѣло взглянулъ въ чорное зіяющее смертоносное дуло, направленное противъ него. Онъ ничего не отвѣтилъ и былъ готовъ принять смерть.

— Отпустите его!—приказалъ генералъ.

Не знаю, что сдѣлали наши стрѣлки со старикомъ, но они были уже озлоблены противъ китайскихъ солдатъ, которые скрывались въ кукурузѣ и гаолянѣ, стрѣляли изъ хлѣбовъ, а въ случаѣ опасности сбрасывали свои форменныя куртки, бросали ружья, вылѣзали, кланялись и выдавали себя за мирныхъ поселянъ.

Трудно сказать, кто былъ этотъ старикъ, но судя по его рослой фигурѣ и неустрашимости, въ немъ можно было заподозрить стараго китайскаго солдата.

Въ китайской деревнѣ.

Тунчжоу

30 Іюля

Хотя японскіе генералы условились съ генераломъ Линевичемъ одновременно и совмѣстно штурмовать большой городъ Тунчжоу и для этой цѣли выступить изъ Чжанцзяваня въ $3^1/_2$ часа утра, однако японцы почему-то раздумали и снялись съ бивака въ $1^1/_2$ ночи, о чемъ извѣстили начальника русскаго отряда. Не желая утомлять своихъ солдатъ, генералъ Линевичъ остался при прежнемъ рѣшеніи и приказалъ поднять отрядъ въ назначенное время.

Японскіе обозы въ Тунчжоу.

Японцы рвались впередъ.

Въ 4 часа утра японскій авангардъ подошолъ къ Тунчжоу и, не дожидаясь прибытія остальныхъ союзныхъ силъ, взорвалъ вѣковыя ворота города, которыя были заперты. Японцы ворвались

въ ворота и сейчасъ-же распространились по всему городу, нигдѣ не встрѣтя никакого сопротивленія. Китайскія войска еще за день и наканунѣ бѣжали изъ города. Японскіе флаги были поставлены на всѣхъ воротахъ. Только у южныхъ воротъ я увидалъ китайскую стражу, вооруженную старинными ружьями и состоявшую изъ 10 человѣкъ; всѣ они были переколоты японцами. Даотай и чиновники бѣжали. Большая часть жителей, которыхъ, вѣроятно, было не менѣе 100,000, осталась жить въ городѣ, заперщись въ своихъ домахъ и лавкахъ.

Въ 8 часовъ утра подошли передовыя русскія войска и остановились бивакомъ за городомъ, между южными и западными воротами, среди рощъ, кукурузы и гаоляна.

Войти въ городъ наши войска никакъ не могли бы, если бы было нужно, такъ какъ всѣ городскія ворота и дороги къ нимъ были загромождены японскими орудіями и обозами.

Вообще Тунчжоу производитъ очень красивое впечатлѣніе, благодаря своимъ садамъ и рощамъ, въ которыхъ онъ утопаетъ, благодаря древнимъ 20-футовымъ стѣнамъ съ башнями и бойницами, которыми онъ окружонъ, благодаря каналамъ и прудамъ, которые пересѣкаютъ городъ подъ каменными и деревянными причудливыми мостами. Живописна главная улица, наполненная двухъэтажными магазинами съ яркими цвѣтными и золочонными вывѣсками, пестрыми прилавками, пузатыми фонарями и высокими столбами съ объявленіями и рекламами.

Въ день занятія Тунчжоу, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Василевскій самъ сдѣлалъ рекогносцировку нути, по которому наши войска должны были пройти въ Пекинъ. Въ 4 часа дня генералъ выѣхалъ въ сопровожденіи военнаго топографа подпоручика Сычугова, меня въ качествѣ кореспондента и юнкера флота Гирса. Для охраны были взяты казаки.

Рекогносцировочный отрядъ прошолъ знаменитый мостъ Палицяо (Паликао), возлѣ котораго 600 чел. французскихъ войскъ и англійская артилерія разбили и обратили въ бѣгство 40 тысячную китайскую армію лѣтомъ 1860 года. „Мостъ въ восьми ли" (отъ Тунчжоу), какъ онъ называется покитайски, пересѣкаетъ каналъ, связывающій Тунчжоу съ Пекиномъ. Такъ какъ возлѣ Тунчжоу рѣка Пэйхо дѣлаетъ рѣзкій поворотъ къ сѣверозападу отъ Пекина, то этимъ самымъ была вызвана необходимость соединить Тунчжоу съ Пекиномъ каналомъ, идущимъ по прямой линіи отъ востока на западъ. До сихъ поръ весь нашъ походъ былъ сдѣ-

ланъ вдоль рѣки Пэйхо, которая до Янцуня была влѣво отъ насъ, а отъ Янцуня—вправо. По рѣкѣ Пэйхо шли на шаландахъ наши продовольственные транспорты, охраняемые стрѣлками и матросами. Для охраны противоположнаго берега былъ командированъ 1-й батальонъ 10-го полка, шедшій по той сторонѣ рѣки съ 1 японскимъ батальономъ. Хотя въ день прибытія въ Тунчжоу въ нашихъ войскахъ продовольствія хватало только на 1 день, но нужды въ запасахъ особенной не было. По дорогѣ было захвачено множество брошеннаго скота, нѣсколько быковъ, барановъ, куръ, гусей. Были найдены запасы риса, пшена, а вокругъ насъ тянулись необозримыя поля только что созрѣвшей кукурузы. Для нашихъ лошадей былъ всюду готовъ подножный кормъ. Несмотря на то, что рѣка Пэйхо дѣлаетъ значительныя отклоненія отъ того пути, по которому мы шли, однако наши шаланды быстро подвигались впередъ на бичевѣ и на парусѣ и ожидались въ Тунчжоу со дня на день. Въ Тунчжоу наше продовольствіе должно было быть переложено на двуколки для дальнѣйшаго движенія на Пекинъ. Въ случаѣ необходимости было предположено также пользоваться и каналомъ.

Мостъ Палицяо—типичный памятникъ китайской архитектуры. Онъ весь каменный, выложенъ плитами. На перилахъ сидятъ мраморныя изваянія собакъ и разныхъ мифическихъ животныхъ. Мостъ дугою прямо спускается на прославленную Мандаринскую дорогу, идущую паралельно каналу отъ Тунчжоу къ Пекину. Лѣтъ сто тому назадъ эта дорога, исправно вымощенная огромными гранитными плитами, фута въ 3—4 длины, футъ глубины и фута 1½ ширины, вѣроятно еще имѣла нѣкоторое подобіе паркета. Но теперь, когда плиты покривились, побились и повывалились, когда однѣ плиты провалились въ землю, а другія выскочили наружу, эта славная Мандаринская дорога скорѣе напоминаетъ каменное рѣшето, чѣмъ дорогу. По этой дорогѣ невозможно ѣхать даже верхомъ, и нашъ отрядъ все время держался боковой тропинки.

Отъ Тунчжоу до Пекина китайцы считаютъ 40 ли, что составляетъ около 20 верстъ.

Мы проѣхали около 6—7 верстъ, но никакого присутствія китайскихъ войскъ не обнаружили. Вся дорога была густо усыпана объѣденными арбузами—яркіе слѣды бѣжавшихъ китайскихъ солдатъ, которые отъ жажды и утомленія пожирали арбузы тысячами. Всѣ деревни, бывшія по сторонамъ дороги, были пусты и нелюдимы. Коегдѣ были видны жители, которые со страху спасались въ гаолянъ и кукурузу.

Всѣ захваченные китайцы говорили согласно, что „еще за день или за два дня до того, какъ пришли господа, всѣ китайскіе солдаты числомъ около 3—5 тысячъ въ ужасѣ бѣжали въ Пекинъ, такъ какъ они не смѣютъ драться съ господами".

Пройдя еще съ версту, мы свернули круто влѣво и черезъ 1 ½ версты были у канала, который тихо протекалъ между камышей, кукурузы и гаоляна. Мы перешли шлюзъ и встрѣтили маленькое село, уютно расположившееся надъ каналомъ. Жители, завидя насъ, съ непостижимой быстротой ушли въ кукурузу и черезъ нѣсколько минутъ деревня точно вымерла.

Мы подъѣхали за 3 версты до Пекина, но никакихъ китайскихъ войскъ или разъѣздовъ не встрѣтили.

Рекогносцировкой генерала Василевскаго было установлено, что дорога, ведущая отъ Тунчжоу на Пекинъ, совершенно свободна отъ китайскихъ войскъ. Всѣ попутные жители-крестьяне показывали, что восточныя ворота (ихъ всѣхъ трое) заперты; китайскія войска, бѣжавшія еще наканунѣ изъ Тунчжоу, расположились къ югу отъ Пекина въ мѣстности, называемой Наньхайцза. Въ самой столицѣ находятся только Маньчжурскія и Дунфусянскія войска. Другіе жители деревень показывали, что въ Пекинѣ совсѣмъ нѣтъ китайскихъ войскъ. Китайцы-крестьяне занимались своимъ мирнымъ трудомъ, жаловались что ихъ грабили свои же китайскіе солдаты, приносили намъ воду для питья и выказывали полную покорность.

Собравъ эти свѣдѣнія, рекогносцировочный отрядъ вернулся обратно и къ ночи уже былъ на бивакѣ.

Грунтовая дорога, по которой мы шли, была всюду въ исправности кромѣ одного мѣста, затопленнаго дождемъ, исправить которое не представляло бы трудностей. На обратномъ пути, одна китайская деревня встрѣтила насъ совершенно дружественно, угостила чаемъ и водой и просила дать ей русскихъ флаговъ.

Китайцы сидѣли у дороги подъ цыновочнымъ навѣсомъ, распивали чай, толковали о своихъ дѣлахъ, любовались на полный мѣсяцъ, который точно осыпалъ серебристымъ пухомъ и ихъ деревню и поля сочной кукурузы и стройные тополя — для нихъ войны и присутствія 13-тысячной вражеской арміи не существовало.

Мандаринская дорога, ведущая къ Пекину.

Послѣдняя развѣдка

31 іюля. Утро

Наканунѣ, 31 іюля, на бывшемъ у генерала Линевича совѣщаніи начальниковъ соединенныхъ отрядовъ было рѣшено, что всѣ союзныя войска будутъ выступать въ Пекинъ по тремъ паралельнымъ дорогамъ, идущимъ отъ Тунчжоу, съ востока на западъ, къ столицѣ Срединной Имперіи. По средней дорогѣ, проселочной, между каналомъ и Мандаринской дорогой, должны были идти русскія войска и пробить ворота „Дунбяньмынь", расположенныя въ углу между Маньчжурскимъ и Китайскимъ городомъ Пекина. Японцы должны были идти справа отъ насъ по каменной Мандаринской дорогѣ и пробиться въ верхнія Восточныя ворота „Цихуамынь". Англичане и американцы должны были идти слѣва отъ насъ, по проселочной дорогѣ, которая была наканунѣ обслѣдована генераломъ Василевскимъ. Эта дорога также упиралась въ нижнія Восточныя ворота „Шавумынь".

Штурмъ Пекина былъ назначенъ въ ночь съ 1-го на 2-ое августа. Два дня были даны войскамъ для отдыха. 30 и 31-го іюля къ Тунчжоу подтянулись отставшіе отряды англичанъ и американцевъ.

31-го іюля, рано утромъ, наши казаки, въ составѣ двухъ сотенъ 6-й Верхнеудинской и 3-й Читинской, вмѣстѣ съ японскими кавалеристами нроизвели послѣднюю развѣдку пути между Тунчжоу и Пекиномъ.

Случай, происшедшій наканунѣ ночью, когда японцы стали раньше срока бомбардировать Тунчжоускія ворота и забарикадировали вольно или невольно своими обозами и батареями всѣ ворота въ Тунчжоу,—преждевременный штурмъ японцами Бэйцанскаго лагеря, ихъ постоянная горячность и стремленіе впередъ—всѣ эти причины заставляли начальника русскаго отряда зорко наблюдать за всѣми дѣйствіями японцевъ. Русскій генералъ не могъ,

Японская батарея въ походѣ.

конечно, допустить, чтобы японцы подобнымъ же образомъ заставили своими обозами ворота и дороги въ Пекинѣ, благодаря чему русскія войска, уже спасшія Тяньцзинъ, явились бы въ Пекинъ въ хвостѣ японцевъ.

Съ другой стороны мы не могли обойтись безъ японцевъ, такъ какъ у насъ не было картъ. Какъ это ни странно, но въ Тяньцзинѣ мы никакъ не могли достать ни одной удовлетворительной карты мѣстности отъ Тяньцзина къ Пекину и намъ приходилось удовольствоваться любезностью генерала Фукушима, который показывалъ русскимъ свои карты. Японцы имѣли собственныя подробныя карты съ китайскими іероглифами, изготовленныя въ Японіи. Въ японскомъ отрядѣ почти каждый офицеръ имѣлъ по такой картѣ и путь къ китайской столицѣ они знали наизусть.

Проѣхавъ около 10 верстъ по Маньчжурской дорогѣ къ Пекину, русско-японскій отрядъ не встрѣтилъ никакихъ признаковъ китайскихъ войскъ. По пути попадалось только ихъ платье и сапоги, сброшенные вѣроятно для удобства. Всюду валялись тысячи головъ и были видны слѣды кровавыхъ пятенъ. Страшное зрѣлище. Къ счастью, это были арбузы, объѣденные бѣжавшими солдатами. Всѣ попутныя деревни были ими разграблены и покинуты жителями.

По дорогѣ встрѣчались отряды японскихъ солдатъ и японскія батареи, уже спѣшившія къ Пекину, хотя штурмъ былъ назначенъ только на другой день. Движеніе японцевъ было весьма подозрительно.

Когда нашъ кавалерійскій отрядъ остановился на привалѣ, я попросилъ одного японскаго офицера показать карту мѣстности. Онъ свободно говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ, охотно развернулъ бывшую при немъ карту и указалъ нашъ путь.

— Когда вы думаете штурмовать Пекинъ?—спросилъ я офицера, указывая на проходившія колонны японскихъ стрѣлковъ.

— Сегодня ночью.

— Это окончательно рѣшено?

— Да, мы хотимъ попробовать.

— Но вѣдь союзники назначили общій штурмъ на завтра?

— Это намъ не препятствуетъ штурмовать наши ворота сегодня же.

Я сейчасъ же послалъ къ генералу Василевскому казака съ запиской приблизительно слѣдующаго содержанія: „Повидимому, японцы хотятъ штурмовать Пекинъ сегодня ночью. Ихъ пѣхота и горныя батареи поспѣшно идутъ впередъ по Мандаринской дорогѣ. Офицеръ японскаго генеральнаго штаба сказалъ мнѣ, что они намѣрены попробовать штурмовать сегодня“.

Такъ какъ путь, предназначенный для движенія русскихъ войскъ, пролегалъ между Мандаринской дорогой и каналомъ, паралельно имъ обоимъ, то я предложилъ капитану Генеральнаго Штаба Карликову осмотрѣть этотъ путь. Капитанъ взялъ десятокъ казаковъ. Мы свернули съ Мандаринской дороги на югъ и поѣхали по проселочной дорогѣ, оставивъ русско-японскій отрядъ, который продолжалъ развѣдку.

Дорога была проселочная, извилистая. Окружающая мѣстность обыкновенная: деревеньки, кукуруза, гаолянъ, могилы, окруженныя хвойными рощами, и кумирни. Завидя насъ, жители всюду разбѣгались и прятались въ кукурузу. Только подъ самымъ Пекиномъ

жители одной деревни вышли къ намъ навстрѣчу, дали воды и сообщили, что всѣ ворота Пекина, расположенныя на восточной сторонѣ, заперты; открыты только сѣверныя ворота; войска, бѣжавшія отъ Тунчжоу, расположились не въ Пекинѣ, а въ 15 верстахъ къ югу у Наньхайцза; въ Пекинѣ же находятся только маньчжурскія войска.

Въ 11 часовъ утра мы подъѣхали за $1^1/_2$ версты къ Пекину и взобрались на высокій загородный валъ.

Капитанъ Ген. Шт. Карликовъ.

Сильно забилось мое сердце, когда передъ нами открылись величественныя тысячелѣтнія стѣны священной столицы богдыхановъ. Между нами и стѣнами растянулся пригородъ, утопавшій въ зелени туй, акацій и ивъ. На стѣнѣ виднѣлись флаги и цыновочныя палатки. Съ опасностью для жизни мы съ казаками продвинулись еще съ версту впередъ и остановились въ оврагѣ, подъ прикрытіемъ кукурузы, чтобы лучше высмотрѣть мѣстность. Вдоль стѣны были ясно видны палатки китайскихъ солдатъ и множество красныхъ и бѣлыхъ флаговъ. Солдатъ не было видно.

Лошадь вывезла меня на вершину холма. Тамъ, точно окаменѣвшая тайна или вѣковѣчная загадка, точно въ непробудномъ снѣ, точно замурованная въ своихъ вѣковыхъ стѣнахъ, покоилась и молчала великая столица великаго государства — Пекинъ, которому втрое больше лѣтъ, чѣмъ Россіи, хотя онъ самъ вдвое моложе Китая, создавшаго эту трехтысячелѣтнюю твердыню. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, въ лонѣ которыхъ погребены сотни народовъ и царствъ, Пекинъ стоялъ незыблемо и то имъ царили, то онъ царилъ. Одиннадцать вѣковъ онъ переходилъ отъ однихъ народовъ къ другимъ. Онъ былъ столицей и китайцевъ и киданей, монголовъ и маньчжуръ. Передъ его несокрушимыми стѣнами воевалъ бурный Чингисханъ. Въ немъ царствовалъ всесильный Хубилай, правившій всей Азіей. Въ немъ жилъ и дѣйствовалъ мудрѣйшій Цянъ Лунъ. Правившіе имъ цари и народы уже давно исчезли въ вѣчности, а „Сѣверная столица“ все стоитъ.

Стѣны Пекина.

Я спустился съ холма и одинъ поѣхалъ впередъ, желая осмотрѣть дорогу до самыхъ воротъ. Проселочный путь скоро свернулъ на каменную дорогу. Направо и налѣво шли фанзы и какіе-то склады. Китайцы, вышедшіе изъ своихъ домовъ, съ изумленіемъ смотрѣли на появленіе иностранца. Одни разбѣгались, а другіе стояли и разглядывали.

Въ сторонѣ отъ меня, въ полѣ, верхомъ на лошади проѣзжалъ китайскій офицеръ. Онъ былъ чѣмъ-то вооруженъ. Позади на ослѣ ѣхалъ слуга. Я встревожился, такъ какъ повидимому мы ѣхали другъ другу на встрѣчу. Увидя меня, офицеръ погналъ коня и поспѣшилъ уѣхать подальше отъ нежданнаго „заморскаго чорта". Къ счастью, мы были другъ другу не опасны: я былъ вооруженъ хлыстомъ, а онъ вѣеромъ.

Дорога и гранитный мостъ были въ исправности. Я подъѣхалъ къ послѣднему гранитному мосту, за которымъ увидалъ огромныя чорныя ворота, саженъ 5 высоты — цѣль нашего похода. У воротъ бродили китайцы. Ворота были заперты. Мостъ передъ ними въ исправности. Такимъ образомъ, наши войска могли подойти вплотную къ воротамъ Пекина.

Я хотѣлъ подъѣхать къ самымъ воротамъ, чтобы осмотрѣть ихъ — и слава Богу, что этого не сдѣлалъ, такъ какъ возлѣ воротъ стояло пять китайскихъ карауловъ, которыхъ я не разглядѣлъ издали.

Опасно было оставаться въ этой глухой улицѣ, выходившей къ воротамъ. Я повернулъ лошадь и поспѣшилъ къ капитану Карликову, который наскоро чертилъ планъ мѣстности. Китайскіе

солдаты, наконецъ, кончили свой полдневный чифань и высыпали на стѣну, чтобы разсмотрѣть появившагося заморскаго всадника. Я былъ въ такомъ несчастномъ, растрепанномъ и грязномъ видѣ благодаря походу, что солдаты долго разглядывали, не зная, къ какой націи меня причислить. Толпа китайцевъ выбѣжала изъ домовъ и стала посреди дороги.

— Ни мынь доу хао! Бу яо хайпа! — Здравствуйте!.. Не нужно бояться!—крикнулъ я китайцамъ и пока они размышляли, я былъ уже далеко отъ нихъ.

Когда я подъѣхалъ къ нашимъ, съ городской стѣны было пущено въ догонку нѣсколько выстрѣловъ. Не успѣли мы напоить лошадей и отъѣхать за городской валъ, какъ изъ одной деревни насъ встрѣтили такимъ дружнымъ ружейнымъ огнемъ, что испуганныя лошади полетѣли карьеромъ. Точно бѣшеные мы мчались по какимъ-то колеямъ, кустамъ и канавамъ.

Выстрѣлы прекратились. Мы остановились и стали переводить духъ. И лошади и казаки оробѣли и жались другъ къ другу.

Капитанъ Карликовъ со своими казаками повернулъ обратно на Мандаринскую дорогу для присоединенія къ рекогносцировочному отряду, а я съ двумя казаками поѣхалъ вдоль Тунчжоускаго канала Дадунхо, по направленію къ лагерю, по будущей дорогѣ русскихъ войскъ.

Отъ волненія, усталости, голода и жажды я такъ обезсилѣлъ, что едва держался на сѣдлѣ. Послѣ того какъ насъ обстрѣляли изъ одной деревни, я больше не рѣшался заходить въ деревни, тѣмъ болѣе, что насъ было всего три человѣка. Жажда мучила, но вдоль дороги мы не встрѣчали ни колодцевъ, ни арбузовъ. Зной обжигалъ насъ. Все тѣло мое было разбито. Я чувствовалъ, что изнемогаю и боялся упасть съ лошади.

Какой подарокъ! возлѣ дороги мы нашли виноградникъ съ большими зелеными гроздьями. Мы слѣзли съ лошадей, легли какъ ягнята на траву и стали поѣдать ягоду за ягодой. Я былъ такъ голоденъ, съ утра не ѣвши, что даже не замѣтилъ, что виноградъ не созрѣлъ и былъ киселъ, какъ китайская соя. Скоро я почувствовалъ во рту такой пожаръ, что не зналъ куда дѣваться и не могъ забыть этотъ виноградъ даже послѣ штурма Пекина.

До Тунчжоу оставалось еще верстъ 10, но я былъ безъ силъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать. На мое счастье въ рощѣ показались ряды бѣлыхъ русскихъ рубахъ и впереди на лошади генералъ Василевскій.

Отрядъ генерала Василевскаго

31 Іюля. Вечеръ и ночь

Шт.-Кап. Петровъ.

Когда на нашемъ бивакѣ въ Тунчжоу были получены тревожныя извѣстія о томъ, что японцы поспѣшно двигаются къ Пекину; что положеніе европейцевъ въ Пекинѣ становится тяжелѣе съ каждымъ днемъ; что каждый день замедленія можетъ еще болѣе затруднить взятіе Пекина, такъ какъ китайцы хотятъ минировать подступы къ столицѣ—то начальникъ отряда генералъ Линевичъ рѣшилъ отправить сильный рекогносцировочный отрядъ русскихъ войскъ на цѣлыя сутки раньше дня, назначеннаго для штурма Пекина—въ тотъ же день 31-го іюля.

Начальникомъ этого отвѣтственнаго отряда былъ назначенъ начальникъ штаба генералъ Ник. Алекс. Василевскій. Отрядъ началъ выступать съ 12 час. дня и въ 2 часа собрался на скрещеніи Мандаринской и грунтовой дорогъ, откуда всѣ части двинулись вмѣстѣ, въ составѣ 7 роты 10-го полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Яр. Горскаго, 4-й, 5-й и 7-й ротъ 2-го полка, подъ начальствомъ полковника Модля, 4 орудій 3-й батареи, подъ начальствомъ шт.-капитана Петрова, и 2 пулеметовъ. Кромѣ того, по пути присоединилась 3-я сотня Читинскаго полка и полъ 6-й сотни Верхнеудинскаго полка, подъ общей командою сотника Григорьева.

Генералу Василевскому было поручено произвести рекогносцировку пути и подступовъ къ Пекину и попытаться овладѣть восточными воротами нечаяннымъ нападеніемъ, если къ этому представится возможность.

Въ 2 часа, послѣ маленькаго привала, отрядъ двинулся по грунтовой дорогѣ къ Пекину. День былъ очень жаркій, безвѣтреный.

Жара доходила до 45^0 по Реомюру. Солдатамъ, утомленнымъ и не успѣвшимъ еще отдохнуть отъ похода до Тунчжоу, было очень трудно идти. Стрѣлки одинъ за другимъ отставали и падали.

Часа черезъ два подошли къ каналу Дадунхо. Начальникъ отряда приказалъ воспользоваться найденной на каналѣ шаландой и сложить на нее всю солдатскую амуницію, а также положить ослабѣвшихъ стрѣлковъ. Эту шаланду бичевой тянули до шлюза, гдѣ былъ предположенъ бивакъ главныхъ силъ, выступившихъ изъ Тунчжоу въ тотъ-же день, въ 3 1/2 часа дня.

Полковникъ Модль.

Когда я разсказалъ генералу Василевскому объ утренней развѣдкѣ восточныхъ воротъ, генералъ назначилъ меня проводникомъ своего отряда и предложилъ сейчасъ-же ѣхать вмѣстѣ съ нимъ обратно къ Пекину. Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить желаніе генерала, но умираю отъ голода, жажды и усталости.

— Мы васъ сейчасъ-же поправимъ, — сказалъ полковникъ Модль, далъ мнѣ выпить рому изъ походной фляги и предложилъ подѣлиться половинкой курицы и кускомъ чорнаго хлѣба. Ромъ, курица и хлѣбъ подѣйствовали на меня магически. Я возродился, сѣлъ на коня и снова почувствовалъ въ себѣ приливъ силъ и бодрости. Впередъ, на Пекинъ!

Среди офицеровъ я встрѣтилъ моего портартурскаго пріятеля штабсъ-капитана Ярослава Горскаго, командира 7-ой роты 10-го полка. Онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Восточной Сибири, Маньчжуріи и Китаѣ, много путешествовалъ по этимъ странамъ, составилъ маршрутную съемку пути отъ Чифу до Пекина и зналъ китайскій языкъ. Годъ тому назадъ мы вмѣстѣ съ нимъ служили въ гражданскомъ управленіи Квантунской области въ Портъ-Артурѣ, гдѣ онъ былъ помощникомъ начальника округа полковника Н. С. Куколь-Яснопольскаго, вѣдалъ туземныя дѣла и всегда защищалъ и отстаивалъ права китайцевъ, которые за это уважали и любили Горскаго и называли его Го-лаоѣ. Теперь ему пришлось воевать со своими друзьями китайцами и идти брать ихъ столицу.

Это былъ послѣдній переходъ русскихъ войскъ до Пекина. Нужно было приложить послѣднія усилія, чтобы добраться до

столицы, взять которую—какъ думали—не составитъ большого труда. Наши солдатики пробирались между зеленыхъ стѣнъ гаоляна, въ которомъ прятались напуганные китайцы со своими семьями. Солнце безжалостно жгло до вечера.

Мы были уже въ 3 верстахъ отъ Пекина, когда стемнѣло. Остановились въ деревушкѣ, возлѣ которой нашли колодецъ. Жители спали и не показывались. Небо почернѣло. Нависли тучи и по всѣмъ направленіямъ забѣгали молніи. Вдали загудѣли раскаты грома. Изъ передового разъѣзда прискакалъ казакъ и тревожно донесъ, что кругомъ стрѣляютъ, виденъ огонь и слышны орудійные выстрѣлы. Въ своемъ рвеніи къ службѣ казакъ не отличилъ сраженія отъ грозы.

Не успѣли офицеры и солдаты авангарда отдохнуть отъ жгучихъ лучей солнца, какъ имъ приходилось мокнуть подъ холодными струями жестокаго ливня.

Капитанъ Ярославъ Горскій.

Для охраны отряда, на полверсты впередъ была выдвинута застава отъ 7-й роты 10-го полка.

Въ 11¼ часовъ ночи ливень прекратился. Генералъ Василевскій приказалъ набрать 15 охотниковъ изъ 2-го полка и, подъ командою подпоручика Феоктистова, пройти до Пекина, осмотрѣть дорогу, мосты и ворота. Мнѣ было поручено провести ихъ по той же дорогѣ, по которой я проѣзжалъ въ этотъ день утромъ. Съ охотниками отправился и юнкеръ флота Гирсъ, сынъ нашего посланника въ Пекинѣ.

Мы шли въ глубокой темнотѣ по какой-то впадинѣ. Я проѣхалъ впередъ, чтобы разсмотрѣть дорогу и былъ очень удивленъ, когда во мракѣ кто-то окликнулъ меня покитайски:

— Шима жень ци ма? — Кто ѣдетъ на лошади?

Такъ какъ я не имѣлъ никакого желанія разговаривать съ китайскими часовыми и не отвѣтилъ, то въ меня стали стрѣлять. Я стегнулъ хлыстомъ лошадь и мигомъ свернулъ въ гаолянъ, въ сторону отъ выстрѣловъ. Добрый казацкій конь пронесъ въ полной

Генералъ Василевскій.

темнотѣ по какимъ-то рытвинамъ, кустамъ, оврагамъ и благополучно проскакалъ къ нашему отряду. Услышавъ выстрѣлы, охотники подошли къ китайской заставѣ и залегли. Послѣ одного залпа съ нашей стороны китайскіе часовые открыли такой убійственный огонь, что, несмотря на темноту, сейчасъ же былъ раненъ въ ногу подпоручикъ Феоктистовъ и тяжело раненъ одинъ стрѣлокъ, котораго нашли только на другой день обозные и привезли въ Пекинъ.

Пришлось отступать.

Узнавъ о присутствіи китайской заставы, а также о томъ,

что со стороны Пекина слышится сильный ружейный и орудійный огонь, который, вѣроятно, былъ открытъ китайскими войсками по европейскимъ миссіямъ, что и подтвердилось впослѣдствіи, генералъ Василевскій приказалъ всему своему отряду двинуться впередъ.

Въ 1 часъ ночи отрядъ выступилъ. Впереди шла 7-я рота 10-го полка капитана Горскаго, съ 2 пулеметами. Затѣмъ двигались 3 роты 2 полка, 4 орудія и казаки. Я снова поѣхалъ впередъ, но по другой дорогѣ, позади стрѣлявшей въ насъ заставы.

Тѣмъ временемъ Пекинскіе выстрѣлы смолкли. Луна стала выглядывать изъ облаковъ. Китайская застава молчала.

Въ разстояніи 1/4 версты отъ Пекина отрядъ остановился. Капитанъ Горскій со своей ротой получилъ приказаніе пройти впередъ, осмотрѣть дорогу, мосты и, при возможности, открыть ворота. Мнѣ было поручено указать дорогу и провести роту къ воротамъ.

Мы шли въ полутьмѣ, по гранитной дорогѣ, проваливаясь въ лужи и ямы. Перешли послѣдній мостъ и наконецъ мы—передъ запертыми воротами. Направо и налѣво были палатки, которыхъ я не замѣтилъ утромъ. Часовые спали подъ открытымъ небомъ. Другіе спали въ сторожевыхъ домикахъ.

— Моя задача окончена, теперь начинается ваша!—сказалъ я Горскому.

— Ребята!—угрюмо шепнулъ Горскій своимъ унтеръ-офицерамъ — переколи всѣхъ часовыхъ, дѣйствуй только штыкомъ, но не смѣй стрѣлять!

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣ часовые, спящіе и полусонные 60 человѣкъ — были переколоты стрѣлками. Такъ какъ мостъ не былъ минированъ, а ворота охранялись только карауломъ, который спалъ у моста и былъ переколотъ, то генералъ Василевскій приказалъ немедленно выкатить 2 орудія и поставить рядомъ передъ воротами, на разстояніи 15 шаговъ.

Штабсъ-капитанъ Петровъ и подпоручикъ Ивановъ со своими бравыми артиллеристами живо установили оба орудія.

Наступилъ великій и славный часъ, когда снова проявилось русское геройство. Передъ нами вѣковыя ворота вѣкового священнаго города. Мы не знали, что ожидаетъ насъ за воротами. Мы не знали, какая сила встрѣтитъ насъ на гигантскихъ стѣнахъ Пекина, который, наконецъ, былъ передъ нами.

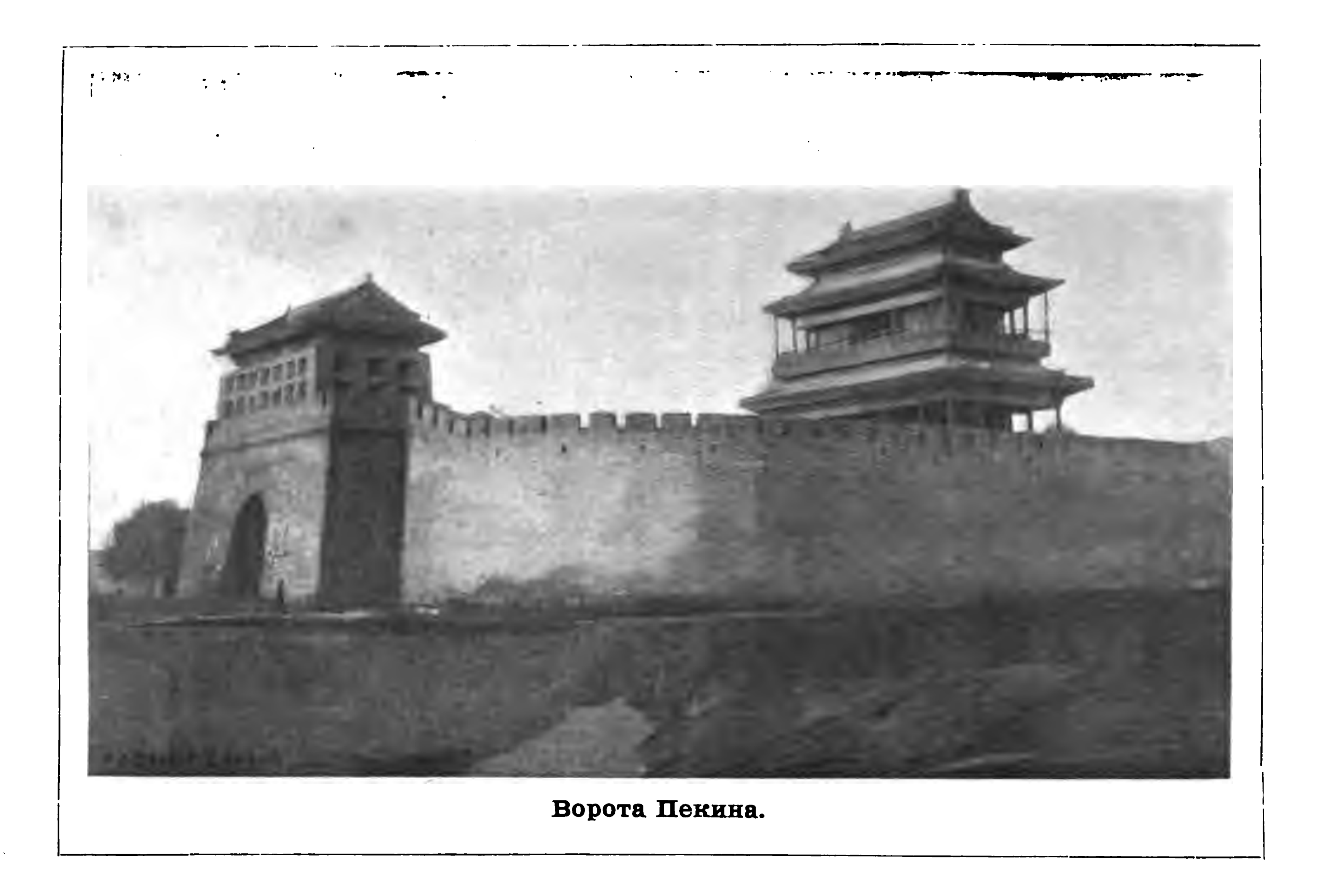
Но мы знали, что за этими грозными воротами и стѣнами, которыхъ не пробьетъ никакое орудіе, уже два мѣсяца томятся

Штурмъ Пекина въ ночь на 1 Августа 1900 года

Генералъ Василевскій, полковникъ Модль, капит. Горскій, шт.-кап. Петровъ, подпор. Ивановъ.

Рис. I. Смукровичъ

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ"

Ворота Пекина.

европейцы съ жонами и дѣтьми, которыхъ нужно во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе освободить. Каждый день и часъ замедленія можетъ отозваться губительно для нихъ или для насъ.

Генералъ Василевскій приказалъ пробивать ворота.

Среди гробовой, зловѣщей тишины, опустившейся надъ спящимъ городомъ, прогремѣлъ выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Гранаты пронизывали насквозь двойныя дубовыя, кованныя желѣзомъ ворота, но ворота не растворялись. Орудія стрѣляли гранатами одно за другимъ.

Поручикъ Ивановъ.

Звонко раздавалась команда подпоручика Иванова:

— Первое!.. Второе!..

Минутъ 20 громъ стоялъ надъ воротами. Луна слабо освѣщала изъ-за тучъ оба орудія, артилеристовъ и стрѣлковъ, которые стали по сторонамъ и обстрѣливали стѣны. Проснувшіеся китайскіе солдаты стали стрѣлять со стѣнъ, но съ перепугу не могли попасть и ихъ пули далеко улетали.

Громъ и молнія орудій, рѣзкіе залпы нашихъ стрѣлковъ, безпорядочная стрѣльба китайцевъ и грозный рокотъ русскихъ пулеметовъ, въ лунномъ полусвѣтѣ почернѣвшія отъ вѣковъ ворота и величественныя стѣны тысячелѣтней столицы... Это былъ первый штурмъ Пекина русскими.

Ровно въ 2 часа ночи раздалось восторженное русское ура стрѣлковъ и артилеристовъ—запоръ сбитъ гранатой и ворота растворены. Генералъ Василевскій смѣло вошолъ первымъ въ ворота, за которыми оказался мощоный дворъ и вторыя полузатворенныя ворота, которыя вели на улицу.

Ворота Пекина пали подъ русскими орудіями. Башня надъ воротами была покинута китайскими часовыми и на ней воздвигнутъ русскій флагъ, который, какъ символъ побѣды и освобожденія, первый взвился надъ стѣнами столицы богдыхановъ.

2 роты 2-го полка были сейчасъ-же посланы занять стѣну, прилегающую къ воротамъ. 1-я рота того-же полка была оставлена для охраненія воротъ. Подпоручикъ артилеріи Ивановъ былъ отправленъ къ начальнику Печилійскаго отряда генералу Линевичу съ донесеніемъ о взятіи воротъ и о положеніи дѣлъ. Ивановъ смѣло

Георгіевскіе кавалеры 7-ой роты капитана Горскаго 1С-го В. С. С полка.

поскакалъ съ однимъ трубачомъ сквозь ночную тьму и счастливо пробрался къ русскому отряду, который стоялъ бивакомъ на полпути между Тунчжоу и Пекиномъ

Было около 3 часовъ утра.

Ворота Китайскаго города были взяты. Оставалось пробить еще одни внутреннія ворота, чтобы войти въ Маньчжурскій городъ, въ которомъ помѣщались европейскія миссіи. Генералъ Василевскій приказалъ двинуть на Маньчжурскій городъ 7-ую роту 10-го полка и 2 орудія. Пришлось идти вдоль Маньчжурской стѣны на разстояніи 30—50 шаговъ отъ нея. Храбрыя Дунфусянскія войска разсыпались по всей стѣнѣ и, скрывшись за бойницами, начали обстрѣливать смѣлую роту Горскаго и артилерію изъ своихъ большихъ старинныхъ крѣпостныхъ ружей. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ у одного орудія были перебиты всѣ 6 лошадей, у другого 4 лошади и ранено 14 артилеристовъ. Отважный капитанъ Горскій былъ раненъ одной пулей въ руку, другая ранила его въ лѣвую сторону груди. Подпоручикъ Піуновскій раненъ въ руку. Нѣсколько раненыхъ стрѣлковъ лежало уже за валомъ. Такъ какъ подъ такимъ огнемъ было невозможно двигаться впередъ, то генералъ Василевскій приказалъ вернуть роту и орудія обратно. Но это было не такъ легко.

Съ высоты стѣны въ 60 футовъ китайскіе солдаты стрѣляли въ упоръ по проходящимъ внизу стрѣлкамъ. 1 орудіе было благополучно увезено лошадьми, посланными на подмогу шт.-капитаномъ Петровымъ. Но другое не было возможности увезти, такъ какъ лошади и прислуга были перебиты. Послать же еще лошадей было опасно, такъ какъ свѣтало и такія крупныя цѣли, какъ лошади, были прекрасно видны. Китайцы стрѣляли изъ каждой бойницы. Съ одной башни раздавались странные глухіе выстрѣлы — это стрѣляли изъ старинныхъ китайскихъ пушекъ. Картина была грозная, великолѣпная. Древнія стѣны и башни Пекина были иллюминованы огнями ружей и пушекъ. Но это была послѣдняя иллюминація вѣкового города, которая дорого стоила и русскимъ, которые съ русской смѣлостью брали неприступныя стѣны, и китайцамъ, упорно отстаивавшимъ свои твердыни. Но Пекинъ падалъ съ каждымъ часомъ.

Услышавъ первые выстрѣлы русскихъ и узнавъ, что ворота пробиты и стѣна занята русскими, Китайская императрица, богдыханъ и наслѣдникъ престола сейчасъ же бѣжали изъ Пекина на западъ въ Шаньсійскую провинцію.

Такъ какъ въ 7-ой ротѣ оба офицера были ранены, то фельдфебель Якименко сталъ командовать ротою. Подъ жестокимъ огнемъ крѣпостныхъ пуль стрѣлки-герои роты Горскаго на своихъ рукахъ протащили оставшееся орудіе обратно. Орудіе было спасено, но фельдфебель Якименко и нѣсколько стрѣлковъ были ранены.

Потерявъ столько своихъ людей и лошадей, шт. капитанъ Петровъ сталъ спасать ввѣренныя ему орудія и снарядныя двуколки подъ прикрытіемъ воротъ и зданій. Вслѣдствіе отъѣзда подпоручика Иванова его взводомъ началъ командовать фейерверкеръ Цымбалистъ, но былъ скоро тяжело раненъ. Его заступилъ уже раненый въ горло и руку взводный фейерверкеръ Колесниковъ.

Фельдфебель 7 роты 10 В. С. С. полка Якименко.

Было 4 часа утра—разсвѣтало. Когда въ осажденныхъ миссіяхъ, которыя китайцы ночью обстрѣливали особенно ожесточонно, услышали русскую пальбу, то сейчасъ же догадались, что это стрѣляли освободители.

По стѣнамъ Пекина распространилась тревога. Всѣ пекинскіе солдаты Дунфусяна и Жунъ Лу бросились къ юго-восточному углу Маньчжурскаго города, куда ворвались русскіе, и открыли по смѣлому отряду генерала Василевскаго убійственный огонь изъ-за каждой бойницы стѣны и изъ бывшей тутъ-же огромной 4-хъ-ярусной башни, которая саженъ на 10 возвышалась надъ занятой нами стѣной. Китайскіе стрѣлки засѣли въ этой громадной неуклюжей башнѣ четырехъ-угольной формы и стрѣляли изъ всѣхъ ея оконъ. Наша стѣна была имъ видна какъ на ладони и они посылали кучу большихъ свинцовыхъ пуль по всякому, кто только ни показывался изъ-за прикрытія.

Башня и стѣны Маньчжурскаго города, бывшія на три сажени выше нашей стѣны, громили насъ съ западной стороны.

Около 5 часовъ утра, съ восточной стороны по стѣнѣ стали перебѣгать цѣлыя толпы китайскихъ солдатъ и начали прямо наступать на насъ. По приказанію генерала Василевскаго, на стѣну,

подъ огнемъ, былъ вытащенъ пулеметъ, который такъ мѣтко и безостановочно осыпалъ пулями надвигающіяся толпы, что онѣ скоро отступили. Пулеметъ охранялъ насъ съ восточной стороны. Но съ западной продолжался жестокій огонь изъ старинныхъ крѣпостныхъ ружей. Лѣстницъ для штурма у насъ не было и взобраться на Маньчжурскую стѣну мы никакъ не могли.

Такъ передовой отрядъ отбивался до 7 1/2 часовъ утра, терялъ раненыхъ и убитыхъ, когда раздались орудійные и ружейные выстрѣлы изъ пригорода, окружающаго Пекинъ съ восточной стороны. Это подходили наши главныя силы, подъ командованіемъ генерала Линевича.

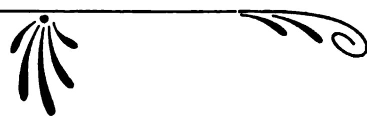

Стѣна Пекина съ внутренней стороны.

Русскіе передъ Пекиномъ.

Штурмъ Пекина

1 Августа 1900 г.

Получивъ донесеніе генерала Василевскаго о томъ, что ворота взяты, генералъ Линевичъ приказалъ всѣмъ нашимъ главнымъ силамъ немедленно наступать впередъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ, которымъ въ послѣдній разъ въ жизни командовалъ полковникъ Антюковъ, шли 2-ая и 3-я роты 10-го полка, 4 орудія 3-ей батареи подполковника Мейстера, полурота 4-ой роты, 5-ая и 8-ая роты 10-го полка. Въ резервѣ была 2-ая батарея и 9-ый полкъ.

Когда авангардъ сталъ входить въ пригородъ Пекина, съ обсерваціонной башни грянулъ первый выстрѣлъ, пролетѣвшій надъ генераломъ Линевичемъ и его штабомъ. Тогда прибывшій отрядъ свернулъ съ дороги и развернулся въ боевомъ порядкѣ.

Наши войска разсыпались по узкимъ улицамъ и начали обстрѣливать стѣны и башни великаго города. Но такъ какъ наши войска расположились во входящемъ углу, занятомъ передовымъ отрядомъ, то позиція ихъ оказалась очень трудна: китайцы обстрѣ-

ливали съ обѣихъ стѣнъ, образующихъ уголъ, и съ высокой башни, на разстояніи 400—600 шаговъ. Особенно много зла причиняла башня. Генералъ Линевичъ, который все время находился въ передовой линіи и наблюдалъ за ходомъ сраженія, приказалъ командиру 2-го полка полковнику Модлю съ полуротою развѣдать подступы къ башнѣ. 2 стрѣлка были убиты, но никакого входа на башню не было найдено: ее можно было взять только штурмовыми лѣстницами, съ большими потерями. Тогда подпоручикъ артилеріи Ивановъ установилъ 2 орудія въ улицѣ, за занятой нами стѣной,

Полковникъ Антюковъ.

и изъ-за прикрытія громилъ гранатами грозную башню. Пока артилерія стрѣляла, башня молчала и затѣмъ снова принималась за истребленіе русскихъ.

2 орудія 3-ей батареи были на рукахъ 4-ой роты вывезены по узкимъ улицамъ и поставлены на лѣвомъ флангѣ позицій. 3-я рота, пробѣжавъ мостъ, заняла переднія фанзы. Половина 4-й роты осталась въ прикрытіе орудій, а 2-я рота стала на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Всѣ эти силы стали обстрѣливать стѣны, 4 ярусную башню и обсерваторію.

Было 8 часовъ утра. Генералъ Линевичъ, полковникъ Антюковъ, капитанъ Ярошевичъ и корнетъ Пикокъ сидѣли вмѣстѣ, подъ прикрытіемъ вала. Не успѣлъ генералъ встать и пройти въ свою палатку, чтобы написать бумагу, какъ пролетѣла граната, разбила вдребезги солдата и осколкомъ убила наповалъ командира 10-го

Стѣна Пекина, захваченная русскими.

Слѣва ворота, пробитыя русскими гранатами и русскій флагъ. Справа 4-хъ ярусная башня и стѣна Маньчжурскаго города. Мостъ, ведущій къ воротамъ и охранявшійся китайскимъ карауломъ. Тунчжоускій каналъ Дадунхо.

полка Антюкова. Осколокъ гранаты попалъ въ голову навылетъ. Доблестный полковникъ, любимецъ не только своего полка, но и всего Портартурскаго общества, безмолвно упалъ на колѣни сидѣвшаго рядомъ съ нимъ капитана Ярошевича. Смерть была мгновенная. Полковникъ былъ убитъ на своемъ посту, передъ лицомъ своего полка. Вѣчная ему память.

Стѣны и башни продолжали громить наши силы. Раненые и и убитые выносились все время. Генералъ Линевичъ приказалъ выкатить еще 2 орудія 3-ей батареи, что и было исполнено на рукахъ стрѣлками 5-й и 8-ой ротъ. 2 и 3-я роты обстрѣливали непріятеля съ лѣваго фланга, орудія стрѣляли по срединѣ, 5 и 8-я рота выбивали штыками китайцевъ, стрѣлявшихъ изъ-за фанзъ.

Утро было знойное, горячее. Наши солдаты изнемогали отъ жажды и утомленія, но стойко и мужественно исполняли свой долгъ. Уже цѣлую недѣлю они не пили, не ѣли, не спали и не отдыхали какъ слѣдуетъ. Пройдя ускореннымъ маршемъ 120 верстъ, не имѣя въ теченіе шести дней ниодной дневки для отдыха, эти герои въ бѣлыхъ рубахахъ, ставшихъ въ дорогѣ бурыми, съ запыленными и обгорѣвшими отъ солнца и вѣтра лицами, обливаясь потомъ и кровью, лѣзли теперь брать неприступныя стѣны китайской столицы.

4 орудія 3-ей батареи, заслужившей свою славу еще при взятіи Тяньцзина, продолжали громить китайцевъ, расположившихся по стѣнамъ вправо и влѣво отъ воротъ, которыя были заняты нами. Наша шрапнель разрывалась надъ самыми головами китайцевъ и заставляла умолкать ихъ ружейный огонь.

Было около 10-ти часовъ утра. Положеніе отряда, занявшаго ворота и расположившагося на стѣнѣ, было не легкое. Большія свинцовыя пули китайскихъ ружей съ рѣзкимъ трескомъ вонзались въ стѣну по всѣмъ направленіямъ. 4-я и 5-я роты 2 полка и половина 7-ой роты 10-го полка расположились на стѣнѣ и у воротъ. Нѣсколько раненыхъ стрѣлковъ уже лежало на стѣнѣ. Китайцы сидѣли за своими бойницами и осыпали нашихъ стрѣлковъ пулями. Стрѣлки, укрывшись за китайскими бойницами, выслѣживали китайцевъ и понемногу выбивали ихъ.

Въ 10 часовъ утра начальникъ передового отряда генералъ Василевскій, проходя по стѣнѣ, откуда онъ командовалъ своими силами, упалъ, раненый въ правую часть груди навылетъ. 2 стрѣлка, бросившіеся поднимать генерала, были сейчасъ же ранены. Бросились 2 другихъ и 1 былъ раненъ. Наконецъ, удалось пронести генерала и положить его тутъ же на стѣнѣ, подъ прикрытіемъ бой-

На стѣнѣ Пекина, захваченной русскими.

Китайскія палатки. Мѣсто, гдѣ былъ раненъ генералъ Василевскій. Четырехъярусная башня и стѣна Маньчжурскаго города, въ которую захваченная русскими стѣна упирается угломъ.

ницы. Китайцы, вѣроятно, хорошо видѣли все, что произошло, и открыли по мѣсту, гдѣ былъ раненъ генералъ, ожесточонный огонь. Пронести генерала со стѣны внизъ, въ фанзы, гдѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, не было никакой возможности. Нужно было только перебѣжать площадку на стѣнѣ въ 20 шаговъ длины, но она обстрѣливалась градомъ пуль. Уже около 10 человѣкъ были здѣсь ранены. Я всетаки рискнулъ и побѣжалъ со стѣны внизъ за докторомъ. Неустрашимый докторъ 2-го полка Петерсонъ, перевязавшій подъ огнемъ въ это тяжолое утро 50 человѣкъ, поднялся на стѣну, благополучно пробѣжалъ эту роковую площадку и перевязалъ раненаго генерала. Рана была къ счастью сдѣлана пулей малаго калибра. Пульсъ былъ совершенно нормаленъ. Мы надѣялись на благополучный исходъ. Испытывая жестокія мученія отъ свѣжей раны, обжигаемый знойнымъ солнцемъ и обстрѣливаемый пулями, генералъ лежалъ на камняхъ надъ тѣми самыми воротами, въ которыя онъ только что передъ тѣмъ пробился со своимъ отрядомъ и въ которыя вошолъ первымъ. Но мы не отчаивались.

Норвежецъ Мунте.

Штабной переводчикъ, норвежецъ г. Мунте, прекрасно владѣющій китайскимъ и новыми языками и бывшій переводчикомъ у адмирала Сеймура, два фельдшера и я все время оставались возлѣ раненаго генерала. Каменная бойница, въ ростъ человѣка вышины и аршина два ширины, была нашей единственной защитой. Стоило кому-нибудь высунуться, его встрѣчалъ градъ пуль. Два раза мы пытались пронести генерала: сперва былъ раненъ въ позвоночникъ фельдшеръ Кривоносовъ, скончавшійся черезъ полчаса, потомъ раненъ въ руку и ногу другой фельдшеръ. Только часа черезъ три намъ удалось пронести внизъ со стѣны раненаго генерала.

Было 9½ часовъ утра, когда начальникъ отряда приказалъ батальону 9-го полка выйти изъ резерва на подкрѣпленіе отряду. Тѣмъ временемъ командиръ 1 бат. 10-го полка подполковникъ Колинъ осмотрѣлъ мостъ и, подъ непрерывнымъ огнемъ китайцевъ проѣхавъ въ занятыя нами ворота, тѣмъ же путемъ вернулся обратно неуязвимый для пуль. Было 11 час. утра. Огонь китайцевъ стихъ

и на ихъ стѣнѣ показались бѣлые флаги. Начальникъ отряда со штабомъ и 2, 3, 5 и 8-я роты 10-го полка немедленно двинулись впередъ, къ воротамъ. Замѣтя это движеніе, китайскіе солдаты вѣроломно снова открыли огонь и, убравши бѣлые флаги, снова вывѣсили красные.

Генералъ Ямагучи.

Наши орудія не замедлили осыпать китайскую стѣну такимъ дождемъ шрапнелей и гранатъ, что китайскія ружья и пушки стали постепенно затихать. Въ разныхъ мѣстахъ стали опять показываться бѣлые флаги.

Въ 12 часовъ дня начальникъ отряда и его главныя силы вошли въ Пекинъ. Но проходъ по мосту, къ воротамъ, былъ все еще опасенъ. Наряду съ бѣлыми флагами, изъ различныхъ угловъ стѣны и изъ башенъ все еще стрѣляли.

Японцы узнавъ, что въ эту ночь мы пробили ворота Пекина и штурмуемъ его стѣны, поспѣшно двинули свои войска, которыя двигались почти паралельно съ нашими главными силами. Около 9 часовъ утра они подошли къ Цихуамыньскимъ воротамъ и начали штурмъ этой стороны города. Китайцы, ожидавшіе нападенія иностранныхъ войскъ со стороны этихъ воротъ, приготовились къ отчаянной оборонѣ и встрѣтили своихъ непримиримыхъ враговъ самымъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, какой только они могли направить. Нѣсколько смѣльчаковъ японцевъ съ капитаномъ Генеральнаго Штаба Болховитиновымъ попытались подойти къ воротамъ, чтобы подложить мину, но всѣ, кромѣ капитана, были перебиты. Черезъ часъ генералъ Ямагучи просилъ генерала Стесселя, чтобы наша артилерія обстрѣляла Пекинскую стѣну между обсерваторіей и Цихуамыньскими воротами, такъ какъ онъ съ шестью батальонами атакуетъ ворота Пекина. Генералъ Стессель, начальникъ резервной колонны, сейчасъ же приказалъ двинуть 2-ю батарею. Батарея стала на позицію сперва въ разстояніи 700, а потомъ 100 саж. отъ стѣны. Командиръ батареи шт.-капитанъ Скрыдловъ установилъ весьма мѣткій прицѣлъ и съ 10 час. утра до 5 час. вечера поражалъ китайцевъ. Если бы русскіе не отвлекли главныхъ силъ китайцевъ къ своимъ воротамъ еще ночью и если бы наша 2-я батарея не поддержала сильнымъ огнемъ лѣваго фланга япон-

цевъ, то имъ едва ли бы удалось взять ворота. Только поздно вечеромъ, когда наши войска уже вошли въ Пекинъ и часть японскихъ войскъ тоже прошла черезъ наши ворота, японцы, наконецъ, пробились черезъ такъ называемыя Мандаринскія (Цихуамыньскія) ворота, которыя они избрали для штурма. Весьма полезнымъ оказался для японцевъ во время штурма капитанъ Генеральнаго Штаба Болховитиновъ, который все время подъ огнемъ ѣздилъ съ порученіями отъ генерала Стесселя къ генералу Ямагучи.

Американцы прошли въ Пекинъ только съ нашей помощью. Они подошли къ стѣнамъ Пекина около 11 часовъ утра и вмѣсто того,

Японцы бомбардируютъ Пекинъ.

чтобы брать штурмомъ предназначенныя имъ ворота съ помощью своей артилеріи, они просили нашу 3-ю батарею сдѣлать для нихъ обвалъ въ стѣнѣ. Батарея подполковника Мейстера очень скоро пробила гранатами обвалъ, по которому американцы вскарабкались на стѣну, но непріятеля они нигдѣ не встрѣтили, такъ какъ онъ еще рано утромъ былъ отогнанъ нашими стрѣлками и пулеметами. Затѣмъ американцы хотѣли водрузить свой флагъ на стѣнѣ, но, увидя русскій флагъ на воротахъ, отправились искать другое мѣсто. Къ ихъ сожалѣнію, вся эта сторона была уже занята русскими. Тогда американцы вошли подъ прикрытіемъ нашихъ орудій въ Пекинъ.

Въ то время какъ русскіе и японцы бились съ китайцами не на животъ, а на смерть и лѣзли на стѣны, подъ жестокимъ огнемъ, чтобы овладѣть ими; въ то время, какъ американцы отважно лѣзли на стѣны, уже занятыя нами, и искали мѣста для водруженія своего флага;—англичане весьма благоразумно лѣзли подъ стѣны и по руслу высохшей рѣки прошли въ 1 часъ дня въ Китайскій городъ Пекина. Затѣмъ безъ боя они прошли пустой городъ, пролѣзли подъ стѣной Маньчжурскаго города и въ 2 часа дня явились подъ прикрытіе англійской миссіи. Англійскіе сипаи были первыми вѣстниками освобожденія.

Японцы обстрѣливаютъ ворота Пекина.

Около 2 часовъ дня вдоль всей восточной Маньчжурской стѣны, которую громили наши батареи, исчезли красные военные флаги китайцевъ и показались бѣлые: китайцы сдались и Пекинъ палъ. Только въ угловой башнѣ, которая похитила у насъ столько жертвъ, засѣли непримиримые Дунфусяновцы и продолжали стрѣлять до вечера, пока эта башня не была занята японцами.

Благополучно войдя въ Пекинъ, подъ огнемъ непріятеля, во главѣ своихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Линевичъ приказалъ остановиться для небольшого отдыха. Объ ѣдѣ тогда никто и не думалъ: подкрѣплялись сухарями и освѣжались водой.

Въ 2 часа дня радостная вѣсть о свободѣ облетѣла всѣ мис-

сіи. Въ 3 часа мичманъ Денъ, бывшій въ составѣ русскаго десанта въ Пекинѣ съ броненосцевъ „Наваринъ“ и „Сисой Великій“, сдѣлалъ смѣлую вылазку по стѣнѣ, выбилъ китайцевъ изъ Цяньмыньскихъ воротъ и отворилъ ворота американскимъ войскамъ, которыя подошли съ этой стороны. Затѣмъ явился начальникъ десанта лейтенантъ баронъ Раденъ съ остальной командой и прогналъ китайцевъ еще далѣе, до слѣдующихъ воротъ. Трофеями вылазки русскаго десанта было 5 китайскихъ орудій и 10 флаговъ.

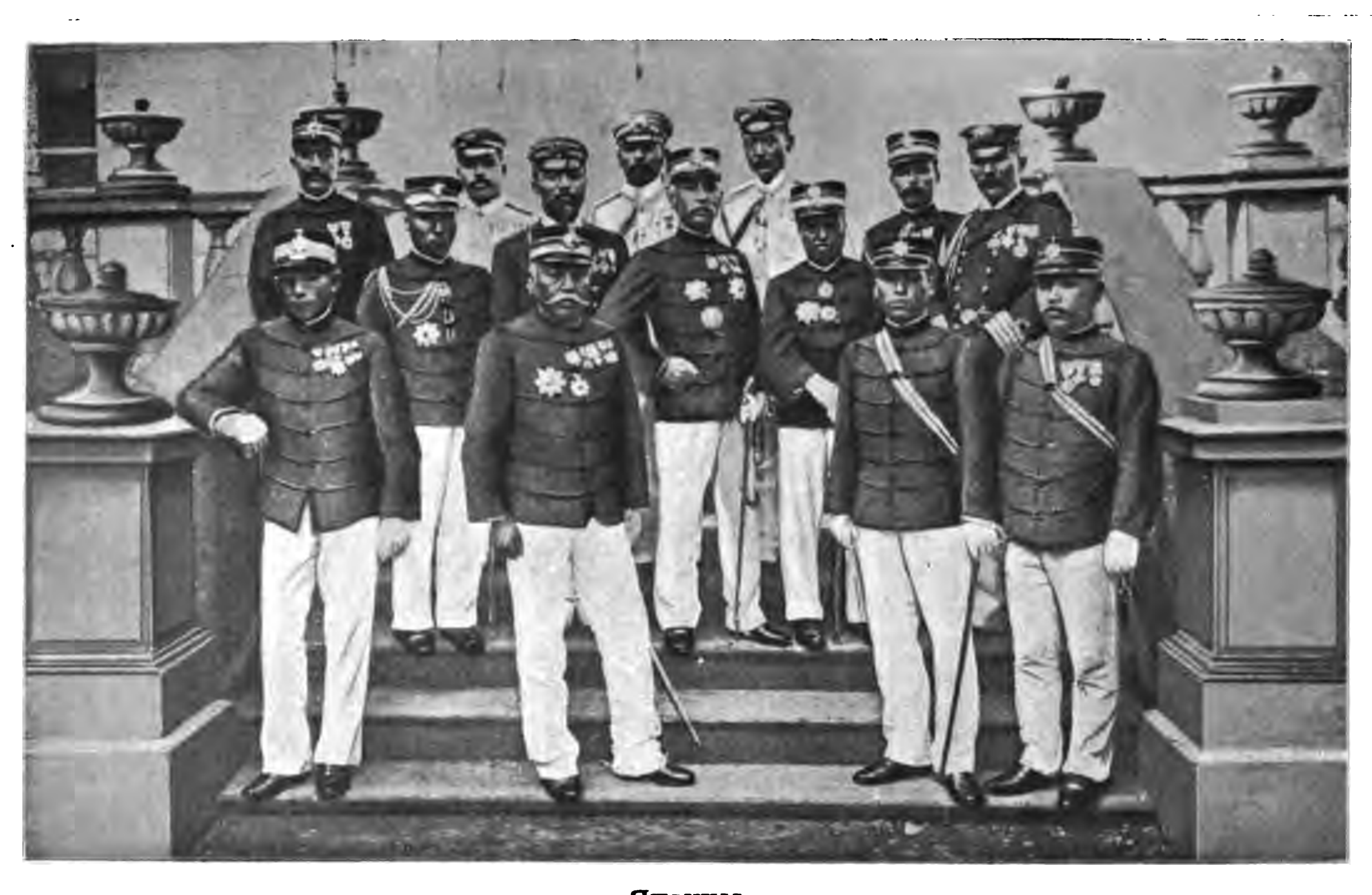

Русскіе на стѣнѣ Пекина.

Въ 4 часа генералъ Линевичъ со своимъ штабомъ вошолъ въ Императорскую Россійскую миссію, которая оказалась неразрушенной, а всѣ члены ея здоровыми. Всѣ остальные осажденные европейцы оказались также цѣлы и здоровы.

Громогласный и восторженный крикъ „ура“ освобожденныхъ и освободителей разносился долго по всѣмъ миссіямъ.

Около 4 часовъ дня резервная колонна генерала Стесселя получила приказаніе идти въ Пекинъ. Войска двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й батальонъ 9-го полка, 2-я батарея, пулеметы и батальонъ 12-го полка. Съ роковой 4-ярусной башни, въ которой засѣли китайцы, замѣтили это движеніе и, несмотря на сосѣд-

Японцы

Генералы Ямагучи, Фукушима и японскій полевой штабъ.
(По японской илюстраціи).

ство бѣлыхъ флаговъ, навели нѣсколько фальконетовъ и черезъ полчаса 32 стрѣлка 9-го полка были ранены и убиты. 2-я батарея и пулеметы немедленно выѣхали на позицію и заставили замолчать китайцевъ, скрывавшихся въ этой башнѣ.

Резервъ двинулся дальше и присоединился къ главнымъ русскимъ войскамъ, которыя расположились бивакомъ возлѣ Маньчжурскихъ воротъ.

Штурмъ Пекина кончился. Столица взята. Миссіи освобождены. Китайское правительство и его войска бѣжали.

Въ этотъ трудный и славный для русскаго имени день взятія Пекина наши потери были: генералъ-маіоръ Василевскій, капитанъ Горскій, поручикъ Піуновскій и подпоручикъ Феоктистовъ и 102 нижнихъ чина—ранены. Полковникъ Антюковъ и 27 нижнихъ чиновъ убиты. Капитанъ Винтеръ умеръ дорогою отъ солнечнаго удара.

Японцы потеряли 120 раненыхъ и 30 убитыхъ. Англичане вошли въ городъ безъ боя и когда они уже были въ своей миссіи, то два сипая были ранены во дворѣ. Американцы вошли также безъ боя; на улицахъ было ранено около 20 человѣкъ. Другія націи при штурмѣ Пекина не присутствовали. 500 французовъ, при 3 горныхъ батареяхъ, были въ составѣ русскихъ войскъ, но пришли въ Пекинъ послѣ штурма.

Нашими дѣйствительными союзниками при штурмѣ Пекина оказались только японцы, потери которыхъ приблизительно равняются нашимъ.

Походъ отъ Тяньцзина до Пекина, на протяженіи 120 верстъ, былъ сдѣланъ въ 10 дней. По пути было выдержано 2 боя: подъ Бэйцаномъ и Янцунемъ.

На 11-й день былъ штурмъ Пекина.

Пекинъ былъ взятъ кровью и потомъ двухъ вѣрныхъ союзниковъ—русскихъ и японцевъ, съ которыми мы впервые, подъ огнемъ и ядрами, испытали братство по оружію.

Вечеромъ, когда все стихло и выстрѣлы давно умолкли, я снова поднялся на стѣну, чтобы взглянуть на городъ, надъ которымъ съ двухъ часовъ ночи и до двухъ часовъ дня раскаленныя свинцовыя пули и стальныя гранаты и даже чугунныя старинныя ядра китайцевъ носились убійственнымъ желѣзнымъ дождемъ. Двѣнадцать часовъ лились потоки человѣческой крови на вѣковыхъ безмолвныхъ стѣнахъ и подъ стѣнами священной столицы.

Безоблачное небо, точно потрясенное и возмущенное смертонос-

нымъ грохотомъ земныхъ орудій, омрачило свою ясную лазурь и обволоклось грозными свинцовыми тучами.

Величественное солнце, которое цѣлый день видѣло безпощадную рѣзню людей, точно негодуя закатывалось за зубцы и башни Пекина и уходя долго озаряло свинцовыя тучи багровыми кровавыми пятнами.

Пекинъ палъ.

Полковникъ Мейстеръ.

Пекинъ. Видъ съ городской стѣны.

Въ освобожденной * * столицѣ

1—2 Августа

Пекинъ былъ построенъ за тысячу слишкомъ лѣтъ до Рождества Христова и въ 1121 году до Р. Х. уже былъ столицею Китая подъ названіемъ Цзи. Удѣльное княжество Янь избрало этотъ городъ своею столицею до 221 года, когда императоръ Цинь Ши Хуанди разрушилъ столицу Янь. Въ теченіе одиннадцати вѣковъ Пекинъ переходилъ отъ одного князя къ другому и въ 936 г. по Р. Х., имѣя названіе Ючжоу, былъ взятъ Киданями, которые основали въ немъ свою столицу Сицзинъ. Въ 1125 г. по Р. Х. Пекинъ завоеванъ Золотой Ордой Цзинь. Въ 1151 одинъ изъ повелителей этой династіи перенесъ свою столицу въ Пекинъ и далъ ему рангъ Чжунду—„Средняя столица“ и имя Дасинъ—„Великій расцвѣтъ“. Въ 1215 Пекинъ взятъ великимъ монгольскимъ завоевателемъ Чингисханомъ. Его внукъ знаменитый Хубилай учредилъ въ Пекинѣ свою столицу, которой далъ монгольское названіе Ханбалыкъ и китайское Даду—„Великая столица“. Въ 1368 монгольская династія Юань пала и воцарилась послѣдняя китайская династія Минъ, которая избрала своей столицей Нанкинъ—„Южную столицу“. Императоръ Юнъ Ло въ 1409 перенесъ столицу въ

Русскіе подъ стѣнами Пекина.

Даду, которому далъ нынѣшнее наименованіе Бэйцзинъ или Пекинъ, что значитъ „Сѣверная столица“. Въ 1419—21 гг. Юнъ Ло соорудилъ великія стѣны, окружающія Маньчжурскій или Внутренній городъ Пекина. Въ 1437—39 городскія стѣны облицованы кирпичомъ. Въ 1553—1564 вокругъ Китайскаго или Внѣшняго города воздвигнуты тѣ стѣны, которыя въ 1900 году приступомъ брали русскіе. Въ 1644 маньчжуры завоевали Китай, ниспровергли династію Минъ и въ Пекинѣ воцарилась чуждая Маньчжурская династія, правящая понынѣ подъ именемъ Цинъ „Свѣтлая“.

Ниодна вражеская граната никогда не посягала на Пекинскія твердыни. Когда 1 октября 1860 англо-французская армія стала передъ стѣнами Пекина и готовилась къ штурму, китайцы рѣшили отворить ворота и спасли столицу отъ бомбардировки. Несмотря на вѣковую дружбу Россіи съ Китаемъ, въ 1900 русскія гранаты первыя громили ворота Сѣверной столицы. Будемъ надѣяться, что эти гранаты были и послѣднія.

Когда ночью надъ Пекиномъ раздался первый грохотъ русскихъ орудій, смятеніе охватило жителей, не ожидавшихъ, что иностранныя войска такъ скоро подойдутъ къ столицѣ и даже осмѣлятся разбивать ея священныя стѣны. 40 лѣтъ назадъ, когда англо-французская армія разбила китайцевъ у моста Палицяо 4 сентября, союзники три недѣли медлили, прежде чѣмъ рѣшились вторично штурмовать Пекинъ. Благодаря вмѣшательству русскаго посланника графа Игнатьева назначенный штурмъ былъ отмѣненъ. Какъ и 40 лѣтъ назадъ, богдыханъ, вдовствующая императрица, дворъ, князь Дуань, члены верховнаго совѣта и всѣ высшіе сановники ночью поспѣшно бѣжали изъ Пекина. Вслѣдъ за ними бѣжали жители города.

Бѣгство правительства и народа изъ столицы было такое отчаянное, такое внезапное и безпорядочное, что думали только о спасеніи жизни, но не имущества. Дома богачей и бѣдняковъ, дворцы и ямыни, магазины и кумирни—все было брошено со всѣми своими богатствами: серебромъ, одеждами, шолкомъ и мѣхами, жемчугами и драгоцѣнными вазами. Дворъ бѣжалъ въ такомъ смятеніи, что въ дорогу не были взяты ни съѣстные припасы, ни носилки, ни одежды въ достаточномъ количествѣ. По слухамъ, дворъ бѣжалъ на западъ въ провинцію Шаньси и терпѣлъ въ дорогѣ отъ недостатка пищи и одежды, такъ какъ жители попутныхъ городовъ и деревень, услышавъ о бѣгствѣ двора, также разбѣжались.

„Чжу жу—чэнь сы“.—„Когда государь оскорбленъ, чиновники умираютъ“—гласитъ древнее китайское изреченіе. Преданные пре-

столу чиновники не могутъ перенести того позора, когда богдыханъ изъ-за нашествія варваровъ принужденъ покинуть столицу и удалиться „для осенней охоты“, какъ сообщилъ указъ богдыхана о неожиданномъ отъѣздѣ двора изъ Пекина. Несчастіе и позоръ, обрушившіеся на древнюю столицу, повергли въ такое отчаянье вѣрныхъ чиновниковъ и военныхъ, преимущественно маньчжуръ, что многіе изъ нихъ рѣшили покончить съ собою и своими семьями, чтобы не видѣть больше ни солнца, котораго они не достойны созерцать, ни лица богдыхана, котораго они огорчили своими дурными дѣлами и своимъ неразуміемъ. Если государство постигаютъ бѣдствія, въ нихъ виновны всѣ служилые люди, которые своимъ дурнымъ управленіемъ страною не сумѣли предотвратить народныхъ несчастій и можетъ быть даже сами навлекли ихъ. Такіе чиновники не достойны жизни и не могутъ даже желать жить. Поэтому въ ночь штурма Пекина, многіе высшіе чиновники и военные приняли опіумъ или кусочки золота и умерли въ мученіяхъ. Они давали отраву своимъ женамъ, сыновьямъ и дочерямъ и прислугѣ, чтобы никто не остался живымъ въ домѣ. Женщинъ и маленькихъ дѣтей бросали въ колодцы и, утопивъ ихъ, кончали съ собою.

Тысячи жителей бѣжали изъ Пекина еще въ маѣ и іюнѣ, когда боксеры подняли свое возстаніе, убивали и мучили правыхъ и неправыхъ и выжгли нѣсколько улицъ и кварталовъ. Въ ночь штурма бѣжали изъ столицы мандарины, купцы, бѣдные и богатые. Остались только тѣ, кто не успѣлъ спастись и обрекъ себя на волю завоевателей. День и ночь черезъ западныя ворота Пекина уходили китайскія войска, тщетно оборонявшія столицу.

Въ 1812 году русскіе покинули и сожгли Москву, но не пошли къ Наполеону съ повинной головой. Въ 1900 году китайцы сдѣлали тоже самое и отдали Пекинъ иностранцамъ на разграбленіе: они пожертвовали столицей, но спасли свою народную гордость.

2-го августа американцы начали бомбардировку дворцовъ Императорскаго города, но ввиду протеста генерала Линевича и посланниковъ бомбардировку вскорѣ прекратили. Потеряли около 20 человѣкъ. На совѣщаніи командировъ союзныхъ отрядовъ, бывшемъ 2 августа совмѣстно съ посланниками, постановлено, чтобы ни-одинъ иностранный отрядъ не входилъ въ богдыханскіе дворцы

Пекина. Ко всѣмъ наружнымъ воротамъ дворцовъ поставлены международные караулы.

По соглашенію командировъ, вслѣдствіе бѣгства китайскаго правительства, Пекинъ раздѣленъ на кварталы, которыми должны упра-

Защитники французскаго монастыря Бэйтанъ.

влять военные губернаторы, назначаемые командирами отрядовъ. Маньчжурскій городъ раздѣленъ на четыре квартала: сѣверный, данный въ управленіе японцамъ, западный, данный англичанамъ и американцамъ, и восточный, предоставленный Россіи. Первымъ русскимъ губернаторомъ въ Пекинѣ былъ назначенъ командиръ 2-го Вост.-Спб. С. полка полковникъ Модль.

На обязанности военныхъ губернаторовъ лежало охраненіе порядка въ ихъ кварталѣ, прекращеніе мародерства и разбоевъ, принятіе санитарныхъ мѣръ и пр.

3 августа, въ 5 часовъ утра, начальникъ французскаго отряда генералъ Фрэй, съ 1 французскимъ батальономъ и горной батареей, отправился выручать католическій монастырь Бэйтанъ, въ которомъ были осаждены, одновременно съ посольствами, около 2700 китайцевъ-католиковъ, съ миссіонерами и епископомъ Фавье. Генералъ Фрэй просилъ генерала Линевича дать ему для усиленія отряда русскихъ солдатъ. Просьба французскаго генерала была немедленно исполнена.

Во главѣ русскаго отряда, командированнаго въ подкрѣпленіе французамъ, былъ назначенъ подполковникъ 9-го полка Бэмъ. Подъ его командою были: 2-ой батальонъ 9-го полка, 3 пулемета и 50 казаковъ и саперъ. Русскіе пошли въ авангардѣ своихъ союзниковъ. Бэйтанъ, т. е. „Сѣверный Храмъ“, находится въ Императорскомъ городѣ, защищонномъ крѣпкими стѣнами.

Оставшіеся въ Пекинѣ неустрашимые маньчжурскіе солдаты, скрывавшіеся за стѣнами дворцовъ и въ домахъ китайцевъ, въ узкихъ запутанныхъ переулкахъ, отчаянно отбивались, чтобы не допустить иностраннаго войска къ Бэйтану. Ворота Императорской стѣны были пробиты французскими гранатами и отворены. Въ улицахъ, ведущихъ къ католическому монастырю, во дворахъ и на крышахъ, завязалась кровопролитная перестрѣлка между иностранцами и маньчжурами, упорно дравшимися и не желавшими ни сдаваться, ни бѣжать. Десятки ихъ были перебиты. Дома и лавки

Епископъ Фавье.

вокругъ Бэйтана выжжены французами. Изъ подъ обломковъ, мусора и угля высовывались сгорѣвшія и обуглившіяся тѣла. По улицамъ навалены кучи застрѣленныхъ и заколотыхъ китайцевъ. Убивали не только китайскихъ солдатъ, но и всѣхъ тѣхъ, на кого указывали китайцы-христіане, какъ на виновниковъ ихъ плѣна. У

французовъ было 10 солдатъ убитыхъ и 15 раненыхъ. У русскихъ 3 легко раненыхъ. Этой франко-русской экспедиціей были освобождены отъ двухмѣсячной осады заточонные христіане и ихъ епископъ Фавье, знаменитый изслѣдователь Китая,—и военныя дѣйствія въ Пекинѣ закончились.

Тотъ русскій генералъ, который первый со своимъ небольшимъ отрядомъ подошолъ къ Пекину и захвативъ ворота и стѣну Китайскаго города, держался всю ночь и утро, до прибытія главныхъ силъ, и былъ раненъ на захваченной имъ стѣнѣ,—первую ночь въ завоеванномъ Пекинѣ провелъ возлѣ этой стѣны, въ грязномъ и пахучемъ крытомъ проулкѣ китайскаго двора, на которомъ выдѣлывали водку. Дворъ былъ уставленъ большими глиняными чанами съ какой то бурдой, отдававшей сивушнымъ запахомъ. Это небольшое хозяйство, устроенное подлѣ самой стѣны, было брошено въ смятеніи, въ послѣднюю минуту. Генералъ Василевскій провелъ ночь на носилкахъ, я подлѣ него на какой-то китайской шубѣ, которая валялась во дворѣ. Въ сосѣднихъ фанзахъ наши стрѣлки нашли куръ, муки и риса и угостили генерала хорошимъ куринымъ супомъ и блинами.

На слѣдующій день послѣ штурма, въ 10 часовъ утра, санитары понесли раненаго генерала Василевскаго на носилкахъ въ русскую миссію, подъ охраною казаковъ. Наше грустное шествіе направилось по тому самому пути, по которому наши артилеристы и стрѣлки, подъ начальствомъ того-же Василевскаго, тщетно ринулись впередъ позапрошлой ночью и такъ трагически принуждены были отступить.

Неуклюжая ветхая громада—угловая четырехъярусная башня, которая вчера все утро и весь день громила храбрый русскій отрядъ, утвердившійся на стѣнѣ, съ опущенными ярко раскрашенными ставнями, со свѣжими слѣдами русскихъ гранатъ и шрапнелей—теперь молчала точно страшное, но безсильное многоглазое привидѣніе. Когда я потомъ взобрался на эту башню, я былъ глубоко взволнованъ: вся стѣна, на которой мы сидѣли весь день штурма, была съ этой башни видна какъ на ладони. Укрыться отъ всевидящихъ оконъ башни было невозможно. Китайцы могли стрѣлять въ каждаго, кто показывался на стѣнѣ, по выбору. Разстояніе было отъ 100 до 500 шаговъ. Если китайцы не перебили всѣхъ стрѣлковъ и офицеровъ, укрывавшихся на стѣнѣ надъ воротами, то только

благодаря тому, что солдаты Дунъ Фу Сяна стрѣляли старыми ружьями и фальконетами и были уже охвачены смятеніемъ. Хотя свинцовыя фальконетныя пули и не были мѣтки, но зато попавъ онѣ причиняли такія страшныя пораненія, такъ разбивали мясо и кости солдата, что залечить рану было нельзя. Солдатъ либо умиралъ либо терялъ руку или ногу. Генералъ Василевскій былъ ка-

Въ воротахъ Пекина.

кимъ-то чудомъ раненъ двухлинейной новѣйшей пулей, которая такъ тонко и чисто пробила грудь навылетъ, что можно было надѣяться на скорое выздоровленіе генерала.

Наше шествіе проходило между грязнымъ высохшимъ каналомъ и стѣною Маньчжурскаго города на дорогѣ, на которой наканунѣ безпомощно лежали два нашихъ орудія, такъ какъ люди и лошади были перебиты. Разстояніе между каналомъ и стѣною было такое узкое, (отъ 50 до 100 шаговъ), что только благодаря ночному сумраку и паникѣ китайцевъ уцѣлѣли орудія, изъ которыхъ одно было увезено на лошадяхъ, а другое на рукахъ стрѣлковъ и артилеристовъ. Когда капитанъ Горскій пошолъ подъ самой стѣной, чтобы китайцы не могли достать его пулей, китайцы стали сбрасывать сверху камни. Одинъ камень былъ скинутъ такъ удачно, что если бы фельдфебель Якименко вовремя не толкнулъ своего командира, Горскій былъ бы убитъ.

Мы подошли къ Хадамыньскимъ воротамъ, къ которымъ такъ неудачно стремились наканунѣ, прошли въ ворота, уже охранявшіяся русскими и японскими стрѣлками и вступили въ Нэйчэнъ— Внутренній или Маньчжурскій городъ.

Въ день штурма японцамъ такъ трудно было взять предназначенныя имъ Цихуамыньскія ворота, что они были вынуждены пройти черезъ русскія ворота, а затѣмъ черезъ брошенныя китайцами Хадамыньскія ворота они поднялись по апарели — всходу изнутри на стѣну и по стѣнѣ пробѣжали къ воротамъ Цихуамынь. По пути они вырѣзали всѣхъ китайскихъ солдатъ, которые рѣшили драться до послѣдней капли крови и умереть на стѣнѣ. Японцы

Посольская улица.

выбили китайскихъ солдатъ—мусульманъ, которые засѣли въ четырехъярусной башнѣ и упорно стрѣляли, хотя на всѣхъ стѣнахъ Пекина уже развѣвались бѣлые флаги.

Съ большой широкой и грязной Хадамыньской улицы мы повернули влѣво на Посольскую улицу.

Великая столица богдыхановъ лежала полуразрушенная, полусожженная, оскверненная и опозоренная и точно вымершая. По обѣимъ сторонамъ Посольской улицы однѣ развалины, груды камней, угля, пепла, мусора и грязи. Валяются трупы китайцевъ и всякое добро китайское и европейское. Поперекъ улицы барикады. Уцѣлѣвшія посольства и гостиница „Hôtel de Pékin“ забарикадированы камнями, мѣшками, бревнами, досками и ящиками.

По мраморному мосту переходимъ черезъ грязнѣйшій Яшмовый каналъ, проходящій подъ городскою стѣною и бывшій для англичанъ той лазейкой, черезъ которую они отважно первые пробрались въ посольства.

Около полудня 1 августа, когда русскіе и японцы штурмовали Пекинъ, англичане, безъ всякаго сопротивленія пробравшись въ Китайскій городъ, уже съ утра покинутый китайскими войсками, подошли къ стѣнѣ Маньчжурскаго города, занятой посольскими десантами. Проводникъ провелъ ихъ къ запертымъ деревяннымъ воротамъ Яшмоваго канала, замыкавшимъ его выходъ подъ городскою стѣною. Посольскіе десанты русскихъ и американцевъ продвинулись въ обѣ стороны по стѣнѣ, такъ что англичанамъ опасность не грозила ни съ одной стороны.

Нѣсколько осажденныхъ европейцевъ и китайцевъ - христіанъ, узнавъ о прибытіи англичанъ, прорѣзали отверстіе въ старыхъ прогнившихъ доскахъ, изъ которыхъ были сбиты ворота, и черезъ эту лазейку взводъ индійскихъ солдатъ—раджипутъ пролѣзъ въ Маньчжурскій городъ и благополучно явился въ британское посольство.

Въ 2 часа дня такимъ же путемъ въ британское посольство пробрался начальникъ англійскаго отряда генералъ Гэзли, его штабъ, 7-ой Раджипутскій полкъ, 24-ый Пэнджабскій полкъ, 1-ый Сикскій полкъ и Бенгальскіе уланы.

Яшмовый каналъ и лазейка англичанъ.

Въ Русской миссіи въ Пекинѣ.

Въ Русской миссіи

Наконецъ мы были въ освобожденной русской миссіи. Въ Пекинѣ два мѣсяца были осаждены: посланникъ М. Н. Гирсъ съ семействомъ, первый драгоманъ Поповъ съ семействомъ, врачъ миссіи Корсаковъ съ семействомъ, напечатавшій интересныя и подробныя записки о „Пекинскомъ сидѣніи“, секретари миссіи Крупенскій и Евреиновъ, второй драгоманъ Колесовъ, студенты Бѣльченко и Вульфъ, директоръ Русско-китайскаго банка Д. Д. Покотиловъ съ супругою и другіе служащіе въ банкѣ: гг. Позднѣевъ съ семьей, Барбье съ семьей, Александровъ, Вильфартъ, Браунсъ, Брахманъ, Васильевъ, Келеръ, Ксавье, Мирный и Хитрово, убитый на баррикадѣ китайской пулей. Кромѣ того, были въ осадѣ: члены Духовной православной миссіи—архимандритъ о. Иннокентій, іеромонахъ о. Авраамій, діаконъ о. Скрижалинъ, два студента Пискуновъ и Осиповъ и два православныхъ китайца, начальникъ русской почтовой конторы Гомбоевъ, профессоръ китайскаго университета

Бородавкинъ и практикантъ китайскаго языка Полуяновъ. Всего 46 человѣкъ.

Миссія охранялась офицерами—лейтенантомъ барономъ Раденомъ—начальникомъ десанта, мичманомъ Дэномъ, штабсъ-капитаномъ Врублевскимъ и 79 матросами и казаками десанта. Всего въ освобожденной русской колоніи было 122 человѣка, въ томъ числѣ—10 женщинъ, 8 дѣвочекъ и 1 мальчикъ.

Лейтенантъ баронъ Раденъ.

Общее число освобожденныхъ европейцевъ въ Пекинѣ было 1009 чел.: въ томъ числѣ—437 солдатъ международнаго десанта, 24 офицера и 414 европейцевъ, спасавшихся въ британскомъ посольствѣ, а именно—191 мужчина, 147 женщинъ и 76 дѣтей. Въ остальныхъ посольствахъ укрывались 25 человѣкъ служащихъ и болѣе 100 миссіонеровъ. Въ посольствахъ спаслось около 2300 китайцевъ-христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ католическомъ монастырѣ Бэйтанъ спаслось около 1700 человѣкъ китайцевъ. Всего было спасено около 4000 крещоныхъ китайцевъ.

Въ международныхъ десантахъ, при защитѣ посольствъ, изъ офицеровъ и солдатъ было убито и умерло отъ ранъ 75 человѣкъ, ранено 169. Убито четыре офицера: два француза, одинъ англичанинъ и одинъ австріецъ. Болѣе всего пострадалъ французскій десантъ, въ которомъ изъ 75 чел. было ранено 43, убито 18. У японцевъ изъ 43 человѣкъ десанта убыло раненыхъ 29, убитыхъ 10.

Во время осады посольствъ на русскихъ и американцевъ была возложена оборона той части Маньчжурской стѣны, которая уцѣлѣла въ рукахъ европейскихъ десантовъ. Докторъ Корсаковъ описываетъ въ своей книгѣ, какъ русскіе и американцы, во главѣ съ капитаномъ Мейерсомъ, братски дѣлили всѣ труды и опасности, какъ они товарищески помогали другъ другу и какъ до конца осады они удержали въ своихъ рукахъ ввѣренную имъ позицію.

Всѣ союзные десанты мужественно отстаивали посольства, ввѣренныя ихъ охранѣ, несмотря на свою крайнюю малочисленность, совершенно несоразмѣренную съ той опасностью, которой они были обречены. Всѣ международные отряды съ честью выдержали 75 дней осады и теряя ежедневно, среднимъ числомъ, по 1 убитому и 2 ра-

ненымъ, потеряли изъ 437 чел.—244 чел., т. е. болѣе половины всѣхъ защитниковъ посольствъ.

Вмѣстѣ съ европейцами посольства охранялись и десантомъ японцевъ, которые какъ и въ Тяньцзинѣ оказались доблестными и весьма цѣнными товарищами союзниковъ, во главѣ съ ихъ храбрѣйшимъ начальникомъ, военнымъ агентомъ въ Пекинѣ полковникомъ Шиба. Въ этой войнѣ японцы выказали свою замѣчательную прозорливость и подготовленность. Вначалѣ японскій десантъ въ Пекинѣ состоялъ всего изъ 25 чел. Когда начались военныя дѣйствія, въ японское посольство немедленно явилось 18 проживавшихъ въ Пекинѣ японцевъ-парикмахеровъ и разныхъ ремесленниковъ, которые по удивительной случайности всѣ оказались принадлежащими къ японской арміи.

Полковникъ Шиба.

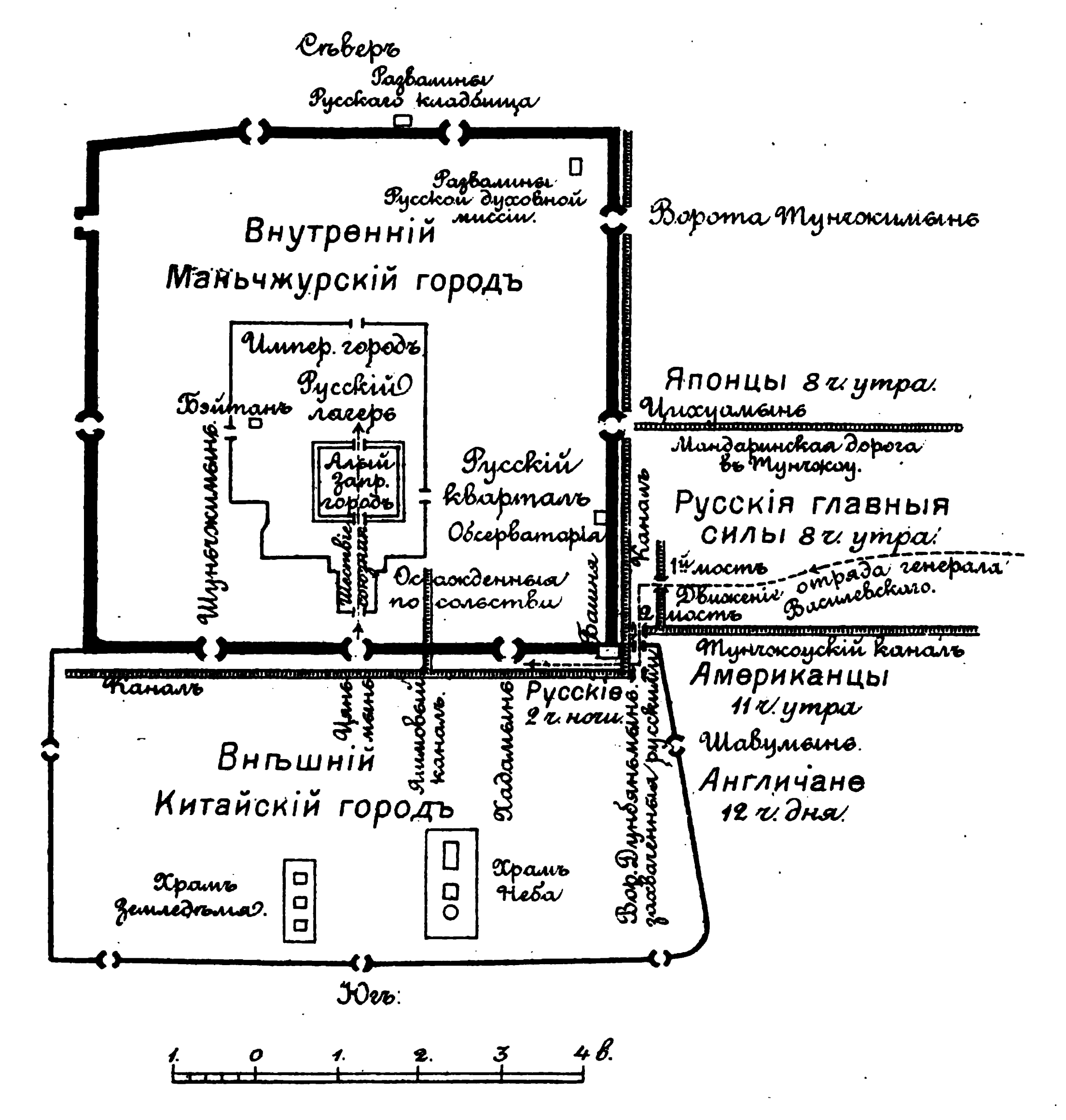
Генералъ Линевичъ, раненые генералъ Василевскій, Горскій и Шуновскій и штабъ отряда размѣстились въ стѣнахъ русской миссіи.

Въ миссіи насъ встрѣтили сюрпризы. Всѣ офицеры русскаго освободительнаго отряда полагали до сихъ поръ, что русскіе были первые освободители посольствъ, такъ какъ первые подошли къ Пекину. Въ миссіи мы узнали, что первыми освободителями посольствъ были англичане, такъ какъ они первые явились въ посольства. На всѣ наши доводы и объясненія дипломаты отвѣчали сомнительной улыбкой и ставили намъ въ примѣръ англичанъ, которые всегда и всюду оказываются первыми.

Кто-же въ самомъ дѣлѣ были первые освободители посольствъ? Полагаю—тѣ, кто первые дрались за ихъ освобожденіе. Передовой русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Василевскаго, подошолъ къ Пекину въ ночь на 1-ое августа и уже въ 2 часа ночи завладѣлъ воротами, которыя послужили брешью для прохода всѣмъ остальнымъ союзникамъ. Въ 8 часовъ утра къ Пекину подошли японцы. Въ 11 час. утра прибыли американцы и совмѣстно съ русскими и японцами бомбардировали Пекинскія стѣны.

Послѣ всѣхъ союзниковъ, около полудня, къ Пекину подошли

ПЛАНЪ Г. ПЕКИНА.

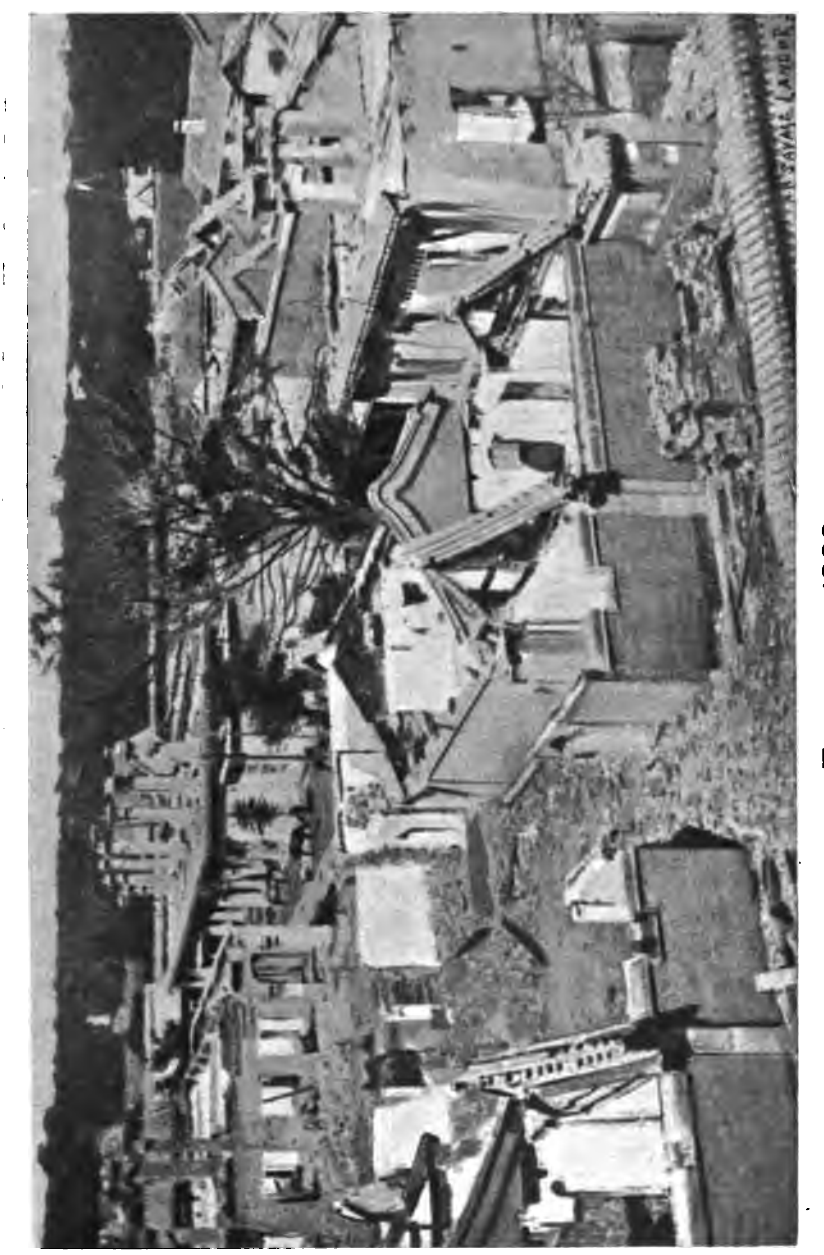
Расположеніе и время прибытія союзныхъ войскъ въ день штурма Пекина 1 августа 1900 г. и наканунѣ (отрядъ генерала Василевскаго, захватившій ворота Дунбяньмынь 31 іюля ночью).

Торжественное шествіе союзниковъ черезъ Алый Запретный Городъ 15 августа 1900 г.

Высота стѣны Маньчжурскаго города—60 фут. Ширина 40 ф.

Высота стѣны Китайскаго города—30 фут. Ширина 15 ф.

Мынь—ворота. Четырехъярусная башня въ юго-вост. углу Маньчжурскаго города, съ которой китайцы поражали русскій передовой отрядъ. Яшмовый каналъ, по которому англичане прошли безъ боя въ осажденныя посольства.

Пекинъ въ 1900 г.

Кварталъ, сожженный вскругъ посольствъ.

англичане. Воспользовавшись тѣмъ, что русскіе очистили отъ непріятеля Китайскій городъ Пекина и тѣмъ, что весь бой сосредоточился у восточной стѣны Маньчжурскаго города, англичане безпрепятственно прошли черезъ Китайскій городъ и съ помощью осажденныхъ въ Пекинѣ десантовъ пролѣзли подъ стѣною Маньчжурскаго города по каналу. Въ 2 часа дня, т. е. черезъ 12 часовъ послѣ того какъ русскіе захватили Пекинскія ворота, англичане вступили въ британское посольство.

Ни въ штурмѣ Пекина, ни въ отраженіи китайскихъ войскъ для освобожденія посольствъ англичане не принимали никакого участія и поэтому не имѣли ни раненыхъ, ни убитыхъ. И только когда англичане уже были въ своемъ посольствѣ, то два сипая, которые забрели слишкомъ далеко въ посольскій садъ, были ранены. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ.

Генералъ Линевичъ и посланникъ Гирсъ.

Въ теченіе всего похода англичане нѣсколько разъ уклонялись отъ совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій съ союзниками и также уклонились отъ штурма Пекина. Такой образъ дѣйствій англичанъ союзники объясняли тѣмъ, что хотя—по словамъ англичанъ—война въ Южной Африкѣ была практически давно окончена, но упрямство и неподатливость буровъ заставляли англичанъ все еще нести въ этой войнѣ большія потери.

Другой сюрпризъ, который насъ встрѣтилъ въ русской миссіи, состоялъ въ томъ, что тамъ были вообще недовольны поведеніемъ русскаго освободительнаго отряда. Дипломаты находили, вопервыхъ, что мы должны были освободить ихъ гораздо раньше, вѣроятно для того, чтобы они имѣли время уѣхать на дачу. Теперь же, благодаря нашей медлительности, сезонъ прошолъ и сопровождался такими необыкновенными непріятностями, какъ осада. Затѣмъ наши соотечественники были возмущены тѣмъ, что штабъ прибывшаго отряда и нѣкоторые раненые офицеры позволили себѣ размѣститься въ неприкосновенныхъ и священныхъ зданіяхъ миссіи, въ которыхъ

и безъ того было тѣсно, да и съѣстные припасы во время осады всѣ давно вышли.

Очень интересенъ былъ первый обѣдъ въ освобожденной миссіи у секретарей. Столъ былъ накрытъ чистой скатертью и уставленъ серебромъ и прекрасной фарфоровой посудой. Хлѣба не было, такъ какъ его вообще давно не было. Въ хрустальныхъ графинахъ играла... чистая вода, такъ какъ все вино было давно выпито. На первое блюдо былъ поданъ рисъ съ чѣмъ-то, кажется съ кониной. На второе подали что-то съ рисомъ. На сладкое—былъ снова рисъ, но безъ ничего.

Наконецъ, талантливые дѣятели Дальняго Востока не могли видѣть, что какіе-то „освободители“, немытые и небритые, въ грязныхъ изношенныхъ кителяхъ и большихъ русскихъ сапогахъ явились въ аристократическое общество элегантныхъ людей, вѣдающихъ политику.

Офицеры-освободители въ свою очередь были недовольны тѣмъ страннымъ холоднымъ пріемомъ, который они встрѣтили въ русской миссіи, и говорили, что они чувствуютъ себя точно въ иностранномъ посольствѣ, въ которое они попали по ошибкѣ. Одинъ откровенный офицеръ признавался:

— Если бы не эти милыя посольскія дамы, то право не стоило бы проливать кровь и освобождать Пекинъ!

Чтобы не огорчать людей, и безтого разстроенныхъ осадой, штабъ начальника отряда и раненые офицеры перебрались черезъ нѣсколько дней въ Императорскій городъ.

Не знаю почему, но лично ко мнѣ нѣкоторые пекинскіе дипломаты относились удивительно враждебно и одинъ мой истрепанный видъ приводилъ въ благородное негодованіе ихъ изысканный вкусъ.

Я рѣшаюсь думать, что главной причиной такого строгаго отношенія ко мнѣ былъ мой китайскій шолковый галстукъ. Такъ какъ въ походъ на Пекинъ я отправился безъ всякаго багажа, то очень скоро принялъ такой изодранный дикій видъ, что даже наши солдаты не узнавали меня и принимали то за американца, то за индійца. А разъ солдаты заподозрили во мнѣ переодѣтаго китайца и арестовали меня. Китайцы же принимали меня за японца.

Чтобы нѣсколько прикрасить свою наружность, я похитилъ въ одномъ брошенномъ китайскомъ магазинѣ въ Тунчжоу нѣсколько пестрыхъ шолковыхъ платковъ, которые съ успѣхомъ служили мнѣ то носовыми платками, то галстуками, то полотенцами и т. д.

Одинъ коректный молодой дипломатъ до того возненавидѣлъ меня, вѣроятно, за мой непозволительный видъ, что выразился:

— Какой-то кореспондентъ позволяетъ себѣ сидѣть за нашимъ столомъ... Если онъ желаетъ обѣдать, то можетъ обѣдать на посольской кухнѣ.

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что я предпочолъ бы общество кухни вашему обществу, но такъ какъ я командированъ на театръ военныхъ дѣйствій лично командующимъ войсками, то при всемъ желаніи, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать.

Наконецъ, мнѣ было офиціально объявлено, что по правиламъ дипломатическаго корпуса я, какъ кореспондентъ, не могу долѣе жить въ дипломатической миссіи.

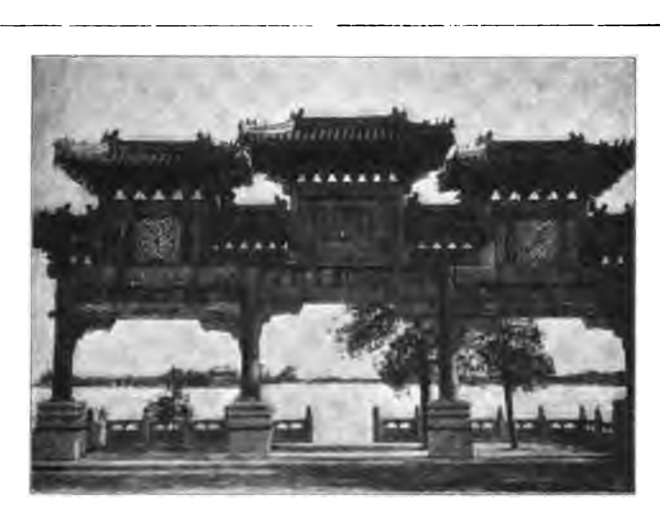
Я былъ до того подавленъ этимъ неожиданнымъ остракизмомъ, что подумалъ въ отчаяньи:

— Тѣмъ лучше! если русскому кореспонденту нѣтъ мѣста въ русской миссіи, то можетъ быть я найду гостепріимство во дворцахъ богдыхана.

Занятіе Лѣтняго Императорскаго дворца Ихэ, построеннаго на горѣ Ваньшоушань, было назначено на другой день.

Улица въ Пекинѣ послѣ осады.

Ворота на берегу „Всесвѣтлаго озера“.

„Гора десяти тысячъ вѣковъ“

6 Августа

Рано утромъ 6 августа изъ Пекина выступилъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ двухъ ротъ (5-ой и 8-ой) 10-го полка, сотни Верхнеудинцевъ и сотни Читинцевъ, подъ начальствомъ подполковника Ген. Штаба Илинскаго, которому было приказано занять лѣтніе дворцы императрицы „Ихэ-юань“—„Садъ отрады и покоя“, отстоящій въ 15 верстахъ отъ Пекина и называющійся также „Вань шоу шань“—„Гора десяти тысячъ вѣковъ“.

Я поѣхалъ догонять нашъ отрядъ по безконечной Шуньчжимыньской улицѣ, пересѣкающей Маньчжурскій городъ съ сѣвера на югъ. Еще недавно это была одна изъ самыхъ людныхъ и бойкихъ торговыхъ улицъ столицы. Теперь она тянулась въ грязи, мусорѣ и поражала своимъ безлюдіемъ и запустѣніемъ. По обѣимъ сторонамъ тянулись пожарища, чернѣли обгорѣлыя зданія и магазины, подъ копыта лошади попадались трупы китайцевъ, обожжонные или обглоданные свиньями и собаками.

Я проѣхалъ черезъ величественныя западныя ворота, охраняемыя японцами, и поскакалъ по пригороду, по дорогѣ, вымощенной старыми

Ваньшоушань.

Гора десяти тысячъ вѣковъ и Всесвѣтлое озеро.

Ваньшоушань.
Дворъ передъ Краснымъ дворцомъ.

разъѣхавшимися гранитными плитами, среди огородовъ, тополей, ивъ и гаоляна. На нѣсколько верстъ пригородъ и попутныя деревни были разграблены бѣжавшими китайскими солдатами. Всюду были свѣжіе слѣды бѣгства и разгрома. Часть жителей бѣжала вмѣстѣ съ войсками, другіе уходили теперь цѣлыми семьями, неся на палкахъ домашній скарбъ, третьи уже возвращались домой на разоренныя пепелища.

Вдали показалась „Гора десяти тысячъ вѣковъ“ и на ней башня и причудливыя зданія, горѣвшія на солнцѣ своей глазурью.

Въ то же время, по паралельной дорогѣ, до сихъ поръ скрытой отъ насъ рощами и деревнями, замелькали ряды японскихъ солдатъ. Повидимому они шли къ той же цѣли, что и мы.

Тревога охватила нашъ маленькій отрядъ. Если японцы придутъ раньше насъ, то мы потеряемъ передъ самымъ нашимъ носомъ роскошные сказочные дворцы со всѣми ихъ сокровищами. Нужно спѣшить. И такъ уже японцы захватили въ Пекинѣ много богатствъ и овладѣли казначействомъ, которое къ удивленію оказалось наполнено серебромъ на нѣсколько милліоновъ ланъ.

Казаки погнали лошадей и помчались искать ворота. Скорѣе нужно вывѣсить на башнѣ русскій флагъ! Къ счастью, на этотъ разъ у насъ есть въ рукахъ готовый Андреевскій флагъ.

Красный дворецъ.

Проскакали мимо какихъ то китайскихъ построекъ къ расписнымъ краснымъ дубовымъ воротамъ, запертымъ на засовъ. Раскачали ворота и выломали засовъ. Одинъ казачій офицеръ и я выходимъ на

Четырехъярусная башня на Горѣ десяти тысячъ вѣковъ.

красивый мощоный дворъ, обсаженный деревьями. Передъ нами чудный дворецъ на красныхъ дубовыхъ столбахъ, увѣнчанный золотой глазурью и таинственно завѣшанный цыновками. Нѣкогда разглядывать!

Мы ставимъ у воротъ казаковъ и наказываемъ имъ, чтобы они никакихъ иностранцевъ во дворецъ не пускали.

Какъ бы не опоздать!

Летимъ на лошадяхъ дальше, по дворцовымъ тѣнистымъ аллеямъ, бѣломраморнымъ галереямъ, проносимся мимо узорчатыхъ бесѣдокъ, гротовъ, балконовъ. Лошадь звонко бьетъ подковами по мрамору и граниту бѣлой набережной, вьющейся по берегу „Всесвѣтлаго озера“. Нѣтъ времени разсматривать этотъ чудный сказочный міръ, въ которомъ должна находить себѣ отраду и покой сказочная богдыханша.

Мы быстро проходимъ рядъ необыкновенныхъ разукрашенныхъ и разрисованныхъ залъ и дворцовъ, запертыхъ и завѣшанныхъ, и по мраморнымъ ступенямъ взбѣгаемъ на „Гору десяти тысячъ вѣковъ“. Ура! Андреевскій флагъ взвился на 4-ярусной башнѣ, увѣнчавшей гору. Дворецъ „Отрады и покоя“ нашъ!

Японцы пришли одновременно съ нами, но, увидя всюду нашихъ часовыхъ, любезно раскланялись и ушли.

Дворцы—верхъ китайскаго искусства, вкуса и фантазіи. Китайская императрица бросила ихъ на произволъ судьбы. Я спустился внизъ съ горы и съ благоговѣніемъ сталъ осматривать невѣдомый міръ. Точно сказка за сказкой раскрывались безмолвные дворцы, утопавшіе въ китайской пышности и поэзіи. Я увидѣлъ дворъ, мо-

Наши офицеры у Краснаго дворца.

щеный, съ огромными чугунными курильницами, драконами и фениксами. Это былъ великолѣпный „Красный дворецъ", на красныхъ столбахъ, подъ сѣрой черепичной крышей.

Мы вошли во дворецъ—двери взломали. Палата во весь дворецъ. Посрединѣ тронъ изъ чорнаго дерева, съ жолтыми подушками. По бокамъ павлиньи опахала. Сзади зеркальная застава въ іероглифахъ, въ чудной золоченой рамѣ. Сверху золотая надпись о счастьи и добродѣтеляхъ. Передъ трономъ 6 курильницъ для фиміама, огромныя чаши для розъ, двѣ башни для воскуреній. Тронъ стерегутъ 8 журавлей, 2 чудовищныя морскія собаки, 2 прекрасныхъ феникса. Все—драгоцѣннѣйшее клуазоне. По сторонамъ—роскошныя трюмо, картины, вырѣзанныя на камнѣ, вазы, надписи и часы съ птицами, колокольчиками и разными фокусами.

Но самые главные фокусы—направо и налѣво отъ трона. Съ одной стороны—дѣвица танцуетъ на канатѣ, улыбается и киваетъ головой. Съ другой стороны фокусникъ (нѣмецъ съ лица) показы-

Ваньшоушань.

Тронъ Императрицы въ Красномъ дворцѣ.

ваетъ кунштюки. При этомъ играетъ музыка, поетъ птица и часы показываютъ время.

Выйдя изъ этого удивительнаго дворца, я сѣлъ на лошадь и поскакалъ мимо закрытыхъ дворцовъ, съ опущенными занавѣсами снаружи. Предо мной открылось „Всесвѣтлое озеро“, окаймленное гранитной набережной, расписной галереей, причудливыми мостами.

Кумирня въ четырехъярусной башнѣ.

съ островомъ посрединѣ, гдѣ императрица любила искать уединеніе. Проскакавши по живописной галереѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, я подъѣхалъ къ главнымъ прекраснымъ дворцамъ, съ жолтой крышей. Это были священные дворцы, въ которыхъ не было никогда ни одного европейца. Я и казачій офицеръ были первыми европейцами. Принцъ Генрихъ Прусскій былъ допущенъ два года назадъ только въ передніе дворцы.

Въ башнѣ на горѣ мы нашли три золочоныхъ кумира Будды и его учениковъ. За башней, на самомъ верху горы, древняя кумирня, крытая прекрасной глазурью, играющей на солнцѣ. Я спустился внизъ и сталъ бродить по дворцамъ. Вездѣ я видѣлъ посрединѣ дворца тронъ, по сторонамъ вазы, курильницы, чаши. Въ одномъ дворцѣ я нашолъ по сторонамъ тронной палаты двѣ императорскія

опочивальни: одна сиреневая, другая голубая. Обѣ для императрицы. Вездѣ я видѣлъ непомѣрное множество столовыхъ часовъ, лампъ, люстръ, хотя освѣщеніе электрическое. Но еще больше фарфоровыхъ вазъ и издѣлій изъ яшмы. Дворцы украшались цѣлыми тысячами яшмовыхъ вазочекъ, чашъ, фигуръ, картинъ, курильницъ, цвѣтовъ и т. д. Во всѣхъ дворцахъ мы находили музыкальные ящики, которые играли удивительные китайскіе романсы.

Я сталъ бродить по всему парку. Тутъ были прелестныя аллеи, лотосовые пруды, горы, рощи, дворцы, терема, бесѣдки, балконы. Всюду изогнутыя кровли, расписныя стѣны, потолки, рѣшотчатыя окна, цвѣты и древнія позеленѣвшія вазы. Увидя прекрасные розовые лотосы, я полѣзъ къ водѣ, чтобы сорвать на память, и былъ, безъ сомнѣнія, первый европеецъ, который провалился въ прудъ богдыхана.

Темная южная ночь быстро блѣднѣла и уже снимала свои легкіе непроницаемые покровы съ „Горы десяти тысячъ вѣковъ“. Сквозь открытыя рѣшотчатыя двери, изъ утренняго сумрака глядѣла и сіяла вѣчно-юная Утренняя звѣзда. Нѣжными, какъ пыль, лучами она чуть-чуть освѣщала бронзовыя потухшія курильницы и завядшія розы на фарфоровыхъ блюдахъ съ разрисованными цвѣтами. И нарисованные цвѣты были также хороши, какъ лежавшія на нихъ и еще благоухавшія розы, которыми такъ недавно любовалась богдыханша.

Разноцвѣтный фениксъ, распустивъ пышный хвостъ, стоялъ величаво подлѣ трона и точно поджидалъ свою повелительницу-императрицу. Императорскій пятипалый драконъ, съ жемчужиной въ одной лапѣ, и сказочное чудовище Цилинь стерегли тронъ.

Подъ узорчатымъ потолкомъ и на стѣнахъ были развѣшаны сдѣланныя изъ дорогого дерева чорныя и красныя надписи съ благознаменательными іероглифами „Фу“ — „Счастье“ и „Шоу“ — „Долголѣтіе“. На одной надписи іероглифы говорили „Чанъ ло ву цзи“ — „Длится веселье безъ конца“. На другой надписи — „Дэ фынь ху лу“ — „Доблесть вѣетъ — милость орошаетъ“. На третьей — „Ху синь юань цзи“ — „Любящее сердце—первое счастье“.

Откуда-то доносившіеся нѣжные звуки давно знакомой мелодіи разбудили меня:

„Привѣтъ тебѣ, пріютъ счастливый!
„Здѣсь все о ней мнѣ говоритъ
„И все невинностію дышетъ....

Это была страстная пѣсня влюбленнаго Фауста.

Изъ чудныхъ упоительныхъ звуковъ выливался точно живой образъ несравненной и незабвенной Мравиной, и блистательная Маріинская сцена въ Петербургѣ предстала моимъ грезамъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Вышелъ любимецъ толпы Фигнеръ и запѣлъ чарующую арію возрожденной любви.....

Проснувшись, я не сразу могъ опомниться и сообразить, гдѣ я. Звѣзды и розы, фениксъ и драконы, Фаустъ и Маргарита, среди китайскихъ курильницъ и іероглифовъ.... Гдѣ я? Я сталъ вспоминать. Нѣсколько дней и ночей я провелъ на сѣдлѣ лошади. Спалъ и въ гостиницѣ и въ госпиталѣ. Спалъ подъ пулями и гранатами. Спалъ въ палаткѣ и подъ звѣздами, на гаолянѣ и кукурузѣ. Спалъ на китайской цыновкѣ и подъ колесами русской пушки. Спалъ во дворѣ китайскаго водочнаго завода и среди просвѣщонныхъ дипломатовъ.

Окончательно проснувшись, я все сообразилъ: я спалъ на ступеняхъ трона богдыхана. Исполнилась завѣтная мечта увидѣть дворцы повелителя четырехъ-тысячелѣтней Имперіи и 400 милліоновъ подданныхъ.

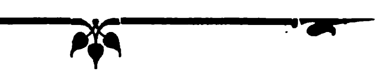
Арію Гуно пѣлъ нашъ офицеръ, подъ акомпаниментъ музыкальнаго ящика, забавлявшаго богдыхана и его великолѣпный дворъ.

Восхищонный и заколдованный поэтическимъ сплетеніемъ просыпающагося утра и возрождающейся любви, китайской роскоши и фантазіи и европейской музыки—я снова заснулъ, чтобы продлить очарованіе.

Бесѣдка на берегу Всесвѣтлаго озера.

Царское спасибо

12 Августа

Черезъ 10 дней послѣ штурма Пекина, въ субботу 12 августа, генералъ-лейтенантъ Линевичъ издалъ слѣдующій приказъ по Печилійскому отряду.

„Пекинъ. Русское посольство.
Августа 12 дня 1900 г. № 28.

„Пекинъ, столица Китая, взятъ штурмомъ 1-го сего августа всѣми русскими и союзными войсками. Русскія передовыя войска еще ночью на 1-ое августа разбили ворота Пекина, ворвались въ городъ и несмотря на отчаянное сопротивленіе и убійственный огонь китайцевъ, овладѣли прилегающими къ воротамъ стѣнами, и на стѣнахъ поднятъ русскій флагъ. Вслѣдъ за симъ взяты были союзными войсками другія ворота и къ 2 часамъ дня Пекинъ палъ.

„Государь Императоръ такіе подвиги Своихъ войскъ отличилъ высокимъ вниманіемъ въ слѣдующихъ милостивыхъ словахъ на мое имя:

„Искренно привѣтствуемъ васъ съ быстрымъ занятіемъ Пекина. За одержаніе вами побѣды жалуемъ вамъ орденъ Святого Георгія третьей степени. Молодецкимъ Сибирскимъ войскамъ тоже горячее спасибо. Представьте адмиралу Алексѣеву отличившихся“.

Николай.

„Честь и слава русскому солдату, заслужившему еще разъ Царское спасибо и внесшему въ лѣтопись родной страны еще одну славную страницу—взятіе Пекина.

„Съ истинной радостью приношу сердечную благодарность всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и героямъ-солдатамъ за доблестную службу на славу Царю и Отечеству“.

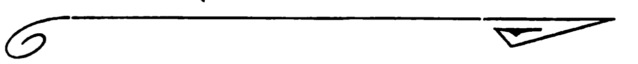
Начальникъ отряда
Генералъ-лейтенантъ Линевичъ.

Русскіе у воротъ Запретнаго города.

Во дворцахъ Богдыхана

15 Августа

Въ праздникъ 15-го августа, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ взятія Пекина, въ столицѣ Китая произошло событіе, имѣющее историческое значеніе и довершившее паденіе столицы богдыхановъ. Въ этотъ день состоялось торжественное шествіе союзныхъ войскъ черезъ императорскіе дворцы.

На предварительномъ совѣщаніи начальниковъ всѣхъ союзныхъ отрядовъ было рѣшено произвести парадъ войскамъ и совершить общее шествіе, во главѣ котораго пойдутъ русскія войска, какъ первыя вошедшія въ Пекинъ, за ними японскія, англійскія, американскія, французскія, германцы, итальянцы и австрійцы.

Численность войскъ была назначена слѣдующая: русскихъ—800 человѣкъ, японцевъ—800, англичанъ-индійцевъ—400, американцевъ—400, французовъ—200, германцевъ—200, итальянцевъ—60 и австрійцевъ 60.

15-го августа, къ $7^{1}/_{2}$ час. утра, при чудной погодѣ, всѣ войска собрались въ большомъ императорскомъ дворѣ, расположенномъ за первыми Дайцинскими воротами Императорскаго города. Направо стали русскіе и рядомъ съ ними французы. Налѣво: австрійцы,

Войска Бѣлаго Царя въ рощахъ Богдыхана

9-ый Вост.-Сиб. Стр. полкъ въ Пекинѣ

По японской фотографіи.

итальянцы и японцы. Вправо за русскими англо-индійцы съ артиллеріей. Налѣво—американцы.

Къ 8 часамъ утра всѣ союзныя войска приготовились къ параду и ровно въ $7^3/_4$ на сборный пунктъ пріѣхалъ начальникъ Печилійскаго отряда генералъ-лейтенантъ Линевичъ, сопровождаемый Россійскимъ посланникомъ г. Гирсомъ, генеральнымъ консуломъ г. Поповымъ и многочисленной свитой, состоявшей изъ чиновъ штаба отряда, военныхъ кореспондентовъ, служащихъ при миссіи и конвоя, подъ бѣлымъ флагомъ начальника отряда.

Русскія войска взяли на караулъ. Наши оркестры заиграли встрѣчу. Какъ старшій въ чинѣ, генералъ Линевичъ принималъ парадъ.

Союзныя войска привѣтствуютъ генерала Линевича.

Поздоровавшись съ русскими войсками, которыя громко и весело прокричали обычное привѣтствіе, генералъ началъ объѣзжать всѣ союзныя войска. Получилась великолѣпная необычайная картина.

Среди заповѣдныхъ стѣнъ и башенъ Императорскаго города, недоступнаго не только для всѣхъ иностранцевъ, но и для китайцевъ, на старинномъ мощономъ дворѣ, куда не ступала нога ни одного простого смертнаго, выстроились чужеземныя войска 8 націй, съ ружьями, саблями, знаменами, трубачами и оркестрами, и привѣтствовали кликами и музыкой русскаго генерала. Это былъ торжественный привѣтъ всѣхъ націй тѣмъ войскамъ, которыя первыя про-

бились въ Пекинъ и первыя дрались за освобожденіе христіанъ. Всѣ иностранные генералы были у своихъ отрядовъ и привѣтствовали генерала Линевича. Здѣсь были: японскіе генералы Ямагучи и Фукушима, французскій генералъ Фрэй, англійскій генералъ Гэзли,

Крыльцо, ведущее къ дворцамъ Богдыхана.

американскій генералъ Чаффи и германскій маіоръ, съ русскимъ Станиславомъ на шеѣ, фонъ Мадэи. У своей бригады былъ генералъ Стессель. Нѣ было только того, кто со своимъ отрядомъ первый взошолъ на стѣны Пекина и пробилъ ворота другимъ войскамъ—раненаго генерала Василевскаго.

Генералъ Линевичъ правильно полагалъ, что достоинство Россіи требуетъ, чтобы ея войска были первыми у воротъ Пекина. Ввѣренный ему Печилійскій отрядъ блестяще выполнилъ эту задачу. Заслуги русскихъ въ освобожденіи Тяньцзина и Пекина были торжественно признаны отрядами всѣхъ союзныхъ націй.

Ровно въ 8 час. утра генералъ Линевичъ кончилъ объѣздъ войскъ и со своей свитой поѣхалъ во дворцы. За свитой шли русскія и остальныя войска, съ музыкой и распущенными знаменами.

Выстрѣлы изъ англійскихъ орудій возвѣстили о началѣ шествія.

Мы проѣзжали черезъ длинные мощеные дворы, давно поросшіе травой, проѣзжали подъ ветхими величавыми башнями, посреди пустынныхъ тянущихся галерей и, наконецъ, подъѣхали къ запретнымъ дворцамъ, въ которые не входилъ ни одинъ бѣлый. Мы сошли съ коней и, поднявшись по бѣлымъ мраморнымъ лѣстницамъ,

вступили въ сумракъ и тишину древняго дворца. Высокія мрачныя колонны, потемнѣвшій потолокъ и покрытый пылью тронъ по срединѣ дворца—все напоминало древнія времена Маньчжурской династіи.

Мы снова выходимъ на каменный дворъ, съ мраморными площадками, лѣстницами и галереями, и снова находимся въ старинной высокой палатѣ съ трономъ, колоннами и курильницами передъ троннымъ возвышеніемъ. Тронъ, колонны и потолокъ подведены подъ мѣдный цвѣтъ и вся палата кажется мѣдной. Обстановки въ палатѣ очень мало: столы и скамейки съ древней причудливой рѣзьбой. Нѣтъ ни пышности, ни великолѣпія: это скорѣе мѣсто царственнаго уединенія.

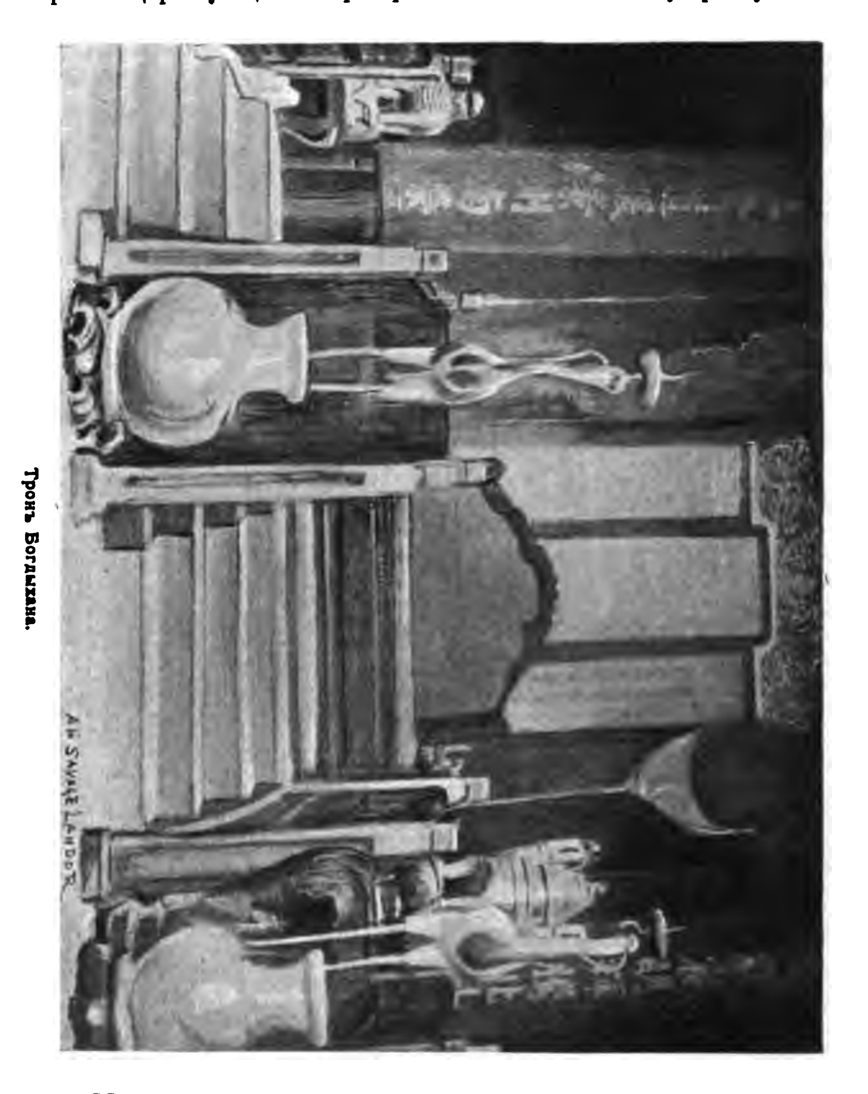
Передъ воротами дворца появились китайскіе мандарины, изъ которыхъ одинъ съ краснымъ шарикомъ, какъ говорятъ, военный министръ. Мандарины съ самымъ любезнымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, подъ которымъ довольно ясно сквозило сознаніе постигшаго ихъ національнаго горя и униженія, просили насъ пожаловать далѣе во дворцы.

Китайскіе придворные.

Мы опять выходимъ изъ полумрака и затхлаго воздуха на солнце и идемъ по двору съ потухшими курильницами и нелюдимыми галереями кругомъ. Мы входимъ во дворецъ, такой же мрачный и пустынный, какъ и прежніе. Передъ трономъ, на большомъ столѣ, по-

ставлены жертвенные приборы, чаши, курильницы и дощечка въ рамѣ съ надписью. Духъ усопшаго императора возсѣдаетъ на этомъ тронѣ. Царствующій императоръ здѣсь молится своему предку.

Тронъ Богдыхана.

Мы опять выходимъ на свѣтъ и свѣжій воздухъ. Любезный мандаринъ, съ высохшимъ лицомъ и умными глазами, проситъ русскаго генерала свернуть съ прямой дороги направо, такъ какъ слѣдующіе дворцы нельзя пройти насквозь. Мы переходимъ по красивому мраморному двору съ мраморными лѣстницами и площадками, порос-

шими травой и бурьяномъ. Кругомъ сонъ и молчаніе. У всѣхъ воротъ и дверей стоятъ придворные слуги, такіе же сонные, молчаливые и ветхіе, какъ эти дворцы, и такіе же ненужные, какъ этотъ бурьянъ.

По просьбѣ важнаго сановника съ краснымъ шарикомъ, мы проходимъ по какимъ-то задворкамъ, мимо какихъ-то службъ и каморокъ, представляющихъ закулисную сторону дворцовъ, и вступаемъ въ прелестную рощу изъ кипарисовъ и можжевельника. Столбы подпираютъ священныя 2000-лѣтнія деревья, отъ которыхъ остались одни огромные стволы, пережившіе половину китайской исторіи. Мимо заглохшихъ гротовъ, молчаливыхъ теремовъ съ затѣйливой угловатой крышей императорскаго жолтаго цвѣта, мы входимъ въ великолѣпныя расписныя жолтыя ворота съ надписью „Вѣчное сіяніе“ и насъ встрѣчаютъ не высохшіе безмолвные придворные мандарины, а веселые русскіе солдаты, громогласное „ура“ которыхъ разбудило вѣковую тишину дворцовъ.

Императорскіе заповѣдные дворцы были пройдены русскимъ генераломъ и мы находимся у выходныхъ воротъ среди стрѣлковъ 10-го полка и японцевъ, которые выстроились другъ противъ друга. Англійскія пушки снова возвѣстили, что дворцы пройдены, и лежавшая на нихъ таинственная непроницаемая завѣса—спала. Среди войскъ, при крикахъ ура и звукахъ музыки, генералъ Линевичъ прошолъ со свитой впередъ и остановился у крайнихъ выходныхъ воротъ.

2000-лѣтнее дерево.

Черезъ нѣсколько минутъ, подъ воротами „Вѣчнаго сіянія“ показались матросы, выдержавшіе геройски 2-хъ мѣсячную осаду, стрѣлки съ ружьями и патронами, въ бѣлыхъ рубахахъ—это были войска Бѣлаго Царя, которыя во главѣ всѣхъ другихъ союзныхъ войскъ проходили дворцы Богдыхана. Ихъ встрѣтило восторженное ура и музыка.

За ними проходили маленькіе, но храбрые японцы, въ бѣлыхъ курткахъ, въ бѣлыхъ фуражкахъ съ жолтыми околышками. Каждую націю встрѣчали криками ура и звуками марша. Генералы, бывшіе

во главѣ своихъ войскъ, присоединялись къ генералу Линевичу, со своими штабами.

За японцами шли въ чалмахъ и пестрыхъ рубахахъ англо-индійскія войска: сикки, раджипуты и бенгальскіе уланы, рослые и красивые, которые съ искренней радостью кричали свое „ура“ въ отвѣтъ на ура русскихъ, которыхъ они считаютъ своими давнишними друзьями. За ними шли англичане — стрѣлки и артилеристы, въ шлемахъ и курткахъ песочнаго цвѣта.

Такого же цвѣта и покроя обмундированіе у американцевъ, которые носятъ на головѣ мягкія шляпы съ широкими полями. Американцы выдѣляются среди союзныхъ солдатъ своимъ крупнымъ ростомъ и вольнымъ видомъ.

Затѣмъ показались наши друзья французы въ синихъ шлемахъ и костюмахъ; германцы въ новенькихъ формахъ и шлемахъ шоколаднаго цвѣта; моряки—итальянцы и австрійцы. Нашъ оркестръ сыгралъ французамъ „Марсельезу“, а германцамъ „Wacht am Rhein“.

Это великолѣпное шествіе международныхъ войскъ было живымъ олицетвореніемъ нынѣшняго политическаго положенія въ Азіи. Впереди идетъ Россія, великая и могущественная, за нею молодая Японія, такъ быстро рванувшаяся впередъ и обогнавшая на Востокѣ остальныя державы. За Японіей—третьей державой шла нѣкогда могучая Англія, уступившая свое первенство въ Азіи—Россіи и Японіи. Потомъ Америка, Франція и Германія, впервые выступившая со своей воинственной политикой въ Восточной Азіи. Позади шли остальныя державы. Въ 9 ч. утра парадъ кончился.

Генералъ Линевичъ со свитой и посланниками вернулся обратно, въ тѣ дворцы, которые еще не были осмотрѣны. Интересенъ былъ собственный дворецъ богдыхана, съ золоченнымъ трономъ, курильницами, вазами, столиками, уставленными яшмами и нефритами, павильонами, опахалами и колоннами, исписанными надписями. Китайскіе мандарины любезно угощали гостей чаемъ и сластями.

Осмотрѣвъ богдыханскую молельню и богдыханскую древнюю кухню, генералъ Линевичъ и его свита оставили дворцы, которые были снова закрыты, и у воротъ поставлены международные караулы.

Двухсотлѣтняя неприкосновенность и святость дворцовъ богдыхана были нарушены. Тайны раскрыты. Алый городъ пересталъ быть Запретнымъ.

Торжественное шествіе

войскъ и дипломатическаго корпуса черезъ дворцы Богдыхана 15 августа 1900 г.

Башня Будды въ Императорскихъ рощахъ.

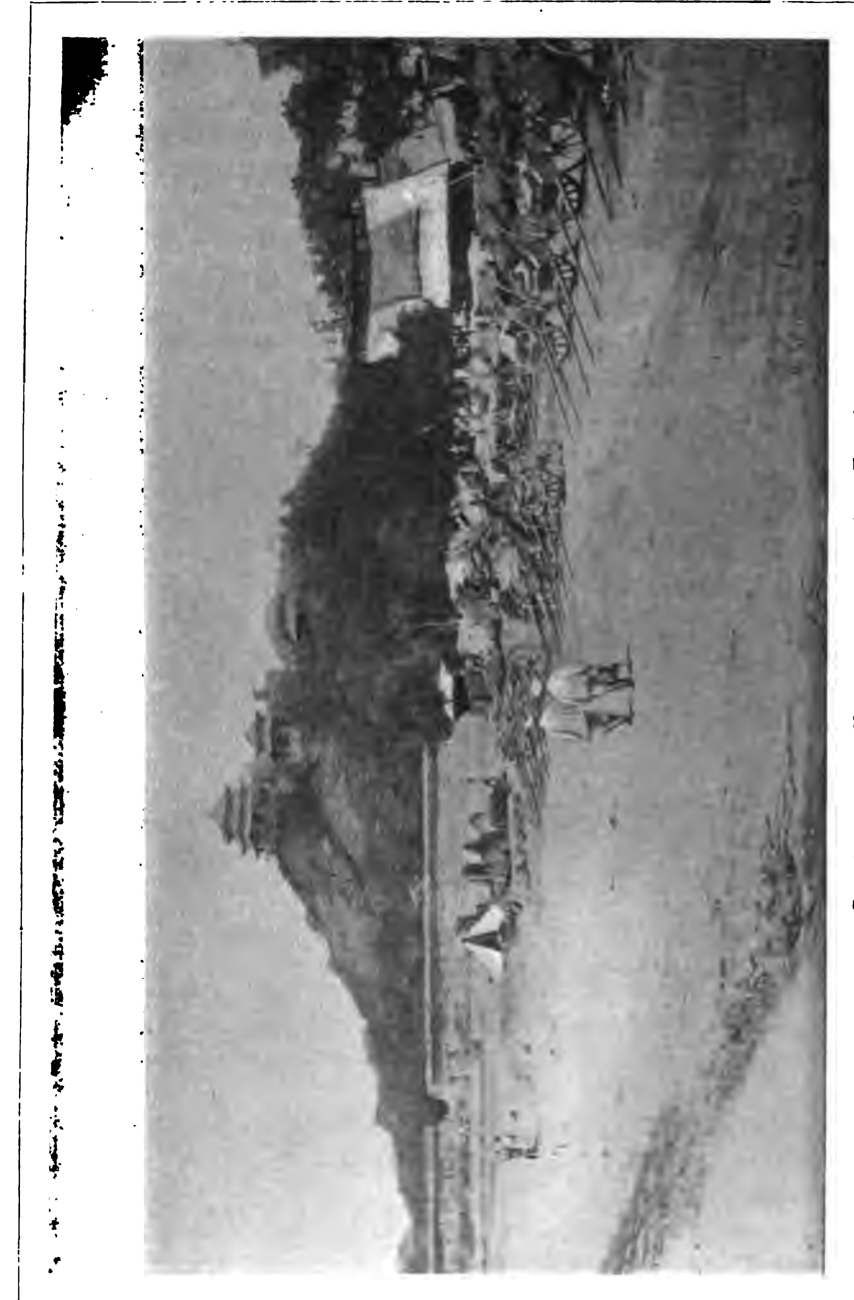
Въ заповѣдныхъ рощахъ

25 Августа

24-го августа въ Пекинъ на тройкѣ прибылъ командующій войсками вице-адмиралъ Е. И. Алексѣевъ, встрѣченный передъ воротами Пекина начальникомъ военныхъ сообщеній полк. Кондратовичемъ. Это была первая русская тройка, которая въѣхала въ Пекинъ. Принявъ рапортъ, адмиралъ проѣхалъ въ Императорскую Россійскую миссію, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ отряда генераломъ Линевичемъ, посланникомъ Гирсомъ, начальниками отдѣльныхъ частей и миссіей. Адмиралъ остановился въ домѣ посланника, штабъ размѣстился въ миссіи.

25-го августа въ Императорскомъ городѣ адмиралъ Алексѣевъ дѣлалъ смотръ русскимъ войскамъ въ заповѣдныхъ рощахъ богдыхана, на мѣстѣ русскаго бивака. Наши геройскія войска, взявшія штурмомъ Пекинъ, представились своему главнокомандующему въ блестящемъ видѣ, въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ веселыми загорѣлыми лицами.

Войска стояли въ слѣдующемъ порядкѣ: 9-й полкъ, 10-й полкъ, батальонъ 12-го полка, саперы Квантунской Саперной роты и В.-С. Сапернаго батальона, 2-я батарея, 3-я батарея, 4-я батарея, ка-

Русскій лагерь въ Императорскомъ городѣ въ Пекинѣ.

заки 6-й сотни Верхнеудинскаго полка и 3-й сотни Читинскаго полка.

Командующій войсками обходилъ всѣ войска, здороваясь съ каждой частью. Затѣмъ, ставши посрединѣ всѣхъ войскъ, адмиралъ сказалъ громкимъ голосомъ патріотическую рѣчь, въ которой прославилъ мужество, храбрость и выносливость русскихъ войскъ, благодарилъ за проявленныя ими доблести во время похода и штурма Пекина и провозгласилъ ура въ честь Русскаго Царя и Августѣйшей Семьи. Восторженное ура четырехъ тысячъ русскихъ солдатъ и офицеровъ и звуки національнаго гимна долгое время разносились по священнымъ садамъ и дворцамъ богдыхана во славу Русскаго Царя, Чьи войска первыя заняли Пекинъ и освободили осажденныхъ.

Русскіе офицеры на дворцовой аллеѣ.

Генералъ Линевичъ провозгласилъ ура въ честь адмирала, которому были ввѣрены два театра военныхъ дѣйствій на огромномъ протяженіи отъ Пекина до Мукдена. Парадъ закончился церемоніальнымъ маршемъ.

Несмотря на недавно перенесенныя тягости похода и штурма, наши войска поражали своимъ молодцоватымъ и лихимъ видомъ, прекрасной выправкой и дисциплиной.

Этотъ блестящій смотръ останется памятнымъ днемъ для русскаго отряда въ Пекинѣ. Погода была прекрасная. Послѣ смотра адмиралъ посѣтилъ раненыхъ и больныхъ.

26-го августа, въ Бородинскую годовщину, состоялось другое

памятное торжество русскихъ войскъ. Командующій войсками, осмотрѣвъ строющуюся русскимъ саперным батальономъ желѣзную дорогу Пекинъ—Тяньцзинъ и посѣтивъ внутренніе богдыханскіе дворцы, проѣхалъ къ 12-му полку. Тамъ были собраны всѣ георгіевскіе кавалеры.

Командующій войсками обошолъ всѣхъ кавалеровъ, разспрашивалъ о ихъ подвигахъ, благодарилъ за доблести подъ Тяньцзиномъ, Бэйцаномъ, Янцунемъ и Пекиномъ и, поздравивъ всѣхъ съ знаками отличія Военнаго ордена, пожелалъ новыхъ успѣховъ. По Высочайше дарованному праву, адмиралъ наградилъ въ 9-мъ полку 64 нижнихъ чина, въ 10-мъ полку 91, въ 12-мъ полку 16, 18 саперъ, 34 артилериста, 24 казака и въ 5-мъ полку 14 стрѣлковъ. По Высочайшему повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ передалъ по телеграфу Царскій привѣтъ всѣмъ русскимъ, освобожденнымъ въ Пекинѣ. По Высочайшему повелѣнію, Императорская миссія и всѣ русскіе выѣхали изъ Пекина.

28-го августа, командующій войсками вице-адмиралъ Алексѣевъ выѣхалъ изъ Пекина обратно въ Тяньцзинъ.

Занятый и управляемый русскими районъ Пекина занимаетъ четверть Маньчжурскаго города и имѣетъ около 2 верстъ съ юга на сѣверъ и около $1^1/2$ версты съ востока на западъ. Нашъ участокъ, особенно вдоль главной Хадамыньской улицы, пострадалъ сравнительно менѣе другихъ и содержится значительно исправнѣе и чище другихъ участковъ.

Въ русскомъ раіонѣ находятся: Цзунлиямынь, вѣдавшій дѣла съ иностранными государствами, министерство финансовъ, изъ котораго японцы успѣли вывезти нѣсколько милліоновъ ланъ серебра, огромныя запасы риса въ нѣсколько милліоновъ пудовъ, китайская обсерваторія, дворецъ принца Чжоу, родственника богдыхана, дворецъ принца И и другихъ сановниковъ. Мирная жизнь понемногу возстановляется въ нашемъ районѣ. Жители возвращаются въ свои дома. Открываются лавки, мародерство и всякое насиліе строжайше преслѣдуется.

Войска размѣстились въ Императорскомъ городѣ, частью въ палаткахъ, вокругъ Угольной горы, частью въ дворцовыхъ помѣщеніяхъ. Роскошные лѣтніе загородные дворцы Ихэ охраняются нашими ротами. Комендантомъ назначенъ капитанъ 10-го полка Рацулъ.

Церковь и зданія русской духовной миссіи въ Пекинѣ, такъ называемый Бэйгуань, совершенно уничтожены боксерами. Около 500 православныхъ китайцевъ частью перебиты, частью успѣли

Озеро Лотосовъ возлѣ дворцовъ Богдыхана. Башня Будды.

Открытіе русскаго госпиталя въ Пекинѣ. Генералъ Линевичъ, посланникъ Гирсъ, русскіе офицеры, русская миссія, докторъ Терещенко и отрядъ Кр. Креста С. В. Александровскаго. Раненый поручикъ Маркозовъ.

бѣжать. О. Архимандритъ, члены миссіи и спасшіеся православные китайцы, въ числѣ около 100 человѣкъ, временно помѣстились въ дворцовыхъ зданіяхъ Юнхогунъ, находящихся по сосѣдству съ мѣстомъ бывшей духовной миссіи.

Вначалѣ сентября въ Пекинѣ открылъ свои дѣйствія перво-классный русскій госпиталь, устроенный отрядомъ Кр. Креста С. В. Александровскаго.

Въ 1900 году, въ теченіе одного мѣсяца, Пекинъ былъ такъ же разграбленъ цивилизованными союзниками, какъ нѣсколько столѣтій раньше его грабили и разоряли маньчжуры, монголы и другіе полудикіе кочевники Азіи. Несмотря на всѣ усилія отдѣльныхъ командировъ, благодаря разноплеменному составу войскъ, вкоренившемуся презрѣнію къ китайцамъ и отсутствію единой власти надъ международными отрядами, — не было никакой возможности прекратить грабежъ столицы и насилія надъ жителями.

Не были пощажены ни дома жителей, ни дворцы, ни древнія кумирни, въ которыхъ идолы художественной китайской работы были изломаны и осквернены. Солдаты международныхъ отрядовъ не столько глумились надъ языческой вѣрой, сколько искали въ кумирахъ скрытыхъ драгоцѣнностей. Солдаты говорили, что китайцы не люди, и поэтому позволяли себѣ всякія безчинства надъ жителями. Врывались въ покинутые и не покинутые дома, въ которыхъ еще жили люди, грабили и вымогали всякое добро. Зато много такихъ солдатъ, попавшихъ въ руки мстительнымъ китайцамъ, не вернулось обратно и пропало безъ вѣсти.

На улицѣ Пекина

Бэйтанъ

7 Сентября

Пробывъ въ Пекинѣ ровно 5 недѣль, 4 сентября я выѣхалъ верхомъ обратно, желая поспѣть къ штурму морской крѣпости Бэйтанъ, что значитъ покитайски „Сѣверное озеро". Обратный путь былъ совершенно безопасенъ. Всюду тянулись отряды союзныхъ войскъ и во всѣхъ попутныхъ городкахъ отъ Тунчжоу до Янцуня были устроены международные этапы, посты и оставлены гарнизоны. Отъ Янцуня до Тонку желѣзная дорога была возстановлена Уссурійскимъ желѣзнодорожнымъ батальономъ и на всемъ этомъ протяженіи исправно ходили поѣзда, управляемые чинами батальона. Дорога горячо работала. Поѣзда нѣсколько разъ въ день ходили въ обѣ стороны, въ Янцунь и въ Тонку, доставляя одни союзныя войска для Пекина, а другія для штурма Бэйтана, расположеннаго въ 12 верстахъ отъ Тонку.

Наши артилеристы.

Въ Янцунѣ, въ 6 часовъ утра 7 сентября, я сѣлъ на поѣздъ, переполненный разнообразными войсками, джентельменами, маркитантами, оружіемъ и лошадьми, проѣхалъ мимо памятныхъ мѣстъ Бэйцана и Тяньцзина и въ 10 часовъ утра былъ въ Цзюньлянчэнѣ.

Бросивъ поѣздъ, я сѣлъ на коня и поскакалъ на гулъ отдаленныхъ орудійныхъ выстрѣловъ. На горизонтѣ чернѣли форты Бэйтана и взлетали бѣлые и сѣрые клубы дыма. Ѣхалъ по высохшей пустынной степи, надъ которой со свистомъ носились тучи саранчи. Поля, еще не выжженныя солнцемъ, были доѣдены саранчой.

Я взялъ направленіе на крѣпость Бэйтанъ, которой командовалъ генералъ Ли, и погналъ коня.

Мнѣ разсказывали, что когда русскіе предложили этому храброму генералу Ли отдать Бэйтанъ безъ боя и жертвъ, онъ отвѣтилъ:

— Если я отдамъ Бэйтанъ безъ боя, китайское правительство отрубитъ мнѣ голову. Если-же я вступлю въ бой, то русскіе возьмутъ у меня Бэйтанъ съ бою, и китайское правительство тоже отрубитъ мнѣ голову. Поэтому я прошу русскихъ оставить меня въ

покоѣ. Я же обѣщаюсь не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій изъ Бэйтана.

Послѣ этого отвѣта прошло нѣсколько недѣль. Генералъ Ли все укрѣплялся въ своей крѣпости, минировалъ фугасами всѣ подступы и пути къ ней и преисполнился, наконецъ, такой храбрости и самоувѣренности, что на вторичное предложеніе русскихъ очистить Бэйтанъ, отвѣтилъ:

— Вмѣсто того, чтобы угрожать понапрасну, русскіе лучше-бы попробовали пойти и взять Бэйтанъ.

Русскіе пошли и взяли.

Наканунѣ наши желѣзнодорожники и саперы, подъ начальствомъ подполковника Григоренко, дѣлали развѣдку мѣстности передъ Бэйтаномъ, для того чтобы выбрать и приготовить позиціи для нашихъ полевыхъ и мортирной батарей. Приблизительно въ верстѣ отъ фортовъ дорога оказалась перекопанной въ 8 мѣстахъ и всюду минированной. Возлѣ станціи „Бэйтанъ", разрушенной ихэтуанцами, усмотрѣна сильная китайская застава и за ней лагерь. Пока не будетъ выбита эта застава, невозможно строить позиціи для артиллеріи. Подполк. Григоренко далъ знать генералу Церпицкому о заставѣ и началъ исправлять дорогу. Стали закапывать ямы, вырытыя въ дорогѣ, и вынимались фугасы, которые представляютъ простые ящики, начиненные порохомъ, съ жестяными терками внутри. Ящики зарываются въ землю, слегка прикрываются крышками и присыпаются землей. При нажимѣ ногою на крышку, терки приходятъ въ дѣйствіе и вызываютъ взрывъ. Китайцы первые изобрѣли порохъ и нашли въ немъ прекрасное примѣненіе для фейерверковъ. Европейцы дали имъ лучшій бездымный порохъ для пушекъ и научили начинять порохомъ мины и фугасы.

Вечеромъ 6-го сентября, генералъ Церпицкій двинулся со своимъ отрядомъ выбивать китайскую заставу, имѣя подъ своимъ начальствомъ роты 6 и 7-го полка, а въ резервѣ батальонъ 12-го полка, подъ командою Полк. Анисимова. Въ $10^1/2$ часовъ ночи, въ полной темнотѣ, идя по дорогѣ, отрядъ наткнулся на первые фугасы. 3 взрыва послѣднихъ одинъ за другимъ. Нѣсколько человѣкъ взлетѣло на воздухъ. Увидя взрывы, китайцы направили на дорогу орудія со всѣхъ своихъ фортовъ, изъ батареи передъ фортами, заставы и изъ пулеметовъ. Въ нѣсколько минутъ 25 человѣкъ нижнихъ чиновъ было ранено пулями и обожжено фугасами. Ужасъ охватилъ русскій отрядъ. Солдаты кричали ура, но стояли какъ вкопанные: идти дальше на пули и фугасы, значило идти на самоубійство. Тогда

генералъ Церпицкій выѣхалъ впередъ, пріободрилъ солдатъ и командуя: „разъ, два"... самъ повелъ отрядъ. Чтобы не идти по фугасамъ, сошли съ дороги внизъ, въ солончакъ, и шли по грудь въ водѣ. Быстро добрались до заставы, выбили китайцевъ и взяли ихъ лагерь. Нѣсколько китайцевъ были приколоты штыками. Фугасы продолжали взрываться. Одна граната попала въ фугасъ, взорвала ящикъ, причемъ былъ легко контуженъ въ голову генералъ Церпицкій. Находившійся въ распоряженіи генерала капитанъ Нечволодовъ наткнулся на фугасъ, но спасся чудомъ. Капитанъ Кашкинъ и поручикъ Сомовъ попали на фугасъ и взлетѣли на воздухъ. У кап. Кашкина оказался переломъ ключицы, ушибы и ожоги. Поруч. Сомовъ отдѣлался одними ушибами. Капитанъ артилеріи въ запасѣ Еголштинъ получилъ сильные ожоги лица. Принцъ Хаимэ Бурбонскій, корнетъ Гродненскаго полка, состоявшій при генералѣ Церпицкомъ, попалъ между трехъ взорвавшихся фугасовъ, но остался невредимъ. Совершивъ это отчаянное шествіе по фугасамъ, взявъ китайскую заставу и оставивъ на ней русскую, генералъ Церпицкій вернулся со своимъ отрядомъ на бивакъ, возлѣ деревушки Сидаоцяо, гдѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ.

Подполковникъ Тохатэловъ.

Когда стало свѣтать, три русскія осадныя батареи, состоявшія изъ 6 русскихъ и 8 плѣненныхъ китайскихъ орудій, начали дружно и громоносно разбивать Бэйтанскіе форты. Эти батареи были нашими саперами и артилеристами незамѣтно привезены и поставлены въ 4 верстахъ отъ Бэйтана, на голой песчаной равнинѣ. Орудія были такъ искусно скрыты насыпью желѣзной дороги, что китайцы, вообще быстро угадывающіе дистанцію, никакъ не могли найти расположеніе русской артилеріи.

Начальникомъ всѣхъ батарей былъ подполковникъ Тохатэ-

ловъ. При немъ состояли офицеры: поручики Смирновъ, Люповъ и Бабенко.

Возлѣ русскихъ орудій расположились также 4 германскихъ пушки, стрѣлявшія пироксилиновыми бомбами.

Тохатэловъ и его офицеры очень удачно опредѣлили разсто-

Генералъ Церпицкій.

яніе до различныхъ Бэйтанскихъ фортовъ. Ихъ орудія стали извергать такой адъ огня и стали, такъ опустошали форты китайской крѣпости, что китайцы не рѣшились бороться и начали мало по малу покидать Бэйтанъ. Одни китайцы бѣжали на джонкахъ въ море, другіе толпами уходили по дорогѣ, въ Лутай. Комендантъ

крѣпости генералъ Ли, упорно отказывавшійся сдать крѣпость добровольно, также бѣжалъ. Гарнизонъ Бэйтана исчислялся въ 2000 челов.

Полковнику Генер. Штаба Флугу было поручено во главѣ коннаго отряда преслѣдовать бѣгущія китайскія войска. Но преслѣдованіе оказалось совершенно невозможнымъ.

Такъ же, какъ и подъ Бэйцаномъ, умные китайцы прекрасно воспользовались услугами природы. Всю мѣстность вокругъ Бэйтана,

Подполковн. Тохатэловъ и крѣпостная артилерія въ Портъ-Артурѣ.

на нѣсколько верстъ, они пересѣкли сѣтью каналовъ. Когда Бэйтанъ оказался въ опасности, китайскіе саперы соединили каналы съ моремъ и первый же морской приливъ наполнилъ каналы водой и затопилъ всю мѣстность, которая необозримо тянется почти въ уровень съ поверхностью моря. Перебираться черезъ всѣ каналы, топи и низины, подъ непріятельскими выстрѣлами, было крайне тяжело. Во время одной переправы потонулъ 1 казакъ и двое было ранено. Пришлось отъ преслѣдованія китайцевъ отказаться.

Къ 10 часамъ утра всѣ грозныя орудія Бэйтана замолкли. Крѣпость была покинута ея защитниками. Къ полудню на Бэйтанскихъ фортахъ были подняты флаги разныхъ союзныхъ націй, войска которыхъ были посланы на штурмъ Бэйтана.

Крѣпость была взята исключительно артилерійскимъ огнемъ русскихъ и германцевъ, дѣйствіе котораго было настолько значительно, что пѣхотный бой и новыя жертвы оказались излишни. На примѣрѣ Бэйтана, который китайцы не въ состояніи были защищать,

подтвердилось благотворное значеніе артилеріи, рѣшившей исходъ боя на разстояніи и предотвратившей ненужное кровопролитіе.

Русскія войска, направленныя для штурма Бэйтана, состояли изъ слѣдующихъ частей: нѣсколькихъ ротъ 6-го, 7-го, 10-го и 12-го полковъ, 3-ей батареи Вост. Сиб. С. дивизіона, 3-ей батареи 1-ой бригады, портартурскихъ мортиръ, русскихъ и китайскихъ осадныхъ орудій (всего 30 орудій), 2 эскадроновъ Приморскаго драгунскаго полка, 6-ой сотни Верхнеудинцевъ, германской батареи, 1 батальона германцевъ и 1 1/2 батальона французовъ. Остальные союзники какимъ то образомъ не нашли Бэйтана и поэтому не поспѣли къ штурму.

Начальникомъ всѣхъ силъ, двинутыхъ противъ Бэйтана, былъ генералъ-лейтенантъ баронъ Штакельбергъ. Начальникомъ авангардной колонны назначенъ генералъ-маіоръ Церпицкій, а главной колонны—капитанъ 1 р. Доможировъ.

Въ авангардной колоннѣ, кромѣ генерала Церпицкаго, были обожжены фугасами: капитанъ Кашкинъ (тяжело), отставной капитанъ Еголштинъ, поручикъ Андреевъ, подпоручикъ Тупицынъ и подпрапорщикъ Ягнъ.

Обожжено и ранено: въ 6-омъ В. С. С. полку—72 нижнихъ чина, изъ нихъ 26 тяжело, убито 2. Въ 7-омъ В. С. С. полку обожжено и ранено—22, изъ нихъ 12 тяжело, убито 2.

Еще до штурма Бэйтана, во время развѣдокъ, нѣсколько стрѣлковъ было ранено и обожжено фугасами. Взрывомъ фугаса поручикъ Вост. Сиб. Саперпаго батальона Поповъ былъ подброшенъ на воздухъ и сильно обожжонъ. Вся его кожа обуглилась и нога была переломлена.

Въ Бэйтанѣ захвачено 4 форта и 48 орудій большого калибра, новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ (Круппа и другихъ), кромѣ мелкихъ орудій. Занятъ 1 арсеналъ.

Наши стрѣлковыя роты, батареи и кавалерія расположились бивакомъ на берегу рѣки Бэйтанхэ, возлѣ одного изъ занятыхъ нами фортовъ.

Подлѣ форта находился бѣдный китайскій городокъ. Почти всѣ жители его бѣжали, испуганные непріятельскими ядрами, громившими Бэйтанъ и разрывавшимися въ городкѣ. Когда союзные солдаты вошли въ форты и не нашли въ нихъ ни одного китайца, съ которымъ они могли бы подраться, то чтобы выместить свою досаду, они бросились въ городокъ и начали стрѣлять въ несчастныхъ стариковъ и старухъ, которые еще не успѣли бѣжать. Къ счастью, наши офицеры вовремя узнали и остановили эту охоту.

Жители этого городка были въ такомъ отчаяньи, что нѣсколько мужчинъ и женщинъ утопилось въ рѣкѣ. Ночью, во время отлива, жутко было идти по берегу и встрѣчать ихъ окоченѣвшія и завязшія въ тинѣ тѣла. Въ темнотѣ я наткнулся на какую-то полуживую кучу: нѣсколько женщинъ, дряхлыхъ и молодыхъ, живыхъ и мертвыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя жались къ мертвой матери, сбились въ одну страшную груду ужаса и отчаянья и молча, даже безъ стоновъ, сидѣли и лежали въ грязи подлѣ самой воды. Что они чувствовали въ эти часы? Вода прибывала и эти женщины и дѣти должны были захлебнуться. Вода плескала и подбиралась къ нимъ все выше и выше. Вокругъ нихъ карабкались и копошились крабы. Тина и водоросли обволакивали имъ ноги. Повидимому, это было имъ все равно. Онѣ предпочитали погибнуть въ водѣ, нежели попасть въ руки иностранному разбойнику. Нѣкоторыя женщины лежали на половину въ водѣ и грязи и уже не двигались. Другія еще были живы. Неужели всемогущее Небо не видѣло этихъ несчастныхъ и не хотѣло вырвать ихъ изъ жестокости людей? Даже крабы были счастливѣе этихъ застывшихъ въ ужасѣ китаянокъ, такъ какъ они нашли для себя въ человѣческихъ тѣлахъ вкусную пищу. Но жестокость и милосердіе давно перепутаны у людей.

Докторъ Зароастровъ, старшій врачъ 12-го полка, обошолъ городокъ и послалъ санитаровъ вытащить изъ воды тѣхъ женщинъ, которыя были живы, и перевязать раненыхъ китайцевъ и китаянокъ.

Нѣсколько женщинъ и дѣтей удалось спасти.

Поручикъ Поповъ.

Лутай

8 Сентября

На другой день генералъ Церпицкій съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ стрѣлковъ, Приморскихъ драгунъ и Верхнеудинцевъ, отправился далѣе преслѣдовать китайскія войска, бѣжавшія въ Лутай. Вмѣстѣ съ отрядомъ шли двѣ пушки 3-ей батареи, подъ командою подпоручика Иванова, который въ памятную ночь на 1-ое августа пробивалъ этими самыми орудіями ворота Пекина. Начальникомъ штаба отряда былъ назначенъ подполк. Генер. Шт. Агапѣевъ. Начальникомъ Коннаго отряда былъ полковникъ Флугъ.

Полковникъ Ген. Шт. Флугъ.

Мы шли по отличной грунтовой дорогѣ, почти паралельно желѣзнодорожному полотну, ведущему въ Шанхайгуань.

Кругомъ насъ была песчаная пустыня, блиставшая на солнцѣ своими солончаками. Она покоилась прекрасная и величавая своей невозмутимой ровностью, своимъ незапятнаннымъ однообразнымъ жолтымъ цвѣтомъ, своимъ строгимъ безмолвіемъ и какой-то всюду разлившейся грустью. Видно только небо, песокъ и вдали море.

Но эта печальная, обиженная Богомъ страна не напоминала о смерти, потому что и жизни здѣсь никогда не было. Какъ и дно океана эта пустыня молчала и хранила въ себѣ какую-то тайну. Раньше здѣсь иногда пробѣгалъ поѣздъ. Но теперь желѣзнодорожный путь былъ на половину разрушенъ.

На морскомъ берегу виднѣлись одни форты и импани, трудомъ и упорствомъ человѣка воздвигнутыя въ этой пустынѣ. Но и они были покинуты людьми и безмолвствовали.

Китайцы не пытались даже обороняться въ своихъ грозныхъ сооруженіяхъ. Они безостановочно, въ смятеніи, бѣжали на сѣверъ.

Ночью отрядъ генерала Церпицкаго подошолъ къ военному городку Лутай, изъ котораго китайцы поспѣшно бѣжали. Уходя, они пустили въ насъ нѣсколько гранатъ, которыя высоко прошумѣли надъ головою и дали перелетъ. Подпоручикъ Ивановъ живо снялъ орудіе съ передковъ и отвѣтилъ китайцамъ своими мѣткими гранатами. Всѣ китайскія войска ушли изъ города и импаней, которыя были немедленно заняты нашимъ отрядомъ.

На другой день я поспѣшилъ обратно въ Бэйтанъ и Тяньцзинъ, чтобы увидѣть великаго Ли Хунъ Чжана, который ожидался въ Тяньцзинѣ со дня на день.

По желанію Россіи, Ли Хунъ Чжанъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ провинцій Гуанси и Гуандунъ, былъ вызванъ изъ Кантона для веденія мирныхъ переговоровъ и подъ покровительствомъ Россіи пріѣхалъ въ Таку, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ адмираломъ Алексѣевымъ.

Подполковникъ Ген. Шт. Агапѣевъ.

Ли Хунъ Чжанъ

За послѣднія 40 лѣтъ китайской жизни, центральной личностью, которая вліяла на ходъ событій въ Китаѣ и съ которой иностранцамъ приходилось болѣе всего считаться и бороться и имя которой останется однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ міровой исторіи, оказался сынъ бѣднаго селянина Цао, проживавшаго въ одной изъ южныхъ провинцій Китая. Знатный мандаринъ Ли изъ города Ховей, провинціи Аньху, усыновилъ этого Цао, который съ того времени сталъ носить фамилію своего воспріемника, поступилъ на службу и былъ уѣзднымъ начальникомъ чжисянь. Весною 1823 года у этого бѣднаго чиновника родился сынъ—будущій государственный канцлеръ имперіи. Молодой Ли Хунъ Чжанъ, вмѣстѣ со своими братьями, учился въ ямынѣ отца и выказалъ скоро такія способности и успѣхи въ знаніи китайской учоности, что уже 24 лѣтъ былъ удостоенъ степени академика Ханьлинъ.

Во время возстанія тайпиновъ онъ былъ однимъ изъ секретарей у извѣстнаго мандарина Цзэнъ Го Фана, а затѣмъ въ своей провинціи Аньху собралъ отрядъ добровольцевъ, которыми сталъ командовать. Ли Хунъ Чжанъ оказался не только весьма учонымъ мандариномъ, но и храбрымъ воякой. Изъ его отряда была образована Хуайчуньская бригада, которою впослѣдствіи всегда пользовались при усмиреніи безпорядковъ въ Китаѣ.

Во время возстанія онъ былъ назначенъ даотаемъ въ Фуцзянъ и затѣмъ провинціальнымъ судьею въ Цзянси. Но его самымъ серьезнымъ и отвѣтственнымъ постомъ въ то время было назначеніе губернаторомъ (футай) въ провинцію Цзянсу въ 1862 году.

Возстаніе тайпиновъ въ этомъ году принимало все большіе размѣры. Ever Victorious Army—„Всегда Побѣдоносная Армія“ англичанъ заняла Кадинъ, чтобы подавить бунтъ, и цзянсускій футай Сѣ сталъ устраивать экспедицію на Цайцанъ. Такъ какъ Сѣ не отличался быстротою и рѣшительностью дѣйствій, то на его мѣсто и былъ назначенъ Ли Хунъ Чжанъ футаемъ, и въ теченіе многихъ

лѣтъ онъ былъ извѣстенъ европейцамъ какъ Ли-футай. Человѣкъ, уже тогда привыкшій управлять и распоряжаться людьми, столкнулся съ такими дѣятелями, какъ Вордъ и Гордонъ. Вордъ, американецъ по происхожденію, искатель приключеній, но способный и честный малый, воодушевленный благородными побужденіями, былъ къ несчастью убитъ въ томъ бою, въ которомъ былъ снова отбитъ у бунтовщиковъ городъ Цзыки, возлѣ Нинпо. Военный инженеръ-капитанъ при англійскомъ экспедиціонномъ отрядѣ — впослѣдствіи знаменитый англійскій генералъ Гордонъ былъ назначенъ на мѣсто убитаго главнымъ командиромъ „Всегда Побѣдоносной Арміи", состоявшей изъ разныхъ любителей приключеній всякихъ національностей и содержавшейся на счотъ китайскаго правительства. Какъ военный — Гордонъ былъ храбрый офицеръ безъ страха и упрека, и ему пришлось испытать много затрудненій съ лукавымъ и ловкимъ Ли Хунъ Чжаномъ.

Первыя непріятности возникли изъ-за неакуратной уплаты жалованія иностранной арміи. Гордонъ долго терпѣлъ и, наконецъ, объявилъ Ли Хунъ Чжану, что если подобные порядки въ уплатѣ денегъ будутъ продолжаться, то онъ выведетъ изъ Китая ввѣренныя ему войска и сложитъ съ себя свои обязанности. Угроза Гордона подѣйствовала, но — какъ передаетъ разсказъ — Ли Хунъ Чжанъ сталъ съ того времени непримиримымъ врагомъ англійскаго командира.

Одинъ случай изъ этой войны рисуетъ Ли Хунъ Чжана какъ человѣка, способнаго не только на тонкую хитрость, но и на самое грубое коварство и вѣроломство. Когда Гордонъ былъ назначенъ командующимъ иностранными силами, тайпины рѣшили, что они будутъ имѣть дѣло только съ нимъ и его войсками, а не съ Ли Хунъ Чжаномъ. Осадивъ городъ Сучжоу, Гордонъ запросилъ осажденныхъ повстанцевъ, согласны ли они сдаться, выдать оружіе и вступить въ мирные переговоры, для того чтобы предотвратить ненужное кровопролитіе и прекратить возстаніе. Тѣ согласились, но подъ условіемъ, что всѣ жизни осажденныхъ будутъ пощажены. Гордонъ далъ свое честное слово. Едва только тайпины, на основаніи этого обѣщанія, сдались одному изъ китайскихъ офицеровъ, командированныхъ Ли Хунъ Чжаномъ, послѣдній приказалъ сейчасъ-же казнить всѣхъ сдавшихся. Возмущонный и оскорбленный такимъ поступкомъ, Гордонъ явился съ револьверомъ въ палатку Ли Хунъ Чжана, чтобы застрѣлить его, но тотъ успѣлъ скрыться.

Китайское правительство посмотрѣло иначе на образъ дѣйствій

цзянсускаго футая. Оно не только вполнѣ одобрило мѣры, принятыя имъ къ подавленію мятежа тайпиновъ, но и назначило его на должность великаго вице-короля южной столицы Китая—Нанкина—и повелителя двухъ смежныхъ провинцій Цзянсу и Чжэцзянъ.

Въ 1870 году онъ переводится на ту же должность въ Чжилійскую провинцію и управляетъ ею въ теченіи 25 лѣтъ. Желая дѣйствовать болѣе независимо отъ Пекина и имѣть непосредственныя сношенія съ иностранцами, онъ переноситъ свою резиденцію изъ Баодинфу въ Тяньцзинъ и за указанное время сумѣлъ пріобрѣсти такое вліяніе на внѣшнюю политику Китая, что съ тѣхъ поръ онъ можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ и несмѣннымъ китайскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ до своей смерти.

Тогда же онъ сталъ играть самую главную роль при дворѣ китайской вдовствующей императрицы Цзы Си, которая осталась единственной представительницей регентства, учрежденнаго по случаю смерти императора Сянь Фынъ и вступленія на престолъ богдыхановъ малолѣтняго Тунъ Чжи.

Тогда-же Ли Хунъ Чжанъ занялся устройствомъ китайской арміи и флота. Были отпущены огромныя суммы на пріобрѣтеніе иностраннаго оружія и судовъ и на обученіе китайской арміи иностранному строю, съ помощью инструкторовъ.

За это время, имѣя разныя комерческія дѣла съ иностранцами, онъ составилъ свое колосальное богатство, еще невиданное въ Китаѣ и доходящее, по словамъ китайцевъ, до 10 милліоновъ ланъ или 14 милліоновъ рублей. Онъ предпринялъ разныя торговыя и промышленныя предпріятія, купилъ нѣсколько золотыхъ и угольныхъ рудниковъ въ Китаѣ и сталъ владѣльцемъ пароходовъ-гигантовъ, ходящихъ по рѣкѣ Янцзыцзяну, между Шанхаемъ и Ханькоу, и приносящихъ не менѣе гигантскіе доходы.

Въ 1894 году Японія, желавшая оживить свои финансы, промышленность и торговлю и дать пищу не только своему государственному казначейству, но и національному честолюбію, неожиданно объявила войну Китаю, придравшись къ корейскимъ осложненіямъ, которыя могли бы быть также удачно разрѣшены дипломатическимъ путемъ, безъ помощи оружія.

Японцы давно готовились къ войнѣ и были хорошо освѣдомлены о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя происходили въ китайскомъ военномъ министерствѣ Бинъ Бу. Въ то время какъ китайское правительство номинально дѣлало огромныя военныя приготовленія, японцы скупали по дешовой цѣнѣ то оружіе и боевые припасы, ко-

太子太傅文華殿大學士北洋通商大臣直隸總督一等肅毅伯李

七十三歲小像

Великій наставникъ Наслѣдника Престола, великій учоный дворца „Расцвѣтъ литературы", великій инспекторъ торговли Сѣвернаго океана, Чжилійскій вице-король, баронъ 1-ой степени

Ли Хунъ Чжанъ

73 лѣтъ.
Малое изображеніе.

торые заготовлялись заграницей для Китая и служили источникомъ для постоянныхъ и огромныхъ доходовъ китайскимъ мандаринамъ низшихъ и высшихъ ранговъ. Японцы прекрасно воспользовались обстоятельствами. Когда начались военныя дѣйствія, оказалось, что нѣкоторыя китайскія войска были вооружены деревянными ружьями, которыя не стрѣляли, а снаряды китайскихъ пушекъ были начинены не бездымнымъ порохомъ, а угольною пылью.

Въ рѣшительномъ сраженіи въ устьѣ рѣки Ялу китайскія военныя суда, снабжонныя нестрѣлявшими орудіями и неразрывавшимися гранатами, совершенно не могли отвѣчать на огонь японскаго флота и были вынуждены либо сдаваться либо спасаться бѣгствомъ.

Несмотря на то, что китайская народная молва обвиняла во всѣхъ этихъ военныхъ неудачахъ и злоупотребленіяхъ Ли Хунъ Чжана, однако, онъ былъ командированъ въ Симоносеки для мирныхъ переговоровъ и подписанія тяжолаго и позорнаго договора, по которому японцы получили давно желанную колосальную контрибуцію, Формозу и нѣсколько новыхъ военныхъ судовъ китайскаго флота.

Въ Симоносеки на китайскаго мирнаго уполномоченнаго было сдѣлано японцемъ-фанатикомъ покушеніе. Ли Хунъ Чжанъ былъ легко раненъ въ щеку.

Въ маѣ 1896 года Ли Хунъ Чжанъ пріѣхалъ въ Москву и былъ представителемъ богдыхана Гуанъ Сюй на Св. Короновании Государя Императора. Въ Москвѣ и Петербургѣ Ли Хунъ Чжану и его свитѣ были оказаны величайшія почести и самое широкое русское гостепріимство. Тогда-же китайскимъ уполномоченнымъ и покойнымъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Лобановымъ-Ростовскимъ была подписана секретная оборонительная конвенція между Россіей и Китаемъ на случай повторенія нападенія Японіи на Китай.

Изъ Петербурга Ли Хунъ Чжанъ проѣхалъ въ Германію, былъ принятъ императоромъ и въ Карлсруэ навѣстилъ своего сотоварища по государственнымъ дѣламъ князя Бисмарка. Затѣмъ, китайскій путешественникъ объѣхалъ главныя государства Европы и Америки, всюду былъ встрѣченъ съ особымъ почотомъ, а особенно въ государствахъ, имѣющихъ торговые и промышленные интересы въ Китаѣ. Попутно онъ устраивалъ различныя торгово-политическія дѣла и сдѣлалъ заказъ германскому заводу Круппа на поставку огромнаго количества оружія для Китая.

Вернувшись обратно въ Пекинъ въ зенитѣ своей славы, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ покойнаго учрежденія „Цзунли-

ямынь", нынѣ преобразованнаго въ особое министерство иностранныхъ дѣлъ—„Вай бу". Благодаря зависти и интригамъ противъ него китайскихъ высшихъ мандариновъ, онъ нѣсколько разъ въ своей жизни терялъ свои должности, чины и высшіе знаки отличія. Послѣ дворцоваго переворота 1898 г. онъ снова впалъ въ немилость у двора и былъ назначенъ вице-королемъ провинцій Гуандунъ и Гуанси и имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Кантонѣ.

Когда въ 1900 году вспыхнуло возстаніе боксеровъ, союзныя войска взяли Пекинъ, китайское правительство, богдыханъ и дворъ бѣжали, то, по предложенію Россіи, Ли Хунъ Чжанъ былъ назначенъ главноуполномоченнымъ, вмѣстѣ съ принцемъ Циномъ, для веденія мирныхъ переговоровъ.

Однако, иски всѣхъ державъ, кромѣ Россіи, къ Китаю оказались непомѣрно велики и несогласны между собою. Ли Хунъ Чжанъ сумѣлъ обставить притязанія державъ такими затрудненіями, что переговоры затянулись на цѣлый годъ и завершились подписаніемъ мирнаго договора, тягостнаго и унизительнаго для Китая по формѣ, но въ сущности — являющагося шедэвромъ дипломатическаго искусства Ли Хунъ Чжана, ибо этотъ договоръ, налагая множество тяжкихъ обязательствъ на Китай, въ то же время не даетъ никакихъ средствъ или гарантій, что державы когда-нибудь увидятъ всѣ эти обязательства выполненными.

Черезъ два мѣсяца послѣ подписанія этого договора 25 октября 1901 г. и наканунѣ заключенія съ Россіей конвенціи по дѣламъ Маньчжуріи, Ли Хунъ Чжанъ скончался 78 лѣтъ отъ роду.

Въ лицѣ почившаго китайскаго государственнаго дѣятеля Россія потеряла своего вѣрнаго союзника, всегда полагавшаго, что въ силу историческихъ и географическихъ условій Россія является для Китая единственнымъ естественнымъ союзникомъ, съ которымъ онъ связанъ общей пограничной линіей въ 9000 верстъ и съ которымъ онъ не велъ ни одной правильной войны, если не считать грустнаго и случайнаго эпизода 1900 года. Въ случаѣ-же нарушенія мира и добрососѣдскихъ отношеній, благодаря той же необъятной пограничной цѣпи, сжимающей Китай отъ Тянь-Шаня до Амура и Артура, Россія можетъ оказаться для Китая самымъ опаснымъ и непреодолимымъ противникомъ.

Ли Хунъ Чжанъ былъ всегда сторонникомъ дружбы съ Россіей. Можно предполагать, что послѣ поѣздки въ Петербургъ и Москву, его довѣріе и расположеніе къ Россіи укрѣпились еще болѣе.

Несмотря на всѣ нападки, клеветы и подозрѣнія, которыми ино-

странцы и китайцы всегда покрывали имя „китайскаго Бисмарка", онъ былъ до сихъ поръ единственнымъ дѣятелемъ, понимавшимъ пути, по которымъ должна была слѣдовать его родина въ нынѣшнюю эпоху своей исторіи.

Пути, намѣченные Ли Хунъ Чжаномъ, были слѣдующіе: — самое широкое развитіе торговыхъ и промышленныхъ связей съ Европой и Америкой, отъ чего Китай можетъ только выиграть; — преобразованіе и усиленіе военной силы Китая — и союзъ съ Россіей, дружба и покровительство которой должны быть покупаемы какой бы то ни было цѣной, какъ противовѣсъ притязаніямъ и посягательствамъ иностранныхъ народовъ на цѣлость и богатства Имперіи богдыхановъ.

Въ Пекинѣ. Угроза Англіи Китаю.

Дворецъ Хайфангунсо въ Тяньцзинѣ.

У канцлера Китайской Имперіи

9 Сентября

Прибывъ въ Тяньцзинъ и узнавъ о пріѣздѣ Ли Хунъ Чжана, я счолъ своимъ первымъ и священнымъ долгомъ просить у него аудіенціи.

Ли Хунъ Чжанъ жилъ во дворцѣ Хайфангунсо, построенномъ имъ на случай пріѣзда въ Тяньцзинъ императорскаго двора. При немъ состоялъ дипломатическій чиновникъ Коростовецъ, привезшій его изъ Таку. Для охраны были даны казаки Верхнеудинцы, бывшіе подъ командою сотниковъ Родкевича, Григорьева и Семенова.

Я снова поселился въ гостиницѣ „Astor-House", которую покинулъ семь недѣль тому назадъ. Проблуждавъ между Тяньцзиномъ, Пекиномъ, Бэйтаномъ и Лутаемъ, я въ первый разъ послѣ похода привелъ себя, наконецъ, въ европейскій видъ.

Разгромленный Тяньцзинъ оживалъ изъ развалинъ. Улицы были полны китайцевъ и европейцевъ. Маршировали солдаты всякихъ

націй. Уличные торговцы кричали и джинрикши бѣгали взадъ и впередъ.

Въ Хайфангунсо я встрѣтилъ Леонида Ивановича Ліу, который въ маѣ бѣжалъ изъ Тяньцзина, послѣ сожженія боксерами Русско-Китайскаго училища, и теперь состоялъ переводчикомъ русскаго языка при Ли Хунъ Чжанѣ.

Я долженъ былъ представиться одновременно съ адъютантомъ генерала Церпицкаго поручикомъ Мельниковымъ, на котораго было

Охрана Ли Хунъ Чжана. Русскіе казаки и китайскіе солдаты. Сотникъ Григорьевъ и дипл. чиновникъ Коростовецъ.

возложено порученіе передать привѣтствіе Ли Хунъ Чжану отъ начальника русскаго гарнизона въ Тяньцзинѣ генерала Церпицкаго, бывшаго въ Лутаѣ.

Леонидъ Ивановичъ проводилъ Мельникова и меня въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, уставленныхъ простой китайской мебелью.

Ожидая выхода великаго китайца, равнаго Бисмарку, я испытывалъ, вѣроятно, то же волненіе, что и Давидъ передъ встрѣчей съ Голіафомъ. Я придумывалъ самые умные вопросы, которые я задамъ канцлеру Китайской Имперіи, чтобы ими такъ же поразить Ли Хунъ Чжана, какъ и Давидъ своей пращой поразилъ Голіафа.

Когда медленно, согнувшись и опираясь на слугъ, вышелъ

великій старецъ и съ трудомъ сѣлъ на диванъ, я почувствовалъ невольное благоговѣніе передъ тѣмъ, кто еще сорокъ лѣтъ назадъ усмирялъ тайпиновъ и прославился на весь міръ своимъ патріотизмомъ и мудростью. Я смутился и потерялъ все свое краснорѣчіе. Съ Конфуціемъ китайской политики нельзя говорить — его можно только слушать.

Ліу представилъ насъ обоихъ. Великій китаецъ развалился на диванѣ, курилъ длинную трубку, не обращая вниманія на слугу, который поправлялъ огонь въ трубкѣ, и глядѣлъ съ глубокимъ равнодушіемъ и даже можетъ быть съ презрѣніемъ на обоихъ юныхъ иностранцевъ, которые потревожили его покой и великія думы.

Ли Хунъ Чжанъ былъ очень старъ, дряхлъ, высокъ и грузенъ и все время кашлялъ. По лицу его можно было думать, что онъ тяжело страдалъ и отъ собственной болѣзни и отъ тѣхъ бѣдствій, которыя стряслись надъ его родиной. Подъ лѣвымъ глазомъ былъ виденъ шрамъ раны, нанесенной ему въ Японіи фанатикомъ японцемъ.

Поручикъ Мельниковъ передалъ привѣтствіе отъ генерала Церпицкаго, которое было переведено на китайскій языкъ Леонидомъ Ивановичемъ.

Ли Хунъ Чжанъ поблагодарилъ и поручилъ передать русскому генералу его отвѣтное привѣтствіе. Затѣмъ онъ повернулъ голову и направилъ на русскаго кореспондента проницательный, презрительно-скорбный взглядъ. Я окончательно смутился и чувствовалъ себя полнымъ ничтожествомъ.

О чемъ я могу говорить съ этимъ великимъ человѣкомъ, геніальности котораго было ввѣрено спасеніе Китая и примиреніе его со всѣми державами? Леонидъ Ивановичъ выручилъ меня.

Ліу доложилъ Ли Хунъ Чжану, что русскому журналисту было бы очень лестно и цѣнно узнать сужденіе Ли-чжунтана, т. е. канцлера Ли, о событіяхъ нынѣшняго года въ Китаѣ.

— Передайте ему,—сказалъ Ли Хунъ Чжанъ покитайски,— что нынѣшнія событія есть печальное недоразумѣніе какъ для насъ, такъ и для иностранцевъ. Особенно прискорбно то, что изъ-за этого недоразумѣнія, которое вполнѣ возможно было вовремя предотвратить, нарушились издавна дружественныя отношенія между Россіей и Китаемъ, которыя были вынуждены прибѣгнуть къ оружію другъ противъ друга.

— Кто-же главный виновникъ всѣхъ этихъ событій?—спросилъ я робко.

— Князь Дуань и окружавшіе его министры. Вмѣсто того, чтобы пресѣчь вовремя всѣ волненія, они только еще болѣе разжигали ихъ, покровительствуя ихэтуанцамъ. Они и должны быть отвѣтственны за происшедшія послѣдствія, но нельзя карать неповинный китайскій народъ, который былъ вовлечонъ въ бѣдствія своимъ собственнымъ невѣжествомъ.

— Дѣйствителенъ ли еще оборонительный договоръ, заключонный между Китаемъ и Россіей четыре года тому назадъ?

— Конечно, дѣйствителенъ. Я не слышалъ, чтобы договоръ былъ уничтоженъ. Россія не объявляла войны Китаю и она является единственной державой, съ которой мы можемъ о чемъ-либо договориться, которая относится благожелательно къ Китаю и не эксплоатируетъ насъ. Въ это трудное время я надѣюсь только на помощь и поддержку Русскаго Царя. Я увѣренъ, что только Русскій Императоръ поможетъ намъ выйти изъ настоящаго несчастія и примириться съ другими державами.

— Какое впечатлѣніе сохранилось у Ли-чжунтана о его поѣздкѣ въ Москву на Коронацію?

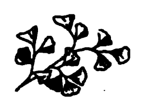
— Меня поразило величіе, богатства и сила Россіи. Москва прекрасный городъ. Я полагаю, что среди всѣхъ державъ Китай можетъ быть въ истинной дружбѣ и союзѣ только съ Россіей, и я бы желалъ, чтобы эта дружба и этотъ союзъ дѣйствительно и всегда существовали между обоими сосѣдними государствами.

— Что думаетъ Ли-чжунтанъ объ образѣ дѣйствій Германіи?

Лицо Ли Хунъ Чжана омрачилось и онъ отвѣтилъ:

— Я совершенно не понимаю, что германцамъ еще нужно. Посланники уже давно освобождены. Пекинъ взятъ и уже разграбленъ европейцами. Тяньцзинъ также. Никакихъ китайскихъ войскъ между Тяньцзиномъ и Пекиномъ нѣтъ и они никому не грозятъ. Императоръ и императрица уѣхали въ провинцію Шаньси. Что же германцы еще хотятъ. Ужъ не хочетъ ли графъ Вальдерзэ брать Пекинъ еще разъ?

— Я надѣюсь только на помощь Русскаго Царя, — сказалъ Ли Хунъ Чжанъ, подымаясь съ дивана и прощаясь.

Когда я возвращался изъ Хайфангунсо, всюду на улицахъ Тяньцзина встрѣчались германскіе патрули, караулы и часовые.

Гостиница „Astor House" превратилась въ германскій штабъ. Въ общей столовой и во всѣхъ этажахъ гостиницы германскіе офицеры блистали своимъ великолѣпіемъ, всюду звучала германская рѣчь и гремѣли германскія шпоры.

Но съ кѣмъ пришли воевать воинственные и блистательные германцы, что хотѣли брать или кого хотѣли освобождать,— никому не было извѣстно.

Нѣсколько мѣсяцевъ германцы всетаки воевали, устраивали базы, отыскивали китайскія войска и запоздалыхъ боксеровъ, предпринимали жестокія карательныя экспедиціи, для наказанія ни въ чемъ неповинныхъ деревень, но къ чему они все это дѣлали—было неизвѣстно.

Неизвѣстнымъ осталось также, какимъ образомъ и для чего погибъ начальникъ ихъ штаба генералъ Шварцгофъ, сгорѣвшій въ Пекинѣ посреди дворцовъ, на глазахъ всѣхъ, въ несгораемомъ асбестовомъ домѣ.

Извѣстно только, что самъ фельдмаршалъ графъ Вальдерзэ былъ спасенъ изъ горѣвшаго дома—русскимъ офицеромъ Крикмейеромъ, подпоручикомъ Выборгскаго полка, состоявшимъ при фельдмаршалѣ.

Германцы въ Тяньцзинѣ.

Сорокъ лѣтъ назадъ

Сорокъ лѣтъ назадъ въ Китаѣ совершались событія, подобныя тѣмъ, что разразились въ 1900 году.

Англія и Франція были въ войнѣ съ Китаемъ и ихъ войска, подъ начальствомъ главнокомандующихъ—англійскаго генерала Гранта и французскаго Монтобана, подошли къ Пекину и готовились къ штурму столицы, такъ какъ китайцы не хотѣли принять ихъ ультиматума.

Россія оставалась нейтральной. Въ то время державы еще не имѣли своихъ постоянныхъ представителей въ Пекинѣ и Россія не пользовалась никакимъ вліяніемъ при Пекинскомъ правительствѣ.

При англо-французской арміи находился русскій посланникъ графъ Н. П. Игнатьевъ, командированный въ Пекинъ для разрѣшенія различныхъ русско-китайскихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на основаніи Тяньцзинскаго, Айгунскаго и прочихъ договоровъ. Прежде всего было необходимо добиться признанія Айгунскаго договора, который Китайское правительство отвергало какъ неправильно заключонный.

Еще въ 1859 году Китайское правительство смотрѣло на Россію и прочія великія державы какъ на неполноправныя вассальныя государства и поручало вѣдать дѣла съ ними той-же палатѣ Лифаньюань, которая вѣдала дѣла съ Монголіей и Маньчжуріей. Китайскіе министры оставляли безъ вниманія самыя энергичныя представленія русскаго посланника и съ такимъ пренебреженіемъ относились къ иностраннымъ представителямъ, что не позволили графу Игнатьеву выѣхать изъ Пекина и взяли подъ стражу американскаго посланника Уарда.

Съ такимъ правительствомъ и при соревнованіи Франціи и Англіи графу Игнатьеву нужно было вести сложныя дипломатическія дѣла и добиться значительныхъ выгодъ для Россіи.

Въ распоряженіи русскаго посланника не было ни денегъ, ни

войскъ, ни флота, чтобы произвести необходимое давленіе на пекинское правительство. Онъ могъ разсчитывать только на поворотъ событій и на свои собственныя дипломатическія способности.

Послѣ того какъ китайская армія была на голову разбита возлѣ моста Палицяо и богдыханъ съ высшими чинами правительства бѣжалъ изъ столицы, всѣ китайцы были въ смятеніи. Съ другой стороны, англичане и французы были также въ затрудненіи, не зная, съ кѣмъ и какъ начать мирные переговоры.

Гр. Игнатьевъ блестяще воспользовался всѣми преимуществами нейтральнаго положенія Россіи и сумѣлъ поставить себя въ такое выгодное положеніе между враждующими сторонами, съ которыми всѣми онъ сохранилъ самыя дружественныя отношенія, что и китайцы и союзники просили гр. Игнатьева быть ихъ посредникомъ для заключенія мира.

5 октября 1860 года, принимая китайскихъ сановниковъ, явившихся просить о посредничествѣ, графъ Игнатьевъ сказалъ имъ рѣчь, которая можетъ быть слово въ слово повторена черезъ сорокъ лѣтъ и основанія которой совершенно сходятся съ взглядами Ли Хунъ Чжана на русско-китайскія отношенія.

Доказавъ въ своей рѣчи справедливость требованій Россіи и описавъ могущество Русскаго Царя и то значеніе, которымъ онъ пользуется въ глазахъ европейцевъ, русскій посланникъ сказалъ:

— Россія всегда принимала въ васъ живѣйшее участіе. Она не разъ давала вамъ благіе совѣты и указывала, какъ избѣжать бѣдственнаго положенія, въ которомъ вы находитесь за послѣдніе годы. Но ваше правительство, вмѣсто того чтобы слѣдовать этимъ совѣтамъ, слушало совѣты всякихъ недостойныхъ людей. 11 мѣсяцевъ прожилъ я напрасно въ Пекинѣ, дѣлалъ многократныя предложенія, явно клонившіяся къ вашей же пользѣ, но вы не обратили на нихъ вниманія и, вѣроятно, скрывали ихъ даже отъ богдыхана. Что нужно думать послѣ вашего отказа принять предложенное Россіей и усовершенствованное оружіе и инструкторовъ? Россія можетъ жестоко наказать васъ за неисполненіе ея законныхъ требованій и отомстить за то невниманіе, съ которымъ вы отнеслись къ ея представителю. Ей ничего не стоитъ нанести вамъ неотразимый ударъ въ любое мѣсто вашего государства, соприкасающагося съ нашимъ на протяженіи 10000 верстъ. Вамъ извѣстно, какъ много сухопутныхъ войскъ имѣетъ Россія,—извѣстно, что наша эскадра стоитъ въ Печилійскомъ заливѣ, и всетаки Россія не только не желаетъ воспользоваться вашимъ настоящимъ безвыходнымъ поло-

женіемъ, но она готова даже доказать свое доброе расположеніе къ вамъ. Вамъ прекрасно извѣстны требованія моего правительства, о которомъ написано уже столько бумагъ въ верховный совѣтъ. Назначьте уполномоченныхъ для рѣшенія этихъ дѣлъ. Обѣщайтесь слѣдовать нашимъ совѣтамъ въ вашихъ дѣйствіяхъ относительно союзниковъ и я ручаюсь, что Пекинъ будетъ спасенъ, что Маньчжурская династія останется на престолѣ и что всѣ ваши дѣла устроятся наилучшимъ образомъ.

Графъ Игнатьевъ заключилъ свою рѣчь словами:

— Пора вамъ понять, что одна Россія искренно благопріятствуетъ Маньчжурской династіи и она одна можетъ спасти васъ.

Своевременное вмѣшательство и искусное посредничество гр. Игнатьева спасло Пекинъ отъ штурма и ускорило заключеніе мира между Китаемъ и союзниками. Въ Англіи и Франціи не должны забывать о той роли, которая принадлежала русскому посланнику въ заключеніи Пекинскихъ трактатовъ 1860 года.

Въ знакъ своей признательности за устройство мира, китайцы согласились на всѣ главнѣйшія требованія гр. Игнатьева: Китайское правительство признало и дополнило Айгунскій договоръ 1858 года; весь Амурскій и Уссурійскій край были признаны принадлежащими Россіи; русско-китайская граница на западѣ Китая измѣнена въ пользу Россіи; разрѣшено открыть консульство въ Кашгарѣ; разъяснены пограничные вопросы; пріобрѣтены новыя права и выгоды для русской торговли въ Китаѣ и пр.

Образъ дѣйствій гр. Игнатьева, увѣнчавшійся такими блестящими результатами для интересовъ Россіи, несмотря на тѣ огромныя препятствія и трудности, которыми онъ былъ окруженъ, остается до сихъ поръ программой русской политики въ Китаѣ, которая сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: внимательное изученіе своеобразной жизни и понятій китайцевъ, тѣсная дружба съ Китаемъ и независимый образъ дѣйствій въ Китаѣ среди другихъ державъ.

Подробности о дѣятельности гр. Игнатьева въ Пекинѣ сообщены въ недавно изданной (въ Портъ-Артурѣ) интереснѣйшей книгѣ молодого автора лейтенанта барона А. Буксгевдена, безвременно скончавшагося въ Пекинѣ лѣтомъ 1902 года.

Первый русскій посланникъ въ Пекинѣ

Генералъ-Адъютантъ

гр. Н. П. Игнатьевъ

Ввиду вырожденія и дряхлости Маньчжурской династіи; ея шаткости и той непопулярности, которой она пользуется въ китайскомъ народѣ, ввиду даже возможнаго ея паденія, — русской политикѣ въ Китаѣ предстоитъ нынѣ весьма серьезное дѣло: зорко наблюдать за народными волненіями, которыя уже давно тревожатъ Югъ Китая, и заблаговременно выработать опредѣленный планъ дѣйствій — на благо Китайскаго народа и въ интересахъ Россіи.

Пекинскія ворота, пробитыя русскими гранатами.

Третья часть

Мукденъ

Передъ стѣнами Мукдена.

И ли фу жень чжай
Фэй синь фу е
Ли бу шань е
И дэ фу жень чжай
Чжунъ синь юэ
Эръ чэнь фу е

Если покорять людей силою,
а не покорять сердцемъ —
сила ихъ не свяжетъ.
Если покорять людей добромъ,
они будутъ радоваться отъ сердца —
это будетъ искренняя покорность.

Мэнцзы.

Въ Южной Маньчжуріи

День Тезоименитства Царицы Маріи Θеодоровны—22-ое іюля—былъ днемъ замѣчательныхъ совпаденій въ исторіи русскихъ военныхъ дѣйствій 1900 года. Въ одинъ и тотъ-же день — въ Тяньцзинѣ русскія и союзныя войска начали рѣшительное наступленіе на Бэйцанъ и Пекинъ; въ Сѣверной Маньчжуріи русскіе заняли Айгунь, а въ Южной Маньчжуріи русскіе бомбардировали и взяли Инкоу.

Наша дорога въ Южнэй Маньчжуріи.

Говоря о портѣ Инкоу, называемомъ иностранцами обыкновенно Ньючжуаномъ, англо-китайскія и англо-японскія газеты очень часто замѣчаютъ, что Россія коварно и самовольно захватила договорный портъ и офиціально обѣщавшись возвратить его Китаю при утвержденіи въ немъ законнаго порядка вещей, повидимому, „забыла о своемъ обѣщаніи“.

Хотя со времени занятія Россіей Инкоу прошло 2 года, однако, едва-ли хоть одна иностранная газета станетъ утверждать, что всѣми ожидаемый и лелѣемый законный порядокъ вещей въ Китаѣ уже утвержденъ или можетъ быть такъ скоро достигнутъ. Пока-же въ городахъ внутренняго Китая находится хоть одинъ солдатъ иностранныхъ экспедиціонныхъ или окупаціонныхъ корпусовъ, для Россіи не представляется конечно никакихъ основаній выводить свои войска изъ Инкоу, который не только имѣетъ огромное военно-стратегическое значеніе для Маньчжуріи, но и является однимъ изъ конечныхъ пунктовъ выстроенной нами Китайской Восточной желѣзной дороги.

Кромѣ того иностранныя газеты вѣроятно недостаточно освѣдомлены относительно того, что благодаря быстрому занятію Инкоу Россіей, не только порядокъ не былъ нарушенъ въ этомъ порту, вслѣдствіе чего международная торговля могла безпрепятственно продолжаться, но и сами иностранцы, живущіе въ этомъ городѣ и напуганные дѣйствіями боксеровъ и китайскихъ властей, просили русскаго консула А. Н. Островерхова о скорѣйшемъ занятіи Инкоу Россіей.

Послѣ паденія Тяньцзина 30 іюня 1900 года, часть китайскихъ войскъ отступила по направленію къ Бэйцану, гдѣ и укрѣпилась, а другая часть вмѣстѣ съ боксерами ушла въ Лутай и Шанхайгуань, откуда стала угрожать Инкоу.

Боксеры, свирѣпствовавшіе по всей Маньчжуріи, въ большомъ количествѣ вошли въ китайскій кварталъ Инкоу и возбуждали китайское населеніе противъ иностранцевъ.

Къ половинѣ іюля положеніе дѣлъ въ порту стало весьма тревожнымъ. Иностранное населеніе охранялось русской охранной стражей полковника Мищенко, канонерской лодкой „Отважный“, которой командовалъ капитанъ 2 ранга Клапье-де-Колонгъ, и двумя японскими канонерками.

13-го іюля полковникъ Мищенко вышелъ на рекогносцировку пути въ Гайчжоу (Кайджоу), по которому должны были бѣжать китайскія войска, разбитыя нами въ Сюнъеченѣ (Синьюченъ). Встрѣ-

тивъ на пути китайскую импань, Мищенко потребовалъ выдачи оружія. Такъ какъ китайскій командиръ отказался выдать оружіе, то Мищенко приказалъ бомбардировать импань, изъ которой китайскіе солдаты бѣжали въ китайскую часть Инкоу.

Первое столкновеніе съ китайскими регулярными войсками возлѣ Инкоу вызвало панику среди населенія. Тысячи китайцевъ стали выселяться на джонкахъ. Китайскіе солдаты, бѣжавшіе въ городъ, начали его грабить и только благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ даотаемъ, грабежи были прекращены.

Китайскія военныя власти потребовали подкрѣпленій, которыя въ тотъ-же день пришли въ Инкоу изъ Тяньчжуантая и Эрдагоу. Нападенія со стороны китайскихъ солдатъ или со стороны боксеровъ на иностранный участокъ можно было ожидать ежеминутно. Желѣзная дорога, соединяющая Инкоу съ Дашицяо (Ташичао) и Портъ-Артуромъ, была испорчена китайцами. Наконецъ, былъ уничтоженъ и телеграфъ, и Ньючжуанъ оказался совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ Артуромъ.

Положеніе иностранцевъ стало еще болѣе опасно, когда подполковникъ Карпенко, стоявшій въ русскомъ поселкѣ съ 2 ротами 7 Вост. Сиб. Стр. полка и 2 орудіями, былъ вызванъ въ Ташичао, гдѣ произошло вооруженное столкновеніе отряда полковника Домбровскаго, командира 11 Вост. Сиб. Стр. полка, съ китайскими войсками.

Встревоженные положеніемъ вещей иностранные консула явились къ русскому консулу Островерхову и выразили просьбу, чтобы русскіе немедленно приняли рѣшительныя мѣры и охранили городъ отъ нападенія китайцевъ. На вопросъ А. Островерхова, не будутъ-ли они имѣть что либо противъ, если русскія войска войдутъ въ Инкоу, всѣ консула отвѣтили, что не только ничего не имѣютъ противъ, но даже просятъ объ этомъ.

А. Н. Островерховъ и командиръ „Отважнаго“ Клапье-де-Колонгъ рѣшили немедленно отправить въ Портъ-Артуръ миноносецъ, на которомъ поѣхалъ секретарь русскаго консульства Х. П. Кристи съ донесеніями къ вице-адмиралу Е. И. Алексѣеву о необходимости принять экстренныя мѣры.

У береговъ Жолтаго моря русскія войска въ то время уже дрались на два фронта: въ Чжилійской провинціи, подъ начальствомъ генерала Линевича, и въ самой южной оконечности Южной Маньчжуріи — на Ляодунѣ, подъ начальствомъ генерала Флейшера и полковниковъ Домбровскаго и Мищенко. Портъ-Артуръ, какъ цен-

тральный и опорный стратегическій пунктъ, нуждался въ особой охранѣ.

Хотя для такого большого боевого фаса русскихъ войскъ было недостаточно, однако, адмиралъ Е. И. Алексѣевъ рѣшилъ помочь Ньючжуану и отправилъ туда еще канонерку и десантъ, которые прибыли въ назначенный пунктъ 17-го іюля.

Постройка желѣзнодорожнаго моста на нашей дорогѣ въ Южной Маньчжуріи.

Русскіе заняли Инкоу. Русскій таможенный флагъ.

Занятіе Инкоу Россіей

22 Іюля

Положеніе въ Инкоу стало еще тревожнѣе.

Китайскій даотай, управлявшій портомъ, не постѣснялся вывѣсить на улицахъ города подложную прокламацію Мукденскаго цзянцзюня, въ которой народъ призывался къ изгнанію и истребленію иностранцевъ. Даотай уже давно получилъ эту прокламацію противъ иностранцевъ, но не рѣшался показать ее народу. На улицахъ появились и другія прокламаціи, которыя возвѣщали объ избіеніи иностранцевъ, причемъ головы ихъ оцѣнивались въ 25 ланъ, но головы русскихъ были оцѣнены въ 50 ланъ, т. е. 70 рублей. Это для русскихъ могло быть даже лестно.

Для охраны иностранной части города была построена барикада, возлѣ которой поставлены русскіе часовые. Китайцы выстроили напротивъ свою барикаду и поставили въ разныхъ мѣстахъ своихъ часовыхъ. Число китайскихъ солдатъ въ городѣ было увеличено до 2 тысячъ.

17 іюля даотай разослалъ консуламъ письмо, для обсужденія котораго было назначено засѣданіе консуловъ. Даотай сообщилъ,

что согласно приказанію Мукденскаго цзянцзюня онъ долженъ войти въ соглашеніе съ консулами и потребовать, чтобы иностранцы не производили никакихъ военныхъ дѣйствій ближе 30 ли (15 верстъ) отъ города. Это обозначало, что русскіе должны были удалить изъ Ньючжуана свои войска и военныя суда. Къ счастью, въ тотъ же

Генералъ Флейшеръ.

день пришли на нашей канонерской лодкѣ „Гремящій“ войска и одна рота стрѣлковъ 7-го полка была поставлена для охраны иностраннаго участка.

Объ охранѣ и безопасности города болѣе всего хлопоталъ японскій консулъ Танабе. Изъ этого, а также изъ другихъ фактовъ можно вывести заключеніе, что, вслучаѣ если бы русскіе вовремя не подали военной помощи Инкоу, этимъ дѣломъ занялись бы японцы и прислали бы свои войска изъ Японіи для занятія этого порта, съ которымъ они ведутъ большія комерческія дѣла.

22-го іюля европейская часть Инкоу была неожиданно встревожена выстрѣлами боксеровъ и китайскихъ солдатъ, которые въ числѣ около 2 тысячъ человѣкъ рѣшились сдѣлать нападеніе на иностранцевъ.

Къ счастью, благодаря тому, что русскія войска вовремя прибыли изъ Дашицяо (Ташичао), атака китайцевъ была быстро отражена. Въ дѣлѣ принимали участіе: 4 роты, полубатарея, казаки, охранная стража и морской десантъ съ „Отважнаго“ и „Гремящаго“, подъ командою лейтенанта Плена, — всего около 1000 человѣкъ. Военными дѣйствіями командовалъ генералъ Флейшеръ.

Наши потери были ничтожны: 3 ранены и 1 контуженъ.

Городской валъ и форты, съ которыхъ китайцы пытались обстрѣливать европейцевъ, были бомбардированы нашими канонерками „Отважный“ и „Гремящій“. Обѣ японскія канонерки не принимали участія въ бомбардировкѣ, но выслали свой десантъ для охраны своего консульства и прилегающей части города.

Къ вечеру даотай, китайскія власти и всѣ солдаты и боксеры (изъ нихъ было перебито нѣсколько десятковъ человѣкъ) бѣжали. Наши войска заняли городъ, поставили свои караулы и подняли военный флагъ надъ китайской морской таможней.

23-го іюля, на разсвѣтѣ на крейсерѣ 2 р. „Забіяка“ въ Инкоу прибылъ главный начальникъ Квантунской области вице-адмиралъ Алексѣевъ.

Три недѣли передъ тѣмъ, когда былъ взятъ Тяньцзинъ, адмиралъ Алексѣевъ, совмѣстно съ другими союзными командирами, вводилъ гражданское управленіе, порядокъ и спокойствіе въ китайскихъ кварталахъ занятаго союзниками города.

Та-же задача предстояла адмиралу въ Инкоу, но только здѣсь вопросъ весьма усложнялся дипломатическими затрудненіями, ввиду того что Инкоу представляетъ открытый и договорный портъ, занимая который Россія должна была дѣйствовать на свой рискъ, имѣя дѣло съ международными трактатами, ревниво настроенными иностранными консулами и англо-китайской морской таможней.

Однако, всѣ затрудненія были искусно устранены.

Прежде всего адмиралъ Алексѣевъ издалъ къ китайскимъ жителямъ успокоительную прокламацію, въ которой приглашалъ ихъ вернуться къ мирнымъ занятіямъ и оказывать содѣйствіе русскимъ властямъ.

Къ иностраннымъ консуламъ адмиралъ Алексѣевъ обратился съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что занятіе рус-

скими Инкоу имѣетъ исключительно временный характеръ, причемъ адмираломъ было дано увѣреніе, что права иностранцевъ ни въ чемъ не будутъ нарушены.

Это письмо произвело самое лучшее впечатлѣніе на всѣхъ консуловъ, которые успокоились относительно дальнѣйшихъ намѣреній Россіи въ Инкоу, сообщили, что доведутъ до свѣдѣнія своихъ правительствъ наши заявленія и обѣщали оказывать полное содѣйствіе временному русскому управленію въ Инкоу.

Лейтенантъ Пленъ и морской десантъ въ Инкоу.

Русская колонія въ Инкоу. На палубѣ „Бобра“.

Русское градоначальство въ Инкоу

Когда по приказу генерала Флейшера надъ китайской таможней былъ спущенъ китайскій флагъ и поднятъ русскій, англійскій консулъ выразилъ свой протестъ заявляя, что таможенное зданіе есть частная собственность англійскаго подданнаго сэра Роберта Гарта, вслѣдствіе чего онъ находитъ, что русскій флагъ поднятъ незаконно.

Такъ какъ прекращеніе дѣятельности таможни совершенно не могло входить въ наши интересы, которые напротивъ требовали сохраненія самыхъ дружественныхъ отношеній съ иностранцами въ Инкоу, то адмиралъ Алексѣевъ обратился къ завѣдующему таможней комиссару Баура съ письмомъ, въ которомъ просилъ его попрежнему управлять таможней, такъ какъ русскія власти не намѣрены входить въ ея внутреннее устройство и распорядки и желаютъ, чтобы дѣла въ ней велись какъ и раньше. Ввиду бѣгства даотая, который имѣлъ право контроля надъ денежной отчотностью таможни, адмиралъ призналъ справедливымъ, чтобы было назначено спеціаль-

ное русское лицо, которое приняло бы на себя эти функціи даотая, со званіемъ товарища комиссара—„co-commissioner“.

Таможенный комиссаръ г. Баура не согласился сразу на русскія предложенія и отвѣтилъ, что онъ желаетъ представлять отчотность непосредственно временному управленію Инкоу и кромѣ того окончательныя инструкціи онъ долженъ получить отъ своего таможеннаго начальства въ Шанхаѣ.

Градоначальникъ гор. Инкоу А. Н. Островерховъ.

Адмиралъ Алексѣевъ поручилъ своему дипломатическому чиновнику И. Я. Коростовцу лично переговорить съ г. Баура и подробно выяснить, что русскіе нисколько не покушаются ни на дѣла таможни, ни на ея внутреннюю организацію, но желаютъ, чтобы она какъ можно скорѣе возобновила свою дѣятельность. Г. Коростовецъ указалъ, какія выгоды можетъ имѣть таможня, если она не пріостановитъ своихъ дѣлъ при новомъ русскомъ управленіи и такъ удачно повелъ переговоры, что г. Баура принялъ всѣ наши предложенія. Впослѣдствіи главное управленіе англо - китайскихъ

таможенъ въ Пекинѣ вполнѣ одобрило г. Баура за то, что Инкоуская таможня не прекратила своей дѣятельности, и признало русскій образъ дѣйствій совершенно цѣлесообразнымъ и правильнымъ.

Вопросъ о русскомъ флагѣ надъ англо-китайской таможней былъ улаженъ также удачно. Адмиралъ Алексѣевъ поручилъ разъяснить, что такъ какъ русскіе временно замѣстили бѣжавшія китайскія власти, то они тѣмъ самымъ имѣютъ полное право спустить китайскій флагъ съ таможни, являющейся китайскимъ казеннымъ учрежденіемъ и поднять русскій флагъ и что этимъ нисколько не затронуты частныя права собственности англійскаго подданнаго Сэра Р. Гарта.

Англійскій консулъ и таможенный комиссаръ нашли эти объясненія совершенно правильными—и русскій таможенный флагъ развѣвается надъ таможней понынѣ.

Когда въ 1895 году, въ войнѣ съ Китаемъ, японцы заняли Инкоу, они первымъ долгомъ упразднили англо-китайскую императорскую морскую таможню, назначили своихъ чиновниковъ японцевъ и сами собирали пошлины съ китайцевъ и судовъ, посѣщающихъ Инкоускій портъ.

Хотя Россія и не объявляла войны Китаю, но силою обстоятельствъ она была вынуждена занять Инкоу для охраны жизни и имущества своихъ и иностранныхъ подданныхъ. Россія, по праву войны, могла поступить съ Инкоу также, какъ поступили японцы, и ввести русскую таможню съ русскими чиновниками.

Не желая возбуждать конфликта съ иностранцами и прерывать дѣятельность таможни съ одной стороны, а съ другой желая подтвердить принципъ временнаго занятія порта, адмиралъ Алексѣевъ призналъ необходимымъ сохранить китайскую императорскую таможню въ полномъ ея объемѣ и правахъ, причемъ онъ вошолъ въ соглашеніе съ г. Баура, что слѣдующія требованія Россіи будутъ соблюдены: 1) отчотность таможни будетъ контролироваться русскимъ чиновникомъ; 2) комиссаръ и всѣ служащіе въ таможнѣ подчиняются русской власти; 3) функціи бывшаго Хайгуаньскаго банка, имѣвшаго дѣла съ таможней, будутъ возложены на отдѣленіе Русско-Китайскаго банка въ Инкоу, въ которомъ въ качествѣ депозита будутъ храниться доходы таможни.

Представителемъ и для контроля со стороны Россіи—для китайской императорской таможни былъ назначенъ г. Шмидтъ, одинъ изъ чиновниковъ Русско-Китайскаго банка.

Въ Инкоу существовала туземная таможня, управлявшаяся ки-

тайскими чиновниками и взимавшая пошлины съ джонокъ (ластовый сборъ) и съ товаровъ. Такъ какъ всѣ эти чиновники бѣжали во главѣ съ даотаемъ, то адмиралъ Алексѣевъ возложилъ на русскихъ чиновниковъ сборъ пошлинъ съ китайскихъ судовъ, каковые сборы были обращены въ средства русскаго инкоускаго градоначальства.

Одновременно съ устройствомъ таможенныхъ вопросовъ, имѣвшихъ международное значеніе, адмиралъ Алексѣевъ энергично взялся за утвержденіе въ Инкоу временного русскаго управленія, которое обезпечивало бы миръ, порядокъ и безопасность всѣмъ жителямъ и оберегало-бы русскіе интересы на этой окраинѣ.

Насколько быстро велись работы по составленію проекта инкоускаго управленія, можно въ достаточной степени судить по тому, что 27 іюля, черезъ 4 дня послѣ занятія Россіей Инкоу, адмиралъ Алексѣевъ утвердилъ: „Положеніе о временномъ Императорскомъ Россійскомъ управленіи портомъ Ньючжуанъ—Инкоу", выработанное А. Н. Островерховымъ и И. Я. Коростовцемъ.

Новое управленіе получило наименованіе градоначальства.

Во главѣ управленія портомъ поставленъ градоначальникъ, назначаемый главнымъ начальникомъ Квантунской области и утверждаемый Высочайшей властью.

При градоначальникѣ образованъ совѣтъ, въ качествѣ совѣщательнаго органа, въ составъ коего входятъ: комендантъ, представитель консульскаго корпуса, представитель иностранныхъ торговыхъ фирмъ, представитель китайскихъ торговыхъ палатъ, таможенный комиссаръ (отъ китайской морской таможни) и завѣдующій санитарной частью.

Для выясненія нуждъ городского и торговаго населенія при градоначальникѣ образована дума изъ представителей мѣстнаго купечества.

Для завѣдыванія отдѣльными отраслями управленія назначены:

1) Полиціймейстеръ. 2) Податной инспекторъ и казначей. 3) Городской судья. 4) Завѣдующій санитарной частью и 5) переводчики.

Находящіяся въ городѣ войска состоятъ въ вѣдѣніи коменданта, на котораго, кромѣ того, возлагается охрана города и обезпеченіе правильнаго торговаго движенія сухимъ путемъ и по рѣкѣ Ляохэ.

Градоначальнику предоставлено право издавать обязательныя постановленія, облагать туземцевъ налогами и сборами, распоряжаться движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, принадлежавшимъ Китайскому правительству, утверждать расходованіе суммъ, отпу-

Инкоу и рѣка Ляохэ.

щенныхъ или поступающихъ на содержаніе управленія и благоустройства города и сноситься съ иностранными представителями.

Для поддержанія порядка на рѣкѣ Ляохэ и среди китайскихъ джонокъ назначена брандвахта, въ составѣ офицера и нижнихъ чиновъ, которымъ вмѣнено въ обязанность не допускать въ городъ джонокъ съ оружіемъ, китайскими солдатами и военными припасами.

Податной инспекторъ (онъ-же казначей) занимается сборомъ съ Китайскаго населенія какъ обычныхъ налоговъ и податей, такъ и тѣхъ, которые могутъ быть вновь установлены градоначальникомъ.

Судебная часть ввѣрена русскому городскому судьѣ и иностраннымъ консуламъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

Дѣла между русскими, китайцами и иностранцами, не имѣющими здѣсь своихъ консульскихъ представителей, а также дѣла, возникающія по обвиненію полиціей, разбираются—городскимъ судьей. который руководится кодексомъ смѣшанныхъ судовъ въ Китаѣ.

Дѣла между иностранцами, имѣющими въ Инкоу своихъ консуловъ, разбираются соотвѣтствующими консулами.

Дѣла по обвиненію иностранцевъ китайцами разбираются подлежащими консулами.

Дѣла по обвиненію китайцевъ иностранцами разбираются—городскимъ судьею.

Китайцы, обвиняемые въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, грабежахъ, военной контрабандѣ и пр., подлежатъ вѣдѣнію военнаго суда. Всѣ начальники отдѣльныхъ отраслей управленія назначаются и увольняются главнымъ начальникомъ Квантунской области.

Иностранцы и китайцы могутъ быть приглашаемы на службу градоначальникомъ. Средствами градоначальства являются доходы отъ сборовъ съ китайцевъ и доходы китайскаго отдѣленія морской таможни, вѣдающаго сборами съ китайскихъ джонокъ и товаровъ.

Адмиралъ Алексѣевъ назначилъ градоначальникомъ Инкоу русскаго консула, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ этотъ городъ—А. Н. Островерхова.

Выборъ оказался въ высшей степени удаченъ и оправдалъ не только надежды и довѣріе русскихъ, но и иностраннаго населенія, которое было чрезвычайно встревожено необыкновенными событіями, разразившимися надъ Инкоу. Знаніе новыхъ языковъ, знакомство съ мѣстными условіями и прекрасныя отношенія, ранѣе существовавшія между иностранцами и г. Островерховымъ, давали ему возможность справляться съ трудной задачей — перваго русскаго градоначальника въ международномъ договорномъ портѣ, имѣющемъ

„открытыя двери“. А. Островерховъ управлялъ городомъ 15 мѣсяцевъ. Его преемникомъ былъ назначенъ капитанъ II р. Эбергардъ.

Приказомъ адмирала Алексѣева командиръ канонерской лодки „Отважный“ капитанъ 2 р. Клапье-де-Колонгъ былъ назначенъ комендантомъ порта Инкоу. Благодаря его дипломатическому такту, стойкости и энергіи въ дѣйствіяхъ, русскіе интересы въ Инкоу нашли въ лицѣ кап. Колонга ревностнаго поборника. Онъ сумѣлъ поддерживать наилучшія отношенія не только съ иностранцами, но и съ китайцами, которые оказали разныя почести капитану Клапье, при его отъѣздѣ изъ Инкоу.

На почотномъ шолковомъ знамени китайцы вышили слѣдующую надпись въ честь отъѣзжавшаго коменданта:

„Великаго Русскаго Царя—начальнику силъ морскихъ, сухопутныхъ, пушечныхъ и лошадиныхъ: ваше строгое приказаніе облагодѣтельствовало много бѣднаго народа“.

Комендантъ порта Инкоу капитанъ II р. Клапье-де-Колонгъ.

Когда китайцы услышали и увидѣли, что русскіе вносятъ въ Инкоу, брошенный китайскими властями, опредѣленное управленіе и твердый порядокъ, они стали успокаиваться и снова возвращаться въ свои покинутыя фанзы. По Ляохэ и съ моря стали снова прибывать джонки съ товарами. Къ русской власти китайцы сразу стали относиться съ полнымъ довѣріемъ и даже начали просить, чтобы къ ихъ домамъ и магазинамъ ставились русскіе караулы, за что они хотѣли платить особое вознагражденіе.

Первымъ полиціймейстеромъ Инкоу былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Пересвѣтъ-Солтанъ, занявшій затѣмъ должность правителя канцеляріи градоначальника. Затѣмъ полиціймейстеромъ этого порта состоялъ поручикъ Стравинскій.

Для сохраненія порядка и безопасности въ городѣ была образована полиція изъ 75 стрѣлковъ, изъ которыхъ одинъ старшій. Кромѣ того назначены четыре околоточныхъ надзирателя.

Такъ какъ подобная охрана была бы недостаточна для города, занимающаго до 4 кв. верстъ и имѣющаго многочисленное населеніе

(до 100 тысячъ жителей лѣтомъ), то полиціймейстеръ Стравинскій образовалъ особую китайскую милицію, содержимую на счетъ мѣстныхъ купцовъ. Милиція теперь состоитъ изъ 200 пѣшихъ и 30 конныхъ охранниковъ, вооруженныхъ разнымъ старымъ китайскимъ оружіемъ, достаточнымъ противъ китайскихъ воровъ и грабителей.

Кромѣ того, въ интересахъ безопасности, китайцамъ было воспрещено гулять по улицамъ съ 9 часовъ вечера и до разсвѣта.

Еще въ первые дни пребыванія адмирала Алексѣева въ Инкоу, къ нему явилась депутація изъ китайскихъ богатыхъ купцовъ и знатныхъ горожанъ, которые принесли ему благодарность китайскаго населенія за водвореніе порядка въ брошенномъ властями городѣ и просили на будущее время покровительства и охраны.

Въ теченіе года китайцы имѣли много случаевъ убѣдиться, что русская власть умѣетъ не только быстро брать города, но и вносить въ нихъ порядокъ, судъ, расправу и давать надлежащую поддержку и защиту интересамъ трудового населенія.

По приказанію адмирала Алексѣева экспедиція подполковника Генке и лейтенанта Козлянинова спустилась внизъ по рѣкѣ Ляохэ, разсѣяла гнѣздо рѣчныхъ разбойниковъ-хунхузовъ и привела караванъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ китайскихъ джонокъ съ товарами. Борьба съ рѣчными хунхузами ведется до сихъ поръ. Можно считать, что главныя хунхузскія конторы, облагавшія своею данью джонки по рѣкѣ Ляохэ—нынѣ уже уничтожены.

Другимъ вниманіемъ русской власти къ нуждамъ туземцевъ—было пониженіе пошлинъ. Когда при морской таможнѣ было образовано русско-китайское отдѣленіе для сбора пошлинъ съ китайскихъ джонокъ, то пошлины взимались согласно тарифу морской таможни. Оказалось, что этотъ тарифъ по нѣкоторымъ статьямъ выше тарифа, установленнаго для джонокъ китайскими властями, хотя въ суммѣ пошлины, собиравшіяся даотаемъ, были гораздо выше, такъ какъ китайскіе чиновники вообще собирали налоги хищнически и нерѣдко увеличивали ихъ произвольными поборами. Весною 1900 года китайскіе купцы обратились съ ходатайствомъ къ русскимъ властямъ о пониженіи пошлинъ до уровня китайскаго „даотайскаго“ тарифа.

По представленію финансоваго комиссара Квантунской области И. Н. Протасьева, адмиралъ Алексѣевъ приказалъ, чтобы со всѣхъ ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ пошлины взимались по прежнему китайскому тарифу.

Неудивительно, что китайцы, живущіе въ Инкоу и получающіе большіе доходы отъ пребыванія русскихъ, цѣнятъ русское управле-

ніе городомъ и подносятъ русскимъ разные почетные зонтики, знамена и пр.,—и не слышно, чтобы они мечтали о скоромъ возвращеніи въ Инкоу бѣжавшихъ китайскихъ мандариновъ.

Говоря о культурной дѣятельности русскихъ въ Инкоу, необходимо отмѣтить плодотворные труды двухъ лицъ, послѣдовательно занимавшихъ должность городского судьи въ Инкоу—капитана А. Н. Разумовскаго и капитана А. Д. Дабовскаго, которые съ честью носили имя русскаго судьи и содѣйствовали поддержанію порядка, согласія и добрыхъ отношеній между русскими, иностранцами и китайцами въ этомъ порту.

Слѣдуетъ также упомянуть, что энергіей мѣстныхъ русскихъ военныхъ властей при управленіи 1 Вост. Сиб. Стр. бригады была воздвигнута первая православная церковь въ Инкоу—въ бывшей китайской кумирнѣ.

Городской судья капитанъ Дабовскій.

Одновременно съ военнымъ занятіемъ Южной Маньчжуріи шло и научное ознакомленіе съ краемъ. Нынѣ въ степяхъ, городахъ и дебряхъ Маньчжуріи работаютъ русскіе военные топографы и нерѣдко подъ выстрѣлами хунхузовъ составляютъ карту трехъ великихъ провинцій Маньчжуріи: Мукденской, Гиринской и Хэйлунцзянской.

Лейтенантъ Л. Л. Козляниновъ, который, будучи командиромъ миноносца № 208, уже изучалъ рѣку Ляохэ въ 1900 г., весною слѣдующаго года проѣхалъ на джонкахъ эту рѣку отъ города Тунцзякоу, у границъ Монголіи, мимо Тѣлина, до ея устья и несмотря на тяжолыя условія путешествія, весенніе дожди, холода и вѣтры, не стѣсняясь присутствіемъ большихъ отрядовъ хунхузовъ, которые постоянно тревожили джоночные караваны, онъ сдѣлалъ гидрографическую съемку рѣки, опредѣлилъ астрономически 38 пунктовъ и производилъ попутно рѣчной промѣръ.

Въ іюнѣ 1901 г., приказаніемъ адмирала Алексѣева лейт. Козляниновъ былъ назначенъ командиромъ парохода „Самсонъ“ и получилъ приказаніе какъ можно выше подняться по рѣкѣ Ляохэ. 27

іюня устье рѣки Хунхэ, впадающей въ Ляохэ, на 130 верстъ выше Инкоу, впервые увидѣло русское паровое судно, пришедшее подъ Андреевскимъ флагомъ. Подходя къ рѣкѣ Хунхэ лейт. Козлянин овъ встрѣтилъ скопище хунхузовъ, открылъ огонь и быстро разсѣялъ ихъ. 10 хунхузовъ и ихъ 3 лошади были убиты. Остальные бѣжали. Такимъ образомъ, „Самсонъ“ былъ первымъ судномъ, которое углубилось такъ далеко внутрь страны, безъ картъ и лоцмановъ, исключая карты, составленной самимъ же Козляниновымъ.

Изслѣдователь рѣки Ляохэ лейтенантъ Козляниновъ.

Въ теченіе навигаціи 1901 года „Самсонъ“ нѣсколько разъ подымался по Ляохэ и охранялъ на рѣкѣ порядокъ и свободное движеніе джонокъ.

Гидрографическій трудъ лейтенанта Козлянинова освѣтилъ великую рѣку Ляо — важнѣйшую торгово-политическую и стратегическую водную артерію Южной Маньчжуріи.

Съ 1 января 1901 года русская таможня (русско-китайское отдѣленіе морской таможни) подчинена вѣдѣнію финансоваго комиссара въ Портъ-Артурѣ И. Н. Протасьева.

Русская таможня была организована по образцу морскихъ таможенъ въ Китаѣ, устройство которыхъ является наиболѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ мѣстной весьма своеобразной торговли, благодаря чему за первый отчотный годъ русская таможня въ Инкоу всего собрала 395,049 рублей.

Вся эта сумма обращена въ доходы градоначальства, благодаря чему расходы по содержанію русской администраціи въ Инкоу были покрыты вполнѣ.

Если бы Россія заняла въ 1900 году и Китайскую морскую таможню, т. е. сдѣлала то, что сдѣлала Японія въ 1895 г., то Инкоу давалъ бы Россіи ежегоднаго дохода около 1.400,000 руб.

За два года Инкоу такъ обрусѣлъ подъ русскимъ управленіемъ и русскіе такъ много сдѣлали для его благосостоянія, что возвращеніе его Китаю было бы равносильно потерѣ цѣлаго русскаго города и милліоннаго порта, являющагося торгово-политическимъ ключомъ въ Маньчжурію.

Русскій десантъ занимаетъ Шанхайгуань.

Тонку—Шанхайгуань

13 Сентября

Возвращаясь изъ Тяньцзина въ Портъ-Артуръ, я снова пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Тонку. Здѣсь, въ тылу дѣйствующей международной арміи русскіе и другіе союзники трудились не меньше, чѣмъ въ авангардѣ—въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ. Въ устьѣ Пэйхо ежедневно совершалась весьма важная и трудная работа по доставленію войскъ, боевыхъ припасовъ и продовольствія съ военныхъ и комерческихъ судовъ на рейдѣ—въ Тонку и далѣе на театръ военныхъ дѣйствій. Благодаря неизмѣнному волненію на рейдѣ Таку, благодаря бару въ устьѣ рѣки, постояннымъ отливамъ, приливамъ и сильнымъ вѣтрамъ, эта переправа съ моря на берегъ требовала очень много трудовъ, заботъ и бдительности. Хозяевами положенія въ Таку все время были русскіе, благодаря тому что комендантомъ Таку былъ назначенъ по выбору адмираловъ союзной эскадры адмиралъ Веселаго, которому пришлось вынести на себѣ все это тяжолое и сложное дѣло организаціи десантовъ—въ самое горячее боевое время, въ теченіе іюня и іюля 1900 года, и въ такомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ, каковымъ является устье Пэйхо—Таку.

Адмиралъ Веселаго былъ, кромѣ того, назначенъ начальникомъ отряда судовъ всѣхъ союзныхъ державъ въ рѣкѣ Пэйхо.

Вступивъ въ комендантство надъ Таку, адмиралъ Веселаго прежде всего озаботился приведеніемъ укрѣпленій Таку въ боевую готовность, что представляло большія затрудненія, вслѣдствіе того что большинство орудій на фортахъ было подбито. Для цѣлей перевозки десантовъ адмиралъ Веселаго воспользовался буксирными пароходами, а также найденными въ Тонку желѣзными баржами, выброшенными на берегъ вѣтромъ. По приказанію адмирала эти суда были исправлены, что дало возможность перевозить не только русскія войска, но и десанты союзниковъ, которые неоднократно обращались къ содѣйствію русскаго адмирала.

Китайское адмиралтейство въ Тонку, захваченное русскими, было спасено отъ разграбленія и приведено въ полный порядокъ. Русскія морскія власти возобновили въ адмиралтействѣ работы, которыя стали производиться нашими командами и бывшими китайскими мастеровыми. Китайцамъ за работу выдавался рисъ, захваченный нами въ Тонку. Какъ во время военныхъ дѣйствій, такъ и впослѣдствіи это адмиралтейство служило большимъ подспорьемъ для русскихъ и иностранныхъ военныхъ судовъ, выполняя для нихъ различныя работы.

По распоряженію русскаго коменданта, наши лодки „Бобръ“ и „Сивучъ“ и двѣ германскія лодки обстрѣляли китайскую импань, находившуюся въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Тонку и вооруженную 15 орудіями. Германскій десантъ подъ командою капитана 2 р. Поль взялъ импань, уничтожилъ орудія и захватилъ другую импань, въ которой китайцы хранили болѣе 10,000 ящиковъ пороха и около 1000 ящиковъ пироксилина и динамита. Такъ какъ сосѣдство такого огромнаго количества взрывчатыхъ матеріаловъ было чрезвычайно опасно для фортовъ и станціи Тонку, то командиру „Манджура“ капитану 2 р. Эбергардту было поручено уничтожить эти запасы. Это трудное дѣло было выполнено въ 10 дней.

Такимъ же образомъ, по распоряженію адмирала Веселаго англійскій контръ-миноносецъ „Fame“, имѣвшій наименьшую осадку среди другихъ судовъ соединеннаго отряда, уничтожилъ фортъ Коку, расположенный въ 12 верстахъ выше по Пэйхо и своими орудіями мѣшавшій безпрепятственному движенію по рѣкѣ между Тонку и Тяньцзиномъ.

Мѣстность вокругъ Тонку была долгое время неспокойна. Въ окрестныхъ деревняхъ бродили вооруженные отряды боксеровъ и

китайскихъ солдатъ. До начала іюля всѣ военныя суда, стоявшія въ устьѣ Пэйхо, днемъ и ночью были готовы къ бою, а люди по ночамъ спали у орудій не раздѣваясь, ожидая нечаяннаго нападенія.

27 іюля начальникъ нашей Тихоокеанской эскадры вице-адмиралъ Гильтебрандтъ, по случаю своей болѣзни, уѣхалъ въ Россію и замѣстителемъ его въ командованіи эскадрой былъ назначенъ адмиралъ Веселаго. Комендантомъ Таку былъ временно назначенъ капитанъ 1 ранга Доможировъ, который продолжалъ поддерживать съ иностранцами такія же дружественныя отношенія, какія были установлены его предшественникомъ. Комендантскимъ штабъ-офицеромъ при адмиралѣ Веселаго состоялъ лейтенантъ Балкашинъ.

Полное прекращеніе военныхъ дѣйствій въ устьѣ рѣки Пэйхо послѣдовало со времени взятія крѣпости Бэйтанъ.

После занятія Лутая, генералъ Церпицкій вмѣстѣ со своимъ отрядомъ вернулся обратно въ Бэйтанъ.

11 сентября генералъ Церпицкій снова двинулся въ походъ, по направленію къ Лутаю, съ цѣлью занять китайскую желѣзную дорогу Тонку-Шанхайгуань-Инкоу. Въ южной своей части, около Тонку, дорога была наполовину разрушена боксерами, но дальше на сѣверъ и путь и подвижной составъ были въ цѣлости. Кромѣ того представлялось чрезвычайно важнымъ заблаговременно захватить расположенныя вдоль дороги богатыя угольныя копи, для того чтобы китайцы не успѣли ихъ разрушить.

Отрядъ вовремя пришолъ въ Сіугочжань и находящіяся здѣсь копи каменнаго угля были спасены. На станціи желѣзной дороги оказался поѣздъ, на который были живо посажены три роты 6 Вост. Сиб. Стр. полка. Капитанъ 6 полка Коссовскій и поручикъ Васмундтъ повели поѣздъ. Съ этими ротами генералъ Церпицкій и командиръ 6-го полка полковникъ Манаевъ немедленно двинулись по желѣзной дорогѣ на станцію Таньшань, гдѣ находились огромныя желѣзнодорожныя мастерскія. Ночью въ пяти верстахъ отъ Таньшаня поѣздъ наскочилъ на пустыя платформы и потерпѣлъ кру-

шеніе. Наши стрѣлки отдѣлались ушибами, высадились изъ вагоновъ и пошли дальше походомъ. Въ Таньшанѣ была оставлена полурота для охраны поѣзда и воинскихъ вещей.

По дорогѣ стрѣлки имѣли перестрѣлку съ китайцами. Ночью отрядъ Церпицкаго подошолъ къ Таньшаню и сейчасъ-же овладѣлъ станціей, всѣми мастерскими и депо съ 26 локомотивами и 300 вагоновъ. Всѣ китайцы, служившіе на этой станціи, бѣжали. На слѣдующее утро генералъ Церпицкій приказалъ стрѣлкамъ исправить путь, испорченный наканунѣ крушеніемъ поѣзда.

14 сентября въ Таньшань прибылъ въ поѣздѣ весь отрядъ генерала Церпицкаго, состоявшій изъ 4 ротъ 6-го полка, 3 ротъ 7-го полка, 7 орудій и казаковъ—Верхнеудинцевъ и Читинцевъ.

Въ тотъ же день генералъ Церпицкій получилъ отъ коменданта крѣпости Шанхайгуань письмо, въ которомъ китайскій комендантъ выражалъ свою покорность и соглашался на всѣ условія сдачи крѣпости Шанхайгуань русскимъ.

Получивъ такое письмо о сдачѣ, начальникъ отряда рѣшилъ немедленно двинуться въ Шанхайгуань.

15 сентября русскій отрядъ былъ посаженъ на два поѣзда и снова тронулся въ путь. На станціяхъ Кайпинъ и Гуе русскіе захватили копи съ богатѣйшими залежами угля.

Всего русскіе захватили: 30 локомотивовъ, сотни вагоновъ и открытыхъ платформъ, великолѣпныя мастерскія, склады, депо, десятки тысячъ шпалъ и рельсъ, нѣсколько милліоновъ пудовъ каменнаго угля и всю желѣзную дорогу отъ Тонку до Шанхайгуаня.

19 Сентября

Въ то время какъ генералъ Церпицкій быстро и неутомимо подвигался вдоль желѣзной дороги къ Шанхайгуаню, на рейдѣ Таку совѣтъ адмираловъ международной эскадры обсуждалъ вопросъ о занятіи Шанхайгуаня морскими силами—со стороны моря.

Адмиралы постановили отправить 19 сентября къ Шанхайгуаню военныя суда разныхъ націй и ночью штурмовать Шанхайгуаньскіе форты, если китайцы отвергнутъ ультиматумъ и не сдадутъ фортовъ добровольно.

Защищонный со стороны моря минными загражденіями и прекрасными фортами съ новѣйшими орудіями, Шанхайгуань представлялся сильной крѣпостью и взять его было бы еще труднѣе, чѣмъ форты Таку, если бы китайцы пожелали оказать сопротивленіе. Поэтому противъ Шанхайгуаня была двинута сильная международная эскадра.

Желая всюду быть первыми, а главное—желая перехитрить

Вице-адмиралъ Скрыдловъ.

русскихъ, англичане завели особые переговоры съ комендантомъ Шанхайгуаня, отдѣльно отъ всѣхъ союзныхъ адмираловъ, предлагая ему сдать Шанхайгуань Англіи.

Хотя комендантъ еще 14 сентября сдалъ ввѣренную ему крѣпость генералу Церпицкому, однако, получивъ такое любезное предложеніе отъ англичанъ, онъ поспѣшилъ исполнить также ихъ желаніе, остроумно сдавая свою крѣпость во второй разъ.

19 сентября рано утромъ одно англійское военное вѣстовое судно подошло къ Шанхайгуаню. Англичане высадились на берегъ, подняли свой флагъ на одномъ изъ фортовъ и отправились занимать станцію желѣзной дороги—главную цѣль ихъ тайной высадки, но...

неожиданно встрѣтили два поѣзда, которые быстро катили къ станціи биткомъ набитые русскими солдатами, кричавшими ура.

Это былъ отрядъ генерала Церпицкаго, который предупредилъ англичанъ.

Стрѣлки вылѣзли изъ вагоновъ, живо заняли станцію и всѣ мастерскія и водрузили надъ станціей русскій флагъ. Вся дорога отъ Тонку до Шанхайгуаня была въ рукахъ русскихъ.

Въ тотъ же день вечеромъ къ Шанхайгуаню прибылъ изъ Портъ-Артура десантный отрядъ, предназначенный для занятія фортовъ и города. Десантъ состоялъ изъ 15-го и 16-го полковъ 4-ой Стрѣлковой Желѣзной бригады, только что прибывшей изъ Одессы, полуроты Квантунскихъ саперъ, 4 орудій, полусотни Верхнеудинцевъ и 3 командъ морскихъ минеровъ и сигнальщиковъ. Отрядомъ командовалъ начальникъ 4-ой Стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ Волковъ.

Войска были размѣщены на крейсерахъ Добровольнаго Флота „Москва“ и „Орелъ“ и на пароходахъ Китайской Восточной желѣзной дороги „Гиринъ“ и „Просперъ“. Отрядъ конвоировался крейсеромъ 1 р. „Россія“.

На рейдѣ передъ Шанхайгуанемъ уже стояло около 40 военныхъ судовъ Россіи и другихъ союзныхъ державъ. На фортахъ были подняты международные флаги. Въ 1 часъ ночи на шлюпкахъ нашей эскадры начали свозить русскій десантъ на берегъ. Черезъ четыре часа 3200 человѣкъ нашего десанта, въ полной боевой готовности, были уже доставлены на берегъ. На другой день была перевезена артилерія, кавалерія и обозъ. Всѣми операціями высадки, произведенной въ блестящемъ порядкѣ и въ кратчайшее время, руководилъ новый начальникъ нашей Тихоокеанской эскадры вице-адмиралъ Скрыдловъ.

Нашими войсками была безъ замедленія занята вся желѣзная дорога отъ Шанхайгуаня до Цзиньчжоуфу и далѣе до Инкоу. Чины 1-го Уссурійскаго Желѣзнодорожнаго батальона сейчасъ-же приступили къ исправленію желѣзнодорожнаго пути на всемъ протяженіи и къ устройству правильнаго движенія поѣздовъ.

Къ октябрю 1900 года вся китайская желѣзнодорожная линія, охватывающая Сѣверъ Печилійскаго залива, отъ Инкоу до Цзиньчжоуфу, Шанхайгуаня, Тонку и далѣе внутрь страны—до Тяньцзина и Янцуня, всего на протяженіи около 600 верстъ принадлежала Россіи и находилась въ завѣдываніи чиновъ Уссурійскаго батальона.

Линія Янцунь—Тяньцзинъ—Шанхайгуань была Россіей вскорѣ безвозмездно передана германцамъ, которые передали ее англичанамъ.

Линія Шанхайгуань — Цзиньчжоуфу — Инкоу находилась въ вѣдѣніи и владѣніи Россіи два года. Чины Уссурійскаго батальона возстановили путь, мѣстами выстроили новое полотно, соорудили большой деревянный мостъ черезъ рѣку Далинхэ, завели акуратное движеніе поѣздовъ и привели дорогу въ такой блестящій видъ, что вскорѣ можно было ѣздить сплошнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ отъ Портъ-Артура до Пекина.

24 сентября 1902 года, на основаніи договора 26 марта того же года, Шанхайгуаньская линія была возвращена Россіей Китаю.

Нынѣ, съ окончаніемъ постройки Маньчжурской желѣзной дороги, эта линія вошла въ величайшую желѣзнодорожную цѣпь, связывающую Пекинъ съ Петербургомъ непрерывными звеньями рельсъ.

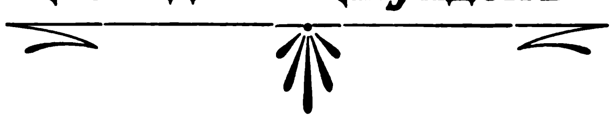

Вице-адмиралъ Алексѣевъ на форту въ Шанхайгуанѣ.

Окрестности Портъ-Артура

Походъ на Мукденъ

Лѣтомъ 1900 года вся Маньчжурія была охвачена возстаніемъ боксеровъ. Маньчжурская желѣзная дорога, строившаяся съ величайшими трудами русскими инженерами, на половину разрушена. Главный центральный пунктъ дороги Харбинъ былъ осажденъ китайцами. Строители Южнаго отдѣленія дороги, оказавшіеся въ самомъ очагѣ мятежа, спасались бѣгствомъ подъ охраною казаковъ Охранной стражи. Одни, преслѣдуемые китайцами, бѣжали на сѣверъ—въ Харбинъ; другіе на югъ—въ Портъ-Артуръ; третьи на востокъ—въ Корею. Отступавшіе инженеры, техники и различные желѣзнодорожные служащіе, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, мужественно отбивались отъ китайцевъ. Большая часть ихъ спаслась. Инженеръ Верховскій и около 20 желѣзнодорожныхъ служащихъ изъ числа спасавшихся погибли во время отступленія. Раненыхъ, убитыхъ и пропавшихъ казаковъ Охранной стражи, а также всѣхъ русскихъ, пропавшихъ безъ вѣсти въ Южной Маньчжуріи, около 150 чел.

Начальникъ Южно-Маньчжурскаго отряда
Генералъ-Лейтенантъ
Д. И. Суботичъ

1 іюля китайцы неожиданно начали бомбардировку Благовѣщенска изъ города Сахалина, находящагося на противоположномъ берегу Амура. Бомбардировка продолжалась съ перерывами три недѣли и нанесла ничтожныя поврежденія Благовѣщенску, такъ какъ китайцы стрѣляли изъ старыхъ ружей и пушекъ. Жителей Благовѣщенска, раненыхъ и убитыхъ китайскими выстрѣлами, насчитывается не болѣе 10 человѣкъ. Но китайцамъ эта бомбардировка стоила дорого, такъ какъ окрестныя китайскія селенія и городъ Сахалинъ были сожжены въ наказаніе, а китайцы, жившіе въ Благовѣщенскѣ и сосѣднихъ деревняхъ, изгнаны и переправлены черезъ Амуръ. Во время этой переправы довольно много китайцевъ потонуло.

22 іюля нашими войсками былъ взятъ городъ Айгунь. Боевой колонной въ этомъ дѣлѣ командовалъ генералъ-лейтенантъ Суботичъ, бывшій начальникъ Квантунскаго полуострова.

Лѣтомъ и осенью въ Сѣверную Маньчжурію были двинуты различные русскіе военные отряды, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гродекова, для освобожденія Харбина, занятія главныхъ областныхъ городовъ Цицикара и Гирина и для успокоенія страны.

14 августа генералъ Суботичъ прибылъ въ Портъ-Артуръ и, по Высочайшему повелѣнію, назначенный начальникомъ Южно-Маньчжурскаго отряда, немедленно приступилъ къ организаціи похода на Мукденъ.

Пока столица Маньчжуріи оставалась въ рукахъ китайскихъ войскъ и боксеровъ, уже разсѣянныхъ въ Чжилійской провинціи, но еще не утратившихъ своей силы и вліянія въ Маньчжуріи,— на прочное возстановленіе мира, порядка и законности въ странѣ, граничащей съ Россіей на протяженіи около 9000 верстъ, было мало надежды.

Поэтому на отрядъ генерала Суботича была возложена задача— возможно скорѣе занять столицу Маньчжуріи, разсѣять китайскія войска и возстановить въ странѣ спокойствіе, законную власть и мирную дѣятельность.

Такъ какъ Маньчжурія и безтого была потрясена мятежомъ и неистовствами боксеровъ, сожженіемъ и разореніемъ многихъ богатыхъ городовъ и деревень, особенно въ сѣверныхъ областяхъ, опустошонныхъ во время военныхъ дѣйствій,—то согласно Высочайшему повелѣнію, генералъ Суботичъ поставилъ своею цѣлью совер-

шить походъ на Мукденъ въ самое короткое время, предохраняя страну отъ разоренія.

Въ этомъ смыслѣ, передъ выступленіемъ въ походъ, имъ были изданы въ Портъ-Артурѣ слѣдующіе два приказа.

Приказъ отъ 5 сентября:

„Войска Южно-Маньчжурскаго отряда! На нашу долю выпала завидная честь нанести рѣшительный ударъ мятежнымъ китайскимъ ополченіямъ, сосредоточившимся въ городѣ Мукденѣ и въ возведенныхъ около него укрѣпленіяхъ.

„Опытъ недавнихъ боевъ подъ Айгунемъ, Хайларомъ, Цицикаромъ, Тяньцзиномъ и Пекиномъ указалъ, что китайскія войска, несмотря на свою многочисленность и современное отличнаго качества оружіе, не могутъ противостоять дружному натиску дисциплинированнаго и твердо руководимаго русскаго воинства, проникнутаго высокимъ понятіемъ о долгѣ передъ Царемъ и Отечествомъ и сознаніемъ воинской чести.

„Послушные волѣ нашего обожаемаго Государя Императора, мы съ твердой вѣрой въ Бога и успѣхъ русскаго оружія выступаемъ въ походъ.

„Цѣль нашихъ дѣйствій—самый рѣшительный разгромъ враждебныхъ, сопротивляющихся намъ, мятежныхъ китайскихъ войскъ и умиротвореніе края, мирное населеніе котораго само страдаетъ отъ своихъ-же мятежниковъ.

„Помните, что полную увѣренность въ успѣхъ при предстоящихъ намъ боевыхъ столкновеніяхъ надо строить не на недостаткахъ только непріятеля, а на строгомъ, неуклонномъ поддержаніи всѣми начальниками дисциплины и порядка въ своихъ частяхъ, разумномъ и точномъ выполненіи указанныхъ уставами и опытомъ всѣхъ мѣръ охраненія на мѣстѣ, въ походѣ и въ бою.

„Указанную старшимъ начальникомъ боевую задачу должно неуклонно и самоотверженно доводить до конца, памятуя, что китайцы, любящіе прибѣгать къ обманамъ, вѣроломству и засадамъ, рѣшительной атаки не выдерживаютъ, а при нападеніяхъ, встрѣтивъ спокойное, упорное сопротивленіе, очень быстро теряютъ весь свой пылъ и обращаются въ бѣгство.

„Глубоко вѣрю, что всѣ чины отряда напрягутъ всѣ силы для наилучшаго достиженія поставленной намъ свыше цѣли и оправдаютъ надежды, возлагаемыя на насъ Государемъ и Россіей.

„Громя и разсѣивая сопротивляющіяся намъ китайскія войска и мятежниковъ, ввѣренный мнѣ отрядъ долженъ быть въ то-же

время оплотомъ мирному населенію отъ какихъ бы то ни было обидъ и разоренія, а справедливымъ ласковымъ обращеніемъ съ жителями способствовать скорѣйшему умиротворенію края, что составляетъ особенное желаніе и повелѣніе Великаго Государя".

Приказъ отъ 6 сентября:

„Войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предписываю къ неуклонному и точному исполненію Высочайшаго Государя Императора указанія, преподаннаго мнѣ депешами Военнаго министра, о томъ, чтобы какъ мирные жители, такъ и личная ихъ всякаго рода собственность въ странѣ, гдѣ предстоитъ дѣйствовать отряду, оставались неприкосновенными.

„Вмѣняю въ непремѣнную обязанность всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, подъ личной тяжкой отвѣтственностью по законамъ военнаго времени, слѣдить за тѣмъ, чтобы подчиненныя имъ части, безъ особаго на то моего приказанія, отнюдь не были вводимы внутрь мирныхъ населенныхъ китайскихъ городовъ и деревень, а ровно неосторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ не причиняли-бы пожаровъ".

Начальникомъ штаба Южно-Маньчжурскаго отряда былъ назначенъ полковникъ Генеральнаго Штаба Артамоновъ, извѣстный русскій дѣятель въ Абиссиніи.

Желтое море у береговъ Квантуна.

Въ походъ на Мукденъ.
Военный обозъ въ Маньчжурской деревнѣ.

Отрядъ генерала Суботича

12 Сентября

Начальникъ Южно-Маньчжурскаго отряда генералъ-лейтенантъ Суботичъ 8-го сентября прибылъ моремъ въ Инкоу и въ тотъ же день направился по желѣзной дорогѣ въ Хайченъ, гдѣ были собраны слѣдующія войска его отряда:

1-й В.-С. Стрѣлковый полкъ. 2-й В.-С. Стр. полкъ. 11-й В.-С. Стр. полкъ. 1 батальонъ 15-го В.-С. Стр. полка. 14-й Стрѣлк. полкъ. 2 роты Охранной стражи. 1 мортирная батарея В.-С. Артилерійскаго дивизіона. 3-я батарея 2-й В.-С. Артилерійской бригады. 2 сотни Охранной стражи и полсотня 5-й сотни 1-го Верхнеудинскаго полка. 1-я Забайкальская Казачья батарея. Квантунская Саперная рота и половина 3-го Летучаго парка. Всего: 47 ротъ, 28 орудій, $2^1/_2$ сотни и $^1/_2$ парка.

Съ этими силами былъ предположенъ походъ на Мукденъ. Для охраны тыла и сообщеній были оставлены слѣдующія части: въ Инкоу—3 роты 3-го В.-С. Стр. полка; 4 орудія 2-й батареи 1-й В.-С. Арт. бригады; $^1/_2$ 5-й сотни 1-го Нерчинскаго полка.

Въ форту Ляохэ—4 легкихъ орудія и 2 пулемета.

Въ Кайчжоу—1 рота 3-го В.-С. Стр. полка и 4 орудія 1-й В.-С. Артил. бригады.

Въ Сеньюченѣ: полурота 3-го В.-С. Стрѣлковаго полка.

Въ Хайченѣ и по этапамъ оставленъ 2-й В.-С. Стрѣлковый полкъ, въ которомъ послѣ тяжолаго похода на Пекинъ около 500 нижнихъ чиновъ переболѣли дизентеріей. Храбрый командиръ полка полковникъ Модль, отличившійся со своими ротами при занятіи Бэйцана, Янцуня и Пекина, былъ назначенъ комендантомъ Хайчена и начальникомъ этапной линіи. 15-й Стрѣлковый полкъ и 2 роты 14-го Стрѣлковаго полка оставлены по этапамъ.

Хайченъ, какъ и всѣ китайскіе города, обнесенъ старыми кирпичными стѣнами, имѣетъ квадратную форму, около 2 верстъ въ длину и ширину. Этотъ городъ былъ важнымъ торговымъ пунктомъ между Инкоу и Ляояномъ. Въ 4 верстахъ отъ города находится уничтоженная лѣтомъ боксерами станція желѣзной дороги, отъ которой теперь видны однѣ стѣны и обломки. Въ то время станція Хайченъ являлась конечнымъ пунктомъ движенія поѣздовъ Маньчжурской жел. дороги отъ Портъ-Артура (около 300 верстъ). Далѣе дорога была разрушена.

По прибытіи въ Хайченъ начальникъ отряда генералъ Суботичъ приказалъ сейчасъ же своимъ войскамъ готовиться въ походъ. При этомъ была принята весьма цѣлесообразная мѣра, облегчившая солдатамъ трудности похода и содѣйствовавшая тому, что боевой переходъ въ 110 верстъ отъ Хайчена до Мукдена былъ сдѣланъ въ 7 дней. Именно, каждому солдату кромѣ ружья, патроновъ и ружейныхъ принадлежностей, было приказано взять съ собою только шинель, двѣ смѣны бѣлья, походную палатку и котелокъ для варки пищи. Остальныя же тяжолыя вещи: мундиръ, шаровары и сапоги—оставлены временно въ Хайченѣ, въ особомъ складѣ. Двуколки, которыя везли мундирную одежду, освободились благодаря этой мѣрѣ и были употреблены для болѣе быстрой подвозки продовольствія войскамъ.

Пока готовились къ походу, было получено извѣстіе отъ китайцевъ, что Мукденскій Цзянцзюнь передалъ командованіе надъ Маньчжурскими регулярными войсками, бывшими подъ его начальствомъ, генералу Шоу. 6,000 человѣкъ этихъ войскъ, обученныхъ германскими инструкторами, стояли въ такъ называемомъ Старомъ Ньючжуанѣ, въ составѣ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, въ разстояніи около 25 верстъ отъ Хайчена. Главныя силы, въ коли-

Рота 1-го Его Императорскаго Величества Вост.-Сиб. Стрѣлк. полка.

Въ Ньючжуанѣ.

чествѣ 14,000 чел., стояли въ Хайсяньцзюнѣ. 2,000 чел. стояли по рѣкѣ Ляохэ, въ Циньчжуаньтаѣ, откуда они скоро ушли.

Первымъ дѣломъ нашихъ войскъ было занятіе Ньючжуана. По приказанію начальника отряда генералъ-маіоръ Флейшеръ выступилъ для занятія этого города 10 сентября, съ слѣдующими силами: 1, 3 и 11 В.-С. Стр. полки, 1 батарея В.-С. С. дивизіона, 2 орудія 1 Казачьей батареи, 4 и 5 сотни 1 Верх. каз. полка и полроты Квант. саперн. роты. Всего 6 батальоновъ, 10 орудій, 2 сотни и полроты саперъ.

Отрядъ генерала Флейшера подошолъ къ Ньючжуану на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Замѣтивъ наступленіе русскихъ, китайцы открыли по нашимъ войскамъ ожесточонный огонь изъ-за стѣнъ города и сосѣднихъ деревень. Наши отвѣчали орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Перестрѣлка длилась все утро. Китайцевъ выбивали изъ каждой деревни. Когда вошли въ Ньючжуанъ, онъ былъ уже покинутъ войсками и жителями. Въ этомъ дѣлѣ были легко ранены: подпор. 1-го полка Элерцъ, поручикъ 3-го полка Малишевскій, 19 нижнихъ чиновъ; контужены: старшій врачъ 3-го полка Лисевичъ и 4 нижн. чина. Убитъ 1 стрѣлокъ. Когда ночью, еще до боя, отрядъ сталъ бивакомъ, онъ оказался въ 2 верстахъ отъ противника. Съ разсвѣтомъ китайцы стали стрѣлять по нашимъ изъ-за гаоляна, въ 50 шагахъ. Преслѣдовать ихъ въ морѣ гаоляна было невозможно.

Доктору Лисевичу приходилось перевязывать раненыхъ подъ пулями. Болѣе всего пострадалъ 3-й полкъ, который зато вошолъ первымъ въ Ньючжуанъ. Со взятіемъ Ньючжуана нашъ тылъ былъ внѣ опасности.

12 сентября генералъ Суботичъ со своими войсками началъ наступленіе на Мукденъ, для чего было необходимо послѣ взятія Ньючжуана занять Аньшаньчжаньскія горныя высоты, на которыхъ китайцы воздвигли свои оборонительныя позиціи.

Горы Аньшань.

Аньшаньчжань

13 Сентября

Въ дѣлѣ подъ Аньшаньчжанемъ противникъ былъ побѣжденъ искуснымъ маневромъ Южно-Маньчжурскаго отряда, благодаря чему наши войска избѣжали потерь, а китайцы въ смятеніи бѣжали, оставя намъ свои крѣпкія позиціи на горахъ Аньшань и открывъ дорогу на равнину при рѣкѣ Шахэ.

Мѣстность Аньшань представляетъ приподнятое плоскогорье, богато засѣянное гаоляномъ и просомъ и ограниченное съ сѣвера и востока цѣпью горъ, издали очень похожихъ на горбы верблюда или на сѣдла, почему русскіе офицеры называли эти горы „Верблюдами“, а китайцы „Сѣдельными горами“ — „Аньшань“. Въ проходѣ между горами находилась прежде почтовая станція „Аньшаньчжань“, которую русскіе желѣзнодорожники окрестили въ „Аньсяньцзянь“, а теперь всѣ дали ей рыбье названіе „Айсазанъ“.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ китайцевъ, генералъ Шоу бѣжалъ со своими войсками, въ количествѣ около 6000, отъ Ньючжуана, гдѣ онъ былъ разбитъ генераломъ Флейшеромъ, на высоты Аньшань, гдѣ соединился съ 14,000 китайскихъ войскъ, бывшими подъ начальствомъ ненавистника русскихъ, мукденскаго фудутуна губернатора Цзинь Чана. На Аньшаньскихъ горахъ фу-

дутунъ поставилъ своихъ 32 орудія новѣйшихъ системъ: дальнобойныя орудія Круппа и скорострѣлки Максима. Въ резервѣ у фудутуна Цзинь Чана и генерала Шоу находилось еще 10,000 человѣкъ, всего-же подъ начальствомъ этихъ двухъ предводителей было 60 батальоновъ — лянцзъ, что составляетъ 30,000 китайскихъ солдатъ, обученныхъ германскими и китайскими инструкторами, вооруженныхъ лучшей артилеріей, чѣмъ наша, и предназначенныхъ для защиты Мукдена и Южной Маньчжуріи отъ нападенія русскихъ.

Генералъ Артамоновъ.

Планъ для очищенія Аньшаньскихъ горъ, преграждающихъ путь на Мукденъ, отъ китайскихъ войскъ, состоялъ въ слѣдующемъ: войска раздѣлены на три колонны, которыя должны произвести атаку на Аньшань съ трехъ сторонъ: запада, юга и востока. Генералъ Флейшеръ со своими силами долженъ двинуться изъ Ньючжуана прямо на Аньшань и 13 сентября утромъ ударить съ запада на правый флангъ китайцевъ. Это была лѣвая колонна. Правая колонна полковника Мищенко должна была одновременно ударить на лѣвый флангъ противника.

Въ то же время должны были наступать главныя силы, подъ начальствомъ полковника Артамонова.

12-го сентября главныя силы, во главѣ съ начальникомъ Южно-Маньчжурскаго отряда двинулись изъ Хайчена и сосредоточились въ 8 верстахъ отъ Хайчена, по пути въ Аньшаньчжань, до котораго оставалось около 22 верстъ.

На востокѣ тянутся синія зубчатыя горы. На сѣверѣ, выше другихъ горъ, подымаются двѣ горбатыя горы, раздѣленныя переваломъ. Это два верблюда „Аньшаньчжань"—цѣль нашего похода.

13 сентября къ 9 часамъ утра всѣ три колонны явились на предназначенные пункты.

Генералъ Шоу.

Главныя силы подошли къ селенію Фуцзоу, передъ холмомъ „Драконовъ Кряжъ". Позади возлѣ мѣстечка „Синетуя", уполномоченный Кр. Креста С. В. Александровскій устроилъ перевязочный пунктъ. Наша артилерія, произведя очень смѣлую артилерійскую развѣдку, подъ начальствомъ полковника Мищенко, стала на позицію и начала сейчасъ же громить китайскія укрѣпленія, возведенныя на противоположныхъ горахъ.

Китайцы, повидимому, соображали движенія противника и молчали. На своихъ высокихъ позиціяхъ съ Круппами, Максимами и Маузерами, они считали себя неприступными.

Правая колонна полк. Мищенко стала обходить китайцевъ съ востока, наступая на „Правый горбъ лѣваго верблюда".

Лѣвая колонна генерала Флейшера вовремя пришла изъ Ньючжуана и обходила съ запада, со стороны холма Цзиньцзятай. Преслѣдуя отступающаго генерала Шоу, генералъ Флейшеръ долженъ былъ выбивать китайскихъ солдатъ изъ каждой деревни, которыя были по пути. Вмѣстѣ съ отрядомъ шолъ все время летучій санитарный отрядъ, состоявшій изъ 1 врача и 2 братьевъ милосердія. Это былъ первый опытъ примѣненія подобныхъ летучихъ отрядовъ. Задача ихъ быть тамъ, гдѣ идетъ бой, и подавать немедленную помощь раненымъ. Находясь все время при авангардѣ, этотъ отрядъ оказывалъ весьма цѣнную услугу нашимъ войскамъ при взятіи Ньючжуана и затѣмъ сопровождалъ колонну генерала Флейшера до Аньшаньчжаня.

Укрѣпившись на высотахъ, построивъ траншеи и ложементы, китайцы имѣли своимъ лѣвымъ флангомъ кумирню, въ которой тоже укрѣпились и засѣли. Видя, что значительныя силы русскихъ начали обстрѣливать фронтъ, а правая колонна наступаетъ уже на кумирню, китайцы неожиданно замѣтили лѣвую колонну, которая наступаетъ на ихъ правый флангъ и грозитъ зайти имъ въ тылъ. Это непріятное открытіе произвело смятеніе среди китайцевъ. Они поняли, что если они промедлятъ, они будутъ окружены кольцомъ русскихъ. Сдѣлавъ нѣсколько безполезныхъ усилій обстрѣлять наши фланги, китайцы поспѣшно забрали своихъ „Крупповъ“ и „Максимовъ“ и, спустившись съ высоты, бѣжали по направленію къ сѣверовостоку, на Ляоянъ.

Къ сожалѣнію, въ распоряженіи начальника отряда было такъ мало кавалеріи, что о дѣйствительномъ преслѣдованіи китайцевъ не могло быть и рѣчи. Ихъ догоняли только наши пули и шрапнели. Несмотря на свое поспѣшное отступленіе, китайцы уходили въ такомъ порядкѣ, такъ стройно для китайцевъ, маневрируя отдѣльными отрядами, что можно было ожидать, что въ слѣдующемъ столкновеніи съ русскими они такъ легко не отдадутъ своихъ позицій. Бой не замедлилъ разыграться на слѣдующій день при деревнѣ Шахэ.

Къ 2 часамъ дня ниодного китайскаго солдата не было на высотахъ. Потери китайцевъ неизвѣстны. Мы потеряли только 4 нижнихъ чиновъ ранеными.

Вечеръ этого дня, когда были такъ легко взяты сильныя позиціи, омрачился прискорбнымъ событіемъ. Во время развѣдки былъ на смерть раненъ въ животъ командиръ сотни Охранной стражи штабсъ-капитанъ Страховъ.

Рѣка Шахэ.

Бой при Шахэ

14 Сентября

На слѣдующій день генералъ Суботичъ со всѣмъ своимъ отрядомъ продолжалъ наступленіе. 14-го сентября, въ 6 час. утра двинулся впередъ летучій отрядъ полковника Мищенко. За авангардомъ двинулись главныя силы Южно-Маньчжурскаго отряда, при которыхъ находился генералъ Суботичъ. Подвижные лазареты Кр. Креста, подъ руководствомъ С. В. Александровскаго, шли за войсками передъ обозомъ. Колонна генерала Флейшера, въ виду переутомленія солдатъ, совершившихъ за три дня передъ тѣмъ походъ на Ньючжуанъ, была оставлена на бивакѣ, на одинъ день для отдыха.

Мѣстность за Аньшаньскими высотами—холмиста, коегдѣ затоплена, мѣстами орошена рѣчонками, которыя теперь на половину высохли. Кругомъ непроходимый красный гаолянъ, въ которомъ тонетъ всадникъ съ лошадью, мѣстами жолтая чумиза и наше просо. Коегдѣ на холмахъ шумятъ вѣчнозеленыя сосны.

Вправо отъ движенія войскъ, въ 2—3 верстахъ отъ насъ, съ сѣверовостока на югъ тянутся остроконечныя синія горы, съ множествомъ вершинъ, которыя подымаются до 150—200 саженъ.

Горы заняты китайскими войсками, которыя виднѣются темными подвижными пятнами и сверкаютъ на солнцѣ оружіемъ.

Полковникъ Мищенко быстро двинулся впередъ со своимъ летучимъ отрядомъ и уже черезъ 2 часа, возлѣ деревни Шахэ у него завязалась перестрѣлка съ китайцами, которые засѣли на небольшой горкѣ. Полковникъ Мищенко обстрѣливаетъ гору, выбиваетъ китайцевъ и занимаетъ эту позицію, но попадаетъ подъ перекрестный огонь китайцевъ, которые изъ своихъ орудій стрѣляютъ по немъ съ сѣверныхъ и восточныхъ горъ. Положеніе отряда Мищенко оказывается весьма критическимъ и онъ посылаетъ тревожное донесеніе въ главныя силы, прося поддержки.

Генералъ Суботичъ немедленно отправляетъ впередъ колонну полковника Артамонова и снимаетъ съ бивака колонну генерала Флейшера, которому приказано слѣдовать за главными силами. Войска быстро наступаютъ.

Непосредственно за главными силами шолъ подвижной лазаретъ Кр. Креста, съ врачами, сестрами и братьями милосердія, готовый каждую минуту разбить палатки и открыть свою дѣятельность. Благодаря предусмотрительности С. В. Александровскаго и большимъ средствамъ, которыя были ассигнованы Обществомъ Краснаго Креста, ввѣренный ему санитарный отрядъ имѣлъ прекрасные лазареты, богато снабжонные всѣмъ необходимымъ и сослужившіе большую службу въ Южно-Маньчжурскомъ отрядѣ. Если бы Печилійскій отрядъ вовремя воспользовался этими готовыми лазаретами, число больныхъ и умершихъ отъ ранъ было бы гораздо меньше на Печилійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ виду тревожнаго положенія отряда Мищенки, по приказанію генерала Суботича, 2-я батарея 1-й бригады отправляется впередъ спѣшно на рысяхъ и обгоняетъ всю пѣхоту. До полковника Мищенко нужно было пройти около 7—9 верстъ.

Утренняя свѣжесть смѣнилась знойнымъ днемъ. Шли по узкой дорогѣ, задыхаясь отъ жары, пыли и духоты. Эти узкія, извилистыя проселочныя дороги между стѣнами гаоляна представляютъ душные коридоры, въ которыхъ при безвѣтріи нечѣмъ дышать. Переднія части войскъ еще могутъ идти почти свободно, но заднія части прямо страдаютъ отъ пыли и отсутствія притока свѣжаго воздуха. Идя въ сплошномъ гаолянѣ отдѣльные отряды сбивались съ пути и не видѣли другъ-друга. Руководить войсками при такихъ условіяхъ было очень трудно и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ морѣ гаоляна разъ потерялся цѣлый батальонъ, который

только черезъ нѣсколько часовъ нашолъ дорогу и присоединился къ главнымъ силамъ.

Когда полковникъ Артамоновъ подошолъ со своей колонной къ отряду полковника Мищенки, положеніе небольшого отряда, оборонявшагося на этомъ пунктѣ и далеко отбившагося отъ своихъ, было довольно тяжолое. Видя кучку русскихъ, забравшихся на горку далеко отъ главныхъ силъ, китайцы сосредоточили на этой кучкѣ весь свой огонь ружейный и орудійный. Они стрѣляли изъ сосѣд-

Генералъ Нищенковъ.

ней деревни и изъ-за насыпи желѣзной дороги слѣва, съ горныхъ высотъ спереди, справа, даже зашли въ тылъ и стрѣляли съ высотъ сзади. Чтобы не быть окончательно окружоннымъ китайцами, Мищенко отправляетъ горсть конныхъ и пѣшихъ стражниковъ, подъ начальствомъ поручика Щекина, охранять тылъ. Подполковникъ Янушевъ, командиръ казачьей батареи, перестрѣлялъ всѣ гранаты и шрапнели: всего оставалось 16 снарядовъ. У стражниковъ оставалось по 7—15 патроновъ на человѣка. На горкѣ уже лежало нѣсколько раненыхъ. Тремя китайскими снарядами было ранено 6

нижнихъ чиновъ изъ казачьей батареи; одному изъ нихъ оторвало ногу; зажжены клѣтки и у орудія подбитъ лафетъ и механизмъ.

Но командиры Мищенко и Янушевъ не унывали, приказали своимъ молодцамъ стражникамъ и казакамъ-артилеристамъ не стрѣлять, чтобы беречь патроны и снаряды на крайній случай и.... какъ ни въ чемъ не бывало завтракали со своими офицерами подъ музыку свистящихъ и шипящихъ пуль и гранатъ.

Полковникъ Артамоновъ явился въ это время на выручку. Батарея подполковника Голова становится на позицію. При втаскиваніи орудій на гору, 3 артилериста были сейчасъ-же ранены китайской гранатой. Во время стрѣльбы сломались оси у 2 лафетовъ, и одинъ изъ лафетовъ былъ подъ выстрѣлами перемѣненъ храбрымъ фельдфебелемъ Плужниковымъ. 1-й баталіонъ 14-го полка подполковника Леща у горы, вмѣстѣ съ пулеметами подполковника Гаитенова, открываетъ огонь по ближайшимъ деревнямъ.

Англичанинъ д-ръ Вествотеръ.

Не долго думая, Мищенко беретъ 8-ую сотню, 2-ую и 6-ую роты Охранной стражи и 4-ю роту 14-го полка и съ этими болѣе чѣмъ скромными силами одинъ громитъ лѣвый флангъ китайцевъ. Артамоновъ беретъ $2^1/_2$ роты того же полка и идетъ разносить китайцевъ съ фронта. Въ то же время начальникъ артилеріи полковникъ Нищенковъ выѣзжаетъ на линію стрѣлковой цѣпи и выбираетъ мѣсто для новой батареи, которую генералъ Суботичъ посылаетъ на подкрѣпленіе авангарда. Китайцы рѣшили дать отпоръ наступленію русскихъ. Китайская батарея изъ 4 орудій начала становиться на позицію, но лишь только она завидѣла, что передъ ней также становится на позицію русская 3-я батарея 2-й бригады подполковника Маллера, китайскіе артилеристы до крайности смутились и бѣжали, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, провожаемые шрапнелью русскихъ пушекъ. Русскія винтовки выбивали китайскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ деревняхъ и на горахъ съ нѣмецкими „маузерами и манлихерами". Въ 1 ч. 25 минутъ дня китайцы, стрѣлявшіе съ фронта, совершенно замолчали и бѣжали. Полковникъ Артамоновъ занялъ двѣ деревни, а стражники полковника Мищенки заняли высоты, на которыхъ

они забрали 1 пушку Максима, 15 фальконетовъ и нѣсколько флаговъ.

Потерпѣвъ полную неудачу съ фронта, китайцы пробуютъ обойти наши войска съ фланговъ.

Въ то время какъ Мищенко и Янушевъ стойко отсиживались на своей горѣ, дѣйствія главныхъ силъ отряда были слѣдующія. Около 11 час. утра китайцы стали очень тревожить нашу главную колонну залпами съ горныхъ высотъ. Генералъ Суботичъ поручилъ начальнику артилеріи „попугать китайцевъ“, съ цѣлью прекратить ихъ ружейную пальбу. 3-я батарея Маллера быстро и безъ всякаго прикрытія выѣхала сперва на одну позицію, а потомъ на другую и открыла по китайцамъ съ 40 линій бѣглый огонь. 16 гранатъ и 16 шрапнелей было достаточно, чтобы китайцы въ полномъ смятеніи, безпорядочными кучами, бѣжали въ горы.

Китайцы на время притихли, можетъ быть затѣмъ, чтобы подобрать раненыхъ и убитыхъ, приготовить чифань, такъ какъ время было около полудня, и подкрѣпить свои силы.

Въ отрядѣ Мищенки между прочимъ геройствовалъ 70-лѣтній черногорецъ Пламенецъ. Въ Портъ-Артурѣ онъ занимался самымъ мирнымъ дѣломъ—подрядами и построилъ зданіе для Пушкинскаго Русско-Китайскаго училища. Когда началась война — славянская кровь вскипѣла у Пламенца, онъ пошолъ воевать и сталъ поистинѣ грозою манзъ и хунхузовъ. За свои подвиги онъ былъ награжденъ двумя знаками Военнаго ордена. Начальникъ отряда неоднократно благодарилъ его за прекрасный примѣръ храбрости, который онъ подавалъ солдатамъ. Старый черногорецъ презиралъ китайцевъ и и говорилъ, что въ каждомъ китайцѣ сидитъ заяцъ.

Несмотря на сильный огонь 20 орудій, 4 пулеметовъ и ружейныя пули, нѣсколько тысячъ китайцевъ упорно держатся въ скалахъ и траншеяхъ и не отдаютъ позицій. Прекрасно зная каждый уголъ своей мѣстности, они стрѣляли по площади, занятой русскими войсками, какъ по картѣ. И если китайцы причинили нашимъ войскамъ малыя потери, то это объясняется тѣмъ, что ихъ гранаты, падая въ мягкую пахотную землю и на излетѣ, по большей части не разрывались, а ихъ шрапнели разрывались въ воздухѣ преждевременно, такъ какъ китайцы не всегда умѣли справляться съ дистанціонными трубками, дающими разрывъ шрапнели въ желаемый моментъ и на желаемомъ разстояніи.

Но наши снаряды, ударяя о каменистые склоны горъ, на кото-

рыхъ китайцы гнѣздились толпами, производили страшные разрывы, и осыпали китайцевъ осколками.

Китайцы, находясь на высотахъ, были въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ наша артилерія. Но видно скоро и наши снаряды стали настигать китайцевъ. Послѣ 4-хъ часовъ перестрѣлки, китайскія батареи замолчали, но не надолго—онѣ только перемѣнили позицію.

Насыпь желѣзной дороги слѣва и горныя высоты спереди и справа представляли видъ подковы, въ которую вступали русскія войска и въ которой китайцы думали насъ окружить и уловить какъ въ западнѣ.

Около часу дня полковникъ Артамоновъ доноситъ черезъ капитана Ген. Штаба Орлова, что китайцы обходятъ его авангардъ. и проситъ поддержать его. Вскорѣ на холмахъ вдоль полотна желѣзной дороги показываются вдали густыя толпы китайскихъ стрѣлковъ, и китайскіе всадники быстро скачутъ на югъ, имѣя очевидное намѣреніе обойти русскія войска съ тыла. Генералъ Суботичъ немедленно выслалъ впередъ мортирную батарею и батальонъ 13 п. подполк. Поповиченко. Капитанъ Орловъ выводитъ на позицію этотъ батальонъ, который сейчасъ же начинаетъ обстрѣливать китайцевъ залпами.

Громоносная мортирная батарея подполковника Де-Витта около часу времени поражаетъ китайскую пѣхоту, засѣвшую по деревнямъ и за холмами, и китайскую кавалерію. Начальникъ отряда туда-же высылаетъ саперъ и 1-ю роту 13-го Стрѣлковаго полка. Встрѣтя съ этой стороны неожиданный и крѣпкій отрядъ, китайцы, не долго думая, повернули тылъ и побѣжали.

Чтобы прекратить ружейный огонь китайцевъ, которые густыми кучами кишѣли въ деревнѣ, мортирная батарея сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ. Ея дѣйствіе было ужасно. Послѣ того какъ одна бомба, начиненная порохомъ, разорвалась посрединѣ улицы, набитой китайскими солдатами, все было побито, смято и разсѣяно.

Подвижной лазаретъ Кр. Креста шолъ тѣмъ временемъ за главными силами и, выбравъ мѣсто для перевязочнаго пункта въ деревушкѣ, сталъ разбивать палатки. Уполномоченный С. В. Александровскій находился съ летучимъ санитарнымъ отрядомъ въ боевой линіи. Врачъ Ануфровичъ и братья милосердія перевязывали раненыхъ на мѣстѣ боя и доставляли ихъ на перевязочный пунктъ.

На перевязочномъ пунктѣ Кр. Креста въ этотъ день собрался весь его составъ: Александровскій, врачи Крестовскій, Ануфро-

С. В. Александровскій, врачи, сестры и братья милосердія въ походѣ.

вичъ, Вествотеръ и сестры милосердія: графиня Игнатьева, Ахрютина, Лабутина, Еремина и Кузьмина. Кромѣ того были военные врачи съ отряднымъ врачомъ д-ромъ Францiусомъ во главѣ и братья милосердія.

Всѣ были заняты своимъ дѣломъ и помогали раненымъ. Но китайцы отдыхали недолго. Около 3 часовъ дня они неожиданно заходятъ въ тылъ нашему авангардному отряду и начинаютъ обстрѣливать перевязочный пунктъ: по авангарду открываютъ орудійный огонь, а по Кр. Кресту ружейный.

Ни врачи, ни сестры не потерялись и съ честью выдержали эти критическія минуты. Сестры милосердія прямо выказали себя героинями и проявили удивительное мужество. Подъ пулями онѣ продолжали перевязывать раненыхъ и ни одна не подумала спасаться за какимъ-либо прикрытіемъ. Уже два стрѣлка были ранены на перевязочномъ пунктѣ, который охранялся только 1 взводомъ 14-го Стр. полка. Но сестра Ахрютина храбро командовала солдатами и приказывала имъ ставить палатки.

Въ это время на пунктъ пріѣхалъ командиръ саперной роты 17 Сап. батальона капитанъ князь Массальскій, подъ которымъ

была сейчасъ-же ранена лошадь. Узнавъ, что стрѣлки стоятъ здѣсь безъ офицера и ничего не дѣлаютъ, капитанъ Массальскій принялъ надъ ними команду, вывелъ свой взводъ въ поле, приказалъ стрѣлять по непріятелю и эфектъ получился неожиданный — китайцы замолчали передъ капитаномъ Массальскимъ.

Такъ какъ китайцы продолжали спускаться съ горъ и обстрѣливать Кр. Крестъ и весь обозъ, то мортирная батарея подполковника Де-Витта круто повернула кругомъ и надъ головами отряда Кр. Креста пустила нѣсколько бомбъ въ китайцевъ.

Съ горы, прозванной горою „Мищенки", спускаются 4 орудія и подъ прикрытіемъ 5-й роты 14 Стр. полка становятся на позицію противъ тѣхъ горъ, на которыхъ стали показываться цѣпи китайскихъ стрѣлковъ. Мортиры подполковника Де-Витта и орудія подпоручика Ленбома, пѣхота и саперы открыли общій огонь. На позицію становится полубатарея 4 Стрѣлк. Артилерійскаго дивизіона подполковника князя Крапоткина и выгоняетъ послѣдніе остатки китайскихъ войскъ.

Китайцы были удивительно упорны въ этомъ сраженіи. Они наступали нѣсколько разъ на наши войска, стараясь окружить ихъ. Сперва они наступали на летучій отрядъ полковника Мищенко съ фронта, потомъ съ тыла, обстрѣливали сперва нашъ правый флангъ, потомъ лѣвый и снова—правый. Употребивъ въ теченіе 7 часового боя всѣ усилія, все умѣніе атаковать русскія войска, они не выдержали и бѣжали. Къ 4 часамъ дня всѣ ихъ позиціи были очищены и бой прекратился. Войска стали располагаться на бивакъ.

Въ этотъ день болѣе всего пришлось поработать артилеріи. Наши батареи были все время въ дѣлѣ и весь день поддерживали боевой огонь на разныхъ позиціяхъ, подъ ближайшимъ руководствомъ начальника артилеріи полковника Нищенкова, который самъ объѣзжалъ всѣ позиціи, руководилъ батареями и иногда самъ направлялъ орудія. Наши батареи всегда и всюду являлись вовремя и, главнымъ образомъ, благодаря мѣткой стрѣльбѣ нашихъ артилеристовъ, китайцы такъ скоро очистили всѣ свои позиціи.

Но и пѣхотѣ также было не легко въ этотъ день. Солдаты, которыхъ передвигали по разнымъ направленіямъ по необозримому гаоляну, изнемогали отъ жары, духоты, усталости и жажды, такъ какъ они не пили и не ѣли весь день. Стрѣлки падали въ изнеможеніи, но ихъ подбирали на повозки добрыя сестры Кр. Креста.

Щадя своихъ солдатъ и желая выполнить поставленную задачу съ наименьшими потерями, начальникъ отряда генер. Суботичъ

руководилъ всѣми дѣйствіями крайне осторожно и предоставилъ главное дѣло артилеріи.

Наши войска въ этомъ сраженіи растянулись верстъ на 10. Китайцы окружили ихъ полукругомъ на протяженіи около 15 верстъ. Наши стрѣлки тонули, терялись и сбивались въ непроходимомъ гаолянѣ. Китайцы имѣли всѣ преимущества на своей сторонѣ: числен-

Отрядъ Краснаго Креста С. В. Александровскаго.

ный перевѣсъ, лучшія позиціи, лучшее вооруженіе, лучшія пушки и ружья. Но они все побросали и даже ихъ храбрый генералъ Шоу ничего не могъ подѣлать.

Сколько было китайскихъ войскъ и орудій — трудно сказать. Одинъ плѣнный китаецъ показывалъ, что всѣхъ войскъ генерала Шоу и фудутуна Цзинь Чана было 110 лянцзъ. По штату каждая лянцза должна имѣть 500 нижнихъ чиновъ. Но въ дѣйствительности ихъ бываетъ гораздо меньше. Если даже считать каждую лянцзу на половину меньше, то получится внушительная цифра въ 27,000 слишкомъ человѣкъ.

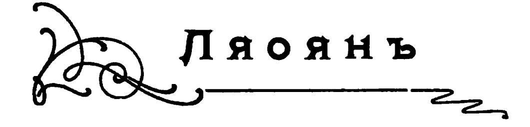
Наши потери при Шахэ были ничтожныя: убитыхъ нижнихъ чиновъ 8, тяжело раненыхъ 14, легко раненыхъ 10, контуженъ 1.

Высокой похвалой нужно отличить дѣятельность отряда Кр.

Креста С. Александровскаго въ этотъ тяжолый день. Всѣ раненые и пострадавшіе немедленно доставлялись на перевязочный пунктъ, гдѣ имъ подавалась самая тщательная помощь, благодаря обилію необходимыхъ врачебныхъ средствъ. Нечего говорить, конечно, о крайне энергичной и самоотверженной, безстрашной работѣ всѣхъ врачей, сестеръ и братьевъ Кр. Креста.

Черногорецъ Пламенецъ.

Ляоянъ

15 Сентября

На утро 15 сентября китайцы преградили путь отряду генерала Суботича къ Ляояну, занявъ сильную позицію по длинному, горному кряжу. Колонна генерала Флейшера, усиленная четырьмя орудіями и взводомъ казаковъ, выступила въ $6^1/_2$ ч. утра и двинулась въ тылъ непріятельской позиціи, направляясь на высокую Бѣлую башню укрѣпленнаго стѣнами города Ляоянъ. Средняя колонна полковника Артамонова наступала по большой дорогѣ на фронтъ позиціи, а летучій отрядъ полковника Мищенки былъ направленъ къ горнымъ высотамъ, занятымъ китайцами.

Бой начался въ отрядѣ Мищенки. Непріятельскіе снаряды ложились необычайно мѣтко, но не разрываясь въ рыхломъ грунтѣ пашни, не наносили вреда. Артилерійскій бой этотъ продолжался на мѣстѣ, пока не обнаружились результаты обходной колонны Флейшера. Артилерія авангарда, усиленная еще одной батареей, сильно обстрѣливала расположеніе противника. Подъ вліяніемъ обходной колонны, непріятельскія орудія замолчали и передовая колонна Артамонова перешла въ общее наступленіе.

Въ двѣнадцать часовъ дня противникъ поспѣшно отступилъ, бросивъ пищу, много патроновъ и оставивъ три орудія, изъ нихъ два Круппа, одно Максима, вполнѣ годныя, снаряды, оружіе и патроны. Съ занятой высоты, а также по всей боевой линіи, роты стрѣлковъ и пулеметы преслѣдовали быстро отступающаго непріятеля огнемъ.

Въ часъ дня наша передовая колонна въ боевомъ порядкѣ продолжала наступленіе на крѣпость Ляоянъ и заняла авангардомъ предмѣстье. Дальнѣйшія дѣйствія прекратились, ибо на крѣпости взвился русскій флагъ.

Ляоянъ былъ занятъ въ два съ половиною часа дня передовыми частями генерала Флейшера безъ сопротивленія, исключая легкой перестрѣлки съ запоздавшими китайскими всадниками. Летучій

отрядъ Мищенки ввязался въ дѣло уже въ девять часовъ утра и прибылъ къ Ляояну къ пяти часамъ.

Колонна генерала Флейшера выступила имѣя впереди летучій отрядъ, который нагналъ отступавшихъ китайцевъ. Китайская кавалерія дважды атаковала нашихъ казаковъ, но казаки отбросили ее, забравъ двадцать коней. Дойдя до берега рѣки Тайцзыхэ, летучій отрядъ обстрѣлялъ китайскую пѣхоту, отступавшую на ша-

Русскіе въ Ляоянѣ.
Генералъ Суботичъ и командиры Южно-Маньчжурскаго отряда у Бѣлой башни.

ландахъ и захватилъ ихъ обозъ. Около двухъ часовъ пополудни колонна подошла къ Ляояну и были высланы двѣ роты для занятія переправы по Мукденской дорогѣ. Крѣпость не сопротивлялась, но всѣ ворота были заперты. Разломавъ ихъ, 3-ій и 11-ый полки вошли съ двухъ сторонъ. Стрѣлки захватили нѣсколько орудій. Всѣ орудія новѣйшихъ системъ.

Уполномоченный Кр. Креста С. В. Александровскій.

Потери наши: ранено шестнадцать нижнихъ чиновъ.

Въ часъ дня всѣ силы непріятеля оказались отброшенными къ востоку. Жители Ляояна частью бѣжали, частью запрятались въ домахъ.

Для успокоенія жителей привлеченъ англичанинъ врачъ Вествотеръ, проживвшій въ Ляоянѣ восемнадцать лѣтъ.

Въ Ляоянѣ онъ устроилъ прекрасный госпиталь и безвозмездно лечилъ китайцевъ, которые весьма уважали и любили доктора. Боксеры уничтожили госпиталь. Самоотверженный англичанинъ едва спасся со своей семьей въ Инкоу и затѣмъ поступилъ въ отрядъ Кр. Креста Александровскаго, чтобы снова начать свою человѣколюбивую дѣятельность.

Наши войска отдыхали въ Ляоянѣ два дня.

17 Сентября

Отрядъ генерала Суботича 17-го сентября выступилъ снова въ походъ. Непріятель отступалъ въ полномъ безпорядкѣ. Пѣхота и кавалерія перемѣшались вмѣстѣ. Китайскія войска грабили

и поджигали селенія. Всюду были видны слѣды бѣгства китайскихъ войскъ, грабежа и свѣжаго бивака китайцевъ.

По приходѣ всего отряда въ Янтай, бѣжавшіе жители стали возвращаться, выказывая довѣріе къ русскимъ. Въ окрестныхъ селеніяхъ пылали пожары. По полученнымъ свѣдѣніямъ непріятель отступилъ по тремъ направленіямъ, частью на западъ, частью на востокъ, а частью по дорогѣ къ Мукдену за деревню Байтапу, куда стали стягиваться всѣ разсѣянныя китайскія войска. По разсказамъ жителей, Мукденскій цзянцзюнь поссорился съ фудутуномъ, который захватилъ въ свои руки главную власть.

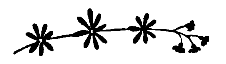

18-го сентября отрядъ продолжалъ наступленіе къ Мукдену по Мандаринской дорогѣ. Путь былъ свободенъ отъ китайскихъ войскъ. Жители понемногу возвращались, спасаясь отъ китайскихъ войскъ, которыя, по разсказамъ поселянъ, звѣрски грабили, угрожая оружіемъ. Къ вечеру авангардъ сталъ бивакомъ у селенія Байтапу, въ 10 верстахъ отъ Мукдена. На бивакѣ было получено отъ Мукденскихъ купцовъ и христіанъ письмо на англійскомъ языкѣ о скорѣйшемъ занятіи города, слѣдующаго содержанія:

„Губернатору.

„Дорогой Сэръ. Мы очень рады извѣстить васъ, что здѣшній монгольскій генералъ (Шоу) и всѣ власти бѣжали отсюда ночью третьяго дня, благодаря вашей славной храбрѣйшей арміи. Узнавъ объ этомъ, здѣшняя китайская чернь стала производить безпорядки, сожигая дома купцовъ и обывателей, вслѣдствіе чего мы находимся въ самомъ горячемъ ожиданіи, что вы прикажете немедленно вашимъ знаменитымъ войскамъ какъ можно скорѣе прибыть въ Шэньцзинъ (Мукденъ). Такъ какъ здѣсь нѣтъ ниодного китайскаго солдата, то городъ можетъ быть взятъ безъ всякихъ потерь.

„Любящіе васъ ваши купцы и христіане. Пожалуста, приходите сюда какъ можно скорѣе, чтобы спасти народъ и защитить насъ“.

Русскіе заняли Мукденъ.

Мукденъ

18 Сентября

Въ 4 часа дня 18 сентября сотня Охранной стражи, подъ командою эсаула Денисова, влетѣла въ Мукденъ черезъ открытыя южныя ворота. Въ воротахъ казаки наскочили на подложенный китайскими солдатами ящикъ съ порохомъ, который взорвало. 4 казака были тяжело обожжены. Сотня Денисова промчалась черезъ пустынный и безлюдный пылавшій городъ и немедленно заняла Богдыханскій дворецъ и домъ цзянцзюня. Ни властей, ни китайскихъ солдатъ въ городѣ не оказалось. Цзянцзюнь, войска и большая часть жителей бѣжали. Во время своего бѣгства, также какъ и въ Пекинѣ, китайскіе солдаты разграбили лучшіе магазины и поджигали дома, чтобы „ничего не осталось для грабежа иностранцамъ“—какъ они говорили.

Вечеромъ въ Мукденъ вошолъ передовой отрядъ полковника Артамонова, подкрѣпленный летучимъ отрядомъ полковника Мищенки.

По вступленіи въ городъ былъ занятъ Императорскій дворецъ

и всѣ восемь воротъ внутренняго города. Для подкрѣпленія полковника Артамонова былъ посланъ съ бивака у Байтапу сводный отрядъ, который налегкѣ ночью же перешолъ въ бродъ быструю рѣку Хунхэ и ночью же вошолъ въ Императорскій городъ.

Передовой отрядъ, занявъ городъ, нашолъ его пылавшимъ во многихъ мѣстахъ. Богатые дома и многіе магазины разграблены китайскими войсками. Дворецъ цзянцзюня, казначейство и другія правительственныя мѣста опустошены. Императорскій дворецъ разграбленъ. Всѣ европейскія постройки и дома христіанъ совершенно уничтожены. Жители и служащіе во дворцѣ вышли на встрѣчу и просили защиты отъ китайскихъ солдатъ. Полковникъ Артамоновъ, успокоивъ жителей, пригласилъ ихъ тушить пожары, которые удалось прекратить. Сильные патрули очистили городъ отъ китайскихъ солдатъ и разыскали склады боевыхъ припасовъ. Въ казенныхъ учрежденіяхъ, дворцѣ и у кладовыхъ поставлены часовые.

На разсвѣтѣ были высланы, по просьбѣ жителей, команды въ предмѣстья, съ цѣлью выгнать остатки китайскихъ мародеровъ.

Гарнизономъ въ Мукденѣ оставленъ 11-й полкъ, командиръ котораго полковникъ Домбровскій назначенъ комендантомъ и военнымъ губернаторомъ Мукдена. Найдено много орудій новѣйшихъ системъ и боевыхъ запасовъ. Всюду находятъ ружья и массу патроновъ. Захвачены пороховой и патронный заводы.

20 сентября генералъ-лейтенантъ Суботичъ торжественно вступилъ въ городъ. Авангардъ, пройдя весь городъ, сталъ бивакомъ на сѣверной сторонѣ города. Главныя силы подъ начальствомъ генерала Флейшера подтянулись и стали къ полудню на бивакъ на сѣверномъ берегу Хунхэ въ пяти верстахъ отъ Мукдена.

21 сентября на площади Императорскаго дворца полковымъ священникомъ Пивоваровымъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Обожаемому Верховному Державному Вождю Россіи и всему Царствующему Дому.

Русскіе въ Мукденѣ.

Генералъ Суботичъ, генер. Флейшеръ, полк. Нищенковъ, полк. Домбровскій, офицеры штаба Южно-Маньчжурскаго отряда.

Наши желѣзнодорожники въ Маньчжуріи.

→* По Маньчжурской желѣзной дорогѣ *←

14 Сентября

Пароходъ „Гиринъ“ Китайской Восточной желѣзной дороги 14 сентября вечеромъ доставилъ меня изъ Тонку въ Портъ-Артуръ, послѣ непріятной скачки по безпокойнымъ волнамъ Желтаго моря.

Воинственный Артуръ, котораго я не видѣлъ 4 мѣсяца, принялъ еще болѣе боевой видъ. Въ гавани спѣшно производилась посадка войскъ на суда Добровольнаго флота. Пристань была завалена ящиками съ патронами и гранатами. Повсюду торчали штыки, ружья, лафеты, орудія. Бродили часовые. По улицамъ двигались роты стрѣлковъ, скакали казаки, драгуны. Рестораны и кондитерскія были переполнены военными, которые, собираясь въ походъ, кутили попрежнему. По пыльнымъ шоссированнымъ улицамъ попрежнему какъ летучія мыши носились китайскіе рикши, и съ гикомъ и грохотомъ раскатывали русскіе извощики, давившіе рикшей попрежнему. Китайскіе домики-фанзы, въ которыхъ поселились русскіе, попрежнему были сѣры, грязны и запылены. Въ общемъ все было постарому. Я замѣтилъ только одно крупное нововведеніе. На красивой Яшмовой

Строители Южнаго Отдѣленія
Маньчжурской желѣзной дороги

Посрединѣ: инженеры Гиршманъ, Кипарисовъ и китайцы-подрядчики. Ниже инженеры Якобсонъ и Панфиловичъ.

горѣ, на дѣвственную грудь которой до сихъ поръ еще никто не рѣшался посягать, была воздвигнута на самомъ верху настоящая русская долговязая пожарная каланча—и съ этого времени полурусскій и полукитайскій Артуръ сталъ настоящимъ русскимъ городомъ. На первыхъ порахъ, когда въ городѣ случался пожаръ, то сейчасъ же бѣжали на Яшмовую гору и вывѣшивали на каланчѣ сигналъ. Потомъ на каланчу провели телефонъ, какъ подобаетъ во всякомъ благоустроенномъ городѣ.

17 Сентября

Утромъ, 17 сентября, въ поѣздѣ Маньчжурской желѣзной дороги я мчался на сѣверъ въ Мукденъ, въ погоню за отрядомъ генерала Суботича, который долженъ былъ брать столицу Маньчжуріи. Въ поѣздѣ ѣхали офицеры, солдаты, сестры милосердія, желѣзнодорожники, торговцы и смѣлыя военныя дамы.

Извѣстія съ сѣвера, съ Южно-Маньчжурскаго театра военныхъ дѣйствій, по дорогѣ все время были крайне скудныя. Никто достовѣрно не зналъ, гдѣ войска генерала Суботича и что съ ними.

Поѣздъ шолъ то скоро, то медленно. Машинистъ не торопился, слѣдуя пословицѣ „тише ѣдешь, дальше будешь“, и подолгу останавливался на всѣхъ станціяхъ, подкрѣпляя свои силы въ буфетѣ и давая возможность и пасажирамъ послѣдовать его примѣру. Наконецъ, въ полѣ, посреди гаоляна поѣздъ совсѣмъ остановился. Возмущонные пасажиры бросились къ паровозу, чтобы уничтожить медлительнаго машиниста, но ни его, ни кочегара не оказалось. Паровозъ былъ пустъ. Стали искать.

Черезъ минутъ 15 изъ гаоляна вылѣзли наконецъ машинистъ и кочегаръ. Не успѣли пасажиры излить все свое негодованіе, какъ машинистъ успокоилъ всѣхъ хладнокровнымъ отвѣтомъ:

—Я же не виноватъ, что мнѣ вѣтромъ шапку снесло, потому и остановилъ поѣздъ. Сталъ искать шапку въ гаолянѣ и нашолъ. Не поѣду же я ради васъ безъ шапки. Наконецъ, я сегодня именинникъ и могу дѣлать все, что мнѣ вздумается, и кутить хоть на каждой станціи.

Однако пасажиры не согласились съ нимъ и произвели цѣлое возмущеніе противъ неукротимаго машиниста. Къ счастью, въ

поѣздѣ ѣхалъ одинъ изъ старшихъ агентовъ желѣзной дороги, который на ближайшей станціи смѣнилъ именинника.

Проѣхавъ пустынные однообразные холмы Квантуна, поросшіе чахлой травой и одинокими соснами и дубками, миновавъ станцію Швантайгоу, Инченцза и Наньсаньшилипу, отъ которой проведена вѣтка на Дальній, мы проѣхали Тафашинъ, отъ котораго вѣтка ведетъ въ Таліенванъ. На югѣ виднѣлся идущій дугой морской берегъ. Далеко блестѣли отъ солнца фанзы Таліенвана, который въ 1898 г. сдавалъ русскимъ грозный генералъ Ма, уже черезъ два года боровшійся съ русскими на поляхъ Тяньцзина.

Далѣе сверкалъ заливъ Дальній, въ западномъ углу котораго наши инженеры и техники во главѣ съ В. В. Сахаровымъ созидаютъ первоклассный портъ и городъ Дальній—конечный комерческій пунктъ Маньчжурской желѣзной дороги. Портъ-Артуръ является такимъ же конечнымъ пунктомъ—стратегическимъ.

Таліенванъ и заливъ Дальній.

Поѣздъ мчался по узкому перешейку, связывающему Квантунъ съ Ляодуномъ. Море сверкало то съ одной, то съ другой стороны полотна. Послѣ Тафашина, на западъ отъ дороги, показались темныя древнія стѣны города Цзиньчжоу. Согласно конвенціи 1898 г. объ уступкѣ Квантунскаго полуострова Россіи, Цзиньчжоу былъ единственнымъ городомъ на арендованной Россіею територіи, въ которомъ было сохранено китайское управленіе. Неудобство подобнаго совмѣщенія русской и китайской власти стало проявляться очень скоро. Цзиньчжоускіе чиновники, недовольные уменьшеніемъ своихъ доходовъ съ населенія, стали мутить китайцевъ противъ русскихъ, возбуждать населеніе противъ новыхъ владѣтелей и устраивать

безпорядки. Во избѣжаніе осложненій, лѣтомъ 1900 года, въ разгаръ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ, Цзиньчжоу былъ занятъ русскими войсками, высланными изъ Портъ-Артура, и въ немъ введено русское управленіе. Съ этого времени прекратились всякія волненія среди окружающаго китайскаго населенія, которое вполнѣ подчинилось русскимъ начальникамъ участковъ, и отношенія между китайскими поселянами и русскими властями оставались неизмѣнно дружественными.

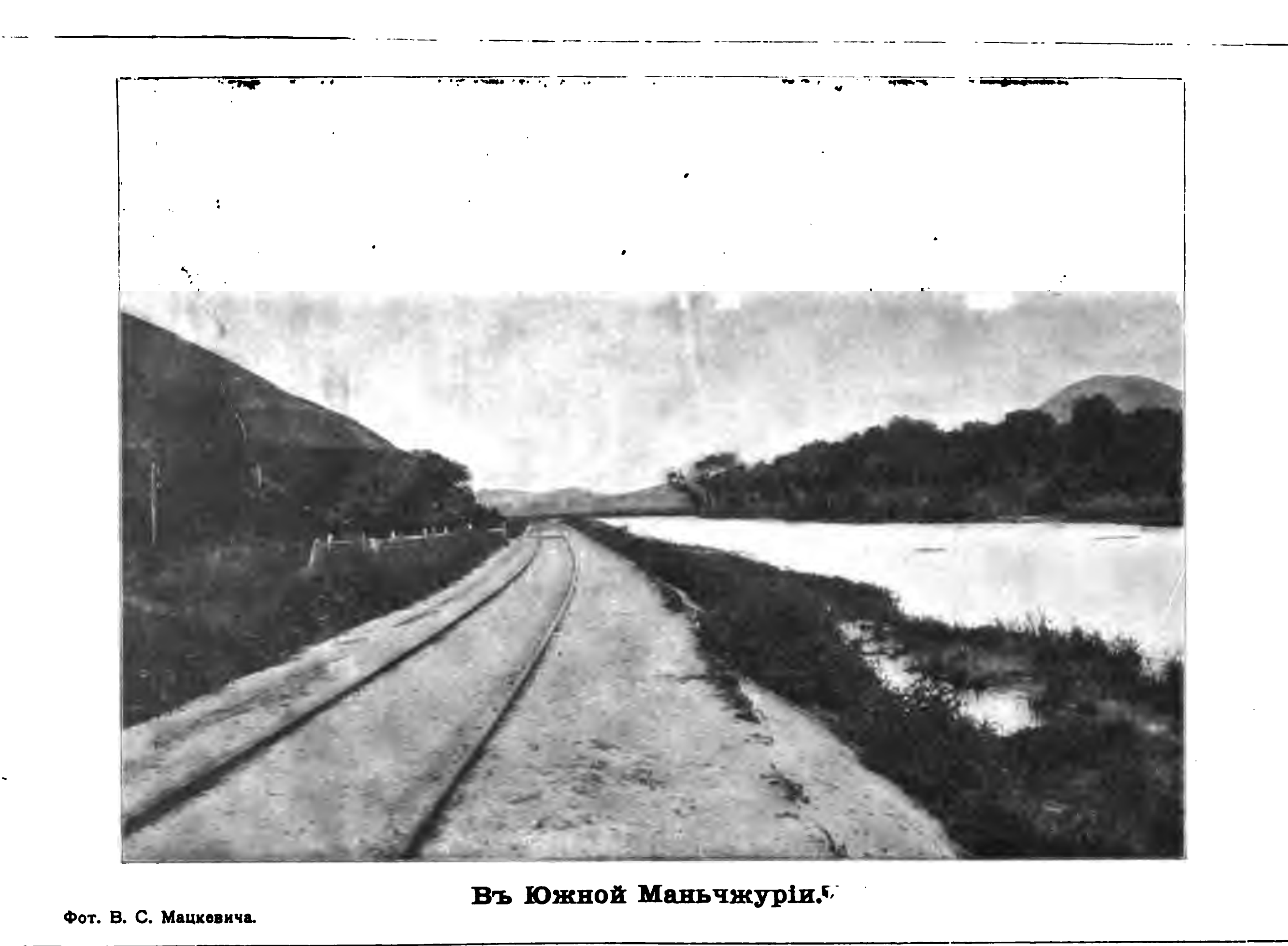
Проѣхали Пуландянъ, отъ котораго на лошадяхъ нужно ѣхать въ бойкій торговый городъ Бицзыво, извѣстный своими соляными варницами, выпаривающими морскую соль, и славящійся издѣліями изъ серебра въ китайскомъ вкусѣ. Кромѣ того Бицзыво извѣстенъ благодаря своему энергичному приставу Тауцу, наводящему ужасъ на всѣхъ китайскихъ хунхузовъ, бродягъ и разбойниковъ своимъ ростомъ, усами, храбростью и вездѣсущіемъ. Еще ниодинъ китайскій хунхузъ не спасся и не укрылся отъ всевидящихъ глазъ Тауца.

Поѣздъ подымался на сѣверъ. Предѣлы русскаго Квантуна окончились. Мы проѣхали нейтральную полосу. Пересѣкли Ляодунъ и вступили въ Южную Маньчжурію.

Передъ нами розворачивались красивыя горныя картины—одна лучше другой. Я съ восхищеніемъ глядѣлъ на мирныя глиняныя китайскія деревушки, уютно притаившіяся подъ зубастыми скалами ущелій. Поѣздъ взбѣгалъ на высокія кручи и, прорѣзавъ холмъ, стоявшій на пути, быстро скатывался въ стремнину. По обѣ стороны полотна, точно окаменѣвшія волны, морщинили чело земли безконечныя горы, красныя и бурыя вблизи, и вдали—вѣчно синія и безмолвныя.

Я, какъ русскій, гордился, что ѣхалъ по желѣзной дорогѣ среди этихъ дебрей и пустынь, сооруженной смѣлымъ умомъ и желѣзной волей русскихъ инженеровъ Воспользовавшись дешовыми руками и спинами китайскихъ рабочихъ, они создали величайшій желѣзный путь, которому вмѣстѣ съ Великимъ Сибирскимъ путемъ предстоитъ сковать неразрывной желѣзнодорожной цѣпью Тихій океанъ съ Атлантическимъ, Дальній, Портъ-Артуръ и Пекинъ съ Петербургомъ и Парижемъ.

Этотъ путь имѣетъ тяжолое офиціальное названіе „Китайская Восточная желѣзная дорога“. Но такъ въ Маньчжуріи ее никто не зоветъ, а всѣ русскіе и иностранцы правильно и просто называютъ дорогу Маньчжурской желѣзной дорогой. Для центра Китая Мань-

Фот. В. С. Мацкевича.

Въ Южной Маньчжуріи.

чжурія является либо Сѣверомъ, либо Сѣверовостокомъ. Въ крайнемъ случаѣ естественнѣе было бы дать названіе „Сѣверовосточная“ или „Восточно-Китайская желѣзная дорога“, но наименованія Маньчжурская дорога или Маньчжурка уже вошли во всеобщее употребленіе, и эти опредѣленія гораздо понятнѣе офиціальнаго названія.

Маньчжурская дорога, имѣя своимъ центромъ Харбинъ на рѣкѣ Сунгари, расходится отъ него по Маньчжуріи въ три стороны: на югъ—въ Портъ-Артуръ и Дальній (909 верстъ); на востокъ—къ Владивостоку, до станціи Пограничной (511 верстъ); на западъ—къ Забайкалью, до станціи Маньчжурія (876 верстъ). Всего со всѣми вѣтками и подъѣздными путями Маньчжурская дорога составляетъ 2400 верстъ.

Сооруженіе дороги начато въ 1898 году. Первыя изысканія направленія дороги произведены въ концѣ 1897 года. Несмотря на событія 1900 года, во время которыхъ большая часть дороги погибла, къ концу 1901 года вся дорога была вчернѣ готова. Благодаря быстротѣ, съ которой эта дорога была построена въ суровой и полудикой странѣ, подъ ударами войны и мятежа, это сооруженіе имѣетъ полное право считаться чудомъ инженернаго искусства.

Изъ всѣхъ развѣтвленій Маньчжурской дороги первымъ было выстроено Южное отдѣленіе, простирающееся отъ Портъ-Артура и Дальняго до Кундюлина на 600 верстъ. Начальникомъ Южнаго отдѣленія состоитъ инженеръ Гиршманъ. Его помощникъ инженеръ Кипарисовъ.

Въ связи съ Великимъ Сибирскимъ путемъ Маньчжурская дорога, являющаяся его нераздѣльнымъ продолженіемъ, представляетъ такое величественное сооруженіе, которое по громадности можно сравнить только съ египетскими пирамидами.

Однако польза древнихъ пирамидъ весьма сомнительна. Постройка же Сибирской и Маньчжурской желѣзной дороги является однимъ изъ самыхъ великихъ и плодотворныхъ мирныхъ завоеваній русской цивилизаціи въ Азіи—въ царствованіе Императора Николая II.

Охранники Маньчжурской жел. дороги.

Охранники

Въ военныхъ событіяхъ, разразившихся въ Южной Маньчжуріи лѣтомъ 1900 года, самое видное участіе пришлось принять чинамъ Охранной стражи, всѣми силами отстаивавшимъ ввѣренную имъ желѣзную дорогу и ея строителей. Охранная стража была образована въ то же время, когда начались первыя работы по постройкѣ дороги. Въ первые годы охранникамъ приходилось защищать желѣзную дорогу отъ хунхузовъ и случайныхъ нападеній. Въ 1900 г. охрана перенесла на себѣ нѣсколько тяжолыхъ мѣсяцевъ борьбы съ боксерами и китайскими регулярными войсками. Въ мартѣ 1900 г. штабсъ-капитанъ Янткевичъ и два казака были предательски убиты китайскими солдатами, безъ всякаго вызова съ русской стороны.

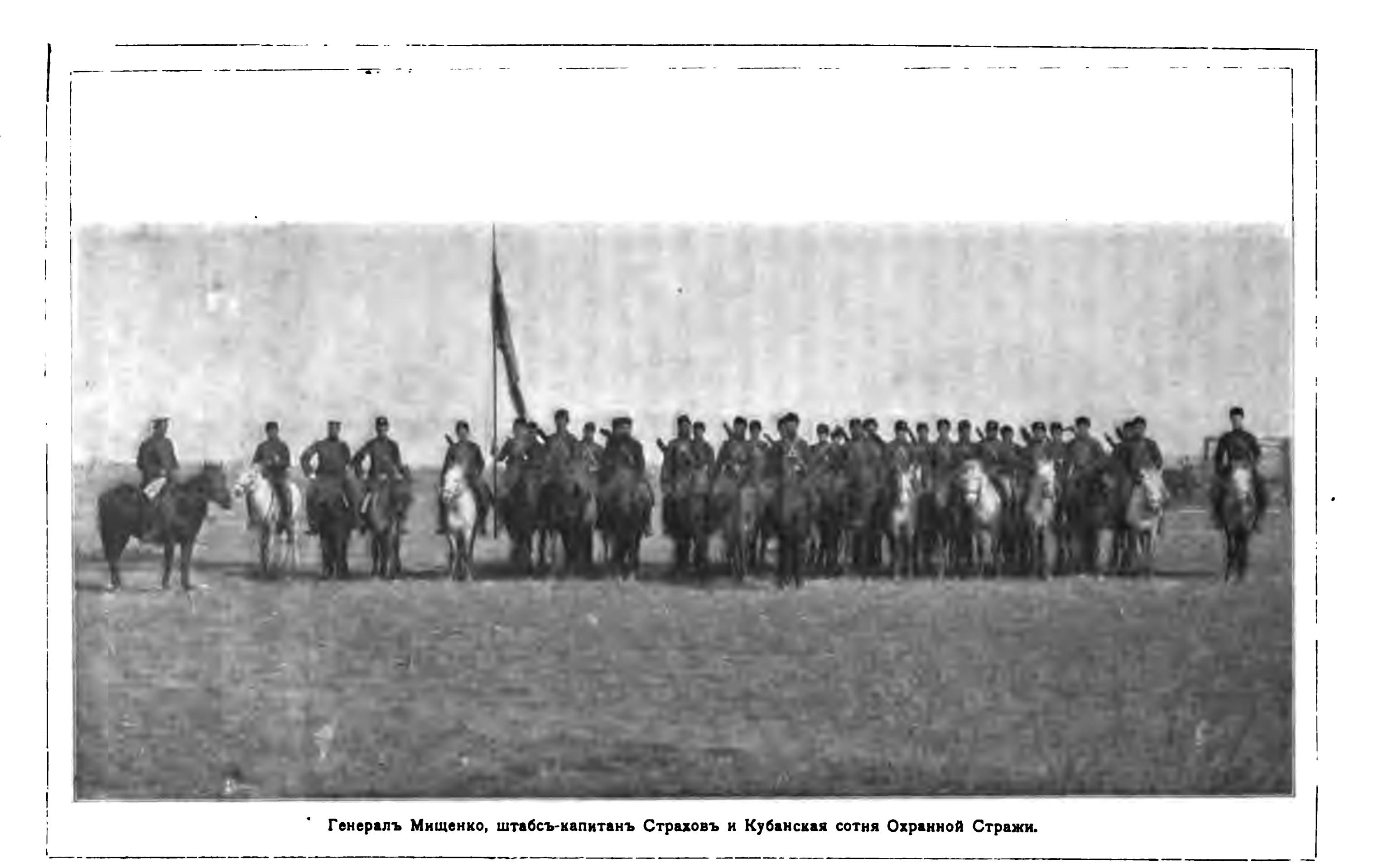
Это была первая жертва среди чиновъ охраны.

Полковникъ Павелъ Ив. Мищенко былъ отважнымъ начальникомъ Охранной стражи Портартурской линіи во время событій 1900 года. По окончаніи Павловскаго военнаго училища, онъ принималъ участіе въ Хивинской экспедиціи 1873 года, командуя конно-ракетнымъ взводомъ. Въ 1877 былъ участникомъ Турецкой кампаніи и дрался съ турками у Цудахара и Сугратля. Впослѣдствіи командовалъ 1-й Закаспійской батареей. Въ 1899 назначенъ помощникомъ главнаго начальника Охранной стражи, сформированной для охраны Маньчжурской желѣзной дороги. Командирами стражи состояли наши офицеры разныхъ родовъ оружія. Нижніе чины набирались изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ.

Генералъ Мищенко.

Охранники, конные и пѣшіе, были разбросаны по постамъ вдоль линіи желѣзной дороги. Когда вспыхнули военныя дѣйствія, полк. Мищенко стянулъ охранниковъ въ одинъ отрядъ, состоявшій изъ 2-й роты сотника Мамонова (82 человѣка), 6-й роты капитана Кушакова (125), 3-й Кубанской сотни штабсъ-капитана Страхова (70 казаковъ) и 8-й Донской сотни подъэсаула Денисова (93 казака). Весь отрядъ состоялъ до войны изъ 400 человѣкъ, изъ которыхъ во время военныхъ дѣйствій было убито и ранено 129 человѣкъ, изъ нихъ убитыхъ 74. Изъ офицеровъ охраны были убиты: штабсъ-капитаны Янткевичъ и Страховъ и подпоручикъ Валевскій.

На станціи Наньсаньшилипу, что значитъ по китайски „Деревня въ тридцати ли на югъ“, нашъ поѣздъ встрѣтился съ санитарнымъ поѣздомъ, который шолъ съ сѣвера. Въ этомъ поѣздѣ

Генералъ Мищенко, штабсъ-капитанъ Страховъ и Кубанская сотня Охранной Стражи.

везли 18 нижнихъ чиновъ, раненыхъ въ дѣлѣ при Ньючжуанѣ, 3 раненыхъ при Аньшаньчжанѣ, 49 больныхъ солдатъ, 1 больного офицера и поручика Малишевскаго, раненаго подъ Ньючжуаномъ.

Въ этомъ же поѣздѣ везли тѣло безвременно скончавшагося штабсъ-капитана Валеріана Страхова, командира Кубанской сотни Охранной стражи. Одинъ изъ самыхъ лихихъ охранниковъ, рѣдкій товарищъ и ревностный командиръ, котораго одинаково любили какъ товарищи, такъ и его казаки кубанцы, — онъ былъ тяжело раненъ въ дѣлѣ подъ Аньшаньчжанемъ, во время развѣдки. Разрывная пуля китайца ударила по рукѣ и рикошетомъ ранила Страхова въ животъ. Онъ скончался на другой день, 14 сентября, послѣ жестокихъ мученій. Охранники потеряли въ немъ одного изъ своихъ лучшихъ офицеровъ.

Я познакомился со Страховымъ годъ тому назадъ, въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней, въ Викторіи-бэй, на мѣстѣ постройки Дальняго. Здѣсь вспыхнули безпорядки. Китайцы, недовольные продажей ихъ земель подъ постройку порта и желѣзной дороги, напали на русскихъ, производившихъ отчужденіе земель. Въ этомъ дѣлѣ мутили также китайскіе чиновники изъ города Цзиньчжоу. 20 казаковъ-охранниковъ прискакали изъ ближайшаго казачьяго поста, выручили русскихъ техниковъ, разогнали китайскихъ буяновъ и арестовали толпу въ 200 человѣкъ. Изъ Портъ-Артура немедленно пріѣхалъ начальникъ округа подполковникъ Куколь-Яснопольскій, разобралъ дѣло и возстановилъ порядокъ.

Въ тотъ же день въ Викторію прибѣжалъ нѣкій китаецъ Ліу и заявилъ русскимъ, что на его домъ въ деревнѣ Инченцза напали хунхузы, ограбили и избили его семью. Подполковникъ Куколь-Яснопольскій приказалъ Страхову взять казаковъ и немедленно отправиться въ поиски за хунхузами.

Я присоединился къ отряду какъ переводчикъ, хотя большая часть нашихъ казаковъ въ Маньчжуріи быстро усваиваетъ китайскій языкъ и свободно объясняется съ населеніемъ. Цѣлый день носились мы по зеленымъ холмамъ и полямъ Квантуна, изъ одной деревни въ другую. Спустилась чудная лунная ночь. Китаецъ Ліу обѣщалъ указать намъ деревню, въ которой укрылись хунхузы, но куда мы ни заѣзжали, поселяне всюду кланяясь отвѣчали, что хунхузы только что „паоле“—убѣжали. Мы входили во дворы, осматривали фанзы и, наконецъ, оцѣпили одну самую подозрительную фанзу по указанію Ліу. Казаки забрались на чердакъ и торжественно вытащили... несчастную столѣтнюю старуху, полуживую

отъ страха. Страховъ разсердился и сказалъ китайцу Ліу, что если онъ сейчасъ же не укажетъ, гдѣ запрятались хунхузы, то онъ—Ліу будетъ самъ арестованъ вмѣсто разбойниковъ.

Мы поскакали дальше. Снова напугали своимъ пріѣздомъ нѣсколько деревень. Наконецъ на лужайкѣ передъ одной деревней увидали хунхузовъ, которые въ яркомъ лунномъ свѣтѣ чернѣли точно крабы и, несомнѣнно, готовили намъ засаду. Мы съ крикомъ полетѣли на нихъ... опять неудача! Мирные поселяне воспользовались чарующей тихой прохладой ночи и усѣлись кружкомъ возлѣ деревушки, чтобы отдохнуть послѣ знойнаго дня и потолковать о своихъ деревенскихъ дѣлахъ. Такъ мы хунхузовъ и не нашли.

Но если бы даже они и были въ одной изъ осмотрѣнныхъ нами деревень, то поселяне всетаки ихъ бы не выдали изъ боязни мести. Поэтому борьба съ разбойниками—хунхузами въ Маньчжуріи такъ трудна и потребуетъ много лѣтъ, чтобы они были выведены.

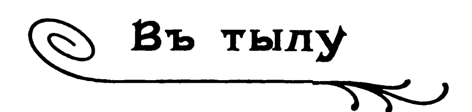
Промаявшись нѣсколько часовъ, поздней ночью мы заѣхали ночевать въ какую-то деревню. Послѣ необозримыхъ полей гаоляна, скалъ, холмовъ, грязныхъ фанзъ, жалкихъ китайцевъ и страшныхъ хунхузовъ, на другое утро я былъ пріятно разбуженъ шумомъ русскаго самовара. Прекрасная веранда, тропическіе цвѣты, ослѣпительный самоваръ, бѣлоснѣжная скатерть, удивительныя закуски и привѣтливѣйшая хозяйка—встрѣтили насъ послѣ нашихъ ночныхъ трудовъ и похожденій. Страховъ и я оказались въ гостяхъ у одного изъ строителей Маньчжурской дороги, инженера Панфиловича, въ деревнѣ Швантайгоу.

Мостъ черезъ рѣку Хунхэ построенный чинами 17 Сап. батал.

Станція Ташичао.

Въ тылу

18 Сентября

Проведя одну ночь въ вагонѣ и просидѣвъ на разныхъ станціяхъ нѣсколько часовъ въ томительномъ ожиданіи движенія поѣзда, 18 сентября я пріѣхалъ въ Ташичао, правильное названіе котораго Дашицяо — „Большой каменный мостъ". Наши желѣзнодорожники совершенно основательно дали всѣмъ станціямъ названія прилегающихъ мѣстностей, чѣмъ доставили огромное удобство китайскому населенію, которое будетъ пользоваться дорогою главнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, желѣзнодорожники такъ круто поступали съ нѣкоторыми китайскими названіями, что отъ нихъ ничего китайскаго не осталось, хотя изъ всѣхъ европейскихъ языковъ русскій языкъ точнѣе и проще всего передаетъ китайское произношеніе. Такъ, напримѣръ, городъ Цзиньчжоу былъ окрещонъ желѣзнодорожниками въ Кинчжоо, Гайчжоу—въ Кайджоо, Инкоу—въ Инкоо, Дашицяо — въ Ташичао, Аньшаньчжань — въ Айсазанъ. Что касается названій на „оо", то такихъ окончаній совсѣмъ нѣтъ въ китайскомъ языкѣ, и подобныя названія могутъ только сбивать китайцевъ.

Протомившись часовъ шесть въ Ташичао, я поѣхалъ дальше на сѣверъ. Узловая станція Ташичао, отъ которой идетъ вѣтка на Инкоу, представляла рядъ готовыхъ и строившихся каменныхъ зданій, предназначенныхъ для вокзала, буфета, депо, квартиръ слу-

жащихъ, мастерскихъ и пр. Въ китайской фанзѣ временно помѣщалась столовая, въ которой служащіе и пасажиры могли выпить и пообѣдать. Вечеромъ нашъ поѣздъ пришолъ въ Хайченъ. Далѣе путь былъ всюду разрушенъ китайцами и теперь спѣшно возстановлялся русскими.

Въ Хайченѣ комендантомъ города былъ полковникъ Модль, бывшій также начальникомъ этапной линіи. Подобно всѣмъ китайскимъ городамъ, называемымъ „ченъ", Хайченъ былъ обнесенъ съ четырехъ сторонъ высокими старыми стѣнами. На станціи стоялъ санитарный поѣздъ, прекрасно оборудованный уполномоченнымъ Кр. Креста Александровскимъ. Въ поѣздѣ лежали не только русскіе солдаты, раненые въ дѣлѣ при Шахэ, но и раненые китайцы, подобранные русскими.

Впервые за всѣ четыре мѣсяца военныхъ дѣйствій, въ Хайченѣ, въ этомъ поѣздѣ я увидѣлъ, что съ ранеными китайскими солдатами не только обращаются почеловѣчески, но даже перевязываютъ и лечатъ ихъ. Особенность Печилійской экспедиціи 1900 года состояла въ томъ, что—вопреки давнишнимъ законамъ войны, выработаннымъ и принятымъ всѣми европейскими, такъ называемыми образованными государствами, вопреки основнымъ заповѣдямъ ученія Христа съ одной стороны и—ученія Конфуція съ другой, вопреки простому чувству человѣколюбія и здравому смыслу—ни китайцы, ни союзники не брали плѣнныхъ.

Китайцы истязали и убивали взятыхъ въ плѣнъ иностранцевъ изъ мести и ненависти, а также потому, что считали ихъ за варваровъ и негодныхъ людей. Союзники убивали всѣхъ плѣнныхъ китайскихъ солдатъ и боксеровъ, вопервыхъ—потому что не знали, куда дѣвать ихъ и что съ ними дѣлать; вовторыхъ—потому что не хотѣли обременять ими обозъ, ставить къ нимъ часовыхъ, кормить и пр.; втретьихъ—потому что считали китайцевъ за варваровъ и полуживотныхъ. Повидимому, не только солдаты, но даже многіе офицеры полагали, что у китайцевъ вмѣсто души паръ, который можно выпускать сколько угодно.

То—что китайцы, повидимому, такіе же люди какъ и мы;—что они принадлежатъ къ древнѣйшей цивилизаціи міра;—что у нихъ были величайшіе мудрецы, подобныхъ которымъ никогда не было у европейскихъ народовъ, и—наконецъ, то, что китайцы самый порохъ выдумали раньше, чѣмъ европейцы на свѣтъ появились,—это не принималось въ разсчотъ или же вовсе не было извѣстно многимъ просвѣщоннымъ воителямъ международныхъ отрядовъ. Поэтому ни

китайцы, ни союзники плѣнныхъ не брали, а захвативъ ихъ—прикалывали или подстрѣливали.

Когда въ Тонкускомъ госпиталѣ докторъ Куковѣровъ перевязывалъ раненыхъ китайцевъ, то это были не китайскіе солдаты, а обыкновенные мирные китайцы изъ окрестныхъ деревень. Они либо сами попадали на фугасы, которыми была минирована мѣстность возлѣ Тонку, либо же союзники высылали ихъ нарочно впередъ по фугасамъ, чтобы они очищали дорогу. Тамъ, гдѣ взрывали фугасы и на воздухъ взлетали китайцы, дорога была уже безопасна—фугасовъ больше не было. Затѣмъ китайцевъ перевязывали.

Глядя на измученное лицо чорнаго сморщеннаго загорѣлаго китайца, старательно вымытаго и забинтованнаго, окружоннаго самымъ заботливымъ уходомъ русскихъ врачей, сестеръ и братьевъ милосердія русскаго санитарнаго поѣзда, я радовался, что въ первый разъ увидѣлъ такое христіанское отношеніе къ нехристіанамъ—не у иностранцевъ, а у русскихъ.

Когда раненые китайскіе солдаты послѣ своего выздоровленія возвратились домой, они навѣрное разсказали много хорошаго о томъ, что они видѣли и встрѣтили у русскихъ, которые обласкали китайцевъ и поступили съ ними совсѣмъ, какъ училъ Конфуцій. Думаю, что разсказы подобныхъ плѣнныхъ гораздо благотворнѣе и успокоительнѣе дѣйствовали на населеніе, чѣмъ самыя мирныя и торжественныя прокламаціи завоевателей, подкрѣпленныя экзекуціями.

И союзники и китайцы одинаково презирали другъ друга и вполнѣ были достойны другъ друга. Хотя европейскіе народы и любятъ кичиться своимъ просвѣщеніемъ и христіанствомъ, однако, въ 1900 году въ городахъ и деревняхъ Китая они ничѣмъ не доказали своей особенной просвѣщонности и цивилизаціи и ихъ образъ дѣйствій ничѣмъ не отличался отъ образа дѣйствій ихъ враговъ—китайцевъ.

О дѣйствіяхъ отряда генерала Суботича въ Хайченѣ не было ничего извѣстно, кромѣ того что русскіе разбили китайцевъ при Аньшаньчжанѣ и Шахэ и взяли Ляоянъ.

19 Сентября

19 сентября утромъ изъ Хайчена выступила осадная артилерія, которою предназначалось штурмовать Мукденъ, если понадобится. Я присоединился къ этому отряду. Это былъ удивитель-

Китайцы-рабочіе на постройкѣ Маньчжурской желѣзной дороги.

ный обозъ: 376 муловъ, 74 лошади, 50 оборванныхъ китайцевъ и 227 нижнихъ чиновъ тащили по убійственнымъ китайскимъ рытвинамъ и ухабамъ 12 осадныхъ пушекъ и 62 китайскія арбы, нагруженныя гранатами, порохомъ и разными припасами. Наши солдаты кричали и погоняли китайцевъ. Китайцы кричали и погоняли муловъ, которые тоже кричали и ревѣли отъ негодованія. Всѣ—и люди и животныя кричали, шумѣли, негодовали, бранились, кряхтѣли, обливались потомъ, выбивались изъ силъ—и все-таки орудія съ трудомъ, шагъ за шагомъ, переползали черезъ обмелѣвшія рѣки и карабкались черезъ холмы и овраги, пески и ручьи. Орудія падали—ихъ снова ставили. Орудія застревали—ихъ вытаскивали.

Всѣ прекрасно знали, что отрядъ генерала Суботича идетъ побѣдоносно впередъ, что китайскія войска бѣгутъ и города сдаются. Всѣ знали, что по китайскимъ дорогамъ невозможно тащить осадныя орудія. Уже Мукденъ давно былъ взятъ. И тѣмъ не менѣе и люди и животныя надрывались, но волокли эти пушки и гранаты все впередъ, потому что такъ было приказано. Можно только удивляться, что эти орудія были доставлены изъ Хайчена въ Мукденъ—110 верстъ—въ 7 дней. Но чего не вынесетъ русскій солдатъ или китайскій мулъ?

Если у насъ даютъ высшую военную награду за храбрость, которая иногда требуетъ только одного мгновенія воли и присутствія духа, то какую же награду давать тѣмъ людямъ, которые должны проявлять каменную волю и чугунные нервы 7 дней подрядъ, чтобы исполнить положенную задачу до конца?

Въ первый день нашъ необычайный отрядъ сдѣлалъ около 15 верстъ и расположился на ночлегъ у деревни. Я былъ въ совершенномъ отчаяньи. Дѣлая по 15 верстъ въ день, я не могъ разсчитывать скоро нагнать войска генерала Суботича.

20 Сентября

На другой день утромъ я рѣшилъ дальше ѣхать одинъ. Лошадь у меня была хорошая. Мѣстность казалась спокойною. Дорога лежала вѣрная, такъ какъ всюду были видны слѣды прохожденія русскихъ войскъ и по пути постоянно встрѣчались интендантскіе и госпитальные обозы. Хотя старшій изъ офицеровъ

капитанъ Бржозовскій, который велъ эту артилерію, обѣщалъ арестовать меня, если я попытаюсь отдѣлиться отъ отряда, такъ какъ онъ боялся за мою безопасность, тѣмъ не менѣе я незамѣтно удралъ впередъ.

Взобравшись на одну изъ Аньшаньчжаньскихъ горъ, гдѣ погибъ Страховъ, я невольно остановился, слѣзъ съ коня и долго любовался той величественной и великолѣпной картиной, которая точно дорогая расшитая шелками ткань растянулась по горамъ и доламъ Маньчжуріи—богатѣйшей страны хлѣба, золота и угля.

Безконечныя пашни гаоляна, чумизы и проса тянулись по равнинамъ, взбѣгали на холмы и перевалы. Хлѣба давно созрѣли и дали богатый урожай.

На югъ и западъ, сливаясь съ горизонтомъ, уходили неисчислимыя красныя волны — это было море вызрѣвшаго гаоляна. По всѣмъ направленіямъ его прорѣзывали длинныя жолтыя волны — это просо. Китайцы зовутъ его чуцзы и сяомицза. Русскіе назвали чумизой. Мѣстами хлѣбъ уже снятъ и собранъ въ стога.

Но большая часть посѣвовъ еще ожидала жнеца, который бѣжалъ въ далекія безопасныя деревни и въ своихъ кумирняхъ и

Каменный мостъ черезъ рѣку Лунхэ.

часовенкахъ на высокихъ холмахъ молился богу войны Гуань-лаоѣ, прося его поразить врага и спасти родину отъ ужасовъ и бѣдствій войны.

Повсюду видны опустѣвшія деревни, окружонныя ивами и тополями, садики и огороды.

Благословенная Маньчжурія, житница Китая, теперь изнемогала отъ бѣдствій мятежа и войны, потрясенная и разоренная.

Сперва ее опустошали хунхузы, потомъ боксеры и бѣглыя китайскія войска. Теперь русскіе шли возстановлять порядокъ и миръ.

Я поѣхалъ дальше. На дорогѣ показался на лошади казакъ. Увидавъ меня и, вѣроятно, не признавая во мнѣ русскаго, казакъ, пристально вглядываясь, сбросилъ ружье и сталъ наводить на меня дуло.

Я не шелохнулся и ѣхалъ на встрѣчу. Казакъ опустилъ винтовку.

— Что ты русскаго не видишь, чтоли?—крикнулъ я ему.

— Да кто-жъ тебя признаетъ? у тебя и шапка такая китайская. Я тебя за манзу и принялъ,—отвѣтилъ казакъ.

— Ты куда?

— Изъ Ляояна въ Хайченъ съ донесеніемъ.

— Далеко до Ляояна?

— Верстъ 30 будетъ.

— Какъ же ты одинъ ѣдешь?

— Приказано.

— А по дорогѣ спокойно? Китайцевъ нѣтъ?

— Совсѣмъ спокойно. Въ деревняхъ только старики да старухи остались.

— А дорогу ты знаешь?

— Какъ не знать? Я вѣдь изъ Охранной стражи. Здѣсь я каждую деревню и каждый уголокъ знаю. Зато и китайцы меня знаютъ. На то казакъ.

Мы разъѣхались. Черезъ нѣсколько верстъ показались двуколки съ нашими солдатами. Они ѣхали беззаботно, распѣвая пѣсни, точно въ своей деревнѣ. То, что они были за тридевять земель отъ своей родины, въ какой-то Маньчжуріи, въ странѣ возстанія и войны—это было имъ, повидимому, совершенно безразлично.

Одинъ изъ нихъ окликнулъ меня:

— Здравствуйте, баринъ!

— Здравствуйте! а вы почему меня знаете?

— А помните, въ Тяньцзинѣ, въ госпиталѣ у французовъ я лежалъ. Я одну пулю съѣлъ.

Я сейчасъ же вспомнилъ этого дюжаго рыжаго добродушнаго артилериста, который однажды явился во Франко-русскій госпиталь съ перевязаннымъ окровавленнымъ лицомъ и пулей во рту. Артилериста положили на столъ. Сестра Люси вымыла ему голову. Съ трудомъ поворачивая языкъ, солдатъ разсказалъ, какъ онъ спалъ въ палаткѣ на бивакѣ и проснулся съ пулей во рту. Китайская

пуля пробила палатку, залетѣла въ открытый ротъ спавшаго мирнымъ сномъ солдата и застряла въ его деснѣ. Докторъ Куковѣровъ покопался ножомъ и вытащилъ новенькую Манлихеровскую пулю такъ быстро, что даже хлороформа не понадобилось. Артиллериста перевязали и онъ вернулся на бивакъ.

— Ну что—выздоровѣлъ?

— Совсѣмъ здоровъ. Какъ будто и не бывало!

— Вкусны китайскія пули?

— Ну нѣтъ, наши орѣхи лучше.

По дорогѣ я встрѣтилъ еще нѣсколько воинскихъ командъ и одного храбраго русскаго маркитанта, единственной защитой кото-

Зданія для желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Цзиньчжоу.

раго была его собака и ружье. Съ помощью китайскихъ рабочихъ онъ везъ на мулахъ консервы, табакъ, смирновку и даже шампанское.

Путь шолъ вдоль желѣзной дороги, отъ которой остались только развороченныя рельсы, разрытая насыпь и угли отъ шпалъ. Всѣ станціонныя постройки, казармы для охраны, сторожевыя будки были сожжены.

Рѣка Шахэ, возлѣ которой генералъ Суботичъ со своимъ отрядомъ наголову разбилъ китайцевъ 14 сентября, настолько высохла, что ее можно было перейти въ бродъ. Желѣзнодорожный мостъ черезъ Шахэ сожжонъ.

23 іюня 1900 года на станціи Шахэ отличились: машинистъ Чухрый, техникъ Диденко и охранный унтеръ-офицеръ Падалка.

На этой станціи 18 человѣкъ охраны и желѣзнодорожныхъ служащихъ были окружены скопищемъ въ 200 человѣкъ разъяренныхъ боксеровъ. Желѣзнодорожники и охранники, подъ командою Падалки, засѣли въ казармѣ и стали отстрѣливаться. Наконецъ, патроны у русскихъ начали истощаться. Свирѣпые боксеры обложили казарму соломой и зажгли. Въ послѣднюю минуту раздался свистокъ паровоза, быстро подкатившаго къ станціи. Это пришло подкрѣпленіе въ 7 человѣкъ: машинистъ Чухрый, техникъ Диденко и 5 охранниковъ, которые открыли такой отчаянный огонь, и такъ заорали ура, что боксеры оторопѣли. Унтеръ-офицеръ Падалка и всѣ осажденные выскочили изъ пылавшей казармы, пробились черезъ толпу боксеровъ, сѣли на паровозъ и благополучно укатили. Боксеры бросились въ погоню, но не догнали. Въ этой схваткѣ храбрый машинистъ Чухрый былъ тяжело раненъ въ голову и плечо, но не оставилъ машины и увезъ всѣхъ людей. 3 охранника было ранено, 6 обожжено.

Проѣхавъ Шахэ, я увидѣлъ далеко среди синѣвшихъ холмовъ 13-ярусную Бѣлую башню Ляояна. Какъ каждый порядочный уѣздный русскій городъ долженъ имѣть каланчу или колокольню, такъ и въ Китаѣ всякій городъ, желающій быть почтеннымъ, долженъ окружить себя кирпичными стѣнами съ четырехъ сторонъ и построить Бѣлую башню—„Байта“, въ честь Будды.

22, 23 и 24 іюня, возлѣ этой башни, въ чумныхъ желѣзнодорожныхъ баракахъ былъ осажденъ китайскими войсками и боксерами отрядъ полковника Мищенко, состоявшій изъ 104 служащихъ съ семьями и 200 охранниковъ. Три дня отстрѣливались охранники отъ китайцевъ, которые бомбардировали желѣзнодорожные бараки пулями и гранатами. Желѣзнодорожные служащіе, ихъ жены и дѣти были посажены въ погреба и изъ нихъ двое были убиты. Изъ охранниковъ 9 человѣкъ убито, 5 ранено. Изъ 90 лошадей осталось 32 живыхъ. Похоронивъ убитыхъ, въ ночь на 25 іюня, полковникъ Мищенко вышелъ изъ бараковъ со всѣмъ отрядомъ, обманулъ бдительность китайскихъ войскъ обходнымъ движеніемъ и благополучно пробрался въ Аньшаньчжань. По пути онъ встрѣтилъ штабсъ-капитана Страхова, который съ кубанцами спѣшилъ къ нему на помощь изъ Инкоу. Въ Ляоянѣ были брошены: 11 паровозовъ въ 30.000 рублей каждый, 256 верстъ законченной желѣзной дороги, вагоны, платформы, дорогія мастерскія, склады, имущество служащихъ и на 20,000 рублей серебра. Въ Телинѣ было брошено серебра на 400,000.

Постройка моста черезъ рѣку Шахэ.

Фот. В. С. Мацкевича.

Работавшіе на сѣверныхъ участкахъ инженеры Шидловскій, Срединскій, Казы-Гирей и остальные служащіе, подъ охраною штабсъ-капитана Ржевуцкаго и его охранниковъ, бѣжали на сѣверъ и послѣ разныхъ мытарствъ и похожденій пробрались въ Харбинъ.

Печальнѣе всѣхъ была судьба инженера Верховскаго и поручика Валевскаго, бывшаго офицера 2 Закаспійскаго Стрѣлк. батальона, которые спасались изъ Мукдена съ 84 охранниками, служащими и 2 женщинами. Это было трагическое, но геройское от-

Станція, сожжонная боксерами.

ступленіе горсти русскихъ людей, брошенныхъ въ жертву самой жестокой китайской ярости и дикости, забытыхъ всѣми въ тѣ ужасные дни, но не забывшихъ своего долга другъ передъ другомъ.

23 іюня китайскія войска и боксеры одновременно произвели нападеніе на всѣ русскіе посты вдоль линіи желѣзной дороги. Такое-же нападеніе было сдѣлано на постъ Валевскаго. Китайцы стрѣляли весь день и къ вечеру поставили передъ русскимъ постомъ два конныхъ эскадрона и 8 орудій. Въ ночь на 24 іюня Валевскій и Верховскій бѣжали на югъ со всѣмъ отрядомъ. По пути они направились къ станціи Суетунь, чтобы выручить осажденныхъ здѣсь 12 охранниковъ и 5 мастеровыхъ. Валевскій разогналъ скопище китайцевъ и бросился на сожжонную станцію, но русскихъ не нашолъ: всѣ были вырѣзаны китайцами, кромѣ 3 охранниковъ и 2 мастеровыхъ, которымъ удалось бѣжать.

Китайскія войска погнались изъ Мукдена за Валевскимъ, но этотъ юный герой, во главѣ своего ничтожнаго отряда, отбился отъ

нихъ и ушолъ въ Янтай, потерявъ 15 раненыхъ и убитыхъ. Но въ Янтаѣ его встрѣтили китайскія войска, высланныя изъ Ляояна. Отрядъ Валевскаго два раза отбивался отъ нихъ и добрался до рѣки Тайцзы и ночью 26 іюня укрылся въ рощѣ передъ Ляояномъ.

Инженеръ Верховскій и четыре охранника прокрались незамѣтно мимо китайскихъ аванпостовъ къ желѣзнодорожнымъ зданіямъ, чтобы узнать, не находится ли здѣсь русскій отрядъ. Они увидали только уголь, обгорѣлые камни и обезглавленные и изуродованные групы русскихъ. Отрядъ Мищенки наканунѣ ушолъ изъ Ляояна.

Несчастный отрядъ Валевскаго и Верховскаго оказался обречонъ на произволъ судьбы. Помощи ему было ждать неоткуда. Утромъ 27 іюня отрядъ пошолъ вдоль рѣки Тайцзы на востокъ. Валевскій настаивалъ, чтобы отрядъ никоимъ образомъ не раздѣлялся, уходилъ на востокъ, въ мѣста болѣе спокойныя и спасался въ Корею. Верховскій совѣтовалъ спасаться въ Инкоу, на западъ, укрываясь въ заросляхъ рѣки Ляохэ и разбиться всѣмъ на отдѣльныя кучки, чтобы быть менѣе замѣтными китайцамъ.

Подпоручикъ Валевскій.

Днемъ отрядъ наткнулся на китайскія войска и имѣлъ съ ними перестрѣлку. Вечеромъ, когда отрядъ расположился бивакомъ на отдыхъ, китайцы неожиданно снова открыли огонь и одна фальконетная пуля разбила Валевскому грудь. Умирая этотъ доблестный юноша далъ свой послѣдній наказъ отряду „спасаться въ Корею“ и просилъ передать его послѣдній привѣтъ матери.

По приказанію умиравшаго Валевскаго команду надъ отрядомъ принялъ унтеръ-офицеръ Пилипенко. Ночью инженеръ Верховскій, большинство служащихъ и 14 охранниковъ отдѣлились отъ Пилипенки. Утромъ 28 іюня Пилипенко и 50 охранниковъ двинулись на востокъ и пробились въ Корею. Корейцы приняли русскихъ радушно. Россійскій посланникъ въ Кореѣ Павловъ отправилъ ихъ на пароходѣ въ Портъ-Артуръ.

Другая партія, состоявшая изъ техника, телеграфиста съ женою, жены машиниста, 6 охранниковъ и старшихъ рабочихъ, также спаслась въ Корею.

Инженеръ Верховскій былъ схваченъ китайцами и торжественно казненъ въ Мукденѣ въ присутствіи высшихъ мукденскихъ властей. Вмѣстѣ съ нимъ были казнены охранники и желѣзнодорожные служащіе. Голова погибшаго инженера была вывѣшена въ клѣткѣ на стѣнѣ Ляояна. Когда Ляоянъ былъ взятъ русскими, голова была съ почестями погребена. Изъ всѣхъ русскихъ желѣзнодорожниковъ и охранниковъ, взятыхъ въ плѣнъ китайцами, только пять въ ужасномъ видѣ были возвращены китайцами русскимъ властямъ въ Инкоу, когда русскіе уже предприняли походъ на Мукденъ. Всѣ остальные были звѣрски замучены и казнены. Всѣ истязанія и казни производились боксерами съ вѣдома или по приказанію высшихъ мукденскихъ или ляоянскихъ властей. Несчастные русскіе содержались въ китайской казенной тюрьмѣ. Въ недавно вышедшей книгѣ капитана Кушакова, одного изъ главныхъ дѣятелей Охранной стражи: „Южно-Маньчжурскіе безпорядки въ 1900 году" подробно описаны всѣ эти печальныя событія и тѣ истязанія, которымъ китайскія власти подвергали русскихъ.

3 іюля въ Дагушанѣ были подобнымъ же образомъ замучены и убиты нѣсколько казаковъ 1-го Читинскаго полка и сотникъ Петропавловскій.

215 лѣтъ тому назадъ, когда китайцы взяли у русскихъ крѣпость Албазинъ, они взяли въ плѣнъ также 45 казаковъ, а остальныхъ отпустили. Китайское правительство настолько уважало въ то время русскихъ, что плѣнныхъ казаковъ оно перевело въ гвардейское знаменное войско, дало имъ земли и всегда оказывало всякую заботливость.

Въ 1900 году китайскія власти въ столицѣ династіи—Мукденѣ и Ляоянѣ обращались съ русскими плѣнниками какъ съ китайскими преступниками, мучили ихъ, истязали и казнили на площади всенародно. Китайскія власти наказывали не только русскихъ казаковъ, которые дрались съ китайскими войсками, но также ни въ чемъ неповинныхъ строителей желѣзной дороги, не смотря на то, что дорога строилась по обоюдному соглашенію обоихъ правительствъ, какъ было прекрасно извѣстно всѣмъ китайскимъ чиновникамъ.

Въ роковой годъ дружелюбіе къ Россіи среди правителей и населенія сопредѣльной съ нами Маньчжуріи не только не возрасло, но даже привело—къ казни русскаго инженера.

Я боюсь думать, что этотъ печальный годъ поколебалъ давнишнее довѣріе и расположеніе китайцевъ къ русскимъ и — имя „русскій“ уже не окружено въ Маньчжуріи тѣмъ ореоломъ почтенія и боязни, какъ было раньше, и не даетъ болѣе права на неприкосновенность.

Во всякомъ случаѣ, если китайцы не уважаютъ насъ болѣе такъ, какъ раньше, то въ этомъ вѣроятно прежде всего виноваты мы сами, по разнымъ причинамъ. И только отъ насъ самихъ — отъ каждаго русскаго, нынѣ живущаго и работающаго въ Маньчжуріи, зависитъ заставить китайцевъ относиться къ намъ съ тѣмъ уваженіемъ, котораго требуетъ достоинство Россіи.

Русскіе въ дебряхъ Маньчжуріи.

Трофей боксеровъ.

Послѣдній переходъ

21 Сентября

Богатый вольный городъ Ляоянъ, бывшій нѣкогда столицей Ляодуна и извѣстный своею торговлей хлѣбомъ и деревомъ, былъ уже подъ русскимъ управленіемъ. Еще лѣтомъ ляоянскія власти держали въ плѣну и истязали русскихъ желѣзнодорожниковъ и охранниковъ. Теперь комендантомъ и градоначальникомъ Ляояна состоялъ подполковникъ 11 Вост. Сиб. Стр. полка—Гамбурцевъ. Изъ стрѣлковъ была образована городская полиція.

Когда китайскія войска въ смятеніи бѣжали отъ Шахэ, разбитыя войсками генерала Суботича, ляоянцы заперли ворота и не пустили къ себѣ китайскихъ солдатъ.

Вполнѣ довѣряя миролюбію и честности русскихъ, ляоянцы не бѣжали изъ города, а сдались русскимъ, чѣмъ спасли свой городъ и торговлю отъ разграбленія.

На Печилійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій всѣ китайскіе города отъ Таку до Пекина были разграблены и на половину разрушены и сожжены.

Несмотря на всѣ старанія отдѣльныхъ союзныхъ командировъ возстановить порядокъ въ Чжили, въ концѣ концовъ походъ союзниковъ на Пекинъ довершилъ разореніе и разгромъ того, что не успѣли разгромить боксеры.

Ничего подобнаго я не видѣлъ въ Южной Маньчжуріи, въ которой дѣйствовали только русскія войска и господствовала одна русская власть. Миръ, порядокъ и международная торговля въ Инкоу были спасены русскими. Русскіе немедленно ввели русское военно-гражданское управленіе во всѣхъ главнѣшихъ городахъ Южной Маньчжуріи отъ Портъ-Артура до Мукдена: Цзиньчжоу, Сюнъеченъ, Гайчжоу, Хайченъ, Ляоянъ.

Инженеръ Гиршманъ.

Я пріѣхалъ въ Ляоянъ черезъ 5 дней послѣ его занятія русскими. Здѣсь уже торговали китайцы. На улицахъ, чисто выметенныхъ, царилъ полный порядокъ. Ходили русскіе и китайскіе полицейскіе. Для удовольствія русскихъ китайцы ночью зажигали передъ своими домами фонари и сами были довольны этой илюминаціей.

Въ Ляоянѣ я встрѣтилъ начальника Южной линіи Маньчжурской желѣзной дороги инженера Феол. Осип. Гиршмана, который 21 сентября выѣхалъ изъ Ляояна въ Мукденъ верхомъ, въ сопровожденіи своего неразлучнаго переводчика китайца Петра Ивановича, прекрасно говорящаго порусски и бывшаго для него такъсказать справочной книгой по всевозможнымъ китайскимъ и маньчжурскимъ дѣламъ. Я присоединился къ нимъ и мы поѣхали вмѣстѣ. До Мукдена оставалось 60 верстъ.

Инженеру Гиршману и ввѣреннымъ ему строителямъ удалось вчернѣ закончить Южную линію Маньчжурской дороги раньше всѣхъ

другихъ линій, строившихся въ Маньчжуріи. Лѣтомъ 1900 года боксеры разрушили всѣ ихъ двухлѣтніе упорные труды. Болѣе половины выстроенной ими дороги было уничтожено. Приходилось созидать сначала. Однако Гиршманъ и всѣ остальные инженеры и техники Южнаго отдѣленія напрягли всѣ усилія и уже черезъ годъ дорога была снова выстроена. Въ концѣ 1901 года Южная линія была настолько устроена и оборудована, что сейчасъ-же поступила въ правильную эксплоатацію и уже въ первые мѣсяцы стала приносить значительные доходы дорогѣ.

Инженеръ Гиршманъ такъ разсказывалъ мнѣ о своей дѣятельности и о своемъ дѣтищѣ—желѣзной дорогѣ:

— Я пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ въ маѣ 1898 и 28 мая мы уже начали дѣлать первыя изысканія. Работы мы повели съ двухъ концовъ: отъ Артура на сѣверъ и отъ Телина на югъ. На сѣверѣ мы начали работы по постройкѣ въ сентябрѣ 1898, а на югѣ въ апрѣлѣ 1899. Въ октябрѣ 1899 нашъ желѣзнодорожный путь доходилъ до Ляояна, а въ ноябрѣ до Мукдена. Я горжусь тѣмъ, что мнѣ удалось побить желѣзнодорожный рекордъ на быстроту постройки: въ этой полудикой странѣ, въ которую всѣ матеріалы приходилось привозить извнѣ, мы выстроили 550 верстъ пути въ 13 мѣсяцевъ. За это время было произведено земляныхъ работъ свыше чѣмъ на 1 милліонъ кубическихъ саженъ. Вынуто около 100,000 кубовъ скалы. Построено свыше 500 мостовъ. Каменныхъ мостовъ поставлено свыше, чѣмъ на 15,000 кубовъ.

Петръ Ивановичъ.

— Во время постройки дороги я старался поддерживать наилучшія отношенія съ мукденскимъ цзянцзюнемъ, со всѣми китайскими чиновниками и населеніемъ. Китайскія власти всегда оказывали мнѣ и всѣмъ строителямъ дороги полное содѣйствіе. Простой народъ также относился къ намъ совершенно дружественно. Поэтому, когда вспыхнули безпорядки, я просилъ всѣхъ инженеровъ—начальниковъ участковъ по возможности оставаться на своихъ мѣстахъ и не отдавать дороги. Я до послѣдней минуты надѣялся, что мы

удержимъ за собой дорогу, и до послѣдняго дня уговаривалъ китайскихъ чиновниковъ поберечь дорогу. 22 іюня съ послѣднимъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Ляояна въ Портъ-Артуръ, а на другой день боксеры напали на дорогу и стали разрушать ее на всемъ протяженіи отъ Хайчена до Телина. Однако наши инженеры и всѣ желѣзнодорожные служащіе и чины Охранной стражи съ честью исполнили свою обязанность хранить дорогу. Они отдавали боксерамъ пядь за пядью, отстаивали дорогу до послѣдней возможности и только тогда бросали ее, когда уже нужно было спасать не дорогу, а свою жизнь. Потому на нашей линіи такъ много жертвъ среди служащихъ. Каждый выполнилъ свой долгъ до конца. Я все надѣялся, что гроза пройдетъ мимо и наша дорога останется въ цѣлости, но событія сложились иначе.

— На нашей линіи отъ Портъ-Артура до Телина, изъ 489 верстъ пути боксеры разрушили около 275 верстъ. Сперва была разрушена сѣверная часть: отъ Телина до Хайчена. Всѣ станціи и

Желѣзный мостъ черезъ рѣку Наньдахэ.

желѣзнодорожные дома для служащихъ разрушены. Мосты сожжены. Шпалы вырыты и унесены. Рельсы большей частью валяются на полотнѣ желѣзной дороги. Позже была разрушена линія между Хайченомъ и Ташичао и возлѣ Кайчжоу. Работы по возстановленію были начаты мною еще 16 іюля и нынѣ исправлено около 100 верстъ, благодаря чему представилась возможность подавать

санитарные поѣзда Кр. Креста для пріема больныхъ и раненыхъ уже на 15 верстъ за Хайченомъ. Изъ 1600 вагоновъ разрушено, сожжено и попорчено около 700 вагоновъ, въ цѣлости сохранилось около 900. Изъ 60 паровозовъ въ руки боксеровъ попало

Труды боксеровъ.

17, изъ нихъ 11 находятся въ Ляоянѣ. Паровозы сильно попорчены, но есть надежда на ихъ исправленіе. Въ нашемъ распоряженіи находятся 43 паровоза, совершенно годныхъ къ дѣйствію. Паровозы и вагоны будутъ исправляться своими средствами, на нашихъ мастерскихъ. Мы немедленно приступаемъ къ возстановленію всего разрушеннаго пути. Работы будутъ вестись съ разныхъ пунктовъ. Работы у Хайчена и Ляояна уже начаты. Стоимость исправленія каждой версты обойдется отъ 4 до 5 тысячъ рублей. Вся работа, вѣроятно, будетъ стоить отъ 6 до 8 милліоновъ. Весь пострадавшій путь я надѣюсь исправить въ 6 мѣсяцевъ, а установленіе правильнаго движенія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ, благодаря возстанію боксеровъ, отсрачивается приблизительно на 1 годъ. Сколько желѣзнодорожныхъ служащихъ погибло во время этихъ смутъ —еще не выяснено окончательно. Не досчитываютъ очень многихъ. Не считая многихъ раненыхъ, пока удостовѣрено 15 убитыхъ. Много пропавшихъ безъ вѣсти. Станція Суетунь вся вырѣзана. О бѣдномъ инженерѣ Верховскомъ я не имѣю никакихъ извѣстій.

Широкая Мандаринская грунтовая дорога, глубоко прорѣзанная колеями и ухабами, по которымъ мы ѣхали, нѣсколько разъ подходила къ полотну желѣзной дороги. Если бы не рельсы, которыя валялись иногда вдоль насыпи, то трудно было бы признать, что здѣсь пролегала желѣзная дорога. Шпалы были расхищены и

сожжены. Насыпь разрыта и обращена китайцами въ проселочную дорогу. Телеграфные столбы и всѣ мосты уничтожены. Вмѣсто желѣзнодорожныхъ зданій виднѣлись обгорѣлые остовы стѣнъ и трубъ.

Попутныя деревни, разграбленныя китайскими солдатами и боксерами при приближеніи русскихъ, были покинуты жителями. Встрѣчались дымившія пожарища и трупы китайцевъ. Въ одной деревнѣ я увидѣлъ туловище убитаго китайца, ноги котораго валялись въ другой деревнѣ. Какимъ образомъ ноги ушли отъ своего владѣльца въ сосѣднюю деревню — не знаю. Единственными живыми обитателями этихъ богатыхъ просторныхъ Маньчжурскихъ селъ и деревень были однѣ пугливыя собаки и молчаливыя степенныя свиньи.

Инженеръ Б. А. Верховскій.

Насколько въ Печилійской провинціи китайскія деревни были скучены, сжаты, тѣсны и бѣдны, настолько въ Маньчжуріи села китайцевъ и маньчжуръ раскинулись широко и привольно. Широкія улицы, просторныя усадьбы, большіе дворы, крѣпкіе помѣстительные дома, построенные изъ кирпича, а не мазанные изъ глины и соломы—какъ въ Чжили. Видно было по всему, что въ Фыньтѣнфу — Южной провинціи Маньчжуріи жило привольное и зажиточное торговое населеніе.

Всюду попадались постоялые дворы, бобовые и ханшинные заводы, лавки, амбары, склады. Переночевавъ на одномъ заводѣ въ Янтаѣ, утромъ 22 сентября мы пріѣхали въ Мукденъ, занятый русскими войсками.

Императорскій дворецъ въ Мукденѣ.

Въ Священной столицѣ

22 Сентября

Въ глубокой древности „Священный городъ“ Мукденъ, подъ именемъ Шэньянъ, принадлежалъ китайцамъ. Въ 1626 году Маньчжурскій ханъ Тайцзу завоевалъ Шэньянъ, далъ ему маньчжурское названіе Мукденъ, т. е. „Священный“ и избралъ этотъ городъ для своей столицы.

Въ окрестностяхъ Мукдена воздвигнуты двѣ великолѣпныя усыпальницы: Чжаолинъ, въ которой погребенъ основатель Маньчжурской династіи Тайцзу̀, и Фулинъ, въ которой покоится прахъ Тайцзуна, отца основателя династіи.

Со времени существованія Маньчжурской династіи Циновъ никогда ниодно иностранное войско не подходило къ Мукдену и не тревожило своимъ появленіемъ вѣчнаго сна великаго Тайцзу и его отца. Японцы во время войны съ китайцами могли дойти только до Аньшаньчжаньскихъ высотъ, были здѣсь разбиты китайцами и не рѣшились болѣе углубляться въ дебри Маньчжуріи.

„Священная столица“ Маньчжуріи, до сихъ поръ еще называемая такъ китайцами—„Шэньцзинъ“, въ 1900 году впервые была завоевана русскими войсками и впервые лишилась своей свободы и покоя за 275 лѣтъ.

Честь завоеванія Мукдена принадлежала генералу Суботичу и его Южно-Маньчжурскому отряду.

Генералъ-лейтенантъ Генер. Штаба Суботичъ хорошо извѣстенъ китайцамъ на Квантунѣ и въ Южной Маньчжуріи какъ Су-цзянцзюнь. Послѣ службы на Кавказѣ, ген. Суботичъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Приамурскаго воен. округа и послѣдніе годы своей дѣятельности посвятилъ Дальнему Востоку. Въ 1895 году ему пришлось вынести на себѣ всю тяжесть экстренной мобилизаціи войскъ Приамурскаго края, послучаю осложненій съ Японіей. Въ началѣ 1898 года генералъ Суботичъ былъ назначенъ во Владивостокъ военнымъ губернаторомъ Приморской области, во главѣ которой пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ осенью 1898 года онъ былъ избранъ для совершенно новаго поста начальника только что занятаго Россіей Квантунскаго полуострова, первымъ начальникомъ котораго былъ адм. Дубасовъ, занимавшій Квантунъ. Новому начальнику и окружавшему его маленькому штату первыхъ піонеровъ русской администраціи выпало на долю совершенно новое и весьма трудное и сложное дѣло—создать въ Китаѣ первую русскую колонію

Главная улица въ Мукденѣ.

и ввести на китайскомъ Квантунѣ русскую гражданственность. Въ основаніе своей политической дѣятельности генералъ Суботичъ полагалъ установленіе самыхъ дружественныхъ, справедливыхъ и гуманныхъ отношеній къ китайскому населенію, сближеніе съ китайцами, охраненіе ихъ правъ, привлеченіе ихъ симпатій на сторону Россіи и т. д. Извѣстно, что во всѣхъ остальныхъ иностранныхъ колоніяхъ въ Китаѣ (Гонконгъ, Шанхай, Цзяочжоу и др.) иностранцы живутъ совершенно отчужденно отъ китайцевъ, которые не пользуются даже всѣми правами въ предѣлахъ иностранной колоніи, наравнѣ съ иностранцами. Ближайшими сотрудниками генерала Суботича въ этой дѣятельности были: начальникъ округа Квантунскаго

Ворота „Гражданскихъ добродѣтелей" ведущія къ Императорскимъ дворцамъ въ Мукденѣ.

полуострова подполковникъ Куколь-Яснопольскій и поручикъ Россовъ, прекрасно владѣющій китайскимъ языкомъ и исполнявшій при генералѣ обязанности дипломатическаго чиновника въ сношеніяхъ съ китайцами. Супругѣ генерала Олимпіи Ив. Суботичъ принадлежатъ энергичные труды по устройству перваго русско-китайскаго училища въ Портъ-Артурѣ, а также видная дѣятельность въ Обществѣ Кр Креста.

Генералъ Суботичъ у трона Богдыхача въ Мукденѣ.

По занятіи Мукдена, генералъ Суботичъ немедленно принялъ самыя строгія мѣры къ тому, чтобы въ столицѣ былъ возстановленъ порядокъ, спокойствіе, личная и имущественная безопасность китайцевъ и не допускались никакіе грабежи и вымогательства у жителей. Къ населенію онъ обратился съ успокоительнымъ воззваніемъ, написаннымъ на китайскомъ языкѣ, дословный переводъ котораго на русскій языкъ слѣдующій:

„Великаго Россійскаго Государства, командующій сухопутными войсками Южно-Маньчжурскаго отряда, цзянцзюнь Су объявляетъ:

„Боксеры и бунтующіе солдаты разрушили желѣзную дорогу и убили многихъ служащихъ, а послѣ этого стали грабить и убивать мирныхъ китайскихъ жителей. За это имъ уже досталось отъ русскихъ войскъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, послѣ того какъ боксеры и солдаты были прогнаны, китайскіе жители возвратились въ свои города и села и теперь живутъ мирно и занимаются своимъ дѣломъ.

„Но не вездѣ еще мирные жители могутъ жить спокойно отъ этихъ худыхъ людей, поэтому Русскій Царь приказалъ мнѣ наказать всѣхъ бунтовщиковъ и привести страну въ полное спокойствіе.

„У меня много войскъ и пушекъ и я накажу ихъ, если они осмѣлятся сопротивляться.

„Но я буду воевать только съ боксерами и съ солдатами, а мирныхъ жителей мои войска не тронутъ, и имущество и скотъ ихъ будутъ въ цѣлости, а за все то, что моимъ войскамъ нужно, какъ напримѣръ, скотъ, мясо, съѣстные припасы для людей, за все это будутъ платить.

„Я, цзянцзюнь Су, долго управлялъ китайскимъ населеніемъ на Ляодунѣ, тамъ, гдѣ русскіе и всѣ китайцы меня уважаютъ и знаютъ, что я всегда былъ ихъ защитникомъ, а что только для худыхъ людей я строгъ. Можетъ быть и вы объ этомъ слышали, а если и не слышали, такъ сами увидите. Приглашаю всѣхъ васъ, мирныхъ жителей, хорошенько прочитать то, что здѣсь написано, и такъ и поступать, ибо хорошо вамъ будетъ и вашимъ семействамъ. А если не послушаетесь, будетъ худо, потеряете все то, что вы пріобрѣли своимъ тяжолымъ трудомъ. Развѣ это будетъ хорошо? А вамъ, китайскимъ солдатамъ, предлагаю бросить ваше оружіе и уйти, куда знаете, попытаться честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ и не совѣтую сражаться съ нами, ибо будете разбиты и уничтожены, какъ тѣ, которые сражались съ нами у Пекина, Тяньцзина, Цицикара, Айгуна, Нингуты, Хайлара, Мергеня, Харбина и во

многихъ другихъ мѣстахъ, которыя всѣ нами завоеваны—это вѣдь вамъ, конечно, извѣстно.

„Вотъ, что я вамъ хотѣлъ сказать, читайте и исполняйте, а не исполните, худо будетъ“.

Я провелъ въ Пекинѣ мѣсяцъ и столько же пробылъ въ Мукденѣ. Въ Пекинѣ было слишкомъ много командировъ и начальниковъ, слишкомъ много иностранныхъ недисциплинированныхъ солдатъ — и поэтому тамъ было мало порядка и согласія. Согласно только грабили. Вначалѣ Пекинъ громили боксеры, потомъ онъ былъ разграбленъ и проданъ съ публичнаго торга союзниками.

Въ Мукденѣ бѣжавшія въ смятеніи китайскія войска только начали грабежи и сожженіе города, который былъ вовремя спасенъ отрядомъ генерала Суботича. Пострадала главная улица, на которой находились богатые магазины, конторы и мѣняльныя лавки китайцевъ. Большая часть города была сохранена въ цѣлости. Въ Мукденѣ была одна власть, одинъ начальникъ и притомъ весьма гуманный и относившійся къ китайцамъ съ сочувствіемъ и уваженіемъ—поэтому въ Мукденѣ былъ полный порядокъ.

Помощникъ уполномоченнаго Кр. Креста войск. старш. Дмитренко.

Все время, которое я провелъ въ Мукденѣ, сейчасъ-же послѣ его занятія, я не видѣлъ ничего подобнаго тому, чѣму былъ свидѣтелемъ въ Пекинѣ.

Послѣ мирнаго воззванія генерала Суботича, составленнаго совершенно въ китайскомъ духѣ, жители стали мало-по-малу возвращаться въ свою столицу и окрестныя деревни. Купцы понемногу открывали свои лавки и торговали тѣмъ, что удалось спасти. Поселяне принимались за уборку хлѣбовъ.

Для того чтобы привлечь самихъ китайцевъ къ успокоенію города, генералъ Суботичъ созвалъ китайскихъ купеческихъ старшинъ, успокоилъ ихъ и поручилъ имъ самимъ наблюдать за порядкомъ въ городѣ. Полиція была составлена изъ русскихъ стрѣлковъ и китайскихъ стражниковъ.

Для завѣдыванія городскими дѣлами было составлено временное городское управленіе: изъ губернатора—командира 11-го В. С. Стр. полка полковника Домбровскаго, вице-губернатора Генеральнаго Штаба подполковника Дессино и 5 полиціймейстеровъ, которые завѣдывали 4 частями города, юговосточной и югозападной, сѣверовосточной и сѣверозападной, а также центральной частью—Императорскимъ городомъ.

Сестра Азарьева, умершая въ Мукденѣ отъ тифа.

Въ великолѣпныхъ Богдыханскихъ гробницахъ Чжаолинъ и Фулинъ, сооруженныхъ въ окрестностяхъ Мукдена, были поставлены военные караулы для охраны гробницъ отъ разграбленія китайскими хунхузами.

Китайцы высоко цѣнятъ подобное гуманное отношеніе къ нимъ и стараются отблагодарить по своему. Вскорѣ послѣ отъѣзда генерала Суботича, Мукденскіе купеческіе старшины постановили, по китайскому обычаю, поднести генералу Суботичу, на память о его пребываніи въ Мукденѣ, традиціонные почотные знаки: зонтикъ, знамя и привѣтственный адресъ.

Въ адресѣ китайскіе купцы написали слѣдующее:

„Общество Китайскихъ Мукденскихъ купеческихъ старшинъ почтительнѣйше, подъ знаменами генералъ-лейтенанта Суботича, выражаютъ ему слѣдующее:

„Они въ знакъ благодарности за то, что генералъ Су (Суботичъ) и губернаторъ До (Домбровскій) дорогого государства (Россіи), во главѣ войскъ, прекратили въ Мукденѣ огонь и спасли народъ,—съ чувствами радости и любви желаютъ поднести отъ 10,000 людей знамя и зонтикъ, чѣмъ они хотѣли бы выразить преисполняющія ихъ мысли и чувства.

„Послѣ того какъ генералъ Су, одержавъ побѣды, вернулся въ дорогое государство, были приготовлены знамя и зонтикъ.

„Старшины сами привезли въ Ліушунькоу (Портъ-Артуръ) знамя и зонтикъ и просятъ генерала принять ихъ.

„Они приложили всѣ старанія чтобы приготовить эти подношенія, и если генералъ Су приметъ ихъ, они будутъ глубоко обрадованы.

„Такія же подношенія были сдѣланы губернатору До раньше, за его такое же славное дѣяніе.

„Это вершковое прошеніе написано съ почтеніемъ и съ пожеланіемъ всякихъ благополучій.

Русскаго календаря 1901 годъ.
Китайскаго Государства
Гуанъ Сюй 27-й годъ.

Старшины: Цзу Куй Фынъ
Суй Чао Шэнъ
Ванъ Шу Кай
И Фынъ Чанъ

Сестра графиня Е. Н. Игнатьева.

Не малая заслуга въ смыслѣ сближенія съ китайскимъ населеніемъ принадлежитъ отряду Кр. Креста С. Александровскаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Мукдена—въ немъ уже былъ устроенъ Александровскимъ и всѣми дѣятелями и дѣятельницами его отряда первостепенный госпиталь, прекрасно оборудованный и снабжонный всѣмъ необходимымъ. Не только русскіе, но даже китайцы

лечились въ этомъ госпиталѣ и встрѣчали самый заботливый уходъ и братское отношеніе.

Среди ревностныхъ труженицъ — сестеръ милосердія этого отряда находилась графиня Екатерина Николаевна Игнатьева, дочь бывшаго посланника въ Китаѣ генералъ-адъютанта графа Н. П. Игнатьева. Она проводила дни и ночи у изголовья раненыхъ и больныхъ солдатъ, подолгу бесѣдовала съ ними, читала имъ книжки. Солдаты любили ее какъ родную сестру и называли ее „Краснымъ солнышкомъ".

Старшая сестра Ахрютина.

Корнетъ Базилевичъ, эсаулъ Мадритовъ и казаки Верхнеудинцы.

Походы

Одновременно съ успокоеніемъ столицы Маньчжуріи русскія военныя власти предприняли рядъ походовъ въ глубь Маньчжуріи для уничтоженія остатковъ китайской арміи и усмиренія всего края. Но эта задача оказалась гораздо труднѣе завоеванія.

Китайскія войска разбѣжались по горамъ и долинамъ необъятной Маньчжуріи, разбились на мелкіе отряды и повсюду разоряли свои же города. Тѣ города, которые оказывали русскимъ гостепріимство, они наказывали еще болѣе тяжолымъ разореніемъ и сожженіемъ. Такимъ образомъ китайское мирное населеніе оказывалось между двухъ огней и не знало, чью власть признавать въ краѣ. Къ бѣглымъ китайскимъ солдатамъ присоединились хунхузы.

Въ первое время были отправлены слѣдующія экспедиціи:

23 сентября изъ Мукдена былъ высланъ на сѣверъ въ Телинъ отрядъ полковника Мищенко, который въ Телинѣ встрѣтилъ сотню эсаула Кузнецова изъ отряда генерала Ренненкампфа и такимъ образомъ установилъ связь между русскими войсками, дѣйствовавшими въ Южной и Сѣверной Маньчжуріи.

23 сентября вышелъ изъ Мукдена летучій отрядъ, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генерала Кондратовича, завѣдывав-

шаго военными сообщеніями, въ составѣ пѣхоты и артилеріи (подполковникъ кн. Крапоткинъ), конницы (эсаулъ Мадритовъ) и саперъ. Назначеніе этого отряда было установить рѣчное сообщеніе по рѣкѣ Ляохэ и ея притоку Хунхэ, протекающему возлѣ Мукдена, для того чтобы доставлять транспорты водою отъ Инкоу до Мукдена.

Генералъ Кондратовичъ.

Генералъ Кондратовичъ прошолъ весь назначенный путь, имѣлъ во многихъ мѣстахъ перестрѣлку съ китайскими бѣглыми войсками и хунхузами и впервые установилъ связь по рѣкѣ Ляохэ между Мукденомъ и Инкоу. На генерала Кондратовича въ кампанію 1900 года было возложено весьма трудное, сложное и отвѣтственное дѣло: устройство военныхъ сообщеній и тыловой организаціи на огромной области — отъ Пекина до Мукдена. Благодаря его стараніямъ, вскорѣ послѣ взятія Пекина и Мукдена русскій военный телеграфъ, проведенный нашими саперами, уже работалъ между Портъ-Артуромъ и этими столицами. Также благодаря настойчивости генерала Кондратовича быстро былъ возстановленъ китайскій телеграфъ, разрушенный въ Маньчжуріи боксерами. Съ помощью этого телеграфа

было установлено прямое телеграфное сообщеніе между Портъ-Артуромъ и Сибирью, благодаря чему Петербургъ получилъ возможность сообщаться непосредственно съ Маньчжуріею и Квантуномъ по русскому телеграфу, не прибѣгая къ иностраннымъ кабелямъ. Впослѣдствіи генералъ Кондратовичъ былъ начальникомъ отрядовъ, которые посылались вглубь Маньчжуріи для усмиренія страны.

26 сентября генералъ-лейтенантъ Штакельбергъ, во главѣ отряда изъ трехъ родовъ оружія, переправился черезъ рѣку Ляохэ, занялъ Синьминтинъ, двинулся на сѣверозападъ и отбросилъ въ Монголію остатки китайскихъ войскъ. Начальникомъ штаба этого отряда былъ подполковникъ Генеральнаго Штаба Запольскій, уже отличившійся въ Сѣверной Маньчжуріи взятіемъ китайскихъ орудій.

Подполковникъ Ген.-Шт. Запольскій.

На юговостокъ, въ долину рѣки Ялу, къ границамъ Кореи былъ отправленъ отрядъ полковника Артамонова, взявшій городъ Фынхуанченъ.

21 октября, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, въ Мукденѣ произошло торжественное братаніе русскихъ отрядовъ — Южно-Маньчжурскаго и Сѣверо-Маньчжурскаго, представителемъ котораго явился генералъ-лейтенантъ Каульбарсъ, пріѣхавшій изъ Сѣверной Маньчжуріи съ небольшимъ отрядомъ. На площади Богдыханскаго дворца, передъ собранными войсками, генералъ Каульбарсъ сказалъ горячую рѣчь, въ которой описалъ заслуги русскихъ доблестныхъ войскъ, въ два мѣсяца прошедшихъ всю Маньчжурію и занявшихъ главнѣйшіе города, и передалъ привѣтъ отъ Сѣверныхъ отрядовъ—Южно-Маньчжурскому.

Въ отрядѣ генерала Каульбарса переводчикомъ китайскаго языка состоялъ шт. кап. Россовъ, служившій ранѣе на Квантунѣ—одинъ изъ тѣхъ русскихъ самородковъ, которые сами родятся, сами учатся, сами трудятся и сами дѣлаютъ себѣ карьеру. По окончаніи Павловскаго училища онъ самъ просилъ назначить его въ одинъ изъ приамурскихъ батальоновъ, стоявшихъ въ Хабаровскѣ. Самъ хлопоталъ,

чтобы его командировали въ Пекинъ для изученія китайскаго языка, который онъ одолѣлъ въ два года. Послѣ занятія Портъ-Артура онъ оказался на Востокѣ единственнымъ русскимъ офицеромъ, знающимъ свободно китайскій языкъ, вслѣдствіе чего генералъ Суботичъ, бывшій въ то время начальникомъ Квантунскаго полуострова, назначилъ его своимъ дипломатическимъ чиновникомъ. Двадцатипятилѣтній дипломатъ не только самъ прекрасно справлялся съ китайцами на Квантунѣ, но даже успѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написать серьезную и дѣльную книгу „Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія“. Это было первое популярное сочиненіе о Квантунѣ, напечатанное въ 1900 г. въ „Новомъ Краѣ“ и затѣмъ изданное въ Портъ-Артурѣ отдѣльной книгой.

Штабсъ-капитанъ Россовъ.

Въ стычкѣ съ хунхузами въ Дагушанѣ, осенью 1900 года, Россовъ былъ раненъ.

Одной изъ самыхъ трудныхъ была экспедиція ротмистра гвардіи Ельца, извѣстнаго военнаго писателя. 23 сент. съ небольшимъ отрядомъ онъ отбилъ у боксеровъ гор. Юнпинфу. 14 октября Елецъ былъ командированъ для освобожденія католической миссіи въ Суншуцицзы, въ которой были осаждены китайскими войсками и боксерами епископъ Восточной Монголіи Абельсъ, 23 миссіонера и

3000 китайцевъ-христіанъ. Явившись на выручку, Елецъ самъ попалъ въ осаду, которую геройски выдерживалъ со своимъ отрядомъ 6 дней. Во время перестрѣлки Елецъ былъ тяжело раненъ три раза, ранены — храбрый подпор. Бунинъ — тяжело въ ногу, подпор. Пельгорскій, д-ръ Шрейбе и 26 солдатъ. 2 солдата убиты. 22 октября явился генералъ Церпицкій и освободилъ осажденныхъ.

Послѣ того какъ были заняты главнѣйшіе города Маньчжуріи: Цицикаръ, Гиринъ и Мукденъ и возстановленъ порядокъ въ окружающихъ мѣстностяхъ, былъ предпринятъ цѣлый рядъ походовъ въ горы и топи Маньчжуріи и въ степи Монголіи. Конецъ 1900 года, весь 1901 годъ и начало 1902 были посвящены этимъ труднымъ изнурительнымъ походамъ то по скаламъ, то по болотамъ, то по пескамъ, то въ жгучій зной, то въ леденящій морозъ. Главною цѣлью этихъ походовъ было—уничтожить остатки китайской арміи, продолжавшіе разорять страну, и разсѣять царство хунхузовъ, давнишній и злѣйшій бичъ Маньчжуріи. Эти хунхузы, состоявшіе изъ разбойниковъ и бездомныхъ бродягъ, гнѣздились въ восточныхъ горахъ Маньчжуріи, были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, наводили ужасъ на населеніе маньчжурскихъ городовъ и деревень, которыя они облагали данью, и безъ откупа не пропускали ни одного обоза на дорогѣ и ни одной джонки на рѣкѣ.

Трудныя и продолжительныя экспедиціи генераловъ Кондратовича, Церпицкаго и Каульбарса въ горы Маньчжуріи только разметали гнѣзда хунхузовъ, но не уничтожили ихъ. Нѣсколько тысячъ хунхузовъ и ихъ главный предводитель—60-лѣтній ханъ Ліуданьцзыръ (порусски: шесть дробинокъ) сдались русскимъ. Эсаулу Мадритову, прославившемуся своими набѣгами на хунхузовъ, было поручено командовать этой ордой плѣненныхъ хунхузовъ, которыхъ онъ посылалъ на разныя работы, на постройку Маньчжурской желѣзной дороги, употреблялъ для летучей почты, для исправленія дорогъ и пр. Сдавшіеся хунхузы оказались весьма старательными работниками на русской службѣ. Но тысячи ихъ еще скрываются въ лѣсахъ и скалахъ Маньчжуріи и предпочитаютъ болѣе легкій и вѣрный способъ добычи—грабежъ и насиліе.

Нѣтъ сомнѣнія, что когда русскія войска будутъ окончательно выведены изъ тѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Маньчжуріи, въ которыхъ они находятся въ настоящее время, то хунхузы тѣмъ самымъ не будутъ выведены и все въ Маньчжуріи останется попрежнему: хунхузы будутъ попрежнему грабить города и деревни и прежде всего жестоко накажутъ тѣ города, которые оказывали гостепріимство рус-

скимъ; хунхузы попрежнему будутъ нападать на обозы русскихъ купцовъ, на станціи и посты нашей желѣзной дороги, а при большей смѣлости—будутъ нападать и на наши поѣзда.

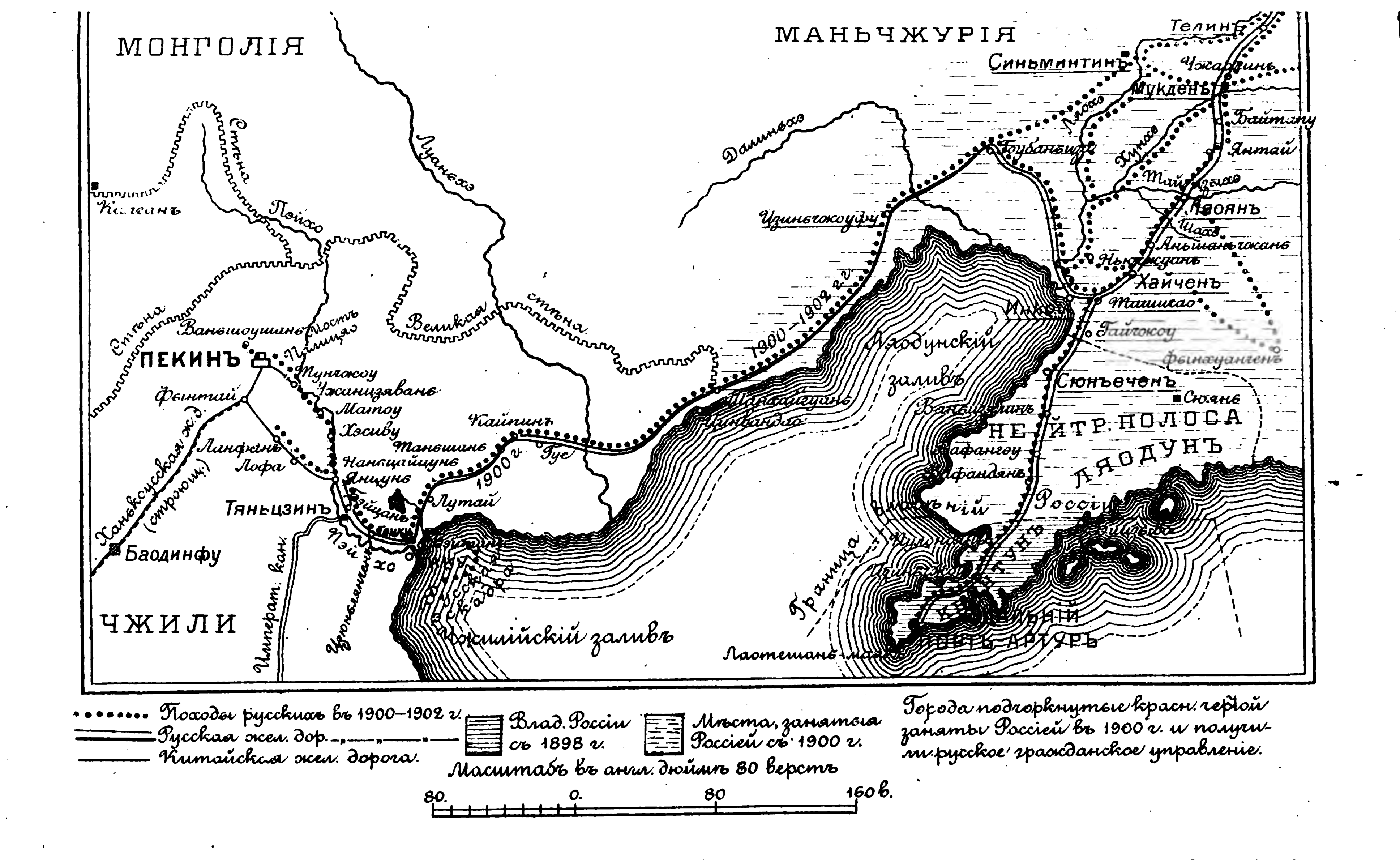
Втеченіе событій 1900 года Россія немедленно мобилизовала 98,000 солдатъ, т. е. въ 10 разъ больше того числа войскъ, которыя были присланы всѣми иностранными державами вмѣстѣ для освобожденія Пекина. Россія потеряла 2002 солдата ранеными, убитыми и пропавшими безъ вѣсти.

Россія исключительно своими силами, быстро собранными и направленными, произвела усмиреніе Маньчжуріи отъ Айгуна до Инкоу, отъ Монголіи до Кореи. Россія покрыла Маньчжурію не только величайшей желѣзнодорожной сѣтью, стоющей пока 500 милліоновъ русскихъ денегъ, но усѣяла ее также костями своихъ солдатъ и строителей дороги, погибшихъ во время смутъ.

Пусть же—кости этихъ русскихъ людей, покоящихся вѣчнымъ сномъ въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ маньчжурскихъ углахъ, всегда напоминаютъ, кому принадлежитъ первое право и будущее въ Маньчжуріи.

Русскія могилы въ Китаѣ.

МОНГОЛІЯ
МАНЬЧЖУРІЯ
ЧЖИЛИ
ПЕКИНЪ
Тяньцзинъ
Баодинфу
Синьминтинъ
Мукденъ
Телинъ
Ляоянъ
Хайченъ
Инкоу
Сюнъеченъ
Сюянь
Тайгоу
Байтапу
Янтай
Хайченъ
Ташицао
Далинхэ
Луанхэ
Пэйхо
Великая стѣна
Стѣна
Изинчжоуфу
Лутай
Кайпинъ
Гус
Шанхайгуань
Цинвандао
1900–1902 г.
1900 г.
Ляодунскій заливъ
Чжилийскій заливъ
НЕЙТР. ПОЛОСА
ЛЯОДУНЪ
Россія
Граница
Лаотешань-маякъ
ПОРТЪ-АРТУРЪ
Имперaт. кан.
Ханькоуская ж. д. (строющ.)
Фынтай
Линфанъ
Лофа
Хэсиву
Матоу
Тунчжоу
Янцунъ
Бэйцанъ
Ванцзялинъ
Вафангоу
Вафандянь
Голубань
Ляохэ
Походы русскихъ въ 1900–1902 г.
Русская жел. дор.
Китайская жел. дорога.
Влад. Россіи съ 1898 г.
Мѣста, занятыя Россіей съ 1900 г.
Города подчеркнутые красн. чертой заняты Россіей въ 1900 г. и получили русское гражданское управленіе.
Масштабъ въ англ. дюймѣ 80 верстъ
80. 0. 80 160 в.

Дворецъ предковъ Богдыхана и русскія палатки въ Мукденѣ

Перемиріе

Еще до занятія Мукдена, правитель Мукденской провинціи 'цзянцзюнь Цзэнъ Ци, испытанный другъ Россіи и неизмѣнный сторонникъ мира, порядка и законности, написалъ слѣдующее письмо къ адмиралу Алексѣеву, надѣясь этимъ письмомъ предотвратить походъ русскихъ войскъ на Мукденъ:

„Китай и Россія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій находились въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ и никогда не воевали другъ съ другомъ. Границы наши соприкасаются подобно тому, какъ соприкасаются губы съ зубами. Когда въ 1894 г. былъ нарушенъ нашъ миръ съ Японіей, то благодаря посредничеству почтеннаго государства (Россіи) состоялось примиреніе и до настоящаго времени все было спокойно. Нынѣшнимъ лѣтомъ появилось множество бунтовщиковъ-боксеровъ, которые убивали христіанъ, жгли и разрушали храмы и разоряли страну. Первоначально это не касалось почтеннаго государства. Въ то время было уже рѣшено между Инкоускимъ даотаемъ и русскимъ консуломъ въ Инкоу, что каждый самъ будетъ охранять своихъ согражданъ. Неожиданно бунтовщики-боксеры произвели безпорядки и невозможно было избѣжать столкновеній. Нынѣ уже изловлено и казнено нѣсколько десятковъ боксеровъ и въ настоящее время страна отъ нихъ очищена. Ввиду сего и принимая во вниманіе, что великая держава Россія издавна находилась въ мирѣ съ Китаемъ, я смѣю надѣяться, что согласно

съ заповѣдями небесной добродѣтели возможно будетъ прекратить военныя дѣйствія и остановить наши войска тамъ, гдѣ они находятся теперь, приказавъ имъ не идти далѣе, дабы охранять населеніе и избѣжать дальнѣйшихъ человѣческихъ жертвъ.

„Что касается желѣзной дороги, то вѣдь первоначальныя цѣли ея торговыя. Поэтому, если населеніе оставитъ свои земли, то отъ этого пострадаетъ благосостояніе края и будетъ причиненъ ущербъ торговлѣ. Гораздо лучше прекратить войну и возвратиться къ добру и миру.

„Теперь до меня дошли слухи, что въ Пекинѣ уже начались переговоры о мирѣ, и не сегодня—завтра онъ будетъ заключонъ. Поэтому надѣюсь, что вы, почтенный адмиралъ, прикажете войскамъ вашимъ прекратить военныя дѣйствія въ ожиданіи заключенія мира и возвращенія къ давнишнимъ добрымъ отношеніямъ. Съ пожеланіями всего лучшаго ожидаю отвѣта.

„Цзянцзюнь Цзэнъ Ци“ (Переводъ письма на русскій языкъ сдѣланъ Ливачаномъ).

Адмиралъ Алексѣевъ написалъ цзянцзюню Цзэнъ Ци слѣдующій отвѣтъ, посланный 4 сентября 1900 года:

„1 сентября я получилъ ваше сообщеніе, въ которомъ вы просили о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Я глубоко сожалѣю, что боксерское возстаніе привело къ нарушенію мира и искренно желаю возстановленія дружескихъ отношеній.

„Китайскіе солдаты не только не усмиряли мятежниковъ, но самовольно начали военныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ и тѣмъ самымъ вызвали нарушеніе мира.

„Войска наши были посланы исключительно для охраны нашихъ подданныхъ, посему для прекращенія военныхъ дѣйствій необходимо, чтобы намъ былъ открытъ безпрепятственный доступъ въ Мукденъ и во всѣ крѣпости, форты, импани и другія укрѣпленныя мѣста провинціи, а равнымъ образомъ, чтобы выданы были всѣ имѣющіяся у вашихъ войскъ ружья и пушки и переданы всѣ арсеналы и военные склады. Кромѣ того вы должны помогать нашимъ войскамъ при наймѣ рабочихъ и подводъ, закупкѣ продовольствія и фуража и вообще содѣйствовать установленію добрыхъ къ намъ отношеній и довѣрія со стороны населенія подвѣдомственной вамъ провинціи. Въ такомъ случаѣ съ нашей стороны мы будемъ оказывать вашимъ властямъ полную поддержку въ защитѣ мирнаго населенія. умиротвореніи и управленіи краемъ для обоюдной пользы и блага.

„Адмиралъ Алексѣевъ“.

Черезъ десять дней адмиралъ Алексѣевъ обратился съ новымъ письмомъ, адресованнымъ цзянцзюню и китайскимъ министрамъ въ Мукденѣ:

„Въ отвѣтъ на сообщеніе ваше отъ 31 августа (20 числа 8 мѣсяца) считаю долгомъ увѣдомить, что условія, на коихъ Россійское Правительство согласно прекратить военныя дѣйствія, уже

Мукденскій цзянцзюнь Цзэнъ Ци.

изложены въ отвѣтномъ сообщеніи моемъ отъ 4-го сентября. Считаю долгомъ присовокупить, что Россійское Правительство не питаетъ никакой вражды къ Китаю и попрежнему проникнуто къ нему лучшими доброжелательными чувствами, а равно желаніемъ содѣйствовать правительству Его Величества Богдыхана въ скорѣйшемъ возстановленіи спокойствія. Тѣмъ не менѣе событія въ Маньчжуріи ознаменовались повсемѣстнымъ разрушеніемъ желѣзнодорожнаго пути и бомбардировкою нашихъ городовъ, что обязывало насъ для защиты русскихъ подданныхъ и охраны желѣзной дороги принимать

всѣ мѣры и отправить свои войска вдоль Маньчжурской желѣзной дороги, дабы не рисковать снова громадными капиталами, которые затрачиваются на ея постройку.

„Ожидаю отвѣта отъ вашего превосходительства, который прошу переслать мнѣ черезъ генерала Суботича.

„Адмиралъ Алексѣевъ".

Согласно послѣднему письму адмирала Алексѣева, цзянцзюнь Цзэнъ Ци написалъ слѣдующее письмо генералу Суботичу (переводъ Ливачана):

„Вчера я имѣлъ честь послать вамъ, почтенный цзянцзюнь, письмо, которое, надѣюсь, будетъ вамъ доставлено.

„Въ настоящее время, при пожеланіи вамъ добраго здоровья, имѣю честь сообщить вамъ, что ввиду безпорядковъ, учиненныхъ злонамѣренными ихэцюанями-боксерами, въ краѣ объявлено военное положеніе. Все это не отвѣчало намѣреніямъ и желаніямъ нашего Императора, начальствующихъ лицъ, жителей и купцовъ. Виною всему боксеры. Ради добрыхъ отношеній, существующихъ болѣе 200 лѣтъ между обоими нашими государствами, я никогда не допускалъ мысли, что такая вѣковая дружба можетъ быть нарушена или потеряна. Поэтому я неоднократно обращался къ вамъ съ просьбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій. До прихода русскихъ войскъ въ столицу—Мукденъ я поддерживалъ спокойствіе народа, и приказалъ остановить всякія военныя дѣйствія. По общему обычаю, мы должны были выѣхать изъ столицы и ждать дальнѣйшихъ переговоровъ — съ горькимъ чувствомъ жалости о всемъ происшедшемъ. Навѣрное вы, почтенный цзянцзюнь, ваши чиновники и, наконецъ, всѣ жители Мукденской провинціи

Ротмистръ Елецъ.

знали о моемъ искреннемъ желаніи прекратить всякія враждебныя дѣйствія другъ противъ друга. Я слышалъ, что вы, почтенный цзянцзюнь, по пріѣздѣ въ Мукденъ, командировали солдатъ для охраны Императорскихъ могилъ и дворца, а также вы успокоили мѣстныхъ купцовъ и жителей, которые занимаются теперь своимъ дѣломъ тихо и спокойно. При этомъ вы не позволяли солдатамъ брать у жителей что бы то ни было, и даже никто изъ жителей не былъ убитъ или ограбленъ. Такія высоконравственныя распоряженія и заботливость не только въ нашъ вѣкъ, но очень рѣдко встрѣчаются даже въ старину, у знаменитыхъ полководцевъ. За это я глубоко тронутъ и признателенъ. Также я очень благодаренъ вамъ за то, что вы — хотя мнѣ это весьма совѣстно — нѣсколько разъ посылали ко мнѣ людей, чтобы я возвратился въ столицу. Ввиду этого я надняхъ

Капитанъ Массальскій и саперы 17-го Сапернаго батал. въ маньчжурской деревнѣ.

командировалъ чиновниковъ въ Мукденъ съ моими предложеніями относительно мирныхъ переговоровъ для представленія вашему превосходительству, но до сихъ поръ я не получилъ отъ нихъ никакого отвѣта.

„Вслѣдствіе разграбленія населенія бѣжавшими солдатами и хунхузами, необходимо принять теперь же мѣры къ преслѣдованію ихъ, чтобы дать возможность жителямъ мирно продолжать свою обыденную жизнь.

„14-го числа я прибылъ въ Синьминтинъ и получилъ письмо отъ адмирала Алексѣева, который сообщилъ мнѣ, что Мукденскую

провинцію предположено возвратить Китаю по примѣру Пекина и Чжилійской провинціи, и настаивалъ, чтобы я, цзянцзюнь, и остальныя власти возвратились въ Мукденъ. 15-го числа я уже отвѣтилъ на это сообщеніе по телеграфу. Теперь я остаюсь жить на нѣсколько дней въ Синьминтинѣ и затѣмъ намѣренъ выѣхать въ Мукденъ для свиданія съ вами, такъ какъ надѣюсь получить отъ васъ добрые совѣты. Жду вашего почтеннаго отвѣта. Прилагаю при семъ мою визитную карточку.

„Командированный мною въ столицу Мукденъ для переговоровъ даотай Чжоу Мянь, какъ сообщаютъ, теперь выѣхалъ въ Портъ-Артуръ, но до сего времени я не имѣю о немъ никакихъ извѣстій, что меня крайне безпокоитъ. Въ настоящее время бѣжавшіе солдаты и разбойники бродятъ повсюду. Если ихъ теперь же не преслѣдовать, то жителямъ безусловно грозитъ смертельная опасность. Если даотай Чжоу Мянь не можетъ рѣшить вопросовъ о переговорахъ, то я, цзянцзюнь, прибуду въ Мукденъ для личныхъ переговоровъ съ вами. Покорнѣйше прошу объ этомъ сообщить адмиралу Алексѣеву. Если вы найдете возможнымъ, то благоволите сообщить по телеграфу въ Портъ-Артуръ

„Цзянцзюнь Цзэнъ Ци".

21 октября въ Портъ-Артуръ прибыли чиновники, командированные цзянцзюномъ для веденія предварительныхъ переговоровъ: даотай Чжоу Мянь—директоръ китайской Хэйлунцзянской лѣсной компаніи, поставляющей лѣсъ на Маньчжурскую желѣзную дорогу, переводчикъ Жуй Ань, служившій ранѣе при китайской миссіи въ Петербургѣ, и уѣздный начальникъ Цзянь Вэнь Си.

Послѣ того какъ, по Высочайшему повелѣнію, русскія войска были выведены изъ Пекина, Пекинское центральное правительство относилось съ такимъ довѣріемъ къ Россіи, что переговоры со своимъ цзянцзюнемъ въ Мукденѣ оно вело черезъ посредство адмирала Алексѣева, предложивъ цзянцзюню самостоятельно вести переговоры съ русскими властями о сдачѣ городовъ Россіи и о совмѣстномъ русско-китайскомъ управленіи въ Южной Маньчжуріи путемъ заключенія отдѣльнаго соглашенія.

Прибывшіе въ Портъ-Артуръ китайскіе чиновники привезли письмо цзянцзюня, который выражалъ сожалѣніе о случившемся, предлагалъ оказать свое содѣйствіе въ умиротвореніи страны и соглашался на всѣ условія, которыя будутъ угодны русскимъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ китайскіе посланцы подписали предварительное военное соглашеніе, выработанное по порученію

Дѣятели временнаго военнаго соглашенія Жуй Ань, И. Я. Коростовецъ и Чжоу Мянь
Сзади: П. Г. Тидеманъ, Цзянь Вэнь Си и поручикъ Вавиловъ.

вице-адмирала Алексѣева состоявшимъ при немъ дипломатическимъ чиновникомъ Коростовцомъ. Переговоры съ китайцами велись его секретаремъ Тидеманомъ. Соглашеніе заключалось въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Мукденскій цзянцзюнь является отвѣтственнымъ за сохраненіе мира и порядка въ странѣ, ему ввѣренной, и за правильный и безпрепятственный ходъ работъ по постройкѣ Маньчжурской желѣзной дороги.

2. Для охраненія порядка и спокойствія вдоль Маньчжурской желѣзной дороги будутъ расположены русскія войска, которымъ цзянцзюнь долженъ оказывать содѣйствіе.

3. Китайскія войска, виновныя въ разрушеніи желѣзной дороги и мятежѣ, должны быть распущены. Китайскіе арсеналы, орудія, оружіе, военные склады и запасы Мукденской провинціи передаются русскимъ военнымъ властямъ.

4. Всѣ крѣпости и военныя укрѣпленія должны быть срыты. Китайскіе военные склады, ненужные для потребностей русскихъ военныхъ властей, должны быть уничтожены.

5. Инкоу и другіе китайскіе города, въ которыхъ вводится русское гражданское управленіе, будутъ возвращены Китаю по мѣрѣ возстановленія въ краѣ порядка, по усмотрѣнію Русскаго Правительства.

6. Цзянцзюню предоставляется право образовать пѣшую и конную полицейскую стражу, безъ артилеріи, и ввести въ деревняхъ и селеніяхъ земскую вооружонную полицію.

7. При цзянцзюнѣ будетъ состоять русскій военный комиссаръ.

8. Вслучаѣ необходимости цзянцзюнь можетъ обращаться къ русскимъ военнымъ властямъ за содѣйствіемъ.

30 октября Чжоу Мянь и другіе уполномоченные китайскіе чиновники, въ сопровожденіи поручика 10-го Вост.-Сиб. С. полка Вавилова, уѣхали въ Синьминтинъ, для передачи и утвержденія цзянцзюнемъ означеннаго соглашенія. Въ Синьминтинѣ находился цзянцзюнь, его семья, мукденскіе министры и китайскія войска, бѣжавшіе туда передъ взятіемъ Мукдена.

13 ноября цзянцзюнь Цзэнъ Ци подписалъ конвенцію, которая явилась первымъ соглашеніемъ, заключоннымъ между русскими и китайскими властями въ Маньчжуріи послѣ нарушенія мира. Документъ этотъ, подписанный цзянцзюнемъ, былъ привезенъ въ Портъ-Артуръ поручикомъ Вавиловымъ.

Русско-Китайскія власти въ Ньючжуанѣ.
Штабсъ-капитанъ Грузинскій, Фанъ Шэу Юй, Гэнъ Инъ, русскіе и китайскіе офицеры.

Означенное соглашеніе, послужившее основаніемъ для дальнѣйшаго порядка вещей въ Южной Маньчжуріи въ теченіе первыхъ 18 мѣсяцевъ окупаціи, не было оглашено русскими властями. Китайскія власти однако опубликовали его въ Пекинѣ, послѣ чего оно было напечатано во всѣхъ заграничныхъ газетахъ.

Первымъ русскимъ военнымъ комиссаромъ при Мукденскомъ цзянцзюнѣ былъ назначенъ полковникъ Громбчевскій, гражданскій комиссаръ Квантунской области, извѣстный путешественникъ и изслѣдователь Центральной Азіи.

Китайскій офицеръ Чэнь Си Чанъ и русскій кореспондентъ въ Мукденѣ.

Цзянцзюнь Цзэнъ Ци вскорѣ вернулся въ Мукденъ и снова вступилъ въ управленіе ввѣренной ему провинціей. Съ этого времени началась совмѣстная энергичная работа русскихъ и китайскихъ властей, полная неизмѣннаго дружелюбія и взаимнаго довѣрія, по возстановленію порядка и мирной дѣятельности въ потрясенной Южной Маньчжуріи. Но насколько это дружелюбіе прочно и искренне—покажетъ будущее.

Несмотря на свой государственный умъ, вліяніе и искреннюю привязанность къ русскимъ — цзянцзюнь Цзэнъ Ци одинъ не въ состояніи держать въ своихъ рукахъ Южную Маньчжурію, и когда въ Мукденѣ вспыхнулъ мятежъ, цзянцзюнь былъ безсиленъ его подавить: онъ бѣжалъ и только русскіе снова вернули ему власть.

Пока въ Южной Маньчжуріи оставались русскія войска и населеніе знало надъ собой не безсильныхъ китайскихъ мандариновъ, а твердую русскую власть, оно оставалось спокойно, занималось мирнымъ трудомъ и вслучаѣ разбоевъ хунхузовъ обращалось къ покровительству русской силы, которой боялось и слушалось. Какъ

будетъ вести себя китайское населеніе, особенно бездомное, бродячее, уже искусившееся отъ грабежахъ и разбояхъ 1900 года. и что останется отъ только что выстроенной Маньчжурской желѣзной дорогой, по уходѣ русскихъ войскъ,—покажетъ будущее.

Даже положеніе самого Мукденскаго цзянцзюня Цзэнъ Ци на его посту не прочно. Несмотря на то, что онъ является однимъ изъ самыхъ дальновидныхъ и благоразумныхъ китайскихъ государственныхъ дѣятелей въ настоящее время, онъ однако не избѣжалъ опалы пекинскаго двора и даже лишенъ былъ должности и чиновъ. Только благодаря энергичному настоянію Россіи, за нимъ былъ сохраненъ постъ правителя Мукденской провинціи и впослѣдствіи возвращены всѣ чины и отличія.

14 ноября 1900 года, получивъ телеграмму о подписаніи военнаго соглашенія, адмиралъ Алексѣевъ телеграфировалъ цзянцзюню Цзэнъ Ци:

„Весьма радъ подписанію вами временнаго соглашенія. Сообщаю, что получилъ телеграмму отъ русскаго посланника въ Пекинѣ слѣдующаго содержанія: — Князь Цинъ и Ли Хунъ Чжанъ просятъ сообщить цзянцзюню, что ими полученъ указъ богдыхана о временномъ вступленіи его въ управленіе Мукденской провинціей.— Привѣтствую васъ, почтенный сановникъ, съ возвращеніемъ въ Мукденъ и твердо убѣжденъ, что общими стараніями намъ удастся сохранить взаимныя добрыя отношенія, существовавшія между нами до начала безпорядковъ въ Маньчжуріи“.

Конецъ

Казакъ на посту въ Маньчжуріи.

Русско-китайская дружба

Лейтенантъ Бурхановскій и его крестникъ-китаецъ на „Сисоѣ Великомъ“.

Желѣзный Императорскій Драконъ

Рисунки и портреты

ВЪ ТЕКСТѢ

I. Тяньцзинъ

II. Пекинъ

III. Мукденъ

Рисунки внѣ текста

Рисунки во всю страницу

---

8 ФОТОТИПІЙ: 7 рисунковъ художника **I. I. Смукровича** и 1 фототипія по японской фотографіи **„Войска Бѣлаго Царя въ рощахъ Богдыхана“.**

Указатель

собственныхъ именъ и китайскихъ названій

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО СКЛАДА

„Новый Край“

П. А. Артемьева,

Коммиссіонера Государственной и Синодальной типографій и Главнаго Морского Штаба.

Въ Портъ-Артурѣ и Дальнемъ.

У стѣнъ недвижнаго Китая . . . . ц. 8 р.

Д. Г. Янчевецкій. 1903 г.